

Н. И. КОСТОМАРОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

в жизнеописаниях ее главнейших деятелей

Николай Иванович Костомаров
История России в
жизнеописаниях ее главнейших
деятелей. Первый отдел
Серия «История России
в жизнеописаниях ее
главнейших деятелей», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137625

Аннотация

«История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» – классический труд одного из основоположников русской исторической мысли, Н.И.Костомарова (1817—1885). Неординарный для традиционной науки XIX века отбор сюжетов, своеобразная политическая концепция сделали «Историю» значительным общественным событием своего времени. Благодаря выдающемуся литературному таланту и стремлению быть исключительно внимательным к характерным деталям эпохи знаменитому историку, этнографу, писателю удалось создать и живописно изобразить целую галерею русских

исторических деятелей. Издание украшают более трех сотен редких иллюстраций.

Содержание

Выпуск первый:	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	37
Глава 4	61
Глава 5	113
Глава 6	155
Глава 7	195
Глава 8	244
Глава 9	271
Глава 10	310
Глава 11	326
Глава 12	374
Выпуск второй:	382
Глава 13	382
Глава 14	495
Глава 15	543
Глава 16	590
Глава 17	612
Глава 18	645
Глава 19	711
Глава 20	738
Выпуск третий:	840

Глава 21	840
Глава 22	862
Глава 23	907
Глава 24	982
Глава 25	1019
Глава 26	1066
Глава 27	1101
Глава 28	1112
Глава 29	1131
Глава 30	1147
Глава 31	1167

Николай Костомаров
ИСТОРИЯ РОССИИ В
ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ
ЕЕ ГЛАВНЕЙШИХ
ДЕЯТЕЛЕЙ

Первый отдел:
Господство дома
Св. Владимира

Выпуск первый:
X—XIV столетия

Глава 1
Князь Владимир Святой

Наша история о временах, предшествовавших принятию

христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать несомненной достоверности. Этому причиной то, что наши первые летописцы писали не раньше второй половины XI в. и о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X веках, за исключением немногих письменных греческих известий, не имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые, по своему свойству, подвергались вымыслам и изменениям. С достоверностью можно сказать, что, подобно всем северным европейским народам, и русский только с христианством получил действительные и прочные основы для дальнейшей выработки гражданской и государственной жизни, основы, без которых, собственно, для народа нет истории. С давних времен восточная половина нынешней Европейской России была населена народами племени чудского и тюркского, а в западной половине, кроме народов литовского и чудского племени, примыкавших своими поселениями к балтийскому побережью, жили славяне под разными местными названиями, держась берегов рек: Западной Двины, Волхова, Днепра, Припяти, Сожи, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днестра, Сулы, Десны, Оки с их притоками. Они жили небольшими общинами, которые имели свое средоточие в городах – укрепленных пунктах защиты, народных собраний и управления. Никаких установлений, связующих между собой племена, не было. Признаков государственной жизни мы не замечаем. Славяно-русские племена управлялись своими князьками, вели между

собой мелкие войны и не в состоянии были охранять себя взаимно и общими силами против иноплеменников, а потому часто были покоряемы. Религия их состояла в обожаании природы, в признании мыслящей человеческой силы за предметами и явлениями внешней природы, в поклонении солнцу, небу, воде, земле, ветру, деревьям, птицам, камням и т.п. и в разных баснях, верованиях, празднествах и обрядах, создаваемых и учреждаемых на основании этого обожаания природы. Их религиозные представления отчасти выражались в форме идолов, но у них не было ни храмов, ни жрецов; а потому их религия не могла иметь признаков повсеместности и неизменяемости. У них были неясные представления о существовании человека после смерти; замогильный мир представлялся их воображению продолжением настоящей жизни, так что в том мире, как и в здешнем, предполагались одни рабами, другие господами. Они чествовали умерших прародителей, считали их покровителями и приносили им жертвы. Верили они также в волшебство, т.е. в знание тайной силы вещей, и питали большое уважение к волхвам и волхвицам, которых считали обладателями такого знания; с этим связывалось множество суеверных приемов, как-то: гаданий, шептаний, завязывания узлов и тому подобного. В особенности была велика вера в тайное могущество слова, и такая вера выражалась в множестве заговоров, уцелевших до сих пор у народа. Сообразно такому духовному развитию было состояние их житейской умелости. Они умели

строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать ладьи и рыболовные снасти, возделывать землю, водить домашних животных, прясть, ткать, шить, готовить кушанья и напитки – пиво, мед, брагу, – ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты; на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами. Все познания их переходили от поколения к поколению, подвигаясь вперед очень медленно, но сношения с Византийской Империей и отчасти с арабским Востоком мало-помалу оказывали на русских славян образовательное влияние. Из Византии заходило к ним христианство. В половине IX века русские, после неудачного похода на Византию, когда буря истребила их суда, приняли крещение, но вслед за тем язычество опять взяло верх в стране; однако и после того многие из русских служили на службе византийских императоров в Греции, принимали там христианство и приносили его в свое отечество. В половине X века киевская княгиня Ольга приняла Св. Крещение. Все это, однако, были только предуготовительные явления. При князьях, так называемого Рюрика дома, господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и, до некоторой степени подчиняя их себе, объединяли; но их власть имела не государственные, а наезднические или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиною, шайкою удалцов, жадных к грабежу и убий-

ствам, составляли из охотников разных племен рать и делали набеги на соседей – на области Византийской Империи, на восточные страны прикаспийские и закавказские. Цель их была приобретение добычи. С тем же взглядом они относились и к подчиненным народам: последние присуждались платить дань; и чем более можно было с них брать, тем более брали; за эту дань бравшие ее не принимали на себя никаких обязательств оказывать какую-нибудь выгоду со своей стороны подданным. С другой стороны, князья и их дружинники, имея в виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь в жизнь плативших дань, ломать их обычаев и оставляли с их внутренним строем, лишь бы только они давали дани и поборы.

Такой варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которой из Византии – самой образованной в те времена державы – перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу.

Этот переворот совершен Владимиром, получившим наименование Святого, человеком великим по своему времени. К сожалению, жизнь его нам мало известна в подробностях, и летописи, сообщающие его историю, передают немало таких черт, в достоверности которых можно скорее сомневаться, чем принимать их на веру. Откидывая в сторону

все, что может подвергаться сомнению, мы ограничимся короткими сведениями, которые, при всей своей скудости, все-таки достаточно показывают чрезвычайную важность значения Владимира в русской истории.

Владимир был сын воинственного Святослава, киевского князя, который предпринял поход на хазар, господствовавших в юго-восточной России, взял их город Саркел на Дону, победил прикавказских народов: ясов и касогов, завоевал Болгарию на Дунае, но должен был после упорной защиты уступить ее греческому императору. На возвратном пути из Болгарии в Русь он был убит печенегами, народом тюркского племени. Будучи еще в детском возрасте, Владимир был призван новгородцами на княжение и уехал в Новгород вместе со своим дядей Добрыней, братом его матери Малуши, ключницы его бабки Ольги. По смерти Святослава между детьми его началось междоусобие. Киевский князь Ярополк убил брата своего, древлянского князя Олега. Владимир со своим дядей убежал в Швецию и возвратился в Новгород с чужеземной ратью. Вражда у них с Ярополком возникла оттого, что дочь князя полоцкого Рогнеда, которой руки просил Владимир, отказала ему такими словами: «не хочу разуть (разуть жениха – обряд свадебный; разуть – вместо выйти замуж) сына рабы», попрекнув его низостью происхождения по матери, и собиралась выходить за Ярополка. Владимир завоевал Полоцк, убил Рогволода, полоцкого князя, и женился насильно на Рогнеде. Вслед за тем он овладел

Киевом и убил своего брата Ярополка. Летописец наш изображает вообще Владимира жестоким, кровожадным и женолюбивым; но мы не можем доверять такому изображению, так как по всему видно, что летописец с намерением хочет наложить на Владимира-язычника как можно более черных красок, чтобы тем ярче указать на чудотворное действие благодати крещения, представить того же князя в самом светлом виде после принятия христианства.

С большею достоверностью можно принять вообще известие о том, что Владимир, будучи еще язычником, был повелителем большого пространства нынешней России и старался как о распространении своих владений, так и об укреплении своей власти над ними. Таким образом он повелевал новгородскою землею – берегами рек: Волхова, Невы, Меты, Луги, – землею белозерскою, землею ростовскою, землею смоленскою в верховьях Днепра и Волги, землею полоцкою на Двине, землею северскою по Десне и Семи, землею полян или киевскою, землею древлянскою (восточную часть Воыни) и вероятно, также западную Воынью. Радимичи, жившие на Сожи и вятичи, жители берегов Оки и ее притоков, хотели отложиться от подданства и были укрощены. Владимир подчинил дани даже отдаленных ятвягов, полудикий народ, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии. Не должно, однако, думать, чтобы это обладание имело характер государственный: оно ограничивалось собиранием дани, где можно было собирать ее, и такое соби-

рание имело вид грабежа. Сам Владимир укрепился в Киеве с помощью чужеземцев-скандинавов, называемых у нас варягами, и роздал им города, откуда со своими вооруженными дружинами они могли собирать дани с жителей.

В 988 году Владимир принял христианство. Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие его, рассказываются с баснословными чертами, которые вполне свойственны изустным преданиям, записанным уже довольно долгое время спустя после означенного события. Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческою царевною Анной, сестрою императоров: Василия и Константина. Крещение его, по всем вероятностям, происходило в Корсуне или Херсоне, греческом городе на юго-западном берегу Крыма; и оттуда Владимир привез в Киев первых духовных и необходимые принадлежности для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Днепре, отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство и христиане не составляли там незначительного меньшинства, а более всего оттого, что у русских язычников не было жреческого сословия, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота с языческой точки зрения и возбуждало бы толпу к сопротивлению. Самое древнее русско-славянское язычество не имело определенного характера, общего для всех, в смысле положительной религии, и состояло из мно-

жества суеверий и представлений, которые при невежестве и впоследствии легко уживались с наружным принятием христианства. Большинство вступало в новую веру и совершало обряд крещения, не понимая, что делает. Борьба язычества с христианством выражалась в продолжительном соблюдении языческих приемов жизни и сохранении языческих суеверий; такая борьба происходила многие века после Владимира: но она не мешала русскому народу принять крещение, в котором сначала он не видел ничего противного, потому что не понимал его смысла. Только постепенно и для немногих открывался действительно свет нового учения.

Владимир деятельно занимался распространением веры, крестил народ по землям, подвластным ему, строил церкви, назначал духовных. В самом Киеве он построил церковь Св. Василия и церковь Богородицы, так называемую «Десятинную», названную так оттого, что князь назначил на содержание этой церкви и духовенства ее десятую часть княжеских доходов. Для прочного укрепления новопринятой веры Владимир вознамерился распространить книжное просвещение и с этой целью в Киеве и в других городах приказал набирать у значительных домохозяев детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом на Руси, в каких-нибудь лет двадцать, возросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества

на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религией образованности, борцами за начала государственные и гражданские. Эта одна черта уже показывает во Владимире истинно великого человека: он вполне понял самый верный путь к прочному водворению начал новой жизни, которые хотел привить своему полудикому народу; и проводил свое намерение, несмотря на встречаемые затруднения. Летописец говорит, что матери, отпуская детей в школы, плакали о них, как о мертвых.

Владимир после крещения является чрезвычайно благодушным. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить злодеев и, хотя сначала согласился было на увещания корсунских духовных, находившихся около него в Киеве, но потом, с совета бояр и городских старцев, установил наказывать преступников только денежною пенею – вирую, по старым обычаям, рассуждая при этом, что такого рода наказание будет способствовать умножению средств для содержания войска.

Сохраняя племенную славянскую веселость, Владимир примирял ее с требованиями христианского благочестия. Он любил пиры и празднества, но пировал не с одними своими боярами, а хотел делиться своими утехами со всем народом – и со старыми и малыми; он отправлял пиршества преимущественно в большие церковные праздники или по случаю освящения церквей (что в то время было памятным событием). Он созывал народ отовсюду, кормил, поил всех пришед-

ших, раздавал неимущим потребное и, даже заботясь о тех, которые почему-нибудь сами не в состоянии были явиться на княжий двор, приказывал развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровождение времени не мешало ему, однако, воевать против врагов. Тогда Киевскую Русь беспокоили печенеги, народ кочевой и наезднический. Уже около столетия нападали они на русский край и при отце Владимира, во время его отсутствия, чуть было не взяли Киев. Владимир отразил их с успехом и, заботясь как об умножении ратной силы, так и об увеличении населения в крае, прилежащем Киеву, населял построенные им по берегам рек Сулы, Стугны, Трубежа, Десны города или укрепленные места переселенцами из разных земель не только русско-славянских, но и чудских. В 992 году он отнял у польского короля червенские города, нынешнюю Галицию и присоединил к Руси этот край, населенный хорватами, ветвью русско-славянского племени.

Перед концом жизни Владимир понес сильное огорчение: сын его Ярослав оказал непослушание отцу, и Владимир готовился идти на него. «Теребите путь и мостите мосты», – приказывал он; но смерть застигла его в этих сборах. Он умер 15 июля 1015 года в своем подгородном селе Берестове.

Глава 2

Киевский князь

Ярослав Владимирович

Княжение Ярослава может назваться продолжением Владимирова как по отношениям киевского князя к подчиненным землям, так и по содействию к расширению в Руси новых начал жизни, внесенных христианством.

Ярослав является в первый раз в истории мятежным сыном против отца. По известиям летописи, будучи на княжении в Новгороде в качестве подручника киевского князя, Ярослав собирал с новгородской земли три тысячи гривен, из которых две тысячи должен был отсылать в Киев к отцу своему. Ярослав не стал доставлять этих денег, и разгневанный отец собирался идти с войском наказывать непокорного сына. Ярослав убежал в Швецию набирать иноплеменников против отца. Смерть Владимира помешала этой войне. По соображениям с тогдашними обстоятельствами, можно, однако, полагать, что были еще более глубокие причины раздора, возникшего между сыном и отцом. Дети Владимира были от разных матерей.¹

¹ Одни летописные известия называют Ярослава сыном Рогнеды, но другие противоречат этому, сообщая, что Владимир имел от несчастной княжны полоцкой одного только сына Изяслава и отпустил Рогнеду с сыном в землю отца ее Рогволода; с тех пор потомки Рогнеды княжили особо в Полоцке, и между ними

Владимир пред кончиною более всех сыновей любил Бориса. Вместе со своим меньшим братом Глебом он в наших летописях называется сыном «болгарыни», а по другим, позднейшим, известиям – сыном греческой царевны. Наши историки, желая сочетать эти известия, полагали, что царевна, отданная в замужество за Владимира Святого, была не родная, а двоюродная сестра греческих императоров, дочь болгарского царя Петра. Была ли она двоюродная сестра Василия и Константина или же родная – до сих пор не решено,

и потомством Ярослава существовала постоянно родовая неприязнь, поддерживаемая преданиями о своих предках. Из рода в род переходило такое предание: приживши от Рогнеды сына Изяслава, Владимир покинул ее, увлекаясь другими женщинами. Рогнеда, из мщениия за своего отца и за себя, покусилась умертвить Владимира во время сна, но Владимир успел проснуться вовремя и схватил ее за руку в ту минуту, когда она заносила над ним нож. Владимир приказал ей одеться в брачный наряд, сесть в богато убранном покое и ожидать его: он собственноручно обещал умертвить ее. Но Рогнеда научила малолетнего сына своего Изяслава взять в руки обнаженный меч и, вышедши навстречу отцу, сказать: «Отец, ты думаешь, что ты здесь один!» Владимир тронулся видом сына: «Кто бы думал, что ты будешь здесь!» – сказал он и бросил меч, затем, призвавши «бояр», передал на их суд свое дело с женою. «Не убивай ее, – сказали бояре, – ради ее дитяти; возврати ей с сыном отчину ее отца». Так рассказывает предание, без сомнения, общераспространенное в древние времена. Внуки Рогволода, помня, по преданию, об этом событии, находились во враждебных отношениях к внукам Владимировна сына, Ярослава, которым, кроме полоцкой земли, оставшейся в руках потомков Рогволода с материнской стороны, досталась в княжение вся остальная русская земля. При существовании такого предания, подтверждаемого вековым обособлением полоцких князей от Ярославова рода, едва ли можно считать Ярослава сыном Рогнеды. Но, не будучи единоутробным братом полоцкого князя, уже при жизни Владимира отделенного, Ярослав не был единоутробным братом и других сыновей своего отца.

но, во всяком случае, очень вероятно, что Борис и Глеб были дети этой царевны, и Владимир, как христианин, оказывал им предпочтение перед другими сыновьями, считая их более законными по рождению, так как с их матерью он был соединен христианским браком, и они, кроме того, предпочтительно перед другими, имели право на знатность происхождения по матери от царской крови.

Владимир, разместивши сыновей по землям, держал близ себя Бориса, явно желая передать ему после себя Киевское княжество. Это, как видно, и вооружало против отца Ярослава, который летами был старше Бориса, но еще более вооружало это обстоятельство Святополка, князя, который был по летам старше Ярослава. В летописи Святополк признается сыном монахини гречанки, жены Ярополка, которую Владимир взял себе после брата, как говорят, беременною, и потому неизвестно, был ли Святополк сын Ярополка или Владимира; но в том или в другом случае Святополк по возрасту был старше всех прочих сыновей Владимира. Смерть не допустила Владимира до войны с сыном. Бориса в то время не было в Киеве: он был отправлен отцом на печенегов. Бояре, благоприятствовавшие Борису, три дня скрывали смерть Владимира, вероятно, до того времени, пока может возвратиться Борис, но, не дождавшись Бориса, должны были похоронить Владимира. Святополк дарами и ласкательством расположил к себе киевлян; они признали его киевским князем: хотя старшинство рождения давало ему пра-

во на княжение, но нужно было еще утвердить его и народным согласием, особенно в такое время, когда существовали другие соискатели. Положение его, однако, и при этом было неустойчиво. Купленное расположение киевлян могло легко измениться. Дети христианской царевны имели перед ним нравственное преимущество, могли, кроме того, призвать чужеземцев, и особенно Борис мог, во всяком случае, быть для него опасным соперником. Святополк избавился от обоих, подославши тайных убийц. Борис был умерщвлен на берегах Альты, близ Переяславля; Глеб – на Днепре, близ Смоленска. Такая же участь постигла и третьего брата Святослава Древлянского, который, услышав об опасности, бежал в Венгрию, но был настигнут в Карпатских горах и убит. Двое первых впоследствии причислены к лику святых: описание их смерти послужило предметом риторических повествований. Эти князья долго считались покровителями княжеского рода и охранителями русской земли, так что многие победы русских над иноплеменниками приписывались непосредственному вмешательству Святых сыновей Владимира. Третий брат Святослав не удостоился такой чести, вероятно, оттого, что первых возвысило в глазах церкви рождение от матери, принесшей с собой христианство в русскую землю.

Ярослав, ничего не зная о смерти отца, привел в Новгород варягов и расставил их по дворам.² Пришельцы начали бес-

² Варягами (Varingiar) назывались жители скандинавских полуостровов, служившие у византийских императоров и переходившие из отечества в Грецию че-

чинствовать; составился против них заговор, и последовало избиение варягов во дворе какого-то Поромони. Ярослав, в отмщение за это, зазвал к себе в Раком (близ Новгорода, за Юрьевым монастырем) зачинщиков заговора под видом угощения и приказал перебить. В следующую ночь за тем пришло ему из Киева известие от сестры Предславы о смерти отца и об избиении братьев. Тогда Ярослав явился на вече (народная сходка), изъявлял сожаление о своем вероломном поступке с новгородцами и спрашивал: согласятся ли ему помочь. «Хотя, князь, ты и перебил нашу братию, но мы можем за тебя бороться», – отвечали ему. Новгородцам был расчет помогать Ярославу; их тяготила зависимость от Киева, которая должна была сделаться еще тягостнее при Святополке, судя по его жестокому нраву; новгородцев оскорбляло и высокомерное поведение киевлян, считавших себя их господами. Они поднялись за Ярослава, но вместе с тем поднялись и за себя, и не ошиблись в расчете, так как впоследствии Ярослав, обязанный им своим успехом, дал им льготную грамоту, освобождавшую их от непосредственной власти Киева и возвращавшую Новгороду с его землею древнюю самобытность.

рез русские земли водяным путем по рекам от Балтийского моря до Черного. Так как русские в образе этих людей познакомились с скандинавами, то перенесли их сословное название на название вообще обитателей скандинавских полуостровов, а впоследствии это название расширилось в своем значении, и под именем варягов стали разуметь вообще западных европейцев, подобно тому, как в настоящее время простой народ называет всех западных европейцев немцами.

Ярослав выступил в поход против киевского князя в 1016 году с новгородцами, которых летописец считает до 40000; с ним было также до 1000 варягов под начальством Эймунда, сына норвежского князя Ринга. Святополк выступил против него осенью с киевлянами и печенегам. Враги встретились под Любечем и долго (по летописям, три месяца) стояли друг против друга на разных берегах Днепра; ни те, ни другие не смели первые перебраться через реку; наконец киевляне раздражили новгородцев презрительными насмешками. Святополков воевода, выехавши вперед, кричал: «Ах вы, плотники этакие, чего пришли с этим хоромцем (охотником строить); вот

мы заставим вас рубить нам хоромы!» – «Князь, – закричали новгородцы, – если ты не пойдешь, то мы сами ударим на них», – и они перевезлись через Днепр. Ярослав, зная, что один из воевод киевских расположен к нему, послал к нему ночью отрока и приказал сказать ему такого рода намек: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много». Киевлянин отвечал: «Хотя меду мало, а дружины много, но к вечеру нужно дать». Ярослав понял, что следует в ту же ночь сделать нападение, и двинулся в битву, отдавши такой приказ своей дружине: «Повяжите свои головы платками, чтобы отличать своих!» Святополк заложил свой стан между двумя озерами и, не ожидая нападения, всю ночь пил и веселился с дружиною. Новгородцы неожиданно ударили на него. Печенеги стояли за озером и не могли помочь Святополку. Нов-

городцы притиснули киевлян к озеру. Киевляне бросились на лед, но лед был еще тонок, и многие потонули в озере. Разбитый Святополк бежал в Польшу к своему тестю Болеславу, а Ярослав вступил в Киев.

Болеслав, прозванный Храбрым, стремился к расширению своих польских владений. Он увидел благоприятный случай вмешаться в междоусобия русских князей для своих выгод и в 1018 году пошел вместе со Святополком на Ярослава. Ярослав, предупреждая врагов, двинулся против них на Воынь и встретился с ними на берегах Буга. Тут опять повторился русский обычай поддразнивать врагов. Кормилец и воевода Ярославов, Будый, езда по берегу, кричал, указывая на Болеслава: «Вот мы тебе щепкою проколем череву твою толстую». Не стерпел такого оскорбления храбрый Болеслав: «Если вас не трогает такой укор, – сказал он своим, – я один погибну», – и бросился вброд через Буг, а поляки за ним. Ярослав не был готов к бою, не выдержал напора и убежал с четырьмя из своих людей в Новгород.

Болеслав овладел Киевом, не возвратил его Святополку, а засел в нем сам и приказал развести свою дружину по городам. Киев представлял много привлекательного для завоевателей. Дань с подчиненных русских земель обогащала этот город; торговля с Грецией и Востоком скопляла в нем произведения тогдашней образованности. Жить в нем было весело. Болеслав хотел, пребывая в Киеве, править своим государством и отправлял оттуда посольства в Западную и Во-

сточную империю. Но такое поведение скоро раздражило как Святополка, так и киевлян. Святополк очутился в своем княжении подручником иноземного государя, а поляки начали обращаться с киевлянами, как господа с рабами. Тогда, с согласия Святополка, русские начали избивать поляков. Расставленные по городам, поляки не в силах были помогать друг другу. Болеслав убежал, но успел захватить с собою княжеское имущество и сестер Ярославовых. Он прежде сватался за одну из сестер Ярослава, Предславу, но, получив отказ, в отмщение взял ее теперь к себе насильно.

Тем временем Ярослав, прибежавши впопыхах в Новгород, хотел бежать дальше, за море. Но бывший тогда новгородским посадником Коснятин, сын Добрыни, не пустил его и велел разрубить лодки; новгородцы кричали: «Будем еще биться за тебя с Болеславом и Святополком». Наложили поголовную подать, с каждого человека по четыре куны; но старосты платили по 10 гривен, а бояре по восемнадцати, наняли варягов, собрали многочисленную рать и двинулись на Киев.³

Святополк, освободившись от Болеслава вероломным образом, не мог уже более на него надеяться. Не в силах будучи

³ Куна, первоначально куница; куний мех, так как меха были мерилom ценности вещей, отсюда слово «куна» стало означать монетную единицу. Гривна – собственно весовая единица, но в перенесении понятия сделалась крупной монетной единицей вроде английского фунта стерлингов. Первоначально гривна серебра – фунт, потом, уменьшаясь – около полфунта, гривна кун приблизительно в семь с половиной раз менее гривны серебра.

удержать Киев, Болеслав все-таки захватил червенские города, отнятые от Польши Владимиром. Святополк обратился к печенегам: на помощь киевлян, как видно, он также не рассчитывал. Ярослав стал на берегу Альты, на том месте, где был убит брат его Борис. Там, в одну из пятниц 1019 года, на восходе солнца, произошла кровавая сеча. Святополк был разбит и бежал. По известиям нашей летописи, на него нашел какой-то безумный страх; он так расслаб, что не мог сидеть на коне и его тащили на носилках. Так достиг он Берестья (Брест). «Бежим, бежим, за нами гонятся!» – кричал он в беспомощности. Бывшие с ним отроки посылали проведать, не гонится ли кто за ними; но никого не было, а Святополк все кричал: «Вот, вот, гонятся, бежим!» – и не давал остановиться ни на минуту; и забежал он куда-то «в пустыню между чехов и ляхов» и там кончил жизнь. «Могила его в этом месте и до сего дня, – говорит летописец, – и из нее исходит смрад».⁴ Память Святополка покрылась позором между потомками, и прозвище «Окаянного» осталось за ним в истории.

Ярослав сел на столе в Киеве и должен был выдержать борьбу и с другими родичами.⁵ Полоцкий князь Брячислав,

⁴ По скандинавским известиям, Святополк погиб в пределах Руси, убитый варягами.

⁵ С этих пор о вступающем на княжение князе почти всегда в летописях говорится, что «он сел на стол». Выражение это согласовывалось с обрядом: нового князя действительно сажали на стол в главной соборной церкви, что и знаменовало признание его князем со стороны земли.

сын брата его Изяслава, в 1021 году напал на Новгород, ограбил, взял в плен многих новгородцев и ушел к Полоцку; но Ярослав догнал его на реке Судомири, отбил новгородских пленников, отнял награбленное в Новгороде, но потом помирился с ним, уступив ему во владение Витебск и Усвят.

В 1023 году Ярославу пришлось бороться с братом Мстиславом. Этот князь, по древним известиям, плотный телом, краснолицый, с большими глазами, отважный в битве, щедрый к дружине, получил от отца удел в отдаленной Тмутаракани, прославился своей богатырской удаleyю и в особенности единоборством с касожским князем Редедю, которое долго помнилось на Руси и составляло один из любимых предметов старинных песнопений. Русские, владея тмутараканской страной, часто воевали с соседями своими касогами. Князь касожский, по имени Редедя, предложил Мстиславу единоборство с тем, чтоб тот из них, кто в борьбе останется победителем, получил имущество, и жену, и детей, и землю побежденного. Мстислав принял предложение. Редедя был исполинского роста и необыкновенный силач; Мстислав изнемогал в борьбе с ним, но взмолился к Пресв. Богородице и дал обет построить во имя ее церковь, если одолеет своего врага. После того он собрал все силы свои, повалил Редедю на землю и зарезал ножом. По сделанному условию, Мстислав после тоу овладел его имуществом, женою, детьми и наложил на касогов дань, а в благодарность Пресв. Богородице, оказавшей ему в минуту опасности помощь свыше,

построил храм во имя ее в Тмутаракани. Этот-то князь-богатырь поднялся на своего брата Ярослава с подчиненными ему касогами и призвал на помощь хазар. Сначала он, пользуясь отъездом Ярослава в Новгород, хотел было овладеть Киевом, но киевляне его не приняли; насильно покорять их он, как видно, не хотел или не мог. Ярослав пригласил из-за моря варягов. Достоинно замечания, что почти всегда в междоусобиях князей этого времени они принуждены были приглашать каких-нибудь чужеземцев. Так было и теперь. Приглашенными варягами предводительствовал Якун (Гакон), который оставил по себе на Руси память тем, что на нем был плащ, затканый золотом. Ярослав и Мстислав вступили в бой в северской земле близ Листвена. Была ночь и страшная гроза. Бой был жестокий. Мстислав выставил против варягов северян; варяги одолевали северян, но бросился на варягов отважный князь Мстислав со своею удалою дружиною – и побежали варяги; Якун потерял даже свой золототканый плащ. Утром, обозревая поле битвы, Мстислав говорил: «Ну как этому не порадоваться! Здесь лежит варяг, там северянин, а своя дружина цела!» Русские князья еще долго проявляли свое древнее значение предводителей воинственных шаек, и только принятое христианство мало-помалу преобразовало их в земских правителей.

Победитель не стал более вести войны с братом. Он послал Ярославу, забежавшему в Новгород, такое слово: «Ты, старейший брат, сиди в Киеве, а мне пусть будет левая сто-

рона Днепра!» Ярослав должен был согласиться. Мстислав избрал себе столицей Чернигов и заложил там церковь Св. Спаса. С тех пор братья жили между собою душа в душу и в 1031 году, пользуясь слабостью преемника Болеслава Храброго, Мечислава, возвратили отнятые Болеславом червенские города (Галичину); тогда Ярослав привел из Польши много пленников и поселил их у себя по берегам Роси; Мстиславу также достались пленники для поселения в своем уделе. Таким образом в народонаселение киевской земли вливалась, между прочим, польская народная стихия.

В 1036 году Мстислав умер, выехавши на охоту. Он не оставил по себе детей. Удел его достался Ярославу, и с тех пор киевский князь остался до смерти единым властителем русских земель, кроме полоцкой. Был, кроме него, в живых еще один сын Владимира Святого, Судислав, живший в Пскове, но Ярослав по какому-то оговору, тотчас по смерти Мстислава, засадил его в тюрьму в том же Пскове, и несчастный сидел там безвыходно до кончины Ярослава. В Новгороде сначала Ярослав сам часто наезжал и жил там подолгу, а в отсутствии своем управлял через посадников. Коснятин, сын Добрыни, не пустивший Ярослава бежать за море, впоследствии подвергся его гневу, был сослан в Ростов, а потом убит в Муроме. В 1038 году Ярослав посадил в Новгород сына своего Владимира, а после его смерти в 1052 году посажен был сын Ярослава Изяслав, и с тех пор в Новгороде постоянно уже были особые князья; преимущественно же в первое

время выбирались старшие сыновья киевского князя.

Ярослав расширял область русского мира подчинением новых земель. Кроме приобретения червенских городов от Польши, он счастливо воевал с Чудью и в 1030 году основал в чудской земле город Юрьев, названный таким образом по христианскому имени Ярослава, нареченного Юрием в крещении. В 1038 и 1040 годах он предпринимал походы на ятвягов и Литву и заставил их платить дань. Червенские города все еще составляли спорную область между Польшей и Русью, но Ярослав укрепил их за Русью тем, что помирился и породнился с польским князем Казимиром. Ярослав отдал за него сестру свою. Казимир возвратил вместо вена⁶ восемьсот русских пленных, некогда захваченных Болеславом: в те времена очень дорожили людьми по скудости рук, необходимых для обработки полей и для защиты края. По всем вероятностям, в это время Казимир уступил русскому великому князю окончательно и червенские города, а за то Ярослав пособил ему подчинить себе Мазовию. Не так счастливо кончилась у Ярослава морская война с Грецией, последняя в русской истории. Раздор произошел по поводу ссоры между русскими купцами и греками, во время которой убили одного русского. Ярослав в 1043 году отправил против Византии сына своего Владимира и воеводу Вышату, но буря разбила русские суда и выбросила на берег Вышату с ше-

⁶ Плата, даваемая женихом родителям или братьям невесты по древнему обычаю.

стью тысячами воинов. Греки окружили их, взяли в плен и привели в Царьград. Там Вышате и многим русским выкололи глаза. Но Владимир на море счастливо отбил нападение греческих судов и воротился в отечество. Через три года заключен был мир; слепцов отпустили со всеми пленными, а в утверждение мира греческий император Константин Мономах отдал дочь свою за сына Ярославова Всеволода. Это было не одно родство Ярослава с иноземными государями своего времени. Одна дочь его, Елисавета, была за норвежским королем Гаральдом, который даже оставил потомству стихотворение, в котором, воспевая свои бранные подвиги, жаловался, что русская красавица холодна к нему. Другая дочь, Анна, вышла за французского короля Генриха I и в новом отечестве присоединилась к римско-католической церкви, тогда еще только что отпавшей от единения с восточною. Сыновья Ярослава (вероятно, Вячеслав и Святослав) были женаты на немецких княжнах.

Ярослав более всего оставил о себе память в русской истории своими делами внутреннего устройства. Недаром во время борьбы со Святополком киевляне называли его «хоромцем», охотником строить. Он действительно имел страсть к сооружениям. В 1037 году напали на Киев печенегы. Ярослав был в Новгороде и поспешил на юг с варягами и новгородцами. Печенегы огромною силою подступили к Киеву и были разбиты наголову. (С тех пор уже набеги их не повторялись. Часть печенегов поселилась в русской земле, и мы в

последующие времена видим их наравне с русскими в войсках русских князей.) В память этого события создана была Ярославом церковь Св. Софии в Киеве на том месте, где происходила самая жестокая сеча с печенегами.

Храм Св. Софии построен был греческими зодчими и украшен греческими художниками. Несмотря на все последующие перестройки и пристройки, храм этот до сих пор может служить образцом византийского зодчества того времени не только на Руси, но и во всей Европе. У нас это единственное здание XI века, сохранившееся сравнительно в большей целости. В первоначальном своем виде это было продолговатое каменное здание, сложенное из огромных кирпичных плит и отчасти дикого камня; оно длиною в пятьдесят два аршина и шириною около семидесяти шести аршин. Вышина его была от шестидесяти до семидесяти аршин. На северной, западной и южной сторонах сделаны были каменные хоры, поддерживаемые толстыми столбами с тремя арками внизу и вверху на южной и северной сторонах; алтарь троечастный, полукруглый, с окнами, а рядом с ним было два придела. Здание освещалось пятью куполами, из которых самый большой приходился над серединой церкви, а четыре над хорами. Алтарные стены, алтарные столбы и главный купол были украшены мозаикой, а прочие стены стеной живописью.⁷ Снаружи церковь была обведена папер-

⁷ В настоящее время от прежней мозаики осталось на главном алтарном своде изображение Богородицы с поднятыми руками, а внизу на той же стене часть

тью, из которой на двух сторонах: южной и северной, шли две витые лестницы на хоры. Эти лестницы были расписаны изображениями разных случаев из светской жизни, как-то: княжеской охоты, княжеского суда, народных увеселений и т.п. (фрески эти существуют и до сих пор, хотя несколько подправленные).

Кроме Св. Софии, Ярослав построил в Киеве церковь Св. Ирины (теперь уже не существующую), монастырь Св. Георгия, распространил Киев с западной стороны и построил так называемые Золотые Ворота с церковью Благовещения над ними. По его повелению, в Новгороде, сын его Владимир в 1045 году воздвиг церковь Св. Софии в Новгороде, по образцу киевской, хотя в меньших размерах. Церковь эта сделалась главною святынею Новгорода.

Время Ярослава ознаменовалось распространением христианской религии по всем русским землям. Тогда уже выросло поколение тех детей, которых Владимир отдавал в книжное учение. Ярослав в этом отношении продолжал дело своего отца; по крайней мере, мы имеем известие, что он в Новгороде собрал 300 детей у старост и попов и отдавал

Тайной Вечери, а еще ниже под нею часть изображений разных святых. На алтарных столбах изображение Благовещения: на левой стороне Ангел с ветвью, а на противоположном столбе прядущая Богородица. Кроме того, уцелела часть мозаики в куполе. Древняя стенная живопись в XVII веке была заштукатурена, и на штукатурке нарисованы были другие изображения, в XIX столетии новая штукатурка была отбита, открыта старая и подправлена, но не совсем удачно и в некоторых местах слишком произвольно.

их «учиться книгам». В суздальской земле в 1024 году сам Ярослав боролся против язычества. Сделался в этой стране голод. Волхвы научали людей, будто старые бабы скрывают в себе жито и всякое обилие. Народ волновался, и несколько женщин было убито. Ярослав прибыл в Суздаль, казнил волхвов, их соумышленников засадил в тюрьмы и поучал народ, что голод происходит от кары Божией, а не от чародейства старых баб. Христианство сильнее стало распространяться в этой земле между Мерею. Всего глубже пустила свои корни новая вера в Киеве, и потому там строились один за другим монастыри. Умножение епископских кафедр потребовало установления главной кафедры над всеми, или митрополии. Ярослав положил начало русской митрополии вместе с основанием Св. Софии. Первым митрополитом при нем является Феопемпт, освящавший в 1039 году Десятинную церковь, вновь перестроенную Ярославом. В 1051 году, вместо Феопемпта, поставлен был собором русских епископов Иларион, родом русский, человек замечательно ученый по своему времени, как показывает оставшееся от него сочинение «о благодати и законе». Сам Ярослав любил чтение и беседы с книжными людьми: он собрал знатоков и поручил переводить с греческого на русский язык разные сочинения духовного содержания и переписывать уже переведенные; таким образом составила библиотека, которую Ярослав приказал хранить в Св. Софии. Киевский князь, как видно, имел намерение освятить в глазах народа свой кня-

жеский род и с этой целью, вскоре по утверждению своем в Киеве, перенес тело Глеба и положил рядом с телом Бориса в Вышгороде: с этих пор они начали привлекать к себе народ на поклонение; говорили, что тела их были нетленны и у гроба их совершались исцеления. В 1044 году Ярослав совершил странный обряд: он приказал выкопать из земли и крестить в Десятинной церкви кости своих дядей Олега и Ярополка, а потом похоронить их в церкви.

Ярославу принадлежит начало сборника древних законов под названием «Русской Правды». Сборник этот, существующий в нескольких различных, то более, то менее полных редакциях, включает законоположения, установленные в разные времена и в разных местах, чего в точности определить невозможно. Самая старейшая дошедшая до нас редакция не восходит ранее конца XIII века. Несомненно, что некоторые из статей были составлены при сыновьях и внуках Ярослава, о чем прямо говорится в самих статьях. Ученые признают принадлежащими времени Ярослава первые семнадцать статей этого сборника, хотя нельзя отрицать, что, быть может, многие из последующих статей первоначально относятся к его же времени.

Главный предмет Ярославовых законоположений – случаи обид и вреда, наносимых одними лицами другим. Вообще, как за убийства, так и за увечье и побои предоставлялась месть; за убийство могли законно мстить брат за брата, сын за отца, отец за сына и племянник за дядю. Если же ме-

сти не было, тогда платилась князю «вира», имевшая разные размеры, смотря по свойству обиды и по званию обиженного: таким образом, за убийство всякого свободного человека платилось 40 гривен, а за княжеского мужа 80. Вероятно, ко временам Ярослава можно отнести постановление о «дикой» вине, которая платилась князю всей общиной или вервью (от веревки, которою обмерялась принадлежавшая общине земля) в том случае, когда на земле общины совершено было убийство, но на убийцу не было предоставлено иска. Нашедший у кого-нибудь украденную у него вещь мог взять ее тотчас, если объявил предварительно о покраже на торгу, а если не объявил, то должен был вести вора на свод, т.е. доискиваться, каким путем пришла к нему вещь. Такой же порядок соблюдался по отношению к беглому или украденному холопу. В случае заpiresательства ответчика, дело решалось судом 12 выбранных человек.

Еще до своей смерти Ярослав разместил по русским землям своих сыновей. В Новгороде был старший сын его Владимир, умерший еще при жизни отца в 1052 году. В Турове был второй сын Ярослава, Изяслав, которому отец по смерти Владимира отдал новгородское княжение и назначил после своей смерти киевское; в Чернигове – Святослав, в Переяславе – Всеволод, во Владимире Волынском – Игорь, а в Смоленске – Вячеслав.

Ярослав скончался 20 февраля 1054 года на руках у любимого сына Всеволода и погребен в церкви Св. Софии в

мраморной гробнице, уцелевшей до сих пор.

Глава 3

Преподобный Феодосий Печерский

В эпоху, когда Русь приняла христианство, православная церковь была пропитана монашеским духом, и религиозное благочестие находилось под исключительным влиянием монастырского взгляда. Сложилось представление, что человек может угодить Богу более всего добровольными лишениями, страданиями, удручением плоти, отречением от всяких земных благ, даже самоотчуждением от себе подобных, – что Богу приятна печаль, скорбь, слезы человека; и напротив, веселое, спокойное житье есть угождение дьяволу и ведет к гибели. Образцом богоугодного человека сделался отшельник, отрешившийся от всякой связи с людьми; в пример высокой христианской добродетели ставили затворников, добровольно сидевших в тесной келье, пещере, на столбе, в дупле и т.п., питавшихся самою скудною, грубою пищею, налагавших на себя обет молчания, истязавших тело тяжелыми железными веригами и предававших его всем неудобствам неопрятности. Если не все должны были вести такого рода жизнь, то все, по крайней мере, обязаны были, в видах благочестия, приближаться к такому идеалу. Слово *спасение* в христианском смысле тесно связывалось с приемами, выражавшими более или менее такое стремление. Весь строй богослужения сложился так, как будто был создан для мона-

стырской жизни: продолжительные чтения, стояния, множество молитв и правил, чрезвычайно сложная символика и обрядность – все приноравливалось к такому людскому обществу, где бы человек мог исключительно быть занят молением. Самое содержание молитв, вошедших в церковный обиход и сочиненных отшельниками, более подходило к признакам монастырской, чем мирской жизни. Совершенный отшельник был самым высшим идеалом христианина; за ним, в благочестивом воззрении, следовала монастырская община – общество безбрачных постников и тружеников, считавшееся настоящим христианским обществом, а за пределами его был уже «мир», спасавшийся только молитвами отшельников и монахов и посильным приближением к приемам монастырского житья. Оттого-то пост, как один из этих приемов, пользовался и до сих пор продолжает пользоваться в народе важнейшим значением в деле спасения. Оттого-то хождение в монастыри считалось особенно богоугодным делом, тем более, когда к этому присоединялись лишения и трудности; оттого-то благочестивый мирянин думал перед смертью избавиться от вечной муки, записавши в монастырь свое имущество, или сам спешил постричься. Хотя брак в церкви и признавался священным делом, но, вместе с тем, монашеское безбрачие ставилось гораздо выше брачной жизни; и благочестивый человек, в назидательных житиях и проповедях, мог беспрестанно встречать примеры, выставляемые за образец, когда святой муж избегал брака или даже убегал

от жены для отшельнической или монастырской жизни. Народный благочестивый взгляд шел в этом случае далее самого учения церкви и всякое сближение полов, даже супружеское, называл грехом: известно, что до сих пор многие из народа толкуют первородный грех Адама и Евы половым сближением, хотя такое толкование давно отвергнуто церковью. Тем не менее, однако, безбрачная жизнь признавалась самой церковью выше брачной и семейной.

Монастырю, с его уставами, с его благочестивыми воспоминаниями и преданиями, суждено было сделаться средоточием духовной жизни, высшим центром просвещения, которого лучи должны были падать на грешный мир. По религиозному воззрению, если Божие долготерпение щадило этот грешный мир, достойный кары, за все свои пороки и беззакония, то этим он был обязан именно заступничеству тех подвижников, которые отреклись от него и презрели его широкий путь со всеми временными наслаждениями. Они молились за грешный мир, и в этом состояла их любовь и служба обществу человеческому.

В те времена, когда духовная деятельность вращалась почти исключительно в религиозной сфере или, по крайней мере, находилась под сильным влиянием религии, понятно, что монастырь сделался школой для народа; монахи были его наставниками; в монастырях сосредоточивалось книжное учение, и значительная часть дошедшей до нас письменности носит на себе характер монашеский.

Так было в византийском мире; то же перешло и к нам; хотя рядом с этим заимствованным направлением проявлялись проблески самобытной духовной деятельности свежего и даровитого народа, но для потомства они не выдержали соперничества с монастырским духом: печерский патерик, содержащий жития Святых иноков Печерского монастыря, в течение веков оставался творением, известным всему русскому народу, даже неграмотному, тогда как поэтическое произведение XII века «Слово о Полку Игоря», уцелевшее случайно в одном списке, служит печальным свидетельством о гибели другого рода литературы, не имевшей в книжном мире той крепости, какую обладали монастырские произведения.

Понятия об отречении от мира, об удручении плоти, отшельничестве и монастырском житии пришли к нам, конечно, разом с крещением. Хотя во времена Владимира в старинных списках летописи не говорится о монастырях, но это, конечно, оттого, что христианство только что водворялось; однако, вероятно, и тогда уже появились начатки монашеского житья. О временах Ярослава существует положительное известие, что в его княжение начались монастыри и умножились черноризцы: этот князь любил духовных и в особенности монахов; при нем в Киеве явилось несколько монастырей; но первые начатки, по недостатку людей сильных волей, оказались слабыми. Истинными утвердителями монастырского житья были: Антоний, а более всего Феодосий, основатели Печерского монастыря. Обычай выкапывать

пещеры и поселяться в них, в видах спасения, возник в Египте и существовал на всем Востоке. Вместе с религиозными преданиями зашли к нам и повествования об угодивших Богу пещерниках: явились подражатели. Первый, начавший копать пещеру близ Киева, был Иларион, священник в селе Берестове, получивший потом сан митрополита. В покинутой им пещере поселился молодой Антоний, родом из Любеча, который ходил на Афонскую гору и получил там монашеское пострижение. По возвращении в отечество он не был доволен жизнью в монастырях, построенных в Киеве, поселился в пещере, изнурял себя воздержанием, вкушал только хлеб и воду, и то через день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Киеву, и благочестивые люди приносили ему потребное для жизни. Пример его подействовал на какого-то священника по имени Никона: он пристал к Антонию и стал жить с ним в пещере. За ним явился к нему третий сподвижник; это был Феодосий.

Нам осталось житие этого Святого. Оно, несомненно, старое, так как известно по рукописям XII века, и, как значится в нем, написано Нестором, печерским летописцем. По этому житию Феодосий был уроженец города Василева (ныне Васильков), в детстве с родителями переселившийся в Курск. Он лишился отца в тринадцатилетнем возрасте и остался под властью матери, женщины сурового нрава и упрямой. С детства заметна была в нем молчаливость и задумчивость; он удалялся от детских игр; религия стала привлекать к се-

бе эту сосредоточенную натуру: благочестивое чувство рано пробудилось в нем и овладело всем его бытием. Первое, чем выразилось оно, было стремление к простоте; ему противны казались внешние отличия, которые давало ему перед низшими его общественное положение; он не терпел блестящих одежд, надевал на себя такое же платье, какое было на рабах, и вместе с ними ходил на работу. Мать сердилась на это и даже била своего сына. Какие-то странствующие богомольцы пленили его рассказами об Иерусалиме, о местах, где жил, учил и страдал Спаситель, и Феодосий тайно ушел с ними. Но мать догнала его, прибила, заковала и держала в оковах до тех пор, пока он не дал ей обещания не убегать из дому. Оставшись на свободе, Феодосий начал печь просфоры. И за это мать сердилась на него, так как считала такое занятие неприличным его роду. Материнский деспотизм вывел другой раз из терпения отрока: он убежал от нее в какой-то город, пристал к священнику; но мать опять нашла его и опять подвергла побоям. Такое недовольство матери благочестием сына объясняется тем еще языческим состоянием, в каком были тогда русские люди, так как христианство проникло к ним недавно; в Курске, городе глухом, не первоклассном, не было ни одного монастыря; жители, хотя крещеные, не ознакомились еще с монастырским бытом; приемы монашества для них казались странными и дикими. Лицо, которое «Житие» называет властителем города – вероятно, княжий муж, посадник Ярославов, он полюбил Феодосия, взял его к се-

бе в дом, одевал в хорошее платье, но Феодосий отдавал нищим это дареное платье, сам ходил в простом и наложил себе на тело железные цепи: он, конечно, слышал, что святые отшельники носили вериги, и стал подражать им. Мать нечаянно увидела эти цепи, которые до крови разъедали тело ее сына, сняла их и опять прибила его.

Тогда юноша решил бежать во что бы то ни стало. Он слышал, что в Киеве есть монастыри, и туда направил путь, чтобы там постричься. Путь был не короткий; дороги Феодосий не знал; к счастью, он встретил купеческий обоз, шедший с товарами в Киев, и, не теряя его из виду, шел за ним следом, останавливаясь тогда, когда обоз останавливался, и снова продолжал путешествие, когда обоз снимался с места. Так добрался он до Киева. Но киевские монастыри еще менее оказались удовлетворительными для Феодосия, чем для Антония. Юноша был беден; нигде в монастырях не хотели принять его. Он услышал об Антонии, отправился к нему и просил принять к себе.

«Чадо, – сказал Антоний, – пещера – это место скорбное и тесное, ты же молод: я думаю, не вытерпишь скорби в сем месте».

«Честный отче, – ответил Феодосий, – ты все проразумеваешь, ты знаешь, что Бог привел меня к твоей святости. Все, что велишь, буду творить».

«Чадо, – сказал Антоний, – благословен Бог, укрепивший тебя к такому намерению. Пребывай здесь».

Он приказал Никону постричь Феодосия. То было при князе Ярославе. Мать только через четыре года напала на след пропавшего без вести сына, приехала в Киев и с большим трудом добилась, при посредстве Антония, свидания с сыном.

Феодосий остался непреклонен ко всем молениям и просьбам матери и уговорил ее принять пострижение.

Она решилась на это, лишь бы иметь возможность видеть иногда сына, и постриглась в монастыре Св. Николая (на так называемой Оскольдовой могиле).

Мало-помалу число отшельников увеличивалось. Один молодой человек, сын боярина, приходил слушать поучения отшельников и, наконец, решился присоединиться к ним. Никон постриг его. За ним постригся другой, принадлежащий к княжескому двору, скопец Ефрем. Эти случаи вооружили против пещерников киевского князя Изяслава Ярославича до того, что он грозил раскопать их пещеру. Князь потерпел, но оставил в покое отшельников; зато сын боярина, постриженный под именем Варлаама, вытерпел большую борьбу со своим семейством. Он был женат. Отец взял его силой из пещеры, употреблял все средства, чтобы отвлечь его от монашества, и поручил его жене действовать на него своею любовью. Повествователь изображает ласки жены точно так, как будто дело шло об уловках блудницы. Варлаам сидел в углу, не вкушая предлагаемой пищи и не обращая внимания на ласки жены: так пробыл он три дня, молчал и

только мысленно просил Бога, чтобы укрепил и избавил его от женской прелести. Наконец родители, видя, что ничего с ним не поделают, отпустили его со слезами; оплакивала его овдовевшая жена, плакали служители, любившие его; Варлаам не тронулся ничем. Место это в жизнеописании может служить образчиком много раз встречаемого в сочинениях монахов чрезмерного предпочтения монашеского одиночного жития брачному союзу и семейным связям, всегда одобряемым и освящаемым духом Христовой религии и уставами православной церкви.

Варлаам построил над пещерой церковь и был игуменом после того, как Никон ушел из Киева в Тмутаракань. С этих пор здесь положено было начало монастырского жития. Скоро Варлаам, по желанию князя, был переведен игуменом в монастырь Св. Димитрия в Киеве, а вместо него, по благословению Антония, братия избрала игуменом Феодосия.

До сих пор все пещерники жили в тесноте, чрезвычайно скудно, питались хлебом и водой, разрешая себе сочиво по субботам и воскресным дням, но часто, вместо сочива, по недостатку, довольствовались вареным зельем. Феодосий превосходил всех своими подвигами, так как он был очень крепкого телосложения. Он всем служил, носил воду, таскал дрова: все жили ручной работою и на вырученные деньги покупали себе муку; каждый должен был измолоть свою часть; когда другие, уставши, отдыхали, Феодосий молот за них. В летние ночи он выходил из пещеры, обнажал до по-

яса свое тело, плел шерсть на копытца (чулки) и клобуки (шапочки), которые потом продавал для своего пропитания, а сам во время работы пел псалмы, между тем как мошки и комары кусали его до крови. Первым приходил он в церковь к богослужению, последним уходил из церкви и во все время богослужения простаивал на одном месте, не двигаясь ни шагу. Такое подвижничество и смирение внушали к нему уважение и прославили его.

Феодосий, сделавшись игуменом, выказал в высокой степени талант устроителя и правителя. Внешние знаки власти не только не пленяли его, но были ему противны; зато он умел властвовать на самом деле, как никто, и своим нравственным влиянием держал монастырь в безусловном повиновении. Он отыскал удобное для построения церкви место, неподалеку от пещеры, и в короткое время построил там другую церковь во имя Пресв. Богородицы, выстроил около нее кельи, переселился туда с братией из пещер и послал одного из братии к Ефрему-скопцу в Константинополь с просьбою прислать для новоустроенного монастыря устав. Ефрем-скопц, бывший постриженник печерский, прислал Феодосию устав Студийского монастыря в Константинополе, славившегося как святостью своих сподвижников, так и ревностью их к православию во времена иконоборства. Этот устав и послужил на многие века уставом Печерского монастыря.

Феодосий был очень строг, требовал от братии точного исполнения устава, постоянно наблюдал, чтобы братия не

облегчала себе монашеских подвигов. Он по ночам обходил кельи, нередко подслушивал у дверей, и если слышал, что монахи разговаривают между собою, то ударял палкой в дверь. Никому не позволял он иметь никакой собственности, и если находил что-либо подобное в келье монаха, то бросал в огонь. Никто из братии не смел ничего съесть кроме того, что предлагалось на трапезе. Главное, чего требовал он – это беспредельное послушание воле игумена, послушание без всякого размышления. Оно ставилось выше поста, выше всяких подвигов изнурения плоти, выше молитв. Всякое переименование приказания игумена объявлялось грехом. Однажды келарь предложил братии на трапезе хлебы, которые игумен велел предложить в предшествовавший день; келарь допустил это изменение потому, что в предшествовавший день в монастыре были уже другие хлебы. Феодосий приказал предложенные не в указанный день хлебы бросить в воду, а келаря подвергнул епитимии. Братия была приучена к строжайшему, буквальному исполнению воли игумена: однажды вратарь не пустил в монастырь князя Изяслава, потому что этот князь приехал в такое время, когда Феодосий запретил вратарю пускать посторонних в монастырскую ограду. Требуя от братии строгой нищенской и постной жизни, он сам показывал другим пример: ел обыкновенно один ржаной хлеб, вареную зелень без масла и пил одну воду; в великую четырехдесятницу, от заговенья до пятницы вербной недели, запирался в тесной пещере; всегда носил на теле вла-

сяницу, а сверх власяницы худую свитку и, кроме рук, никогда не мыл своего тела.

Предписывая своим монахам строгое удаление от мира, который представлялся гнездилищем всех зол, Феодосий соприкасался с мирскими людьми делами христианской любви: он устроил близ монастыря двор для увечных, слепых, хромых и давал на них десятую часть монастырских доходов, а по субботам посылал хлебы в тюрьмы. Хотя в монастырь поступали беспрестанно приношения, но Феодосий не скоплял богатств, тратил их на добро другим, и нередко бывали дни, когда монастырь внезапно находился в большой скудости. Феодосий в этом отношении предавался воле Божией, и часто в оправдание такой надежды неожиданные приношения выручали братию. К Феодосию обращались мирские люди с просьбами о заступлении перед князьями и судьями, и он помогал им своим ходатайством, так как князья и судьи уважали голос Феодосия, считая его праведником.

Нередко князья приходили к нему, а также приглашали к себе. Однажды, пришедши к князю Святославу Ярославичу, он застал там большое веселье: одни играли на гусях и органах, другие пели песни. Феодосий сидел и слушал их с печальным видом и, наконец, проговорил: «Будет ли так на том свете!» Князь приказал немедленно остановить веселье, из уважения к присутствию отшельника, и на будущее время Феодосий уже не встречал у него таких забав; но это не мешало князю предаваться забавам в отсутствие Феодосия.

Добрые отношения к князьям не мешали Феодосию обличать их за несправедливые деяния. Когда Святослав изгнал брата своего Изяслава, Феодосий порицал его и в своем послании к нему уподоблял его Каину, убившему брата своего Авеля. Святослав так рассердился за это, что грозил послать печерского игумена в заточение. «Я этому рад, – сказал Феодосий, – для меня это самое лучшее в жизни. Чего мне страшиться: потери ли имущества и богатств? Разлучаться ли мне с детьми и селами? Нагими пришли мы в мир, нагими и выйдем из него!» Князь не стал более преследовать Феодосия, всеми уважаемого, но и Феодосий перестал обличать Святослава, а только при всяком случае просил его возвратить княжение брату, и в своем монастыре повелел поминать на ектенях сперва Изяслава как великого князя, а за ним, уже в виде снисхождения, Святослава.

К нам дошло несколько поучений игумена Феодосия: одни из них обращены собственно к монахам и касаются более вопросов богослужения и монашеской жизни; другие – вообще к христианам. В одном из поучений последнего рода «О казнях Божиих», – в котором Феодосий признает общественные бедствия, как-то: голод, болезни, нашествие врагов, последствиями наших грехов, влекущих за собой кару небесную, – он порицает, между прочим, разные языческие суеверия, господствовавшие в обществе, еще недавно принявшем христианство. Таким образом, встреча с чернецом, черницею, лысым конем и свиньею считались дурным пред-

вестию и побуждали идущего возвращаться назад. Феодосий нападает также на верование в чихание, на чародейство, гадания, приметы, взимание процентов, на светские забавы, на музыку, состоявшую тогда из гуслей и сопелей, на скомоухов, на языческий обычай целоваться с женщинами во время пиров; более всего распространяется о пьянстве, как о пороке, господствовавшем в тогдашнем обществе, но дозволяет, впрочем, пить умеренно. Достойно замечания, что в ответе своем князю Изяславу о некоторых предметах благочестия Феодосий относится снисходительнее к правилам о посте, чем обыкновенно церковные учителя последующих времен. В среды и пятки он предписывает мирянам воздержание только от мяса и одним чернецам от молочного. Самое воздержание от мяса в среды и пятки не было безусловно обязательным и могло как налагаться, так и разрешаться духовным лицом («аще связан еси отцем духовным в среду и пяток мясо не ясти, от того же и разрешение приими»). Вообще никто не должен сам налагать на себя постов, но следует поститься тогда, когда велит духовный отец. В господские и богородичные праздники, также в день 12-ти апостолов, если они приходятся в среду и пяток, Феодосий разрешает есть мясо. Феодосий сурово относится к иноверцам: «Живите мирно не только с друзьями, – поучает он, – но и с врагами, однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими; свой враг тебе тот будет, кто убил бы перед твоими очами твоего сына или брата, прости ему все; но Божие враги

– жиды, еретики, держащие кривую веру... Нет лучше веры нашей, чистой, честной, святой; живучи в этой вере, можно избавиться от грехов, сделаться причастником вечной жизни, а тем, которые пребывают в вере латинской, армянской, срацинской, тем нет жизни вечной, ни части со святыми». Он вооружался против веротерпимости: «Кто хвалит чужую веру, тот свою хулит, а кто хвалит и свою веру, и чужую разом, – тот двоеверец; и кто тебе скажет: и ту, и другую веру Бог дал – ты скажи ему: разве Бог двоеверен? Писание говорит: един Бог, едина вера, едино крещение». По отношению к латинянам Феодосий запрещает православным давать за них дочерей и брать у них жен, брататься с ними, кумиться, целовать их, есть с ними и пить из одного сосуда: если будет латинянин просить есть или пить, то дать ему из особого сосуда, а потом выполоскать и сотворить молитву. Тем не менее, он приказывает князю всякого неверного, как и правоверного, накормить, одеть и избавить от беды. Более всех ненавидел Феодосий жидов, и жизнеописатель его говорит, что он ходил к жидам укорять их, досаждал им, называл беззаконниками и отступниками и хотел быть от них убитым за Христа.

Уже незадолго до кончины Феодосия положено было начало основанию каменной церкви на том месте, где находится и теперь главный храм Печерской обители. Средства для этого, на первый раз, доставлены были одним варягом, по имени Шимон. Об нем сохранился такой поэтический рас-

сказ:

Шимон был изгнан из отечества своими дядями и отправился на корабле служить в Русь. Был у него оставшийся от отца крест в десять локтей с поясом – по одним известиям в 50, по другим в 8 гривен – и с золотым венцом на главе Распятого. Шимон захватил с собою пояс и венец, когда уходил из родины. Тогда был ему такой глас: «Не возлагай этого на главу свою, а неси на уготованное место, где строится церковь Матери Моей, и отдай в руки преподобного Феодосия, а он повесит над жертвенником». После этого видения, во время плавания его по Балтийскому морю в русскую землю, сделалась буря. Шимон испугался и полагал, что Бог наказывает его за то, что он взял украшение с Христова образа, и стал в этом каяться; тогда увидел он на воздухе изображение церкви и услышал голос: «Вот церковь, которая будет создана во имя Божией Матери, а ты будешь положен в ней. Размер поясом двадцать локтей в высоту, тридцать в длину и тридцать в ширину». Несмотря на это, по прибытии в Киев, Шимон долго не строил церкви, но ему было снова чудное видение. Уже по смерти Ярослава, при котором он приехал в Русь, Шимон с его сыновьями: Изяславом, Святославом и Всеволодом, отправляясь против половцев, обращался к Антонию за благословением.

Преподобный Антоний сказал: «О, чадо! Многие падут от острия меча, многие будут попираемы и уязвляемы, многие потонут в воде, а ты останешься спасен; тебе суждено лежать

в печерской церкви, которая здесь построится». Русские были поражены на Альте. Симон был ранен, лежал на поле посреди трупов и умирающих и вдруг увидел в воздухе изображение той же церкви, которая являлась ему над балтийскими водами. Он исцелился от ран, рассказал Антонию о видениях и отдал ему венец и пояс, Антоний переименовал Симона в Симона и передал его дар Феодосию. Симон очень любил Феодосия и доставил ему много средств для постройки новой церкви. Это было в 1073 году.

Симон явился после того к Феодосию и сказал ему: «Дай мне, отче, слово, что душа твоя благословит меня не только в этой жизни, но и по смерти моей и твоей».

«Это прошение выше силы моей, – отвечал Феодосий. – Но если по моем отшествии от мира устроится эта церковь, если будут уважать в ней предания и мои уставы, то это будет тебе знаком, что я имею дерзновение у Бога».

«Господь свидетельствовал о тебе, сказал Симон, – я сам слышал от пречистых уст Его образа. Помолись также, как ты молишься о своих чернецах, обо мне, и о сыне моем Георгии, и о потомках моих».

«Я не об одних чернецах молюсь, – возразил ему Феодосий, – но и о всех любящих это место». Симон поклонился до земли и сказал:

«Отче! Не изыду от тебя, дай мне на письме свое благословение». Феодосий дал ему молитву, какую теперь вкладывают в руки покойникам. С этих-то пор пошел на Руси

обычай вкладывать в руки покойникам рукописание.

Но Симон, готовясь строить храм, попросил еще у Феодосия отпустить грехи его родителям.

Феодосий, воздвигнув руки, сказал: «Да благословит тебя Господь от Сиона и да увидите вы красоты Иерусалима во все дни жизни вашей в третьем, в четвертом роде до последнего».

Симон оставил латинскую веру и перешел к восточному православию.

Церковь заложена была в 1073 году Феодосием и епископом Михаилом во время бытности в Царьграде митрополита Георгия. Основание ее также подало повод к составлению рассказов о том, как четыре мастера в Царьграде получили от самой Богородицы приказание идти на Русь и построить церковь, что икона, которая впоследствии сделалась местною, принесена из Греции, вручена была самою Богородицею и есть произведение небесного искусства. Это было началом того благоговейного почитания икон явленных, так распространенного впоследствии на Руси. Отыскание места для церкви также сопровождалось чудесами, подобными чудесам Ветхого Завета в истории Гедсона и Илии. Феодосий, желая узнать, какое место угодно будет Богу для постройки церкви, молился, чтобы везде была роса, а на том месте, где следует быть церкви, росы не было, а на другую ночь просил обратного: чтобы там была роса, когда повсюду не было росы, – и все исполнилось по его желанию. На том месте,

где высшее знамение указало быть церкви, росли кустарники; они были истреблены огнем, низведенным с неба силой молитв Феодосия. Когда нужно было копать ров для закладки храма, эту работу первым предпринял князь Святослав. Богатые люди жертвовали вклады, волости и села на создание храма с тем, чтобы быть погребенными на этом месте. Варяг Симон первый удостоился этой чести.

В следующем 1074 году 2 мая скончался преподобный Феодосий, назначив по выбору братии, даже против своего собственного желания, преемником себе Стефана, приказав после своей смерти не омыwać свое тело и похоронить в пещере, в той бедной одежде, которую он носил и в которой отошел в вечность.

Предание говорит, что Феодосий перед смертью просил Святослава, чтобы церковь печерская была освобождена от власти и князей, и владык, потому что создала ее Богородица, а не люди; и обитель надолго пребывала независимой общиной. Мудрый Феодосий установил твердую нравственную связь между всеми, принадлежавшими к обители. Если кто будет призван на какое-нибудь высшее духовное место на Руси, то он может принимать его и выходить из обители только с позволения старших, но всегда должен искать успокоения в Печерской обители, и только за таких святой основатель монастыря обещал молиться пред Богом. В силу такого завета основателя, многие печерские иноки, занимавшие впоследствии высокие места в русской церкви, где бы

они ни были, не теряли связи с монастырем. Напутствуемый мысленными благословениями Св. Феодосия, духовный питомец Печерской обители, был ли он в Ростове, Владимире, Новгороде, Полоцке, всегда обращался сердцем к Киеву, к заветной обители, как обетованной земле спасения, хранил правила, которые получал в этом монастыре, и распространял их везде, куда простиралось его влияние. Это ярко проявляется в одном памятнике духовной литературы XII века, а именно: в послании владимирского епископа Симона к печерскому монаху Поликарпу; «Кто не знает меня, грешного епископа Симона, и соборной церкви красы владимирской, и другой, суздальской, которую я создал сам. Сколько у них городов и сел, и собирают десятину со всей этой земли, и всем этим владеет наша худость! Скажу тебе, что всю эту славу и честь я признаю калом (грязью) и хотел бы лучше щепкой торчать за воротами или сором валяться в Печерском монастыре и быть попираемым людьми, или быть одним из тех убогих, что просят милостыню пред вратами честной лавры: лучше сей временной чести для меня один день в доме Божьей Матери, нежели тысяча лет в селениях грешников».

Тот же дух, который проявил Феодосий в своей жизни и устройстве монастыря, надолго оставался в его обители. За ним появился целый ряд подвижников, деяния которых записывались, передавались изустно, служили примером для других монастырей и распространяли в русском народе известное направление религиозных воззрений. Оттуда исте-

кало, там окрепло и утвердилось то господствующее понятие, что Бог любит в христианине: добровольное терпение, самоизнурение постом, удаление от половой связи, утомительное богомоление, слезы, скорбь, воздыхание, сетование, нищету, – что монастырь есть путь к спасению и в мире, если не совсем невозможно, то очень трудно спастись: только надежды на молитвы подвижников могут давать утешение; а потому следует давать в монастыри вклады и наделять их богатствами, чтобы в них молились за грешников.

В этом направлении были светлые стороны. Они состояли уже в том, что монастыри были главными проводниками христианства; а в благотельном влиянии христианства едва ли могут сомневаться самые неверующие люди. Но, с другой стороны, предпочтение монашеского звания и уважения к иноческой жизни вносили односторонность в религиозное воззрение. Мысль, что Богу всего угоднее одиночная, подвижническая жизнь инока и человек тем ближе к спасению, чем дальше от мира, вытесняла христианскую добродетель из этого мира: благочестивые люди стремились не к тому, чтобы в людском обществе, в мире, совершать подвиги любви Христовой; их идеал богоугодной жизни был не в среде человеческих отношений, а, напротив, вне их. Спасение удобнее казалось одинокому, оторванному от людей затворнику; и напротив, обращение с людьми приводило к неизбежному греху, – так думали русские, тогда как по духу Евангелия следовало наоборот. Словам Христа, – что тот

недостойн Его, кто ради Его и Евангелия не оставит отца, матери, жены и всего, что есть для него дорогого в мире, – давали смысл вступления в монастырь, тогда как они означали требование от последователя Христова предпочитать всяким родственным и кровным отношениям правду, возведенную учением Спасителя и подкрепленную примером его жизни и смерти. Высокий подвиг страдания за правду, за ближних обратился в подвиг страдания ради самого страдания; средство стало целью; борьба с дьяволом в образе зла и растрепанности человеческого общества заменялась борьбой с призраками, тревожившими расстроенные нервы истязавшего себя пустытника. Безбрачие, – некогда предлагаемое апостолом как состояние более удобное, и то временно, для некоторых, ему подобных, в тяжелую эпоху гонений, – возведено было само по себе в доблесть, и тем унижен был семейный союз; то, что могло быть уделом только очень немногих, одаренных способностью «вместить», становясь если не обязательной, то все-таки высшей добродетелью, достойною стремления, превращалось в чудовищное насилие природы; наконец, уважение к слезам, скорби, болезни, нищете, вообще к несчастью, завещанное учителем в видах облегчения от горести, для счастья человеческого, превращалось в умышленное искание слез, скорби, болезни, нищеты. Таким образом логически выходила бесцельность дел любви Христовой; если страдание являлось само по себе целью, то незачем было стремиться к уменьшению его на земле; на-

против, нужно, казалось, заботиться, чтобы люди страдали: к этому приводила односторонность, вытекавшая из господства монашеского направления в христианстве. Так как идеал христианской доблести поставлен был вне гражданского общества и под условием насильствования человеческой природы, то он не мог достигаться не только всеми, но и большею частью тех, которые исключительно ему отдавались; отсюда вытекло, что последствием стремления к такому идеалу являлось именно то, что более всего было противно духу Христова учения: лицемерство, самообольщение, ханжество и отупение. За исключением немногих личностей, которым дано было свыше достигать высшего монашеского идеала, за исключением бедняков, слабых духом и телом, неспособных к труду в обществе, – монастыри наполнялись людьми, возмечтавшими о себе то, чего в них не было, жалкими самоистязателями, воображавшими, что Богу угодно насилие данной Богом же духовной и телесной природы человека, а более всего эгоистами, тунеядцами и лицемерами, надевавшими на себя личину святости. За пределами же монастырей весь мир пребывал в грубейшей чувственности и в темнейшем невежестве, продолжали в нем господствовать и развиваться пороки, совершались насилия и злодеяния, лилась реками кровь человеческая, люди терзали друг друга; а благочестивое чувство утешало себя тем, что так неизбежно должно быть на свете по воле Божией, и искало примирения с совестью и божеством в соблюдении кое-каких видимых при-

емов, приближающих жизнь к монашескому идеалу, поставленному вне мира и гражданского общества.

Глава 4

Князь Владимир Мономах

Между древними князьями дотатарского периода после Ярослава никто не оставил по себе такой громкой и доброй памяти, как Владимир Мономах, князь деятельный, сильный волей, выделявшийся здравым умом посреди своей братии князей русских. Около его имени вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI и в первой четверти XII века. Этот человек может по справедливости назваться представителем своего времени. Славяно-русские народы, с незапамятных времен жившие отдельно, мало-помалу подчинились власти киевских князей, и, таким образом, задачей их совокупной истории стало постепенное и медленное образование государственной цельности. В каких формах и в какой степени могла проявиться эта цельность и достигнуть полного своего осуществления – это зависело уже от последующих условий и обстоятельств. Общественное устройство у этих народов имело те общие для всех признаки, что они составляли земли, которые тянули к городам, пунктам своего средоточия, и в свою очередь дробились на части, хотя сохраняли до известной степени связь как между частями дробления, так и между более крупными единицами, и отсюда происходило, что города были двух родов: старейшие и меньшие; последние зависели от первых,

но с признаками внутренней самобытности. Члены земли собирались в городах совещаться о своих делах, а творить расправу, защищать землю и управлять ею должен был князь. Сперва политическая власть киевских князей выражалась только тем, что они собирали дань с подчиненных, а потом шагом к более прочному единству и связи между землями было размещение сыновей киевского князя в разных землях, а следствием этого было разветвление княжеского рода на линии, более или менее соответствовавшие расположению и разветвлению земель.

Это размещение княжеских сыновей началось еще в язычестве, но грубые варварские нравы не допускали развиваться какому-нибудь новому порядку; сильнейшие братья истребляли слабейших. Так, из сыновей Святослава остался только один Владимир; у Владимира было много сыновей, и всех их он разместил по землям; но Святополк, по образцу языческих предков, начал истреблять братьев, и дело кончилось тем, что за исключением особо выделенной полоцкой земли, которая досталась старшему сыну Владимира Изяславу как удел его матери, вся остальная Русь была под властью одного киевского князя Ярослава. Это не было единодержавие в нашем смысле слова и вовсе не вело к прочному сцеплению земель между собой, а напротив, чем более земель могло скопиться под властью единого князя, тем менее было возможности этой единой власти наблюдать над ними и иметь влияние на течение событий в этих подвластных землях. Напро-

тив, когда после принятия христианства вместе с одной верою входил в Русь и единый письменный язык и одинаковые нравственные, политические и юридические понятия, если в различных землях и пребывали свои князья, то эти князья – происходя из единого княжеского рода, сохраняя более или менее одинаковые понятия, привычки, предания, воззрения, руководимые при этом единой церковью – своим управлением способствовали распространению таких свойств и признаков, которые были одинаковы во всех землях и, следовательно, вели их к единению между собою.

После Ярослава начинается уже непрерывно тот период, который обыкновенно называют удельным. Особые князья явились в земле северян или черниговцев, в земле смоленских кривичей, в земле волынской, в земле хорватской или галицкой. В земле новгородской сначала соблюдалось как бы правило, что там князем должен быть старший сын киевского князя, но это правило очень скоро уступило силе народного выбора. Земля полоцкая уже прежде имела особых князей. В земле русской или киевской выделилось княжение перяславское, и к этому княжению по разделу Ярослава присоединена отдаленная Ростовская область. Собственно, не было ни правил для размещения князей, ни порядка их преемственности, ни даже прав каждого лица из княжеского рода на княжение где бы то ни было, а потому, естественно, должен был возникать ряд недоразумений, которые приводили неизбежно к междоусобиям. Само собой разумеется,

что это задерживало ход развития тех начал образованности, которые Русь получила вместе с христианской верой. Но еще более препятствовало этому развитию соседство с кочевыми народами и непрестанные столкновения с ними. Русь как будто приговором судьбы осуждена была видеть у себя приходивших с востока гостей, сменявших друг друга: в X веке и в первой половине XI в. она терпела от печенегов, а с половины XI их сменили половцы. При внутренней безлاديце и княжеских усобицах, Русь никак не могла оградить себя и избавиться от такого соседства, тем более, когда князья сами приглашали иноплеменников в своих междоусобиях друг против друга.

При таком положении дел важнейшею задачею тогдашней политической деятельности было, с одной стороны, установление порядка и согласия между князьями, а с другой – дружное обращение всех сил русской земли на свою защиту против половцев. В истории дотатарского периода мы не видим ни одной такой личности, которой бы удалось совершить прочно и плодотворно такой великий подвиг; но из всех князей никто не стремился к этой цели с такой ясностью взгляда и с таким, хотя временным, успехом, как Мономах, и потому имя его долго пользовалось уважением. Кроме того, о его жизни сложилось понятие, как об образцовом князе.

Владимир родился в 1053 году, за год до смерти деда своего Ярослава. Он был сыном Всеволода, любимейшего из сыновей Ярослава; тогда как прочих сыновей Ярослав разме-

стил по землям, назначив им уделы, Всеволода отец постоянно держал возле себя, хотя дал ему в удел близкий от Киева Переяславль и отдаленный Ростов. Старик Ярослав умер на руках у Всеволода. Мать Владимира, последняя супруга Всеволода, была дочь греческого императора Константина Мономаха; Владимир по деду со стороны матери получил имя Мономаха. Таким образом, у него было три имени: одно княжеское – Владимир, другое крестное – Василий, третье дедовское по матери – Момах.

Будучи тринадцати лет от роду, он принялся за занятия, которые, по тогдашним понятиям, были приличны княжескому званию – войною и охотою. Владимир в этом случае не был исключением, так как в те времена князья вообще очень рано делали то, что, по нашим понятиям, прилично только возмужалым; их даже женили в отроческих летах. Отец послал Владимира в Ростов, и путь его лежал через землю вятичей, которые еще тогда не хотели спокойно подчиняться княжеской власти Рюрикова дома. Владимир недолго был в Ростове и скоро появился в Смоленске. На Руси тем временем начинались одна за другой две беды, терзавшие страну целые века. Сначала поднялись княжеские междоусобия. Начало им было положено тем, что сын умершего Ярославова сына, Владимира, Ростислав бежал в Тмутаракань, город, находившийся на Таманском полуострове и принадлежавший тогда черниговскому князю, поместившему там своего сына Глеба. Ростислав выгнал этого Глеба, но и сам не удержал-

ся после него. Это событие, само по себе одно из множества подобных в последующие времена, кажется замечательным именно потому, что оно было тогда первым в этом роде. Затем прорвалась вражда между полоцкими князьями и Ярославичами. В 1067 году полоцкий князь Всеслав напал на Новгород и ограбил его; за это Ярославичи пошли на него войной, разбили и взяли в плен.

В следующем 1068 году настала беда другого рода. Нахлынули с востока половцы, кочевой народ тюркского племени; они стали нападать на русские земли. Первое столкновение с ними было неудачно для русских. Киевский князь Изяслав был разбит и вслед за тем прогнан самими киевлянами, с которыми он и прежде не ладил. Изяслав возвратился в Киев с помощью чужеземцев-поляков, а его сын варварски казнил и мучил киевлян, изгнавших его отца; потому-то киевляне при первой же возможности опять избавились от своего князя. Изяслав снова бежал, а вместо него сел на киевский стол его брат Святослав, княживший прежде в Чернигове; тогда черниговской землей стал управлять Всеволод, а сына его Владимира Мономаха посадили на княжение в Смоленске.

Во все продолжение княжения Святослава Владимир служил ему, как старейшему князю, так как отец Владимира, Всеволод, находился в согласии со Святославом. Таким образом, Владимир по поручению Святослава ходил на помощь полякам против чехов, а также в интересах всего Ярославова племени воевал против полоцких князей. В 1073 го-

ду Святослав умер, и на киевский стол опять сел Изяслав, на этот раз, как кажется, поладивший с киевлянами и со своим братом Всеволодом. Этот князь вывел прочь из Владимира-Волынского сына Святославова Олега, с тем, чтобы там посадить своего собственного сына. Олег, оставшись без удела, прибыл в Чернигов к Всеволоду: Владимир находился тогда в дружелюбных отношениях с этим князем и, приехав из Смоленска в Чернигов, угощал его вместе с отцом своим. Но Олегу досадно было, что земля, где княжил его отец и где протекло его детство, находится не у него во власти. В 1073 году он убежал из Чернигова в Тмутаракань, где после Ростислава жил уже подобный ему князь, беглец Борис, сын умершего Вячеслава Ярославича. Не должно думать, чтобы такого рода князя действительно имели какие-нибудь права на то, чего добивались. Тогда еще не было установлено и не вошло в обычай, чтобы все лица княжеского рода непременно имели удел, как равным образом не утвердилось правило, чтобы во всякой земле были князьями лица, принадлежавшие к одной княжеской ветви в силу своего происхождения. В самом распоряжении Ярослава не видно, чтобы, размещая своих сыновей по землям, он имел заранее в виду распространить право посаженных сыновей на их потомство. Сыновья Ярослава также не установили такого права, как это видно в Смоленске и на Волыни.⁸ Только ветвь полоцкая держа-

⁸ Еще раньше Вячеслав, княживший в Смоленске, умер; князя перевели туда из Волыни Игоря, а по смерти Игоря назначили туда князем Владимира Моно-

лась упорно и последовательно в своей кривской земле, хотя Ярославичи хотели ее оттуда вытеснить. При совершенной неопределенности отношений, при отсутствии общепринятых и освященных временем прав князей на княжение, понятно, что всякий князь, как только обстоятельства давали ему силу, старался устроить своих ближних, – главное сыновей, если у него они были, – и в таком случае не стеснялся столкнуть с места иного князя, который был ему менее близок: от таких поступков не могла останавливать князей мысль о нарушении чужого права, потому что такого права еще не существовало. Со своей стороны очень естественно было князю искать княжения так же, как княжили его родители и родные, и преимущественно там, где был князем его отец, где, быть может, он сам родился и где с детства привыкал к мысли заступить место отца. Такой князь легче всего мог найти себе помощь у воинственных иноплеменников. И вот бежавшие в Тмутаракань Олег и Борис обратились к половцам. Не они первые вмешали этих врагов Руси в ее внутренние междоусобия. Сколько нам известно, первый, показавший им дорогу к такому вмешательству, был Владимир Мономах, так как по собственному его известию, помещенному в его поучении, он еще прежде них, при жизни своего

маха помимо детей Игоря. Равным образом на Волыни не было наследственной преемственности между князьями, а киевские князья помещали там своих сыновей; так что, когда княжил в Киеве Изяслав, на Волыни был его сын, а когда Святослав овладел Киевом, то поместил там своего сына; когда же Святослав умер и Изяслав опять сделался князем в Киеве, на Волыни стал княжить сын Изяслава.

дяди Святослава Ярославича, водил половцев на полоцкую землю.

Олег и Борис с половцами бросились на северскую землю. Всеволод вышел против них из Чернигова и был разбит. Олег легко овладел Черниговым; черниговцы приняли его сами, так как знали его издавна: вероятно, он и родился в Чернигове. Когда после того Всеволод вместе с киевским князем Изяславом хотел отнять Чернигов у Олега, черниговцы показали себя преданными Олегу, и после того, как Всеволод и Изяслав успели овладеть стенами окольного города и сожгли строения, находившиеся в черте, образуемой этим окольным городом, жители не сдавались, ушли во внутренний город, так называемый «большой», и защищались в нем до последних сил. Олега с ними в городе не было: упорство, с которым тогда стояли за него черниговцы, не поддерживалось его присутствием или стараниями, и, вероятно, происходило от искренней привязанности к нему черниговцев. Владимир был тогда с отцом. Услышавши, что Олег с Борисом идет против них на выручку Чернигова и ведет с собой половцев, князья оставили осаду и пошли навстречу врагам. Битва произошла на Нежатиной Ниве близ села этого имени. Борис был убит, Олег бежал. Но их победители дорого заплатили за свою победу. Киевский князь Изяслав был убит в этой сече.

Смерть Изяслава доставила Киев Всеволоду. Чернигов, потеряв надежду на Олега, сдался, и в этом городе посадили

Владимира Мономаха. Олег и брат его Роман Святославич в 1079 году попытались выгнать Владимира из Чернигова, но безуспешно. Владимир предупредил их, вышел с войском к Переяславлю и без битвы избавился от соперников; он заключил мир с половцами, помогавшими Святославичам. Половцы и находившиеся с ними хазары предательски поступили со своими союзниками: Олега отправили в Царьград, а Романа убили. Уменьше рассорить своих противников показывает большую сметливость Владимира.

Оставшись на княжении в Чернигове, Владимир со всех сторон должен был расправляться с противниками. Тмутаракань опять ускользнула из-под его власти: там утвердились два другие безудельные князья, сыновья Ростислава Владимировича. Половцы беспрестанно беспокоили черниговскую землю. Союз с ними, устроенный Владимиром под Переяславлем, не мог быть прочен: во-первых, половцы – народ хищнический, не слишком свято держали всякие договоры; во-вторых, половцы разбивались на орды, находившиеся под предводительством разных князьков или ханов и называемых в наших летописях «чадью»; тогда как одни мирились с русским князем, другие нападали на его область. Владимир расправлялся с ними сколько это было возможно. Таким образом, когда двое половецких князьков опустошили окрестности северского пригорода Стародуба, Владимир, пригласив на помощь другую орду, разбил их, а потом под Новым Городом (Новгородом-Северским), рассеял орду другого по-

ловецкого князя и освободил пленников, которых половцы уводили в свои становища, называемые в летописях «вежами». На севере у Владимира были постоянные враги – полоцкие князья. Князь Всеслав напал на Смоленск, который оставался во власти Владимира и после того, как отец посадил его в Чернигове. В отмщение за это Владимир нанял половцев и водил их опустошать землю полоцкую: тогда досталось Минску; там, по собственному свидетельству Владимира, не оставлено было ни челядина (слуги), ни скотины. С другой стороны Владимир воевал с вятичами: этот славянский народ все еще упорно не поддавался власти Рюрика дома, и Владимир два раза ходил войной на Ходоту и сына его – предводителей этого народа. По приказанию отца, Владимир занимался делами и на Волыни: сыновья Ростислава овладели было этой страной; Владимир выгнал их и посадил Ярополка, Изяславова сына, а когда этот князь не поладил с киевским, то Владимир, по велению отца, прогнал его и посадил на Волыни князя Давида Игоревича, и в следующем году за тем (1086) опять посадил Ярополка. Тогда власть киевского князя в этом крае была еще сильна, и князья ставились и сменялись по его верховной воле.

В 1093 году умер Всеволод. Владимир не захотел воспользоваться своим положением и овладеть киевским столом, так как предвидел, что от этого произойдет междоусобие; он сам послал звать на киевское княжение сына Изяславова Святополка (княжившего в Турове), который был старше Влади-

мира летами и за которого, по-видимому, была значительная партия в киевской земле. Во все продолжение княжения Святополка Владимир оставался его верным союзником, действовал с ним заодно и не показал ни малейшего покушения лишить его власти, хотя киевляне уже не любили Святополка, а любили Владимира.

Владимир сделался, так сказать, душой всей русской земли; около него вращались все ее политические события.

Едва только уселся Святополк в Киеве, как половцы прислали к нему послов с предложением заключить мир, Святополк привел с собой из Турова дружину, людей ему близких. С ними он во всем совещался, и они посоветовали ему засадить половецких послов в погреб; когда после того половцы начали воевать и осадили один из пригородов киевской земли – Торцкий, Святополк выпустил задержанных послов и сам предлагал мир, но половцы уже не хотели мира. Тогда Святополк начал совещаться с киевлянами; советники его разделились во мнениях: одни, более отважные, порывались на бой, хотя у Святополка было наготове с оружием только восемьсот человек; другие советовали быть осторожнее, наконец порешили на том, чтобы просить Владимира помогать в обороне киевской земли от половцев.

Владимир отправился со своею дружиною, пригласил также своего брата Ростислава, бывшего на княжении в Переяславле. Ополчение трех князей сошлось на берегу реки Стугны, и там собрался совет.

Владимир был того мнения, что лучше, как бы ни было, устроить мир, потому что половцы были тогда соединены силами; то же доказывал боярин по имени Ян и еще кое-кто из дружины, но киевляне горячились и хотели непременно биться. Им уступили.

Ополчение перешло реку Стугну, пошло тремя отрядами, сообразно трем предводительствовавшим князьям, прошло Триполье и стало между валами. Это было 20 мая 1093 года.

Здесь половцы наступили на русских, гордо выставив в их глазах свои знамена. Сначала пошли они на Святополка, смяли его, потом ударили на Владимира и Ростислава. У русских князей силы было мало в сравнении с неприятелем; они не выдержали и бежали. Ростислав утонул при переправе через Стугну; Владимир сам чуть не пошел ко дну, бросившись спасать утопавшего брата. Тело утонувшего привезли в Киев и погребли у Св. Софии. Смерть Ростислава была приписана к Божию наказанию за жестокий поступок с печерским иноком старцем Григорием. Встретив этого старца, о котором тогда говорили, что он имеет дар предвидения, Ростислав спросил его: от чего приключится ему смерть. Старец Григорий отвечал: от воды. Ростиславу это не понравилось, и он приказал бросить Григория в Днепр; и за это злодеяние, как говорили, Ростислава постигла смерть от воды.

Дело этим не окончилось. Половцы дошли до Киева и между Киевом и Вышгородом на урочище Желани в другой раз жестоко разбили русских того же года 23 июля.

После этой победы половцы рассеялись по русским селам и пленили много людей. Современник в резких чертах описал состояние бедных русских, которых толпами гнали враги в свои вежи: «Печальные, измученные, истомленные голодом и жаждою, нагие и босые, черные от пыли, с окровавленными ногами, с унылыми лицами шли они в неволю и говорили друг другу: я из такого-то города, я из такой-то деревни, рассказывали о родных своих и со слезами возводили очи на небо к Всевышнему, ведущему все тайное».

В следующем 1094 году Святополк думал приостановить бедствия русского народа, заключил с половцами мир и женился на дочери половецкого хана Тугоркана. Но и этот год был не менее тяжел для русской земли: саранча истребила хлеб и траву на полях, а родство киевского князя с половецким не спасло Руси и от половцев. Когда одни половцы мирились и роднились с русскими, другие вели на Владимира его неумолимого соперника Олега. Олег, засланный византийцами в Родос, недолго там оставался. В 1093 году он уже был в Тмутаракани, выгнал оттуда двух князей, таких же безместных, как и он (Давида Игоревича и Володаря Ростиславича), и сидел некоторое время спокойно в этом городе, но в 1094 году, пригласивши половцев, пустился добывать ту землю, где княжил его отец. Владимир не дрался с ним, уступил ему добровольно Чернигов, вероятно и потому, что в Чернигове, как и прежде, были сторонники Олега. Сам Владимир уехал в Переяславль.

Тогда уже, как видно, выработался вполне характер Владимира и в нем созрела мысль действовать не для личных своих выгод, а для пользы всей русской земли, насколько он мог понимать ее пользу; главное же – энергически соединенными силами избавить русскую землю от половцев. До сих пор мы видели, что Владимир, насколько было возможно, старался устроить мир между русскими и половцами, но с этих пор он становится постоянным и непримиримым врагом половцев, воюет против них, подвигает на них всех русских князей и с ними все силы русских земель. Вражду эту он открыл поступком с двумя половецкими князьями: Китаном и Итларем. Князья эти прибыли к Переяславлю договариваться о мире, разумеется, с намерением нарушить этот мир, как делалось прежде. Китан стал между валами за городом, а Итларь с знатнейшими лицами приехал в город: с русской стороны отправился к половцам заложником сын Владимира Святослав.

Тогда же прибыл от Святополка киевлянин Славята и стал советовать убить Итларя, приехавшего к русским. Владимир сначала не решался на такое вероломство, но к Славяте пристали дружинники Владимира и говорили: «Нет греха в том, что мы нарушим клятву, потому что сами они дают клятву, а потом губят русскую землю и проливают христианскую кровь».

Славята с русскими молодцами взялся проникнуть в половецкий стан за городом и вывести оттуда Мономахова сы-

на Святослава, посланного к половцам заложником. С ним вместе взялись за это дело торки (народ того же племени, к которому принадлежали и половцы, но, будучи поселены на киевской земле, они верно служили Руси). В ночь 24 февраля они не только счастливо освободили Святослава, но умертвили Китана и перебили его людей.

Итляр находился тогда во дворе у боярина Ратибора; поутру 24 февраля Итляря с его дружиною пригласили завтракать к Владимиру; но только что половцы вошли в избу, куда их позвали, как за ними затворили двери, и сын Ратиборов Ольбег перестрелял их сверху через отверстие, сделанное в потолке избы. После такого вероломного поступка, который русские оправдывали тем, что их враги были так же вероломны, Владимир начал созывать князей против половцев, и в том числе Олега, от которого потребовал выдачи сына убитого Итляря. Олег не выдал его и не шел к князьям.

Киевский князь Святополк и Владимир звали Олега в Киев на совет об обороне русской земли. «Иди в Киев, – говорили ему князья, – здесь мы положим порядок о русской земле пред епископами, игуменами, перед мужами отцов наших и перед городскими людьми, как нам оборонять русскую землю». Но Олег высокомерно ответил: «Не пристало судить меня епископам, игуменам и смердам» (т.е. мужичью, переводя на наш способ выражения).

Тогда князья, пригласившие Олега, послали ему от себя такое слово: «Если ты не идешь на неверных и не приходишь

на совет к нам, то, значит, ты мыслишь на нас худое и хочешь помогать поганым. Пусть Бог нас рассудит».

Это было объявление войны. Итак, вместо того чтобы идти соединенными силами на половцев, Владимиру приходилось идти войною на своих. Владимир со Святополком выгнали Олега из Чернигова, осадили его в Стародубе и держали в осаде до тех пор, пока Олег не попросил мира. Ему даровали мир, но с условием, чтоб он непременно прибыл в Киев на совет. «Киев, – говорили князья, – старейший город на русской земле; там надлежит нам сойтись и положить поряд». Обе стороны целовали крест. Это было в мае 1096 года.

Между тем раздраженные половцы делали на Русь набеги. Хан половецкий Боняк со своею ордою жег окрестности Киева, а тесть Святополка Тугоркан, несмотря на родство с киевским князем, осадил Переяславль. Владимир со Святополком разбили его 19 мая; сам Тугоркан пал в битве, и его зять Святополк привез тело тестя в Киев: его похоронили между двумя дорогами: одною, ведущею в Берестово, и другою – в Печерский монастырь. В июле Боняк повторил свое нападение и 20 числа утром ворвался в Печерский монастырь. Монахи, отстояв заутреню, почивали в кельях; половцы выломали ворота, ходили по кельям, брали что попадалось под руки, сожгли церковные южные и северные двери, вошли в церковь, таскали из нее иконы и произносили оскорбительные слова над христианским Богом и законом. Тогда полов-

цы сожгли загородный княжеский двор, называемый красным, построенный Всеволодом на выдубичском холме, где впоследствии выстроен был Выдубицкий монастырь.

Олег не думал исполнять договора и являться в Киев на княжеский съезд. Вместо того он явился в Смоленск (где тогда неизвестно каким путем сел брат его Давид), набрал там войска и, вышедши оттуда, пошел вниз по Оке, ударил на Муром, который достался в управление сыну Мономаха Изяславу, посаженному на княжение в соседней ростовской земле. (Отец Олега Святослав, сидя в Чернигове, был в то же время на княжении и в Муроме, и потому Олег считал Муром своею отчиною). 6 сентября 1096 года Изяслав был убит в сече. Олег взял Муром и оковал всех найденных там ростовцев, белозерцев и суздальцев: видно, что князь Изяслав управлял муромцами при помощи людей своей земли. В Муроме и его волости в то время еще господствовало язычество; край был населен народом финского племени, муромою, и держался за князьями только посредством дружины, составлявшей здесь, вероятно, еще единственное славянское население в те времена. В Ростове, Суздале и Белозерске, напротив, славяно-русская стихия уже прежде пустила свои корни, и эти края имели свое местное русское население.

Олег, отвоевавши Муром, взял Суздаль и поступил сурово с его жителями: одних взял в плен, других разослал по своим городам и отнял их имущество. Ростов сдался Олегу сам. Возгордившись успехами, Олег затевал подчинить

своей власти и Новгород, где на княжении был другой сын Мономаха Мстислав, молодой князь, очень любимый новгородцами. Новгородцы предупредили покушение Олега и, прежде чем он мог встать с войском на новгородской земле, сами отправились на него на ростовско-суздальскую землю. Олег убежал из Суздаля, приказав в досаде сжечь за собою город, и остановился в Муроме. Мстислав удовлетворился тем, что выгнал Олега из ростовско-суздальской земли, которая никогда не была уделом ни Олега, ни его отца; предложил Олегу мир и предоставлял ему снестись со своим отцом. Мстислава располагало к уступчивости то, что Олег был его крестным отцом. Олег притворно согласился, а сам думал внезапно напасть на своего крестника; но новгородцы узнали об его намерении заблаговременно и вместе с ростовцами и белозерцами приготовились к бою. Враги встретились друг с другом на реке Колакше в 1096 году. Олег увидел у противников распущенное знамя Владимира Мономаха, подумал, что сам Владимир Мономах пришел с большою силою на помощь сыну, и убежал. Мстислав с новгородцами и ростовцами пошел по его следам, взял Муром и Рязань, мирно обошелся с муромцами и рязанцами, освободил людей ростовско-суздальской области, которых Олег держал в городах Муроме и Рязани пленниками; после того Мстислав послал к своему сопернику такое слово: «Не бегай более, пошли с мольбой к своей братьи; они тебя не лишат русской земли». Олег обещал сделать так, как предлагал ему победи-

тель.

Мономах дружелюбно обошелся со своим соперником, и памятником тогдашних отношений его к Олегу осталось современное письмо его к Олегу, очень любопытное не только потому, что оно во многом объясняет личность князя Владимира Мономаха, но и потому, что вообще оно составляет один из немногих образчиков тогдашнего способа выражения: «Меня, – пишет он, – принудил написать к тебе сын мой, которого ты крестил и который теперь недалеко от тебя: он прислал ко мне мужа своего и грамоту и говорит так: сладимся и примиримся, а братцу моему суд пришел; не будем ему мстителями; возложим все на Бога; пусть они станут пред Богом, мы же русской земли не погубим. Я послушался и написал; примешь ли ты мое писание с добром или с поруганием, – покажет ответ твой. Отчего, когда убили мое и твое дитя перед тобою, увидавши кровь его и тело его, увянувшее подобно едва распустившемуся цветку, отчего, стоя над ним, не вник ты в помыслы души своей и не сказал: зачем это я сделал? Зачем ради кривды этого мечтательного света причинил себе грех, а отцу и матери слезы? Тебе было бы тогда покаяться Богу, а ко мне написать утешительное письмо и прислать сноху мою ко мне... она тебе не сделала ни добра, ни зла; я бы с нею оплакал мужа ее и свадьбу их вместо свадебных песен. Я не видел прежде их радости, ни их венчания; отпусти ее как можно скорее, я поплачу с нею заодно и посажу на месте, как грустную горлицу на сухом

дереве, а сам утешусь о Боге. Так было и при отцах наших. Суд пришел ему от Бога, а не от тебя! Если бы ты, взявши Муром, не трогал Ростова, а прислал бы ко мне, мы бы уладились; рассуди сам, тебе ли следовало послать ко мне или мне к тебе? Если пришлешь ко мне посла или попа и грамоту свою напишешь с правдою, то и волость свою возьмешь, и сердце наше обратится к тебе, и будем жить лучше, чем прежде; я тебе не враг, не мститель».

Тогда, наконец, состоялось то, что долго замышлялось и никак не могло прийти к исполнению. В городе Любече съехались князья Святославичи – Олег, Давид и Ярослав, киевский Святополк, Владимир Мономах, волынский князь Давид Игоревич и червонорусские князья Ростиславичи: Володарь и Василько. С ними были их дружинники и люди их земель. Цель их совещания была – устроить и принять меры к охране русских земель от половцев. Всем делом заправлял Мономах.

«Зачем губим мы русскую землю, – говорили тогда князья, – зачем враждуем между собою? Половцы разоряют землю; они радуются тому, что мы друг с другом воюем. Пусть же с этих пор будет у всех нас единое сердце; соблюдаем свою отчину».

На этом съезде князья решили, чтобы все они владели своими волостями: Святополк Киевом, Владимир уделом отца своего Всеволода: Переяславлем, Суздалем и Ростовом; Олег, Давид и Ярослав – уделом Святослава, отца их: север-

скою землею и рязанскою; Давид Игоревич – Волынью, а Василько и Володарь городами: Теробовлем и Перемышлем с их землями, составлявшими тот край, который впоследствии назовется Галичиною. Все целовали крест на том, что если кто-нибудь из князей нападет на другого, то все должны будут ополчиться на зачинщика междоусобия. «Да будет на того крест честный и вся земля русская». Такой приговор произнесли они в то время.

До сих пор Владимир находился в самых приятельских отношениях к Святополку киевскому. Последний был человек ограниченного ума и слабого характера и подчинялся Владимиру, как вообще люди его свойств подчиняются лицам, более их сильным волей и более их умным. Но известно, что такие люди склонны подозревать тех, которым они невольно повинуются. Они им покорны, но в душе ненавидят их. Давид Игоревич был заклятый враг теробовльского князя Василька и хотел присвоить себе его землю. Возвращаясь на Волынь из Любеча через Киев, он уверил Святополка, что у Василька с Владимиром составился злой умысел лишить Святополка киевской земли. Сам Василько был человек предприимчивого характера; он уже водил половцев на Польшу; затем, как он сам потом признавался, думал идти на половцев, но, если верить ему, не думал делать ничего дурного русским князьям.

Натравленный Давидом Святополк звал к себе Василька на именины в то время, когда последний, возвращаясь из

Любеча домой, проезжал мимо Киева и, не заезжая в город, остановился в Выдубицком монастыре, отославши свой обоз вперед. Один из слуг Василька, или подозревая коварство, или, быть может, даже предостерегаемый кем-то, не советовал своему князю ехать в Киев: «Тебя хотят схватить», – говорил он. Но Василько понадеялся на крестное целование, немного подумал, перекрестился и поехал.

Было утро 5 ноября. Василько вошел в дом к Святополку и застал у него Давида. После первых приветствий они сели. Давид молчал. «Оставайся у меня на праздник», – сказал Святополк. «Не могу, брат, – отвечал Василько, – я уже отослал свой обоз вперед». – «Ну так позавтракай с нами», – сказал Святополк. Василько согласился. Тогда Святополк сказал: «Посидите здесь, а я пойду велю кое-что приготовить». Василько остался с Давидом и стал было вести разговор с ним, но Давид молчал и как будто ничего не слышал. Наконец Давид спросил слуг: «Где брат?» – «Стоит на сених», – отвечали ему. «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди», – сказал он Васильку и вышел. Тотчас слуги наложили на Василька оковы и приставили к нему стражу. Так прошла ночь.

На другой день Святополк созвал вече из бояр и людей киевской земли и сказал: «Давид говорит, что Василько убил моего брата Ярополка и теперь совещается с Владимиром; хотят убить меня и отнять мои города». Бояре и люди киевские сказали: «Ты, князь, должен охранять свою голову. Если Давид говорит правду, пусть Василько будет казнен, а ес-

ли неправду, то пусть Давид примет месть от Бога и отвечает перед Богом».

Ответ был двусмысленный и увертливый. Игумены были смелее и стали просить за Василька. Святополк ссылался на Давида. Сам Святополк готов был отпустить Василька на свободу, но Давид советовал ослепить его и говорил: «Если ты егопустишь, то не будет княжения ни у меня, ни у тебя». Святополк колебался, но потом совершенно поддался Давиду и согласился на гнусное злодеяние.

В следующую ночь Василька повезли в оковах в Белгород, ввели в небольшую избу. Василько увидел, что ехавший с ним торчин стал точить нож, догадался, в чем дело, начал кричать и взывать к Богу с плачем. Вошли двое конюхов: один Святополков, по имени Сновид Изечевич, другой Давидов – Дмитрий; они постлали ковер и взялись за Василька, чтобы положить его на ковер. Василько стал с ними бороться; он был силен; двое не могли с ним справиться; подоспели на помощь другие, связали его, повалили и, сняв с печи доску, положили на грудь; конюхи сели на эту доску, но Василько сбросил их с себя. Тогда подошли еще двое людей, сняли с печи другую доску, навалили ее на князя, сами сели на доску и придавили так, что у Василька затрещали кости на груди. Вслед за тем торчин Беренда, овчар Святополка, приступил к операции: намереваясь ударить ножом в глаз, он сначала промахнулся и порезал Васильку лицо, но потом уже удачно вынул у него оба глаза один за другим. Василь-

ко лишился чувств. Его взяли вместе с ковром, на котором он лежал, положили на воз и повезли дальше по дороге во Владимир.

Проезжая через город Звиждень, привезли его к какой-то попадье и отдали ей мыть окровавленную сорочку князя. Попадья вымыла, надела на Василька и горько плакала, тронутая этим зрелищем. В это время Василько очнулся и закричал: «Где я?» Ему отвечали: «В Звиждене городе». – «Дайте воды!» – сказал Василько. Ему подали воды, он выпил – и мало-помалу совсем пришел в себя, вспомнил, что с ним происходило и, ощупав на себе сорочку, спросил: «Зачем сняли? Я бы в этой окровавленной сорочке принял смерть и стал перед Богом».

Пообедавши, злодеи повезли его во Владимир, куда прибыли на шестой день. Давид поместил Василька на дворе какого-то владимирского жителя Вакея и приставил к нему тридцать сторожей под начальством двух своих княжеских отроков, Улана и Колчка.

Услышал об этом прежде других князей Владимир Мономах и ужаснулся. «Этого не бывало ни при дедах, ни при прадедах наших», – говорил он. Немедленно позвал к себе черниговских князей Олега и Давида на совещание в Городец. «Надобно поправить зло, – говорил он, – а иначе еще большее зло будет, начнет брат брата умерщвлять, и погибнет земля русская, и половцы возьмут землю русскую». Давид и Олег Святославичи также пришли в ужас и говорили:

«Подобного не бывало еще в роде нашем». Действительно не бывало: в княжеском роде прежде случались варварские братоубийства, но ослеплений еще не бывало. Этот род злодеяния принесла в варварскую Русь греческая образованность.

Все три князя отправили к Святополку своих мужей с таким словом: «Зачем наделал ты зла в русской земле, зачем сверг нож в братью? Зачем ослепил брата? Если бы он был виноват перед тобою, ты бы должен был обличить его перед нами и доказать вину его: он был бы наказан, а теперь скажи: в чем его вина?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давид Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка и меня хочет убить, чтобы захватить волость мою: Туров, Пинск, Берестье и Погорынье, говорил, что у него положена клятва с Владимиром: чтобы Владимиру сесть в Киеве, а Васильку в городе Владимире. Я поневоле оберегал свою голову. Не я его ослепил, а Давид; он его и увез к себе».

«Этим не отговаривайся, – отвечали князья, – Давид его ослепил, но не в Давидовом городе, а в твоём».

Владимир с князьями и дружинами хотел переходить через Днепр против Святополка; Святополк в страхе собирался бежать, но киевляне не пустили его и послали к Владимиру его мачеху и митрополита Николая с таким словом:

«Молим тебя, князь Владимир, и вместе с тобою братию твою князей, не губите русской земли; если вы начнете воевать между собою, поганые возрадуются и возьмут землю нашу, которую приобрели отцы ваши и деды ваши трудом и

храбростью; они боролись за русскую землю и чужие земли приобретали, а вы хотите погубить русскую землю».

Владимир очень уважал свою мачеху и склонился на ее мольбы. «Правда, – сказал он, – отцы и деды наши соблюдали русскую землю, а мы хотим ее погубить».

Княгиня, возвратившись в Киев, принесла радостную весть киевлянам, что Владимир склоняется на мир.

Князья стояли на левой стороне Днепра, в бору, и пересылались со Святополком. Наконец последнее их слово было таково: «Если это преступление Давидово, то пусть Святополк идет на Давида, пусть либо возьмет его, либо стонит с княжения».

Святополк целовал крест поступать по требованию Владимира и его товарищей.

Князья собрались идти на Давида, а Давид, узнав об этом, стал пытаться поладить с Васильком и заставить его самого отклонить от Давида опасность, которой подвергался Давид за Василька.

Призвал ночью Давид какого-то Василия, которого рассказ включен в летопись целиком. Давид сказал ему:

«Василько в эту ночь говорил Улану и Колчке, что ему хочется послать от себя мужа своего к князю Владимиру. Пошлю тебя, Василий, идти к одноименнику своему и скажи ему от меня: если ты пошлешь своего мужа к Владимиру и Владимир воротится, я дам тебе какой хочешь город: либо Всеволожь, либо Шепель, либо Перемиль». Василий отпра-

вился к Васильку и передал ему речь Давида. «Я ничего такого не говорил, – сказал Василько, – но готов послать мужа, чтобы не проливали из-за меня крови; дивно только, что Давид дает мне города свои, а мой Теробовль у него. Ступай к Давиду и скажи, пусть пришлет ко мне Кульмея. Я пошлю его к князю Владимиру». Василий сходил к Давиду и, воротившись, сказал, что Кульмея нет.

Василько сказал: «Посиди со мной немного». Он велел слуге выйти вон и говорил Василию:

«Слышу, что Давид хочет меня отдать ляхам, не насытился он еще моей кровью; еще больше хочет упиться ею. Я много зла наделал ляхам и хотел еще наделать и мстить им за русскую землю. Пусть выдает меня ляхам, смерти я не боюсь. Скажу только тебе по правде. Наказал меня Бог за мое высокомерие; ко мне пришла весть, что идут ко мне берендичи, печенеги, торки, и я сказал себе в уме: как будут у меня берендичи, печенеги, торки, скажу я брату своему Володарю и Давиду: дайте мне свою меньшую дружину, а сами пейте себе и веселитесь; я же зимою пойду на ляхскую землю, а на лето завоюю ляхскую землю и отомщу за русскую землю. Потом я хотел овладеть дунайскими болгарами и поселить их у себя, а потом хотел проситься у Святополка и Владимира идти на половцев: либо славу себе найду, либо голову сложу за русскую землю; иного помышления у меня в сердце не было ни на Святополка, ни на Давида. Клянусь Богом и его пришествием, не мыслил я никакого зла брату; но за мое

возношение низложил меня Бог и смирил!» Неизвестно, чем кончились эти сношения Давида с Васильком, но, вероятно, Василько остановил Владимира, потому что в этом году не было от него нападения на Давида. Наступала Пасха. Давид не выпустил Василька и, напротив, хотел захватить волость ослепленного; он пошел туда с войском, но у Божска встретил его Володарь. Давид был такой же трус, как и злодей. Он не осмелился вступить в бой и заперся в Божске. Володарь осадил его и послал к нему такое слово: «Зачем наделал зла и еще не каешься. Опомнись!» – «Разве я это сделал, – отвечал Давид, – разве в моем городе это сделалось? Виною всему Святополк: я боялся, чтобы и меня не взяли и не сделали со мною того же; поневоле пришлось мне пристать к нему в совет, был у него в руках».

Володарь не перечил ему, стараясь только о том, как бы выручить брата из неволи. «Бог свидетель всему этому, – послал он сказать Давиду, – а ты выпусти моего брата, и я с тобой примирюсь».

Давид обрадовался, приказал привести слепого и отдал его Володарю. Они заключили мир и разошлись.

Но на другую весну (1098) Володарь и Василько с войском шли на Давида. Они подошли к городу Всеволожу, взяли его приступом и зажгли; жители бежали, Василько приказал всех их истребить и мстил за себя невинным людям, замечает летописец, Василько показал, что хотя он и был несчастен, но вовсе не любил русской земли в той мере, как говорил.

Братья подошли к Владимиру. Трусливый Давид заперся в нем. Братья князя послали к владимирцам такое слово:

«Мы пришли не на ваш город и не на вас, а пришли мы на врагов своих: на Туряка, Лазаря и Василия, – они подговорили Давида; он их послушал и сделал зло. Если хотите биться за них, – и мы готовы; а не хотите, – так выдайте врагов наших».

Владимирские граждане собрались на вече и так сказали Давиду:

«Выдай этих мужей, мы за них не бьемся; за тебя же биться можем; если не выдашь, – мы отворим город, а ты сам о себе промышляй как знаешь».

Давид отвечал: «Их нет здесь, я послал их в Луцк; Туряк бежал в Киев, Василий и Лазарь в Турийске».

«Выдай тех, кого они хотят, – крикнули горожане, – а не то – мы сдадимся!»

Давиду нечего было делать. Он послал за своими любимцами: Василием и Лазарем, и выдал их.

Братья Ростиславичи по заре повесили Василия и Лазаря перед городом, а сыновья Василька расстреляли их стрелами. Совершивши казнь, они отступили от города.

После этой расправы на Давида пошел Святополк, который до сих пор медлил исполнением княжеского приговора наказать Давида за его злодеяние. Давид искал помощи у польского князя Владислава Германа, но последний взял с него деньги за помощь и не помог. После семинедельной

осады во Владимире Давид сдался и уехал в Польшу.

В великую субботу 1098 года Святополк вошел во Владимир. Овладев Волынью, киевский князь думал, что не худо таким же способом овладеть и волостями Ростиславичей, за которые он начал войну с Давидом. Володарь, предупреждая нападение, вышел против киевского князя и взял с собою слепого брата. Враги встретились на урочище, называемом Рожново поле. Когда рати готовы были ударить друг против друга, вдруг явился слепой Василько с крестом в руке и кричал, обращая речь свою к Святополку:

«Вот крест, который ты целовал перед тем, как отнял у меня зрение! Теперь ты хочешь отнять у меня душу. Этот честный крест рассудит нас!»

Произошла жестокая битва. Ростиславичи победили. Святополк бежал во Владимир. Победители не погнались за ним. «С нас довольно стать на своей меже», – говорили они.

Тогда у Ростиславичей и у их врага Давида явилось общее дело: защищать себя от Святополка, тем более, что киевский князь не думал оставлять их в покое и, посадив одного из своих сыновей, Мстислава, во Владимире-Волынском, другого, Ярослава, послал к уграм (венграм) подвигать их на Володаря, а сам ушел в Киев, вероятно, замышляя посадить этого самого Ярослава в уделе Ростиславичей, выгнавши последних, подобно тому, как он уже выгнал Давида. Святополк хотел воспользоваться вспыхнувшею враждою между Давидом и Ростиславичами для того, чтобы доставить на их

счет владения своим сыновьям. Давид прибыл из Польши и сошелся с Володарем. Заклятые враги помирились, и Давид оставил свою жену у Володаря, а сам отправился нанимать половецкую орду, которою управлял воинственный и свирепый хан Боняк. Вероятно, Давид успел уверить Володаря, что в самом деле виной злодеяния, совершенного над Васильком, был не он, а Святополк.

Володарь сидел в Перемышле. Пришли венгры со своим королем Коломаном, приглашенные Ярославом Святополковичем, и осадили Перемышль. На счастье Володаря Давиду не пришлось далеко ездить за половцами: он встретил Боняка где-то недалеко и привел его в Перемышль.

Накануне ожидаемой битвы с венграми, Боняк в полночь отъехал от войска в поле и стал выть по-волчьи. Ему вторили голоса множества волков. Таково было половецкое гаданье. «Завтра, – сказал Боняк, – мы победим угров». Дикое предсказание половецкого хана сбылось. «Боняк, – говорит современный летописец, – сбил угров в мяч так, как сокол сбивает галок». Венгры бежали. Много их потонуло и в Вагре и в Сане. Давид двинулся к Владимиру и овладел Владимирскою волостью. В самом городе сидел Мстислав Святополкович с засадой (гарнизонем), состоявшей из жителей владимирских пригородов: берестьян, пинян и выгошевцев. Давид начал делать приступы: дождем сыпались с обеих сторон стрелы: осаждающие закрывались подвижными вежами (башнями); осажденные стояли на стенах за досками; таков

был тогдашний способ войны. В одну из таких перестрелок, 12 июня 1099 года, стрела сквозь скважину доски поразила насмерть князя Мстислава. Осажденные после его смерти терпели тягостную осаду до августа, наконец Святополк прислал к ним на выручку войско. Августа 5 Давид не устоял в битве с присланным войском и бежал к половцам. Победители ненадолго овладели Владимиром и Луцком. Давид, пришедши с Боняком, отнял у них и тот и другой город.

Намерение Мономаха соединить князей на единое дело против половцев не только не привело к желанной цели, а, напротив, повело к многолетней войне между князьями; для русской земли от этого умножилось горе. Однако на следующий 1100 год Мономаху таки удалось опять устроить между князьями совещание и убедить Давида Игоревича отдаться на княжеский суд. Давид сам прислал к князьям послов по этому делу. К сожалению, мы не знаем подробностей подготовки к этому делу. 10 августа князья: Владимир Мономах, Святополк, Олег с братом Давидом сошлись в Витичеве, а через двадцать дней, 30 августа, они снова сошлись на том же месте, и уже тогда был с ними Давид Игоревич.

«Кому есть на меня жалоба?» – спросил Давид Игоревич. «Ты присылал к нам, – сказал Владимир, – объявил, что хочешь жаловаться перед нами за свою обиду. Вот теперь ты сидишь с братьею на одном ковре. На кого у тебя жалоба?» Давид ничего не отвечал.

Тогда князья сели на лошадей и стали врознь каждый со

своею дружиною. Давид Игоревич сидел особо. Князья рассуждали о Давиде: сначала каждый князь со своею дружиною, а потом совещались между собою и послали Давиду от каждого князя мужей. Эти мужи сказали Давиду такую речь:

«Вот что говорят тебе братья: не хотим тебе дать стола Владимирского за то, что ты вверг нож между нас, сделал то, чего еще не бывало в русской земле: но мы тебя не берем в неволю, не делаем тебе ничего худого, сиди себе в Бужске и в Остроге; Святополк придает тебе Дубен и Чарториск, а Владимир дает тебе 200 гривен да еще Олег и Давид дают тебе 200 гривен». Потом князья послали к Володарю такое слово: «Возьми к себе брата своего Василька; будет вам обоим Перемышль. Хотите, живите вместе, а не хотите-отпусти Василька к нам; мы будем его кормить!»

Володарь с гневом принял такое предложение; Святополк и Святославичи хотели выгнать Ростиславичей из их волости и послали приглашать к участию в этом предприятии Владимира, который после съезда в Витичеве поехал в северные свои области и был на Волге, когда пришел к нему вызов от Святополка идти на Ростиславичей: «Если ты не пойдешь с нами, то мы будем сами по себе, а ты сам по себе». Видно, что и на витичевском съезде Владимир не ладил с князьями и не совсем одобрял их постановления: «Я не могу идти на Ростиславичей, – отвечал он им, – и преступать крестное целование. Если вам не нравится последнее, принимайте прежнее» (т.е. постановленное в Любече). Владимир был тогда

огорчен, как показывают и слова в его духовной, касающиеся описываемого события. По этому поводу он счел уместным привести выражение из псалтыря: «Не ревнуй лукавствующим, не завиди творящим беззаконие!» В самом деле, то, чем покончили князья свои междоусобия, мало представляло справедливости. Владимир не противоречил им во многом, потому что желал как бы то ни было прекратить междоусобия, чтобы собрать силы русских земель против общих врагов половцев.

Святополку, как киевскому князю, хотелось, подобно своим предшественникам, власти над Новгородом, и для этого желал он посадить в Новгороде своего сына, между тем там уже был князем сын Мономаха Мстислав. Владимир уступил Святополку, а вместо новгородского княжения Святополк обещал Мстиславу Владимирское.

Мономах призвал Мстислава из Новгорода в Киев, но вслед за Мстиславом приехали новгородские послы и повели такую речь Святополку:

«Приславшие нас велели сказать: не хотим Святополка и сына его; если у него две головы, то посылай его. Нам дал Мстислава Всеволод, мы его вскормили, а ты, Святополк, уходил от нас».

Святополк не мог их переспорить и не в состоянии был принудить новгородцев исполнить его волю. Мстислав опять вернулся в Новгород. Новгород, по своему местоположению за неприступными болотами и дремучими лесами, чувство-

вал свою безопасность. Туда нельзя было навести ни половцев, ни ляхов; нельзя было с иноземною помощью овладеть Новгородом.

С тех пор Владимир непрерывно обращал свою деятельность на ограждение русской земли от половцев. В 1101 году Владимир поднял князей против них, но половцы, услышав о сборах русских князей, одновременно от разных орд прислали просьбу о мире. Русские согласились на мир, готовые наказать половцев за первое вероломство. В 1103 году этот мир был нарушен половцами, и Мономах побудил русских князей предпринять первый наступательный поход на половецкую землю соединенными силами. В летописи этот поход описан с большим сочувствием, и видно, что он сделал впечатление на современников. Киевский князь со своею дружиною и Владимир со своею сошлись на Долобске (на левой стороне Днепра близ Киева). Князья совещались в шатре. Святополкова дружина была против похода. Тогда раздавались такие голоса: «Теперь весна, как можно отрывать смерда от пашни; ему надобно пахать».

Но Владимир на это возразил: «Удивительно, что вы не жалеете смерда, а жалеете лошадь, на которой он пашет. Начнет смерд пахать, прибежит половчин и отымет у него лошадь, и его самого ударит стрелою, и ворвется в село, и жену и детей его возьмет в полон».

Дружина Святополкова ничего на это не могла возразить, и Святополк сказал: «Я готов».

«Ты много добра сделаешь», – сказал ему на это Мономах. После долобского совещания князья стали приглашать черниговских князей принять участие в походе, а за ними и других князей. Давид послушался, а Олег отговорился нездоровьем. Он неохотно ссорился с половцами, которые помогли ему взять Чернигов, и, быть может, рассчитывал, что дружба с ними пригодится ему и его детям. Прибыл со своей дружиной полоцкий князь Давид Всеславич, прибыли и некоторые другие князья. Русские шли конные и пешие: последние на ладьях по Днепру до Хортицы. После четырехдневного пути степью от Хортицы на урочище, называемом Сутень, русские 4 апреля встретили половцев и разбили их наголову. Половцы потеряли до двадцати князей. Один из их князей Белдюзь попался в плен и предлагал за себя большой выкуп золотом, серебром, лошадьми и скотом, но Владимир сказал ему: «Много раз поставляли вы с нами договор, а потом ходили воевать русскую землю; зачем ты не учишь сынов своих и род свой не преступать договора и не проливать христианской крови?» Он приказал затем убить Белдюзя и рассечь по членам его тело. Русские набрали тогда много овец, скота, верблюдов и невольников.

В 1107 году воинственный Боняк и старый половецкий князь Шарукан задумали отомстить русским за прежнее поражение, но были разбиты наголову под Лубнами. В 1109 году Владимир посылал воеводу Димитрия Иворовича к Дону: русские нанесли большое разорение половецким вежам. За

это на другой год половцы опустошили окрестности Переяславля, а на следующий Владимир опять с князьями предпринял поход, который более всех других облекся славою в глазах современников. Предание связало с ним чудодейственные предзнаменования. Рассказывают, что февраля 11 ночью над Печерским монастырем появился огненный столб: сначала он стал над каменною трапезою, перешел оттуда на церковь, потом стал над гробом Феодосия, наконец поднялся по направлению к востоку и исчез. Явление это сопровождалось молнией и громом. Грамотеи растолковали, что это был ангел, возвещавший русским победу над неверными. Весной Владимир с сыновьями, киевский князь Святополк со своим сыном, Ярослав и Давид с сыном на второй неделе поста отправились к Суле, перешли через Псёл, Ворсклу и 23 марта пришли к Дону, а 27 в страстной понедельник разбили наголову половцев на реке Сальнице и воротились обратно со множеством добычи и пленников. Тогда, говорит летопись, слава о подвигах русских прошла ко всем народам: грекам, ляхам, чехам и дошла даже до Рима. С тех пор надолго половцы перестали тревожить русскую землю.

В 1113 году умер Святополк, и киевляне, собравшись на вече, избрали Владимира Мономаха своим князем; но Владимир медлил; между тем киевляне, недовольные поборами своего покойного князя, напали на дом его любимца Путяты и разграбили жидов, которым потакал Святополк во время своего княжения и поверял собрание доходов. В другой раз

послали киевляне к Владимиру послов с такой речью: «Иди, князь, в Киев, а не пойдешь, так разграбят и княгиню Святополкову, и бояр, и монастыри; и будешь ты отвечать, если монастыри ограбят». Владимир прибыл в Киев и сел на столе по избранию киевской земли.

Время его княжения до смерти, последовавшей в 1125 году, было периодом самым цветущим в древней истории Киевской Руси. Уже ни половцы и никакие другие иноплеменники не беспокоили русского народа. Напротив, сам Владимир посылал своего сына Ярополка на Дон, где он завоевал у половцев три города и привел себе жену, дочь ясского князя, необыкновенную красавицу. Другой сын Владимира Мстислав с новгородцами нанес поражение Чуди на балтийском побережье, третий сын Юрий победил на Волге болгар. Удельные князья не смели заводить междоусобиц, повиновались Мономаху и в случае строптивости чувствовали его сильную руку. Владимир прощал первые попытки нарушить порядок и строго наказывал вторичные. Так, например, когда Глеб Мстиславич, один из кривских князей, напал на Слуцк и сжег его, Владимир пошел на Глеба войною, но Глеб поклонился Владимиру, просил мира, и Владимир оставил его княжить в Минске; но несколько лет спустя, вероятно, за такой же проступок, Владимир вывел Глеба из Минска, где он и умер. Точно так же в 1118 году Владимир, собрав князей, пошел на волынского князя Ярослава Святополковича, и когда Ярослав покорился ему и ударил челом, он оставил

его во Владимире, сказав ему: «Всегда иди, когда я тебя позову». Но потом Ярослав напал на Ростиславичей и навел на них ляхов; кроме того, он дурно обращался со своею женою; Владимир сердился на него и за это. Владимир выгнал Ярослава, отдавши Владимир-Волынский своему сыну Андрею. Ярослав покушался возвратить себе Владимир с помощью ляхов, венгров и чехов, но не успел, и был изменнически убит ляхами.

Не так удачны были дела Мономаха с Грецией. Он отдал свою дочь за Леона, сына византийского императора Диогена, но вслед за тем в Византии произошел переворот. Диоген был низвергнут Алексеем Комнином. Леон с помощью тестя хотел приобрести себе независимую область в греческих владениях на Дунае, но был умерщвлен убийцами, подосланными Комнином. Леон оставил сына, для которого Мономах хотел приобрести то же самое владение в Греции, которого добивался Леон, и сначала воевода Владимиров Войтишич, посадил было Владимировых посадников в греческих дунайских городах, но греки прогнали их, а в 1122 году Владимир помирился с преемником Алексея, Иоанном Комнином и отдал за него свою внучку, дочь Мстислава.

Владимир Мономах является в русской истории законодателем. Еще ранее его, при детях Ярослава, в «Русскую Правду» вошли важные изменения и дополнения. Важнейшее из изменений было то, что месть за убийство была устранена, а вместо того введено наказание платежом вир. Это повлек-

ло к усложнению законодательства и к установлению многих статей, касающихся разных случаев обид и преступлений, которые влекли за собой платеж вир в различном размере. Таким образом, различные размеры вирных платежей назначались за разного рода оскорбления и побои, наносимые одними лицами другим, как равно и за покражу разных предметов. Независимо от платежа виры за некоторые преступления, как например, за разбойничество и зажигательство, виновный подвергался потоку и разграблению – древнему народному способу наказания преступника. Убийство вора не считалось убийством, если было совершено при самом воровстве, когда вор еще не был схвачен. При Мономахе, на совете, призванном им и составленном из тысяцких: киевского, белгородского, переяславского и людей своей дружины, постановлено было несколько важных статей, клонившихся к ограждению благосостояния жителей. Ограничено произвольное взимание рез (процентов), которое при Святополке доходило до больших злоупотреблений и вызвало по смерти этого князя преследование жидов, бывших ростовщиками. При Владимире установлено, что ростовщик может брать только три раза проценты и если возьмет три раза, то уже теряет самый капитал. Кроме того, постановлен был дозволенный процент: 10 кун за гривну, что составляло около трети или несколько более, если принимать упоминаемую гривну гривною куна.⁹

⁹ Гривна была – гривна серебра и гривна кун. Гривна серебра была двоякая:

Частые войны и нашествия половцев разоряли капиталы, являлись неоплатные должники, а под видом их были и плуты. Торговые предприятия подвергали купца опасностям; от этого и те, которые давали ему деньги, также находились в опасности потерять свой капитал. Отсюда и высокие проценты. Некоторые торговцы брали у других купцов товары, не платя за них деньги вперед, а выплачивали по выручке с процентами; по этому поводу возникали обманы. При Владимире положено было различие между тем неоплатным купцом, который потерпит нечаянно от огня, от воды или от неприятеля, и тем, который испортит чужой товар, или пропьет его, или «пробьется», т.е. заведет драку, а потом должен будет заплатить виру или «продажу» (низший вид виры). При несостоятельности купца следовало принимать во внимание: от какой причины он стал несостоятелен. В первых случаях, т.е. при нечаянном разорении, купец не подвергался насилию, хотя не освобождался от платежа долга. Некоторые брали капитал от разных лиц, а также и у князей. В случае несостоятельности такого торговца его вели на торг и продавали его имущество. При этом гость, т.е. человек из иного города или чужеземец, имел первенство перед другими заимодавцами, а за ним князь, потом уже прочие заимодавцы получали остальное. Набеги половцев, проценщина, корыстолю-

большая, состоявшая в серебряных кусках, которые попадаются весом от 43 до 49 золот., и гривна малая – в кусках от 35 до 32 золот. Семь гривен кун составляло гривну серебра, следовательно, гривна кун составляла приблизительно от 6 до 7 или от 5 до 6 золотников серебра.

бие князей и их чиновников – все способствовало тому, что в массе народа умножались бедняки, которые, не будучи в состоянии прокормить себя, шли в наемники к богатым. Эти люди назывались тогда «закупами». С одной стороны, эти закупы, взяв от хозяина деньги, убегали от него, а с другой – хозяева взводили на них разные траты по хозяйству и на этом основании притесняли и даже обращали в рабство. Закон Мономаха позволял закупу жаловаться на хозяина князю или судьям, налагал определенную пеню за сделанные ему обиды и притеснения, охранял его от притязания господина в случае пропажи или порчи какой-нибудь вещи, когда на самом деле закуп был не виноват; но зато с другой стороны – угрожал закупу полным рабством в случае, если он убежит, не выполнив условия. Кроме закупов, служащих во дворах хозяев, были закупы «ролейные» (поселенные на землях и обязанные работою владельцу). Они получали плуги и бороны от владельца, что показывает обеднение народа; хозяева нередко придирались к таким закупам под предлогом, что они испортили данные им земледельческие орудия, и обращали в рабство свободных людей. Отсюда возникла необходимость определить: кто именно должен считаться холопом. Законодательство Владимира Мономаха определило только три случая обращения в холопство: первый случай, когда человек сам добровольно продавал себя в холопы или когда господин продавал его на основании прежних прав над ним. Но такая покупка должна была непременно совершаться при

свидетелях. Второй случай обращения в рабство – принятие в супружество женщины рабского происхождения (вероятно, случилось, что женщины искали освобождения от рабства посредством замужества). Третий случай, когда свободный человек без всякого договора делается должностным лицом у частного человека (тиунство без ряду, или привяжет ключ к себе без ряду). Вероятно, это было постановлено потому, что некоторые люди, приняв должность, позволяли себе разные беспорядки и обманы, и, за неимением условий, хозяева не могли искать на них управы. Только исчисленные здесь люди могли быть обращаемы в холопы. За долги нельзя было обращать в холопство, и всякий, кто не имел возможности заплатить, мог отработать свой долг и отойти. Военнопленные, по-видимому, также не делались холопами, потому что об этом нет речи в «Русской Правде» при перечислении случаев рабства. Холоп был тесно связан с господином: господин платил его долги, а также выплачивал цену украденного его холопом. Прежде, при Ярославе, за побои, нанесенные холопом свободному человеку, следовало убить холопа, но теперь постановили, что в таком случае господин платил за раба пеню. Холоп вообще не мог быть свидетелем, но когда не было свободного человека, тогда принималось и свидетельство холопа, если он был должностным лицом у своего господина. За холопа и рабу вира не полагалась, но убийство холопа или рабы без вины наказывалось платежом князю «продажи». По некоторым данным ко временам Мо-

номаха следует отнести постановления о наследстве.

Вообще, по тогдашнему русскому обычному праву, все сыновья наследовали поровну, а дочерям обязывались выдавать приданое при замужестве; меньшому сыну доставался отцовский двор. Каждому, однако, предоставлялось распорядиться своим имуществом по завещанию. В правах наследства бояр и дружинников и в правах смердов существовала та разница, что наследство бояр и дружинников ни в каком случае не переходило к князю, а наследство смерда (простого земледельца) доставалось князю, если смерд умирал бездетным. Женино имение оставалось неприкосновенным для мужа. Если вдова не выходила замуж, то оставалась полной хозяйкой в доме покойного мужа, и дети не могли удалить ее. Замужняя женщина пользовалась одинаковыми юридическими правами с мужчиной. За убийство или оскорбления, нанесенные ей, платилась одинаковая вира, как за убийство или оскорбления, нанесенные мужчине.

Местом суда в древности были: княжеский двор и торг, и это означает, что был суд и княжеский, но был суд и народный – вечевой, и, вероятно, постановления Русской Правды, имеющие главным образом в виду соблюдение княжеских интересов, не обнимали всего вечевого суда, который придерживался давних обычаев и соображений, внушенных данными случаями. Доказательствами на суде служили: показания свидетелей, присяга и, наконец, испытание водою и железом; но когда было введено последнее – мы не знаем.

Эпоха Владимира Мономаха была временем расцвета состояния художественной и литературной деятельности на Руси. В Киеве и в других городах воздвигались новые каменные церкви, украшенные живописью: так, при Святополке построен был в Киеве Михайловский Золотоверхий монастырь, стены которого существуют до сих пор, а близ Киева – Выдубицкий монастырь на месте, где был загородный двор Всеволода; кроме того, Владимир перед смертью построил прекрасную церковь на Альте, на том месте, где был убит Борис. К этому времени относится составление нашей первоначальной летописи. Игумен Сильвестр (около 1115 года) соединил в один свод прежде существовавшие уже отрывки и, вероятно, сам прибавил к ним сказания о событиях, которых был свидетелем. В числе вошедших в его свод сочинений были и писания летописца Печерского монастыря Нестора, отчего весь Сильвестров летописный свод носил потом в ученом мире название Несторовой летописи, хотя и неправильно, потому что далеко не все в ней писано Нестором, и притом не все могло быть писано одним только человеком. Мысль описывать события и расставлять их последовательно по годам явилась вследствие возникшего знакомства с византийцами-летописцами, из которых некоторые, как, например, Амартол и Малала были тогда известны в славянском переводе. Сильвестр положил начало русскому летописанию и указал путь другим после себя. Его свод был продолжаем другими летописцами по годам и разветвился на

многие отрасли, сообразно различным землям русского мира, имевшим свою отдельную историю. Непосредственным и ближайшим по местности продолжением Сильвестрова летописного свода была летопись, занимающаяся преимущественно киевскими событиями и написанная в Киеве разными лицами, сменившими одно другое. Летопись эта называется «Киевскою»; она захватывает время Мономаха, идет через все XII столетие и прерывается на событиях начальных годов XIII столетия. Во времена Мономаха, вероятно, было переведено многое из Византийской литературы, как показывают случайно уцелевшие рукописи, которые относят именно к концу XI и началу XII века. Из нашей первоначальной летописи видно, что русские грамотные люди могли читать на своем языке Ветхий Завет и жития разных святых. Тогда же по образцу византийских жизнеописателей стали составлять жития русских людей, которых уважали за святость жизни и смерти. Так, в это время уже написано было житие первых основателей Печерской обители: Антония и Феодосия и положено было преподобным Нестором, печерским летописцем, начало Патерика, или сборника житий печерских святых, сочинения, которое, расширяясь в объеме от новых добавлений, составляло впоследствии один из любимых предметов чтения благочестивых людей. В этот же период написаны были жития Св. Ольги и Св. Владимира монахом Иаковом, а также два отличных одно от другого повествования о смерти князей Бориса и Глеба, из которых од-

но приписывается тому же монаху Иакову. От современника Мономахова, киевского митрополита Никифора, родом грека, осталось одно Слово и три Послания: из них два обращены к Владимиру Мономаху, из которых одно обличительное против латин. Тогда уже окончательно образовалось разделение церквей; вражда господствовала между писателями той и другой церкви, и греки старались привить к русским свою ненависть и злобу к Западной церкви. Другой современник Мономаха, игумен Даниил, совершил путешествие в Иерусалим и оставил по себе описание этого путешествия. Несомненно, кроме оригинальных и переводных произведений собственно религиозной литературы, тогда на Руси была еще поэтическая самобытная литература, носившая на себе более или менее отпечаток старинного язычества. В случайно уцелевшем поэтическом памятнике конца XII века: «Слово о полку Игоря» упоминается о певце Бояне, который прославлял события старины и между прочим события XI века; по некоторым признакам можно предположить, что Боян воспевал также подвиги Мономаха против половцев. Этот Боян был так уважаем, что потомство прозвало его Соловьем старого времени. Сам Мономах написал «Поучение своим детям», или так называемую Духовную. В ней Мономах излагает подробно события своей жизни, свои походы, свою охоту на диких коней (зубров?), вепрей, туров, лосей, медведей, свой образ жизни, занятия, в которых видна его неутомимая деятельность. Мономах дает детям своим советы как

вести себя. Эти советы, кроме общих христианских нравоучений, подкрепляемые множеством выписок из Священного Писания, свидетельствующих о начитанности автора, содержат в себе несколько черт любопытных, как для личности характера Мономаха, так и для его века. Он вовсе не велит князьям казнить смертью кого бы то ни было. «Если бы даже преступник и был достоин смерти, – говорит Мономах, – то и тогда не следует губить души». Видно, что князья в то время не были окружены царственным величием и были доступны для всех, кому была до них нужда: «Да не посмеются приходящие к вам ни дому вашему, ни обеду вашему». Мономах поучает детей все делать самим, во все вникать, не полагаться на тиунов и отроков. Он завещает им самим судить и защищать вдов, сирот и убогих, не давать сильным губить слабых, приказывает кормить и поить всех приходящих к ним. Гостеприимство считается у него первою добродетелью: «Более всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел: посол ли, знатный ли человек или простой, всех угощайте брашном и питием, а если можно, дарами. Этим прославится человек по всем землям», завещает им посещать больных, отдавать последний долг мертвым, помня, что все смертны, всякого встречного обласкать добрым словом, любить своих жен, но не давать им над собою власти, почитать старших себя как отцов, а младших как братьев, обращаться к духовным за благословением, отнюдь не гордиться своим званием, помня, что все поручено им Богом на малое время, и не

хоронить в земле богатств, считая это великим грехом. Относительно войны Мономах советует детям не полагаться на воевод, самим наряжать стражу, не предаваться пирам и сну в походе, и во время сна в походе не снимать с себя оружие, а проходя с войском по русским землям ни в каком случае не позволять делать вред жителям в селах или портить хлеб на полях. Наконец, он велит им учиться и читать и приводит пример отца своего Всеволода, который, сидя дома, выучился пяти языкам.

Мономах скончался близ Переяславля у любимой церкви, построенной на Альте, 19 мая 1125 года, семидесяти двух лет от роду. Тело его было привезено в Киев. Сыновья и бояре понесли его к Св. Софии, где он и был погребен. Мономах оставил по себе память лучшего из князей. «Все злые умыслы врагов, – говорит летописец, – Бог дал под руки его; украшенный добрым нравом, славный победами, он не возносился, не величался, по заповеди Божией добро творил врагам своим и паче меры был милостив к нищим и убогим, не щадя имущества своего, но все раздавая нуждающимся». Монахи прославляли его за благочестие и за щедрость монастырям. Это-то благодушие, соединенное в нем с энергической деятельностью и умом, вознесло его так высоко и в глазах современников, и в памяти потомства.

Вероятно, народные эпические песни о временах киевского князя Владимира Красное Солнышко, так называемые былины Владимирового цикла, относятся не к одному Влади-

миру Святому, но и ко Владимиру Мономаху, так что в поэтической памяти народа эти два лица слились в одно. Наше предположение может подтверждаться следующим: в Новгородской летописи под 1118 годом Владимир с сыном своим Мстиславом, княжившим в Новгороде, за беспорядки и грабежи призвал из Новгорода и посадил в тюрьму сотского Ставра с несколькими соумышленниками его, новгородскими боярами. Между былинами Владимирова цикла есть одна былина о Ставре боярине, которого киевский князь Владимир засадил в погреб (тюрьмами в то время служили погреба), но Ставра освободила жена его, переодевшись в мужское платье. Имя Владимира Мономаха было до того уважаемо потомками, что впоследствии составила сказка о том, будто византийский император прислал ему знаки царского достоинства, венец и бармы, и через несколько столетий после него спустя московские государи венчались венцом, который называли «шапкою» Мономаха.

Рассуждая беспристрастно, нельзя не заметить, что Мономах в своих наставлениях и в отрывках о нем летописцев является более безупречным и благодушным, чем в своих поступках, в которых проглядывают пороки времени, воспитания и среды, в которой он жил. Таков, например, поступок с двумя половецкими князьями, убитыми с нарушением данного слова и прав гостеприимства; завещая сыновьям умеренность в войне и человеколюбие, сам Мономах, однако, мимоходом сознается, что при взятии Минска, в котором

он участвовал, не оставлено было в живых ни челядина, ни скотины. Наконец, он хотя и радел о русской земле, но и себя не забывал и, наказывая князей действительно виноватых, отбирал их уделы и отдавал своим сыновьям. Но за ним в истории останется то великое значение, что, живя в обществе, едва выходявшем из самого варварского состояния, вращаясь в такой среде, где всякий гонялся за узкими своекорыстными целями, еще почти не понимая святости права и договора, один Мономах держал знамя общей для всех правды и собирал под него силы русской земли.

Глава 5

Князь Андрей Боголюбский

Во второй половине XII-го века русской истории появляются зародыши того хода событий, который развился и установился уже под влиянием татарского завоевания. Наш древний летописец, перечисляя ветви славяно-русского племени, указывает на полян, древлян, северян и т.д., но уже говоря по преданиям о событиях IX-го и X-го века, причисляет к системе русского мира Мерю, страну, населенную финским племенем того же имени, занимавшую пространство в нынешних губерниях: Владимирской, Ярославской, Костромской и части Московской и Тверской, относя наравне с этим народом соплеменные и соседние ему племена: Мурому на юг от Мери и Весь на севере от той же Мери по течению Шексны и около Белоозера. Уже в незапамятные времена славянские поселенцы проникали в страны этих народов и селились там, как это показывают славянские названия города Ростова в земле Мери и Белоозера в земле Веси. Нам, к сожалению, неизвестен ход славянской колонизации в этих землях; несомненно, что с принятием христианства она усиливалась, возникали города с русскими жителями, а самые туземцы, принимая христианство, утрачивали вместе с язычеством свою народность и постепенно сливались с русскими, некоторые же покидали свое преж-

нее отечество и убегали далее к востоку. Недавние раскопки могил, произведенные гр. Уваровым в земле Мери, показывают, что язычество и древняя народность уже угасли в XII веке, по крайней мере, позднейшие могилы с признаками мерянской народности могут быть отнесены к этому периоду. По письменным памятникам в XII столетии мы встречаем в этих местах значительное число городов, без сомнения, русских: Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Дмитров, Углич, Зубцов, Молога, Юрьев, Владимир, Москву, Ярославль, Тверь, Галич-Мерьский, Городец и др. Беспокойства в южной Руси побуждали ее тамошних жителей переселяться в эту страну. Народ Меря стоял на низкой степени образованности, не составлял самобытного политического тела и притом не был воинственным, как показывает скудость оружия в его могилах: оттого-то он легко подчинился власти и влиянию русских. В этом-то крае, колонизованном пришельцами из разных славяно-русских земель, образовалась новая ветвь славяно-русской народности, положившая начало великорусскому народу; ветвь эта в течение последующей истории охватила все другие народные ветви в русской земле, поглотила многие из них совершенно и слила с собою, а другие ветви подчинила своему влиянию. Недостаток сведений о ходе русской колонизации в этом крае составляет важнейший, ничем незаменимый пробел в нашей истории. Тем не менее, однако, можно уже в отдаленные времена подметить те свойства, которые вообще составляли отли-

чительные признаки великорусской народности; сплочение сил в собственной земле, стремление к расширению своих владений и к подчинению себе других земель. Это проглядывает уже в истории борьбы Юрия суздальского за Киев с Изяславом Мстиславичем. То был первый зачаток стремления подчинить русские земли первенству восточно-русской земли. Юрий хотел утвердиться в Киеве, потому что, по-видимому, тяготился пребыванием в восточной стране; но если мы вникнем в смысл событий того времени, то увидим, что уже тогда вместе с этим соединялось стремление русских жителей суздальской земли властвовать в Киеве. Это видно из того, что Юрий, овладев Киевом, держался в нем с помощью пришедших с ним суздальцев. Киевляне смотрели на княжение Юрия, как на чуждое господство, а потому, после смерти Юрия, в 1157 году, перебили всех суздальцев, которым Юрий поверил управление края. Впоследствии сын Юрия Андрей не думал уже переселяться в Киев, а хотел, оставаясь в суздальской земле, властвовать над Киевом и прочими русскими землями таким образом, чтобы суздальская земля приобрела то значение первенствующей земли, какое было прежде за Киевом. С Андрея начинает обозначаться яркими чертами самобытность суздальско-ростовской земли и вместе с тем стремление к первенству в русском мире. В эту-то эпоху выступил в первый раз на историческое поприще народ великорусский. Андрей был первый великорусский князь; он своею деятельностью положил

начало и показал образец своим потомкам; последним, при благоприятных обстоятельствах, предстояло совершить то, что намечено было их прародителем.

Андрей родился в суздальской, или, точнее, ростовско-суздальской земле, там провел он детство и первую юность, там усвоил он первые впечатления, по которым сложились у него взгляды на жизнь и понятия. Судьба бросила его в омут безвыходных междоусобий, господствовавших в южной Руси. После Мономаха, который был киевским князем по выбору земли, в Киеве княжили один за другим два сына его, Мстислав и Ярополк; спора у них за землю не было, и их можем мы причислить к истинным земским избранным князьям, как и отца их, потому что киевляне дорожили памятью Мономаха и любили сыновей его. Но в 1139 году черниговский князь Всеволод Ольгович выгнал третьего сына Мономахова, слабого и ограниченного Вячеслава, и овладел Киевом посредством оружия. Этим открыт был путь нескончаемой неурядице в южной Руси. Всеволод держался в Киеве при помощи своих черниговцев. Ему хотелось упрочить за своим родом Киев: Всеволод предложил киевлянам выбрать брата его Игоря. Киевляне поневоле согласились. Но как только Всеволод умер, в 1146 году, киевляне избрали себе князем сына старшего Мономаховича, Изяслава Мстиславича, низложили Игоря; потом, когда за последнего подняли войну его братья, киевляне убили Игоря всенародно, несмотря на то, что он уже отрекся от мира и вступил в Пе-

черский монастырь.

Изяслав счастливо разделался с Ольговичами, но против него поднялся новый неутомимый соперник, дядя его, князь суздальский Юрий Долгорукий, младший сын Владимира Мономаха. Началась долголетняя борьба, и в этой борьбе участвовал Андрей. Дела запутывались так, что междоусобию, казалось, не будет конца. Киев несколько раз переходил то в руки Изяслава, то в руки Юрия; киевляне совершенно сбились с пути: уверят Изяслава в своей готовности умирать за него, а потом перевозят Юрия через Днепр к себе и заставляют бежать Изяслава; принимают к себе Юрия и вслед за тем сносятся с Изяславом, призывают Изяслава к себе и прогоняют Юрия; вообще, однако, легко уступают всякой силе. Киевляне, несмотря на такое непостоянство, вынуждаемое обстоятельствами, неизменно любили Изяслава и ненавидели Юрия с его суздальцами. В течение этой усобицы Андрей не раз показывал храбрость в битвах, но также не раз пытался установить мир между раздраженными спорившими сторонами: все было напрасно. В 1151 году, когда Изяслав временно взял решительный перевес, Андрей убеждал отца удалиться в суздальскую землю и сам прежде него поторопился уйти в этот край – во Владимир-на-Клязьме, пригород, данный ему отцом в удел. Но Юрий ни за что не хотел оставлять юга, опять начал добиваться Киева, наконец, по смерти Изяслава, в 1154 г. овладел им и посадил Андрея в Вышгороде. Юрию хотелось иметь этого сына близ

себя, вероятно, с тем, чтобы передать ему киевское княжение, и с этою целью он назначил отдаленные от Киева города Ростов и Суздаль меньшим своим сыновьям. Но Андрея не пленяли никакие надежды в южной Руси. Андрей был столько же храбр, сколько и умен, столько же расчетлив в своих намерениях, сколько и решителен в исполнении. Он был слишком властолюбив, чтобы поладить с тогдашним складом условий в южной Руси, где судьба князя постоянно зависела и от покушений других князей, и от своенравия дружин и городов; притом соседство половцев не давало и вперед никакого ручательства на установление порядка в южнорусском крае, потому что половцы представляли собою удобное средство князьям, замышлявшим добывать себе силою города. Андрей решился самовольно бежать навсегда в суздальскую землю. Шаг был важный; современник летописец счел нужным особенно заметить, что Андрей решился на это без отцовского благословения.

У Андрея, как видно, созрел тогда план не только удалиться в суздальскую землю, но утвердить в ней средоточие, из которого можно будет ворочать делами Руси. Летопись говорит, что с ним в соумышлении были его свойственники бояре Кучковы. Мы думаем, что у него было тогда много сторонников как и в суздальской земле, так и в киевской. Первое оказывается из того, что в ростовско-суздальской земле любили его и скоро потом выказали эту любовь тем, что посадили князем по избранию; о втором свидетельствуют при-

знаки значительного переселения жителей из киевской земли в суздальскую; но Андрею, действовавшему в этом случае против отцовской воли, нужно было освятить свои поступки в глазах народа каким-нибудь правом. До сих пор в сознании русских для князей существовало два права – происхождения и избрания, но оба эти права перепутались и разрушились, особенно в южной Руси. Князья, мимо всякого старейшинства по рождению, добивались княжеских столов, а избрание перестало быть единодушным выбором всей земли и зависело от военной толпы – от дружин, так что, в сущности, удерживалось еще только одно право – право быть князьями на Руси лицам из Рюрикова дома; но какому князю где княжить, – для того уже не существовало никакого другого права, кроме силы и удачи. Надобно было создаться новому праву. Андрей нашел его; это право было высшее непосредственное благословение религии.

Была в Вышгороде в женском монастыре икона Св. Богородицы, привезенная из Цареграда, писанная, как гласит предание, Св. евангелистом Лукою. Рассказывали о ней чудеса, говорили, между прочим, что, будучи поставлена у стены, она ночью сама отходила от стены и становилась посреди церкви, показывая как будто вид, что желает уйти в другое место. Взять ее явно было невозможно, потому что жители не позволили бы этого. Андрей задумал похитить ее, перенести в суздальскую землю, даровать таким образом этой земле святыню, уважаемую на Руси, и тем показать, что над этою

землю почиет особое благословение Божие. Подговоривши священника женского монастыря Николая и диякона Нестора, Андрей ночью унес чудотворную икону из монастыря и вместе с княгинею и соумышленниками тотчас после того убежал в суздальскую землю. Путешествие этой иконы в суздальскую землю сопровождалось чудесами: на пути своем она творила исцеления. Уже в голове Андрея была мысль поднять город Владимир выше старейших городов Суздаля и Ростова, но он хранил эту мысль до поры до времени втайне, а потому проехал Владимир с иконою мимо и не оставил ее там, где, по его плану, ей впоследствии быть надлежало. Но не хотел Андрей везти ее ни в Суздаль, ни в Ростов, потому что, по его расчету, этим городам не следовало давать первенства. За десять верст от Владимира по пути в Суздаль произошло чудо: кони под иконою вдруг стали; запрягают других посильнее, и те не могут сдвинуть воза с места. Князь остановился; раскинули шатер. Князь заснул, а поутру объявил, что ему являлась во сне Божия Матерь с хартиєю в руке, приказала не везти ее икону в Ростов, а поставить во Владимире; на том же месте, где произошло видение, соорудить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать при ней монастырь. В память такого видения написана была икона, изображавшая Божию Матерь в том виде, как она явилась Андрею с хартиєю в руке. Тогда на месте видения заложено было село, называемое Боголюбовым. Андрей соорудил там богатую каменную церковь; ее утварь и иконы

украшены были драгоценными камнями и финифтью, столпы и двери блистали позолотою. Там поставил он временно икону Св. Марии; в окладе, для нее сделанном Андреем, было пятнадцать фунтов золота, много жемчуга, драгоценных камней и серебра.

Заложенное им село Боголюбово сделалось его любимым местопребыванием и усвоило ему в истории прозвище Боголюбского.

Мы не знаем, что делал Андрей до смерти отца, но, без сомнения, он в это время вел себя так, что угодил всей земле. Когда отец умер в Киеве после пира у какого-то Петрила, 15 мая 1157 года, ростовцы и суздальцы со всею землею, нарушив распоряжение Юрия, отдававшего Ростов и Суздаль меньшим сыновьям, единодушно избрали Андрея князем всей своей земли. Но Андрей не поехал ни в Суздаль, ни в Ростов, а основал свою столицу во Владимире, построил там великолепную церковь Успения Богородицы с позолоченным верхом¹⁰ из белого камня, привезенного водою из Болгарии. В этом храме поставил он похищенную из Вышгорода икону, которая с тех пор начала носить имя Владимирской.

С тех пор Андрей явно показал свое намерение сделать Владимир, бывший до того времени только пригородом, главным городом всей земли и поставить его выше старых

¹⁰ По одним известиям, был один купол, по другим – пять; вероятнее первое, потому что в те времена обыкновенно строились церкви с одним верхом.

городов, Ростова и Суздаля. Андрей имел в виду то, что в старых городах были старые предания и привычки, которые ограничивали власть князя. Ростовцы и суздальцы избрали Андрея на вече. Они считали власть князя ниже своей вечевой власти; живя в Ростове или Суздале, Андрей мог иметь постоянные пререкания и должен был подлаживаться к горожанам, которые гордились своим старейшинством. Напротив, во Владимире, который ему обязан был своим возвышением, своим новым старейшинством над землею, воля народная должна была идти об руку с волею князя. Город Владимир, прежде малый и незначительный, сильно разросся и населился при Андрее. Жители его состояли в значительной степени из переселенцев, ушедших к Андрею из южной Руси на новое жительство. На это явно указывают названия урочищ во Владимире; там были река Лыбедь, Печерный город, Золотые Врата с церковью над ними, как в Киеве, и Десятинная церковь Богородицы: Андрей из подражания Киеву дал построенной им во Владимире церкви десятину от своих стад и от торгового и сверх того город Гороховец и села. Андрей строил много церквей, основывал монастыри, не жалел издержек на украшение храмов. Кроме церкви Успения, возбуждавшей удивление современников великолепием и блеском иконостаса, паникадил, сменной живописью и обильною позолотою, он построил во Владимире монастыри Спасский, Вознесенский, соборный храм Спаса в Переяславле, церковь Св. Федора Стратилата, которому он приписывал свое спа-

сение во время одной битвы, когда он вместе с отцом участвовал в княжеских междоусобиях на юге, церковь Покрова при устье Нерли и много других каменных церквей. Андрей приглашал для этого мастеров с Запада, а между тем начало развиваться и русское искусство, так что при Андрееве преемнике русские мастера уже без пособия иностранцев строили и расписывали свои церкви.

Построение богатых церквей указывает столько же на благосостояние края, сколько и на политический такт Андрея. Всякая новая церковь была важным событием, возбуждавшим внимание народа и уважение к ее строителю. Понимая, что духовенство составляло тогда единственную умственную силу, Андрей умел приобрести любовь его, а тем самым укреплял свою власть в народе. В приемах его жизни современники видели набожного и благочестивого человека. Его всегда можно было видеть в храме на молитве, со слезами умиления на глазах, с громкими воздыханиями. Хотя его княжеские тиуны и даже покровительствуемые им духовные позволяли себе грабительства и бесчинства, но Андрей всенародно раздавал милостыню убогим, кормил чернецов и черниц и за то слышал похвалы своему христианскому милосердию. Нередко по ночам он входил в храм, сам зажигал свечи и долго молился перед образами.

В то время к числу благочестивых подвигов князя, составлявших его славу, относились и войны его с неверными. По соседству с волостью Андрея, на Волге, было царство Бол-

гарское. Болгары, народ финского, или, вероятнее, смешанного племени, еще в десятом веке приняли магометанство. Они давно уже жили не в ладах с русскими, делали набеги на русские области, и русские князья не раз ходили биться против них: такие битвы считались богоугодным делом. Андрей два раза воевал с этим народом и первый раз отправился с войском против него в 1164 году. Он взял с собою Св. икону Богородицы, привезенную из Вышгорода; духовенство шло пешее и несло ее под знаменами. Сам князь и все войско перед походом причащались Св. Тайн. Поход кончился удачно; князь болгарский бежал; русские взяли город Ибрагимов (в наших летописях Бряхимов). Князь Андрей и духовные приписывали эту победу чудотворному действию иконы Богородицы; событие это поставлено было в ряду многочисленных чудес, истекавших от этой иконы, и в память его было установлено празднество с водосвящением, совершаемое до сих пор 1 августа. Патриарх цареградский, по желанию Андрея, утвердил этот праздник тем охотнее, что русское торжество совпало с торжеством греческого императора Мануила, одержавшего победу над Сарацинами, которую приписывали действию Животворящего Креста и хоругви с изображением Христа Спасителя.

Но не так благосклонно отнесся к желаниям Андрея патриарх Лука Хризотерх, когда Андрей обратился к нему с просьбою посвятить в митрополиты во Владимир своего любимца Феодора. Этим нововведением Андрей хотел ре-

шительно возвысить Владимир, зависевший от ростовской епархии; тогда Владимир не только стал бы выше Ростова и Суздаля, а получил бы еще первенствующее духовное значение в ряду русских городов иных земель. Но патриархи, следуя давнему обычаю восточной церкви, не легко и не сразу соглашались на всякие изменения в порядке церковного управления. И на этот раз не согласился патриарх на такую важную перемену, тем более что ростовский епископ Нестор был еще в живых и, преследуемый не любившим его Андреем, бежал тогда в Цареград. Через несколько лет, однако, 1168 года, любимец Андрея Феодор, съездив в Цареград, выхлопотал себе посвящение если не в сан митрополита, то в сан епископа Ростовского. По желанию Андрея, он хотя числился ростовским, но должен был жить во Владимире, так как на это патриарх дал дозволение. Таким образом, его любимый Владимир, если не мог в духовном управлении получить того первенства в Руси, которое принадлежало Киеву, по крайней мере, делался выше Ростова, как местопребывание епископа. Любимец Андрея Феодор до того возгордился, что подобно своему князю, ни во что ставившему Киев, не хотел знать киевского митрополита: не поехал к нему за благословением и считал для себя достаточным поставление в епископы от патриарха. Так как это было нарушение давнего порядка на Руси, то владимирское духовенство не хотело ему повиноваться: народ волновался. Феодор затворил церкви и запретил богослужение. Если веригь летописям, то Феодор

по этому поводу, принуждая повиноваться своей верховной власти, позволял себе ужасные варварства: мучил непокорных игуменов, монахов, священников и простых людей, рвал им бороды, рубил головы, выжигал глаза, резал языки, отбирая имения у своих жертв. Хотя летописец и говорит, что он поступал таким образом, не слушая Андрея, послывшего его ставиться в Киев, но трудно допустить, чтобы все это могло происходить под властью такого властолюбивого князя против его воли. Если подобные варварства не плод преувеличения, то они могли совершаться только с ведома Андрея, или, по крайней мере, Андрей смотрел сквозь пальцы на проделки своего любимца и пожертвовал им только тогда, когда увидел, что народное волнение возрастает и может иметь опасные последствия. Как бы то ни было, Андрей, наконец, отправил Феодора к киевскому митрополиту, который приказал отрубить злодею правую руку, отрезать язык и выколоть глаза. Это – по византийскому обычаю.

Андрею не удалось возвысить свой Владимир в церковном отношении на степень митрополии. Тем не менее Андрей в этом отношении наметил заранее то, что совершилось впоследствии, при его преемниках.

Андрей был посажен на княжение всею землею, в ущерб правам меньших братьев, которые должны были княжить там по распоряжению родителя. Решительный в своих действиях, Андрей предупредил всякие со стороны их попытки к междоусобиям, разом выгнал своих братьев Мстислава,

Василька, восьмилетнего Всеволода (1162) и удалил от себя двух племянников Ростиславичей. Братья вместе со своею матерью, греческою царевною, отправились в Грецию, где греческий император Мануил принял их дружелюбно. Это изгнание не только не было событием, противным земле, но даже в летописях оно приписывается как бы земской воле. Андрей выгонял также и бояр, которых не считал себе достаточно преданными. Такие меры сосредоточивали в его руках единую власть над всею ростовско-суздальскою землею и через то самое давали этой земле значение самой сильнейшей земли между русскими землями, тем более что, будучи избавлена от междоусобий, она была в то время спокойна от всякого внешнего вторжения. Но с другой стороны, эти же меры увеличивали число врагов Андрея, готовых, при случае, погубить его всеми возможными средствами.

Забравши в свои руки власть в ростовско-суздальской земле, Андрей ловко пользовался всеми обстоятельствами, чтобы показывать свое первенство во всей Руси; вмешиваясь в междоусобия, происходившие в других русских землях, он хотел разрешать их по своему произволу. Главною и постоянною целью его деятельности было унижить значение Киева, лишить древнего старейшинства над русскими городами, перенести это старейшинство на Владимир, а вместе с тем подчинить себе вольный и богатый Новгород. Он добивался того, чтобы, по своему желанию, отдавать эти два важнейших города с их землями в княжение тем из князей, ко-

торых он захочет посадить и которые, в благодарность за то, будут признавать его старейшинство. Когда по смерти Юрия Долгорукого возник спор за Киев между черниговским князем Изяславом Давидовичем и Ростиславом, братом Изяслава Мстиславича, Андрей мирволил Изяславу, хотя прежде этот князь был врагом отца его. В 1160 году он съехался с ним на Волоке и умыслил выгнать Ростиславова сына Святослава из Новгорода. В Новгороде уже несколько лет происходила безурядица; призывали и выгоняли то тех, то других князей. Незадолго до того, еще при Юрии, княжил там брат Андрея Мстислав. В 1158 году новгородцы прогнали его и призвали сыновей Ростислава, Святослава и Давида: из них первого посадили в Новгороде, а другого в Торжке, но и против них скоро образовалась в Новгороде враждебная партия. Рассчитывая на помощь этой партии, Андрей послал в Новгород такое требование: «Да будет вам ведомо, я хочу искать Новгорода добром или злом; чтобы вы целовали мне крест иметь меня своим князем, а мне вам добра хотеть». Такой отзыв усилил волнение в Новгороде, часто стали собираться бурные веча. Сначала новгородцы, руководимые благоприятелями Андрея, придрались к тому, что Новгород содержит разом двух князей, и требовали удаления Давида из Торжка. Святослав исполнил требование и выслал брата из Новгородской земли, но после того противники его не оставили Святослава в покое, подушали против него народ и довели до того, что толпа схватила Святослава на Городище,

отправила под стражею в Ладогу; его жену заключили в монастырь Св. Варвары; перековали лиц, составлявших княжескую дружину, имение их разграбили, а потом послали просить у Андрея сына на княжение. Андрей рассчитывал давать им по возможности не тех князей, каких они пожелают, а тех, каких он сам им дать захочет. Андрей послал им не сына, а своего племянника Мстислава Ростиславича. Но в следующем году (1161), когда Изяслав Давидович был побежден Ростиславом и убит, а Ростислав укрепился в Киеве, Андрей поладил с ним и приказал новгородцам взять опять к себе на княжение того Святослава Ростиславича, которого они недавно выгнали, и притом, как выражается летописец, «на всей воле его». Андрею, очевидно, было все равно, тот или другой князь будет княжить в Новгороде, лишь бы только этот князь был посажен от его руки, чтобы таким образом для новгородцев вошло в обычай получать себе князей от суздальского князя. В 1166 году умер киевский князь Ростислав, человек податливый, под конец поладивший с суздальским князем и угождавший ему. На киевское княжение был избран Мстислав Изяславич. Кроме того, что этот князь был сын ненавистного Андрею Изяслава Мстиславича, с которым так упорно боролся отец его, Андрей лично ненавидел этого князя, да и Мстислав был не из таких, чтобы угождать кому бы то ни было, кто бы вздумал показать над ним власть. У покойного Ростислава было пять сыновей: Святослав, княживший в Новгороде, Давид, Роман, Рюрик и Мсти-

слав. Сначала Мстислав Изяславич был с этими своими двоюродными братьями заодно, но потом, к большому удовольствию Андрея, между ними дружба стала нарушаться. Началось из-за Новгорода. Новгородцы по-прежнему не ладили со своим князем Святославом и прогнали его, а потом послали к киевскому Мстиславу просить у него сына. Мстислав, не желая ссориться с Ростиславичами, медлил решением. Тем временем оскорбленный Святослав обратился к Андрею; за Святослава стали смоленские князья, его братья. К ним присоединились и полочане, которые прежде не ладили с Новгородом. Тогда Андрей решительно потребовал от новгородцев, чтобы они вновь приняли изгнанного ими Святослава. «Не будет вам иного князя, кроме этого», – приказал он сказать им и прислал на помощь Святославу и его союзникам войско против Новгорода. Союзники сожгли Новый Торг, опустошали новгородские села и перерезали сообщение Новгорода с Киевом, чтобы не дать новгородцам сойтись с Мстиславом киевским. Новгородцы почувствовали оскорбление своих прав, увидели чересчур решительное посягательство на свою свободу, разгорячились и не только не сдались на требования Андрея, но убили посадника Захария и некоторых других лиц, сторонников Святослава, за тайные сношения с этим князем, выбрали другого посадника по имени Якуна, нашли возможность дать знать обо всем Мстиславу Изяславичу и еще раз просили у него сына на княжение. В это время, кстати, киевские бояре Бориславичи

успели поссорить Мстислава с двумя Ростиславичами: Давидом и Рюриком.¹¹ Когда вслед за тем новгородцы снова прислали к Мстиславу просить сына, он уже не колебался и послал к ним сына своего Романа. Ростиславичи после этого поступка сделались отъявленными врагами Мстислава. Андрей тотчас воспользовался этим, чтобы идти на Мстислава. Рязанские и муромские князья уже прежде были с Андреем заодно, соединенные войною против болгар. Полочане вошли с ним в союз по вражде к Новгороду; на Волыни был у него союзник дорогобужский князь Владимир, дядя Мстислава, бывший его соперник за Киев. Андрей тайно снесся с князьями северскими Олегом и Игорем: в Переяславле Русском княжил брат Андрея Глеб, неизменно ему преданный; с Глебом был также другой брат, молодой Всеволод, вернув-

¹¹ Ссора началась из-за того, что слуги Ростиславичей украли Мстиславовых коней и наложили на них свои клейма. Бояре Бориславичи, Петр и Нестор, уверили Давида, что Мстислав в отмщение за то хочет, зазвавши их на обед, взять под стражу. Через несколько времени Мстислав действительно призвал на обед Давида и Рюрика. Эти князья, возбужденные наговорами бояр, прежде всего потребовали, чтобы Мстислав поцеловал крест, что им не будет ничего дурного. Мстислав обиделся; оскорбилась за него и его дружина. «Не годится тебе крест целовать, – говорили его дружинники, – без нашего ведома тебе нельзя было ни замыслить, ни сделать того, что они говорят, а мы все знаем твою истинную любовь к братьям, ведаем, что ты прав перед Богом и людьми. Пошли им и скажи: я целую вам крест в том, что не мыслил ничего дурного против вас, только вы мне выдайте того, кто на меня клеветает». Обе стороны поцеловали на этом друг другу крест, но Давид потом не исполнил желания Мстислава. «Если я выдам тех, которые мне говорили, – сказал он, – то вперед мне никто ничего не скажет». От этого возникла холодность между Мстиславом и Ростиславичами.

шийся из Цареграда и получивший княжение в Остерском Городце в южной Руси. Всего, таким образом, было до 11-ти князей с их дружинами и ратью. Суздальским войском предводительствовал сын Андрея Мстислав и боярин Борис Жидиславич. На стороне Мстислава был брат Андрея Михаил, княживший в Торжке; не предвидя против себя ополчения, Мстислав Изяславич отправил его с берендеями на помощь к сыну в Новгород; но Роман Ростиславич перерезал ему путь и взял в плен.

Подручники Андрея с войсками разных русских земель сошлись в Вышгороде и в начале марта заложили стан под Киевом, близ Кирилловского монастыря, и, раздвигаясь, окружили весь город. Вообще киевляне никогда и прежде не выдерживали осады и обыкновенно сдавались князьям, приходившим добывать Киев силою. И теперь у них достало выдержки только на три дня. Берендеи и торки, стоявшие за Мстислава Изяславича, склонны были к измене. Когда враги стали сильно напирать в тыл Мстиславу Изяславичу, киевская дружина сказала ему: «Что, князь, стоишь, нам их не пересилить». Мстислав бежал в Василев, не успевши взять с собою жену и сына. За ним гнались; по нем стреляли. Киев был взят 12 марта, в среду на второй неделе поста 1169 года, весь разграблен и сожжен в продолжение двух дней. Не было пощады ни старым, ни малым, ни полу, ни возрасту, ни церквам, ни монастырям. Зажгли даже Печерский монастырь. Вывезли из Киева не только частное имущество,

но иконы, ризы и колокола. Такое свирепство делается понятным, когда мы вспомним, как за двенадцать лет перед тем киевляне перебили у себя всех суздальцев после смерти Юрия Долгорукова; конечно, между суздальцами были люди, мстившие теперь за своих родственников; что же касается до черниговцев, то у них уже была давняя вражда к Киеву, возраставшая от долгой вражды между Мономаховичами и Ольговичами.

Андрей достиг своей цели. Древний Киев потерял свое вековое старейшинство. Некогда город богатый, заслуживавший от посещавших его иностранцев название второго Константинополя, он уже и прежде постоянно утрачивал свой блеск от междоусобий, а теперь был ограблен, сожжен, лишен значительного числа жителей, перебитых или отведенных в неволю, поруган и посрамлен от других русских земель, которые как будто мстили ему за прежнее господство над ними. Андрей посадил в нем своего покорного брата Глеба, с намерением и наперед сажать там такого князя, какому ему будет угодно дать Киеву.

Разделавшись с Киевом, Андрей последовательно хотел разделаться и с Новгородом. Те же князья, которые ходили с ним на Киев, с теми же ратями, которые уничтожили древнюю столицу русской земли, пошли на север с тем, чтобы приготовить ту же судьбу и Новгороду, какая постигла Киев. «Не будем говорить, рассуждает суздальский летописец, преданный Андрею и его политике, – что новгородцы правы,

что они издавна от прародителей князей наших свободны; а если б и так было, то разве прежние князья велели им преступать крестное целование и ругаться над внуками и правнуками их?» Уже в трех церквах новгородских на трех иконах плакала Пресв. Богородица: она предвидела беду, собиравшуюся над Новгородом и его землею; она молила Сына своего не предавать новгородцев гибели, как Содом и Гоммору, но помиловать их, как ниневитян. Зимой 1170 года явилась грозная рать под Новгородом – суздальцы, смольняне, рязанцы, муромцы и полочане. В течение трех дней они устраивали острог около Новгорода, а на четвертый начали приступ. Новгородцы бились храбро, но потом стали ослабевать. Враги Новгорода, надеясь на победу, заранее в предположениях делили между собою по жребию новгородские улицы, жен и детей новгородских подобно тому, как это сделали с киевлянами; но в ночь со вторника на среду второй недели поста – как гласит предание – новгородский архиепископ Иоанн молился перед образом Спаса и услышал глас от иконы: «Иди на Ильину улицу в церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси на забрало (платформу) стены, и она спасет Новгород». На другой день Иоанн с новгородцами вознес икону на стену у Загородного конца между Добрыниной и Прусской улицами. Туча стрел посыпалась на него; икона обратилась назад; из глаз ее потекли слезы и упали на фелонь епископа. На суздальцев нашло одурение: они пришли в беспорядок и стали стрелять друг в друга.

Так гласит предание. Князь Роман Мстиславич к вечеру 25 февраля с новгородцами победил суздальцев и их союзников. Современный летописец, рассказывая об этом событии, ничего не говорит об иконе, но приписывает победу «силе честного креста, заступлению Богородицы и молитвам владыки». Враги бежали. Новгородцы наловили так много суздальцев, что продавали их за бесценок (по 2 нагаты).¹² Легенда об избавлении Новгорода имела важное значение на будущие времена, поддерживая нравственную силу Новгорода к борьбе его с суздальскими князьями. Впоследствии она приняла даже общее церковное во всей Руси значение: икона, которой приписывали чудотворное избавление Новгорода от рати Андрея, сделалась под именем Знаменской одною из первоклассных икон Божией Матери, уважаемых всей Русью. Праздник в честь ее был установлен новгородцами 27 ноября; праздник этот и до сих пор соблюдается православною русскою церковью.

Вскоре, однако, вражда остыла, и новгородцы поладили с Андреем. На следующий же год они невзлюбили Романа Мстиславича и прогнали от себя. Тогда был неурожай и сделалась дороговизна в Новгороде. Новгородцам нужно было получать хлеб из Суздальской области, и это было главною причиною скорого мира с Андреем. С его согласия они взяли себе в князя Рюрика Ростиславича, а в 1172 году, про-

¹² В гривне 20 нагат. По исчислению Карамзина, 6 нагат приблизительно равняются 50 к. Т. II. прим. 79.

гнав его от себя, выпросили у Андрея сына Юрия. Новгород все-таки остался в выигрыше в том отношении, что Андрей должен был показывать уважение к правам Новгорода и хотя посылал ему князей, но уже не иначе, как на всей воле новгородской.

Несмотря на поражение, нанесенное Киеву, Андрею пришлось еще раз посылать туда войско с целью удержать его в своей власти. Посаженный им князь Глеб умер. С согласия Ростиславичей Киев захватил было дядя их Владимир Дорогобужский, бывший союзник Андрея, но Андрей приказал ему немедленно выехать и объявил, что уступает Киев Роману Ростиславичу, князю кроткого и покорного нрава. «Вы назвали меня своим отцом, – приказал Андрей сказать Ростиславичам, – хочу вам добра и даю Роману, брату вашему, Киев». Через несколько времени Андрей задумал прогнать Романа Ростиславича: был ли он недоволен Ростиславичами, находя, что они зазнаются, или же просто намеревался посадить туда брата, и потому нужно было ему их выгнать, – как бы то ни было, только он придрался к этим князьям, послал к ним своего мечника Михна с требованием выдачи Григория Хотовича и двух других лиц. «Они, – говорил он, – уморили брата моего Глеба; они все нам враги». Ростиславичи, зная, что со стороны Андрея это не более как придирка, не решились выдать людей, которых считали невиновными, и дали им средства спастись. Этого только и нужно было Андрею. Он писал им такое грозное слово: «Если не живете по моей

воле, то ты, Рюрик, ступай вон из Киева, а ты, Давид, ступай из Вышегорода, а ты, Мстислав, из Белаягорода; остается вам Смоленск: там себе делитесь как знаете». Роман повиновался и уехал в Смоленск. Андрей отдал Киев брату Михаилу, с которым помирился. Михаил остался пока в Торческе, где находился прежде на княжении, и послал в Киев брата своего Всеволода с племянником Ярополком Ростиславичем. Но другие Ростиславичи не были так безгласны, как Роман. Они отправили к Андрею посла с объяснениями; но Андрей не дал ответа. Тогда они ночью вошли в Киев, схватили Всеволода и Ярополка, осадили самого Михаила в Торческе, принудили его отказаться от Киева и довольствоваться Переяславлем, который ему уступили, а сами возвратились в Киев и посадили на киевском столе одного из своей среды: Рюрика Ростиславича. Сам непостоянный, Михаил, которого Андрей прочил в Киев, отступил снова от Андрея и пристал к Ростиславичам, так же как он против Андрея и Ростиславичей уже стоял за Мстислава Изяславича. Андрей, услышавши обо всем этом, сильно разгневался, а тут кстати пришло к нему предложение подать помощь против Ростиславичей: черниговский князь Святослав Всеволодович, помышлявший во время сумятицы овладеть Киевом, подстрекал Андрея на Ростиславичей; заодно с ним были и другие князья Ольговичи. Посол, присланный от имени этих князей, говорил Андрею: «Кто тебе враг, тот и нам враг; мы с тобой готовы».

Гордый Андрей призвал своего мечника Михна и сказал: «Поезжай к Ростиславичам, скажи им вот что: вы не поступаете по моей воле; за это ты, Рюрик, ступай в Смоленск к брату в свою отчину, а ты, Давид, ступай в Берлад, не велю тебе быть в русской земле; а Мстиславу скажи так: ты всему зачинщик: я не велю тебе быть в русской земле».

Михно передал Ростиславичам поручение своего князя. Всех более не стерпел этой речи Мстислав. «Он, – говорит современник, – от юности своей не привык никого бояться, кроме единого Бога». Он приказал остричь Михну волосы на голове и бороде и сказал: «Ступай к своему князю и передай от нас своему князю вот что: мы тебя до сих пор считали отцом и любили, ты же прислал к нам такие речи, что считаешь меня не князем, а подручником и простым человеком; делай что замыслил. Бог всему судья!»

Андрей пришел в ярость, когда увидел остриженного Михна и услышал, что сказал Мстислав. Большое ополчение Суздальской земли – ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы и рязанцы, под главным начальством сына Андрея Юрия и боярина Жидиславича, пошло в путь. Андрей, отправляя их, говорил: «Изгоните Рюрика и Давида из моей отчины, а Мстислава возьмите: ничего ему не делайте и привезите ко мне». К ним пристали новгородцы. Они шли через смоленскую землю; бедный Роман, видя у себя таких гостей, не мог сопротивляться и должен был, по требованию Андрея, послать с ними своих

смольнян. Вся эта сила вступила в черниговскую землю, и там соединился с нею Святослав Всеволодович с братьями. С другой стороны Андрей подвинул на Киев силы полоцкой земли: туровских, пинских и городенских князей, подчиненных Полоцку. Михаил Юрьевич отступил от Ростиславичей и вместе со Всеволодом и двумя племянниками поспешил овладеть Киевом. Ростиславичи не препятствовали ему. Рюрик заперся в Белгороде, Мстислав в Вышгороде, а Давида послали в Галич просить помощи у Ярослава (Осмомысла). Все ополчение главным образом напирало на Вышгород, чтобы взять Мстислава, как приказал Андрей. Много было крику, шуму, треску, пыли, мало убитых, но много раненых. 9 недель стояло это ополчение. Двоюродный брат Ростиславичей, Ярослав Изяславич Луцкий, пришедший со всею волынскою землею, искал для себя старейшинства и киевского стола, чего добивался также Святослав Всеволодович черниговский, старейший князь в ополчении. Самого Андрея здесь не было, чтобы решить этот спор своею могучею волею; а все эти князья, сами того не сознавая, только затем и явились под Вышгород, чтобы дать возможность Андрею назначить в Киев такого князя, какого ему будет угодно. Ярослав, не поладивши со Святославом Всеволодовичем, отступился от союзников, передался к Ростиславичам и двинулся к Белгороду, чтобы, соединившись с Рюриком Ростиславичем, ударить на осаждающих. В то же время союзникам угрожало прибытие галичан, по призыву Давида, на помощь Ростисла-

вичам. Со своей стороны большая часть союзников не имела ни поводов, ни охоты продолжать упорную войну. Смольняне завлечены были совершенно поневоле. Новгородцы, всегда беспокойные и переменчивые, легко охладели к делу, к которому приступили мимоходом; вероятно, также полочане и другие ополчения из белорусских городов не отличались особенным рвением, так как для них в то время был совершенно безразличен вопрос о том, кому будет принадлежать Киев. Все это вместе было причиной того, что как только союзники увидели, что сила их врагов возрастает, то в стане их сделался переполох, и они ночью, перед рассветом, бежали в таком беспорядке, что многие, переправляясь через Днепр, утонули. Мстислав сделал вылазку, погнался за ними, овладел их обозом и захватил пленных. Эта победа над двадцатью князьями и силами стольких земель прославила Мстислава Ростиславича между своими современниками и дала ему название Храброго. «Так-то, – говорит летописец, – князь Андрей какой был умник во всех делах, а погубил смысл свой невоздержанием: распалился гневом, возгордился и напрасно похвалился; а похвалу и гордость дьявол вселяет в сердце человеку».

Киев был уступлен Ростиславичами Ярославу Луцкому, который, как и следовало ожидать, недолго просидел в нем, и бедная старая столица опять начала переходить из рук в руки. Но судьба ее не зависела уже от воли суздальских князей, как это хотелось Андрею. В следующем году Ростисла-

вичи готовы были помириться с Андреем, если только на киевском престоле сядет брат их Роман. Андрею, конечно, было бы приятнее видеть там покорного себе Романа, чем ненавистную ветвь Изяслава Мстиславича или Ольговичей, родовых врагов Мономахова племени; вероятно, и Ростиславичи имели это в виду, вступивши с Андреем в сношения. Но Андрей медлил решительным ответом. «Подождите немного, – сказал он, – пошлю к братьям своим на Русь». Андрей, как видно, не решил в своем уме, в чью пользу высказать приговор. Неожиданная насильственная смерть пресекла все его планы.

При всем своем уме, хитрости, изворотливости, Андрей не установил ничего прочного в русских землях. Единственным побуждением всей его деятельности было властолюбие: ему хотелось создать около себя такое положение, в котором бы он мог перемещать князей с места на место, как пешки, посылать их с дружинами туда и сюда, по своему произволу принуждать дружитья между собою и ссориться и заставить их всех волею-неволею признавать себя старейшим и первенствующим. Для этой цели он довольно ловко пользовался неопределенными и часто бессмысленными отношениями князей, существовавшей рознью между городами и землями, возбуждал и разжигал страсти партий; в этом случае ему оказывали услуги и новгородские внутренние неурядицы, и неурожаи новгородской земли, и давнее отчуждение полоцкой земли от других русских земель, и родовая непри-

язнь Ольговичей и Мономаховичей, и неожиданные вспышки вроде ссоры Ростиславичей со Мстиславом Изяславичем, и более всего те дикие противогражданственные свойства еще неустановившегося общества, при которых люди не умеют согласить личные цели с общественными, и легко можно расшевелить страсти надеждою на взаимный грабеж: все это, однако, были временные средства и потому имели временный характер. Кроме желанья лично властвовать над князьями, у Андрея едва ли был какой-нибудь идеал нового порядка для русских земель. Что же касается до его отношений к собственно Суздальской-ростовской волости, то он смотрел на нее как будто на особую землю от остальной Руси, но которая, однако, должна властвовать над Русью. Таким образом он заботился о благосостоянии своей земли, старался обогатить ее религиозною святынею и в то же время предал на разорение Киев со всем тем, что было там исстари святого для всей Руси. В какой степени оценила ее заботы сама суздальско-ростовская земля, показывает его смерть.

Властолюбивый князь, изгнавши братьев и тех бояр, которые недостаточно ему повиновались, правил в своей земле самовластно, забывши, что он был избран народом, отягощал народ поборами через своих посадников и тиунов и по произволу казнил смертью всякого, кого хотел. Ужасные варварства, сообщаемые летописями об епископе Феодоре, его любимце, достаточно бросают мрачную тень на эпоху Андреева княжения, если бы даже половина того, что рас-

сказывалось, была правда. Андрей, как видно, час от часу становился более и более жестоким. Он постоянно жил в селе Боголюбове: там постиг его конец. Был у него любимый слуга Яким Кучкович. Князь приказал казнить его брата. Яким стал говорить своим приятелям: «Сегодня того, другого казнил, а завтра казнит и нас: разделаемся-ка с этим князем!» В пятницу, 28 июня 1175 года, собрался совет в доме Кучкова зятя Петра. Было там человек 20 и в числе их ключник Андрея Амбал, родом ясин (ясы – народ кавказского племени: полагают, что это кабардинцы), и еврей Ефрем Моизич. Замечательно (как вообще черта подобных людей), что приближенными Андрея были иноземцы: чувствуя, что свои имеют повод не любить его, он, конечно, думал обезопасить себя этим средством – и ошибся. На совете порешили убить князя в эту же ночь. Андрей, по известию одной летописи, спал один, заперши дверь, а по другим, близ него находился кощей (мальчик). Заговорщики, отправляясь на свое дело, зашли прежде в медушу (погреб), напились для смелости вина и потом направились к ложнице Андрея.

«Господине, господине!» – сказал один, толкаясь в дверь. «Кто там?» – откликнулся Андрей.

«Прокопий», – отвечали ему. Прокопий был верный слуга Андрея.

«Нет, паробче, ты не Прокопий», – ответил, догадавшись, Андрей и бросился искать меча. Был у него меч Св. Бориса, которому он приписывал особую силу, но меча при нем не

оказалось: Амбал ключник заранее унес его.

Заговорщики выломали дверь и бросились на Андрея. Князь был силен, начал бороться с ними. Впотымах убийцы ранили одного из своих, но потом, различивши князя, поражали его мечами, саблями и копьями. Думая, что уже кончили с ним, они ушли, но князь, собравши последние силы, выскочил за ними, спустился с лестницы и спрятался под сени. Убийцы слышали его стоны. «Князь сошел с сеней вниз», – закричал один. «Посмотрим», – сказали другие и бросились назад в ложницу. Князя там не было.

«Мы погибли, – закричали они, – скорее, скорее ищите его!» Зажгли поспешно свечи и по следам крови на лестнице нашли князя: он сидел, прижавшись за лестничным столбом, и молился.

Петр Кучкович отсек ему правую руку. Князь успел проговорить: «Господи, в руки твои передаю дух мой!» – и окончил жизнь.

Уже рассветало. Убийцы нашли Прокопия, княжеского любимца, и убили его. Оттуда опять взошли они на сени, набрали золота, драгоценных камней, жемчуга, разного имущества и отправили, взложивши на приготовленных их соумышленниками коней, а сами, надев на себя княжеское вооружение, собрали своих: «Что, – говорили они, – если на нас приедет дружина владимирская?» – «Пошлем во Владимир», – порешили злоумышленники.

Они послали к владимирцам, извещали о случившемся

и велели сказать: «Если кто из вас что-нибудь помыслит на нас, то мы с теми покончим. Не у вас одних была дума; и ваши есть в одной думе с нами».

Владимирцы отвечали: «Кто с вами в думе, тот с вами пусть и будет, а наше дело сторона».

Весь дом Андрея был разграблен. Так поступали, сообразно тогдашним обычаям и понятиям. Имущество казненного общею волею все отдавалось на «поток и разграбление». Обнаженное тело князя было выброшено в огород.

Был между слугами князя один киевлянин Кузьмище. Узнавши, что князь убит, он ходил и спрашивал то того, то другого: «Где мой господин?» Ему отвечали: «Вон там в огороде лежит, да не смей его трогать. Это тебе все говорят; хотим его бросить собакам. А кто приберет его, тот наш враг и того уьем».

Но Кузьмище не испугался угроз, нашел тело князя и начал голосить над ним. К нему шел Амбал.

«Амбал, враг, – закричал, завидевши его, Кузьмище, – сбрось ковер или что-нибудь – постлать или чем-нибудь прикрыть нашего господина!»

«Прочь, – сказал Амбал, – мы его выбросим псам». «Ах ты еретик, – воскликнул Кузьмище, – как псам выбросить? А помнишь ли, жид, в каком платье ты пришел сюда? Ты весь в бархате стоишь, а князь лежит голый! Сделай же милость, брось что-нибудь».

Амбал бросил ему ковер и корзно (верхний плащ). Кузь-

мище обернул ими тело убитого и пошел в церковь.

«Отоприте божницу!» – сказал Кузьмище людям, которых там встретил. Эти люди были уже на радости пьяны. Они отвечали: «Брось его тут в притворе. Вот нашел еще себе печаль с ним!»

Кузьмище положил тело в притворе, покрыв его корзном, и причитывал над ним так:

«Уже, господине, тебя твои паробки не знают, а прежде, бывало, гость придет из Царьграда или из иных сторон русской земли, а то хоть и латинин, христианин ли, поганый, ты, бывало, скажешь: поведите его в церковь и на полаты, пусть видят все истинное христианство и крестятся; и болгары, и жида, и всякая погань – все, видевшие славу Божию и церковное украшение, плачут о тебе; а эти не велят тебя в церкви положить».

Тело Андрея лежало два дня и две ночи в притворе. Духовенство не решалось отпереть церковь и совершать над ним панихиды. На третий день пришел игумен монастыря Козьмы и Дамиана, обратился к боголюбским клирошанам и говорил:

«Долго ли нам смотреть на старейших игуменов? Долго ли этому князю так лежать? Отомкните божницу, я отпою его; вложим его в гроб, пусть лежит здесь, пока злоба перестанет: тогда приедут из Владимира и понесут его туда».

По совету его, отперли церковь, положили тело в каменный гроб, пропели над ним панихиду. Этому, как видно, ни-

кто уже не мешал.

Между тем оказалось, что убийцы совершили поступок, угодный очень многим. Правление Андрея было ненавидимо. Народ, услышавши, что его убили, бросился не на убийц, а напротив, стал продолжать начатое ими. Боголюбцы разграбили весь княжий дом, в котором накоплено было золота, серебра, дорогих одежд, перебили его детских и мечников (посыльных и стражу), досталось и мастерам, которых собирал Андрей, заказывая им работу.

Грабеж происходил и во Владимире, но там одно духовное лицо, по имени Микулица (быть может, тот самый поп Никола, который помог в 1155 году Андрею похитить в Вышгороде икону Богородицы), в ризах прошел по городу с чудотворною иконою; это произвело такое впечатление, что волнение улеглось. Весть об убиении Андрея скоро разошлась по земле: везде народ волновался, нападал на княжеских посадников и тиунов, которые всем омерзели способами своего управления; их дома ограбили, а иных и убили.

Не ранее как через шесть дней после смерти князя, владимирцы, как бы опомнившись, порешили привезти тело убитого. 5 июля они отправили игумена Богородицкого монастыря Феодула с деместником (уставщиком) Лукою и с носильщиками за телом в Боголюбово, а Микулице сказали: «Собери всех попов, облачитесь в ризы, станьте с образом Богородицы перед Серебряными воротами и ждите князя!» Серебряными воротами назывались те ворота города, кото-

рые выходили на дорогу в Боголюбово; с противоположной стороны были Золотые ворота.

Народная толпа вышла из города. Когда похоронное шествие стало приближаться, показалось княжеское знамя, слышалось погребальное пение, тогда злоба уступила место печали; вспомнили, что за умершим были не одни дурные дела, но были и добрые, вспомнили его усердие к храмам и оплакивали князя.

Его погребли в церкви Св. Богородицы. Несомненно, что ненависть к Андрею не была уделом одной незначительной партии, но была разделяема народом. Иначе нельзя объяснить того обстоятельства, что тело князя оставалось непогребенным целую неделю, и народ, услышавши о насильственной смерти своего князя, обратился не на убийц его, а на его доверенных и слуг. Но, с другой стороны, если поступки этого князя, руководимого безмерным властолюбием, возбудили к себе злобу народа, то все-таки его деятельность в своем основании согласовалась с духом и характером той земли, которой он был правителем. Это всего яснее можно видеть из последующих событий и всей истории ростовско-суздальского края до самого татарского нашествия.

Ростовцы и суздальцы, в особенности первые, были недовольны Андреем за предпочтение, оказываемое городу Владимиру, и чувство досады тотчас прорвалось после смерти Андрея. Первые пригласили племянников Андрея, Ростиславичей, которые, не смея явиться во владениях дяди, про-

живали в рязанской земле; а владимирцы пригласили брата Андреева Михаила, проживавшего в Чернигове. Дошло было дело до междоусобия: ростовцы взяли верх, принудили владимирцев принять одного из Ростиславичей, Ярополка, и отзывались о владимирцах так: «Они наши холопы и каменщики: мы их город сожжем или посадника в нем от себя посадим». Но посаженные князя Ростиславичи, угождая одним ростовцам, вооружили против себя несправедливыми поборами и владимирцев, и всю землю. «Мы вольных князей принимаем к себе», – говорили владимирцы. По этой причине, когда владимирцы прогнали от себя Ярополка Ростиславича и снова пригласили к себе Михаила, то вся земля была на стороне города Владимира. Михаил вскоре умер, и владимирцы на вече выбрали меньшого сына Юрия Долгорукого Всеволода (крестное имя его было Димитрий). Ростовцы попытались подняться против него с Ростиславичами, но неудачно. За Ростиславичей пошел против Всеволода рязанский князь Глеб, однако был разбит наголову и взят в плен вместе с Ростиславичами и ростовскими боярами, которые их поддерживали. Глеб умер в тюрьме. Озлобление владимирцев против Ростиславичей было так велико, что они покусились было ослепить их против воли Всеволода. Причина этого озлобления объясняется тем, что Ростиславичи, вместе с рязанцами, навели на землю половцев. С тех пор волнения надолго утихают в ростовско-суздальской земле. По всему видно, что и в Ростове партия, ненавидевшая город Влади-

мир, искавшая власти и первенства над всею землею, состояла главным образом из бояр, которые не могли приобрести любви всего народа и увлечь его за собою. В самом Ростове жители вязали бояр и отдавали их Всеволоду. После того как с поражением рязанцев рассеяна была партия ростовских бояр, враждебная Всеволоду, Ростов оставался спокоен. Всеволод княжил долго (до 1212 года) и во многом продолжал политику Андрея, хотя поступал с гораздо большею умеренностью и мягкостью. В ростовско-суздальской земле он был вообще любим народом. По отношению к Новгороду он пользовался всеми обстоятельствами, чтобы поддерживать свое первенство и влияние над ним. Но он уступал новгородцам в случае крайнего упорства с их стороны и всегда показывал вид, что уважает новгородскую волю. Замечательно при этом, что Всеволод в делах с Новгородом должен был прибегать к крутым мерам не по личному побуждению, а по желанию дружины. Таким образом, когда он, не поладивши с новгородцами, осадил Торжок и уже готов был отступить и помириться, дружина кричала: «Князь, мы не целоваться с ними пришли», – и Торжок был взят и сожжен. По многим чертам видно, что мысль о подчинении Новгорода была мыслью всей ростовско-суздальской земли, а не одних князей ее, и оттого-то впоследствии новгородцы с таким озлоблением воевали не с одними князьями, а вообще с суздальцами и ненавидели их даже тогда, когда ладили с их князьями. С другой стороны, Всеволод поддерживал пер-

венство над рязанскими князьями, а в 1208 году, воспользовавшись безурядицей в рязанской земле, посадил там сына своего Ярослава. Но так как разом с этим князем наводнили рязанскую землю суздальцы и взяли в свои руки все управление, то рязанцы, которые сами прежде выдали Всеволоду своих князей и добровольно выбрали Ярослава, вышли из терпения, поднялись всею землею, заковали суздальцев и засадили в погреба, где многие задохлись. Поэтому Всеволод не в состоянии был удержать рязанской земли за собою.

Князь Всеволод пользовался уважением и в южной Руси, мирил между собою ссорившихся южнорусских князей, и даже в отдаленном Галиче один князь отдавался ему под покровительство. По смерти Всеволода произошло короткое междоусобие, возбужденное главным образом новгородцами. Но в 1219 году, по смерти старшего сына Всеволода, Константина, посажен был во Владимире на княжение второй сын его, Юрий, и ростовско-суздальская земля до самого татарского нашествия была избавлена от княжеских междоусобий. Достоинно замечания, что в этой земле княжило разом несколько князей, братьев и племянников Юрия, но все они действовали заодно. Все они управляли в согласии с народом, и самая власть их зависела от народа. Таким образом, когда Всеволод распределил уделы между своими сыновьями и Ярославу отдал Переяславль-Залесский, то Ярослав, приехавши в этот город и созвавши народ в соборной церкви Св. Спаса, сказал: «Братья переяславцы! Отец мой отошел

к Богу, вас отдал мне, а меня отдал вам на руки. Скажите, братья, желаете ли иметь меня своим князем?» Переяславцы отвечали: «Очень хотим, пусть так будет. Ты наш господин». И все целовали ему крест.

Это был период благосостояния восточной Руси. Земля населялась; строились церкви и монастыри; искусство поднялось до такой степени, что русские не нуждались более в иностранных мастерах: у них были свои зодчие и иконописцы. Вместе с тем распространялось там и книжное просвещение. Ростовский владыка Кирилл составил книгохранилище; под его руководством переводились с греческого и переписывались разные сочинения, принадлежащие духовной литературе. Несколько рукописей, уцелевших от этой эпохи, показывают, что искусство переписывания доходило до значительного изящества. Княжна черниговская Евфросинья, дочь Михаила Всеволодовича, завела в Суздале училище для девиц, где учила грамоте, письму и церковному пению. Правда, книжная образованность была односторонняя и вела к монастырской жизни, а потому вращалась только в избранном кругу духовных, мало проникала в народную массу, не обнимала жизненных потребностей, но при всем том нельзя не заметить, что ростовско-суздальская земля и с этими бедными начатками просвещения стояла тогда выше южных земель, где прежде появившиеся зачатки всякой умелости погибали от внутренних неурядиц и половецких разорений. Время Юрия было также периодом значительно-

го расширения Руси на северо-востоке. На месте соединения рек: Сухони и Юга построен был город Устюг, вскоре получивший важное торговое значение. Камские болгары было завладели им, но Юрий разбил их, заставил заключить мир, отпустить всех пленников, дать заложников и утвердить мир клятвою. С другой стороны русские двигались по Волге, вошли в землю мордовскую и при слиянии Оки с Волгою основали Нижний Новгород. Управляемая многими князьками, Мордва не в силах была устоять против натиска русского племени; тогда как одни мордовские князьки искали помощи болгар против русских, другие, захваченные врасплох, отдавались русским князьям в подручники и назывались «ротниками» (потому что произносили «роту», т.е. присягу). Так, в 1228 году князья двух мордовских племен Мокши и Эрзи, Пуреша и Пургас, отчаянно воевали между собою. Пуреша сделался ротником князя Юрия и просил у него помощи против своего соперника, а Пургас приглашал к себе на помощь против Пуреша болгарского князя, но болгарский князь не успел ничего сделать, а русские вошли в землю Пургаса Эрзю (называемая в летописи Русь Пургасова), опустошили ее и загнали Мордву в неприступные дремучие леса. В 1230 году Пургас покусился было на Нижний Новгород, но был отбит, а сын Пуреша напал на него с половцами и вконец опустошил его волость. Эти события сильно способствовали русской колонизации на востоке. Иногородцы покидали свои прежние жилища, бежали на юг или удаля-

лись за Волгу, а остатки их, удерживаясь в прежней земле, принимали крещение и скоро переделывались в русских. Восточно-русская народная стихия, расширяясь далее на восток, вместе с тем принимала в себя иноплеменную кровь и, таким образом, сохраняя основание славянской народности, являлась все более и более смешанною с другими. Так развивался и устанавливался тип великорусского народа.

Глава 6

Князь Мстислав Удалой

В первой четверти XIII века выдается блестящими чертами деятельность князя Мстислава Мстиславича, прозванного современниками «Удатным», а позднейшими историками «Удалым». Эта личность может по справедливости называться образцом характера, какой только мог выработаться условиями жизни дотатарского удельно-вечевого периода. Этот князь приобрел знаменитость не тем, чем другие передовые личности того времени, которых жизнеописания мы представляем. Он не преследовал новых целей, не дал нового поворота ходу событий, не создавал нового первообраза общественного строя. Это был, напротив, защитник старины, охранитель существующего, борец за правду, но за ту правду, которой образ сложился уже прежде. Его побуждения и стремления были так же неопределенны, как стремления, управлявшие его веком. Его доблести и недостатки носят на себе отпечаток всего, что в совокупности выработала удельная жизнь. Это был лучший человек своего времени, но не переходивший той черты, которую назначил себе дух предшествовавших веков; и в этом отношении жизнь его выражала современное ему общество.

В те времена сын наследовал в глазах современников честь или бесчестие своего отца. Каков был отец, таким за-

ранее готовы были считать сына. Этим определялось нравственное значение князя при вступлении его в деятельность. От него всегда ожидали продолжения отцовских дел, и только дальнейшая судьба зависела от его собственных поступков. Отец этого князя Мстислав Ростиславич приобрел такую добрую память, какой пользовались редкие из князей. Он был сын Ростислава Мстиславича, смоленского князя, правнук Мономаха, прославился богатырской защитой Вышгорода, отбиваясь от властолюбивых покушений Андрея Боголюбского, а потом, будучи призван новгородцами, одержал блестящую победу над чудью, храбро и неутомимо отстаивал свободу Великого Новгорода и пользовался восторженной любовью новгородцев. В 1180 году он умер в молодых годах в Новгороде и был единственный из выбранных новгородских князей, которым досталась честь быть погребенным в Св. Софии. Память его до такой степени была драгоценна для новгородцев, что гроб его стал предметом поклонения, и он впоследствии причислен был к лику святых. Современники прозвали его «Храбрым», и это название осталось за ним в истории. И не только храбростью – отличался он и благочестием и делами милосердия, – всеми качествами, которыми в глазах его века могла украшаться княжеская личность. До какой степени современники любили этого князя – показывает отзыв летописца; кроме общих похвал, воздаваемых и другим князьям по летописному обычаю, говоря о нем, летописец употребляет такие выражения,

которые явно могут быть отнесены только к нему одному: «Он всегда порывался на великие дела. И не было земли на Руси, которая бы не хотела его иметь у себя и не любила его. И не может вся земля русская забыть доблести его. И черные клобуки не могут забыть приголубления его». Эта-то слава родителя, эта-то любовь к нему новгородцев и всей русской земли проложили путь к еще большей славе его сыну.

Мстислав Мстиславич делается известен в истории тем, что, помогая дяде своему Рюрику против черниговского князя Всеволода, храбро защищал против него Торческ, но принужден был уйти из южной Руси. Он получил удел в Торопце, составлявшем часть смоленской земли, и долго проживал там, не выказав себя ничем особенным. Он был уже не первой молодости и имел замужнюю дочь, когда новгородские смятения вывели его на блестящее поприще.

Великий Новгород давно вошел в тесную связь, но вместе и в столкновение с суздальско-ростовской землею и с владимирскими князьями, получившими первенство в этой земле. Со времени Андрея Боголюбского князя эти стремились наложить руку на Новгород, стараясь, чтобы в Новгороде были князья из их дома и оставались их подручниками. Новгород упорно отстаивал свою свободу, но никак не мог развязаться с владимирскими князьями, потому что в самом Новгороде была партия, ради выгод тянувшая к суздальской земле. К этому побуждали новгородцев их торговые интересы. Новгородская земля была до крайности бедна земледельче-

скими произведениями. Благосостояние Новгорода опиралось единственно на торговлю. Поэтому для Новгорода было насущной потребностью находиться в добрых отношениях с такой землей, откуда он мог получать хлеб для собственно-го продовольствия и разные сырые произведения, служившие предметом вывоза за границу, особенно воск, и куда со своей стороны новгородцы могли сбывать заморские товары. Киевская Русь приходила в упадок: она была беспрестанно опустошаема кочевниками и сильно расстроена как княжескими междоусобиями, так и поражением, нанесенным Киеву Андреем Боголюбским; суздальско-ростовская земля, напротив, сравнительно с другими землями, более удалена была от нападения иноплеменников, менее страдала от междоусобий, приходила в цветущее состояние, наполнялась жителями и, естественно, стала удобным краем для торговли. Притом же она была сравнительно ближе к Новгороду других плодородных земель, и сообщение с нею представляло более удобств. Всякая вражда Новгорода с князьями этой земли отзывалась пагубно на хозяйстве Новгорода и его торговых интересах; поэтому-то в Новгороде были всегда богатые и влиятельные люди, хотевшие, во что бы то ни стало, находиться в ладах с этим краем. Суздальские князья хорошо понимали такую зависимость новгородских интересов от их владений и потому смело дозволяли себе насильственные поступки по отношению к Новгороду. Во все время продолжительного княжения суздальского князя Всеволода Юрье-

вича Новгород не любил этого князя, ссорился с ним, но отвязаться от него не мог. Со своей стороны, Всеволод, чтобы не ожесточить новгородцев, временами льстил их самолюбию, оказывал наружное уважение к свободе Великого Новгорода, а потом, при случае, заставлял их чувствовать свою железную руку. В 1209 году, угождая благоприятствующей ему партии, он вывел из Новгорода старшего своего сына Константина и послал другого сына, Святослава, без вольного избрания, как будто желая показать, что имеет право назначать в Новгород такого князя, какого ему будет угодно. Но в Новгороде, кроме партии, которая склонялась ради собственных выгод к суздальскому князю, была постоянно противная партия, которая ненавидела вообще князей суздальской земли и не хотела, чтоб оттуда приходили князья на княжение в Новгород. Эта партия взяла тогда верх и обратилась на своих противников – сторонников суздальских князей. Народ низложил посадника Дмитра, обвинил его в отягощении людей, разграбил и сжег дворы богачей, державшихся из корысти суздальской партии; а Всеволод, в отмщение за такую народную расправу, приказал задерживать новгородских купцов, ездивших по его волости, отбирать у них товары и не велел пускать из своей земли хлеба в Новгород. Это было в 1210 году.

В это время как бы внезапно является в новгородской земле торопецкий князь Мстислав. В древних известиях не видно, чтобы его призывал кто-нибудь. Мстислав является бор-

цом за правду, а правда для Новгорода была сохранение его старинной вольности. Зимой неожиданно напал Мстислав на Торжок, схватил дворян Святослава Всеволодовича и новоторжского посадника, державшегося суздальской стороны, заковал, отправил в Новгород и приказал сказать новгородцам такое слово:

«Кланяюсь Св. Софии и гробу отца моего, и всем новгородцам: пришел к вам, услыхавши, что князья делают вам насилие; жаль мне своей отчины!»

Новгородцы воодушевились, умолкли партии, притаились корыстные побуждения. Все волей-неволей стали заодно. Князя Святослава, сына Всеволодова, с его дворянами посадили под стражу на владычнем дворе и послали к Мстиславу с честною речью: «Иди, князь, на стол».

Мстислав прибыл в Новгород и был посажен на столе. Собралось ополчение новгородской земли: Мстислав повел его на Всеволода, но когда он дошел до Плоской – к нему явились послы Всеволода с таким словом от своего князя: «Ты мне сын, я тебе отец; отпусти сына моего Святослава и мужей его, а я отпущу новгородских гостей с их товарами и исправлю сделанный вред».

Всеволод был осторожен и умел вовремя уступить. Мстиславу не за что было драться. С обеих сторон целовали крест. Мстислав воротился в Новгород победителем, не проливши ни капли крови.

В следующем году (1211), по настоянию Мстислава, был

сменен новгородский владыка Митрофан, сторонник князя суздальского. Хотя он был поставлен и с согласия веча, но по предложению Всеволода; и потому его выбор казался тогда несвободным. Его низложили и сослали в Торопец, наследственный удел Мстислава. На его место избрали Антония из Хутынского монастыря. В мире он был боярин и назывался Добрыня Ядрейкович, ходил в Цареград на поклонение святыни и описал свое путешествие, а по возвращении постригся в монахи; это был человек противный суздальской партии. Мстислав ездил по новгородской земле, учреждал порядок, строил укрепления и церкви; потом предпринимал два похода на Чудь вместе со псковичами и торопчанами. В первый – взял он чудский город Оденпе. Во второй – подчинил Новгороду всю чудскую землю вплоть до моря. Взявши с побежденных дань, он дал две трети новгородцам, а треть своим дворянам (дружине).

По возвращении Мстислава из чудского похода, к нему пришло приглашение из южной Руси решить возникшее там междоусобие. Киевский князь Рюрик Ростиславич, дядя Мстислава, умер. Черниговский князь Всеволод, прозванный Чермным, выгнал с киевской земли Рюриковых сыновей и племянников и сам овладел Киевом: за несколько лет перед тем в Галиче народным судом повесили его родственников Игоревичей; Всеволод обвинял изгнанных киевских князей в соучастии и принял на себя вид мстителя за казненных. Изгнанники обратились к Мстиславу. Снова пред-

ставился Мстиславу случай подняться за правду. Линия Мономаховичей издавна княжила в Киеве; народная воля земли не раз заявляла себя в их пользу. Ольговичи, напротив, покушались на Киев и овладевали им только с помощью насилия. Мстислав собрал вече и стал просить новгородцев оказать помощь его изгнанным родственникам.

Новгородцы в один голос закричали: «Куда, князь, взглянешь ты очами, туда обратимся мы своими головами!»

Мстислав с новгородцами и своею дружиною двинулся к Смоленску. Там присоединились к нему смольняне. Ополчение пошло далее, но тут на дороге новгородцы не поладили со смольнянами. Одного смольнянина убили в ссоре, а потом несогласие дошло до того, что новгородцы не хотели идти далее. Как ни убеждал их Мстислав, новгородцы ничего не слушали; тогда Мстислав поклонился им и, распростившись с ними дружелюбно, продолжал путь со своей дружиной и смольнянами.

Новгородцы опомнились. Собралось вече. Посадник Твердислав говорил: «Братья, как наши деды и отцы страдали за русскую землю, так и мы пойдем со своим князем». Все опять пошли за Мстиславом, догнали его и соединились с ним.

Они повоевали города черниговские по Днепру, взяли приступом Речицу, подошли под Вышгород. Тут произошла схватка. Мстислав одолел. Двое князей Ольгова племени попались в плен. Вышегородцы отворили ворота. Тогда Все-

волод Чермный увидел, что дело его проиграно, и бежал за Днепр, а киевляне отворили ворота и поклонились князю Мстиславу. На киевском столе был посажен его двоюродный брат Мстислав Романович. Установивши ряд в Киеве, Мстислав отправился к Чернигову, простоял под городом двенадцать дней, заключил мир и взял со Всеволода дары, как с побежденного.

Он со славою вернулся в Новгород, и сам великий Новгород возвышался его подвигами, так как новгородская сила решала судьбу отдаленных русских областей.

Но у Мстислава было слишком много охоты к трудам и подвигам, притом не по душе ему было и то, что в Новгороде не исчезала партия, расположенная к суздальской земле. Явилось ко Мстиславу посольство из Польши, куда уже проникла его слава. Краковский князь Лешко приглашал его отнять Галич у венгров, которые, пользуясь смутами на галицкой земле, посадили там своего королевича.

Мстислав на вече поклонился Великому Новгороду и сказал: «Есть у меня дела на Руси; а вы вольны в князьях». Затем он уехал в Галич с дружиною.

В Галиче именем несовершеннолетнего венгерского королевича Коломана правили венгерский воевода Бенедикт Лысый и боярин Судислав, глава боярской партии, призвавшей венгров. Мстислав выгнал их обоих из Галича, сел в этом городе и обручил дочь свою Анну за Данила, княжившего во Владимире-Волынском. Данило был сын Романа, два раза

княжившего в Галиче, и сам в юности уже не раз был призываем и изгоняем галичанами.

Скоро пришлось Мстиславу поссориться с Лешком, который пригласил его в Галич. Князь Данило обратился к Мстиславу с жалобой на Лешка, что он захватил себе часть волынской земли, и просил содействия, чтоб отнять у него свое достояние. Мстислав, всегда верный данному слову, отвечал: «Лешко мой друг, я не могу подняться на него; ищи себе иных друзей!» Тогда Данило расправился сам и отнял у польского князя присвоенный им край. Лешко думал, что Мстислав мирволит поступкам своего зятя, заключил союз с венграми и стал воевать разом и против Мстислава, и против Данила. Мстиславовы воеводы, которые должны были первые отражать врагов, вели дела плохо и сдали венграм и полякам Перемышль и Городок (Гродек). Мстислав оставил оборонять Галич князя Данила и его двоюродного брата Александра Бельзского, а сам стал на Зубри. Александр не слушал и ушел, а Данило храбро отбивался в городе; но когда враги, оставивши осаду, двинулись на Мстислава, Мстислав приказал Данилу выйти из Галича. Данило геройски пробивался сквозь неприятельскую силу с боярином Глебом Зеремеевичем и другими и с большим трудом, терпя при этом голод, соединился с Мстиславом. Похвалив зятя за мужество, Мстислав сказал ему: «Иди, князь, теперь в свой Владимир, а я пойду к половцам, будем мстить за свое посрамление».

Но Мстислав отправился не к половцам, а на север. Пришла к нему весть, что князья опять творят насилие над его дорогим Новгородом, и он поспешил выручить его из беды.

По уходе Мстислава из Новгорода, там взяла верх суздальская партия: руководимая торговыми интересами, она решила призвать к себе князем одного из сыновей Всеволодовых Ярослава, человека нрава крутого. К нему отправились посадник, тысяцкий и десять старейших купцов. Владыка Антоний, хотя и не расположенный внутренне к такой перемене, должен был встречать нового князя с почетом.

Этот князь тотчас же начал расправляться с недоброжелателями и противниками, приказал схватить двух из них, Якуна Зуболомича и Фому Доброщинича, новоторжского посадника, и отправил их в оковах в Тверь; затем, по наущению Ярослава на вече, сторонники его разграбили дом тысяцкого Якуна, схватили жену его, и князь взял под стражу его сына. Противная ему партия взволновалась. Пруссы (жители прусской улицы) убили Евстрата и сына его Луготу, вероятно, сторонников Ярослава. Рассерженный такою народною расправою, Ярослав оставил на Городище наместника Хотя Григоровича, а сам ушел в Торжок и задумал большое дело — «обратить Торжок в Новгород».

Город Новый Торг или Торжок, новгородский пригород, в предшествовавшее время получил важное торговое значение. Новоторжцы стали соперничать с новгородцами и, естественно, желали большей или меньшей независимости

от Новгорода. Положение Торжка было таково, что добрые отношения с суздальской землей были для его жителей крайней необходимостью. Как только у Новгорода наступал разлад с суздальскими князьями и начинались враждебные действия со стороны последних против Новгорода, прежде всего доставалось Торжку: суздальские князья захватывали этот пограничный город новгородской земли. Так в 1181 году Всеволод Юрьевич, рассорившись с новгородцами, не в силах был добраться до самого Новгорода, но взял Новый Торг и разорил его. И прежде бывали примеры, что те новгородские князья, которые были подручниками суздальских князей, будучи изгнаны из Новгорода, уходили в Торжок и находили себе там упор, чтобы с помощью, получаемой из суздальской земли, вредить Новгороду. (Так в 1196 году поступил князь Ярослав Владимирович). На этот раз Ярослав Всеволодович поступал решительнее. У него уже был пример в суздальской земле, где князья подняли значение пригорода Владимира и унизили достоинство старых городов: Ростова и Суздаля. По примеру отца и дяди, Ярослав хотел произвести то же на новгородской земле: сделать Новый Торг столицей земли, а Новгород низвести на степень пригорода. Обстоятельства помогали ему. На новгородской земле мороз побил хлеб; сделалась дороговизна, страшная для бедных людей. Ярослав не пускал в Новгород ни одного воза с хлебом. В Новгороде начался голод. Родители из-за куса хлеба продавали детей своих в рабство. Люди умирали с го-

лodu на площадях, на улицах; мертвые валялись по дорогам, и собаки терзали их. Новгородцы послали к князю Ярославу просить его к себе, но Ярослав ничего не отвечал им и задержал посланных. Новгородцы вторично послали к этому князю с такою речью: «Иди в свою отчину к Св. Софии, а не хочешь идти – так скажи». Ярослав снова задержал посланных и ничего не сказал Новгороду, но на этот раз только позаботился о том, чтобы вывезти оттуда свою жену, дочь Мстислава Мстиславича. Он велел останавливать на дорогах новгородских гостей и держал их в Торжке. Тогда, по словам летописца, в Новгороде была великая печаль и вопль.

В таких стесненных обстоятельствах снова явился Мстислав выручать Великий Новгород, счастливо избегнув отряда из ста новгородцев, посланного Ярославом не допускать Мстислава до города. Этот отряд сам передался Мстиславу. 11 февраля 1216 года Удалой прибыл в Новгород, приказал схватить и заковать Ярославовых дворян, приехал на Ярославов двор на вече, поцеловал крест Великому Новгороду и сказал: «Либо возвращу новгородских мужей и новгородские волости, либо голову свою повалю за Великий Новгород!» – «На жизнь и на смерть готовы с тобой!» – отвечали новгородцы.

Прежде всего Мстислав отправил к Ярославу священника Юрия, из церкви Иоанна на Торговище, с такой речью: «Сын мой, отпусти мужей и гостей новгородских, уйди из Нового Торга и возьми со мною любовь!» Ярослав не только отпу-

стиль священника без мирного слова, но, как бы в поругание над требованием своего тестя, приказал заковать захваченных новгородцев и отправить в заточение по разным городам, а товары и имущество роздал своей дружине. Число таких узников, вероятно, преувеличенное, летописец простирает до двух тысяч.

Когда весть об этом дошла в Новгород, Мстислав велел звонить на вече на Ярославовом дворе, явился посреди народа и сказал:

«Идем, братья, поищем мужей своих, вашу братью, вернем волости ваши, да не будет Новый Торг Великим Новгородом, ни Новгород Торжком! Где Св. София – тут и Новгород; и во многом Бог и в малом Бог и правда!»

Новгородцы были не одни. По призыву Мстислава за них шли псковичи с братом Мстислава Владимиром, а впоследствии присоединились и смольняне с племянником Мстислава Владимиром Рюриковичем. На счастье новгородцам, в самой суздальской земле после смерти Всеволода Юрьевича шел тогда спор между старшим сыном его Константином ростовским и меньшим Юрием, которому отец, вопреки правам старшего брата, завещал старейшинство на суздальской земле. Мстислав объявил, что, защищая новгородское дело, он в то же время заступает за правду и в суздальской земле хочет восстановить права старейшего брата.

1-го марта 1216 года ополчение двинулось в поход через Селигер, а дня через два несколько знатных новгородцев бе-

жало к Ярославу, забрав с собою свои семьи, которым бы пришлось плохо от народного негодования. Проходя через торопецкую землю, Мстислав позволил своим воинам собирать корм для себя и лошадей, но строго запрещал трогать людей. Брат Ярослава Святослав прибыл было помогать брату, но Мстислав прогнал его от Ржева. Следуя далее, Мстислав взял Зубцов, на реке Вазузе соединился со смольнянами и, ставши на реке Холохольне, послал, от имени своего, союзных князей и Новгорода предлагать Ярославу мир и управу.

Ярослав отвечал: «Не хочу мира; пошли, так идите – сто наших будет на одного вашего!» «Ты, Ярослав, с силой, а мы с крестом!» – сказали тогда между собою союзные князья.

Новгородцы кричали: «Идти к Торжку!» – «Нет, не к Торжку, – отвечал Мстислав. – Если пойдем к Торжку, то опустошим новгородскую землю; пойдем лучше к Переяславлю; есть у нас там третий друг».

Новгородцы не знали, где Ярослав: в Твери или Торжке; пошли к Твери и начали разорять и жечь села. Ярослав услышал об этом и ушел в Тверь, но, узнавши, что враги идут дальше на суздальскую землю, убежал в Переяславль. Мстислав отправил боярина Явольда к Константину ростовскому с вестью, а сам с новгородцами шел в санях по льду. На этом пути они сожгли городки Шешю и Дубну, а псковичи и смольняне взяли город Коснятин. По дороге к ним прибыл посланный от Константина с поклоном. Он посылал союзникам 500

человек ратников в помощь. Скоро лед стал таять. Они побросали сани, сели на лошадей и поехали к Переяславлю, проведавши, что Ярослав уже там. У городища на реке Саре апреля 9-го, в великую субботу, пришел к ним Константин со своими ростовцами. Князья взаимно целовали крест, отрядили псковичей к Ростову, а сами, отпраздновав Пасху, подошли к Переяславлю. Ярослава уже там не было: он ушел к брату Юрию во Владимир, где готовилось большое ополчение.

Вся суздальская земля вооружилась; из сел погнали на войну земледельцев. К суздальцам пристали муромцы, городчане и бродники (последним именем назывались сбродные шайки восточных степей). «Сын шел на отца, брат на брата, рабы на господ», – говорит летописец, намекая на то, что в суздальском ополчении были новоторжцы и даже новгородцы, с новгородцами против суздальской земли шли ростовцы со своим князем.

Собранное суздальское ополчение расположилось на реке Гзе; Мстислав с новгородцами и Владимир со псковичами стали у Юрьева, а Константин с ростовцами стал на реке Липице. Мстислав послал сотского Лариона к Юрию:

«Кланяемся тебе, от тебя нам нет обиды. Обида нам от Ярослава».

Князь Юрий отвечал: «Мы один человек с братом Ярославом». Тогда Мстислав послал того же Лариона к Ярославу с таким словом: «Освободи мужей моих новгородцев и ново-

торжцев, верни волости новгородские, что ты занял, Волок отдай; возьми с нами мир и целуй нам крест, а крови проливать не будем».

Ярослав отвечал: «Мира не хотим; мужи ваши у меня; издалека вы пришли, а вышли, как рыбы на сухо».

Услышали от Лариона речь эту новгородцы, и Мстислав опять послал сказать князьям: «Братья Юрий и Ярослав! Мы пришли не кровь проливать; не дай Бог дойти до этого; мы пришли управиться между собою; мы одного племени: дадим старейшинство Константину и посадим его во Владимире, а вам вся суздальская земля».

«Скажи братьям нашим Мстиславу и Владимиру, – отвечали Ярослав и Юрий, – прийти-то вы пришли, а куда-то думаете уйти? А брату Константину скажи: пересиль нас – твоя будет вся земля!»

Самонадеянные суздальские князья заранее хвалились будущей победой и учредили у себя в шатре пир с боярами. Некоторых из старых бояр смущало то, что на стороне противников была правда, освященная старыми обычаями. Один из них, Творимир, обратился к князьям с такою речью:

«Князья Юрий и Ярослав! Меньшие братья в вашей воле; но как по моему гаданию, – то лучше бы вам взять мир и дать старейшинство Константину! Не смотрите, что их меньше, чем наших; Ростиславова племени князья мудры, рядны и храбры, и мужи их новгородцы и смольняне дерзки в бою; а про Мстислава Мстиславича сами знаете, что храбрость дана

ему паче всех; подумайте, господа».

Молодым князьям не полюбилась такая речь. Зато другие бояре, помоложе, льстили им и говорили так: «Князья Юрий и Ярослав! Никогда того не бывало, ни при отцах ваших, ни при дедах, ни при прадедах, чтобы кто вошел ратью в сильную суздальскую землю и вышел бы из нее цел; да хоть бы вся русская земля пошла на нас: и галицкая, и киевская, и смоленская, и черниговская, и новгородская, и рязанская, да и тогда ничего с нами не поделают; а что эти полки, – там мы их седлами закидаем!»

Понравились такие слова князьям. Они созвали бояр и начальных людей и сказали им такую речь:

«Сам товар пришел в руки: достанутся вам кони, брони, платье; а кто человека возьмет живьем, – сам убит будет; хоть у кого и золотом будет шито оплечье, – и того бей; двойная от нас будет награда! Не оставим живым никого. А кто из полку убежит, да поймаем его, того прикажем вешать и распинать; а кто из князей попадет к нам в руки, так уж мы о них тогда потолкуем».

Отпустивши людей, князья вернулись в свой шатер и в несомненной надежде на победу стали делить между собою волости побежденных; и сказал Юрий: «Мне, брат Ярослав, володимирскую и ростовскую землю, а тебе Новгород, а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дадим черниговским князьям, а Галич нам же!» Летописец говорит, что они даже писали грамоты в таком смысле, и эти грамоты, по-

сле одержанной над ними победы, попали в руки смольнянам.

Мстислав с новгородцами, псковичами и смольнянами стоял все еще у Юрьева. Он не совсем доверял ростовскому князю; хотя общие виды соединили ростовского князя с новгородцами, но он все-таки был один из суздальских князей, и если бы братья с ним поладили, то и он, быть может, пошел бы заодно с ними, когда дело приняло бы исключительно смысл борьбы всей суздальской земли с новгородской.

Вечером после пира, происходившего у суздальских князей, прибыл от них ко Мстиславу гонец с приглашением выступить на бой к Липице. Война имела вид как бы поединка; враги сходились на бой в заранее условленное место.

Мстислав и его союзники пригласили тотчас Константина, потолковали с ним обстоятельно и привели к крестному целованию: он присягнул в том, что не перейдет к братьям и не изменит союзникам. Вслед за тем ночью новгородцы и их союзники двинулись к Липице.

Суздальские полки также выступили ночью; в стане Константина заиграли на трубах, и ратники его дружно крикнули. Тогда, если верить новгородскому сказанию, на суздальцев нашел переполох и сами князья, так недавно в воображении делившие между собою волости побежденных, чуть было не побежали.

На рассвете новгородцы с союзниками были уже на Липице. Врагов, вызывавших их на бой в это место, где была

равнина, там не было: они перешли через лес и стали на горе, которая называлась Авдова гора. Тогда новгородцы и их союзники также пошли от реки Липицы в сторону и стали на горе, которая называлась Юрьева. Внизу под нею протекал ручей, называемый Тунег, а на другой стороне долины была гора Авдова, где стояли суздальцы. Несколько времени враги смотрели друг на друга при утреннем солнце и не начинали битвы. Мстислав все еще сохранял вид, что вышел на брань только по крайней необходимости, что виной всему упрямство и несправедливость суздальских князей и что он сам всегда предпочитает мир брани. Он еще раз отправил к Юрию трех мужей с таким словом:

«Дай мир, а не дашь мира, то либо вы отсюда отступите на ровное место и мы на вас пойдем, либо мы отступим к Липице, а вы на нас нападайте». Юрий отвечал:

«Мира не принимаю и не отступлю; вы прошли через нашу землю, так разве этой заросли не перейдете».

Суздальские князья приказали внизу заплести плетень и вбить кольев: они думали, что враги ударят на них ночью.

Получив ответ от Юрия, Мстислав вызвал охотников, удающую молодежь, и пустил их открывать битву. Молодцы билась усердно до вечера: тогда был большой ветер и сделалось очень холодно. Воины Мстислава досадовали, что враги уклоняются от решительного боя.

Утром союзники решили идти к Владимиру и начали сниматься. Суздальцы заметили в неприятельском лагере суету

и стремительно стали сходить с горы, думая ударить новгородцам и их союзникам в тыл; но новгородцы тотчас обратились на них.

Тут князья начали держать совет. Ростовский князь сказал: «Когда мы пойдем мимо них, они нас возьмут в тыл, а люди мои не дерзки на бой: разойдутся в города».

В ответ на это Мстислав возразил: «Братья, гора нам не может помочь и гора не победит нас; воззрите на силу честного креста и на правду: пойдем к ним!»

Воодушевленные его словами союзные князья стали устанавливать ратных в боевой порядок. Со своей стороны, суздальцы, видя, что противники не идут далее, сами стали устанавливаться. Новгородцы со Мстиславом и псковичи со своим князем занимали середину, на одном крае стояли смольняне, на другом – ростовцы с Константином. У Константина были славные витязи Александр Попович со слугою Торопом и Добрыня Резанич, по прозванию «Золотой Пояс». Напротив псковичей стал Ярослав со своими полками: в ряду их были бежавшие новгородцы и новоторжцы, с ними стояли муромцы, городчане и бродники. Против Мстислава и новгородцев стояла вся суздальская земля с князем Юрием, а против Константина и ростовцев его меньшие братья.

Мстислав, проезжая перед рядами новгородцев, говорил: «Братья! Мы вошли в землю сильную: воззрим на Бога и станем крепко; не озирайтесь назад: побежавши, не уйдешь; за-

будем, братья, жен, детей и дома свои: идите на бой, как кому любо умирать, кто на коне, кто пеший!»

«Мы на конях не хотим умирать, мы будем биться пешие, как отцы наши бились на Колокше!» – говорили новгородцы.

Новгородцы сбросили с себя верхнее платье, сапоги и босые побежали вперед с криком. Их примеру последовали смольняне, но, сбросив сапоги, обвили себе ноги. Смольнянами предводительствовал Ивор Михайлович; он ехал верхом, так, чтобы его видели ратные. За ним следовали князья с дружиною, также на конях. С противной стороны устремились в бой пешие Ярославовы люди. Ивор проезжал через заросль и под ним споткнулся конь; пешие новгородцы опередили его и сцепились с неприятелем: пошли в дело дубины и топоры. Поднялся страшный крик. Суздальцы побежали; новгородцы подсекли стяг (знамя) Ярослава. Затем подоспел Ивор со смольнянами. Добрались до другого стяга. Князья с дружинами оставались позади. Тут Мстислав, увидя, что молодцы зашли слишком далеко и неприятельская сила может окружить и смять их, закричал: «Не дай Бог, братья, выдавать этих добрых людей!» И он пустился вперед сквозь свою пехоту: за ним последовали другие князья. Настала жестокая сеча. Юрий и Ярослав бежали, сбросив свой обоз. Быть может, это было сделано в надежде, что противники бросятся на грабеж, а тем временем можно будет обратиться и ударить на них. Но Мстислав закричал: «Братья новгородцы, не бросайтесь на обоз, а бейте их; не то – они вернутся и

сметут нас». Новгородцы послушались и продолжали крепко сражаться, а смоляныне оставили бой и начали грабить обоз. Сам Мстислав трижды проехал сквозь неприятельские полки, поражая направо и налево топором, который был у него привязан к руке поворозкою (шнурком).

Все пошло врассыпную; много суздальцев пало под ударами топоров новгородских и смоленских, много утонуло во время бегства, много раненых прибежало во Владимир, Переяславль, Юрьев и там умерло. «Такова-то была, – говорит летописец, – слава Юрия и Ярослава; напрасна была их похвальба: в прах обратились сильные полки их». Семнадцать знамен Юрия, тринадцать Ярослава и до ста труб и бубен достались победителям. Шестьдесят человек было взято в плен; убитых врагов летописец насчитывает 9203, а у новгородцев и смолян было убито только 5 человек: цифры, разумеется, баснословные. Несомненно только то, что суздальцы были разбиты наголову.

Эта замечательная битва происходила в четверг 21 апреля 1216 года.

Прежде всех бежал Ярослав; Юрий последовал за ним: он загнал трех коней, прискакал без седла на четвертом во Владимир в полдень того же дня, босой и в одной рубашке. В городе оставались одни попы, чернецы, женщины и дети, народ невоинственный. Увидя своих, они обрадовались: думали, что возвращаются победители; ведь и прежде уверяли их: «Наши одолеют!» Но не победителем вернулся Юрий; расте-

рянный ездил он вокруг стен города и кричал: «Укрепляйте город». Тогда вместо веселья поднялся плач. К вечеру усилилось смятение, когда с несчастного побоища стали собираться беглецы: кто был ранен, а кто наг и бос. И всю ночь продолжали они сходиться один за другим.

Наутро князь собрал вече и говорил: «Братья владимирцы, затворимся в городе и станем отбиваться».

«С кем затворимся? – возражали ему. – Братья наши избиты, другие в плен взяты, а те, что прибежали, безоружны: с кем станем на бой?»

«Все это я знаю, – оворил Юрий. Прошу только, не выдавайте меня, не выдавайте меня ни Мстиславу, ни брату моему Константину! Лучше я сам по своей воле выеду из города». Владимирцы обещали.

Союзники подступили к городу в воскресенье 29 апреля и объехали его кругом.

В ночь с воскресенья на понедельник загорелся княжеский двор во Владимире. Новгородцы хотели взять город приступом, но Мстислав не пустил их; на другую ночь опять сделался пожар; смольняне хотели идти на приступ, но их остановил князь Владимир Рюрикович. Неизвестно, что было причиною этих пожаров: случай ли, зажигательство в пользу осаждающих или метание огня через стену. Но после второго пожара Юрий прислал поклон князьям и велел сказать: «Не делайте мне зла сегодня; завтра я выеду из города». Наутро Юрий с двумя меньшими братьями явился к

Мстиславу и его союзникам и сказал: «Братья, кланяюсь вам и челом бью: живот оставьте и хлебом накормите; а брат мой Константин в вашей воле!» Юрий поднес дары князьям, и они помирились с ним.

Мстислав дал такое решение: Константину взять Владимир, а Юрию отдать Радиллов-Городец.

Немедленно изготовили ладьи и насады. В них села дружина князя Юрия; одна ладья ожидала самого князя с его женой. Юрий помолился в последний раз в церкви Богородицы, поклонился гробу отца и сказал: «Суди Бог брату моему Ярославу: он меня довел до этого!» С ним отправился владыка.

Во Владимир въехал Константин. Граждане вышли к нему навстречу с крестами и целовали ему крест в верности. Он щедро одарил своих союзников: новгородцев, псковичей и смольнян.

Упрямый и жестокий Ярослав с побоища бежал в Переяславль так скоро, что загнал четырех коней, а на пятом прискакал в город. В порыве досады он приказал перековать всех новгородцев и смольнян, какие только были в городе по торговым и другим делам. Новгородцев велел он бросить в погреб и тесные избы; их было человек полтора, и многие из них задохлись; пятнадцать человек смольнян держали в заключении особо, и они все остались живы.

Мстислав с союзниками 3 мая подходил к Переяславлю. Рядом с ним шел со своим полком и Константин. Не допу-

стивши их до Переяславля, Ярослав сам добровольно вышел и явился к брату своему Константину.

«Брат и господин, – сказал он, – я в твоей воле; не выдавай меня ни тестю моему Мстиславу, ни Владимиру, сам накорми меня хлебом».

Константин взялся примирить Мстислава с Ярославом. Ярослав послал щедрые дары князьям и новгородцам. Но Мстислав не пошел к городу, не хотел видеть Ярослава, а потребовал только, чтобы дочь его, жена Ярослава, приехала к нему и чтобы все задержанные новгородцы, какие остались в живых, были немедленно отпущены на свободу и доставлены к нему. Требование победителя было исполнено. Напрасно после того Ярослав посылал ко Мстиславу с мольбою отпустить жену. «По правде меня крест убил!» – сознавался он. Мстислав оставался непреклонен и уехал с дочерью в Новгород.

Этот победоносной войной Мстислав утвердил за Новгородом высокое нравственное значение и показал, что нельзя безнаказанно нарушать его права и самостоятельность; вместе с тем он с новгородцами установил ряд в суздальской земле, как прежде сделал он это в киевской с теми же новгородцами. Ни один князь не сделал того для новгородцев, что сделал для них Мстислав Удалой; но они, как показывает последующая история, мало воспользовались его заслугами.

В следующем году, оставив жену и сына в Новгороде, Мстислав ходил с новгородскими боярами в Киев, быть мо-

жет, для приготовления к будущему походу в Галич, а по возвращении из Киева в Новгород, взял под стражу Станимира с сыном. Вероятно, суздальская партия оживала, и против Мстислава замышлялись козни. Мстислав, впрочем, вскоре отпустил его. То же вслед за тем произошло в Торжке, где посажен был сын Мстислава Василий. Мстислав взял там под стражу Борислава Некуришинича, но также простил его и отпустил. Эти случаи показывают, что и Мстислав, после всего сделанного им для Новгорода, не мог надеяться долго оставаться там в ладу со всеми: у него были зложелатели. В это время скончался в Торжке сын его Василий: тело его привезли в Новгород и погребли близ дедовского гроба в Св. Софии. Оплакавши сына, удалой князь вскоре после того явился на вече и сказал:

«Кланяюсь Св. Софии, гробу отца моего и вам! Хочу поискать Галича, а вас не забуду. Дай Бог лечь у гроба отца моего, у Св. Софии!»

Новгородцы упрашивали его остаться с ними. Все было напрасно. Мстислав уехал, и навсегда. Не привелось ему лечь у Св. Софии.

Галич, оставленный Мстиславом, находился в это время в руках венгров. Там снова был посажен королевич Коломан, а главным воеводою был назначен бан Фильний, который в летописях наших называется «Филя прегордый». Он относился с крайним презрением к русским, сравнивал их с глиняными горшками, а себя с камнем, приговаривая: «Один ка-

мень много горшков побивает». Была еще у него и другая поговорка: острый меч, борзый конь – много Руси! (т.е. покорю). Высокомерие его раздражало галичан, и он не доверял им. Мстислав Удалой между тем пригласил половцев и шел на Галич (1218). С ним был Владимир Рюрикович, недавно помогавший ему в борьбе с суздальской землей. Услыхавши об этом, Фильний укрепил Галич и внутри города обратил в крепость церковь Св. Богородицы, что еще более раздражило против него русских, видевших в этом оскорбление святыни. Поляки помогали венграм. Не допуская Мстислава до города, Фильний, взявши с собой галицкого боярина Судислава и других, вышел навстречу Мстиславу. Поляки составляли правую сторону его войска, а галичане и венгры левую. Русская рать также разделилась на две половины. Одной начальствовал Мстислав, другою – Владимир, а половцы стали в отдалении, чтобы ударить на неприятеля тогда, когда сцепятся с ними русские. Мстислав заметил, что поляки стоят на довольно далеком расстоянии от венгров, сообщил, что следует делать, вдруг отделился от Владимира и отошел на возвышение, там он укреплял свою рать именем честного креста. Владимир сильно роптал на него за это и говорил, что Мстислав погубит все русское войско. Поляки стремительно ударили на Владимира, обратили его в бегство и погнались за ним, так что венгерское войско скрылось у него из глаз. Но тогда-то Мстислав и половцы разом бросились на венгров. Сеча была злая, русские победили венгров.

Сам Фильний был взят в плен; все его венгры упали духом. Поляки, прогнавши Владимира, набравши добычи, возвращались со множеством пленных и пели победные песни, не зная, что сделалось с союзниками, как вдруг наткнулись на победителей, а с другой стороны бежавшие русские обратились на них же. Поляки были совершенно разбиты. Половцы забирали побежденных в плен, жадно бросались на лошадей, оружие и одежды, но русские, по приказанию Мстислава, не кидаясь на добычу, били врагов без всякой пощады. Вопль и крики убиваемых достигали до Галича. По всему полю валялись тела, никем не погребаемые; вода в реке побагровела от крови.

Мстислав, взявши с собою пленного Фильния, требовал сдачи Галича и обещал полную пощаду. Сам Фильний послал со своей стороны совет сдаться, так как никакой надежды на победу не было. Три раза посылал Мстислав и предлагал сдаться. Но венгры, сидевшие в Галиче, упорствовали и даже выгоняли из города галичан с женами и детьми из боязни измены и вместе для того, чтобы не кормить их во время осады. Тогда Мстислав объявил, что теперь уже не будет никакой пощады осажденным. Венгры, при своей самонадеянности, так были оплошны, что обращали внимание только на одни ворота, а между тем русские сделали подкоп, подземным путем проникли в город, отбили от ворот венгров, ошеломленных внезапностью, и отворили Мстиславу ворота.

Рано утром Мстислав вступил в Галич. Коломан с женою

и знатнейшие венгры со своими женами заперлись в церкви Св. Богородицы. Мстислав подошел к церкви и требовал сдачи. Венгры не сдавались. Жажда томила их. Мстислав сам послал Коломану сосуд холодной воды. Венгры благодарили за такое великодушие, делили между собой воду чуть ли не по капле, но все-таки не сдавались. Наконец, когда их стал одолевать голод, они отворили церковные двери, умоливши Мстислава даровать им, по крайней мере, жизнь. Венгерские бароны со своими женами и несколько поляков достались в плен половцам и русским. Самого пленного Коломана с женою Мстислав отправил в Торческ. Галицкая земля с восторгом признала победителя своим князем. Поселяне добывали разбежавшихся с битвы венгров. Русские величали Мстислава «своим светом», называли «сильным соколом», говорили, что сам Бог поручил ему меч для усмирения гордых иноплеменников. Бояре, державшиеся венгров, отдавались на милость победителя. Главнейший из них, Судислав, пришел к Мстиславу, обнимал его колена и просил помилования. Мстислав не только простил его, но даже дал в управление Звенигород. Данило приехал к тестю с малою дружиною и поздравлял его. Они пировали и радовались; и радовалась с ними вся галицкая земля.

Венгерский король Андрей, услышавши о несчастье, постигшем сына, отправил к Мстиславу требование отпустить пленника, в противном случае грозил послать огромное войско. Но Мстислава нельзя было испугать угрозами. Он от-

вечал, что победа зависит от Бога и он, Мстислав, надеясь на Бога, готов встретить неприятельские силы. Король мало-помалу оставил свой горделивый тон: супруга его особым посольством умоляла Мстислава сжалиться и отпустить сына. Со своей стороны, бояре, вскоре заметившие слабые стороны характера Мстислава, приобрели на него влияние и всячески располагали к миру с венгерским королем. Мстислав, при всей своей храбрости и воинственности, всегда был расположен к миру и прибегал к войне только тогда, когда противники не хотели мириться на условиях, которые он признавал согласными с правдой. В 1221 году Мстислав не только помирился с венграми и поляками, но заключил дружественный договор с венгерским королем, обручил дочь свою Марию с его сыном Андреем и отдал будущему зятю во владение Перемышль.

Но через два года судьба призывала Мстислава к иному подвигу. В то время как русские князья и дружины их тратили силы в междоусобиях, в неведомых восточных странах совершались великие перевороты. На северной границе китайской империи хан Темучин, властитель монголов, народа, прежде подвластного татарам-ниучам, сделался сам повелителем многочисленных татарских племен, разорил часть китайской империи и взял Пекин, потом обратился на запад, завоевал и разорил могущественную и цветущую империю турков харазских¹³ и положил основание обширней-

¹³ Бухара, Самарканд, Герат, Балк, Хива и проч.

шей империи, когда-либо существовавшей в Азии. Он владел неизмеримыми пространствами от Амура до Волги, повелевал множеством народов, составлявших его военную силу, и был прозван Чингис-Ханом, т.е. великим ханом. Его завоевательные движения достигли до половцев. Татары столкнулись с половцами на восточном берегу Каспийского моря, где половцы были заодно с аланами (жителями Дагестана). Чтобы отвлечь половцев от этого союза, предводители полчища, посланного Чингис-Ханом, сначала коварно сдружились с ними, уверивши их, что татары, будучи одного с ними племени, не хотят действовать против них враждебно. Половцы доверились им и отстали от аланов; но потом монголы, разделившись с аланами, покорили и половцев. Половецкие князья, уже крещеные, Юрий Кончакович и Данило Кобякович были убиты. Татары гнались за их товарищами до вала Половецкого, отделявшего землю половецкую от русской.

Половецкий хан Котян, тесть Мстислава Удалого, прибежал в Галич к зятю со страшным известием, что идет с востока несметная сила неведомых завоевателей. «Сегодня отняли нашу землю, завтра ваша взята будет», – говорил он.

Мстислав разослал вестников к разным русским князьям и созывал их для совета об общем деле в Киеве. Много князей съехалось туда. Там были Мстислав Романович киевский, Мстислав Удалой галицкий, Мстислав черниговский, Даниил Романович волынский, Михаил Всеволодович, сыны Всеволода Чермного и многие другие. Только суздальский

Юрий не приехал на совет. Хан Котьян щедро одарил русских князей: конями, верблюдами, буйволами и невольниками, а другой князь половецкий, Бастый, принял Св. крещение. Мстислав Удалой умолял русских князей спешить на помощь половцам. «Если мы им не поможем, – говорил он, – то половцы пристанут к врагам, и сила их станет больше». После долгих совещаний князья решили соединенными силами идти в поход. «Лучше встретить врага на чужой земле, чем на своей», – говорили русские.

Сборное место назначено было на днепровском острове, называемом Варяжский (вероятно, Хортица). Туда стекались со своими князьями киевляне, черниговцы, смольняне, галичане, волынцы. Весь Днепр покрылся их ладьями. Из Курска, Трубчевска, Путивля шли туда князья со своими дружинами, сухопутьем на конях, а тысяча галичан с воеводами Юрием Домажиричем и Держикраем Володиславичем проплыли по Днестру в море и, вступивши в Днепр, стали у реки Хортицы.

У Заруба явились к русским князьям татарские послы с таким словом: «Слыхали мы, что вы идете против нас, послушавши половцев, а мы вашей земли не трогали, ни городов ваших, ни сел ваших; не на вас пришли, но пришли по воле Божией на холопов и конюхов своих половцев. Вы возьмите с нами мир; коли побегут к вам, – гоните от себя и забирайте их имение; мы слышали, что и вам они наделали много зла; мы их и за это бьем».

Но князя вместо ответа перебили послов. Без сомнения, они поступили таким образом оттого, что половцы рассказали им, как татары коварно обманули их: предложили дружбу, чтобы разъединить с аланами, потом напали на них самих.

Сбор происходил в апреле 1224 года. Когда все сошлись, ополчение двинулось вниз по Днепру и стало станом, не доходя Олешья. Тут пришли к ним другие татарские послы и говорили так: «Вы послушали половцев и перебили послов наших; теперь идете на нас, ну так идите; мы вас не трогали: над всеми нами Бог».

Князя на этот раз отпустили послов невредимыми. Передовые татарские отряды стали появляться у Днепра. Мстислав Удалой перешел через Днепр с 1000 человек воинов. С ним пошли Данило Романович, Мстислав Немой, Олег Курский и другие молодые князья. Они разбили и обратили в бегство сторожевой отряд. Беглецы спрятали своего воеводу Гемебега в яму в каком-то половецком кургане. Половцы отыскали его там и упросили Мстислава позволить им убить его. Мстислав шел далее.

Между тем в стане русских на Днепре происходили толки о том, каковы враги. Юрий Домажирич говорил: «Они отличные стрелки и отличные воины». Другие же возражали ему: «Нет, это народ простой, хуже половцев». Молодые князья торопили старых идти вперед: «Мстислав, и ты, другой Мстислав, пойдемте на них».

Во вторник 21 мая русские снялись со стана и пошли в

степь. Они вскоре встретились с татарским отрядом. Русские стрелки рассеяли его, и им досталось в добычу множество скота. Восемь дней шли они до реки Калки, где снова встретили татарский отряд, который, побившись с ними, скрылся. Мстислав Удалой, опередивши князей, приказал Данилу перейти Калку и сам перешел вслед за ним с задней стражей. Вдруг перед ними предстали татарские полчища. «Вооружайтесь», – закричал Мстислав. Русские вступили в бой. Двадцатитрехлетний Данило бросился вперед и был ранен в грудь, но, не заметивши этого, продолжал сражаться. Храбро бились и Мстислав Немой, и Олег Курский. Но сила татарская одолела их; Данило обратил своего коня назад; за ним побежали другие. Бежал и Мстислав Удалой в первый раз в своей жизни.

Между тем остальные русские князья перешли через Калку, расположились станом и выслали вперед Яруна с половцами. Татары стремительно ударили на половцев. Половцы бросились назад, обратились на русский стан и смяли его. Русские еще не успели вооружиться, началась страшная резня; русские, приведенные в беспорядок половцами, бежали.

Во время этого всеобщего бегства русских один Мстислав Романович не двигался с места, стал на высоком каменистом берегу Калки с зятем своим Андреем и дубровицким князем Александром. Большая часть татар преследовала бегущих, а один отряд с бродниками окружил трех храбрых князей, которые огородили себя кольями и отбивались от них

неустанно три дня и три ночи. Трудно стало татарам одолеть их силой, и они прибегли к коварству. Какой-то Плоскыня, воеводствовавший над бродниками, уговорил князей сдаться татарам на выкуп и целовал крест на том, что они останутся живы. Князья поверили и вышли, но Плоскыня тотчас связал их и выдал татарам. Татары, взявши укрепление, перебили всех бывших там русских воинов, а связанных князей положили под доски, и сами сели на досках обедать. Так кончили жизнь свою несчастные князья.

Татары гнались за бегущими до самого Днепра и по дороге убили шестерых князей, и в том числе Мстислава черниговского. Мстислав Удалой избежал погони и, достигши Днепра, истребил огнем и пустил по реке стоявшие у берега ладьи, чтобы не дать возможности татарам переправиться через реку, а сам с остатками разбитых вернулся в Галич.¹⁴

¹⁴ Летописец представляет Мстислава как бы виновником бедствия русских на Калке, говоря, что он из зависти не известил обоих Мстиславов о татарах в то время, когда Даниил схватился с ними, но это обвинение едва ли можно признать справедливым. Не говорим уже о том, что такая черта противоречит характеру Мстислава, насколько он нам известен из прежних его деяний, самый ход событий таков, что поведение Мстислава в этот день легко объясняется побуждениями. Мстислав, шедши впереди прочих князей, несколько дней уже не имел с ними сношений. Перейдя через Калку, он встретил татарские полчища неожиданно, ему пришлось сразиться с неприятелем так внезапно и его отряд был так малочислен, что, прежде чем давать знать князьям, нужно было думать о собственном спасении. Справедливее можно было бы поставить в упрек Мстиславу излишнюю удаль и неблагоразумие, при котором он, человек уже немолодой и опытный, пошел вперед с горячей молодежью, не раздумывая о том, что может встретить на пути, и наткнулся на силы неприятеля, далеко превосходящие его

Поражение князей навело на Русь всеобщий ужас, который усиливался от внезапности появления неведомого врага. Впечатление, произведенное на умы этим событием, наглядно отражается в словах современного летописца: «Пришли, – говорит он, – неведомые народы, о которых никто хорошо не знает, кто они такие, и откуда пришли, и каким языком говорят, и какого они племени, и какая у них вера; одни говорят, что их зовут татары, а иные – таурмены, а другие – печенеги». Книжники толковали, что это те самые народы, о которых говорил Мефодий Патарский: «Гедеон когда-то загнал их в пустыню Етриевскую, между востоком и севером, и они должны выйти оттуда перед концом света и попленить много земель».

После несчастья, постигшего Мстислава на Калке, положение его в Галиче не было прочным; бояре не любили его и строили козни против него, да и он сам, по своему простодушию, делался не раз жертвою их козней. В следующем 1225 году его чуть было не поссорили с зятем его Данилом. Князь Александр бельзский, человек коварный, ненавидевший Данила, наговорил Мстиславу, будто зять хочет убить его и подстрекает на него ляхов. Вспыльчивый Мстислав поддался клеветнику. Дошло дело до войны. Данило, в отместку Александру, опустошил бельзскую землю и разбил отряд Мстислава, посланный на помощь Александру. Раздраженный Мстислав приглашал уже было половецкого ха-

на Котяна, но, к счастью, клевета открылась. Подосланный к Мстиславу Александром какой-то Ян начал пред ним лгать так неискусно, что Мстислав увидел обман. Тесть и зять помирились, и Мстислав, в знак дружбы, подарил Данилу редкого жеребца и одарил Данилову жену Анну, свою дочь. С этой поры он уже не ссорился с Данилом.

Но в Галиче беспокойства не кончались. Во 1226 году один боярин, Жирослав, наговорил своей братье боярам, будто Мстислав приглашает своего тестя Котяна с тем, чтобы побить бояр. Бояре поверили и скрылись в Карпатские горы, откуда известили Мстислава о том, что им сказал Жирослав. Мстислав послал к ним духовную особу по имени Тимофей. Тимофей поклялся боярам, что князь ничего не замышляет против них и первый раз слышит об этом. Он убедил бояр приехать к Мстиславу. Мстислав обличил перед ними Жирослава и прогнал его от себя.

Наконец, бояре успели-таки выжить Мстислава из Галича. Королевич Андрей, которому Мстислав обручил свою дочь и отдал Перемышль, по наущению боярина Семьюнка, бежал к отцу и подстрекал его отнять у Мстислава Галич. Бояре, со своей стороны, представляли королю, что они не хотят Мстислава, а желают Андрея. Король пошел с войском в Галичину. Поляки с воеводою Пакославом помогали ему. Взявши Перемышль и Звенигород, король не посмел ехать в Галич: волхвы предрекли ему, что если он увидит Галич, то не будет жив. Король начал забирать галицкие пригоро-

ды. Ему удалось взять Теробовль, Тихомлю, но под Кременцом он был отбит и повернул назад к Звенигороду. Здесь вышел против него Мстислав, вступил в бой и разбил его. Король быстро убежал восвояси. Мстислав сообразил, что ему не ужиться с боярами, и хотел отдать Галич Данилу, но бояре Судислав и Глеб Зеремеевич, игравшие тогда главную роль между боярами, остановили его. «Ни тебя, ни Данила не хотят бояре, – говорили они, – отдай обрученную дочь твою за королевича Андрея и посади его в Галич: от него всегда можешь взять его обратно, когда захочешь, а отдашь Данилу – вовеки не будет тебе Галича!»

Мстислав, всегда уважавший волю земли, поступил так, как желали эти люди, бывшие тогда, по своей силе, представителями земли. Мстислав отдал дочь свою Андрею и вместе с нею Галич, а сам удержал за собою Понизье и уехал в Торческ. Вскоре он раскаялся в своей доверчивости, так как Данила ненавидели только бояре, а простой галицкий народ желал его. Сознавши это, Мстислав через посла Данилова Демьяна послал такое слово Данилу: «Сын! Согрешил я, не дал тебе Галича». Глеб Зеремеевич старался всеми силами не допустить Мстислава видеться с Данилом и передать в руки его землю, и дом, и детей.

На следующий после того год (1228) Мстислав скончался: из Торческа поехал он в Киев, заболел в пути и умер, успевши постричься в схиму по тогдашнему обычаю благочестивых князей. По известию польского историка, тело его

погребено было в Киеве в церкви Св. Креста, им построенной.¹⁵

¹⁵ В настоящее время этой церкви нет и могила Мстислава неизвестна.

Глава 7

Князь Данило Романович Галицкий

В XIII веке весь ход исторических событий в юго-западной Руси долгое время вращается около личности Даниила Галицкого. Чтобы понять значение этой личности в свое время, необходимо бросить взгляд на предшествовавшие события в этом крае.

Юго-западная Русь, Галичина, как во внутреннем строе своей жизни, так и по внешней обстановке, находилась в таких условиях, при которых все более и более слабела связь, соединявшая ее с остальными русскими землями. Хотя и здесь не угасало сознание народного сродства с последними; но история указывала им различные между собой пути: это видно уже в XII веке.

Галицкая земля до 1188 года находилась в княжении рода Ростислава Владимировича (внука Ярослава I). Володарь, сын Ростислава, по смерти несчастного Василька, сделался единым князем и передал после себя (1141) власть сыну своему Владимиру, обыкновенно называемому Владимирком. Ему наследовал сын Ярослав, названный в полку Игореве «Осмомыслом». Соединенная в одних руках, галицкая страна была долго избавлена от внутренних княжеских междоусобий и, благодаря счастливым условиям своей природы, находилась, сравнительно с другими русскими земля-

ми, в цветущем состоянии. Власть княжеская совсем не имела здесь монархической силы. Князь был князем по старой славянской идее; видно, что завоевание русскими князьями этой хорватской земли и присоединение ее к общей системе русских земель под властью единого княжеского рода не изменили древних общественных привычек. Князья, правившие Галичем, были избираемы и зависимы от веча. Но само вече находилось в руках богатых и сильных владетелей земель – бояр. Они, как видно, успели до того возвыситься над остальной массой народа, что исключительно управляли делами страны. Впрочем, есть известия о том, что люди незнатного происхождения попадали в бояре, из чего надобно полагать, что галицкая аристократия основывалась не столько на знатности родов, сколько на удаче и богатстве. Галицкие князья находились в такой зависимости от веча, что оно судило не только их политическую деятельность, но и домашнюю жизнь. Таким образом, когда Ярослав, не влюбившись своей жены Ольги, взял себе в любовницы какую-то Анастасью, галичане не стерпели такого соблазна, сожгли Анастасью и принудили князя жить с законною женою. Все попытки Ярослава удалить своего законного сына и передать наследство незаконному остались напрасны. Ярослав умер в 1187 году. Галичане, вопреки его завещанию, изгнали этого незаконного сына, Олега, и поставили князем законного – Владимира. Но и этот князь вскоре подвергся строгому суду веча за свое соблазнительное поведение; он был предан пьян-

ству, не любил советников, насилывал чужих жен и дочерей, взял себе в жены попадью от живого мужа и прижил с нею двоих сыновей. Галичане так вознегодовали, что некоторые хотели взять князя под стражу и казнить: но другие потребовали от него развода с попадью, предлагая ему достать жену по нраву. Владимир, опасаясь за жизнь своей возлюбленной попадью, убежал вместе с нею и детьми в Венгрию, а галичане призвали вместо него князя из соседней волынской земли – Романа Мстиславича (1188).¹⁶ Говорят, что сам Роман тайно действовал в Галиче в свою пользу, добиваясь избрания. Этот князь, умный и сильный волею, недолго удержался в Галиче: король венгерский Бела I, к которому было обратился изгнанный Владимир за помощью, заключил последнего в башню, завоевал Галич, посадил там сына своего Андрея. Роман принужден был бежать в свой Владимир-Волынский. Успехам венгров способствовало то, что в самом Галиче образовалась партия, искавшая себе выгод от венгерской власти. Непрочно, однако, оказалось там и могущество иноземцев: будучи католиками, они очень скоро успели раздражить против себя народ неуважением к православной религии. Владимир, между тем, убежал из своего заключения и с помощью польского короля Казимира Справедливого снова овладел Галичем в 1190 году. Тогда Владимир, чувствуя

¹⁶ Внука киевского князя Изяслава Мстиславича, известного в истории своей упорной борьбой сначала с суздальцами, а потом с Юрием Долгоруким. Род Романа шел от Мстислава, старшего сына Мономаха.

свое положение до крайности шатким, обратился к суздальскому князю Всеволоду и отдавался ему под начало, обещая навсегда быть в его воле со всем Галичем: устанавливалась, по-видимому, тесная связь между противоположными окраинами тогдашнего русского мира; но это явление не имело никаких прочных последствий, так как ничего прочного не было тогда в отношениях русских князей между собою. По смерти Владимира, Роман, уже не по вольному избранию, а с помощью польской рати и оружия, добыл себе снова Галич в 1198 году.

По известию польского писателя Кадлубка, Роман жестоко отмстил своим недоброжелателям в Галиче: он их четверил, расстреливал, зарывал живьем в землю и казнил другими изысканными муками, а тех, которые успевали убежать, приглашал воротиться, обещая разные милости. Но когда некоторые вернулись, то Роман, сдержав сначала данное слово и осыпавши ласками и милостями легковерных, находил предлог обвинить их в чем-нибудь и предавал мучительной казни. «Не передавивши пчел, меду не есть», – приговаривал Роман. Он навел такой страх на галичан, что те просили польского короля, чтобы он управлял ими сам или через своих наместников. Все эти известия о жестокостях Романа находятся исключительно у польского историка, но не встречаются в русских летописях, в которых Роман поэтически представляется удалым богатырем, страшным, подобно Мономаху, только для неверных иноплеменников. «Он хо-

дил по заповедям Божиим, – говорит о нем русский современник, – побеждал поганых язычников, устремлялся на них как лев, гневен как рысь, губителен как крокодил, пролетал по их земле как орел...» И в самом деле этот князь и в других случаях показал свою силу и деятельность. После долгой борьбы и междоусобий в Киевской Руси, он наконец успокоил ее, на время удержав в своей власти; сам он не сделался киевским князем, но посадил в Киеве своим подручником племянника. Не раз побивал он половцев, побеждал ятвягов и литву.¹⁷ Многого еще можно было ожидать от такого князя для судьбы юго-западной Руси. Но в 1205 году Роман поспорился с польским князем Лешком и был убит в сражении под Завихвостом.

Роман оставил по себе молодую вдову с двумя малолетними сыновьями. Старшему Данилу было тогда четыре года, а младший Василько был еще на руках кормилицы.

На первых порах галичане признали князем старшего сына Романова и клялись верно охранять его. Но удержать сына младенцу в такой беспокойной стране было решительно невозможно. Галичина представляла слишком лакомый ку-

¹⁷ У польско-литовских историков сохранилось сказание, будто он запрягал побежденных литовцев в плуги, заставлял их расчищать леса и обрабатывать землю, и будто, по этому поводу, на Руси о нем составила поговорка: «Зле Романе робишь, что литвином орешь». Но это известие, передаваемое уже в XVI веке, более чем через 300 лет после Романа, не имеет никакой исторической достоверности, тем более, что у русских того времени, смотревших на Литву, как на врагов, не могла удержаться поговорка, осуждавшая суровость Романа над врагами.

сок как для русских князей, так и для иноплеменных соседей, а галицкие бояре не отличались постоянством, были падки на выгоды и далеко не все могли любить племя Романово. Покушения на Галичину начали следовать за покушениями. Сперва попытался овладеть ею отец первой жены Романа, князь Рюрик Ростиславич киевский, которого Роман, после варварского разорения Киева наведенными Рюриком половцами, заманил к себе на совет и постриг в монастыре. Теперь этот самый Рюрик, услышавши, что Романа нет на свете, снял с себя монашеское одеяние, собрал свою киевскую дружину, нанял половцев и бросился на Галич. Вдова Романа обратилась под защиту названного брата и друга ее покойного мужа. Этот названный брат был прежний соперник Романа – тот венгерский королевич Андрей, который некогда вместе со своим отцом прогнал его из Галича; впоследствии, когда Роман в другой раз овладел Галичем, они подружились, назвались братьями и постановили между собою такой уговор: если кто из них умрет прежде, то другой будет заботиться о его семье.

Андрей только что получил теперь венгерскую корону и не забыл своего обещания, данного Роману. Он свиделся с княгинеею в Саноке и обласкавши Данила, как родного сына, дал ему войско на помощь против Рюрика. Рюрик бежал обратно в Киев.

Но в следующем году семье Романа грозила новая беда. В Чернигове собрался княжеский съезд: стеклись на совеща-

ние потомки Олега черниговского: к ним пристал смоленский князь с сыновьями; порешили они нанять половцев и идти добывать галицкую землю. По пути пристал к ним Рюрик с сыновьями и племянниками, поднявши с собою живших на киевской земле берендеев.¹⁸ Союзники вошли в совет и с поляками, с которыми еще не был у галичан заключен мир по смерти Романа. Вдова опять обратилась к Андрею, но пока из Венгрии пришла вспомогательная сила, она увидела себя в таком положении, что оставаться на месте казалось опасным. С одной стороны русские и половцы, с другой – поляки, да и сам Галич заволновался, и много в Галиче было таких, от которых можно было ждать, что ее выдадут вместе с детьми. Она убежала с детьми во Владимир-Волынский, наследственный удел ее мужа. Галичане разделились на партии. Верх в Галиче взял тогда боярин Володислав: изгнанный некогда Романом, он проживал в северской земле, спознался с тамошними князьями Игоревичами и теперь подал галичанам совет пригласить их на княжение. Игоревичи находились тогда в том ополчении, которое шло на Галич; получивши приглашение, ночью скрылись они из союзного стана и явились в Галич. Старший брат Владимир Игоревич посажен был на галицком столе; другому брату Роману дали Звенигород. Оставался третий, Святослав, без места. Тогда Игоревичи послали какого-то попа во Владимир-Волынский с такою речью к владимирцам: «Выдайте нам Ро-

¹⁸ Ветвь тюркского племени, близкая к торкам, печенегам, черным клобукам.

мановичей и примите князем Святослава, а то города вашего на свете не будет!» Владимирцы, услышавши это, пришли в такую ярость, что хотели убить попа, присланного к ним с этим предложением. Нашлись благоразумные, говорившие, что нельзя убивать посла. Однако эти благоразумные говорили так потому, что готовы были исполнить требование Игоревичей. Княгиня это проведала и, посоветовавшись с боярином Мирославом, дядькою Данила, убежала из города ночью, тайком через стенное отверстие, боясь выйти через ворота. Мирослав нес Данила, кормилица – Василька. С ними был еще какой-то священник. Они бежали к Лешку, отдавались под покровительство человека, который еще считался с ними во вражде. Польский князь принял их с рыцарским великодушием; княгиню с Васильком оставил у себя, а Данила с польским боярином Вячеславом Лысым отправил к Андрею венгерскому и приказал сказать так: «Я не помянул злобы Романа, а ты был его друг; ты клялся защищать их; они теперь в изгнании: пойдем, вернем их достояние».

Но Лешко, однако, на деле оказал для Романовичей менее участия, чем на словах: правда, он выгнал из Владимира Святослава Игоревича, приехавшего туда после бегства княгини, но отдал княжение не детям Романа, а родному племяннику Романа Александру Всеволодовичу, так как Лешко был женат на дочери его Гремиславе; Василька Лешко отпустил с матерью в Брест. Берестяне сами выпросили его себе князем, были довольны и говорили, что «они как будто ви-

дят у себя великою Романа».

Андрей венгерский после бегства вдовы Романа рассудил, что нельзя удержать Данила на княжении, и не мешал водворению Игоревичей в Галиче: но Игоревичи сами вскоре поссорились за свою добычу: Роман Игоревич с помощью другого брата своего прогнал третьего, Владимира, и овладел Галичем, но потом, по приказанию Андрея, венгерский воевода Бенедикт Бора схватил Романа в бане, отправил в Венгрию и стал сам управлять Галичем. В короткое время Бенедикт раздражил галичан разными насилиями и своим распутством так, что, по приглашению галичан, опять явились Игоревичи, прогнали Бенедикта и разделили между собою Галичину, на этот раз уже не ссорясь между собою как прежде, и уступили княжение в Галиче старшему из своей среды брату Владимиру. Тогда, думая упрочить за собою власть, Игоревичи составили план истребить тех бояр, которые, по своему непостоянству, казались им опасными. Коварный замысел над некоторыми удался, но в числе обреченных на убийство был их прежний благодетель боярин Володислав, по милости которого они получили княжение в стране, Володислав впору узнал о грозящей беде, с другими боярами успел убежать к Андрею и просил теперь на княжение в Галич Данила, проживавшего у венгерского короля. Король дал войско на помощь Данилу. Прежде всех сдался Перемышль и выдал Святослава Игоревича. Звенигород защищался, но сдался после того, как Роман Игоревич, бежав-

ши оттуда, был схвачен на мосту. Князь Владимир Игоревич счастливо убежал из Галича. Отрока Данила посадили на отеческом столе.

Пленных Игоревичей осудили народным судом и повесили – событие, выходящее из ряда обычных событий на Руси в то время. Малолетний Данило недолго мог удержаться среди бояр, хотевших править его именем. В Галич прибыла мать Данила, которую он не узнал после долгой разлуки. Бояре поспешили ее выпроводить, из боязни, чтобы она не отняла у них власти. Когда Данило в слезах бросился за матерью, один из них схватил за повод коня его. Раздраженный отрок ударил мечом коня и ранил. Мать сама вырвала из рук его меч и убедила его остаться в Галиче, а сама уехала в Бельз. Услыхал об этом король Андрей, поспешил с войском и привел обратно мать Данила в Галич, а боярина Володислава, главного виновника ее изгнания, увел с собою в Венгрию в оковах. Но как только Андрей удалился, бояре опять составили заговор против Данила и призвали на княжение пересопницкого князя Мстислава. Данило должен был бежать. Андрей на этот раз не мог уже помочь ему, потому что в это время в самой Венгрии произошло возмущение, стоившее жизни королеве.

Призванный Мстислав пересопницкий в свою очередь не усидел в Галиче. Из Венгрии прибыл отпущенный Андреем Володислав, и тогда в Галиче, после недавней казни князей, произошло событие, также небывалое на Руси со вре-

мени утверждения Рюрикова дома: боярин Володислав, не принадлежавший к княжескому роду, назвался князем в Галиче. Но ему не дано было начать нового княжеского дома. Лешко, приняв сторону Данила, согнал с княжения Володислава и заточил. Володислав умер в заточении. Галич остался без правителя.

Казалось тогда, что ни Данилу и никакому другому русскому князю невозможно было усидеть в этом беспокойном городе. Лешко предложил Андрею посадить там малолетнего сына Андреева Коломана, обручив его с трехлетней дочерью Лешка Соломиею. Это дело устроил воевода Пако-слав, показывавший до сих пор расположение к Романову семейству. В удовлетворение Романовичей, наследственный удел Романа Владимир был отнят у Александра бельзского и отдан Данилу (1214), которого хотели иметь князем и владимирские бояре. Таким образом, в руках Данила была теперь значительная часть Волыни. Города: Камянец, Тихомля и Перемиль отошли к Романовичам.

С тех пор Данило надолго был лишен Галича. Им овладел Мстислав Удалой, который отдал за Данила дочь свою Анну.¹⁹

Данило собирал под свою власть волынскую землю и возвратил от поляков Берестье, Угровеск, Верещин, Столпье, Комов и всю так называемую тогда «Украину», т.е. часть Волыни, прилегавшую к Польше по левой стороне Буга.

¹⁹ См. жизнеописание Мстислава Удалого.

Следствием этого была война, в которую невольно впутался Мстислав Удалой. Хотя она велась сначала неудачно для Даниила и Мстислава, но приобретенный Даниилом край все-таки остался за ним.

Вслед за тем Данило помирился с Лешком и обратился на Александра бельзского, который отступил от него во время обороны Галича и всячески вредил ему. За вероломство князя по тогдашним понятиям должна была отвечать его земля. Данило и Василько напали на Бельз ночью и произвели там страшное опустошение. В памяти жителей надолго осталась эта ночь под именем «злой». По просьбе Мстислава Данило оставил Александра в покое.

В 1224 году Данило, вместе с другими князьями, участвовал в страшной для русских битве при Калке, вел себя геройски и был ранен в грудь. Он так увлекся тогда битвой, что долго не замечал своей раны и заметил ее только тогда, когда, бежавши, стал пить.

Вернувшись домой и оправившись от ран, Данило вновь принялся расширять свои владения. Князь Мстислав пересопницкий, владевший Луцком, отдал Данилу свою отчину, поручивши ему сына, который вскоре умер. Луцком поспешил овладеть Ярослав, сын двоюродного брата Романа Ингваря, некогда княжившего в Луцке. Данило, едучи на богомолье в Жидичин, встретил Ярослава Ингварича на дороге. Бояре подавали совет схватить его. Данило с негодованием отверг такую коварную меру. «Я еду на богомолье – этого не

сделаю», – отвечал он. Но возвратившись во Владимир, он послал своих бояр в Луцк. Они схватили Ярослава, а потом овладели Луцком. Данило хотя и дал в другом месте удел Ярославу, но уже в качестве своего подручника. В это же время Данило отнял у него Дорогобуж, а у пинских князей – Чарторыйск, пленивши сыновей пинского князя Ростислава. Во всех этих делах Данило действовал заодно с Васильком, с которым он всю жизнь был неразделен и неразлучен – пример очень редкий в истории русских князей.

В 1228 году, по смерти Мстислава Удалого, Данило овладел Понизьем.

Такое возвышение Данила возбудило против него целый союз русских князей. Ростислав пинский сердился на него за отнятие Чарторыйска, за плен сыновей и возбуждал против него Владимира Рюриковича; последний помнил насильственное пострижение своего отца Романом. К союзу пристали черниговские и северские князья. Но Данило услышал об этом вовремя и пригласил ляхов, которыми начальствовал расположенный к нему воевода Пакослав. Союзные князья осадили Каменец и ничего не могли сделать, тем более что приглашенный ими половецкий князь Котян перешел на сторону Данила. Они принуждены были отступить. Данило погнался за ними, но киевские и черниговские бояре приехали к нему от своих князей и убедили помириться. Таким образом Данило уничтожил все замыслы соперников, и этот успех еще более поднял его в ряду русских князей: не только

все прежние области остались за ним, но и пинские князья сделались его подручниками, а Владимир Рюрикович с этих пор является постоянным другом и союзником Данила.

В 1229 году убит был в Польше союзник Данила Лешко. Данило отправился помогать брату его Конраду против Владислава (князя опольского), оставив подручника своего князя пинского оберегать пределы Волыни от вторжения ятвягов. Русские зашли вглубь Польши так далеко, как еще никогда не заходили: они вместе со сторонниками Конрада осадили Калиш и почти без боя принудили его сдаться Конраду. Тогда русские и поляки заключили между собою такое условие: «Если между ними будут вперед усобицы, то русские не должны брать в плен польских простых людей (челяди), а поляки – русских».

На возвратном пути из этого похода Данило услышал, что боярин Судислав, властвовавший в Галиче именем королевича, думал воспользоваться тем, что Данило зашел так далеко в Польшу, и в его отсутствие хотел овладеть Понизьем. Но как только Судислав вышел из Галича, недовольные им галичане отправили посольство к Данилу и просили прибыть к ним как можно скорее, пока не вернулся Судислав. Данило, отправивши против Судислава тысяцкого Демьяна с войском задерживать его, сам с многочисленною дружиною поспешил на зов галичан, стараясь предупредить Судислава, и на третий день достиг Галича. Но как ни спешил Данило, Судислав успел избегнуть стычки с Демьяном, ранее Данила

вошел в Галич и затворился в нем. Данилу приходилось добывать Галич осадой. К счастью, Данило успел овладеть загородным двором Судислава и нашел там много продовольствия для своего войска: это дало ему возможность решиться на продолжительную осаду. Он расположился станом в Углиничах, на другой стороне Днестра. Тысяцкий Демьян и старик Мирослав привели к нему нескольких бояр галицкой земли, склонившихся на его сторону; прибыли к нему свежие силы из волынской земли. Данилу нужно было перейти на другой берег, чтоб окружить город. Осажденные старались не допустить его до этого, делали вылазки и бились на льду; но в это время река стала вскрываться; напрасно Семьюнко, которого современник по наружному виду сравнивает с красной лисицей, зажег мост на Днестре, чтобы затруднить Данилу переход через реку. К счастью Данила пожар угас при самом конце моста, Данило с усиленною ратью перешел реку и обложил город со всех сторон. Тем временем, по его призыву, стекался к нему народ из галицкой земли от Боброка до Ушицы и Прута. Видимо земля была за Данила. Это заставило осажденных сдаться. Данило вошел в город. Помня давнюю дружбу с королем венгерским Андреем, он отпустил королевича, свояка своего, домой и сам проводил его до Днестра. С королевичем ушел и Судислав. Народ метал на него каменья и кричал: «Вон, вон, мятежник земли!» Таким образом, Данило, после долгих лет отсутствия, снова был признан князем в городе, откуда был изгнан

еще будучи ребенком. Оскорбительно было для венгерской чести удаление королевича. Судислав усиленно подстрекал венгров вернуть потерянный Галич. И вот, сын Андрея, Бела, собрал большое войско и пошел через Карпаты. Но тут начались непрерывные дожди. Лошади вязли в грязи, люди бросали лошадей и пробирались высокими местами. С большим трудом добрались они до Галича. Данила там не было; он наперед вышел из города приглашать на помощь поляков и половецкого хана Котяна, оставивши в Галиче тысяцкого Демьяна. Венгерский посол, подъехав к городу, громко возгласил галичанам: «Люди галицкие! Вам велит сказать великий король венгерский: не слушайте Демьяна; пусть Данило не надеется на Бога и свои силы. Столько стран победил наш король, и не удержится против него Галич!» Демьян держался крепко; галичане стояли за Данила: Данило уже подходил к Галичу с собранным войском. Между тем дожди не переставали, у венгерцев от постоянной сырости развалилась обувь, открылись болезни и смертность. Иные умирали, сидя на коне, другие – у разведенных огней; иной испускал дыхание, поднося кусок мяса ко рту... От дождей сильно разлился Днестр. «Злую игру сыграл он венграм», – говорили современники. Король снял осаду и пошел к Пруту. Дожди преследовали его. Венгерцы погибали на дороге.

Но едва только, благодаря непогоде, Данило избавился от врагов, как опять начались против него в самом Галиче боярские крамолы. Зачинщиком и подстрекателем бояр был все

тот же Александр бельзский, постоянно тайный враг Данила. Бояре обращались так неуважительно с князьями, что однажды на пиру какой-то боярин залил Данилу лицо вином. Данило стерпел это. Вслед за тем произошел такой случай. Василько, находясь в собрании бояр, в шутку обнажил меч на одного, называемого в летописи «слугою королевским». Тот схватился за щит. Бояре после этого бежали. Князья удивились этому бегству, не понимая в чем дело. Через несколько времени, когда Василько уехал во Владимир, один боярин, по имени Филипп, приглашал Данило к себе на пир в Вишню. Данило поехал, но на дороге его встретил посланный от Демьяна с такими словами: «Не ездь, князь, на пир; боярин Филипп с князем Александром хотят убить тебя». Данило вернулся. Говорили, будто бояре Молибоговичи, подстрекаемые Александром бельзским, совещались произвести пожар, чтобы в суматохе убить Романовичей, но приключение с Васильком внушило им опасение, что Романовичи передали о заговоре, и оттого-то они разбежались. Василько, по приказанию Данила, занял Бельз (удел Александра), а посланный седельничий его, Иван Михайлович, схватил Молибоговичей с их соучастниками, всего 28 человек. Данило простил им; быть может, улики были недостаточны, и все ограничивалось подозрениями.

Великодушие не помогло Данилу. Узнал он, что бояре опять строят против него козни с Александром. Данило с восемнадцатью верных себе «отроков» созвал вече и спраши-

вал галичан: «Хотите ли быть верными мне? Я пойду на врагов моих!» Все закричали: «Мы верны Богу и тебе, господин!» Сотский Микула привел при этом пословицу Романа, отца Данила: «Не передавивши пчел, меду не есть». Данило пошел в Перемышль, но те, которые шли за ним, не были на деле ему верны. Князь Александр с боярами уже успел бежать в Венгрию, где ждал его Судислав. По их подстрекательству, король Андрей с сыновьями, Белою и Андреем, двинулись на Галич. Боярин Давид Вышатич, по убеждению своей тещи, преданной Судиславу, сдал королю Ярославль. Затем другой боярин, Климята, посланный с войском против венгров, передался врагам; за ним изменили и прочие бояре.

Данило должен был покинуть Галич и ушел в Киев набирать войско у своего союзника, киевского князя Владимира, а король водворил снова сына своего Андрея в Галиче, но ненадолго. Данило с Владимиром киевским и половцами два раза разбил венгров и пошел прямо к Галичу. Бояре, видя, что успех клонится на сторону Данила, стали переходить к нему. Первый пример подал боярин Глеб Зеремеевич. Данило обласкал их, раздавал им волости, думал хотя на время привязать их себе. Князь Александр бельзский отступил от венгров, пристал к Данилу и испросил у него прощения. Данило осадил Галич, стоял под ним 9 недель, ожидая заморозков, когда можно будет перейти по льду через Днестр. Осажденные стали терпеть голод. Судислав, находясь с королевичем, успел соблазнить коварного Александра: прельщен-

ный обещаниями получить Галич, Александр, недавно при-
славший к Данилу, опять изменил ему и передался к оса-
жденным: но осажденным от этого не стало легче. Королевич
Андрей умер в осаде. Тогда все галичане порешили на ве-
че призвать Данила, и один из прежних врагов его, Семьюн-
ко Красный, выехал к Данилу просить его в город. Судислав
и князь Александр успели убежать: Судислав – к венграм,
Александр хотел было искать защиты у тестя своего, киев-
ского князя, но Данило гнался за ним три дня и три ночи,
не зная сна, догнал его у Полонного и схватил в Хоморском
лесу. Неизвестно, что сделал Данило с этим человеком, так
бесчестно поступавшим с ним много раз, но с тех пор имя
его не упоминается в летописях.

В это время в нашей истории являются мимоходом за-
гадочные и до сих пор необъясненные бологовские князья,
владевшие берегами Буга. Так как край этот совершенно
ускользает из летописных повествований о прежних событи-
ях и нет возможности отыскать происхождения этих князей
в разветвлении Рюрикова дома, то, по всему видно, это бы-
ли князья иных древних родов, остававшиеся неподвластны-
ми Рюриковичам. В этом нас убеждает еще и то, что сам Да-
нило в переговорах о них с поляками называет их «особны-
ми» князьями. Овладевши Понизьем, Данило хотел подчи-
нить их своей власти; они были постоянно ею противниками
и при всяком случае принимали сторону его врагов.

Избавившись от венгров, Данило должен был еще долго

бороться с русскими князьями за Галич. Тогда как князь киевский Владимир помогал Данилу, черниговский князь Михаил, вступивший в союз с бологовскими князьями, напал на киевские владения и подошел к Киеву. Данило поспешил на выручку союзника. Четыре месяца вместе с Владимиром Рюриковичем воевал он черниговскую землю и, возвращаясь назад через Полесье, услышал, что враги его навели половцев на киевскую землю. Войско Данила было очень утомлено, и старый Мирослав, бывший дядька его, отсоветовал ему идти на них. Даже сам князь киевский разделял мнение старика; но верный себе, Данило сказал им: «Воину, устремившемуся на брань, следует или победить или пасть. Не говорил ли я вам прежде сам, что надо дать отдых усталым войскам? А теперь – нечего бояться! Пойдем!» У Торческа произошла кровопролитная битва (в 1234). Данило дрался отчаянно, пока под ним не убили его гнедого коня. Его воины обратились в бегство; сам Данило должен был последовать за ними. Киевский князь и Мирослав были взяты в плен. Летописец приписывает это несчастье тайной измене бояр Молибоговичей.

Проведавши о несчастьи Данила, бояре галицкие пригласили на княжение Михаила черниговского, и тот занял Галич. Несмотря на добродушие Данила, бояре галицкие никак не могли полюбить его.

Они видели в нем князя, который, как только утвердится, тотчас сломит их силу, и это будет тем удобнее, что простой

народ оказывал Данилу расположение. Бояре, захвативши в свои руки всю Галичину, поделили между собою все доходы, хотели или лучше быть вовсе без князя или иметь такого, который находился бы у них совершенно в руках. Но того и другого достигнуть им было трудно, потому что хотя все они и дорожили своим сословным могуществом, но жили между собою в несогласии. Один теснил и толкал другого: у каждого являлись свои виды, и потому один хотел того князя, другой – иного; всякий надеялся посредством князя возвыситься над своими соперниками.

Михаил недолго удержался в Галиче. Отправившись по своим делам в Киев, оставил он в Галиче сына своего Ростислава (1235). Данило находился в построенном им Холме, когда к нему пришла весть из Галича, что Михаил выехал из города и галичане хотят Данила. Простым жителям чересчур опротивели боярские смуты, и они приняли твердое решение не поддаваться более наущению бояр, а держаться крепко за Данила для собственной пользы. Данило смело подъехал к Галичу. Жители стояли толпою на стене. Данило обратился к ним: «О мужи галицкие, долго ли еще будете терпеть державу иноплеменных князей?» Все они в один голос закричали: «Вот он наш держатель, Богом данный!» – «И все, – говорит летописец, – пустились к нему, как пчелы к матке». Епископ Артемий и дворский²⁰ Григорий сначала удерживали народ, но видя, что ничего не сделают, со слезами на гла-

²⁰ Выборная городская правительственная должность.

зах, и, по выражению того же летописца, «осклабляясь и облизывая губы», вышли к князю Данилу, поклонились и сказали: «Приди, князь Данило, прими город!» Данило вошел в город и воткнул знамя свое на немецких воротах в знак победы. С торжеством вступил он в церковь Богородицы и принял стол отца своего. Бояре кланялись ему в ноги и просили прощения: «Согрешили, – говорили они, – чужого князя держали». Данило отвечал: «Вы получите милость, только вперед так не делайте, чтобы вам не было хуже». Ростислав бежал в Венгрию.

Таким образом Данило, после многолетних трудов и непрестанной борьбы, сделался властителем всей Галичины и Волыни. Он понял, что в Галиче нельзя ему иметь постоянного пребывания, и поселился в построенном им Холме. Однажды, ранее этого времени, ездивши на любимую им охоту, приехал Данило на место, которое ему очень понравилось. «Как называется это место?» – спросил он. «Холм», – отвечали ему. «Пусть здесь будет город Холм», – сказал он и посвятил будущий город Св. Иоанну Златоусту, так как в те времена всякий новый город посвящался какому-нибудь святому. Здесь построил он себе усадьбу и красивую церковь Св. Иоанна. По его призыву начали стекаться туда жители с разных сторон. Здесь власть Данила была тверже и безопаснее, не то, что в старом городе; здесь не было преданий, противных княжеским видам. Все получали свое жительство по милости князя и потому были привязаны к нему ради соб-

ственных выгод. Удалиться из старого города в новый было в то время удобным средством князю для своего спокойствия и безопасности. Здесь мог он жить, окруженный верною дружиною, не страшась боярских козней, от которых было трудно уберечься, живучи среди бояр.

Власть Данила распространялась и на киевскую землю; наконец, он подчинил себе и самый Киев, который, будучи отнят у Владимира Рюриковича (умершего в 1236) Ярославом суздальским, переходил потом из рук в руки, наконец был захвачен Данилом, но это было уже накануне страшного потрясения, переворотившего весь строй русской истории.

Уже татары под предводительством монгольского хана Батая, внука Чингисханова, опустошили и завоевали восточную Русь. Русские везде защищались геройски: не сдался ни один город, ни один князь; но защита эта была бестолковая и потому совсем безуспешная. Прежде всего в 1237 году совершенное опустошение постигло рязанскую землю. Все города этой земли были истреблены дотла; страна обезлюдела, а между тем суздальско-ростовская земля не выручала ее из беды и вслед за нею подверглась тому же жребии. Татары сожгли Москву (тогда еще бывшую только пригородом Владимира) и истребили в ней старого и малого. 7 февраля 1238 года истреблен был Владимир. Здесь в соборной церкви погибла семья князя Юрия Всеволодовича со множеством бояр и народа. Татарские полчища рассеялись по земле, разоряли города и села, везде истребляли жителей. 4 марта то-

го же года князь Юрий Всеволодович с другими князьями своей земли вступил в отчаянную битву с татарами на берегу Сити, но был поражен и убит. Опустошивши восточную Русь, Батый хотел идти на Новгород, но дремучие леса и болота не допустили его. Татары разорили один только Торжок и поворотили на юг. Везде Батый встречал отчаянное сопротивление. Небольшой городок Козельск защищался семь недель и когда был взят, то в нем татары пролили столько крови, что малолетний тамошний князь Василий захлебнулся кровью. В 1239 году они взяли и сожгли Чернигов и приближались к Киеву. Племянник Батыя Менгу-Тимур любовался красотой Киева из Песочного городка на левой стороне Днепра. Каменная стена верхнего города, из-за которой мелькали позолоченные верхи Десятинной церкви, Св. Софии и Михайловского монастыря, цветные черепичные кровли княжеских теремов, направо, внизу, вдоль Днепра Подол со множеством церквей, налево – Никольский монастырь, величественная Печерская обитель и Выдубицкий монастырь, отрезанные от города и друг от друга дремучим лесом, раскинувшимся по крутой горе – вот что поражало тогда глаза степного хищника. Он отправил в Киев послов требовать сдачи. Послы были убиты. Завоеватели отступили с намерением прийти на следующий год и наказать киевлян.

В конце 1240 года прибыла страшная сила Батыя, перейдя, вероятно, по льду через Днепр. Татарское полчище облегло верхний город (занимавший место нынешнего старого

города). За пределами его к реке Лыбеди были посады, конечно, тогда дотла истребленные. На юг по направлению к Никольскому и Печерскому монастырям был густой лес. Летописец говорит, что полчище врагов было до того огромно, что в городе нельзя было слышать слов от скрипа телег татарских, рева верблюдов и ржания коней. Батый начал свой приступ к Лядским воротам, находившимся на южной стороне. Татары день и ночь били пороками стены и, наконец, пробили их. Киевляне отчаянно защищали остаток стен, пока, наконец, татары не сбили их со стен и сами не вошли на стены. Тогда киевляне столпились у Десятинной церкви и в одну ночь возвели около нее укрепление. Когда завоеватели стали разрушать и эти укрепления, киевляне, со своим имуществом, кто что успел схватить, взбирались на верх церкви и отбивались оттуда до последней возможности: наконец, под ними рухнули стены церковные, по сказанию летописца, от тяжести, но вероятнее всего подбитые татарскими пороками.

О разрушении Подола мы не имеем известий, но несомненно, что весь город Киев превращен был тогда в кучу развалин. Надобно также полагать, что значительная часть жителей заранее бежала, так как прихода татар давно ждали.

Оставленный Данилом в городе тысяцкий Дмитрий, весь израненный, достался татарам, но Батый велел его пощадить, вероятно для того, чтобы воспользоваться им при дальнейших походах.

Завоевательные полчища Батыя двинулись от Киева на запад, истребляя и разрушая все на пути своем. Город Колодяжный (нынешний Ладыжин), вопреки примеру других русских городов, сдался добровольно, в надежде быть пощаженым. Но татары истребили в нем всех жителей, хотя нередко в подобных случаях они оказывали побежденным пощаду. Все волынские города подверглись разорению; только Кременец, расположенный на неприступной горе, не поддался татарам. Во Владимире истреблены были поголовно все жители. Застигнутые врасплох, русские кидали свои жилища в городах и селах, скрывались в лесах или бежали, сами не зная куда. Данило в это время был в Венгрии: еще не слышав ничего о приближении татар, он отправился в Венгрию для сватовства своего сына, которое на тот раз не удалось ему. В его отсутствие татары разорили опустелый Галич. Тысяцкий Дмитрий, желая спасти свою землю от дальнейшего разорения, убедил Батыя спешить в Венгрию и представлял, что, в противном случае, венгры и немцы соберутся на него с большою силою. Завоеватели разделились на две части: одни через Карпаты пошли в Венгрию, другие через Польшу в Силезию и Моравию, откуда через три года вернулись назад в свои степи.

Данило приехал из Венгрии, не зная, где находится его семья и брат, и отправился в Польшу. Там свиделся он с княгиней и Васильком, которые укрывались в Польше от татар. Мазовский князь Болеслав предоставил изгнанникам город

Вышгород, где Данило пробыл до тех пор, пока не узнал, что татар уже нет в его волости. Возвращаясь на свою землю, он хотел остановиться в Дрогичине, но тамошний наместник не пустил своего князя; вероятно, он был заодно с боярами, которые думали воспользоваться общим смятением, чтобы опять начать свои козни против князя. Данило с братом Васильком отправился затем к Берестью, но не мог приблизиться к городу от смрада гниющих тел. То же представилось им во Владимире; там не встретили они ни одной души; все церкви были наполнены горами трупов. Видно, что жители, во время нашествия татар, искали убежища в церквях и там погибали. Данилу пришлось отстраивать жилища и собирать разогнанные остатки населения.

Между тем галицкие бояре, захвативши в свои руки всю землю, думали править ею самовольно. Но теперь они уже не сладили с волею Данила. Боярин Доброслав и Судьич, попов внук, самовольно захватили Понизье, а Григорий Васильевич овладел горной страной перемышльской. Эти бояре от себя раздавали волости и доходы разным своим подручникам: так у Доброслава было двое подручников: Лазарь Домажирич и Ивор Молибожич, люди низкого происхождения (как говорит летописец), которым этот боярин поручил Коломью, дававшую прежде князю большой доход солью. К счастью Данила, эти бояре жили между собою во вражде и, ненавидя своего князя, доносили ему друг на друга. Таким образом Доброслав обвинял перед Данилом Григория.

Пользуясь их враждою, Данило, не веря ни тому ни другому, приказал схватить обоих и послал своего печатника Кирилла сделать опись всем грабительствам и злоупотреблениям бояр во время их управления.

Неугомонный, задорный сын черниговского князя Ростислав Михайлович в свою очередь продолжал беспокоить Данила. В то время, когда Кирилл производил осмотр в Понизье, Ростислав, соединившись с князьями бологовскими, пытался было овладеть Бакотою в Понизье, но не успел. За это Данило расправился с бологовскими князьями, которые вывели его наконец из терпения. Он в особенности был зол на них за то, что они поладили с татарами. Татары оставили покойно этих князей на земле их для того, чтобы они сеяли на них пшеницу и просо. Продолжая злобствовать против Данила, они надеялись на покровительство татар. Данило имел право упрекать их в неблагодарности к себе, так как ранее этого времени он избавил их из рук мазовецкого князя Болеслава и даже чуть было не воевал из-за них с Болеславом. Теперь, наказывая их за союз с Ростиславом, он вступил с войском на их землю, взял и предал огню города их: Деревич, Губин, Кобуд, Кудин, Городец, Божьский и Дядьков. Ростислав беспокоил Данила до самого 1249 года. Он женился на дочери венгерского короля Белы и с помощью тестя надеялся овладеть Галичем. В эти распри вмешались и поляки, так как другая дочь Белы была за князем Болеславом; на этом основании Данило помогал сопернику Болеслава Конраду,

женатому на его родственнице. Наконец, после долгих мелких драк произошло решительное сражение 1249 года.

Ростислав с войском, составленным из русских, венгров и болеславовых поляков, подступил к городу Ярославлю. Венграми начальствовал воевода Фильний, прозванный русскими «прегордый Филя», тот самый, который был некогда разбит Мстиславом Удалым. Хвастливый Ростислав говорил: «Если бы я знал, где теперь Данило и Василько, с десятью воинами поехал бы на них!» Между тем он устроил военную игру (турнир) и сразился с каким-то Воршем. Под ним споткнулся конь: Ростислав упал и повредил себе плечо. Это сочтено было дурным предзнаменованием. Тем временем Данило с Васильком шли против него. За ними на помощь следовали литва и поляки конрадовой стороны; тут было также несколько русских князей, пришедших на службу к Данилу. Им на дороге также было предзнаменование: над их войском собралась целая туча орлов и воронов и с криком кружилась над войском. «Это знамение на добро», – говорили русские. Битва произошла 17 августа. Венгерский воевода Фильний находился в заднем полку и, держа в руках знамя, кричал: «Русь плохо бьется: выдержим их первый напор: они не вытерпят сечи на долгое время». Но Данило ударил своим полком и смял его. Знамя Фильния было отнято и разодрано пополам. Молодой сын Данила, Лев, изломил об его доспехи копье свое. С другой стороны поляки, указывая на русских, кричали: «Погоним великие бороды!» – «Лжете, – за-

кричал им Василько, – Бог нам помощник!» Поляки по своему обычаю закричали «керылеш» (кириэ элейсон) и дружно бросились на Василька, но русские отбили их и обратили в бегство. Ростислав увидел, что и венгры и поляки бегут, побежал сам. Победа была вполне на стороне Данила. Воевода Фильний был схвачен Андреем дворским, приведен к Данилу и убит. Тогда же был казнен взятый в плен боярин Володислав, зачинщик смут. Ростислав с тех пор уже не делал более покушения на галицкий стол. Тесть его Бела дал ему в удел Мачву на Саве, и после того его имя уже не встречается в русской истории.

На следующий год Данило примирился с венгерским королем, при посредстве митрополита Кирилла, и король отдал за сына Данилова Льва дочь свою. Свадьбу праздновали в Изволине, и Данило, в знак мира, привел с собою и отдал королю венгерских пленников, взятых во время ярославской битвы.

Так, наконец, Данило успокоил и себя и свои земли, как от венгров, так и от русских князей. Много труда и усилий, много тяжелых лет и неутомимого терпения стоило ему это успокоение. Теперь он был один из сильнейших владетелей в славянском мире. До сих пор он не считал себя данником хана. Монгольские полчища пока только прошли по южной Руси разрушительным ураганом, оставивши по себе, хотя ужасные, но скоро поправимые следы. Участь других русских князей, казалось, миновала Данила. Но не так вышло

на деле, как казалось. В 1250 году прибыли послы от Батыя с грозным словом: «Дай Галич!»

Данило запечалился. Занятый беспрестанными войнами со своими соперниками, он не успел укрепить городов своих и не был в состоянии дать отпор татарскому полчищу, если бы оно пошло на него. Обсудивши свое положение, Данило сказал: «Не дам полуотчины своей, сам поеду к хану». В самом деле Данилу приходилось, уступивши Галич, не только потерять землю, приобретенную такими многолетними кровавыми усилиями, но ему угрожала большая беда: отнявши Галич, монголы не оставили бы его в покое с остальными владениями; и потому благоразумнее было заранее признать себя данником хана, чтобы удержать свою силу на будущее время, когда, при благоприятных обстоятельствах, можно будет заговорить иначе с завоевателями Руси. 26 октября выехал Данило в далекий путь.

Проезжая через Киев, Данило остановился в Выдубицком монастыре, созвал к себе соборных старцев и монахов, просил помолиться о нем, отслужил молебен Архистратигу Михаилу, и напутствуемый благословениями игумена сел в ладью и отправился в Переяславль. Здесь встретили его татары. Ханский темник²¹ Куремса проводил его в дальнейший путь. Тяжело и страшно было ехать Данилу. С грустью смотрел он на языческие обряды монголов, владычествовавших в тех местах, где прежде господствовало христианство. Его

²¹ Предводитель десятитысячного войска.

страшили слухи, что монголы заставят православного князя кланяться кусту, огню и умершим прародителям. Следуя по степи, доехал он до Волги. Здесь встретил его некто Сунгур и сказал: «Брат твой кланялся кусту, и тебе придется кланяться». – «Дьявол говорит твоими устами, – сказал рассерженный Данило, – чтоб Бог загородил твои уста и не слышал бы я такого слова!»

Батый позвал его к себе, и, к утешению Данила, его не заставляли делать ничего такого, что бы походило на служение идолам.

«Данило, – сказал ему Батый, – отчего ты так долго не приходил ко мне? Теперь ты пришел и хорошо сделал. Пьешь ли наше молоко, кобылий кумыс?»

«До сих пор не пил, а прикажешь – буду пить». Батый сказал ему: «Ты уже наш татарин, пей наше питье». Данило выпил и сказал, что пойдет поклониться ханьше. Батый ответил: «Иди».

Данило поклонился ханьше, и Батый послал ему вина со словами: «Не привыкли вы пить кумыс, пей вино».

Данило пробыл 25 дней в Орде и был отпущен милостиво. Батый отдал ему его владения в вотчину. Родные и близкие встретили его по возвращении с радостью и вместе с грустью: они радовались, видя, что он воротился жив и здоров, и скорбели об его унижении. Вместе со своим князем вся русская земля чувствовала это унижение, и оно-то прорвалось в возгласе современника-летописца: «О злее зла честь татар-

ская! Данило Романович, князь великий, обладавший русскою землею, Киевом, Волынью, Галичем и другими странами, ныне стоит на коленях, называется холопом, облагается данью, за жизнь трепещет и угроз страшится!»

Подчинение хану, хотя, с одной стороны, унижало князей, но зато, с другой, укрепляло их власть. Хан отдавал Данилу, как и другим князьям, земли его в вотчину. Прежде Данило, как и прочие князья, называл свои земли отчинами, но это слово имело другое значение, чем впоследствии слово вотчина. Прежде оно означало не более, как нравственное право князя править и княжить там, где княжили его прародители. Но это право зависело еще от разных условий: от воли бояр и народа, от удачи соперников, в которых не было недостатка, от иноплеменного соседства и от всяких случайностей. Князья должны были постоянно беречь и охранять себя собственными средствами. Теперь князь, поклонившись хану, предавал ему свое княжение в собственность, как завоевателю, и получал его обратно как наследственное владение; теперь он имел право на покровительство и защиту со стороны того, кто дал ему владение. Никто не мог отнять у него княжения, кроме того, от кого он получил его. Вечевое право, выражаемое волею ли бояр, волею ли всего народа, необходимо должно было смолкнуть, потому что князь мог всегда припугнуть непокорных татарами. Соседний князь не отваживался уже так смело, как прежде, выгонять другого князя, потому что последний мог искать защиты в сильной Орде.

Князья становились государями. Это положение сразу поняли восточные князья и потому так легко примирились с новым порядком вещей. Но Данило слишком привык к прежнему строю жизни, чтобы примириться с новым положением. Он был гораздо ближе к европейским понятиям, чем восточные князья. Стыд рабского положения не мог для него ничем выкупаться. Его задушевною мыслью стало освобождение от постыдного ига.

Цель эта могла быть достигнута в будущем как материальным усилением Данила, так и возвышением его нравственного значения в ряду европейских владетелей. Вся остальная жизнь Данила была посвящена этой идее и, как увидим, неудачно.

Дружба и союз с королем венгерским вовлекли Данила в дела западной Европы. После смерти австрийско-штирийского герцога Фридриха, венгерский король хотел не допустить немецкого императора взять себе Австрию и Штирию, страны, остававшиеся теперь без владетеля. Король в 1252 году пригласил на помощь Данила. Дело уладилось было через императорских послов в Пожге. Здесь Данило виделся с немецкими послами, которые удивлялись необычному для них вооружению русских: их коням, одетым в кожаные доспехи, и их блестящему, татарскому, оружию. Сам Данило ехал рядом с королем, одетый по-русски; седло под ним было обито чистым золотом, стрелы и сабля позолоченные с узорами. На нем был «кожух» (конечно, не тулуп, так как тогда

был знойный день) греческой материи, украшенный кружевами и золотой тесьмой; и был князь обут в зеленых сафьянных сапогах, вышитых золотом. Его превосходный породистый конь возбуждал удивление и похвалы. «Твой приезд, по обычаю русских князей, дороже мне тысячи серебра», – сказал ему в приветствие венгерский король. Вскоре после того поднялся новый спор за австрийско-штирийское наследство. У покойного Фридриха было две дочери: одна из них была за Оттокаром, сыном чешского короля Вацлава, а другая, по имени Гертруда, была вдова маркграфа баденского. Оттокар, с согласия партии, державшей его сторону в Австрии, хотел овладеть всем наследством. Гертруда обратилась к покровительству Белы. Здесь при дворе его познакомился с нею сын Данила, Роман, и женился на ней. Таким образом у Данила возникло притязание утвердить сына в обладании Австриею и Штириею. Для заветных целей Данила удача в том случае имела бы большое значение. В союзе с Белою и зятем Белы Болеславом Стыдливым, польским князем, Данило совершил против Оттокара поход в чешские владения, на землю опавскую (Троппау). Поход этот, бесплодный по своим последствиям, замечателен только тем, что, по выражению летописца, ни один русский князь не заходил так далеко на запад.

Даниловы союзники, поляки, в этой войне вели себя очень не храбро, так что Данилу пришлось усовещевать их. Наконец, потерявши терпение, он сказал им: «Если хотите, идите

прочь, а я останусь с малою дружиною». Сам Данило страдал тогда сильною главною болезнью, но все-таки неумолимо разъезжал с обнаженным мечом, собирал и ободрял воинов. Союзники, не взявши города Опавы, овладели только городком Насилье (Носельт), потом заставили чешского воеводу Герберта прислать меч Данилу в знак покорности. Война эта, по всеобщему тогдашнему обычаю, сопровождалась варварским разорением края, но Данило смягчал ее жестокость. Таким образом, взявши город Насилье, он только освободил своих пленников и не велел никому делать зла.

Роману Даниловичу и впоследствии не удалось овладеть Австриею. Бела изменил своим видам относительно Романа. Оставивши у себя при дворе сына Гертруды от первого брака, он задумал женить его на своей дочери и предоставить ему спорные владения, а потому и покинул без помощи Романа, боровшегося в Австрии с Оттокарром. Осажденный в Нейбурге близ Вены, Роман вместе с женою терпел недостаток, напрасно ожидая выручки от Белы. Тогда Оттокар сделал ему такое предложение: «Оставь короля угорского: он тебе много обещает, но ничего не исполнит; ты мне свояк: разделим землю пополам; а что я говорю правду, в том ставлю тебе свидетелей: папу и двенадцать епископов». Но Роман следовал нравственным правилам отца своего, никогда не изменявшего своим союзникам, и сказал: «Я дал обещание королю угорскому, своему тестю: не могу тебя послушать. Стыдно и грешно не исполнять данного слова». Сама

жена вооружала его против Белы: «Он взял моего сына к себе, – говорила она, – хочет забрать нашу землю, а мы за него здесь голод терпим». Роман был непреклонен. Преданная им женщина тайком пробиралась из Нейбурга в Вену и приносила им пищу. Наконец какой-то Веренгер вывел их из осады, и Роман отправился к отцу.

План Данила с этой стороны окончательно рушился.

Удачнее шли дела Данила на севере. Ятвяги, народ воинственный, дикий и жестокий, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии, делали опустошительные набеги на русские области и уводили множество пленников, которых держали в тяжелом рабстве. Данило проник в их тущобы, разорил их поселения и освободил всех русских пленников, наконец, умертвил в битве их князя Стеконта, подчинил их своей власти и наложил на них дань.

Удачно также шли дела его с Литвою. Этот народ, когда-то покорный русским князьям, был выведен из терпения немецкими рыцарями, хотевшими жестокими мерами распространить между ним крещение. Столкновение с этими новыми врагами пробудило спящие силы литвинов, и они не только упорно и мужественно отбивались от врагов, но сделались воинственным и завоевательным народом. Литва начала расширяться за счет Руси. Один из ее князей, Миндовг, заложил свою столицу Новогородок на русской земле и сделался сильнейшим князем во всей Литве. Двое племянников его: Тевтивилл и Эдивид сделались князьями – один полоц-

ким, другой смоленским, а дядя их Викинт витебским. Миндовг хотел подчинить их своей власти; тогда они обратились за помощью к Данилу. Данило, после смерти первой жены своей Анны, женился на сестре Тевтивилла и Эдивида и теперь горячо принял их сторону. Чтобы усмирить Миндовга, Данило заключил союз с Ригою, вооружил против Миндовга половину жмуди (ветвь литовцев) и ятвягов и стеснил Миндовга так, что последний, с намерением разорвать союз Данила с немцами, изъявил желание принять католическую веру. В 1252 году он крестился в присутствии папского легата и магистра немецкого ордена и был коронован королем. Крещение его было притворное: он в душе оставался язычником. Вскоре Миндовг убедился, что союз его с немцами приведет его к порабощению и что гораздо лучше будет сойтись с русскими. Он помирился с племянниками и предложил мир и родственный союз Данилу, отдавши свою дочь за сына Данилова Шварна. Союз этот устроил сын Миндовга, знаменитый Воишелк: сперва кровожадный и жестокий, этот литовский князь потом принял христианство, постригся в монахи и сделался строгим отшельником. Преданный Данилу, он привел к нему сестру свою, будущую жену Шварна. Мир был закреплен тем, что старшему сыну Роману предоставили Новгородок, Слоним и Волковскийск, с обязанностью, однако, признавать первенство Миндовга.

Но все эти успехи были недостаточны для целей Данила. Ему нужно было приобрести значение и силу в Евро-

пе, заручиться надеждой на помощь со стороны Запада в то время, когда он открыто решится действовать против татар. Для этой цели нужно было сойтись ему с такою центральной силою, которая двигала всем западным миром. Такой центральной силой казался ему папа. Постоянные и долгие сношения с западными католическими государями неизбежно должны были внушить ему высокое мнение о могуществе духовного римского престола, хотя в то время это могущество в сущности не могло произвести того, что производило столетием ранее. Сношения с папою начались еще с 1246 года. Данило изъявлял желание отдать себя под покровительство Св. Петра, чтобы идти под благословением римского престола, вместе с западным христианством, на монголов. Последствием этого обращения был целый ряд папских посольств и булл. Желая прежде всего устроить присоединение русской церкви, папа Иннокентий IV послал к Данилу доминиканских монахов Алексея Гецелона и других для совещания о вере и для постоянного пребывания при русском князе, писал целый ряд булл, называл в них Данила королем, позволял русским сохранять ненарушимо служение литургии на просфорах и соблюдать все обряды греческой церкви и предлагал, между прочим, короновать его королем. Но Данило имел в виду только одно: существенную помощь Запада для освобождения Руси от монголов, а потому не поддавался ни на какие уловки. «Что мне в королевском венце? – говорил он папскому послу. – Татары не перестают делать нам зло;

зачем я буду принимать венец, когда мне не дают помощи!» В 1249 году, потерявши надежду на помощь папы, Данило изгнал епископа Альберта, которого папа назначил главою духовенства в южной Руси. Папский легат с неудовольствием выехал из Галиции. Тем и кончились тогда сношения Данила с папою. В 1252 году король венгерский помирил Данила с Римом, и сношения с папою возобновились. В 1253 году папа издал буллу ко всем христианам Богемии, Моравии, Сербии и Померании, призывающую их к крестовому походу против татар, а в следующем 1254 году буллу к архиепископу, епископам и другим духовным особам Эстонии и Пруссии, чтобы они проповедовали крестовый поход против татар. В глазах Данила вся восточная Европа готова была подняться против завоевателей Руси. Тогда же папа отправил послов к Данилу с королевскою короною, но Данило не очень горячо хватался за эту папскую милость. Когда он, возвращаясь из чешского похода, свиделся с этими послами в Кракове, то сказал им: «Не годится мне видеться с вами в чужой земле. После!» В следующем году приехал в Русь папский легат Опизо с королевским венцом, скипетром и с щедрыми обещаниями помощи против татар. Данило и теперь еще колебался; но его убедили принять предложение папы, с одной стороны – его мать, а с другой – польские князья Болеслав и Земовит. Последние со своими вельможами обещали Данилу, как только он примет венец, тотчас идти против татар. Данило был торжественно коронован в Дроги-

чине и помазан папским легатом (1255). Его успокоили уверения легата, что «папа уважает греческую церковь, проклиняет тех, кто осуждает ее обряды, и намерен скоро собрать собор для соединения церквей».

В том же году начались неприязненные действия с татарами. Неизвестно, дошел ли до монголов слух, что на западе собираются идти на них, или же их раздражило то, что Данило укреплял свои города. Ханский темник Куремса подступил к Бакоте. Ее сдал татарам Милей, вероятно, русский, и назначен был в ней от татар баскаком. Данило, занятый в то время делами в Литве, послал в Бакоту сына своего Льва. Лев отвоевал Бакоту и привел пленного Милея к отцу. Изменник успел умиловить князей. Лев сам поручился за него, и Данило, понадеявшись на его уверения в верности, отпустил Милея, а последний тотчас же отдал Бакоту опять татарам. Куремса подступил к Кременцу, но не взял его. Нашелся русский князь, увидавший возможность воспользоваться гневом татар против Данила для своих выгод: то был Изяслав, князь новгород-северский, племянник тех Игоревичей, которые некогда были повешены в Галиче; он предложил татарам овладеть Галичем и просил их помощи. Куремса сказал ему: «Как ты пойдешь на Галич? Лют князь Данило, убьет тебя!» Изяслав не послушался совета и пошел в Галич. Услышавши об этом, Данило послал туда с отрядом сына своего Романа, а сам у Грубешова со своими людьми охотился за вепрями, собственноручно убил троих зверей рога-

тиной и отдал мясо воинам. «Если встретятся вам хотя бы татары, – говорил он им, – не бойтесь!» Видно, что татары своим одним именем наводили ужас на русских. Роман напал на Изяслава так неожиданно, что тот, не будучи в силах ни защищаться, ни убежать, взобрался на церковь и там сидел три дня, а на четвертый, не стерпев жажды, сдался и был приведен к Данилу.

Куремса, человек слабый и недеятельный, не трогал долго Данила. Это ободрило русского князя. Он решился отобрать у татар русские города до самого Киева. Литовский князь Миндовг дал обещание действовать с ним заодно. Данило отправил войско под начальством сыновей своих: Шварна и Льва и воеводы Дионисия Павловича. Дионисий взял Межибожье; Лев занял берега Буга и выгнал оттуда татар; отряды Данила и Василька завоевали Бологовский край, а Шварно овладел всеми городами на восток по реке Тетереву до Жидичева. Белобережцы, чернятинцы, бологовцы со своей стороны прислали послов своих к Данилу, но город Звягель, обещавший принять к себе Данилова тиуна, изменил и не сдавался. Данило сам отправился вслед за своим сыном Шварном, взял Звягель приступом и расселил его жителей. В это время литовцы, вместо того, чтобы помогать Данилу и идти с ним по обещанию к Киеву, начали грабить и разорять его владения около Луцка, совершенно неожиданно для Данила. Посланный против них дворский Олекса наказал их жестоко, загнав и потопивши в озеро. Но измена литовцев

остановила дальнейшие движения Данила.

Вражда татарам была объявлена. Силы Куремсы двинулись на Луцк, но этот город стоял на острове и жители заранее истребили мост; татары через реку Стырь хотели пускать камни в город, но поднялась сильная буря и изломала их пороки. С тех пор Куремса не нападал на Данила. Но в 1260 году на место Куремсы был назначен другой темник, по имени Бурандай, человек суровый, воинственный.

Вот уже пять лет прошло с тех пор, как Данилу обещали на помощь силы крестового похода, но обещание не исполнялось: Данило, между тем, понадеявшись на помощь с Запада, раздражил татар и был теперь предоставлен собственным силам. Бурандай явился с огромным войском на Волынь, не делал никаких укоров Данилу за его последние действия, а послал приказание идти с ним на Литву. Данило рад был и тому, что мог на время избавиться от таких гостей, и отправил на Литву к Бурандаю брата своего Василька. Недавняя измена литовцев, остановившая успехи Данила, оправдывает поступок его. Татары рассеялись по Литве, жгли и опустошали ее. Бурандай, как будто довольный послушанием Василька, ласково отпустил его во Владимир. Но в следующем 1261 году, возвратившись из Литвы, Бурандай послал к Романовичам такое грозное послание: «Встречайте меня, если вы в мире со мною, а кто меня не встретит – с тем я в войне». Василько в то время справлял свадьбу своей дочери с черниговским князем и, оставивши свадебный пир,

должен был ехать на поклон к грозному темнику. Данило не поехал к нему и послал на место себя сына Льва и холмского владыку Ивана.

Посланные явились к Бурандаю под Шумском и принесли ему дары. Бурандай встретил их грозно и начал кричать на Василька и Льва. Владыка совершенно оторопел от страха. Наконец Бурандай сказал князьям: «Если хотите жить с нами в мире, размечите все ваши города».

Помощи надеяться было неоткуда; при малейшем упорстве Бурандай задержал бы князей и пустил бы татар истреблять в крае старых и малых. Приходилось уступить.

Лев разметал укрепления города Львова, им самим построенного, и города Стожка, недавно воздвигнутого Данилом, а Василько послал приказание уничтожить укрепления Кременца и Луцка. Сам Бурандай отправился с Васильком во Владимир, желая быть свидетелем разрушения укреплений столицы волынского края. Не дойдя до этого города, татарский темник остановился ночевать на Житане и сказал Васильку: «Иди и размечи свой город».

Василько, прибывши к Владимиру, увидел, что в скором времени нельзя разобрать всех стен до приезда Бурандая, и потому приказал зажечь их. Бурандай, приехавши вслед за ним, с радостью смотрел, как потухали сгоревшие стены, обедал затем у Василька, обошелся с ним милостиво и на ночь выехал из города, а утром послал к Васильку татарина Баймура, который сказал ему так: «Василько, приказал мне

Бурандай раскопать твой город». «Делай то, что тебе приказано!» – отвечал Василько. Баймур раскопал владимирские окопы: это знаменовало победу татар над русскими.

Вслед за тем Бурандай призвал Василька и приказал, собрав бояр и слуг, идти на Холм.

Данила уже не было тогда в его столице. Владыка Иван приехал туда вперед и рассказал Данилу о том, что слышал от Бурандая в Шумске. Данило бежал в Венгрию. Сопrotивляться ему против татар было невозможно, а унижаться и раболепствовать было слишком невыносимо.

Город Холм был хорошо укреплен пороками и самострелами; бояре и горожане готовы были отражать приступ. Бурандай сказал Васильку: «Это город твоего брата, ступай к горожанам, уговори их сдаться». Вместе с ним отправил он троих татар и толмача с приказанием наблюдать, что будет говорить Василько с русскими.

Василько набрал в руки камешков и, придя под город с татарами, начал кричать так: «Эй ты, холоп Константин, и ты, другой холоп Лука Иванович, это город брата моего и мой, сдавайтесь!» – и с этими словами трижды бросил камни оземь.

Боярин Константин, стоя на стене с горожанами, понял, что означало это бросание камней: Василько, не смея сказать словами того, что хотел, давал им знак, чтобы они не делали того, что он им приказывал на словах.

«Ступай прочь, – закричал боярин Константин, – а то мы

тебя хватим камнем в лицо; ты уже теперь не брат своему брату, а враг его».

Татары рассказали Бурандаю то, что слышали, и Бурандай был очень доволен Васильком. Братья укрепленные города осадой было не в духе татар, и потому-то татары так настаивали, чтобы в покоренной ими земле не было укрепленных мест. Татары отступили.

Бурандай приказал Васильку идти с собой на Польшу. Василько поневоле должен был опять повиноваться и быть свидетелем и участником разорения края. Татары взяли приступом Судомир (Сендомир) и перебили всех жителей, не щадя ни пола, ни возраста, когда последние выбежали в поле из разоренного города. Наделавши опустошений в Польше, Бурандай удалился в свои становища в приднепровской Украине.

Итак, все задушевные предположения Данила разрушились. Запад обманул его. Он должен был понять, что с этой стороны нельзя ждать Руси спасения от татар. Его сношения с папой не привели ни к какому желанному результату, ни для него, ни для папы. Данило хотел помощи против завоевателей и только ради этой помощи искал покровительства папы; папская политика имела в виду одно: обольстить русских и подчинить их церковь своей власти, в каком бы материальном положении они ни оставались. Понятно, что Данило, видя себя обманутым со стороны Запада и видя бессилие папы для своих целей, не хотел более знать его. Па-

па Александр IV еще в 1257 году писал ему буллу с горькими укорами за то, что он не оказывает никакого повиновения папскому престолу, и грозил церковным проклятием. Данило уже не обращал внимания на эти угрозы. В этом деле Данило вел себя вполне честно и безукоризненно: он не хитрил, а говорил открыто, что ему нужна действительная помощь против врагов, и только под этим условием обещал признать духовную власть римского первосвященника, притом не иначе, как тогда, когда будет созван собор, долженствующий установить соединение церквей. Ни того, ни другого не было сделано со стороны папы, который, в сущности, не в состоянии был исполнить того, что обещал. Понятно, что Данило мог считать свою совесть спокойною, отвернувшись от папы.

Обнаженная от своих укреплений, Русь стала более прежнего открытой для литовских набегов. Литовцы, отмщая русским за татарский поход, сделали вторжение на их землю, но были прогнаны и разбиты Васильком. Вслед за тем в 1262 г. в Литве произошел переворот: Миндовг, обратившийся опять к язычеству, был убит. Сын его Войшелк, оставив на время монашеский чин, принял звание литовского князя, перебил врагов Миндовга и готовился снова идти в монастырь, предоставляя княжение сыну Данила Шварну. Среди этих событий в 1264 году Данило, еще прежде впавший в болезнь, скончался в Холме и погребен там в построенной им церкви Богородицы.

В судьбе этого князя было что-то трагическое. Многого добился он, чего не достигал ни один южнорусский князь, и с такими усилиями, которых не вынес бы другой. Почти вся южная Русь, весь край, населенный южнорусским племенем, был в его власти: но не успевши освободиться от монгольского ига и дать своему государству самостоятельного значения, Данило тем самым не оставил и прочных залогов самостоятельности для будущих времен. По отношению к своим западным соседям, как и вообще во всей своей деятельности, Данило всегда отважный, неустрашимый, но вместе с тем великодушный и добросердечный до наивности, был менее всего политик. Во всех его действиях мы не видим и следа хитрости, даже той хитрости, которая не допускает людей попадаться в обман. Этот князь представляет совершенную противоположность с осторожными и расчетливыми князьями восточной Руси, которые, при всем разнообразии личных характеров, усваивали от отцов и дедов путь хитрости и насилия и привыкли не разбирать средств для достижения цели.

Не прошло ста лет после Данила, и в то время, как в восточной Руси возникали прочные начала государственного единения, южная Русь – явившись еще в XIII веке на короткое время в образе государства под властью князя, получившего титул монарха между европейскими государями – не только распалась, но сделалась добычею чужеземцев. К такой судьбе бесспорно приводило ее географическое положение.

ние, близкое соседство с Европой. Восточную часть южной Руси завладели литовцы, западную – поляки, и, по соединении последних между собою в одну державу, южная Русь на многие века была оторвана от русской земли, подвергаясь насильственному давлению чуждых стихий и выбиваясь из-под их гнета тяжелыми, долгими и кровавыми усилиями народа. Но личность Даниила Галицкого тем не менее остается благородною, наиболее возбуждающею к себе сочувствие личностью во всей древней русской истории.

Глава 8

Князь Александр Ярославич Невский

XIII век был периодом самого ужасного потрясения для Руси. С востока на нее нахлынули монголы с бесчисленными полчищами покоренных татарских племен, разорили, обезлюдили большую часть Руси и поработили остаток народонаселения; с северо-запада угрожало ей немецкое племя под знаменем западного католичества. Задачей политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла удержать свое существование. Человек, который принял на себя эту задачу и положил твердое основание на будущие времена дальнейшему исполнению этой задачи, по справедливости может назваться истинным представителем своего века.

Таким является в русской истории князь Александр Ярославич Невский.

Отрочество и юность его большею частью протекли в Новгороде. Отец его Ярослав всю жизнь то ссорился с новгородцами, то опять ладил с ними. Несколько раз новгородцы прогоняли его за крутой нрав и насилие и несколько раз приглашали снова, как бы не в состоянии обойтись без него. Князь Александр уже в молодых годах подвергался тому же вместе с отцом. В 1228 году, оставленный со своим братом Федо-

ром, с двумя княжескими мужами, в Новгороде, он должен был бежать, не выдержав поднявшегося в то время междоусобия – явления обычного в вольном Новгороде. В 1230 году юноша снова вернулся в Новгород с отцом и с тех пор, как кажется, долго не покидал Новгорода. С 1236 года начинается его самобытная деятельность. Отец его Ярослав уехал в Киев; Александр посажен был князем в Великом Новгороде. Через два года (1238) Новгород праздновал свадьбу своего молодого князя: он женился на Александре, дочери Брячислава полоцкого, как кажется, последнего из Рогволодовичей, скоро замененных в Полоцке литовскими князьками. Венчание происходило в Торопце. Князь отпраздновал два свадебных пира, называемых тогда «кашею» – один в Торопце, другой в Новгороде, как бы для того, чтобы сделать новгородцев участниками своего семейного торжества. Молодой князь был высок ростом, красив собою, а голос его, по выражению современника, «гремел перед народом как труба». Вскоре важный подвиг предстоял ему.

Вражда немецкого племени со славянским принадлежит к таким всемирным историческим явлениям, которых начало недоступно исследованию, потому что оно скрывается во мраке доисторических времен. При всей скудости сведений наших, мы не раз видим в отдаленной древности признаки давления немецкого племени над славянским. Уже с IX века в истории открывается непрерывное многовековое преследование славянских племен; немцы порабощали их, тесни-

ли к востоку и сами двигались за ними, поработая их снова. Просторный прибалтийский край, некогда населенный многочисленными славянскими племенами, подпал насильственному немецкому игу для того, чтобы потерять до последних следов свою народность. За прибалтийскими славянами к востоку жили литовские и чудские племена, отделявшие первых от их русских соплеменников. К этим племенам в конце XII и начале XIII века проникли немцы в образе воинственной общины под знаменем религии, и, таким образом, стремление немцев к поработлению чужих племен соединилось с распространением христианской веры между язычниками и с подчинением их папскому престолу. Эта воинственная община была рыцарским орденом крестоносцев, разделявшимся на две ветви: орден Тевтонский, или Св. Марии, и, позже ею основанный в 1202 году, орден Меченосцев, предназначенный для поселения в чудских и леттских краях, соседних с Русью. Оба эти ордена, впоследствии, соединились для совокупных действий.

Полоцкий князь Владимир, по своей простоте и недалекости, сам уступил пришельцам Ливонию (нынешние прибалтийские губернии) и этим поступком навел на северную Русь продолжительную борьбу с исконными врагами славянского племени.

Властолюбивые замыслы немцев после уступки им Ливонии обратились на северную Русь. Возникла мысль, что призыванием ливонских крестоносцев было не только крестить

язычников, но и обратиться к истинной вере русских. Русские представлялись на западе врагами Св. отца и римско-католической церкви, даже самого христианства.

Борьба Новгорода с немцами была неизбежна. Новгородцы еще прежде владели значительным пространством земель, населенных чудью, и постоянно, двигаясь на запад, стремились к подчинению чудских племен. Вместе с тем они распространяли между последними православие более мирным, хотя и более медленным путем, чем западные рыцари. Как только немцы утвердились в Ливонии, тотчас начались нескончаемые и непрерывные столкновения и войны с Новгородом; и так шло до самой войны Александра. Новгородцы подавали помощь язычникам, не хотевшим креститься от немцев, и потому-то в глазах западного христианства сами представлялись поборниками язычников и врагами Христовой веры. Такие же столкновения явились у новгородцев с католической Швецией по поводу Финляндии, куда с одной стороны проникали новгородцы с православным крещением, а с другой шведы с западным католичеством; спор между обеими сторонами был также и за земное обладание финляндской страной.

Папа, покровительствуя ордену, возбуждал как немцев, так и шведов к такому же покорению северной Руси, каким уже было покорение Ливонии и Финляндии. В завоеванной Ливонии немцы насильно обращали к христианству язычников; точно так же приневоливали они принимать католиче-

ство крещенных в православную веру туземцев; этого мало: они насильовали совесть и тех коренных русских поселенцев, которых отцы еще прежде прибытия рыцарей водворились в Ливонии.

Силы ордена Меченосцев увеличились от соединения с Тевтонским орденом. Между тем рыцари, по решению папы, должны были уступить датчанам часть Ливонии (Гаррию и Вирландию), а папа предоставил им вознаградить себя за это покорением русских земель. Вследствие этого, по призыву дерптского епископа Германа, рыцари и с ними толпа немецких охотников бросились на Псков. Один из русских князей Ярослав Владимирович вел врагов на своих соотечественников. В 1240 году немцы овладели Псковом: между псковитянами нашлись изменники; один из них, Твердила Иванкович, стал управлять городом от немецкой руки.

Между тем на Новгород ополчились шведы. Папская булла поручала шведам начать поход на Новгород, на мятежников, непокорных власти наместника Христова, на союзников язычества и врагов христианства. В Швеции, вместо больного короля, управлял тогда зять его Биргер. Этот правитель Биргер сам взял начальство над священным ополчением против русских. В войске его были шведы, норвежцы, финны и много духовных особ с их вассалами. Биргер прислал в Новгород к князю Александру объявление войны надменное и грозное: «Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здесь и пленю землю твою».

У новгородцев война также приняла религиозный характер. Дело шло о защите православия, на которое разом посягали враги, возбужденные благословением папы. Александр Ярославич помолился у Св. Софии и выступил с новгородскою ратью к устью Волхова. К нему пристали ладожане, подручники Великого Новгорода. Шведы вошли в Неву и бросили якорь в устье Ижоры. Вероятно, это был роздых: они намеревались плыть через озеро и достигнуть Ладоги врасплох; прежде всего следовало взять этот новгородский пригород, а потом вступить в Волхов и идти на Великий Новгород. В Новгороде уже знали о них. Александр не медлил и, предупредивши их, приблизился к Ижоре в воскресенье 15-го июля (1240). Шведы не ждали неприятелей и расположились спокойно; их шнеки стояли у берега; раскинуты были на побережье шатры их. Часов в одиннадцать утра новгородцы внезапно появились перед шведским лагерем, бросились на неприятелей и начали их рубить топорами и мечами, прежде чем те успевали брать оружие. Немало было молодцов, которые отличились здесь своею богатырскою удаleyю: между ними новгородец Савва бросился на шатер Биргера, что красовался посреди лагеря своим золотым верхом. Савва подсек столб у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидели, как упал этот шатер золототерхий. Сам Александр нагнал Биргера и хватил его острым копьем по лицу. «Возложил ему печать на лицо», – говорит повествователь. У шведов было много убитых и раненых. Схоронили они наскоро

часть убитых на месте, свалили остальных на свои шнеки, чтобы похоронить в отечестве, и в ночь до света все уплыли вниз по Неве в море.²²

Велико было торжество новгородцев. Но вскоре не поладил с ними Александр и ушел в Переяславль.

А тем временем на Новгород шли другие такие же враги. Немцы, завоевавши Псков, заранее считали уже своим приобретенным достоянием Водь, Ижору, берега Невы, Карелию (края нынешней Петербургской, отчасти Олонецкой губернии); они отдавали страны эти католичеству, и папа присудил их церковному ведомству эзельского епископа. 13-го апреля 1241 года эзельский епископ по имени Генрих заключил с рыцарями договор: себе брал десятину от десятины со

²² У новгородцев был обычай ставить стражу при впадении Невы в море. Начальство над этой стражей было тогда поручено какому-то крещеному вожанину (принадлежавшему к Води народу чудского или финского племени, населявшему нынешнюю Петербургскую губернию) Пельгусию, получившему в крещении имя Филиппа. Пельгусий был очень благочестив и богоугоден, соблюдал посты и потому сделался способным видеть видения. Когда шведы явились, он пошел к Александру известить о их прибытии и рассказал ему, как стали шведы. «Мне было видение, – сказал он, – когда я еще стоял на краю моря; только что стало восходить солнце, услышал я шум страшный по морю и увидел один насад; посреди насада стояли Святые братья Борис и Глеб; одежда на них была вся красная, а руки держали они на плечах: на краю их ладьи сидели гребцы и работали веслами, их одевала мгла, и нельзя было различить лика их, но я услышал, как сказал Борис мученик брату своему Св. Глебу: „Брате Глебе! Вели грести, да поможем мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!“ И я слышал глас Бориса и Глеба; и мне стало страшно, так что я трепетал; и насад отошел из глаз у меня». – «Не говори же этого никому другому», – сказал ему Александр. Такое благочестивое предание осталось об этом событии.

всех произведений, а им отдавал все прочее, рыбные ловли, управления и все вообще мирские доходы с будущих владений.

Немцы и покоренные ими латыши и эсты бросились на новгородские земли, предавали их опустошению, взяли пригород Лугу, Тесово, построили укрепление в погосте Копорье. Вожане поневоле приставали к ним; те, которые не хотели, – разбежались в леса и умирали с голода. Неприятельские шайки метались в разные стороны, достигали тридцати верст от Новгорода и убивали новгородских гостей, ездивших за товарами. В таких обстоятельствах новгородцы послали к Ярославу просить князя. Ярослав прислал им сына Андрея. Немцы причиняли им все более и более зла: у поселян по Луге отобрали всех коней и скот, и не на чем было пахать поселянам. Новгородцы рассудили, что один Александр может их выручить, и отправили к нему владыку Спиридона. Дело касалось не одного Новгорода, а всей Руси, – Александр не противился.

Немедленно отправился он с новгородцами очищать новгородскую землю от врагов, разогнал их отряды, взял Копорье, милостиво обращаясь с пленниками, перевешал, однако, изменивших Новгороду вожан и чуд. Затем он достиг Пскова, освободил его от немцев, отправил в оковах в Новгород двух немецких наместников Пскова.

Оставаясь во Пскове, Александр ждал против себя новой неприятельской силы и вскоре услышал, что она идет на

него. В первых числах апреля 1242 года Александр двинулся навстречу врагам, и у скалы, называемой Вороний камень на Узмени, произошла другая битва, не менее знаменитая Невской, известная в истории под названием: «Ледовое побоище». Враги встретились в субботу 5 апреля при солнечном восходе. Увидя приближающихся врагов, Александр поднял руки вверх и громко сказал: «Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным народом!» Битва была упорная и жестокая. С треском ломались копья. Лед побагровел от крови и трескался местами. Многие потонули. Потерявшие строй немцы бежали: русские с торжеством гнали за ними семь верст до Суболичского берега.

С торжеством возвращался Александр в освобожденный Псков. Близ коня его вели знатных рыцарей, за ним гнали толпу простых пленных. Навстречу ему вышло духовенство. Народ приветствовал победителя радостными кликами.

Эти две победы имеют важное значение в русской истории. Правда, проявления вражды немцев с русскими не прекращались и после того, в особенности для Пскова, который не раз вступал с орденом в кровавые столкновения, но уже мысль о покорении северных русских земель, о порабощении их наравне с Ливонией, которое подвергло бы их участи прибалтийских славян, – навсегда оставила немцев. Сами папы, вместо грозных булл, возбуждавших крестовые походы на русских наравне с язычниками, избрали другой путь, в надежде подчинить себе Русь, – путь посольств и убежде-

ний, оказавшийся, как известно, столько же бесплодным, как и прежние воинственные буллы.

Таким образом, папа Иннокентий IV прислал к Александру в 1251 (булла писана в 1248) двух кардиналов Гальда и Гемонта. Папа уверял Александра, будто отец Александра изъявлял обещание монаху Плано-Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполнения этого намерения. Папа убеждал Александра идти по следам отца, представлял выгоды, какие русский князь и Русь получают от этого подчинения, и обещал против татар помощь тех самых рыцарей, от которых недавно Александр освобождал русские земли. В летописях есть ответ Александра папе, явно сочиненный впоследствии, но не подлежит сомнению, что Александр не поддался увещаниям и отказал наотрез. Посольство это повлекло за собою в последующей русской истории множество подобных посольств, также бесполезных.

Александр мог оружием переведаться с западными врагами и остановить их покушения овладеть северною Русью: но не мог он с теми же средствами действовать против восточных врагов. Западные враги только намеревались покорить северную Русь, а восточные уже успели покорить прочие русские земли, опустошить и обезлюдить их. При малочисленности, нищете и разрозненности остатков тогдашнего русского населения в восточных землях нельзя было и думать о том, чтобы выбиться оружием из-под власти мон-

голов. Надобно было избрать другие пути. Руси предстояла другая историческая дорога, для русских политических людей – другие идеалы. Оставалось отдаться на великодушные победителей, кланяться им, признать себя их рабами и тем самым, как для себя, так и для своих потомков, усвоить рабские свойства. Это было тем легче, что монголы, безжалостно истреблявшие все, что им сопротивлялось, были довольно великодушны и снисходительны к покорным. Александр, как передовой человек своего века, понял этот путь и вступил на него. Еще отец его Ярослав отправился в Орду, но не воротился оттуда. Его путешествие не могло служить образцом, потому что не могло назваться счастливым: говорили даже, что его отравили в Орде. Александр совершил свое путешествие с таким успехом, что оно послужило образцом и примером для поведения князей.

Наши летописцы говорят, что Батый сам приказал Александру в качестве князя новгородского явиться к себе и дал приказ в таких выражениях: «Мне покорил Бог многие народы: ты ли один не хочешь покориться державе моей? Но если хочешь сохранить за собою землю свою, прийди ко мне: увидишь честь и славу царства моего». Александр приехал в Волжскую Орду вместе с братом Андреем в 1247 году. Тогда, по смерти Ярослава, достоинство старейшего князя оставалось незанятым и от воли победителей зависело дать его тому или другому.

Монголы жили тогда еще совершенно кочевой жизнью,

хотя и окружали себя роскошью цивилизации тех стран, которые они покорили и опустошили. Еще постоянных городов у них на Волге не было; зато были, так сказать, подвижные огромные города, состоявшие из разбитых по прихоти властелина кибиток, перевозимых на телегах с места на место. Где пожелает хан, там устраивался и существовал более или менее долгое время многолюдный кочевой город. Являлись ремесла и торговля; потом – по приказанию хана – все укладывалось, и огромный обоз в несколько сот и тысяч телег, запряженных волами и лошадьми, со стадами овец, скота, с табунами лошадей, двигался для того, чтобы, через несколько дней пути, опять расположиться станом. В такой стан прибыли наши князья. Их заставили, по обычаю, пройти между двумя огнями для очищения от зловредных чар, которые могли пристать к хану. Выдержавши это очищение, они допускались к хану, перед которым они должны были явиться с обычными земными поклонами. Хан принимал завоеванных подручников в разрисованной войлочной палатке, на возвышенном возвышении, похожем на постель, с одною из своих жен, окруженный своими братьями, сыновьями и сановниками; по правую руку его сидели мужчины, по левую женщины. Батый принял наших князей ласково и сразу понял, что Александр, о котором уже он много слышал, выходит по уму своему из ряда прочих русских князей.

По воле Батыя Ярославичи должны были отправиться в Большую Орду к великому хану. Путь нашим князьям лежал

через необозримые степные пространства Средней Азии. Ханские чиновники сопровождали их и доставляли переменных лошадей. Они видели недавно разоренные города и остатки цивилизации народов, поработанных варварами. До монгольского погрома многие из этих стран находились в цветущем состоянии, а теперь были в развалинах и покрыты грудями костей. Поработанные остатки народонаселения должны были служить завоевателям. Везде была крайняя нищета, и нашим князьям не раз приходилось переносить голод; немало терпели они там от холода и жажды. Только немногие города, и в том числе Ташкент, уцелели. У самого великого хана была столица Кара-Корум, город многолюдный, обнесенный глиняной стеной с четырьмя воротами. В нем были большие здания для ханских чиновников и храмы разных вероисповеданий. Тут толпились пришельцы всевозможных наций, покоренных монголами; были и европейцы: французы и немцы, приходившие сюда с европейским знанием ремесел и художеств – самая пестрая смесь племен и языков. За городом находился обширный и богатый ханский дворец, где хан зимою и летом на торжественные празднества являлся как божество, сидя с одною из своих жен на возвышении, украшенном массою золота и серебра. Но оседлое житье в одном месте было не во вкусе монголов. Являясь только по временам в столицу, великий хан, как и волжские ханы, проводил жизнь, переезжая с места на место с огромным обозом: там, где ему нравилось, располагались станом,

раскидывались бесчисленные палатки, и одна из них, обитая внутри листовым золотом и украшенная драгоценностями, отнятыми у побежденных народов, служила местопребыванием властелина. Возникал многолюдный город и исчезал, появляясь снова в ином месте. Все носило вид крайнего варварства, смешанного с нелепой пышностью. Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшие опрятность даже пороком, питавшиеся такой грязной пищей, которой одно описание возбуждает омерзение, безвкусно украшали себя несметными богатствами и считали себя по воле Бога обладателями всей вселенной.

Нам неизвестно, где именно Ярославичи поклонились великому хану, но они были приняты ласково и возвратились благополучно домой. Андрей получил княжение во Владимире, Александру дали Киев; по-видимому, в этом было предпочтение Александру, так как Киев был старше Владимира, но киевская земля была в те времена до такой степени опустошена и малолюдна, что Александр мог быть только по имени великим князем. Вероятно, монголы сообразили, что Александр, будучи умнее других, мог быть для них опасен, и потому, не испытавши его верности, не решились дать ему тогда Владимир, с которым соединялось действительное старейшинство над покоренными русскими землями.

Посещение монголов должно было многому научить Александра и во многом изменить его взгляды. Он познакомился близко с завоевателями Руси и понял, с какой сторо-

ны с ними ужиться возможно. Свирепые ко всему, что сопротивлялось им, монголы требовали одного – раболепного поклонения. Это было в их нравах и понятиях, как и вообще у азиатских народов. Чрезвычайная сплоченность сил, безусловное повиновение старшим, совершенная безгласность отдельной личности и крайняя выносливость – вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания, качества, совершенно противоположные свойствам тогдашних русских, которые, будучи готовы защищать свою свободу и умирать за нее, еще не умели сплотиться для этой защиты. Чтобы ужиться теперь с непобедимыми завоевателями, оставалось и самим усвоить их качества. Это было тем удобнее, что монголы, требуя покорности и дани, считая себя вправе жить на счет побежденных, не думали насиловать ни их веры, ни их народности. Напротив, они оказывали какую-то философскую терпимость к вере и приемам жизни побежденных, но покорных народов. Поклоняясь единому Богу, с примесью грубейших суеверий, естественно свойственных варварскому состоянию умственного развития, они не только дозволяли свободное богослужение иноверцам, но и отзывались с известным уважением о всех верах вообще. Проницательный ум Александра, вероятно, понял также, что покорность завоевателю может доставить такие выгоды князьям, каких они не имели прежде.

До тех пор князья наши волею-неволею должны были разделять власть свою с народною властью веча или подбирать

себе сторонников в рядах народа. Собственно, они были только правителями, а не владельцами, не вотчинниками, не государями. Монголы, как по своим понятиям, так и по расчету, естественно, усиливали власть и значение князей за счет веча: легче и удобнее им было вести дело с покорными князьями, чем с непостоянными собраниями веч. Вот отчего все русские князья, побивши челом хану, получали тогда свои княжения в вотчину, и власть их в большей части русских земель очень скоро подавила древнее вечевое право. Звание старейшего князя было прежде почти номинальным: его слушались только тогда, когда хотели, теперь же это звание вдруг получило особую важность потому, что старейшего сам хан назначал быть выше прочих князей.

Александр не поехал в данный ему Киев, а отправился в Новгород. Пока он не был старейшим, еще он ладил с новгородской вольностью. Новгородцы считали себя независимыми от татар, но через два года произошел на Руси переворот.

Андрей не удержался на владимирском княжении. Этот князь не мог так скоро изменить понятий и чувствований, свойственных прежнему русскому строю и шедших вразрез с потребностями новой политической жизни. Ему тяжело было сделаться рабом. В это время он женился на дочери Данила Галицкого, который еще не кланялся хану, не признал себя его данником и искал средств избавиться от этой тяжелой необходимости. Летописные известия об этих событиях до того сбивчивы, что не дают нам возможности вы-

завить, как и чем Андрей вооружил против себя победителей. Но известно, что в 1252 году Александр отправился в Волжскую Орду и там получил старейшинство и владимирское княжение от Сартака, управлявшего делами за дряхлостью отца своего Батыя. Андрей, посоветовавшись со своими боярами, счел лучшим бежать в чужую землю, нежели «служить царю». Но татары уже шли на него под начальством Неврюя и других предводителей, догнали его под Переяславлем и разбили. Андрей убежал в Новгород, но там его не приняли: изгнанник через Псков и Кольвань (Ревель) убежал с женою в Швецию. Татары опустошили Переяславль и рассеялись по земле, истребляя людей и жилища, уводя пленных и скот, так как по правилу монгольскому, да и вообще как везде делалось в те времена, за вину князя должна была расплачиваться вся земля. В это время схвачена была и убита жена князя Ярослава Ярославича. Александр, получив старейшинство, сел во Владимире, и на первый раз пришлось ему отстраивать церкви и людские жилища, разоренные полчищем Неврюя.

С этих пор Александр, чувствуя свое старейшинство и силу, готовый найти поддержку в Орде, поднял голову и иначе показал себя, что в особенности видно в его отношениях к Новгороду. Живя во Владимире, Александр поставил князем в Новгороде сына своего Василия. В 1255 году новгородцы невзлюбили Василия и прогнали его, призвавши вместо него брата Александра Ярослава, князя тверского, живше-

го тогда во Пскове. Явление совершенно обычное, множество раз повторявшееся; и сам Александр, испытывая то же в былое время, уходил из Новгорода, когда его прогоняли, и опять являлся в Новгород по призыву и мирился с новгородцами. Но на этот раз Александр уже не спустил Великому Новгороду. Василий убежал в Торжок, где жители были за него. Отец тотчас собрал в своей владимирской земле рать и отправился в Торжок с тем, чтобы по своей воле опять восстановить сына на княжении. Призванный князь Ярослав убежал из Новгорода. Новгород остался без князя, и какой-то переветчик Ратишка дал об этом знать великому князю. Александр с Василием пошел на Новгород.

Между тем внутри Новгорода происходила безладица. Прорвалась не раз проявлявшаяся в его истории вражда лучших, или вящих людей и меньших, – иначе бояр и черни. Посадником был тогда Анания, представитель и любимец меньших людей, прямодушный ревнитель новгородской старины и вольности. Ожидая приближения великого князя, новгородцы вооружились и выставили полки за церковью Рождества и от Св. Ильи против Городища, ограждая Торговую (на правом берегу Волхова) сторону, которая была главным образом местопребыванием меньших людей. Но некоторые вящие люди замыслили иное: из них составила партия под начальством Михалки Степановича, человека коварного и своекорыстного, смекнувшего, что наступают иные времена, и сообразившего, на чьей стороне сила. В тревоге собрались

новгородцы на вече на обычном месте у Св. Николая (Дворищенского). «Братья, – говорили они между собою, – а что если князь скажет: выдайте моих врагов?» Тогда меньшие по прадедовскому обычаю «целовали Богородицу» на том, чтобы стоять всем на живот и на смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Но Михалка, замышлявший убить Ананию и какими бы то ни было путями сделаться самому посадником, убежал со своими единомышленниками в Юрьев монастырь. Разнеслась весть, что вящие хотят напасть на Новгород и бить меньших. Новгородцы кричали, что нужно убить Михалку и ограбить его двор, но тут заступился за него посадник Анания. Он послал предостеречь своего тайного врага, и когда рассвирепевшие новгородцы кричали: убить Михалку, Анания сказал им: «Братья, если его убьете, убейте прежде меня».

Приехал в Новгород посол от Александра с такими словами: «Выдайте мне Ананию посадника, а не выдадите, я вам не князь: иду на город ратью!» Новгородцы послали к Александру владыку Далмата и тысяцкого Клима: «Князь, иди на свой стол, а злодеев не слушай: не гневайся на Ананию и на всех мужей новгородских».

Владыка и тысяцкий возвратились с отказом. Александр упорно добивался своего. Тогда новгородцы приговорили на вече: «Если князь такое задумал с нашими клятвопреступниками, – пусть их судит Бог и Св. София, а на князя мы не кладем греха!» Все вооружились и три дня стояли наготове.

Выдавать миром своих было для новгородцев неслыханным бесчестным делом. Александр рассудил, что раздражать далее народ и доводить дело до драки нет нужды, когда главная цель его может быть достигнута более мирным соглашением, и послал сказать новгородцам: «Я не буду держать на вас гнева; пусть только Анания лишится посадничества».

Анания лишился посадничества, и новгородцы примирились с Александром. Александр прибыл в Новгород и был радушно встречен народом, издавна знавшим его. Василий был восстановлен на княжении. Новгородцы в угодность Александру поставили посадником Михалка.

Это событие, несмотря на черты, слишком обычные в новгородском строе жизни, имело, однако, важное и новое значение в новгородской истории. Новгородцы выгоняли князей своих, иногда терпели от них и, забывая старое, опять приглашали, как напр., было с Ярославом, отцом Александра, но то делалось по новгородской воле, при обычном непостоянстве новгородцев. Не было еще примера, чтобы великий князь силою заставил принять только что изгнанного ими князя. Александр показал новгородцам, что над их судьбою есть внешняя сила, повыше их веча и их партий – сила власти старейшего князя всей Руси, поставленного волею могущественных иноземных завоевателей и владык русской земли. Правда, что Александр, вступивши в Новгород, обласкал новгородцев, заключил с ними мир на всей вольности новгородской, но в проявлении его могучей

воли слышались уже предвестники дальнейшего наложения на Новгород великокняжеской руки.

Через несколько времени Новгород увидал в своих стенах того же Александра, уже не так мирно улаживающего свои недоумения с новгородской вольностью. В Орде произошел переворот: Батый умер. Сын его Сартак был умерщвлен дядею Берке, объявившим себя ханом. Последний вверил дела Руси своему наместнику Улагчи. Тогда пришла весть, что хан посылает своих чиновников для переписи народа и собирания дани. Александр поспешил в Орду, думая предотвратить грядущие бедствия: русских страшил не самый платеж дани; они покорялись необходимости платить ее через своих князей, но долгое пребывание татар в земле русской наводило всеобщий страх. Александр не успел умиловить хана. В землю рязанскую, муромскую и суздальскую явились татарские численники, ставили своих десятников, сотников, тысячников, темников, переписывали жителей для обложения их поголовною данью, не включали в перепись только духовных лиц. Вводилось, таким образом, чуждое управление внутри Руси. Народу было очень тяжело. В следующем 1257 году Александр вновь отправился в Орду с братьями своими: Ярославом тверским и суздальским Андреем, с которыми, недавно не ладивши, помирился. Улагчи требовал, чтобы Новгород также подвергся переписи и платежу дани. Как ни близок был Александру Новгород, но он счел за лучшее покориться. Между тем в Новгород уже достигла весть о

том, что туда идут татарские численники. Все лето там была тревога и смятение. Новгород не был до сих пор покорен, подобно прочим русским землям, татарским оружием и не помышлял, чтобы ему добровольно пришлось платить постыдную дань, наравне с покоренными. Вящие люди, и в том числе посадник Михалка, готовые угождать силе для своих выгод и сохранения своих богатств, уговаривали новгородцев покориться, но меньшие слышать об этом не хотели. Их любимец Анания скончался в августе. Волнение после его смерти усилилось, и, наконец, ненавистный для меньших, насильно поставленный против их воли, Михалко был убит. Князь Василий разделял чувства новгородцев. Наконец, прибыл в Новгород Александр с татарскими послами требовать десятины и тамги. Василий, с одной стороны, не смел противиться отцу, с другой – стыдился изменить новгородскому делу и бежал во Псков. Новгородцы наотрез отказались платить дань, но ласково приняли ханских послов и отпустили домой с честью и дарами. Этим Великий Новгород заявлял, что он относится с уважением к ханской власти, но не признает ее над собою. Тогда Александр выгнал своего сына из Пскова и отправил на суздальскую землю, а некоторых новгородских бояр, стоявших заодно с меньшими и имевших, по его мнению, влияние на Василия, схватил и наказал бесчеловечным образом: иным обрезал носы, другим выколол глаза и т.п.

Такова была награда, какую получили эти защитники новгородской независимости в угоду поработителям от того

самого князя, который некогда так блистательно защищал независимость Новгорода от других врагов.

Зимою (с 1258 на 1259 год) прибыл с низу Михайло Пинецинич и объявил новгородцам, что ханские полки идут на Новгород и будут добывать его оружием, если новгородцы не согласятся на перепись. Весть эта была несправедлива, но правдоподобна. Само собою разумеется, что хан не согласился бы удовольствоваться дарами. Весть эта нагнала такой страх, что с первого раза новгородцы согласились. Вероятно, об этом было дано знать в Орду, потому что тою же зимою прибыли в Новгород ханские чиновники: Беркай и Касачик, с женами, и множество татар. Они остановились на Городище²³ и стали собирать тамгу по волости. Новгородцы, увидя необычное зрелище, снова возмутились. Бояре, наблюдая свои корыстные цели, уговаривали народ смириться и быть покорным, но меньшие собирались у Св. Софии и кричали: «Умрем честно за Св. Софию и дома ангельские». Тогда татары стали бояться за свою жизнь, и Александр приставил посадничьего сына и боярских детей стеречь их по ночам. Такое положение скоро наскучило татарам, и они объявили решительно: «Давайте нам число, или мы побежим прочь». Вящие люди стали домогаться уступки. Тогда в Новгороде распространилась молва, что вящие хотят вместе с татарами напасть на Новгород. Толпы народа собирались на Софий-

²³ В двух с половиною верстах от Новгорода, где, по преданию, был город прежде Новгорода.

ской стороне поближе к Св. Софии и кричали: «Положим головы у Св. Софии». Наконец, на другой день Александр выехал из Городища с татарами. Тогда вящие люди убедили наконец меньших не противиться и не навлекать на Новгород неминуемой беды. Они, – говорит летописец, – себе делали добро, а меньшим людям зло: дань одинаково распределялась как на богатых, так и на бедных! Александр прибыл в город с татарами. Ханские чиновники ездили по улицам, переписывали дворы и, сделав свое дело, удалились. Александр посадил на княжение сына своего Дмитрия и уехал во Владимир.

С тех пор Новгород, хотя не видал после у себя татарских чиновников, но участвовал в платеже дани, доставляемой великими князьями хану от всей Руси. Эта повинность удерживала Новгород в связи с прочими русскими землями.

Но не в одном Новгороде – и в покоренных русских землях прежние свободные привычки не вынесли еще рабства и утеснения. Монгольскую дань взяли тогда на откуп хивинские купцы, носившие название бесермен – люди магометанской веры. Способ сбора дани был очень отяготителен. В случае недоимок, откупщики насчитывали большие проценты, а при совершенной невозможности платить, брали людей в неволю. Кроме того, они раздражали народ неуважением к христианской вере. Народ вскоре пришел в ожесточение; в городах: Владимире, Суздале, Ростове, Переяславле, Ярославле и других по старому обычаю зазвонили на вече и

по народному решению перебили откупщиков дани. В числе их в Ярославле был один природный русский по имени Изосим. Прежде он был монах, пьяный и развратный, съездивши в Орду, принял там магометанство и, воротившись в отечество, сделался откупщиком дани, безжалостно утешал своих соотечественников и нагло ругался над святынею христианской церкви. Ярославцы убили его и бросили труп па растерзание собакам и воронам. Зато в Устюге один природный татарин, будучи также сборщиком дани, спасся от общей беды. Его звали Буга. В Устюге он взял себе наложницу, дочь одного тамошнего обывателя, по имени Мария, которая полюбила его и заранее известила о грозившей ему опасности. Буга изъявил желание креститься. Народ простил его. Он был назван в крещении Иоанном, женился на Марии, навсегда остался на Руси и приобрел всеобщую любовь. Память его осталась навсегда в местных преданиях, а воспоминание о бесерменах до сих пор слышится в бранном слове: басурман, которым русский человек называл некрещеных, а иногда только неправославных людей.

Само собою разумеется, что это событие возбудило гнев властителей Руси. В Орде уже собирали полки наказывать мятежников; Александр поспешил в Орду. Кроме сбора дани, русским угрожала еще иная тягость помогать войском татарам в их войнах с другими народами.

Тогда в Волжской Орде происходило важное преобразование. Хан Берке принял магометанство, которое быстро

распространилось в его народе, тем легче, что и прежде в полчищах монголов большинство народов, им покоренных и за них воевавших, исповедывало магометанство. В то же время кочевая жизнь мало-помалу начала сменяться оседлою. На Волге строился Кипчак, обширный город, который хан украшал всем великолепием, какое только было возможно при его могуществе. Хан Берке оказался более милостив к русским, чем можно было даже ожидать. Он не только простил русским избиение бесерменов, (которых гибель, как народа подвластного, не могла раздражать его в той мере, в какой подействовало бы на него избиение ханских чиновников), но по просьбе Александра освободил русских от обязанности идти на войну. Александр, однако, прожил тогда в Орде всю зиму и лето, и это заставляет предполагать, что не сразу удалось ему приобрести такую милость для своих соотечественников. Возвращаясь оттуда по Волге больным, он остановился в Нижнем Новгороде, через силу продолжал путь далее, но, приехав в Городец, окончательно слег и, приняв схиму, скончался 14 ноября 1263 года. Тело его встречено народом близ Боголюбова и было похоронено во Владимире в церкви Рождества Богородицы. Говорят, что митрополит Кирилл, услышавши во Владимире о смерти Александра, громко сказал: «Зашло солнце земли русской». Духовенство более всего уважало и ценило этого князя. Его угодливость хану, умение ладить с ним, твердое намерение держать Русь в повиновении завоевателям и тем самым от-

клонять от русского народа бедствия и разорения, которые постигали бы его при всякой попытке к освобождению и независимости, – все это вполне согласовалось с учением, всегда проповедуемым православными пастырями: считать целью нашей жизни загробный мир, безропотно терпеть всякие несправедливости и угнетения, покоряться всякой власти, хотя бы иноплеменной и поневоле признаваемой.

Глава 9

Московские князья братья Даниловичи

У Александра Невского было четыре сына: старший, Василий, княжил в юности в Новгороде, а впоследствии в Костроме, где и умер. Димитрий и Андрей вели между собою кровавый спор за великое княжение; последний отличился тем, что дважды наводил на Русь татар, которые произвели в ней ужаснейшие опустошения (1282 и 1294 гг.), отозвавшись на целые десятилетия. Четвертый сын Невского, Даниил, остался после отца ребенком. Ему в удел досталась Москва. Даниил был первый князь, поднявший значение этого города, бывшего до сих пор незначительным пригородом Владимира. Участвуя в междоусобиях своих братьев, Даниил хитростью взял в плен рязанского князя Константина, воспользовавшись изменою рязанских бояр, и держал его в неволе. Это событие было первым проявлением тех приемов самосушения, которыми так отличалась Москва, теперь только что возникавшая. Вместе с тем Даниил положил зачаток тому расширению владений, которое так последовательно вели все его преемники. Племянник Даниила Иван Дмитриевич переяславский, умирая бездетным, завещал ему Переяславль. Даниил тотчас захватил его и отстоял от посягательств

брата своего Андрея. Даниил умер в 1303 году, приняв перед смертью схиму. По летописным известиям он погребен был в деревянной церкви Св. Михаила, которая стояла на месте нынешнего Архангельского собора в Москве; а предание, записанное в его Житии, помещает его могилу в Данииловом монастыре, будто бы им основанном. Как бы то ни было, имя Даниила было в большом уважении у его потомков, как родоначальника дома московских князей.²⁴

Даниил оставил сыновей: Юрия, Ивана, Александра, Бориса и Афанасия. Из них Юрий и Иван по своей деятельности были важнейшими людьми в истории Руси в XIV веке. Они подняли значение Москвы и твердо поставили историческую задачу, которую предстояло постепенно разрешить их преемникам в последующие времена.

Великий князь Андрей Александрович умер в 1304 году. Звание великого князя, которое при новых условиях татар-

²⁴ Рассказывают, что после того, как сын Даниила Иван перенес построенную отцом его обитель внутрь Кремля при сооруженной им церкви Спаса на Бору, могила Даниила оставалась неизвестною до самого Ивана III. Этот великий князь ехал однажды со своею дружиною вдоль Москвы-реки, мимо того места, где прежде был положен Даниил; вдруг под одним из отроков споткнулся конь, и перед ним явился неведомый ему князь и сказал: «Я господин месту сему, князь Даниил Московский, здесь положенный, скажи великому князю Ивану: ты сам себя утешаешь, а меня забыл». С этих пор московские князья начали совершать панихиды по своему прародителю. Вслед за тем, как рассказывает предание, были и другие видения. Князь Иван Васильевич построил Данилов монастырь на месте, где считали погребенным Даниила и где по преданию стоял прежде монастырь, поставленный Даниилом, а при царе Алексее Михайловиче открыты были его мощи.

ского господства сделалось гораздо важнее и знаменательнее, чем было прежде, зависело исключительно от воли хана, верховного повелителя и истинного государя русской земли. Собственно, никаких прав, принадлежащих в этом отношении тому или другому князю, той или другой княжеской ветви – не существовало. Князья могли считаться между собою старейшинством; но эти счета уже и в прежние времена, до татар, перестали быть обязательными, так что действительное старейшинство признавалось несомненным только по отношению к возрасту. В Орде эти счета еще менее могли быть обязательными. Кто приходился по нраву властителю, того он, не стесняясь ничем, мог назначить великим князем. Но в Орде, как вообще в азиатских деспотических государствах, милость властителя и доступ к нему покупались угождением и задариваньем близких к царю вельмож; и русский князь, искавший в Орде какой бы то ни было ханской милости, а тем более первенствующего сана, должен был достигать своей цели, во-первых, обещанием большого выхода (дани) хану, а во-вторых, подарками и подкупом разных лиц, имевших при ханском дворе влияние. От этого выходило, что собственно звание великого князя было продажным. Его мог приобрести тот из князей, у кого в руках было более богатств и кто обладал умением употребить эти богатства кстати. Не переставая зависеть от произвола хана, звание великого князя могло, однако, утвердиться в одной княжеской линии и сделаться фактически наследственным.

Нужно было только, чтобы овладевший этим званием умел скоплять в руках своих богатства, поддерживать постоянно дарами доброе расположение к себе влиятельных лиц в Орде и подготовить своему сыну приобретение этого звания после своей смерти. Вместе с таким возвышением одной княжеской ветви неизбежно поднималась бы и получала в ряду русских земель первенство и та земля, где княжила эта более счастливая княжеская ветвь. Город Владимир почти потерял уже признаки первенства: князья, получавшие от хана старейшинство, не обязаны были пребывать во Владимире; они могли быть великими князьями и жить в прежних своих уделах. Теперь-то для Руси предстоял важный вопрос: в каком городе утвердится великокняжеское достоинство, переходя от одного князя к другому князю той же земли. В будущем – этому городу предстояло великое значение. Орда, несмотря на все свое видимое могущество, уже пошатнулась, признаки разложения были ощутительны. Уже на берегах Черного моря возникла другая Орда, отложившаяся от Волжской, иначе Золотой, Орда Нагая, не хотевшая признавать власти волжских ханов. Это было началом дальнейших отложений и распада монгольской монархии. В самой Волжской Орде достоинство хана перестало переходить правильным путем и подвергалось насильственным переворотам. Хан Тудай-Менгу был умерщвлен своими племянниками, которые в свою очередь были умерщвлены их двоюродным братом Тохтою, сыном Менгу-Тимура. Эти события

были уже предвестниками того, что впоследствии сделалось в Орде обычным делом. Пока еще Орда была сильна, власть великого князя могла утвердиться в одной княжеской ветви и в одной из русских земель, именно только при посредстве этой ордынской силы: но раз получивши в Руси твердость, великокняжеская власть не должна была уже потерять ее и тогда, когда Орда совершенно ослабнет, потому что в самой Руси должен был устроиться такой порядок, который получит значение обычая. Одним из способов усиления такой власти было то непереносимое условие, что с возвышением князей неизбежно должны были приливать в их землю военные силы из других земель, а следовательно, другие земли ослабевали и князья их невольно должны были уступать тому, кто делался сильнее их средствами. Русские бояре приняли обычай переходить туда, где князь был сильнее и где, следовательно, им предстояло более выгоды. Бояре приходили в таком случае не одни, но тянули за собою и людей, составлявших их дружину и получивших в эти времена название детей боярских. С падением Орды естественно должно было заменить для Руси хана то лицо, которому прежние ханы во время своего могущества передали свою силу, лишь бы только те, которые получали эту силу, умели усвоить от поколения к поколению искусство поддерживать свое значение. Начало XIV века было той роковой эпохой, когда был поставлен к разрешению вопрос: какая из княжеских линий выдвинется выше всех и какая русская земля со своим глав-

ным городом делается средоточием русского мира и будет стягивать к себе разрозненные его части?

По смерти Андрея тотчас начал добиваться великокняжеского достоинства двоюродный брат его Михаил Ярославич тверской, сын Ярослава, брата Александра Невского. Но ему явился соперник – московский князь Юрий Данилович. Тверские бояре, по повелению своего князя, хотели заступить Юрию путь в Орду и схватить его на дороге, но не успели в этом; Юрий пробрался в Орду иным путем. Пока два соперника тягались в Орде за великое княжение, на Руси во имя их уже происходили усобицы. Князь Иван Данилович отстаивал Переяславль от тверичей. Против него пошел с тверичами бывший его боярин Акинф, который не захотел в Москве быть ниже другого боярина Родиона Нестеровича, прибывшего в Москву из Киева с тысячью семьями человек дружины, или детей боярских. Акинф с сыновьями перешел к тверскому князю. Произошла кровопролитная свалка; москвичи одержали верх, и боярин Родион собственноручно убил своего личного врага Акинфа, воткнул голову его на копье и принес своему князю Ивану Даниловичу.

В Орде взял верх тверской князь Михаил; Юрий тогда не в состоянии был обещать хану выходу более своего соперника. По возвращении в Русь Михаил (1305) тотчас пошел войною к Москве на Юрия: вероятно, его побуждали к этому и дети убитого Акинфа. Тверской князь не мог взять Москвы и заключил мир с московскими князьями. Но взаимная

злоба от этого не улеглась.

Не успевши добиться великого княжения, Юрий избирал другие пути к усилению своей власти и своей Москвы. Уже тотчас после смерти отца он захватил Можайск и привел пленным в Москву тамошнего князя Святослава. В 1306 году он удушил рязанского князя Константина, взятого в плен отцом его Даниилом и содержавшегося в Москве в неволе. Московский князь думал вместе с тем присвоить себе и Рязань: но это не удалось ему: молодой рязанский князь Ярослав выпросил у хана ярлык на рязанское княжение. Юрий все-таки не остался в проигрыше и присоединил к Москве Коломну, принадлежавшую до того времени рязанской земле. С братом своим Иваном Юрий всю жизнь жил дружно, но с другими братьями, Александром и Борисом, не поладил до того, что они убежали в Тверь к его непримиримому врагу. Этот враг в 1308 году еще раз покусился на Москву и опять не взял ее. Взаимная злоба еще более усилилась после нового нападения на Москву и, наконец, прорвалась отчаянной борьбою по поводу Новгорода.

Со времени татарского завоевания Новгород, пользуясь своею внутреннею самостоятельностью, принужден был допускать у себя пребывание на Городище великокняжеских наместников и платить великому князю дань в качестве участия в общем платеже выхода хану. С этих пор отношения между Новгородом и великим князем всегда были натянутые и нередко делались открыто враждебными. Великие кня-

зья, пользуясь правом взимания выхода, старались как можно больше сорвать с Новгорода и как можно тяжелее наложить на него свою руку. Со своей стороны, Новгород старался допустить у себя как можно менее влияния и власть великого князя. Отсюда ряд договоров Новгорода с великими князьями; в этих договорах мы видим постоянное стремление Новгорода всеми силами избавиться от притязаний великих князей и оградить свою самостоятельность. Вопросы были до того усложнены, что кто бы ни был великим князем, отношения между им и Новгородом были, в сущности, почти одинаковы, и до самого падения Великого Новгорода в конце XV века не было ни одного великого князя, за исключением Юрия Даниловича, с которыми бы новгородцы находились в дружелюбной и искренней связи. С Михаилом тверским трудно было поладить Новгороду по причине его придиричвого и корыстолюбивого характера. Как видно, они с самого начала не любили этого князя, не хотели, чтобы он получал великое княжение, и выразили это нежелание перед поездкой его в Орду. Когда Михаил возвратился из Орды, новгородцы приняли его наместников и заключили с ним договор, по которому великому князю, по старине, не дозволялось управлять новгородскими волостями посредством своих, а не новгородских мужей, не дозволялось, кроме того, приобретать в Новгородской области как князю, так его княгине, боярам и всем подданным сел и угодий, выводить новгородских людей в свою волость, брать их в залог, давать без

посадника грамоты, раздавать волости, творить суд без посадника, отнимать волости у новгородских мужей, стеснять новгородскую торговлю и т.п. Эта грамота определяла также и доходы, собственно предоставленные великому князю.

Но в 1312 году Михаил тверской поссорился с Новгородом, вывел оттуда своих наместников, захватил пограничные новгородские волости: Торжок и Бежичи (Бежецк), и не пропускал в Новгород подвоз хлеба, в котором была большая нужда в Новгороде, недавно пострадавшем от сильного пожара. Новгородцы послали своего владыку Давида в Тверь. Михаил согласился на мир только тогда, когда новгородцы заплатили ему 1500 гривен (около 700 фунтов серебра). По заключении мира Михаил вновь отправил к новгородцам своих наместников. Новгородцы, поплатившись такую данью, окончательно озлобились против Михаила и в следующем 1313 году, когда Михаил поехал в Орду поклониться новому хану Узбеку, решились поступить так, как дельвалось у них встарь: призвать к себе иного, вольного князя; они обратились к Юрию Даниловичу. Московский князь отправил к ним предварительно своего боярина Феодора ржевского, который схватил Михайловых наместников, посадил их под стражу на владычном дворе, а сам новел новгородцев на Волгу против Твери. За отсутствием Михаила вышел против них с войском сын его Дмитрий. Обе стороны, простояв до заморозов друг против друга на противоположных берегах Волги, заключили мир. Условия этого мира неизвестны, но

они были выгодны для Новгорода. Перед заговеньем прибыл в Новгород избранный князь Юрий с братом своим Афанасием. Новгородцы посадили его на стол и радовались; в этом видели они возрождение своей вольности.

Но недолго довелось им радоваться. Весною 1315 года пришло от хана Юрию приказание явиться в Орду. Должно быть, Михаил нажаловался на него хану. Юрий не смел послушаться и поехал, а в Новгороде оставил брата своего Афанасия.

Тем временем Михаил возвращался на Русь не только обласканный ханом, но и вел с собою татар карать непокорный Новгород. К ним присоединилась, по приказанию ханскому, рать низовской земли. Михаил осадил Торжок. Новгородцы с князем Афанасием отправились к Торжку. Произошла кровопролитная сеча. Новгородцы потеряли много убитых и, наконец, не выдержав, заперлись в Торжке. «Выдайте мне князя Афанасия и князя Феодора ржевского, а потом я с вами стану мириться», – послал сказать новгородцам Михаил. Новгородцы отвечали: «Не выдадим князя Афанасия, но умрем честно за Святую Софию». Михаил вторично послал к ним требование: «Так выдайте князя Феодора ржевского». Новгородцы, говорит летописец, не хотели выдавать его, а выдали поневоле и заключили мир, обязавшись заплатить двенадцать тысяч гривен серебра. После заключения мира Михаил пригласил к себе князя Афанасия и новгородских бояр и вероломно отправил их в Тверь заложни-

ками платежа. Вдобавок Михаил ограбил остальных новгородцев и новоторжцев, отняв у них доспехи, оружие и коней. После такого притеснения новгородцы отправили своих послов в Орду жаловаться на Михаила, но тверичи переловили этих послов на дороге.

Такой мир мог только еще больше раздражить новгородцев. Война с тверским князем вспыхнула в 1317 году. Наместники Михаила выехали из Новгорода. Михаил пошел на Новгород со всею низовскою землею²⁵, а новгородцы укрепили свой город острогом по обеим сторонам Волхова и подняли на ноги свою землю: вооружились псковичи, ладожане, корела, жители Руси, ижора и водь. Но до Новгорода по неудобству путей Михаилу было добраться трудно. Дойдя до Устьян, Михаил поворотил назад и был жестоко наказан за свою смелость. Войско его заблудилось среди озер и болот и умирало от голода. Воины поели всех своих лошадей, грызли ремни, голенища, кожу со щитов, многие перемерли от стужи, и только жалкие остатки вернулись домой со своим князем, пешие и больные. Думая, что великий князь будет теперь сговорчивее, новгородцы отправили к нему владыку Давида и умоляли отпустить их коварно задержанных братьев. Михаил сначала упрямылся, но потом помирился с новгородцами в Торжке, когда услышал, что Юрий возвратился

²⁵ Низовскою землею назывался в собственном смысле край вниз по течению Волги, но новгородцы давали этому названию более широкое значение, включая в него суздальско-ростовскую землю с разветвлениями, а впоследствии даже Москву.

из Орды и идет на него. Новгородцы со своей стороны заключили мир, потому что не знали, где Юрий, и не догадывались, что он близко. В договоре, заключенном в это время, говорится о возвращении пленных, но не упоминается о платеже серебра, так что, вероятно, дань, наложенная Михаилом на Новгород под Торжком, не была ему никогда уплачена.

Юрий, отправившись в Орду по приказанию Узбека, еще в 1315 году, прожил там более двух лет. К сожалению, мы не знаем, что он там делал, но последствием такого долгого пребывания было то, что Юрий вошел в милость к Узбеку и женился на его сестре Кончаке, которая приняла в крещении имя Агафии. Сам Узбек был магометанин, но, верный преданиям предков, оказывал уважение ко всяким верам, а с христианами был особенно милостив; при нем в Сарае жило много христиан: они отправляли свободно свое богослужение и имели там местного епископа. С такою терпимостью вполне согласовалось то обстоятельство, что он породнился с русским князем и позволил своей сестре принять веру своего мужа.

Юрий вел теперь (1317 г.) на своего врага татар под начальством татарского князя Кавгадыя, ехавшего с ним в качестве татарского посла. Послы от хана бывали часто на Руси в те времена, – иные только под видом послов шатались по Руси. Все они были настоящими бичами жителей. Когда им со своими татарами приходилось идти посреди русско-

го населения, они на каждом шагу желали показать, что они господа, а русские рабы, грабили, делали всякого рода насилия жителям. Так было и теперь. Суздальские князья, сообразивши, что Юрий в милости у царя, пристали к нему; но это не помешало татарам бесчинствовать на пути в Костроме, Ростове, Дмитрове и Клине. С татарами были хивинцы и мордва. Путь их лежал в тверскую землю. Юрий хотел наказать своего противника. Если, проходя по суздальской земле, татары не слишком уважали собственность и личность русского человека, то, вступивши в тверскую землю, они без разбора жгли всякое жилье, попадавшееся на пути, и мучили разными муками людей, которых захватывали в свои руки. Михаил выступил против них и 22 декабря 1317 года встретился с ними за сорок верст от Твери на урочище, называемом Бортенево. Рать Юрия была разбита. Сам Юрий ушел в Торжок, брат его Борис, жена Агафия и Кавгадый попались в плен.

Юрий из Торжка прибежал в Новгород. Если известие о походе Юрия на Тверь не могло прийти в пору к новгородцам и побудить их подать помощь Юрию, то теперь они дружно принялись за дело своего союзника; к ним присоединились псковичи. С новгородским ополчением пошел и новгородский владыка Давид. Недавно был заключен новгородцами мир с Михаилом; нападать на Михаила было бесчестно: поэтому новгородцы решили прежде послать к Михаилу требование сделать все угодное Юрию, а вступить с ним в войну

предполагали только тогда, когда он откажет.

Михаил был сговорчив, потому что боялся ханского гнева. Отпустить жену Юрия было невозможно: она умерла в плену; говорили, что ее там уморили зельем. Михаил выдал Юрию только тело ее, которое отвезено было для погребения в Ростов, в церковь Пресв. Богородицы. При посредстве новгородцев, соперники порешили на том, чтобы им обоим идти в Орду. Кавгадый, находясь в плену у Михаила, уверил его, что он помогал Юрию и напал на Михаила без ханского дозволения.

По своем освобождении из тверского плена, Кавгадый соединился с Юрием, и они положили между собою совет собрать всех князей низовских (т.е. суздальско-ростовской земли), пригласить бояр от русских городов, в особенности от Новгорода, и ехать в Орду с обвинением на Михаила. Так и сделалось. Все они поехали к Узбеку. Михаил, услышавши, что на него собирается такая гроза, послал в Орду сына своего Константина, а сам несколько времени раздумывал, что ему делать, и наконец решился пуститься в путь. Он отправился с сыновьями: Дмитрием и Александром. Во Владимире встретил он ханского посла Ахмыла, который ехал к нему.

«Зовет тебя царь, – сказал Ахмыл, – ступай скорее. Если не поспеешь через месяц, то хан уже назначил послать войско на тебя и на твой город. Кавгадый оговорил тебя перед ханом, уверяет, что ты не приедешь в Орду».

Бояре и сыновья уговаривали Михаила не ездить, а послать в Орду еще одного из сыновей. «Не вас, детей моих, требует царь к себе, – сказал Михаил, – головы моей он хочет. Если я уклонюсь, вотчина моя будет полонена и множество христиан перебито. И после того придется мне умереть, так уж лучше положить свою душу за многие души!» Он отправился и 6-го сентября 1318 года достиг устья Дона; там был тогда хан Узбек с ордою, по обычаю предков странствовавший передвижными городами. Там встретил Михаила сын его Константин. Михаил по обычаю поднес дары царю, царице и вельможам. Узбек приказал приставить к Михаилу, как к подсудимому, приставов, но велел обращаться с ним почтительно.

Так прошло полтора месяца. Наконец, хан приказал князьям рассудить дело Михаила Ярославича с Юрием и представить хану: тогда хан оправданного пожалует, а виновного казнит. И вот, по такому повелению, собрались в кибитку князья и положили разные грамоты, свидетельствующие о преступности Михаила. Его обвиняли в том, что он брал дани с городов, управляемых этими князьями, и не отдавал царю.²⁶ На этом суде был и Кавгадый и старался всеми спосо-

²⁶ Хотя в сказании об убиении Михаила эти князья называются ордынскими и наши историки полагают, что Михаила судили татарские вельможи, но по смыслу выходит, что слово «ордынские» прибавлено после, и здесь идет речь о русских князьях. Татарские князья не могли обвинять Михаила в том, что он брал с их городов дань, так как Михаил не мог брать дани ни с каких татарских городов, тогда как, действительно, с русских городов брал Михаил дань в звании великого

бами очернить Михаила. Через неделю Михаила поставили на другом суде (должно быть, уже чисто татарском) и тут ему произнесли такое обвинение: «Не давал царевой дани, бился против царского посла и уморил княгиню жену Юриеву».

После этого осуждения к Михаилу приставили стражу, состоящую из семи человек от семи князей. Князю Михаилу на шею надели тяжелую колоду, которая столько же причиняла мучения, сколько означала поругание. Хан отправился в поход против Персии; Михаила потащили за ним в обозе. Когда хан на степи во время похода расположился станом и в стане открылся торг, Кавгадый приказал поставить все-народно Михаила с колодою и созвать заимодавцев, т.е. тех, которые жаловались на его несправедливые поборы. Это был правож, обычай, который, впоследствии, вошел в русское судопроизводство: неисправного должника выставляли на торгу и били по ногам. Не видно, чтоб Михаила при этом били; но колода на шее имела смысл муки правежа. «Знай, Михаил, – сказал ему Кавгадый, – таков у нашего царя обычай: как рассердится на кого-нибудь, хоть бы на своего племянника, прикажет положить на него колоду, а как гнев его минет, то по-прежнему чтит его; так и с тобой будет: минет твоя тягота, и ты будешь у царя еще в большей чести». Кавгадый велел сторожам поддерживать колоду, висевшую на шее Михаила,

князя для выхода в Орду. Кроме того, в этом же сказании говорится, что Юрий, уезжая судиться с Михаилом, пригласил князей низоовских и бояр от городов, которые должны были судить Михаила.

чтобы облегчить его. Наконец, после двадцатидневного томления за рекою Тереком, по ту сторону гор, 22-го ноября в среду, Кавгадый и Юрий Данилович с людьми своими подъехали к веже (кибитке), где находился несчастный Михаил; в кибитку вошли убийцы, повалили князя на землю, и один русский, по имени Романец, вонзил нож в сердце страдальца. Когда Юрий и Кавгадый вошли в кибитку и увидели обнаженное тело Михаила, Кавгадый с суровым видом сказал Юрию: «Ведь он тебе старейшим братом был, словно отец; для чего же тело его лежит брошенное и голое!» Юрий приказал прикрыть труп епанчею. Видно, что хан колебался исполнить приговор суда, но Юрий настаивал и добивался смерти Михаила.

Юрий мстил Михаилу и после смерти его: Юриевы бояре, которые повезли на Русь тело убитого, не допускали ставить это тело в церквах, а ставили в хлеву. Его привезли в Москву и погребли в Спасском монастыре.

Юрий, получив от хана великое княжение, возвратился в Русь с большою честью; он вез с собою, как пленных, сына Михайлова Константина, его бояр и слуг. Вдова Михаила и другие сыновья его, узнавши о печальном конце тверского князя, обратились к Юрию с просьбою отдать им тело убитого для погребения в Твери. Юрий согласился, но прежде поломался над ними. Один из сыновей убитого князя, Александр, ездил за телом отца в Москву. Михаила погребли в церкви Спаса в Твери.

Старший сын Михаила Димитрий (названный в родословной: Грозные Очи) злобствовал на Юрия за смерть отца, но принужден был до поры до времени смириться. В 1321 году, при посредстве тверского епископа Варсонофия, между Димитрием и Юрием заключен был мир: тверской князь заплатил две тысячи гривен серебра и обязался не искать великого княжения.

Юрий, сделавшись великим князем, послал в Новгород брата своего Афанасия, но после смерти последнего в 1322 году сам переехал в Новгород и остался в нем. Он, по-видимому, уступил Москву брату Ивану и, считаясь великим князем, жил в Новгороде. Юрий любил Новгород, и новгородцы любили Юрия. Он воевал за новгородцев со шведами, построил город Орешек (ныне Шлиссельбург), заключил от имени Новгорода мир с шведским королем и счастливо прогонял литву, делавшую частые набеги на новгородские владения; в 1324 году, по поводу оскорблений, причиненных новгородским промышленникам устюжанами, Юрий с новгородцами ходил в Устюг, взял этот город и заключил с устюжанами мир, выгодный для новгородцев. Здесь он навсегда простился с ними: они отправились домой, а Юрий, доехав до Камы, спустился вниз этой рекой в Орду. Его позвали.

Димитрий Михайлович тверской обвинял Юрия в том, что он, взявши выход с тверских князей, не отдал его татарскому послу, а уехал с деньгами в Новгород.²⁷ Юрий, при-

²⁷ Вообще события этого времени и отношения к Орде, как Юрия, так и Ди-

бывший в Орду 21-го ноября 1325 года, был умерщвлен князем Димитрием Михайловичем. Тело Юрия было привезено в Москву и предано земле митрополитом Петром и архиепископом новгородским Моисеем. Хан казнил убийцу, но не ранее, как спустя десять месяцев после убийства.

Брат Юрия Иван, по прозванию Калита (от обычая носить с собою кошелек с деньгами для раздачи милостыни), оставался долго в тени при старшем брате, но когда Юрий получил великое княжение и уехал в Новгород, Москва оставлена была в полное управление Ивана; с этих-то пор он вступает на историческое поприще. Восемнадцать лет его правления были эпохою первого прочного усиления Москвы и ее возвышения над русскими землями. Главным способом к этому усилению было то, что Иван особенно умел ладить с ханом, часто ездил в Орду, приобрел особенное расположение и доверие Узбека и оградил свою московскую землю от вторжения татарских послов, которые, – как уже сказано выше, – называясь этим именем, ездили по Руси, делали бесчинства и опустошения. В то время, когда другие русские земли поражены были этим несчастьем и, кроме того, подвергались другим бедствиям, владения московского князя оставались спокойными, наполнялись жителями и, сравнительно с другими русскими землями, находились в цветущем состоянии.

митрия, для нас остаются неясными по причине скудости источников. Есть известие, что Димитрий получил великое княжение: мы не знаем наверно: утвердил ли хан Узбек на княжении Димитрия, рассердившись на Юрия, сам ли Димитрий присвоил себе имя великого князя, или его ошибочно так называли летописцы.

«Перестали поганые воевать русскую землю, – говорит летописец. – перестали убивать христиан; отдохнули и опочили христиане от великой истомы и многой тягости, и от насилия татарского; и с этих пор наступила тишина по всей земле».

Город Москва расширился в княжение Ивана. Кроме Кремля, составлявшего ее центр или внутреннее укрепление, посад за пределами Кремля уже при Иване был обнесен дубовой стеною. Вокруг Москвы одно за другим возникали села.

Бояре оставляли других князей, переходили к московскому князю и получали от него земли с обязанностью службы; за боярами следовали вольные люди, годные к оружию. Таким образом, соседние князья слабели и поневоле должны были угождать московскому князю и подчиняться ему. В Москву переселялись и иноземцы, и даже татары приходили на поселение не врагами, не господами, а принимали крещение и становились русскими. В числе таких татарских выходцев был мурза Чет, родоначальник фамилии Годуновых и предок Бориса, царствовавшего на русском престоле. Иван заботился о внутренней безопасности, строго преследовал и казнил разбойников и воров: и тем самым он дал возможность ездить торговым людям по дорогам. Москва тогда уже наполнялась торговцами с разных сторон. На устье Мологи возникла славная в те времена молодежская ярмарка, куда съезжались купцы с востока и запада. Оживляя народное благосостояние, эта ярмарка доставляла доходы велико-

му князю.

В первых же годах своего правления Иван дал Москве нравственное значение переводом митрополичьей кафедры из Владимира в Москву. Еще в XIII столетии русские первосвятители нашли невозможным оставаться в Киеве, в крае малолюдном, в опустошенном и обнищавшем городе, где древняя святыня находилась в запустении, где Десятинная церковь лежала в развалинах, где от Св. Софии оставались одни стены, а Печерская обитель стояла безлюдная. Митрополиты: Кирилл и Максим, хотя и считались киевскими, но не жили в Киеве, вели странническую жизнь и более всего пребывали во Владимире. По смерти митрополита Максима было два соискателя митрополичьего престола. Один из северной Руси, владимирский игумен Геронтий, другой из южной Руси – Петр, игумен ратский, родом волынец. Галицкий князь Юрий Львович, внук Данила, послал Петра в Константинополь для посвящения, с целью утвердить у себя митрополию в Галичине. Петр был предпочтен Геронтию, получил сан митрополита (1308), но вместо того, чтобы жить в южной Руси, удержав титул киевского митрополита, переселился на север во Владимир; однако и тут не жил постоянно, а переезжал с места на место, поставляя духовных. Вместе с князем Михаилом Ярославичем тверским Петр совершил поездку в Орду к Узбеку и получил от него знаменитую грамоту, по которой православное русское духовенство со своими семействами и со всеми лицами, принадлежащими к ду-

ховному ведомству, освобождалось от всякой дани и ограждалось от каких бы то ни было обид и притеснений со стороны ханских чиновников и подданных.

Во время своих обычных переездов с места на место Петр сошелся с князем Иваном Даниловичем и полюбил более всех других городов его Москву. Здесь он стал проживать подолгу, заботился об украшении Москвы святынею храмов и 4 августа 1325 года, вместе с князем Иваном, заложил первую каменную церковь в Москве Успения Богородицы (нынешний Успенский собор). Этот храм должен был сделаться главною святынею Москвы и перенести на нее то благословение, которое некогда давала городу Владимиру построенная Андреем подобная церковь Богоматери во Владимире. Близ места, на котором должен был стоять жертвенник, Петр собственноручно устроил себе гроб. «Бог благословит тебя, говорил он Калите, – и поставит выше всех других князей, и распространит город этот паче всех других городов; и будет род твой обладать местом сим вовеки; и руки его взыдут на плечи врагов ваших; и будут жить в нем святители, и кости мои здесь положены будут». Эти пророческие слова, переходя по преданию от поколения к поколению, помнились и приводились для поддержания могущества и величия Москвы. В следующем 1326 году 21 декабря Петр скончался, оставшись навсегда в воспоминании потомков святым покровителем Москвы, первым виновником ее нравственного возвышения. Иван, исполняя завещание Пет-

ра, окончил постройку храма Успения: кроме этого храма он построил каменную церковь Архангела Михаила, на месте прежней деревянной, и завещал себя похоронить в ней: это был нынешний Архангельский собор, послуживший местом погребения для всех потомков Ивана. Близ своих палат Иван основал монастырь Св. Преображения и построил в нем каменную церковь (единственную из московских церквей, которой стены до сих пор существуют от тех времен в церкви Спаса на Бору) и, кроме того, церковь Иоанна Лествичника, на месте нынешней колокольни Ивана Великого. Стремлению Ивана поднять церковное значение Москвы способствовало то, что преемник Петра, Феогност, поселился в Москве, а за ним, впоследствии, все митрополиты один за другим пребывали в этом городе и таким образом сообщили ему значение столицы всей русской церкви.

Иван Данилович во все продолжение своего княжения ловко пользовался обстоятельствами, чтобы, с одной стороны, увеличить свои московские владения, а с другой – иметь первенствующее влияние на князей в прочих русских землях. В этом случае помогла ему более всего вновь вспыхнувшая вражда с Тверью. Там княжил другой сын Михаила тверского, Александр. После казни брата, Александр – как говорит летописец – носил имя великого князя.²⁸ Татары, как

²⁸ Факт этот представляется нам до крайности странным: каким образом Узбек, убивши отца и брата Александра, мог поверить этому князю старейшинство на Руси? Так как более старые редакции наших летописей ничего ровно не говорят о назначении его великим князем, а известия об этом назначении находятся только

видно, не доверяли Александру и находили нужным особенно наблюдать над Тверью. В 1327 году приехал в Тверь ханский чиновник Чолкан с вооруженною толпою татар, выгнал Александра с его двора и расположился в нем, как хозяин. Это, естественно, возбудило страх и ропот в народе. Начали толковать, что татары хотят перебить русских князей, управлять Русью посредством своих чиновников и насильно обращать христиан в басурманскую веру. Татары, по привычке обращаться с русскими, как с рабами, делали в Твери разные бесчинства. 15 августа поднялся мятеж против татар. По одним известиям, сам Александр возбуждал тверичей из мести за своего отца и брата, по другим же – он, напротив, приказывал им терпеть, но неожиданный случай произвел вспышку в народе. Татары хотели отнять у диакона Дюдка молодую и жирную кобылу. Диакон сделал клич к народу, который уже прежде был раздражен наглостью татар. Ударили в вечерней колокол, народ собрался и перебил Чолкана и его татар. Только немногие табунщики успели уйти и дали знать в Орде о происшествии.

Мщение было неизбежно. Князь Иван Данилович, услышавши о том, что сделалось в Твери, наскоро побегал в Орду и оттуда в звании старейшего князя шел с татарами нака-

в позднейших редакциях, то мы бы отвергли этот факт как ложный, если бы нас в этом случае не останавливала новгородская грамота, из которой видно, что новгородцы в 1327 году признавали над собою власть Александра в качестве старейшего или великого князя. Во всяком случае, в этом есть что-то для нас неизвестное и непонятное.

зывать Тверь. Татарская рать была под предводительством пяти темников. Иван Данилович потребовал, чтобы суздальский князь присоединился к нему, суздальский князь не посмел ослушаться. Рать зимою вошла в тверскую землю, жгла города, села, убивала жителей и старых, и малых; иных брала в неволю; другие, лишённые приюта, замерзали. Так разорены были Кашин и Тверь. Князь Александр с братом Константином ушел в Новгород; новгородцы не приняли Александра; он бежал в Псков. Тем временем татары, вероятно не зная, что новгородцы прогнали Александра, напали на новоторжскую землю, принадлежащую Новгороду, и опустошили ее. Дело разъяснилось тогда, когда монгольские послы прибыли в Новгород и получили там 2000 гривен серебра и много даров.

Тверская область была до того опустошена и обезлюдела, что целое полстолетие носила на себе следы этого погрома.

Расправившись с Тверью, Иван поехал в Орду явиться к Узбеку. Узбек очень хвалил его, и с тех пор положение Ивана стало еще крепче. Тогда же явился к Узбеку с поклоном брат Александра Константин. Узбек принял и его милостиво, не помянул вины, которую считал за братом его, утвердил на тверском княжении, но приказал Ивану, и с ним всем русским князьям, отыскать Александра и представить в Орду на расправу. По ханскому приказу, Иван, в 1329 году, с митрополитом, суздальским князем и двумя тверскими князьями братьями Александра, прибыл в Новгород и оттуда послал

к Александру послов. Во Псков поехал сам новгородский владыка Моисей с некоторыми знатными новгородцами; он убеждал Александра ехать добровольно в Орду, «не давать христиан на погибель поганым». Александр совсем было согласился, но псковичи удержали его и говорили: «Не езд, господине, в Орду; что бы с тобою ни было, заодно умрем с тобою!»

Иван Данилович, получивши отказ, поднял всю землю новгородскую и пошел ратью на Псков, а митрополит Феогност в угождение Ивану наложил на псковичей проклятие и отлучение от церкви.

Тогда Александр сказал псковичам: «Братья и друзья мои! Пусть не будет на вас из-за меня проклятия и отлучения; я уеду, а вы целуйте крест не выдавать моей княгини».

Александр уехал в Литву, а псковичи послали послов к Ивану с таким словом: «Князь Александр уехал, весь Псков кланяется тебе, князю великому, от мала до велика: и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и жены, и малые дети». Это было первое заявление покорности Пскова Москве, новый шаг к возвышению значения московского князя.

Иван удовольствовался этим заявлением, и митрополит снял со псковичей проклятие, употребивши свою духовную власть в пользу видов московского князя. Обстоятельства продолжали благоприятствовать Москве. Александр хотя вернулся во Псков и прожил там десять лет, но был уже бессилен; его брат Константин, управляя разоренною твер-

скую землю, угождал московскому князю, любимцу царя, так как страшился повторения над своею областью того, что она испытала при его брате. В собственно московской земле Иван уже владел Можайском, Коломною, Рузою, Звенигородом, Серпуховым, к ней присоединялся и Переяславль со своею волостью. Князья других русских земель поставлены были в такое положение, что должны были подчиняться Ивану со своими землями. Суздальский князь Александр Васильевич и все другие удельные князья ростовско-суздальской земли стали его подручниками. По смерти Александра Васильевича Иван удержал за собою Владимир, а новый суздальский князь Константин Васильевич должен был довольствоваться тем, что ему оставил московский князь. Иван отдал одну из своих дочерей за Василия Давидовича ярославского, а другую за Константина ростовского и самовластно распорядился уделами своих зятьев. «Горе, горе городу Ростову и князьям его, – говорит одно старинное сказание, – отнялась у них власть и княжение; и немало было ростовцев, которые поневоле отдавали москвичам имущество свое, терпели побои и язвы на теле своем». Посланный в Ростов от Ивана Даниловича боярин Кочева свирепствовал над жителями, как будто над завоеванными, и одного старейшего боярина, по имени Аверкия, приказал всенародно повесить за ноги и нещадно бить палками. Подобные поступки совершались не в одном Ростове, но и во всех местах, подпавших под власть москвичей, которые, где только могли, показы-

вали себя высокомерными господами над прочими русскими людьми. Эти поступки вывели из терпения ярославского князя; несмотря на родство свое с московским князем, он соединился против него с Александром Михайловичем тверским. Князья рязанские поневоле должны были повиноваться Ивану Даниловичу и ходить со своею ратью, куда он им прикажет: Иван был в чести у хана, а рязанская земля находилась на пути из Орды в Москву и за строптивость своих князей первая могла подвергнуться жестокой каре от Орды, требовавшей повиновения Москве. Города: Углич, Галич и Белозерск были приобретены Иваном посредством купли от князей. Кроме того он покупал и променивал села в разных местах: около Костромы, Владимира и Ростова, на реке Массе, Киржаче и даже в новгородской земле вопреки новгородским грамотам, запрещавшим князьям покупать там земли. Он заводил в новгородской земле слободы, населял их своими людьми и таким образом имел возможность внедрять там свою власть и этим путем.

Новгород, находившийся пока в дружбе с Москвою, скоро испытал на себе плоды ее усиления, которому он так содействовал. Новгородцы слишком много оказали услуг московским князьям: казалось, нужно было пройти долгому времени и явиться очень важным причинам и непредвиденным столкновениям, чтобы между Новгородом и Москвою могло вспыхнуть несогласие. Но Иван не задумывался в выборе средств для своих выгод. В 1332 году возвратился он из Ор-

ды, где достаточно поистратился на подарки, и стал приискивать средств, как бы и чем ему вознаградить себя. Он вспомнил, что у новгородцев есть закамское серебро. В сибирских странах с незапамятных времен велось добывание руды и обработка металлов. До сих пор так называемые чудские копи по берегам Енисея служат памятниками древней умелости народов алтайского племени. Новгород, владевший северо-востоком нынешней европейской России, под названием Заволочья (берегов Двины), Печоры и Перми, и частью азиатской России под именем Югры, получал оттуда серебро отчасти путем торговых сношений, отчасти же посредством дани, вносимой туземцами подчиненной Новгороду пермской страны. Иван Данилович потребовал от Новгорода этого серебра, которое в то время называлось закамским серебром, и, чтобы иметь в руках своих залог своего требования, захватил Торжок и Бежецкий-Верх с их волостями неожиданно и вероломно, не объявивши Новгороду, что он считает мирный договор почему-нибудь нарушенным. В Новгороде тогда происходили внутренние смятения: в один год сменили двух посадников, ограбили дворы и села двух бояр: вероятно, эти волнения состояли в связи с тогдашними неприязненными поступками московского князя, так как всегда во время размолвок с великими князьями в Новгороде были лица, считавшиеся их сторонниками и благоприятелями и за то испытывавшие озлобление раздраженного народа. На другой год Иван Данилович повторил свое требование, во-

шел в Торжок с подручными себе князьями земель суздальской и рязанской и сидел в Торжке около двух месяцев. Новгородцы посылали к нему дружелюбное посольство, просили приехать в Новгород мирно, но Иван не хотел слушать их и уехал прочь. Новгородским волостям нелегко было от его посещения. Иван вывел своих наместников из Городища, и таким образом находился уже в открытой вражде с Новгородом, «в розратье», как тогда говорили.

Тогда новгородцы принялись укреплять свой город: владыка строил каменные стены детинца: юрьевский архимандрит возводил около своего монастыря стены, а между тем еще раз новгородцы пытались поладить с московским князем. Владыка Василий поехал к нему с двумя новгородскими боярами и застал его в Переяславле. От лица Новгорода он предлагал великому князю пятьсот рублей серебра и просил, чтобы великий князь отступился от слобод, заведенных им на новгородской земле, противно договору, им же утвержденному крестным целованием. Иван Данилович не послушал его.

Тогда новгородцы пожалели, что в угоду московской власти так преследовали тверского князя. Александр жил в Пскове: новгородцы из-за него были не в ладах со Псковом; новгородский владыка семь лет не бывал в Пскове и наказывал своим пастырским неблагословением Псков, непослушный Новгороду и великому князю; теперь он отправился в Псков, был там принят с честью, благословил князя Алек-

сандра и крестил у него сына Михаила. Этого было недостаточно. Новгороду нужен был сильный союзник, который бы мог составить противовес могуществу московскому, и Новгород сошелся тогда с литовским князем Гедимином, завоевавшим почти всю западную Русь: он, заступившись за Новгород, один мог остановить Ивана. В октябре 1333 года приехал в Новгород сын Гедимины Наримонт, нареченный при крещении Глебом и избранный новгородцами на княжение. По обычаю своих дедов новгородцы посадили его на столе у Св. Софии и дали ему в отчину и дедину Ладогу, Ореховский город, Корельск и половину Копорья.

Иван Данилович между тем снова съездил в Орду и, воротившись назад в 1334 году, стал податливее. Если путешествие московского князя в Орду пугало новгородцев, так как они думали, что князь хочет подвинуть на них татарскую силу, то со своей стороны Иван, человек характера невоинственного, хотя и хитрый, тревожно смотрел на дружбу новгородцев с его заклятым врагом Александром и еще более на союз их с Гедимином. Новгород, хотя и готовился отразить насильственные покушения Москвы, был не прочь помириться с нею: новгородцы не могли быть уверены, что Гедимин заступится за них в такой мере, чтобы воевать с ханом, да и при помощи Гедимины нелегко было отважиться Новгороду на борьбу с Ордою и с силами русских земель, находившихся под рукою Ивана Даниловича; притом же призванный новгородцами Наримонт оказывался малоспособ-

ным к доблестным подвигам и к героической защите земли, пригласившей его так радушно. Владыка Василий, еще до возвращения Ивана из Орды, ездил к митрополиту Феогносту, виделся с ним во Владимире и располагал его действовать на Ивана примирительно. По своем возвращении из Орды Иван Данилович, кроме других соображений, побуждаемый к миру и митрополитом, принял новгородского посла Варфоломея Юрьевича уже не так, как он принимал прежних послов, не высокомерно, а любовно, и вслед за тем сам приехал в Новгород 16 февраля 1334 года. В Новгороде примирение с великим князем произвело большую радость. Люди, расположенные к Москве и не смевшие до сих пор проявить своего расположения, теперь взяли верх и оказывали влияние на народ. В угоду московскому князю новгородцы готовы были вместе с москвичами идти войною на Псков и доставать оттуда князя Александра Михайловича. Они забыли и недавно показанное неуважение московского князя ко всякого рода договорам и крестному целованию, и свою недавнюю дружбу со псковичами, вынужденную поступками московского князя. До войны со Псковом не дошло, но после этого новгородцы со псковичами остались не в мирных отношениях. Иван Данилович позвал к себе в Москву новгородского владыку, посадника, тысяцкого, бояр и оказывал им большие почести. Казалось, восстановились самые прочные дружелюбные отношения между Новгородом и Москвою.

Но прошло три года, и в 1337 году Иван Данилович, опять

нарушивши договор, послал войско свое в двинскую землю с целью овладеть этим важным краем; покушение его не удалось; посланное войско вернулось оттуда пораженное со срамом. Новгородцы тогда опять обратились к псковичам, владыка Василий отправился в Псков, но уже его приняли там не так, как прежде; псковичи научены были опытом, как новгородцы в беде обращаются к ним, а потом, когда думают, что беда для них минула, готовы идти на них вместе с теми, против которых прежде искали опоры. Они не хотели дать владыке «подъезда» или части судных пошлин, которые собирал владыка в свою пользу. Архиепископ проклял псковичей.

Десять лет прожил Александр Михайлович во Пскове, и несносна была ему изгнанническая судьба. Думал он и передумывал, что делать ему. Жаль ему было детей и потомков своих, которые должны были не только лишиться владения, но мало-помалу выйти из рода князей. Продолжало, вероятно, томить его и то, что псковичи, даровавшие ему приют у себя, из-за него подвергались проклятию от своего архиепископа. Еще в 1336 году отправил он в Орду сына своего Феодора, узнать: есть ли надежда ему получить прощение и милость хана Узбека. Феодор, возвратившись из Орды, принес утешительные известия. Тогда в 1337 году Александр отправил посольство к митрополиту Феогносту и просил от него благословения идти в Орду. Феогност дал ему благословение, вероятно в то время, когда не было близко

него Ивана Даниловича, иначе последний не допустил бы до этого. Александр отправился в Орду и явился прямо перед Узбеком.

Наши летописи представляют Александра произносящим такую речь перед царем своим: «Господин самовластный (вольный) царь! Если я и много дурного сделал тебе, то теперь пришел к тебе принять от тебя либо жизнь, либо смерть. Как Бог тебе на душу положит, а я на все готов!»

Узбеку очень понравилась такая прямота и вместе рабская покорность. «Видите ли, – сказал Узбек окружающим его (так передают летописи), – как Александр Михайлович смиренною мудростью избавил себя от смерти».

Узбек простил Александра, оказал ему большой почет у себя и отпустил на Русь с правом сесть на столе в отеческой Твери. Двое вельмож татарских, Киндяк и Авдул, провожали его. Брат Константин, владевший Тверью, добровольно уступил ее Александру.

Возвращение Александра было страшным ударом для московского князя. Если его заклятый враг, которого он по приказанию хана преследовал и добивался взять живьем для казни, теперь приобрел милость того же хана, то отсюда могло произойти то, что помилованный князь подделается к хану и постарается в свою очередь насолить своему сопернику. Иван Данилович поспешил в Орду, взял с собою сыновей, чтобы представить хану как будущих вернейших слуг его, и старался всеми мерами очернить и оклеветать тверского

князя. Ему удалось. Узбек послал одного из своих приближенных, по имени Истрочей, звать Александра.

Истрочей, по приказанию Узбека и по наставлению Ивана, принял перед Александром самый ласковый вид и говорил:

«Самовластный царь Узбек зовет тебя с сыном Феодором; царь сделает для тебя много хорошего; ты примешь великое княжение, и большой почет тебе будет». Но Александр догадался, что тут что-то не так. «Если я пойду в Орду, – говорил он своим, – то буду предан смерти, а если не пойду, то придет татарская рать и много христиан будет убито и взято в плен, и на меня вина падет: лучше мне одному принять смерть».

И он начал снаряжаться в Орду и послал вперед сына своего Феодора узнать, что значит этот призыв и чего может он ждать в Орде. А между тем тверские бояре, рассудив, что служить московскому князю выгоднее, отъезжали от Александра к его врагу. К этому, быть может, побуждало их еще и то, что Александр воротился из Пскова с новыми боярами и между прочим с иноземцами; так был у него в чести немец Матвей Доль; и старым боярам не по сердцу было стать ниже этих новичков и пришельцев.

Феодор не приехал обратно; его удержали в Орде, но он известил отца, что царь Узбек гневается на него. Возврата не было Александру. Если он решится бежать куда-нибудь по-прежнему, то сын в Орде должен будет выпить за него горькую чашу. Он поехал в Орду. Иван Данилович, обделав

свои дела, воротился домой и наблюдал, что станется с его соперником, которому он, насколько сил его было, подготовил гибель.

Осталось предание, что когда Александр Михайлович плыл по Волге, тогда поднимался противный ветер и относил его судно назад, как будто давая несчастному князю предсказание, что будет ему беда там, куда он держит путь. Когда Александр Михайлович проплыл с большим трудом через русские земли, ветер перестал обращать его судно назад. Поехали одновременно с ним князья: ярославский и белозерский, ненавидевшие Ивана Даниловича и готовые защищать Александра Михайловича; но никто не мог ему тогда пособить: Ивану Даниловичу более всех верил властитель Руси, и, вероятно, Иван Данилович представил этому властителю какие-то убедительные доводы против тверского князя, если Узбек так скоро изменил к последнему свою милость.

Когда заранее осужденный на смерть князь прибыл в Орду, сын Феодор первый со слезами известил его, что дела плохи. Затем татары, расположенные к нему, сказали: «Царь хочет тебя убить! Тебя крепко оклеветали перед ним!» – «Что же я буду делать! – отвечал Александр. – Если Бог захочет предать меня смерти, кто же может меня избавить?»

Александр привез дары царю, царице, вельможам. Прошел месяц в тревожном ожидании. 26 ноября 1338 года сказали Александру, что через три дня ему будет конец. Александр употребил это время на молитву. Наконец настал ро-

ковой день. Отслушав заутреню, Александр послал к царице узнать, что его ожидает, а сам сел на коня и ездил, расспрашивая: долго ли ему ждать смерти. Ему сообщили, что через час придет ему смерть. Александр воротился в свой шатер, обнял сына и своих бояр и причастился Св. Тайн. Слуги его прибежали с известием, что идут палачи, посланцы ханские: Беркан и Черкас. Александр вышел к ним навстречу. Его схватили, сорвали с него одежды и повели нагого со связанными руками к ханскому вельможе Тавлугбегу, сидевшему на коне. «Убейте!» – крикнул Тавлугбег. Татары повалили на землю Александра и сына его Феодора, убили их, а потом отрубили им головы. Александровы бояре и слуги в страхе разбежались, но потом, с дозволения татар, взяли тела убитых своих князей и повезли в Тверь, где оба князя положены были рядом с другими двумя, также убитыми в Орде.

Иван Данилович радовался. Смерть Александра не только избавляла его от непримиримого врага, но была новым свидетельством чрезвычайного доверия к нему хана Узбека. Иван Данилович мог быть надежен не только за себя, но и за сыновей своих. Он оставил их в Орде. После смерти Александра они воротились из Орды с большой честью. Великая радость, великое веселье было тогда в Москве. Иван Данилович, унижая ненавистную Тверь, приказал снять с церкви тверского Спаса колокол и привезти в Москву.

Когда Александр Михайлович вошел было в милость у хана, Иван Данилович, испугавшись этого, постарался пола-

дить с новгородцами и отправил к ним сына Андрея. Все притязания его на Заволочье были тогда оставлены; но когда Александра убили, Иван, уверившись, что он более, чем когда-нибудь, крепок ханским благоволением, опять заговорил иным языком с новгородцами. Новгородцы привезли ему свою часть ордынского выхода. «Этого мало, – сказал им Иван, – царь с меня еще больше запросил, так вы мне дайте запрос царев!» – «Так и сначала никогда не бывало, – отвечали новгородцы. – Ты, господин, целовал крест Новгороду поступать по старым пошлинам новгородским, по грамотам прадеда своего Ярослава Владимировича». Иван не слушал, приказал своим заместникам уехать с Городища и готовился идти на Новгород. Призванного новгородцами князя Наримонта (Глеба) уже не было там; ему не по вкусу был новгородский хлеб; он ушел в свою Литву и утвердился князем в Пинске. Новгородцам надобно было искать другого князя. Но опасность войны с Москвою на этот раз миновала Новгород.

Пришло Ивану ханское приказание идти с войском в другую сторону, против смоленского князя Ивана Александровича (племени Ростислава Мстиславича от сына его Давида), не хотевшего повиноваться хану. С этой целью прибыл в Москву ханский посол Тавлугбег. По его требованию Иван Данилович послал на Смоленск разных подручных князей и московскую рать под начальством своих воевод, но сам не пошел на войну. Этот поход окончился ничем; хорошо

укрепленный Смоленск не был взят; осаждавшее его полчище отступило через несколько дней осады. Иван опять стал помышлять о Новгороде, но тут постигла его смертельная болезнь. 31 марта 1341 года он умер, приняв перед смертью схиму, и на другой день был погребен в построенной им церкви Архангела Михаила, оставивши своим преемникам из рода в род завет продолжать прочно поставленное им дело возвышения Москвы и распространения ее власти над всеми русскими землями.

Глава 10

Преподобный Сергей

Монашество после Феодосия продолжало расширяться: где только распространялось христианство, там возникали и монастыри. Одни из них строились и поддерживались князьями и богатыми частными лицами, другие, по образцу, оставленному Киево-Печерским монастырем, создавались отшельниками, которые сначала уходили в пустынные места, а потом славой своих подвигов невольно привлекали к себе товарищей и после обыкновенно делались настоятелями образуемых таким образом обителей. Последнего рода монастыри представляют особенную важность для истории, потому что такие монастыри привлекали население в пустынные места и были одними из главных двигателей русской колонизации. Где являлся монастырь, там около него образовывалось село или даже многолюдный посад; расчищались дикие лесные места, обрабатывались поля, а около некоторых монастырей учреждались ярмарки, образовывалось средоточие промысла и торговли. Вместе с тем пролагались новые пути сообщения. Сами монахи вначале подавали пример трудолюбия и хозяйственности. Благочестивый обычай отдавать монастырям села делал монастыри не только религиозными, но и хозяйственными учреждениями. Надо вообще заметить, что этот обычай, ослаблявший впо-

следствии строгость монашеской жизни и даже развращавший монастыри, имел в свое время благодетельные последствия: жители монастырских волостей пользовались сравнительно большей безопасностью, так как с одной стороны князья, воюя между собой, из религиозного страха нередко щадили их, не щадя других волостей, а при монгольском владычестве монастырские волости находились в наиболее благоприятном положении: огражденные ханами, насколько исполнялись ханские повеления, от поборов и разорений, монастыри умножались непрерывно: но с половины XIV века умножение их является в несравненно большем размере против прежних времен; на Руси делается заметным сильное стремление к монастырской жизни, и это стремление избирает для себя преимущественно последний из указанных нами способов основания монастырей. Отшельники убегают от людей в дикие места; к ним присоединяются другие; основывается обитель; народ стремится туда на поклонение, возникает около обители поселение; в свою очередь из этой обители выходят отшельники, удаляются в новые дикие места, основываются там другие обители и также привлекают к себе население и т.д. Этим путем весь дикий, неприступный север с его непроходимыми лесами и болотами до самого Ледовитого моря усеивается монастырями, и к ним, как к средоточиям жизни, приливают колонии смелых и трудолюбивых жителей, готовых на тяжелую борьбу с негостеприимной природой. Независимо от общего аскетического духа, всегда

господствовавшего в религиозных воззрениях православной Руси, в XIV столетии были причины, особенно способствовавшие распространению и процветанию монашества. В это именно время кипчакские ханы выразили свою милость к русской церкви; Узбек и Чанибек оградили своими грамотами не только собственно духовенство, но вообще всех людей, принадлежащих к церковному ведомству. Тогда было приманчиво быть причисленным к церкви; это был единственный путь достигнуть более спокойной жизни. В то время как суровые отшельники осуждали себя на произвольную нищету, к основанным ими обителям стремились люди, желавшие сохранить свое скромное достояние или безопасно пользоваться плодами тяжелого труда своего. Одни, надевая на себя монашеское платье, действительно или же только видимо удалялись от семейной жизни, другие отдавали себя монастырям с семьями. Была еще и другая временная причина, увлекавшая многих к монашеству. То была страшная зараза, опустошавшая несколько раз русские земли в XIV веке и описываемая современниками такими ужасными красками, что едва ли даже можно принимать буквально их известия: во всяком случае, при всех преувеличениях, несомненно, что эта зараза, несколько раз повторявшаяся, долго наводила ужас на русских людей и обращала их чувства и помышления к благочестию. И прежде было в обычае, что русский человек, чувствуя приближение смерти, думал загладить свои грехи пострижением в монахи и даже в схиму;

теперь, когда никто не мог быть уверенным, что на другой день не подвергнется внезапной смерти, многие и в молодых летах поступали так, как отцы их поступали, чувствуя смертельную болезнь: постригались в монахи и отдавали в монастыри свои имущества. Об этом сохранились положительные известия в наших летописях. «Тогда, – говорит летописец, описавший мор 1352 года, – многие, промышляя о своем животе и душе, шли в монастырь и постригались в мнишеский чин, сподобляясь ангельскому чину, и так предавали душу свою пришедшим за ними Ангелам, а тела свои отдавали гробу; другие же, готовясь в домах своих на исход души, отдавали имущества свои церквам и монастырям... Иные от богатства давали монастырям и церквам села, рыбные ловли, исады, чтобы иметь по себе вечную память». Наконец, пример одних увлекал других; усилившееся в XIV веке стремление к основанию монастырей сделалось обычаем на долгое время; оно уже продолжалось и в последующие века, и русская жизнь усвоила себе этот способ колонизации сплошь до XVII века. Этот способ отразился и в истории раскола. Монастыри оказывали великое нравственное влияние на народную жизнь; многие из их основателей приобрели по смерти повсеместное уважение; толпы народа стекались у их мощей, и это в известной степени способствовало сплочению нравственных сил народа, что в особенности оказывалось там, где святые чествовались не местно, не одной какой-нибудь семьей, а всю Русью. Такое значение прежде всего имела

святыня киевская; после нее второе место занимала святыня московской земли.

Ранее всех и более всех святых, явившихся в московской земле, приобрел народное уважение всей Руси преподобный Сергей, основатель знаменитой Троицко-Сергиевской Лавры, получивший в глазах великорусского народа значение покровителя, заступника и охранителя государства и церкви. Кроме того, личность Сергея представляется исторически важной потому, что он был отцом множества обителей; некоторые из них были основаны при его жизни, а еще больше возникло их после смерти Сергея, основанных его сподвижниками и учениками, или же учениками его учеников.

Жизнь Сергея, можно сказать, служит самым полным образцом жизни и деятельности всех подобных ему основателей монашеских общин его времени. Все они в главных чертах представляют с ним подобие, при всех отличиях личных характеров и условий местности и времени. Замечательно, что этот святой муж, сделавшийся впоследствии покровителем Москвы и ее властителей, происходил из рода, искавшего спасения в бегстве из родной земли от начинавшихся проявлений московской власти. В биографии «братьев Даниловичей» мы говорили о притеснениях, которые терпел при Иване Калите подчиненный Москве Ростов. Тогда в числе бежавших от начальства москвичей был боярин Кирилл, человек знатного и богатого рода, обедневший подобно многим от поборов, от платежа выходов, от разорительных посе-

щений ханских послов и невольных путешествий с князьями в Орду. Кирилл с супругою своею Мариею и сыновьями: Стефаном, Варфоломеем и Петром перешел в Радонеж (в 12-ти верстах от нынешней Лавры), удел, оставленный Иваном Калитой сыну своему Андрею. В тот век владельцы старались привлечь к себе население из других волостей и давали пришедшим разные льготы; так поступал и князь Андрей. Двое сыновей Кирилла, Стефан и Петр, женились, но средний Варфоломей, одаренный поэтическим воображением и склонностью к созерцательной жизни, с отрочества порывался в монастырь. Тяжелые труды подвижника, неустанная молитва и внутренняя борьба с искушениями молодой жизни представлялись привлекательными его горячей и крепкой натуре. Родители удерживали его: «Потерпи немного, – говорили они ему, – мы стары, бедны и немощны, братья твои более заботятся о своих женах, нежели о нас. Послужи нам, проводи нас в гроб, а там делай, что хочешь». Вскоре они, чувствуя приближение кончины, постриглись и умерли. Старший брат Стефан лишился жены и пошел в монастырь. Варфоломей уступил женатому брату Петру свою часть наследства, покинул отцовский дом и отправился по окрестностям искать места для пустынного житья. Он сначала уговорил идти с собою брата своего Стефана и, вместе с ним, построил деревянную келью и церковь в лесу, на том месте, где теперь стоит богагый Троицкий собор Сергиевской Лавры; по просьбе Стефана митрополиг Феогност отправил свя-

щенников освятить новую церковь во имя Св. Троицы. Но вскоре Стефан оставил своего брата: ему тяжело показалось одинокое житие. Он уехал в Москву в Богоявленский монастырь и скоро сделался там игуменом, затем духовником великого князя Симеона, тысяцкого и разных бояр. Варфоломей обратился к какому-то игумену Митрофану, принял от него пострижение под именем Сергия, так как в день, когда совершилось это пострижение, праздновалась память мучеников: Сергия и Вакха. Ему было тогда двадцать три года. Событие это совершилось в первых годах княжения Симеона.

Сергий остался один в лесу, пробыл там более года, подвергаясь чрезвычайным лишениям, опасности быть растерзанным зверьми, страдая от видений, неразлучных с мукою подобного уединения. Между тем сделалось известным, что в таком-то месте в лесу спасается труженик, начали приходить к нему монахи один за другим и строили около него кельи. Они служили в деревянной церкви заутреню, вечерню и часы, для литургии приглашали по временам соседнего священника, а через несколько времени убедили Сергия принять игуменство над ними, угрожая разойтись, если он не согласится. Сергий, после долгих отказов, был рукоположен в священники и назначен игуменом от переяславского епископа Афанасия. Так положено было начало Троицко-Сергиевского монастыря.

Сначала новооснованный монастырь был крайне беден: в

нем было всего двенадцать братьев, и, но скудости средств к содержанию, больше этого числа братьев не допускалось; положено было правилом принимать нового брата только тогда, когда выбудет кто-нибудь из числа двенадцати. Богослужение нередко отравлялось у них при свете березовой лучины, а иногда литургия не могла совершаться по недостатку вина. Игумен, однако, строго запретил ходить и просить милостыню и постановил правилом, чтобы все жили от своего труда или от добровольных, невыпрошенных даяний. Сам Сергей показывал собой пример трудолюбия: пек хлеб, шил обувь, носил воду, рубил дрова, во всем служил братии, ни на минуту не предавался праздности, а питался хлебом и водой. Чрезвычайно крепкое и здоровое телосложение способствовало ему переносить такой образ жизни. Вместе с тем он был строг и к другим, требовал от братии такой же суровой жизни, какую вел сам. Через несколько времени, однако, положение монастыря улучшилось. Молва о святой жизни Сергея и его братии расходилась все более и более, и вот пришел к ним из Смоленска архимандрит Симон. Он принес с собою значительное имущество, которое пожертвовал в монастырь Сергея. За ним прибыл брат Сергея, Стефан, и привел двенадцатилетнего сына своего Ивана, которого отдал под начало Сергея; последний тотчас постриг его, назвавши Феодором. С этих пор Сергей не ограничивал числа братьев в своем монастыре, постригал всякого желающего, подвергнув предварительно строгому испытанию. В монастырь все более и

более стало приходиться богомольцев: были между ними нищие странники, которых нужно было кормить, но были князья, воеводы и богатые люди, дававшие на монастырь богатые вклады. О Сергии распространилось мнение, что он одарен свыше даром пророчества. Несмотря на эту славу, Сергей продолжал вести прежний простой образ жизни и с равной любовью обращался как с князьями, которые обогащали монастырь, так и с бедняками, питавшимися от монастыря.

Между тем пустынные окрестности обители стали заселяться: уже во времена княжения Ивана Ивановича возник около монастыря посад, а за ним заводились села и починки; люди вырубали леса и обращали дикую землю в обработанную. Эти новопоселенцы в своих взаимных делах обращались к Сергию, как к судье и миротворцу. Жизнеописатель Сергия, замечая, что вообще в обычае сильных было обижать убогих и присваивать чужое у соседей, рассказывает такой случай: один житель монастырского посада взял у другого кабана себе на пищу и не заплатил за него денег. Обиженный прибегнул к Сергию. Сергей призвал к себе обидчика и сказал ему так: «Чадо мое, веришь ли ты, что есть Бог? Знай же, что он отец сиротам и вдовицам, судья праведным и грешным; те, кто грабят других и недовольны дарованным от благости Божией, беспрестанно желают чужого, те сами обнищают, и дома их опустеют, и забудется сила их, и в будущей жизни ждет их бесконечное мучение. Отдай же тому сироте то, что ему следует, и вперед так не поступай». Ви-

новный послушался.

При княжении Донского о Сергии знали уже в Константинополе, и патриарх Филофей прислал ему крест, параманд и схиму и грамоту на введение общежития. С этих пор Троицкий монастырь сделался общежительным.

Уважение к Сергию побуждало великого князя Дмитрия несколько раз обращаться к нему. В 1365 году, по поводу спора Дмитрия Константиновича суздальского с его братом Борисом за Нижний Новгород, по повелению Дмитрия московского и митрополита Алексия, Сергей ездил в Нижний Новгород, затворил в нем все церкви и тем принудил Бориса уступить брату. В 1385 году Сергей, уже престарелый, устроил вечный мир между непримиримыми до того врагами: Дмитрием московским и Олегом рязанским. Но самую громкую славу приобрело его отношение к Куликовской битве. Дмитрий, собираясь идти на Мамаю, ездил к нему за благословением. Сергей предрек ему победу и возбуждал как великого князя, так и весь русский народ на священную брань за свободу Руси. Когда предсказание сбылось и русские победили, святость Сергия возвысилась еще более. Впоследствии сложилось предание, будто святой игумен благословил идти на брань двух иноков своей обители: Александра Пересвета, бывшего боярина, и Ослябя; и оба они пали в битве. Так как об этом событии нет известия ни в древнем Житии Сергия, ни в старых летописных редакциях, то едва ли можно признать его исторически верным; но оно, утвердись

в воображении потомков, имело важное нравственное влияние, возвышавшее в памяти потомков как Сергия, так и его монастырь.

Митрополит Алексей перед смертью призвал Сергия к себе и хотел передать ему после себя митрополию. Сергий решительно отказался и даже долго не хотел принять золотую креста от Алексея: «Я от юности не носил золота, а в старости тем более подобает мне пребывать в нищете», – говорил Сергий. Несмотря на все свое смирение, Сергий, однако, возвышал свой голос в церковных делах. Когда по смерти Алексея Димитрий хотел возвести на митрополичий престол своего любимца Митяя, Сергий открыто говорил против него.

Кроме Троицкой обители, Сергий еще при своей жизни был основателем нескольких монастырей. Однажды у него произошла размолвка со старшим братом Стефаном во время вечернего богослужения. Стефан, стоя на левом клиросе, спросил канонарха: «Кто тебе дал эту книгу?» – «Игумен», – отвечал канонарх. «Кто здесь игумен, – сказал Стефан, – не я ли первый сел на этом месте?» Сергий услышал эти слова и, окончивши вечерню, не зашел в келью, а направил путь в Махрищенский монастырь к своему другу киевлянину Стефану, основателю Махрищенского монастыря; посоветовавшись с ним, Сергий вознамерился поселиться на пустынном берегу реки Киржачи и основать там новый монастырь. Братья Троицкого монастыря принялись искать своего игумена,

и когда сделалось известным, где он находится, то некоторые из них, один за другим, стали переселяться к нему. Сергей испросил у митрополита Алексия разрешения построить церковь во имя Благовещения. Когда разнеслась весть, что Сергей основывает другую обитель, к нему стеклось много людей, и монахов и мирских: они добровольно работали над постройкою церкви и келий: князья и бояры давали денежные пособия на устройство нового монастыря; но по усиленной просьбе троицкой братии митрополит Алексей приказал Сергию возвратиться к Троице, а в новопостроенном монастыре поставить одного из своих учеников. Сергей поставил там игуменом Романа, и с тех пор основался монастырь Благовещения на Киржаче (Покровского уезда во Владимирской губернии). Из нынешних московских монастырей Андроньев и Симонов основаны были Св. Сергием. Первый построен был на берегах реки Яузы по желанию митрополита Алексия, в память его избавления от морской бури во время плавания из Цареграда, и посвящен во имя Нерукотворенного Спаса. Сергей поставил в нем своего любимого ученика и земляка Андроника. Этот монастырь сделался вскоре знаменитой школой иконописания для всей Руси. Симонов монастырь во имя Успения Богородицы был основан, по благословию Сергия и под его руководством, племянником его Феодором, который впоследствии был владыкой в Ростове. Преподобный Сергей посещал свою родину Ростов и в окрестностях его (в 15 верстах) устроил на берегах ре-

ки Устьи Борисоглебский монастырь. В 1365 году, путешествуя в Нижний по делу между Димитрием и Борисом, он основал монастырь Георгиевский на реке Клязьме (в Гороховском уезде). В 1374 году, по желанию князя Владимира Андреевича, Сергей в двух верстах от Серпухова заложил Зачатейский Высоцкий монастырь на реке Нара и поставил там настоятелем ученика своего Афанасия. По желанию Димитрия Донского Сергей в 1378 году основал монастырь Дубенский на Стромени (в 30 верстах на юго-восток от Лавры), а в 1380 (в 40 верстах от Лавры и на северо-западе от нее) другой Дубенский Успенский, в память Куликовской битвы. В Коломне был им построен монастырь Голутвенский в честь Богоявления Господня. Во все эти монастыри он поставил настоятелями своих учеников.

Несколько знаменитых монастырей в разных местах Руси было воздвигнуто его учениками. Один из учеников Павел, происходивший из знатного московского рода, по благословению Сергия, удалился из Троицкого монастыря в дремучий Комельский лес на реке Грязовице и долгое время жил «в липовом дупле наподобие птицы», а потом перешел на реку Нурму (Вологодской губернии) и там основал Обнорскую обитель. Другой ученик Сергия Авраамий, с его благословения, основал четыре монастыря близ Галича (Костромской губернии): Успенский на Озере, Поясоположенский, Покровский чухломской и Собора Богоматери на реке Виче. В тех же местах после смерти Сергия, в 40 вер-

стах от Галича, ученик его Лаков основал Железно-Борский Предтеченский монастырь. Ученик Сергия Мефодий основал Николаевский монастырь на реке Песноше (в 15 верстах от Дмитрова). После смерти Сергия, один из любимых учеников его Савва, бывший несколько лет преемником Сергия на игуменстве в Троицком монастыре, вышел оттуда и основал свой собственный монастырь на горе Стороже (в Звенигородском уезде), который сделался одним из уважаемых на Руси монастырей под именем монастыря Саввы Сторожевского. Св. Димитрий прилуцкий, хотя не был учеником Св. Сергия, но живя в Переяславской Горицкой обители, приходил беседовать с Сергием и с его благословения удалился на север, где близ Вологды основал монастырь Прилуцкий, который сделался рассадником монашеского житья в северо-восточных странах. Собеседником Св. Сергия был также знаменитый Стефан, просветитель Перми. Об отношениях его к Сергию осталось такое предание: когда Стефан ехал из Перми в Москву мимо Троицкого монастыря, хотя вдалеке от него, то поклонился в ту сторону, где был монастырь. Сергей сидел тогда за трапезой и, будучи прозорлив, встал и поклонился в ту сторону, где тогда находился Св. Стефан. В память этого события до сих пор в Троицкой Лавре остался обычай братии вставать с места после третьей перемены кушанья за трапезой.

Из Сергиевых учеников мы укажем на Ферапонта и в особенности на Кирилла белозерского: оба они были основа-

телями монашества в пустынных северных краях, соседних с Белоозером. Первый основал монастырь Ферапонтов, второй – Кирилло-Белозерский монастырь, приобретший особенную знаменитость в XV и XVI в., славный своею богатою библиотекою. Ученики Кирилла белозерского были в свою очередь важными распространителями монашества. Таковы были между прочими Дионисий глушицкий и Корнилий комельский, основатели монастырей в диких вологодских странах. Не говорим уже о многих других, которые, не будучи учениками Сергия или его учеников, были возбуждаемы его примером и всеобщим распространившимся стремлением к основанию монастырей в пустынных странах.

Сергий скончался, по некоторым известиям, в 1392 году, а по некоторым – в 1397 году. Последнее вероятнее, так как он, говорят, дожил до 78 лет. Непосредственным преемником его был Никон, а за ним Савва сторожевский, о котором было говорено выше.

Основанная Сергием Троицкая обитель осталась до сих пор первенствующею среди всех других, построенных как им и его учениками, так и последующими основателями монастырей. Великие князья и цари имели обычай ежегодно ездить к Троице на праздник Пятидесятницы и, кроме того, считали долгом отправляться туда перед каждым важным делом, нередко пешком, и просить содействия и заступничества чудотворца Сергия. Великие события смутного времени в особенности возвысили историческое значение Троиц-

кой Лавры.

Глава 11

Великий князь Димитрий Иванович Донской

Первенство Москвы, которому начало положили братья Даниловичи, опиралось, главным образом, на покровительство могущественного хана. Иван Калита был силен между князьями русскими и заставлял их слушаться себя именно тем, что все знали об особенной милости к нему хана и потому боялись его. Он умел воспользоваться как нельзя лучше таким положением. При двух преемниках его условия были все те же. Хан Узбек, а по смерти сын его Чанибек, давали старейшинство московским князьям одному за другим. С 1341 года по 1353 был великим князем старший сын Калиты Симеон, а с 1353 по 1359 другой сын Иван. Оба князя ничем важным не ознаменовали себя в истории. Последний как по уму, так и по характеру был личностью совершенно ничтожной. Но значение Москвы для прочих князей держалось в эти два княжения временною милостью хана к московским князьям. По смерти Ивана Москва подверглась большой опасности потерять это значение. Преемником Ивана был девятилетний Димитрий; тут-то оказалось, что стремление к возвышению Москвы не было делом одних князей, что понятия и поступки московских князей были выражением

той среды, в которой они жили и действовали. За малолетнего Димитрия стояли московские бояре; большею частью это были люди, по своему происхождению не принадлежавшие Москве; отчасти они сами, а отчасти их отцы и деды пришли с разных сторон и нашли себе в Москве общее отечество; они-то и ополчились дружно за первенство Москвы над Русью. То обстоятельство, что они приходили в Москву с разных сторон и не имели между собою иной политической связи, кроме того, что всех их приютила Москва, — способствовало их взаимному содействию в интересах общего для них нового отечества. В это время в Орде произошёл перелом, с которого быстро началось ее окончательное падение. Чанибека убил сын его Бердибек, а Бердибека убил полководец Наврус и объявил себя ханом. Суздальский князь Димитрий Константинович отправился в Орду и получил там великое княжение. За него стояли новгородцы, чувствовавшие тягость московского первенства, так как по следам Калиты сын его Симеон теснил Новгород и обирал, выдумавши новый род поборов с черных людей новоторжской волости под именем «черного бора» (т.е. побора). Суздальский князь, приехавши с ханским ярлыком, сел на великокняжеском столе во Владимире, и этому городу опять, по-видимому, предстояло возратить себе отнятое Москвою первенство. Но покровитель суздальского князя Наврус был в свою очередь убит другим полководцем Хидырем, и последний объявил себя ханом. Московские бояре повезли к нему

десятилетнего Димитрия Ивановича. Было естественно новому повелителю изменить распоряжения прежнего: он дал ярлык на княжение Димитрию. Таким образом, на этот раз уже не лицо московского князя, неспособного по малолетству управлять, а сама Москва, как одна из земских единиц, приобретала первенствующее значение среди других земель и городов на Руси: прежде ее возвышало то, что ее князь был по воле хана старейшим, а теперь наоборот – малолетний князь делался старейшим именно потому, что был московским князем. Но Хидырь был вскоре умерщвлен своим сыном, которого также немедленно убили. Орда разделилась. Сильный темник Мамай выставил ханом какого-то Абдула, а сарайские вельможи – Хидырева брата Мюрида. Москвичам показалось сначала, что партия Мюрида сильнее, и они выхлопотали у него ярлык для Димитрия, но в следующем 1362 году они увидели, что партия Мамая берет верх, и тотчас обратились к нему и получили для Димитрия ярлык на великое княжение от имени Абдула. Таким образом, несовершеннолетний московский князь был утвержден разом двумя соперниками, готовыми растерзать друг друга. Мюрид, узнавши, что московский князь получил ярлык от его врага, послал ярлык суздальскому князю. Началась было междоусобная война между двумя соискателями. Но у Димитрия суздальского в то же время началась ссора со своим братом Борисом за Нижний Новгород, и Димитрий Константинович, желая по смерти брата своего Андрея овладеть Ниж-

ним Новгородом, помирился с Москвой: при ее помощи он утвердил за собой Нижний Новгород. В 1365 году пятнадцатилетний Димитрий сочетался браком с его дочерью Евдокией.

Уже во время несовершеннолетия Димитрия бояре от его имени распоряжались судьбою удельных князей. В 1363 году они стеснили ростовского князя и выгнали князей: галицкого и стародубского из их волостей. Гонимые и теснимые Москвою, князья прибегали к суздальскому князю, но, после примирения с Москвою, сам суздальский князь признал над собою первенство московского.

В числе тогдашних руководителей делами бесспорно занимал важное место митрополит Алексей, уважаемый не только Москвою, но и в Орде, так как еще прежде он исцелил жену Чанибека, Тайдулу, и на него смотрели как на человека, обладающего высшею чудотворною силою. Под его благословением составлен был в 1364 году договор между Димитрием московским и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем, получившим в удел Серпухов. Этот договор может до известной степени служить образчиком тогдашних отношений зависимых князей к старейшему: Владимир Андреевич имел право распоряжаться своею волостью, как вотчинник, но обязан был повиноваться Димитрию, давать ему дань, следуемую хану, считать врагами врагов великого князя, участвовать со своими боярами и слугами во всех походах, предпринимаемых Димитрием, получая от него во вре-

мя походов жалованье. Бояре из уделов обоих князей могли переходить свободно; но это позволение не простиралось на остальных жителей; князья не имели права покупать имений в чужом уделе, и в случае тяжб между жителями того и другого удела, производился совместный суд, как бы между особыми государствами, а если судьи обеих сторон не могли между собою согласиться, то назначался суд третейский. Таким образом, в то время, когда Москва возвышалась над прочими русскими землями и распоряжалась их судьбою, в самой московской земле возникало удельное дробление, естественно замедлявшее развитие единовластия, но в то же время и принимались меры, чтобы, при таком дроблении, сохранялась верховная власть лица, княжившего в самой Москве.

Личность великого князя Димитрия Донского представляется по источникам неясною. Мы видим, что в его отрочестве, когда он никак не мог действовать самостоятельно, бояре вели дела точно в таком же духе, в каком бы их вел и совершеннолетний князь. Летописи, уже описывая его кончину, говорят, что он во всем советовался с боярами и слушался их, что бояре были у него как князья; также завещал он поступать и своим детям. От этого невозможно отделить: что из его действий принадлежит собственно ему, и что его боярам; по некоторым чертам можно даже допустить, что он был человек малоспособный и потому руководимый другими; и этим можно отчасти объяснить те противоречия в

его жизни, которые бросаются в глаза, то смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямодушия с коварством, что выражается во всей его истории.

Из всех князей других русских земель всех опаснее для Москвы казался Михаил, сын Александра Михайловича тверского. Он естественно питал родовую ненависть к московским князьям и был при этом человек предприимчивый, упрямого и крутого нрава. Бывши сначала князем в Микулине, он овладел Тверью, назывался великим князем тверским и, в качестве старейшего, хотел подчинить своей власти своих ближайших родственников, князей тверской земли. Между ним и его дядей Василием кашинским возник спор за владение умершего князя Семена Константиновича, который завещал его Михаилу Александровичу. Так как дело по завещанию касалось церкви, то дело это разбирал тверской епископ Василий и решил в пользу Михаила Александровича. Первопрестольник русской церкви митрополит Алексей, сильно радевший о величии Москвы и ее выгодах, был очень недоволен таким решением и призвал Василия в Москву. Современники говорят, что тверской епископ потерпел там большие «протори». Между тем Василию кашинскому послали из Москвы рать на помощь против Михаила Александровича, и Василий отправился силою выгонять своего племянника из Твери, но у Михаила Александровича также был могучий покровитель, зять его, литовский ве-

ликий князь Ольгерд, женатый на сестре его Иулиании. Кашинцы и москвичи не взяли Твери, а только успели наделать разорения Тверской волости, как явился Михаил с литовскою помощью. Дядя и стоявший за дядю племянник князь Иеремий уступили во всем Михаилу и целовали крест повиноваться ему, но Иеремий немедленно после того бежал в Москву и умолял московского князя распорядиться тверскими уделами.

Москвичи придумали иным способом расправиться с Михаилом. Митрополит Алексей и великий князь приглашали «любовно» Михаила приехать в Москву на третейский суд. Митрополит уверил его своим пастырским словом в безопасности. Михаил приехал: его взяли под стражу и разлучили с боярами, которых также заточили. Но Москва не воспользовалась этим поступком, а напротив, только повредила себе. Вскоре после того прибыли из Орды татарские послы: неизвестно, требовали ли они освобождения Михаила или же москвичи боялись, что татарам будет неприятен этот поступок: только Михаил был выпущен и, как говорят, его принудили целовать крест на том, чтобы повиноваться московскому князю. Москва тем временем овладела Городком (на реке Старице). Московский князь послал туда князя Иеремия, а вместе с этим князем и своего наместника.

С этих пор Михаил решился во что бы то ни стало отомстить Москве и нанести ей жестокий удар. Он в особенности обвинял митрополита Алексея: «Я всего больше любил

митрополита и доверял ему, говорил Михаил, – а он так посрамил меня и поругался надо мною».

Михаил отправился в Литву к Ольгерду и побудил его идти на Москву. Раздраживши Михаила, москвичи не сообразили, что он может навести на Москву опасного врага, и не приняли никаких мер обороны. В Москве узнали о нашествии Ольгерда только тогда, когда литовский князь уже приближался с войском к границе вместе с братом своим Кей-стутом, племянником Витовтом, разными литовскими князьями, смоленскою ратью и Михаилом тверским. В обычае этого воинственного князя было: не говорить заранее никому, куда собирается идти на войну, совершать походы скорые и нападать внезапно. Князья, подручные Димитрию, не успели по его призыву явиться на защиту Москвы. Оставалось обороняться силами одной московской земли: Димитрий выслал против врага воеводу Димитрия Минина, а Владимир Андреевич – Акинфа Шубу. Литовцы на пути своем жгли, грабили селения, истребляли людей; высланная московская рать была ими разбита в прах, 21 декабря 1368 года на реке Тростне воеводы пали в битве. «Где есть великий князь со своею силою?» – спрашивал Ольгерд пленных. Все в один голос давали такой ответ: «Князь в городе своем Москве, а рати не успели собраться к нему». Ольгерд поспешил прямо к Москве. Великий князь Димитрий, князь Владимир Андреевич, митрополит, бояре со множеством народа заперлись в Кремле, который был только что перед тем

укреплен каменной стеною. Москвичи сами сожгли посад около Кремля. Ольгерд три дня и три ночи простоял под стенами Кремля. Взять его приступом было трудно, а морить осажденных голодом Ольгерд не решался, так как зимою стоять долгое время в открытом поле было бы слишком тяжело для осаждающих; притом же на выручку Москве могли подоспеть рати подручных князей. Ольгерд приказал сжечь кругом Москвы все, что еще не было сожжено самими русскими. Тогда, кроме посада, обнесенного дубовою стеною, за пределами этого посада было поселение, носившее название Загородье, а за Москвою-рекою другое, называемое Заречье. Литовцы сожгли все, не щадя ни церквей, ни монастырей; возвращаясь назад, они разоряли Московскую волость, жгли строения, грабили имущества, забирали скот, убивали или гнали в плен тех людей, которые не успевали спастись от них в леса. По известию современника, Москва потерпела от Ольгерда такое бедствие, какого не испытывала со времени нашествия Батыя. Таковы были последствия неловкой московской политики: хотя москвичи и действовали в духе, указанном Калитою, но способами до крайности неудачными; думая сломить силу опасного тверского князя, они сделали его еще опаснее для себя и легкомысленно навлекли на свою землю беду от нового врага, который, до этого времени постоянно занятый другими войнами и делами собственной страны, не делал никаких покушений на московскую землю. Этим дело не окончилось. Москва за разорение, нанесен-

ное ей литовцами, хотела вознаградить себя разорением земель: тверской и смоленской. Сначала москвичи и с ними волочане (то есть Волока-Ламского) пограбили Смоленскую волость в отмщение за то, что смольняне ходили с литовцами на Москву; а потом великий князь московский послал объявить войну тверскому. Михаил Александрович тотчас убежал в Литву. Московская рать два раза вступала в тверскую землю, разоряла села и волости, взяла, под начальством самого Димитрия, Зубцов и Микулин. Москвичи погнали тогда из тверской земли множество пленных и скота в свою разоренную литовцами землю. Пленные из тверской земли заменяли в московской земле тех людей, которых угнали литовцы в свою сторону. Тверичи были «смирены до зела», по выражению летописца.

Ольгерд на этот раз не мог дать скорой помощи шурину, потому что занят был войной с Орденом. Михаил тверской, услышавши о бедствии своей земли, сильно опечалился и принял намерение, вероятно, с согласия Ольгерда, иным путем отмстить своему врагу. Он отправился в Орду и без труда выхлопотал себе там великокняжеское достоинство от Мамант-Салтана, хана, посаженного Мамаем, но об этом узнали в Москве и поставили заставы, чтобы изловить Михаила на возвратном пути. К счастью, у Михаила были доброжелатели в Москве; они дали ему знать, и он опять пробрался в Литву. По усиленной просьбе жены своей, Ольгерд решился наконец помогать ее брату. Он двинулся на мос-

ковскую землю с братом Кейстутом, литовскими князьями, Святославом смоленским и Михаилом тверским. Простояв несколько дней у Волока и не взявши его, литовцы пришли к Москве 6 декабря 1370 года. Димитрий заперся в Кремле, но Владимир Андреевич, собрав свою рать, стоял в Перемышле. С ним были заодно рати: рязанская и пронская. Литовцы пожгли часть только что возобновленного посада и окрестные села, но, простояв 8 дней под Кремлем, Ольгерд заключил с московским князем перемирие до Петрова дня; он хотел даже вечного мира и предлагал родственный союз, обещая выдать дочь свою Елену за князя Владимира Андреевича. Но дело на этот раз пока ограничилось одним перемирием. В этот год была необыкновенно теплая зима, преждевременно наступила оттепель и распустились реки; пути испортились: отступать было трудно; а между тем на Ольгерда русские готовились ударить с тыла. Кроме того, Ольгерда торопили домой дела с немецким Орденом. Все эти обстоятельства побудили его оставить дело Михаила.

Лишенный помощи зятя, тверской князь опять отправился в Орду. На этот раз ему предлагали там татарское войско, но он не решился подвергать русские земли разорению, соображая, что в таком случае возбудит к себе всеобщую ненависть русских. Михаил думал, что достаточно будет одного ханского посла с ярлыком, повелевающим русским признавать Михаила великим князем, но Орда до того ослабела от внутренних междоусобий, что ее уже не боялись,

как прежде, и Димитрий московский приводил к присяге владимирцев и жителей других городов сохранять ему верность, не обращая внимания на татарские ярлыки, повелевающие повиноваться тверскому князю; сам Димитрий стал с войском в Переяславле вместе с Владимиром Андреевичем. Михаил с ханским послом Сарыходжою прибыл к городу Владимиру; владимирцы не пустили их. Сарыходжа звал Димитрия во Владимир слушать ярлык; Димитрий отвечал ему так: «К ярлыку не еду, на великое княжение не пущу, а тебе, послу цареву, путь чист». Вместе с тем он послал дары Сарыходже. Сарыходжа оставил Михаила и поехал в Москву. Его приняли там с таким почетом и так щедро одарили, что он совершенно перешел на сторону Димитрия, уговорил его ехать к Мамаю и обещал ходатайствовать за него.

Михаил с досады разорил Мологу, Углич, Бежицкий-Верх и вернулся в Тверь, а в Орду выслал сына своего Ивана. Тогда, по общему совету с митрополитом и боярами, Димитрий сам отправился вместе с Андреем ростовским и московскими боярами и слугами искать милости Мамаю. Митрополит Алексей проводил его до Оки и благословил на путь. Несмотря на то, что Димитрий уже раздражал Мамаю, еще нетрудно было приобрести его благосклонность, потому что Мамай был милостив к тому, кто давал ему больше. Димитрий привез ему обильные дары; притом же Сарыходжа настаивал его в пользу Димитрия. Москва, несмотря на разорение, нанесенное Ольгердом, была все еще очень богата

в сравнении с прочими русскими землями; сборы ханских выходов обогащали ее казну. Димитрий не только имел возможность подкупить Мамай, но даже выкупил за 10000 рублей серебра²⁹ Ивана, сына Михайлова, удержанного в Орде за долг, и взял его себе в заложники в Москву: там этот князь находился в неволе на митрополичьем дворе до выкупа. Димитрий получил от хана ярлык на княжение, и даже Мамай сделал ему такую уступку, что положил брать дань в меньшем размере, чем платилось при Узбеке и Чанибеке; а Михаилу Мамай послал сказать так: «Мы дали тебе великое княжение; мы давали рать и силу, чтобы посадить тебя на великом княжении; а ты рати и силы нашей не взял, говорил, что своею силою сядешь на великом княжении; сиди теперь с кем любо, а от нас помощи не ищи!»

Михаил снова обратился в Литву. На Ольгерда была, по видимому, надежда плоха: во время поездки Димитрия в Орду прибыли в Москву послы Ольгердовы и обручили с Владимиром Андреевичем Ольгердову дочь Елену, а следующей зимою совершилась их свадьба. Зато Михаил уговорил Кейстута, сына его Витовта, Андрея Ольгердовича полоцкого и других литовских князей идти с ним на московскую землю. Димитрий в это время расправлялся с Олегом рязанским, вероятно, благопритествовавшим Михаилу. Этот князь не менее тверского питал родовую неприязнь к московскому княжескому роду, преемственно переходив-

²⁹ Тогдашний рубль приблизительно равнялся гривне, т.е. полуфунту серебра.

шую от прадеда, некогда задушенного в Москве Юрием Даниловичем. Рязанцы ненавидели москвичей за их надменность и высокомерное обхождение с русскими других земель. Москвичи называли их «полуумными людищами»; рязанцы обзывали москвичей «трусами» и говорили, что «против них надо брать на войну не оружие, а веревки, чтоб вязать их». Олег потерпел поражение при Скорнищеве; Димитрий овладел Рязанью и отдал ее князю Владимиру пронскому в надежде, что новый князь будет ему повиноваться, но от этого не произошло никакой пользы для Москвы: Димитрий должен был обратиться на Михаила, который приближался с литовскою ратью, а Олег, воспользовавшись этим обстоятельством, выгнал пронского князя и стал по-прежнему княжить в Рязани.

Весной 1372 года Михаил с литовцами захватил по дороге у новгородцев Торжок, посадил там своего наместника, а потом ворвался в московскую землю, покушался взять Переяславль, но был отбит, взявши, однако, Дмитров. Литовцы сожгли много селений, наловили пленников... Тем дело кончилось.

Михаил возвратился в тверскую землю и принудил кашинского князя действовать с ним заодно, потом двинулся на Торжок, узнавши, что новгородцы выгнали оттуда его наместников, которых он там только что посадил. Его союзники литовцы не слишком дружелюбно обращались с тверской землей, когда проходили через нее: Михаил должен был все

терпеть и спешил только скорее вывести их из своих владений в новоторжскую волость.

У новгородцев были с Михаилом давние недоразумения. Тверские бояре покупали земли в новгородской земле, а тверской князь, считая себя господином над этими боярами, показывал притязания на их владения, несмотря на то, что они находились в черте Новгородской волости. Новгород долго и напрасно добивался прекращения этих злоупотреблений. Кроме того, когда Михаил собирался искать великого княжения в Орде, новгородцы, недовольные Москвою, обещали признать его великим князем, если его утвердит хан, но теперь не хотели знать его, когда услышали, что великим князем остается Димитрий. По этим-то поводам Михаил захватил Торжок. Когда до него дошла весть, что новгородцы не только выгнали его наместников, но и пограбили тверских купцов, Михаил сильно озлобился на Новгород и, оставив войну с Москвою, устремил все свои силы против новгородцев. 31 мая 1372 года он подошел к Торжку, требовал выдать тех, которые ограбили тверских купцов, и принять вновь его наместников. Начальствовал в Торжке новгородский воевода Александр Абакумович, удалой предводитель ушкуйников³⁰; он отказал Михаилу наотрез, вышел в битву против него и пал в ней со многими товарищами. Новгородцы покинули Торжок и бежали в Новгород, а тверичи и

³⁰ Ушкуйники были удалые новгородские молодцы, ездившие разбойничать по Каме и Волге.

литовцы в это время успели зажечь посад. Случилась буря, множество новоторжцев погибло в пламени, другие бросались в воду, а тех, которые попадались в плен неприятелю, убивали и мучили с особенным поруганием. «Тверичи, – говорит летописец, – обнажали честных женщин и девиц и заставляли их от стыда бросаться в воду». Тогда ограбили и сожгли все церкви, и весь Торжок был стерт с лица земли. Варварски мстил Михаил новгородцам, но зато нажил себе в них опасных мстителей на будущее время.

Михаил возвратился с добычею в Тверь, должен был дожидаться прихода Димитрия и опять умолял Ольгерда о помощи. Сестра его еще раз уговорила мужа заступиться за брата, несмотря на родство его с московским князем, тем более, что выданная за Владимира Андреевича Елена была дочь Ольгерда от первого брака. Ольгерд пошел с войском на Москву летом 1373 года. Этим походом он временно остановил поход Димитрия на Тверь. Михаил присоединился к Ольгерду. Москвичи на этот раз не были так оплошны, как прежде, и не допустили врагов к Москве. Они встретили Ольгерда у Любутска (близ Калуги). Обе рати долго простояли по обеим сторонам крутого оврага, но битвы между ними не произошло. Великие князья московский и литовский заключили перемирие. Димитрий обязался не беспокоить Михаила в Твери, а Михаил не должен был искать великого княжения, обязался возвратить все похищенное в земле Димитрия и вывести оттуда своих наместников, а если твер-

ской князь не выполнит своих обещаний и если на него окажется какая-нибудь жалоба в Орде, то Ольгерд не будет за него заступаться.

Михаил, лишившись в другой раз помощи Ольгерда, по-видимому, не мог уже скоро надеяться на нее; а все-таки он не оставил своей борьбы с Москвою. Случилось, что люди, пришедшие из Москвы, сами подстрекали его. В Москве умер последний тысяцкий Василий Вельяминов. Великий князь решился упразднить этот важный древний сан веча-вой Руси. Тысяцкий выбирался землею мимо князя, пред-водительствовал земскою ратью, был представителем зем-ской силы, опорюю вечаевого строя. Эта старинная должность с ее правами стояла вразрез с самовластными стремлениями князей; она также не по сердцу была и боярам, которые окру-жали князя, хотели быть его единственными советниками и разделять с ним управление землею, не обращаясь к воле на-родной громады. У последнего тысяцкого остался старший сын Иван, недовольный новыми распоряжениями. С ним за-одно был богатый купец Некомат, торговавший так называ-емым суровским товаром (то есть дорогим, красным). Они оба убежали в Тверь к Михаилу и побуждали его опять до-биваться великого княжения. Михаил препоручил им же вы-хлопотать для него новый ярлык в Орде, а сам уехал в Литву, пытаясь все-таки найти там себе пособие. Из Литвы Михаил скоро вернулся с одними обещаниями, но 14 июля 1375 го-да Некомат привез ему ярлык на великокняжеское достоин-

ство, и Михаил, не думая долго, послал объявить войну Дмитрию. Он надеялся сокрушить московского князя силами Орды и Литвы и обманулся жестоко.

За Дмитрия, кроме сил Московской и Владимирской волостей, ополчились подручные Москве князя, обязанные помогать ей на войне. Его тесть, князь суздальский, с братьями и детьми вел рати суздальские, нижегородские и городецкие, шли князя: ростовские, ярославские: кроме того, к Москве пристали тогда князя: смоленский и южные, из древней земли вятичей, – новосильский, оболенский, тарусский. Последние не хотели подчиняться власти литовской и потому добровольно признали над собою первенство Москвы и вступили в число ее подручников. Были еще в этом ополчении и князя только по имени, называвшиеся именами бывших уделов, так как их уделы находились в руках других князей, поставленных Ольгердом: так, например, стародубский и брянский; а иные, как белозерский и моложский, не были уже владетелями своих уделов, непосредственно присоединенных к Москве, и находились на службе у великого московского князя: эта участь впоследствии постигла безразлично и всех удельных князей. Наконец, за Дмитрия был тогда Новгород, с радостью увидевший возможность отомстить Михаилу за разорение Торжка. Новгородцы так горячо бросились помогать Москве, что на призыв Дмитрия в три дня собрали свою рать. Русские князя, как и вообще русские люди в то время, негодовали на тверского кня-

зя за то, что он поднимает смуту, призывает на Русь литовцев и, главное, возбуждает Мамаю; уже тогда на Руси созрело сознание, что приходит пора не кланяться татарам, а померяться с ними силами. «Мамай дышит яростью на всех нас, – говорили тогда. – Если мы спустим тверскому князю, то он, соединившись с Мамаем, наделает нам беды».

В августе 1375 года Димитрий с союзниками вступил в тверскую землю, взял Микулин, осадил Тверь. Он простоял там четыре недели, а между тем его воины жгли в Тверской области селения, травили на полях хлеб, убивали людей или гнали их в плен. Михаил, не дождавшись ниоткуда помощи, выслал владыку Евфимия к Димитрию просить мира. Казалось, пришла самая благоприятная минута покончить навсегда тяжелую и разорительную борьбу с непримиримым врагом, уничтожить тверское княжение, присоединить тверскую землю непосредственно к Москве и тем самым обеспечить с этой стороны внутреннее спокойствие Руси. Но Димитрий удовольствовался вынужденным смирением врага, который в крайней беде готов был согласиться на какой угодно унижительный договор, лишь бы оставалась возможность его нарушить в будущем. Михаил обязался за себя и своих наследников находиться в таких отношениях к Москве, в каких был Владимир Андреевич, считать московского князя старейшим, ходить на войну или посылать своих воевод по приказанию московского князя, не искать и не принимать от хана великокняжеского достоинства, отречься от союза с

Ольгердом и не помогать ему, если он пойдет на смоленского князя за его участие в войне против Твери. Михаил обязывался не вступаться в дела кашинской земли, и, таким образом, тверская земля разделялась с этих пор на две независимые половины, и власть Михаила Александровича простиралась только на одну из этих половин. В удовлетворение Новгороду, тверского князя обязали возвратить церковное и частное имущество, пограбленное в Торжке, и освободить всех новгородских людей, которых он закабалил себе посредством грамот. Михаил обязался возвратить Новгороду все земли, купленные его боярами, и все товары, когда-либо захваченные у новгородских гостей. Наконец, что всего важнее в этом договоре, постановлено было по отношению к татарам, что если решено будет жить с ними в мире и давать им выход, то и Михаил должен давать, а если татары пойдут на Москву или на Тверь, то обеим сторонам быть заодно против них; если же московский князь сам захочет идти против татар, то и тверской должен идти вместе с московским. Таким образом, Москва, возвысившись прежде исключительно татарскою силою, теперь уже имела настолько собственной силы, что обязывала князей других земель повиноваться ей и в войне против самих татар.

Несчастные беглецы, подстрекнувшие Михаила на новую борьбу с Димитрием, были, по договору, преданы Михаилом на произвол судьбы. Всем другим боярам и слугам обещанных земель предоставлялся вольный отъезд, и князья не долж-

ны были «вступаться» в их села, а имения Ивана и Некомата предоставлялись без изъятия московскому князю. Через несколько лет после того их самих заманили хитростью и привезли в Москву. Там, на Кучковом поле (где теперь Сретенский монастырь), 30-го августа 1379 года над ними была совершена публичная смертная казнь, насколько известно – первая в Москве. Народ с грустью смотрел на смерть Ивана, красивого молодца; вместе с головой Ивана отсекались для него все заветные предания старинной вечевой свободы. Казнь его, однако, не помешала братьям его служить Дмитрию и воеводствовать у него.

Усмирение тверского князя раздражило Ольгерда, но не против Дмитрия, а против смоленского князя, за то, что последний, которого он считал уже своим подручником, участвовал в войне против Михаила. Ольгерд опустошил в отмщение смоленскую землю и взял много людей в плен. Гораздо сильнее раздражился за Тверь Мамай и притом на всех вообще русских князей: он видел явное пренебрежение к своей власти; его последний ярлык, данный Михаилу, был поставлен русскими ни во что. Тогда один татарский отряд напал на нижегородскую землю, объявляя ей наказание за то, что рать ее ходила на тверскую землю; другой отряд за то же самое опустошил землю новосильскую. Вслед за тем, в 1377 году, татарский царевич Арапша из Мамаевой Орды сделал опять нападение на нижегородскую землю. Соединенная суздальская и московская рать по собственной оплош-

ности была разбита у реки Пьяны, и последствием этого поражения было взятие и разорение Нижнего Новгорода. Наконец, в 1378 году Мамай послал мурзу Бегича на великого князя. Ополчение его шло через рязанскую землю. Великий князь предупредил Бегича, перешедши Оку, вступил в рязанскую землю; здесь, на берегах реки Вожи, 11-го августа, татары были разбиты наголову.

Здесь сподвижником Дмитрия явился Ольгердов сын Андрей. Ольгерда уже не было в живых. Воинственный князь не только принял христианство, но перед смертью постригся в монахи и умер, как говорят, схимником. Андрей Ольгердович не поладил с преемником отца, своим единокровным братом Ягеллом, и бежал в Псков, где был посажен князем, а потом со псковичами служил Москве против татар. После вожской битвы этот князь, вместе с Владимиром Андреевичем и с воеводою (называемым в летописях иногда и князем) Дмитрием Михайловичем Боброком, волынцем, взяли бывшие под властью Литвы города Трубчевск и Стародуб в северской земле с их волостями. Брат Андрея, князь Дмитрий Ольгердович, княживший в Брянске и Трубчевске, также недовольный Ягеллом, отдался добровольно под руку великого князя, который дал ему Переяславль-Залесский со всеми пошлинами, т.е. доходами княжескими. Эти враждебные отношения к Литве вызвали со стороны преемника Ольгердова Ягелла вражду против Москвы и заставили его войти в союз против нее с Мамаем.

После вожской битвы Мамай прежде всего подвергнул каре рязанскую землю, за то, что поражение татар произошло в рязанской земле. Татарские полчища ворвались туда, разорили много сел, угнали в плен много людей и сожгли Переяславль рязанский. Олег не успел собрать своих сил и убежал, а потом, чтобы не подвергать вновь опасности своей волости, поехал к хану, поклонился ему и обещал верно служить Мамаю против Москвы.

Мамай перестал уже возводить на престол призрачных ханов для того, чтоб управлять под их именем: сам он назвался ханом. Димитрий не повиновался ему: русские оказывали явное пренебрежение к татарскому могуществу: это раздражало Мамаю до крайности. Он замыслил проучить непокорных рабов, напомнить им батыевщину, поставить Русь в такое положение, чтоб она долго не посмела помышлять об освобождении от власти ханов. Мамай собрал всю силу Волжской Орды, нанял хивинцев, буртасов, ясов, вошел в союз с генуэзцами, основавшими свои поселения на Черном море, и заключил с литовским князем Ягеллом договор заодно напасть на московского великого князя. И Олег рязанский посылал от себя своего боярина к Ягеллу, совещался о том, чтобы литовский князь прибыл в срок на Дон для соединения с Мамаем: но в то же время Олег рязанский посылал известить Димитрия о замыслах Мамаю и Ягелла. Димитрию уже прежде было известно об этих замыслах. Когда Мамай, летом 1380 года заложив свой стан при устье реки Вороне-

жа, назначал там сборное место для своих полчищ и ждал Ягелла, Димитрий собирал подручных князей на общее дело защиты Руси. Желание разделаться с поработителями настолько уже созрело и овладело народными чувствами русского народа, что московскому князю не предстояло необходимости ждать ратных и понуждать к скорейшему прибытию. Кроме тверского князя, непримиримого врага Москвы, да кроме Олега, который поневоле должен был держаться Мамаю из расчета спасти свою землю, все русские князья и все русские земли охотно готовы были участвовать в предстоявшей борьбе русского народа с татарами. С Димитрием были силы земли московской, владимирской, суздальской, ростовской, нижегородской, белозерской, муромской, псковичи со своим князем Андреем Ольгердовичем, брянцы с братом Андрея Димитрием Ольгердовичем. Летопись говорит, что у Димитрия набралось тогда 150000 воинов. Если это число и преувеличено, то все-таки ополчение, готовое выступить против Мамаю, было, вероятно, очень велико, как можно судить по всеобщему сочувствию русских к этому делу.

Митрополита Алексия уже не было в живых. Он скончался в 1378 году. Этот архипастырь, главнейший советник Димитрия, во все время своего первосвященства употреблял свою духовную власть для возвышения Москвы и служил ее интересам. Такой образ действий навлек на него врагов: После задержания Михаила Александровича в Москве твер-

ской князь жаловался на коварство Алексия цареградскому патриарху Каллисту и требовал над ним соборною суда. Со своей стороны, Ольгерд жаловался тому же патриарху, что Алексей, посвятив себя исключительно Москве, не хочет во все знать ни Киева, ни всего литовского княжества. Патриарх требовал Алексия к себе на суд, но вместе с тем советовал ему, для избежания такого суда, помириться с Михаилом и с Ольгердом. «Мы, – писал он Алексию, – рукоположили тебя митрополитом всей Руси, а не одной какой-нибудь ее части». Митрополит не обращал внимания на эти убеждения. После смерти Каллиста такие же жалобы на Алексия обращались и преемнику Каллиста патриарху Филофею. Ольгерд, между прочим, обвинял митрополита в том, что он разрешает от крестного целования тех, которые убегают из Литвы в Москву, наоборот, предает проклятию тех, которые не хотят служить московскому князю и благословляет последнего на кровопролитие. Филофей и писал к Алексию увещания, и требовал его на суд: все было напрасно. Алексей твердо служил московским видам, не хотел посещать ни Киева, ни литовских владений, наконец, по просьбе Ольгерда, в 1376 году патриарх посвятил в сан киевского митрополита серба Киприана, который еще прежде, будучи послан от патриарха для проверки жалоб на Алексия, заявил себя недоброжелателем последнему. Новый митрополит покушался было оторвать Новгород от власти Алексия, но это не удалось ему: новгородцы сказали, что они то-

гда признают митрополитом Киприана, когда его признает великий князь московский. Киприан жил в Киеве, управлял церковью в областях, подчиненных литовскому великому князю, а по смерти Алексея попытался было приехать в Москву, но Димитрий прогнал его. Великий князь представил для рукоположения в митрополиты природного москвича, давнего своего любимца архимандрита Михаила, известного под именем «Митяя». Московскому князю не хотелось иметь в Москве иных первосвященителей, кроме таких, каких само московское правительство будет представлять патриарху для посвящения. Но тогдашнее московское духовенство не терпело Митяя; сам преподобный Сергей не благоволил к нему; несмотря, однако, на это, все-таки Димитрий отправил Митяя в Цареград в полной надежде на успех, потому что преемник Филофея патриарх Макарий не терпел Киприана и готов был исполнить желание московского великого князя. Таким образом, в то время, когда приходилось Димитрию идти на войну, Москва оставалась без митрополита: и это обстоятельство лишало предпринимаемый поход обычного первосвященительского благословения; но Димитрий обратился за благословением к преподобному Сергию, хотя и был с ним в размолвке по поводу Митяя. Сергей пользовался всеобщим уважением; его молитвам приписывали большую силу; за ним признавали дар пророчества. Сергей не только ободрил Димитрия, но и предсказал ему победу. Такое предсказание, сделавшись известным, сильно возбудило в войске

отвагу и надежду на победу.

Димитрий выступил из Москвы в Коломну в августе; русские силы отовсюду приставали к нему. В это время пришли к нему послы от Мамая с требованием «выхода» в том раз-
мере, в каком русские платили дань при Узбеке и Чанибеке, но Димитрий отвечал, что он готов дать только такую дань, какую постановил в свою последнюю поездку в Орду. 20 августа коломенский епископ Герасим благословил Димитрия идти против «окаянного сыроядца Мамая, нечестивого Ягелла и отступника Олега», и Димитрий двинулся из Коломны на устье Лопастны; здесь пристали к нему Владимир Андреевич и остальные отряды московского ополчения. 26 и 27 августа русские перевезлись через Оку и пошли по рязанской земле к Дону. На пути прискакал к Димитрию гонец от преподобного Сергия с благословенной грамотой: «Иди, господин, – писал Сергий, – иди вперед. Бог и Св. Троица поможет тебе!»

6 сентября русские увидели Дон. Мамай уже шел от Воронежа навстречу русской рати. Все русские полки с своими князьями и воеводами выстроились в боевом порядке, в своих местных одеждах. Тогда князья, бояре и воеводы стали держать совет. Одни говорили: «Перейдем через Дон», другие: «Не ходи, князь, враг силен; с татарами литва и рязанцы». Больше всех побуждали русских идти вперед литовские князья Андрей и Димитрий Ольгердовичи. «Если, – говорили они, – останемся здесь, то слабо будет войско русское, а

перейдем через Дон, так все будут биться мужественно, не надеясь спастись бегством: одолеем татар – будет тебе, князь, и всем слава, а если они перебьют нас, то все умрем одною смертью!» Димитрий согласился с ними. 7 сентября он приказал наскоро мостить мосты через Дон и искать броду, а 8-го в субботу на заре русские уже были на другой стороне реки и при солнечном восходе двигались стройно вперед к устью реки Непрядвы.

День был пасмурный; густой туман расстился по полям, но часу в десятом стало ясно. Около полудня показалось несметное татарское полчище. Сторожевые (передовые) полки русских и татар сцепились между собою, и сам Димитрий выехал вместе со своею дружиной «на первый суйм» открывать битву. По старинному прадедовскому обычаю следовало, чтобы князь, как предводитель, собственным примером возбуждал в воинах отвагу. Побившись недолго с татарами, Димитрий вернулся назад устраивать полки к битве. В первом часу началась сеча, какой, по выражению летописца, не бывало на Руси. На десять верст огромное Куликово поле было покрыто воинами. Кровь лилась, как дождевые потоки; все смешалось; битва обратилась в рукопашную схватку, труп валялся на труп, тело русское на татарское, татарское на русское; там татарин гнался за русским, там русский за татариним. В московской рати было много небывалых в бою; на них нашел страх и пустились они в бегство. Татары со страшным криком ринулись за ними и били их наповал.

Дело русских казалось проигранным, но к трем часам пополудни все изменилось.

В дубраве на западной стороне поля стоял избранный русский отряд, отъехавший туда заранее для засады. Им предводительствовали князь Владимир Андреевич и волынец Дмитрий Михайлович Боброк, приехавший из литовских областей служить Москве. Увидевши, что русские пустились бежать, а татары погнались за ними, Владимир Андреевич порывался ударить на врагов, но рассудительный Боброк удержал его до тех пор, пока татарская рать, стремившись в погоню за русскими, не повернулась к ним окончательно тылом. Тогда, на счастье русским, ветер, дувши до того времени в лицо сидевшим в засаде, изменил свое направление. «Вот теперь час пришел, господин князь, – сказал Боброк, – подвизайтесь, отцы и братья, дети и друзья». Весь отряд стремительно бросился на татар, которые никак не ожидали нападения сзади.³¹ Бегущие русские ободрились и бро-

³¹ Известие о засаде взято из повести о Мамаевом побоище, которая существует во множестве отдельных списков и также вошла целиком в никоновский свод летописи. Повесть эта включает в себе множество явных выдумок, анахронизмов, равным образом и преданий, образовавшихся в народном воображении о Куликовской битве уже позже. Эта повесть вообще в своем составе никак не может считаться достоверным источником, но известие о засаде мы считаем себя вправе признавать достоверным не только по своему правдоподобию, но по сообразию с рассказом в старейших списках летописи. В последних, так же как и в повести, говорится, что русские обратились в бегство и татары гнались за ними, а потом в девятом часу дня (т.е. в третьем или в три часа по нашему времени-исчислению) дело изменилось внезапно, и, неизвестно по какой причине, татары в свою очередь обратились в бегство. Летописец приписывает такую переме-

сились на татар. Тогда в свою очередь на полчище Мамай нашел панический страх. Поражаемые с двух сторон татары бросали свое оружие, покинули свой стан, обоз и бежали опрометью. Множество их перетонуло в реке. Бежал сам тучный Мамай, бежали все его князья. Русские гнали татар верст на тридцать до реки Красивой Мечи.

Победа была совершенная, но за то много князей, бояр и простых воинов пало на поле битвы.³² Сам великий князь хотя не был ранен, когда открывал битву с татарами «на первом суйме», но доспех на нем был помят.³³ Похоронивши своих

ну заступничеству Ангелов с Архистратигом Михаилом и Св. воинам: Георгию, Димитрию, Борису и Глебу. Рассматривая события с земной точки зрения, мы невольно должны прийти к такому заключению, что подобная перемена обстоятельств могла всего скорее произойти от движения русских в тыл неприятеля, и, таким образом, известие о засаде дополняет для нас то, о чем мы и без того должны были догадываться, тем более, что в описании самой битвы по старейшим спискам ничего не говорится о действиях Владимира Андреевича, тогда как и по предыдущим событиям мы знаем, что он был храбрейший из тогдашних князей.

³² Князь Феодор Романович белозерский и сын его Иван, князь Феодор тарусский, брат его Мстислав, князь Димитрий Монастырев, Семен Михайлович Миккула, сын Василья тысяцкого, Михайло, Иван, сыны Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич (другой сын тысяцкого), Акатьевичи, называемые Волуи, Михайло Бренок, Лев Морозов, Семен Мелисов, Дмитрий Минич, Александр Пересвет, бывший прежде боярин брянский, и многие другие.

³³ В «Повести о Мамаевом побоище» рассказывается, будто Димитрий еще пред битвою надел свою княжескую «подволоку» (мантию) на своего любимца Михаила Бренка, сам же в одежде простого воина замешался в толпе, а впоследствии, когда Бренок в великокняжеской одежде был убит и битва кончилась, Димитрий был найден лежащим в дубраве под срубленным деревом, покрытый его ветвями, едва дышавший, но без ран. Такое перереживание могло быть только

убитых, великий князь со своим ополчением не преследовал более разбитого врага, а вернулся с торжеством в Москву и хотел немедленно послать войско в рязанскую землю, чтобы разорить ее за измену Олега; но рязанцы приехали к нему с поклоном, извещали, что князь их бежал, и изъявляли желание быть в послушании у московского князя. Димитрий отправил к ним своих наместников.

Мамай, бежавши в свои степи, столкнулся там с новым врагом: то был Тохтамыш, хан заяицкой Орды, потомок Батыева. Он шел отнимать у Мамаева престол Волжской Орды, как похищенное достояние батыевых потомков. Союзник Мамаева Ягелло, не поспевши впору помогать ему против Димитрия, услышал о куликовском поражении, поспешно вернулся в Литву и оставил Мамаева на произвол судьбы. Тохтамыш

из трусости, с целью подставить на место себя другого, во избежание опасности, грозившей великому князю, которого черное знамя и особая одежда издали отличали от других: естественно, врагам было всего желательнее убить его, чтобы лишить войско главного предводителя. Если принимать это сказание, то надобно будет допустить, что Димитрий перерядился в простого воина под предлогом биться с татарами зауряд с другими, а на самом деле для того, чтобы скрыться от битвы в лесу. Судя по поведению Димитрия во время случившегося позже нашествия татар на Москву, можно было бы допустить вероятность такого рассказа: но следует обратить внимание на то, что в той повести говорится, что русские гнали татар до реки Мечи и начали искать великого князя уже возвратившись с погони. Искали его долго, наконец нашли лежащим под ветвями срубленного дерева. От места побоища до реки Мечи верст тридцать с лишком: неужели, пока русские гнали татар до Мечи и возвращались оттуда (вероятно, возвращались они медленно вследствие усталости и обремененные добычей), Димитрий, не будучи раненым, все это время пролежал под «срубленным деревом»? Очевидная нелепость!

разбил Мамай на берегах Калки и объявил себя владельцем Волжской Орды. Мамай бежал в Кафу (нынешняя Феодосия на восточном берегу Крыма) и там был убит генуэзцами.

Тохтамыш, воцарившись в Сарае, отправил дружелюбное посольство к Димитрию объявить, что общего врага их нет более и что он, Тохтамыш, теперь владыка Кипчакской Орды и всех подвластных ей стран. Димитрий отпустил этих послов с большою честью и дарами; но не изъявлял знаков рабской покорности. На другой год Тохтамыш отправил ко всем русским князьям царевича Акхозя с требованием покорности и дани; Акхозя, доехавши до Нижнего, не посмел ехать в Москву. Это показывает, что в Москве считали дело с Ордою поконченным и не боялись ее, но между тем там по сокрушении Мамай не брали никаких мер ни к дальнейшему истреблению, ни даже к собственной обороне.

В следующем 1382 году Тохтамыш двинулся наказывать Русь за попытку освободиться от татар. Он начал с того, что послал слуг своих в Болгары, приказал ограбить там русских купцов и задержать, чтобы они не дали вести в Москву, а суда их привезти к себе на перевоз. Переправившись через Волгу, Тохтамыш намеревался сделать такой быстрый набег, чтобы захватить Москву врасплох; по всему видно, он принял в соображение оплошность русских, слишком возгордившихся своими победами. Путь татар шел к рязанской земле; князь суздальский, чтобы избавить свою нижегородскую землю от разорения, отправил к Тохтамышу двух сыно-

вей своих Василия и Семена изъявить покорность; но Тохтамыш не позволял своим татарам тратить время на обычные разорения по пути и так спешил, что нижегородские князья с трудом успели догнать его. На границах рязанской земли встретил Тохтамыша рязанский князь Олег, бил ему челом и изъявлял готовность вести татарское войско, указывать ему пути и переправы: он уверял, что есть полная возможность взять Москву и захватить в ней Дмитрия. Ставши проводником у татар, Олег намеренно повел их так, чтобы миновать рязанскую землю; он навел их на Серпухов, который был истреблен.

Весть о походе Тохтамыша, однако, хотя поздно, но все-таки дошла к Дмитрию прежде, чем татары приблизились к Москве. Дмитрий с воеводами и ратью выехал из столицы, соединился с некоторыми князьями и совещался, как им отражать врага.

Внезапность нашествия произвела такое впечатление, что князья, воеводы и бояре совсем потеряли голову. Между ними началась рознь, взаимное недоверие; великий князь убоялся идти навстречу хану, поворотил назад и, покинув Москву на произвол судьбы, бежал в Переяславль, оттуда в Ростов, а оттуда в Кострому.

Отправленный Дмитрием в Царьград для посвящения в митрополиты, Митяй утонул на пути, а один из его спутников Пимен, составив подложную грамоту от имени великого князя, был посвящен цареградским патриархом, но по при-

бытию в Москву подвергся гневу Димитрия и был сослан в Чухлому. Тогда великий князь пригласил в Москву Киприана и признал его первосвященником: это было в 1381 году. Теперь, во время нашествия татар, этот митрополит оставался в Москве. Киприан был чужеземцем, не мог иметь на народ такого влияния, какое оказал бы митрополит, русский по происхождению, да и сам Киприан был чужд национальных русских интересов и думал прежде всего о себе. Когда в Москву дошла весть о том, что великий князь убежал, народ пришел в ужас и смятение. Грозный враг не сегодня-завтра должен появиться, а в столице не было ни князя, ни воевод. Одни кричали, что надобно затвориться в Кремле, другие хотели бежать. Зазвонили во все колокола на вече. Поднялся вопль. Народ кричал: затворять ворота и не пускать никого из города. Митрополит и бояре бросились первые из города: их выпустили, но ограбили; а когда за ними стали убежать другие, то ворота затворили; одни встали у ворот с рогатинами и обнаженными саблями, угрожали бить бегущих, а другие метали на них камни со стен. Наконец это смятение несколько утихомирил приехавший в Москву князь Остей, Ольгердов внук. Он убедил москвичей выпустить часть народа и затворился в Кремле с теми, кто решил остаться; бояре, купцы, суконники и сурожане сносили в Кремль свои товары; кроме москвичей, в город набежал народ из окрестностей: все надеялись на крепость каменных стен и спешили в Кремль со своими пожитками; женщины с детьми толпа-

ми бежали туда же. По позднейшим спискам летописи, сами москвичи сожгли тогда посад около Кремля.

23 августа, в понедельник, подъехали передовые татарские конники к кремлевским стенам. Москвичи смотрели на них со стен. «Здесь ли великий князь Димитрий?» – спрашивали татары. Им отвечали: «Нет». Татары объехали вокруг Кремля, осматривали рвы, стены, бойницы, заборолы, ворота. В городе благочестивые люди молились Богу, наложили на себя пост, каялись во грехах, причащались Св. Тайн, а удалые молодцы вытаскивали из боярских погребов меда, доставали из боярских кладовых дорогие сосуды и напивались из них для бодрости. «Что нам татары, – говорили они во хмелю, – не боимся поганых; у нас город крепок, стены каменные, ворота железные. Недолго простоят под городом! Страх на них найдет с двух сторон: из города мы их будем бить, а сзади князья наши на них устремятся».

Пьяные влезали на стены, кричали на татар, ругали, плевали и всячески оскорбляли их и их царя; а раздраженные татары махали на них саблями, показывая вид, как будут рубить их. Москвичи расхрабрились так, думая, что татар всего столько и пришло, сколько они их видели под стенами. Но к вечеру появилась вся ордынская громада с их царем, и тут многие храбрецы пришли в ужас. Началась перестрелка; стрелы в изобилии летали с обеих сторон, словно дождь. Татарские стрелки были искуснее русских: наездники на своих легких конях скакали взад и вперед, то приближаясь к сте-

нам, то удаляясь от них, на всем скаку пускали стрелы в стоявших на стенах москвичей и не делали промаха; много русских на заборолах падало от стрел татарских. Другие татары тащили лестницы, приставляли к стенам и лезли на стены; москвичи обдавали их кипятком, бросали на них камни, бревна, поражали самострелами. Один москвич, суконник, по имени Адам, заметив татарина, знатного по виду, ударил его из самострела стрелой прямо в сердце. Этот татарин был сыном одного мурзы, любимец хана. Его смерть нанесла большую скорбь Тохтамышу. Три дня повторяли татары свои приступы; граждане упорно отбивали их. Наконец Тохтамыш сообразил, что не взять ему Кремля силой: он решил взять его коварством. На четвертый день в полдень подъехали к стенам знатнейшие мурзы и просили слова. С ними стояли двое сыновей суздальского князя, шурины великого князя. Мурзы сказали: «Царь наш пришел показать своего холопа Димитрия, а он убежал; приказал вам царь сказать, что он не пришел разорять своего улуса, а хочет соблюсти его и ничего от вас не требует, – только выйдите к нему с честью и дарами. Отворите город; царь вас пожалует!» Суздальские князья говорили: «Нам поверьте: мы ваши христианские князья; мы ручаемся за то, что это правда». Москвичи положились на слово русских князей, отворили ворота и вышли мерным ходом; впереди князь Остей, за ним несли дары, потом шли духовные в облачении, с иконами и крестами, а за ними бояре и народ. Татары, дав москвичам вый-

ти из ворот, бросились на них и начали рубить саблями без разбора. Прежде всех пал Остей. Духовные, умирая, выпускали из рук кресты и иконы: татары топтали их ногами. Истребляя кого попало направо и налево, ворвались они в середину Кремля: одни через ворота, другие по лестницам через стены. Несчастные москвичи, мужчины, женщины, дети метались в беспомощности туда и сюда; напрасно думали они избавиться от смерти; множество их искало спасения в церквях, но татары разбивали церковные двери, врывались в храм и истребляли всех от мала до велика. По известию летописца, резня продолжалась до тех пор, пока у татар не утомились плечи, не иступились сабли. Все церковные сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческие товары – все было ограблено. Тогда истреблено множество книг, снесенных со всего города в соборные церкви; вероятно, в это время погибло безвозвратно много памятников древней литературы, которые представили бы нам в гораздо более ясном свете нашу прошедшую духовную жизнь, если бы уцелели до нашего времени. Наконец город был зажжен. Огонь истреблял тех немногих, которые успели избежать татарского меча. Так покаравши Москву, татары отступили от нее.

Страшное зрелище представляла теперь русская столица, недавно еще многолюдная и богатая. Не было в ней ни одной живой души; кучи трупов лежали повсюду на улицах среди обгорелых бревен и пепла, и растворенные церкви были за-

валены телами убитых.

Некому было ни отпевать мертвых, ни оплакивать их, ни звонить по ним.

Татары рассеялись и по другим городам: одни разоряли волости Звенигорода, Юрьева, другие шли к Дмитрову, иные к Волоку и Можайску; полчище татарское зажгло Переяславль: жители, покинувши свой город, спаслись в судах посреди озера. Повсюду татары убивали людей или гнали их толпами в плен. Припомнились давно забытые времена Батые с той разницей, что в батыевщину русские князья умирали со своим народом, а теперь глава Руси сидел запершись в Костроме со своею семьею, другие князья или также прятались, или спешили раболопством получить пощаду у разгневанного владыки. Только один Владимир Андреевич не изменил себе: выехав из Волока, ударил он на татарский отряд, разбил его наголову и взял много пленников. Этот подвиг так подействовал на хана, что он начал отступать назад к рязанской земле, опасаясь, чтобы русские, собравшись с силами, не ударили на него: вот доказательство, что это нашествие не имело бы такого печального исхода для Москвы и всей Руси, если бы русские не были так оплошны и великий князь своим постыдным бегством не предал своего народа на растерзание варварам. Татары, возвращаясь в Орду через рязанскую землю, не пощадили владений своего союзника, разорили их и увели из рязанской земли много пленных. Олег бежал.

Димитрий вместе с Владимиром Андреевичем, прибывши в Москву, тотчас занялся погребением мертвых, чтобы предупредить заразу. Он давал от восьмидесяти погребенных тел по рублю, и пришлось ему заплатить 300 рублей. Этот счет показывает, что в Кремле погибло от татарского меча 24 000 человек, не считая сгоревших и утонувших. Потом мало-помалу начали собираться остатки населения и отстраивать сожженный город. Тогда, за невозможностью мстить татарам, Димитрий обратил мщение на рязанскую землю: московская рать вступила на эту землю и вконец разорила ее без всякого милосердия, хуже татар. Олега в ней не было.

Киприан был вызван из Твери. Он явился 7 октября; великий князь Димитрий укорял митрополита за малодушное бегство, хотя сам был виновен в этом более Киприана. Превенная ненависть великого князя к этому митрополиту возобновилась не столько оттого, что Киприан бежал, как оттого, что он бежал именно в Тверь к заклятому врагу Димитрия. Киприан покинул Москву и уехал в Киев, а Димитрий позвал на русскую митрополию сосланного Пимена; но через несколько месяцев, опять невзлюбивши Пимена, отправил для посвящения в митрополиты епископа суздальского Дионисия и вместе с ним послал просьбу о низложении Пимена. Здесь в первый раз является произвол великого московского князя в духовных делах. Он, как самовластный государь, считает себя вправе выбирать себе по нраву канди-

датов в митрополиты, отправлять в заточение, возводить их на кафедру снова, когда захочет почтить своей милостью, и опять подвергать опале.

Князья русские, напуганные страшною карою под Москвою, один за другим ездили в Орду кланяться хану. Надежда на свободу блеснула для русских на короткое время и была уничтожена малодушием Димитрия. Хан, уходя из Москвы, задержал при себе одного из сыновей суздальского князя Василия, а другого отправил к отцу; он, как видно, не доверял покорности Димитриева тестя и потому счел нужным взять к себе его сына в заложники. Димитрий Константинович, чтобы показать свою покорность, по весне отправил Симеона к хану с поклоном и дарами. Туда же поехал сын Бориса городецкого Иван, а за ним поехал и отец его Борис и выпросил себе нижегородское княжение после скончавшегося в это время Димитрия Константиновича (1383). Затем Михаил Александрович тверской с сыном Александром отправился в Орду окольною дорогою, чтобы не попасться в руки Димитрия: он надеялся вновь выпросить себе великое княжение. Но Димитрий весною отправил к хану своего сына Василия. Василий был удержан в Орде заложником верности и 8000 рублей долга, насчитанного на Димитрия. Московский князь так усердно унижался тогда перед ханом, что Тохтамыш объявил ему свою царскую милость, но в наказание наложил на его владения тяжелую дань в таком большом размере, что со всякой деревни приходилось платить по пол-

тине, а в те времена деревня состояла из двух дворов, а иногда из одного. Городам приходилось давать золото. Но этого было мало: по-прежнему стали шататься на Руси ханские послы и бесчинствовать над жителями. Уступчивость московского князя была причиной, что тверской князь, несмотря на все свои старания, не мог добиться великого княжения. «Я свои улусы знаю сам, – сказал ему хан, – каждый князь русский пусть служит мне по старине, а что мой улусник провинился предо мною, так я его поустрашил, а теперь он мне служит правдою». Тохтамыш никому не хотел давать потачки и не доверял тверскому князю, несмотря на все его поклоны; отпустив его в Тверь, он удержал в Орде его сына Александра. Должно быть, Тохтамыш рассчитывал, что Дмитрий, заявивший себя таким малодушным трусом во время нашествия татарского хана на Москву, управляя разоренною землею, менее представлял опасности, чем предприимчивый и упрямый тверской князь. Через несколько лет (в 1385 году) сын Дмитрия Донского Василий убежал из Орды, пробрался в Молдавию, а оттуда в Литву; но не так удалась попытка Василия, сына суздальского князя: он был пойман татарами, приведен в Орду и там, по выражению летописца, «принял большую истому».

Вражда московского князя с Олегом прекратилась в 1385. Поводом к уступчивости со стороны Дмитрия было то, что Олег, овладев снова рязанскою землею, взял Коломну, и посланная против него московская рать ничего не могла с ним

сделать. Мир был заключен при посредстве преподобного Сергия. В утверждении этого мира, названного «вечным», сын Олега Феодор женился на дочери Димитрия. Летописцы наши постоянно рисуют этого Олега самыми черными красками и наделяют его всякими ругательствами, но рассуждая беспристрастно, мы должны признать, что этот князь был ничем не хуже других. Он скорее был несчастен, чем преступен перед судом истории. Ни одна русская земля в то время не терпела столько разорений, как рязанская. Ее, как мы видели, беспрестанно опустошали то татары, то москвичи. Олегу приходилось избирать из двух зол меньшее. После того, как рязанскую землю разорили татары за поражение при Воже, нанесенное им москвичами, Олег пристал к Мамаю поневоле, потому что иначе, прежде чем бы пришли к нему на помощь русские из других земель, он был бы вынужден с одними силами своей земли выдерживать напор всей Мамаевой Орды. То же повторялось и с Тохтамышем. Заботливость, с какою Олег удалил от своей земли татар во время этого нашествия, показывает его любовь к своим подчиненным. За то рязанцы и любили его.

Татарское разорение Москвы и обязанность платить тяжелую дань, естественно, довели казну великого князя до скудости, и Димитрий задумал поправить ее за счет Новгорода. Были благовидные причины напасть на новгородцев. В последнее время сильно разгулялась новгородская вольница: ушкуйники два раза ограбили Кострому, нападали на Яро-

славль, на Нижний, на Вятку, и не только наживались чужим добром, но хватали людей и продавали в неволю восточным купцам. Эти поступки возбуждали по всей Руси негодование, и потому-то под знаменами великого князя с охотою встали против Новгорода рати 29-ти городов; даже из волостей новгородских: Торжка, Бежичей, Вологды были рати с Димитрием, и только большие люди новоторжские (вероятно, и из других волостей) оставались верны Новгороду и убежали в Новгород. Поход был предпринят зимой перед праздником Рождества Христова в 1386 году. Великий князь двинулся со всеми своими ратями, на пути сжигая и разоряя села новгородской земли. Новгородцы выслали к нему своих послов просить мира. Димитрий не хотел их слушать, шел далее и в начале января 1387 года расположился за пятнадцать верст от Новгорода. Новгородцы в отчаянии зажгли около города посады. Сгорело 24 монастыря. Сам город наскоро укрепили острогом по земляному валу. Новгородцы еще раз послали к великому князю посольство с владыкою Алексием. «Господин князь, – говорил Алексий, – я тебя благословляю, великий Новгород бьет тебе челом: пусть не будет кровопролития между нами, а за вину людей своих, что ходили на Волгу, Новгород заплатит тебе 8000 рублей». Димитрий не принял просьбы, грозил идти далее и взять Новгород. Страшный переполох произошел тогда в Новгороде, когда прибыл туда владыка с таким известием. Все решились защищаться до последнего. В Новгороде начальствовал то-

гда призванный новгородцами на княжение литовский князь Патрикий Наримонтович (племянник Ольгерда). 10 января разнесся слух, что великий князь приблизился к Жилотугу (одному из протоков Волхова на восточной стороне города). Все годные к войне, и пешие и конные, бросились за город, а между тем еще раз послали к Димитрию двух архимандритов, семь попов и пять человек житеых людей от пяти концов города. Димитрий, рассудивши, что его упорство доведет Новгород до отчаяния, перестал ломаться и согласился на мир. Новгород положил заплатить 8000 рублей, из которых 3000 отсчитали тотчас же, а остальные предоставили великому князю взять с Заволочья (двинская земля), потому что заволочане также участвовали в поволжских разбоях и посылали туда своих новгородских бояр для собирания этих денег. Это была пеня за разбой, но, кроме того, великий князь выговорил для себя еще и черный бор (каждогодную подать с черных людей, собираемую великокняжескими наместниками через особых чиновников, называемых «черноборцами»). Заключивши мир на таких условиях, великий князь повернул назад, но его посещение тяжело отозвалось на всей новгородской земле: много мужчин, женщин и детей увели москвичи в неволю; много ограбленных ратными людьми и выгнанных из своих пепелищ новгородцев погибло от стужи.

Тогда как Москва прикрепляла к себе Новгород наложением на него дани, на западе отнимали у Москвы власть над

Смоленском. В Литве произошел важный переворот: сын Ольгерда, литовский великий князь Ягелло, в 1386 году женился на польской королеве Ядвиге, принял католичество, крестил в римско-католическую веру своих языческих литовских подданных и сделался главой как Польши, так и всей Литвы и западной Руси с ее удельными князьями. С этих пор начинается постепенное соединение великого княжества литовского с Польшею и распространение католичества в западной Руси в ущерб православию. Подручник Ягелла, брат его Скрыгайло, человек свирепый, получивши от Ягелла право на Полоцк, схватил находившегося там князя Андрея Ольгердовича и убил его сына; тогда друг Андрея, Святослав, смоленский князь, стал мстить за Андрея и производить жестокие разорения в Литве, но потом был разбит Скрыгайлом и его братьями и пал в битве. Победители хотя и дали княжение на смоленской земле сыну Святослава Юрию, но с тем, чтобы он был подручником Ягелла. Это было предвестием дальнейшего покорения Смоленска: оно совершилось уже по смерти Димитрия (в 1404 году), когда Витовт прогнал князя Юрия и посадил в Смоленске своих наместников. (При Димитрии Смоленск со своею землею некоторое время признавал первенство Москвы, но со вступлением на княжение Василия Москва надолго лишилась его.)

Димитрий скончался 19 мая 1389 года на сороковом году от рождения. Он оставил великим князем сына Василия, наделил других сыновей уделами и обязал их находиться под

рукой старейшего брата, великого князя.

Княжение Дмитрия Донского принадлежит к самым несчастным и печальным эпохам истории многострадального русского народа. Беспрестанные разорения и опустошения то от внешних врагов, то от внутренних усобиц следовали одни за другими в громадных размерах. Московская земля, не считая мелких разорений, была два раза опустошена литовцами, а потом потерпела нашествие Орды Тохтамыша; рязанская – страдала два раза от татар, два раза от москвичей и была приведена в крайнее разорение; тверскую – несколько раз разоряли москвичи; смоленская – терпела и от москвичей, и от литовцев; новгородская – понесла разорение от тверичей и москвичей. К этому присоединялись физические бедствия. Страшная зараза, от которой русская земля страдала в сороковых и пятидесятых годах XIV века, наравне со всею Европою, повторялась и в княжение Дмитрия с большою силою в разных местах Руси. В 1363—64 годах она поражала Нижний Новгород с его волостью, потом Переяславль, Владимир, Тверь, Суздаль, Дмитров, Ростов, Можайск, Волок и другие города. Из описаний признаков, сопровождавших смерть пораженных заразой, видно, что в те времена свирепствовало разом несколько эпидемических болезней. У одних больных делалась опухоль желез на разных частях тела; у других являлось кровохарканье; третьи чувствовали сначала жар, потом озноб. Смерть постигала больного обыкновенно в течение одного или двух дней бо-

лезни: редкие доживали до третьего дня. Живые не успевали хоронить мертвых. В одну могилу приходилось сваливать по сто и полтораста трупов. В Белозерске вымерли все жители; земля опустела. Подобное бедствие повторялось и в другие годы. В 1387 году, в Смоленске, – если только верить рассказу летописи, вероятно, преувеличенному, – был такой сильный мор, что осталось всего пять человек, которые вышли из города и затворили за собою ворота. Вслед за тем мор поразил Псков, а потом Новгород. К заразе присоединялись неоднократные засухи, как, например, в 1365, 1371 и 1373 г., которые влекли за собою голод и, наконец, пожары – обычное явление на Руси. Если мы примем во внимание эти бедствия, соединявшиеся с частыми разорениями жителей от войн, то должны представить себе тогдашнюю восточную Русь страной малолюдной и обнищалою. Сам Димитрий не был князем, способным мудростью правления облегчить тяжелую судьбу народа; действовал ли он от себя или по внушениям бояр своих, – в его действиях виден ряд промахов. Следуя задаче подчинить Москве русские земли, он не только не умел достигать своих целей, но даже упускал из рук то, что ему доставляли сами обстоятельства; он не уничтожил силы и самостоятельности Твери и Рязани, не умел и поладить с ними так, чтоб они были заодно с Москвою для общих русских целей; Димитрий только раздражал их и подвергал напрасному разорению ни в чем не повинных жителей этих земель; раздражал Орду, но не воспользовался ее

временным разорением, не предпринял мер к обороне против опасности; и последствием всей его деятельности было то, что разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться перед издыхающей Ордой.

Глава 12

Соловецкие чудотворцы Савватий и Зосима

Стремление к основанию новых монастырей путем отшельничества, показавшее себя в XIV столетии, направилось в XV столетии на крайний север. Обитатели возникали за обителями, передавая в грядущие поколения память о святости и подвигах своих основателей. Но ни одна из обителей того времени не достигла такого важного значения для русского народа, как соловецкая. Ее основание относится к половине XV века.

На севере Руси, при немногочисленном и рассеянном населении, в некоторых деревнях возник обычай строить деревянные часовни с образами, где народ молился за неимением церкви. Иногда в такую часовню приезжал издалека священник или иеромонах со святыми дарами, исповедывал и причащал народ. Близ такой часовни обыкновенно проживал какой-нибудь благочестивый старец, внушавший к себе уважение своим постничеством и благочестием. У одной из таких часовен при устье реки Выга, на месте, называемом Сороки, жил старец по имени Герман, который прежде бывал на Белом море и знал Соловецкий остров или Соловки, куда жители поморья приезжали летом ловить рыбу. К

этому старцу, после многих лет его уединенной жизни, прибыл другой старец. Назывался он Савватий. Происхождение его неизвестно. Он давно уже постригся в Кирилло-Белозерском монастыре, но недовольный житием тамошних монахов, ушел на каменистый остров на Ладожском озере, где уже существовала Валаамская обитель, в которой иноки отличались чрезвычайным постничеством и терпением в лишениях. Савватий пожил там некоторое время и задумал, по примеру многих подвижников, уйти в совершенное уединение и вести «безмолвное» житие. Он направился к северу и сошелся с Германом. Узнавши от него о Соловецком острове, он подал ему мысль идти вдвоем на отшельнический подвиг. Старцы отправились туда на лодке и достигши Соловецкого острова, построили себе хижину на версту от моря, близ озера, богатого рыбой. До тех пор на Соловки только наезжали временно рыбаки, но теперь два семейства с поморья близ Кеми, узнавши, что на Соловках поселились постоянные обитатели, задумали основаться рядом с отшельниками близ озера. Это было не по душе старцам, и впоследствии сложился такой рассказ: один раз в воскресенье Савватий вместе с Германом отправлял всенощную и вышел покадить крест, который они воздвигли близ озера. Вдруг услышал он женский вопль, сказал Герману, Герман пошел на голос и увидел плачущую женщину. Это была жена одного из поселившихся на острове рыбаков. «Мне, – говорила она, – встретились двое светлых юношей и сказали: сойдите с это-

го места. Бог устроил его для иноческого жития, для прославления имени Божьего. Бегите отсюда, а не то – смерть вас постигнет». После этого рыбаки удалились с острова, и уже никто не осмеливался заводить поселения на Соловках. Через некоторое время, однако, старцы оставили Соловецкий монастырь один за другим. Сначала Герман отошел на реку Онегу, а затем и Савватий отправился на устье Выга к часовне, куда в это время прибыл один игумен, ездивший со святыми дарами по деревням. Савватий причастился Св. Тайн и на другой день скончался. Причастивший его игумен и какой-то новгородец Иван, ездивший по торговым делам и случайно попавший сюда, похоронили его.

Между тем Герман перешел на устье реки Сумы и там поселился. Туда пришел к нему новый подвижник. Это был Зосима, сын богатых земцев (собственники земельных участков) Гаврила и Марии, из селения Толвуй, на берегу Онежского озера. Будучи еще молодым, он лишился родителей и роздал нищим все свое имение, а сам обрек себя на пустынное житье. Скитаясь по северным странам, он нашел Германа и, услышавши от него о Соловецком острове, уговорил его опять идти с ним туда. Они обходили остров; у Зосимы явилась мысль основать тут со временем монастырь. Они выбрали место близ озера, неподалеку от морского берега, построили келью, ловили рыбу и молились Богу. Мало-помалу начали приходиться к ним еще такие же труженики, строили кельи и также занимались рыбной ловлей. Наконец, когда

их число увеличилось, они построили деревянную церковь во имя Преображения Господня, отправили одного из своей среды в Новгород к архиепископу Ионе просить у него антиминс, церковную утварь для новой церкви и просили назначить им игумена для обители. Зосима принял монашество. Двое игуменов, посланных один за другим из Новгорода, не ужились на пустынном острове. Потом братия упросила Зосима принять игуменство. Он долго отрекался, наконец отправился в Новгород и был рукоположен. Тогда многие из новгородских бояр пожертвовали в новый монастырь серебряные сосуды, богатые церковные ризы и съестные припасы. Вскоре монастырь начал входить в славу именно потому, что был основан в таком необитаемом месте, которое казалось неприступным. В монастырь стали стекаться богомольцы, давать вклады, а Зосима отличался гостеприимством и этим еще более привлекал посетителей. Через несколько времени сооружена была новая, более простая, церковь Преображения, а потом другая – Успения. Вспомнили они тогда Савватия; Зосима слышал о нем от Германа, но никто не знал, где он похоронен, как неожиданно кирилло-белозерский игумен известил их об этом, узнавши о кончине Савватия от того новгородского Ивана, которому случилось похоронить преподобного. Сам Зосима отправился на Выг, отрыл тело Савватия и перевез в Соловки. Говорили, что мощи Св. Савватия не только оказались нетленными, но источали из себя благовонное миро.

Монастырь не избег столкновений: монастырь считал остров, на котором находился, своим достоянием, а жители по-морья, привыкшие приезжать временно на остров для рыбной ловли, продолжали свои посещения. В числе посетителей, оспаривавших монастырское достояние, были люди знаменитой посадницы Марфы Борецкой. Зосима сам отправился в Новгород хлопотать у веча о грамоте на неприкосновенность владений острова, являлся по этому делу к владыке и к разным важнейшим лицам. Когда он пришел к боярине Марфе жаловаться на ее людей, она не приняла его и велела прогнать. Тогда Зосима покачал головою и сказал сопровождавшим его ученикам: «Вот наступают дни, когда на этом дворе исчезнет след жителей его, и затворятся двери дома сего и уже никогда не отворятся, и будет двор этот пуст». Тем временем владыка выхлопотал ему грамоту на владение островом за печатями: владыки, посадника, тысяцкого и пяти концов Великого Новгорода. Бояре щедро одарили соловецкого игумена. Тогда раскаялась и Марфа: «Я напрасно на него гневалась, – сказала она, – мне наговорили, что он мою вотчину отнимает». Она послала просить прощения у Зосима и умоляла прибыть к ней в дом на обед. Преподобный согласился.

Марфа по этому поводу устроила пир и назвала гостей. Она встречала преподобного с большим уважением, принимала от него благословение вместе с сынами и дочерьми. Марфа посадила Зосима на первое место. Вдруг, посреди пи-

ра, Зосима взглянул на шестерых бояр, сидевших за столом, затрепетал и заплакал. Можно было понять, что он видел что-то страшное. Он больше не принимал пищи. По окончании стола Марфа еще раз просила у него прощения, завещала ему молить Бога за нее и за детей, поднесла ему дары и пожертвовала на монастырь свою деревню на реке Суме. Зосима простил Марфу, благодарил ее, но был очень грустен.

По выходе из дома Марфы, один ученик, по имени Даниил, спросил его: «Отче! Что значит, что ты, взглянувши на бояр, ужасался, плакал и не вкушал пищи?»

«Я видел страшное видение, – сказал Зосима. – Шестеро этих бояр сидели за трапезой, а голов на них не было; и в другой раз я взглянул на них и то же увидел, и третий раз взглянул – и все то же. С ними сбудется это в свое время, ты сам еще увидишь это, но никому не разглашай неизреченных судеб Божиих!» Один из обедавших у Марфы бояр, по имени Памфилий, пригласил Зосиму к себе на другой день обедать. Он также заметил смущение Зосимы. Он спрашивал Зосиму о причине. И ему открыл преподобный тайну видения. Памфилий принял иночество, убегая от беды, угрожавшей Великому Новгороду. Через некоторое время в уединенную обитель Зосимы дошли страшные вести. Новгородцы, защищавшие свою свободу, были поражены на Шелони; бояре, сидевшие с ним за столом у Марфы, были обезглавлены. Прошло еще несколько лет. Зосима, чуждый всего земного, ослабевал и уже заблаговременно сделал се-

бе гроб; новая, еще страшнейшая, весть возмутила его покой: Великий Новгород лишился своей самостоятельности; его богатства были разграблены; владыка Феофил был низложен; множество бояр и богатых жителей, лишившись своего состояния, были взяты в неволю и отправлены на чужбину. В их числе отвезли из Новгорода в оковах боярыню Марфу с детьми. Пророчество Зосимы сбылось: ее двор опустел и пропал след его обитателей.

Недолго пережил Зосима горе, постигшее Новгород в начале 1478 года. В тот же год 17 апреля он скончался, завещавши братии мир и соблюдение устава, назначивши после себя игуменом одного из братии по имени Арсений.

Зосима был погребен за алтарем церкви Преображения, и его гроб сделался предметом поклонения благочестивых людей. Составилась целая книга о чудесах Зосимы.

Монастырь его всегда имел важное значение в истории. Он был распространителем христианства между поморскими язычниками. В половине XVI века игумен Филипп Колычев, впоследствии бывший митрополитом при Иване Грозном, построил в Соловецком монастыре каменные здания и своими стараниями привел хозяйство острова в процветающее состояние. При царе Феодоре Соловецкий монастырь был обнесен крепкими каменными стенами и бойницами. При Алексее Михайловиче Соловецкий монастырь играл важную роль в истории раскола: в нем старообрядцы долго защищались от царских войск. По своей отдаленности

от средоточия государства этот монастырь постоянно был местом заключения опальных. Но тем не менее, благодаря щедрости царей и частных лиц, Соловецкий монастырь всегда отличался богатством и гостеприимством к многочисленным богомольцам, стекавшимся в него ежегодно со всех концов России. Имена Савватия и Зосимы сделались одними из особенно известных и уважаемых всем русским народом. Неизвестно почему, в народном благочестии оба эти святые считаются покровителями пчеловодства.

Выпуск второй: XV-XVI столетия

Глава 13 Великий князь и государь Иван Васильевич

Эпоха великого князя Ивана Васильевича составляет перелом в русской истории. Эта эпоха завершает собой все, что выработали условия предшествовавших столетий, и открывает путь тому, что должно было выработаться в последующие столетия. С этой эпохи начинается бытие самостоятельного монархического русского государства.

После смерти Димитрия Донского великим князем был сын его Василий (1385—1425), который, насколько мы его понимаем, превосходил отца своего умом. При нем значительно двинулось расширение московских владений. Москва приобрела земли: суздальскую и нижегородскую. Получив от хана великое княжение, Василий Димитриевич так впал к нему в милость, что получил от него еще Нижний Новгород, Городец, Мещеру, Тарусу и Муром. Москвичи взяли Нижний изменой: нижегородский боярин Румянец

предал своего князя Бориса Константиновича; Василий Дмитриевич приказал взять под стражу этого князя, его жену и детей; Нижний Новгород навсегда был присоединен к московским владениям. Племянники Бориса, суздальские князья, были изгнаны, и Суздаль также достался Василию. Впоследствии, хотя суздальские князья помирились с московским великим князем и получили от него вотчины, но уже из рода в род оставались московскими слугами, а не самобытными владетелями. В 1395 году случилось событие, поднявшее нравственное значение Москвы: по поводу ожидаемого нашествия Тамерлана, которое, однако же, не состоялось, Василий Дмитриевич приказал перенести из Владимира в Москву ту знаменитую икону, которую Андрей некогда унес из Киева в свой любимый город Владимир; теперь эта икона служила освящением первенства и величия Москвы над другими русскими городами.

По следам своих предшественников, Василий Дмитриевич притеснял Новгород, но не достиг, однако, цели своих замыслов. Два раза он покушался отнять у Новгорода его двинские колонии, пользуясь тем, что на двинской земле образовалась партия, предпочитающая власть великого московского князя власти Великому Новгороду. Новгородцы благополучно отстаивали свои колонии, но поплатились за это недешево: великий князь произвел опустошение в новгородской волости, приказал передуть новгородцев, убивших в Торжке одного доброжелателя московского великого кня-

зя, заставил новгородцев давать черный бор, захватил в свою пользу имения в волости Бежецкого Верха и Вологды; а главное, Новгород сам не мог обойтись без великого князя и должен был обращаться к нему за помощью, так как другой великий князь, литовский, покушался овладеть Новгородом.

Орда в это время до того уже разлагалась от внутренних междоусобий, что Василий несколько лет не платил выхода хану и считал себя независимым; но в 1408 году на Москву неожиданно напал татарский князь Эдиги, который, подобно Мамаю, не будучи сам ханом, помыкал носившими имя хана. Василий Димитриевич не остерегся, рассчитывая, что Орда ослабела, и не предпринял заранее мер против хитрого врага, обольстившего его лицемерным благорасположением. Подобно отцу, Василий Димитриевич бежал в Кострому, но лучше своего отца распорядился защитой Москвы, поручив ее храброму дяде, серпуховскому князю Владимиру Андреевичу. Москвичи сами сожгли свой посад. Эдиги не мог взять Кремля, зато Орда опустошила много русских городов и сел. Москва испытала, что если Орда не в силах была держать Русь в порабощении, как прежде, зато еще долго могла быть ей страшной своими внезапными набегами, разорениями и уводом в плен жителей. Впоследствии уже, в 1412 году, Василий ездил в Орду, поклонился новому хану Джелаледдину, принес ему выход, одарил вельмож, и хан утвердил за московским князем великое княжение, тогда как перед тем намеревался отдать его изгнанному нижегородско-

му князю. Власть ханов над Русью висела уже на волоске; но московские князья еще несколько времени могли пользоваться ею для усиления своей власти на Руси и прикрывать свои поползновения значением ее старинной силы, а между тем должны были принимать меры обороны против татарских вторжений, которые могли быть тем беспокойнее, что делались с разных сторон и от разных обломков разрушающейся Орды.

На западе литовское могущество, возникшее при Гедимине, выросшее при Ольгерде, достигло своих крайних пределов при Витовте. По праву, верховная власть над Литвой и покоренной ею Русью находилась в руках Ягелла, польского короля; но Литвой в звании его наместника самостоятельно управлял двоюродный его брат Витовт, сын Кейсту-та, некогда задушенного Ягеллом. Витовт, по примеру своих предшественников, стремился расширить пределы литовского государства за счет русских земель и постепенно подчинял себе последние одни за другими. Василий Димитриевич был женат на дочери Витовта Софии: во все свое княжение он должен был соблюдать родственные отношения и вместе с тем был настороже против покушений тестя. Московский князь вел себя с большою осторожностью, насколько возможно было уступал тестю, но охранял себя и Русь от него. Он не помешал Витовту овладеть Смоленском: это происходило главным образом оттого, что последний смоленский князь Юрий был злодей в полном смысле слова, и

сами смоляне предпочитали лучше отдаться Витовту, чем повиноваться своему князю. Когда же Витовт показал слишком явно свое намерение овладеть Псковом и Новгородом, московский великий князь открыто вооружился против теля, так что дошло было до войны, однако в 1407 году дело окончилось между ними миром, по которому река Угра поставлена была гранью между московскими и литовскими владениями.

Тесть пережил зятя, и при малолетнем наследнике Василии спор за первенство над Русью некоторое время склонялся на сторону Литвы. Татарское порабощение образовало между русскими княжениями такой строй, который несколько походил на феодальный, господствовавший в Западной Европе: князья, получившие свои владения от ханов в качестве вотчин, находились в подчинении одни другим, и само это подчинение, смотря по обстоятельствам, имело разные степени. Московский князь сделался великим князем всей Руси, но на его земле, в его княжении были князья подручные, обязанные ему повиноваться: одни сохраняли больше самостоятельности над своими уделами, другие становились уже его слугами. За пределами московского княжения были князья, также называвшиеся великими, считавшие своими подручниками князей своей земли. Таким образом, после уничтоженного великого княжества суздальского, оставались еще довольно сильные великие князья — тверской и рязанский; кроме того, подручник рязанского,

князь пронский также начал называться великим. Тот же титул носил старейший из ярославских князей. Эти так называемые великие князья, будучи старейшими над подручными князьями, сами должны были признавать над собой старейшинство московских великих князей и, видя со стороны Москвы дальнейшее посягательство на свою независимость, естественно искали ей противовес в Литве. Таким образом, после смерти Василия Димитриевича рязанский великий князь Иван Федорович, а за ним и князь пронский отделились на службу Витовту (1427). Одновременно с ними великий князь тверской Борис также отдался литовскому великому князю, выговорив себе право власти над своими подручниками, князьями тверской земли. Сама Москва, находясь под властью несовершеннолетней князя, которого мать была дочерью Витовта, очутилась под рукой литовского великого князя; по крайней мере, сам Витовт именно так смотрел на нее и писал немцам, что София с сыном и со всем великим княжеством московским отдалась ему в опеку и охранение. Витовту недоставало только полной независимости и королевского венца; он усиленно добивался его и склонил уже на свою сторону императора Сигизмунда, но польские прелаты и вельможи не допустили до такой опасной новизны, представив папе, что отделение Литвы и Руси от Польши может поставить преграду распространению римского католичества между православными. Папа отказал дать корону Витовту. Витовт умер в 1430 году, не достигнув своих целей,

а после его смерти в Литве начались междоусобия. Долгое время и в Москве происходили беспорядки. Преемник Василия Димитриевича, Василий Васильевич, был человеком ограниченных дарований, слабого ума и слабой воли, но вместе с тем способный на всякие злодеяния и вероломства; члены московского княжеского дома находились в полном повиновении у Василия Димитриевича, а после его смерти подняли голову. Дядя Василия Васильевича, Юрий, добивался в Орде великого княжения. Хитрый и ловкий боярин Иван Димитриевич Всеволожский в 1432 году сумел устранить Юрия и доставить великое княжение Василию Васильевичу. Когда Юрий ссылался на свое родовое старейшинство, как дядя, и когда, по этому поводу, он указывал на прежние примеры предпочтения дядей племянникам, как старших летами и степенью родства, Всеволожский указал хану, что Василий уже получил княжение по воле хана, и эта воля должна быть выше всяких законов и обычаев: ничем не стесняясь, хан может кому угодно отдать свой улус. Это признание безусловной воли хана понравилось последнему; Василий Васильевич оставлен великим князем. Через некоторое время тот же боярин, рассердившись на Василия за то, что он, обещав жениться на его дочери, женился на внучке Владимира Андреевича серпуховского, Марии Ярославне – сам побудил Юрия отнять у племянника княжение. Тогда возобновились на Руси междоусобия, ознаменованные на этот раз гнусными злодеяниями. Юрий, захватив Москву, снова был изгнан из нее

и скоро умер. Сын Юрия Василий Косой заключил с Василием мир, а потом, вероломно нарушив договор, напал на Василия, но был побежден, взят в плен и ослеплен (1435). Через несколько лет в Золотой Орде случилось такое событие: хан Улу-Махмет лишился престола и искал помощи великого князя московского. Великий князь не только не подал ему помощи, но еще прогнал его из пределов московской земли; тогда Улу-Махмет со своими приверженцами основался на берегах Волги в Казани и положил начало татарскому казанскому царству, которое в продолжение целого столетия причиняло Руси опустошения. Улу-Махмет, уже в качестве казанского царя, мстил московскому государю за прошлое, победил его в битве, взял в плен. Василий Васильевич освободился от плена не иначе, как заплатив огромный выкуп. Вернувшись на родину, он поневоле должен был облагать народ большими податями и, кроме того, начал принимать в свое княжество татар и раздавать им поместья. Это возбудило против него ропот, которым воспользовался брат Косого, галицкий князь Димитрий Шемяка; соединившись с тверским и можайским князьями, он в 1446 году приказал вероломно схватить Василия в Троицком монастыре и ослепить. Шемяка овладел великим княжением и держал слепого Василия в заточении, но, видя в народе волнение, уступил просьбе рязанского епископа Ионы и отпустил пленного Василия, взяв с него клятву не искать великого княжения. Василий не сдержал клятвы: в 1447 году приверженцы слепого

князя опять возвели его на княжение.

Примечательно, что характер княжения Василия Васильевича с этих пор совершенно изменяется. Пользуясь зрением, Василий был самым ничтожным государем, но с тех пор, как он потерял глаза, все остальное его правление отличается твердостью, умом и решительностью. Очевидно, что именем слепого князя управляли умные и деятельные люди. Таковы были бояре: князья Патрикеевы, Рязполовские, Кошкины, Плещеевы, Морозовы, славные воеводы: Стрига-Оболенский и Феодор Басенок, но более всех митрополит Иона.

Духовные власти всегда благоприятствовали стремлению к единодержавию. Во-первых, оно сходилось с их церковными понятиями: церковь русская, несмотря на политическое раздробление русской земли, была всегда единая и неделимая и постоянно оставалась образцом для политического единства. Во-вторых, духовные, как люди, составлявшие единственную умственную силу страны, лучше других понимали, что раздробление ведет к беспрестанным междоусобицам и ослабляет силы страны, необходимые для защиты против внешних врагов: только при сосредоточении верховной власти в одних руках представлялась им возможность безопасности для страны и ее жителей. Пока сан митрополита возлагаем был на людей нерусских, понятно, что, будучи чужды русскому краю по рождению и по связям, они не принимали слишком горячо к сердцу его интересов, ограничиваясь преимущественно областью церковных дел; но не так

относились к русской земле природные русские, достигшие высшей духовной власти. Митрополиты Петр и Алексей показали уже себя политическими деятелями; еще более проявил себя в этом отношении умный митрополит Иона, которому пришлось занимать важное место при слепом и ничтожном Василии.

Иона был родом из костромской земли, по прозвищу Одноуш. Достигнув рязанского епископа, он не сделался, однако, приверженцем местных рязанских видов; сочувствие его клонилось к Москве, потому что Иона, сообразно тогдашним условиям, в одной Москве видел центр объединения Руси. В 1431 году, по смерти митрополита Фотия, Иона был избран митрополитом, но цареградский патриарх вместо него, еще раньше, назначил грека Исидора. Этот Исидор в звании русского митрополита был на Флорентийском соборе, где провозглашена была уния, или соединение греческой церкви с римской на условиях признать римского первосвященника главой вселенской церкви. Исидор вместе с цареградским патриархом и византийским императором подчинился папе: Исидор был грек душою; все цели его были обращены на спасение своего погибающего отечества; он, как и некоторые другие греки, надеялся при посредстве папы возбудить силы Европы против турок. Эти виды и побуждали тогдашних греков жертвовать вековой независимостью своей церкви. Русь в глазах Исидора должна была служить орудием греческих патриотических целей. Но в Москве не приняли унии и про-

гнали Исидора. Несколько лет звание московского митрополита оставалось незанятым. В Киеве, после учреждения Витовтом отдельной митрополичьей кафедры, были свои митрополиты, но Москва не хотела знать их. Рязанский епископ Иона, как уже нареченный русскими духовными митрополит, имел между ними главенствующее значение и влияние, а наконец в 1448 году этот архиерей был возведен в сан митрополита собором русских владык помимо патриарха. Событие это было решительным переворотом: с этих пор восточно-русская церковь перестала зависеть от цареградского патриарха и получила полную самостоятельность. Средоточие ее верховной власти было в Москве. Обстоятельство это окончательно подняло то нравственное значение Москвы, которое намечено было еще митрополитом Петром, поддерживалось Алексием, получило большой блеск от перенесения иконы Богородицы из Владимира. С этих пор русские земли, еще непокорные Москве и думавшие оградить от нее свою самобытность – Тверь, Рязань, Новгород, привязывались крепче к Москве духовною связью.

Усевшись в Москве, слепой великий князь назначил своим соправителем старшего сына Ивана, который с тех пор стал называться, как и отец его, великим князем: так показывают тогдашние договорные грамоты. Тогда началась и постепенно расширялась политическая деятельность Ивана: достигнув совершенного возраста, он, без сомнения, вместо слепого родителя, еще при жизни его руководил со-

вершавшимися событиями, которые клонились к укреплению Москвы. Князь Димитрий Шемяка, вынужденный дать так называемую «проклятую грамоту», в которой клятвенно обещал отказаться от всяких покушений на великое княжение, не переставал оказывать вражду к Василию Темному. Духовенство писало Шемяке увещательную грамоту, Шемяка не слушал нравоучений, и московское ополчение, напутствуемое благословениями Ионы, двинулось на Шемяку в Галич вместе с молодым великим князем. Шемяка потерпел поражение и бежал в Новгород, где новгородцы дали ему приют. Галич со своей волостью был вновь присоединен к Москве. Шемяка продолжал злоумышлять против Василия, взял Устюг и там было утвердился, но молодой великий князь Иван Васильевич выгнал его оттуда; Шемяка опять бежал в Новгород. Митрополит Иона своею грамотою объявил Шемяку отлученным от церкви, запрещал православным людям с ним есть и пить и обвинял новгородцев за то, что они приняли его к себе. Тогда в Москве решили расправиться с Шемякой тайным убийством: дьяк Степан Бородатый, при посредничестве Шемякина боярина Ивана Котова, в 1453 году подговорил повара Шемяки приправить ему курицу ядом. Вслед за тем, в 1454 году, союзник Шемяки князь Иван Андреевич Можайский, не дожидаясь прибытия московского войска, бежал в Литву. Двое великих князей: тверской и рязанский, искавшие против Москвы опоры в Литве, увидели, что на Литву надежды мало, и пристали

к Москве заблаговременно, прежде чем Москва употребила против них насилие. Первый отдал свою дочь Марию за молодого московского великого князя Ивана Васильевича, а в 1454 году, при посредничестве митрополита Ионы, заключил договор, которым обещался с детьми своими быть во всем заодно с Москвою; последний в 1456 году, перед своею смертью, отдал восьмилетнего сына на попечение великому князю московскому: московский великий князь перевез отрока в Москву, а в рязанскую землю послал своих наместников. Тогда же князь московской земли, серпуховской, Василий Ярославич, ревностный слуга и товарищ в несчастьи Василия Темного, по какому-то наговору был схвачен и заточен в Вологду, где и умер со своими детьми: его старший сын убежал в Литву. Затем суздальские князья, получив от московского великого князя вотчины, чуя над собою беду, сами убежали из дарованных им вотчин, чтобы избежать опасных столкновений с Москвою.

В 1456 году расправилась Москва с Новгородом. Еще ранее этого времени великий князь наложил на Новгород 8000 рублей. Прием, оказанный Шемяке Новгородом, раздражал московских великих князей. Новгородцы досадовали на то, что Москва их обирает, не хотели платить наложенной по договору суммы; кроме того, между Москвой и Новгородом возникали поземельные недоразумения: новгородские бояре покупали себе земли в ростовской и белозерской землях, а Новгород оказывал притязание, чтобы эти владения новго-

родцев тянули (подчинялись) к Новгороду. Великий московский князь объявил Новгороду войну. Московские подручные князья: Стрига-Оболенский и Федор Басенок овладели Русою; новгородцы, поспевшие на выручку Русы, были разбиты. Великий князь с сильным войском пошел к Новгороду и стал в Яжелбицах. Тогда Новгород выслал к нему епископа Евфимия со старыми посадниками, тысячскими и жителями (т.е. зажиточными домовладельцами) от пяти концов Новгорода. Был заключен договор. Новгород, кроме прежних 8000 рублей, должен был заплатить великому князю еще 8500 рублей, возвратить все земли, приобретенные новгородцами в областях, тянувших к Москве, давать великому князю черный бор в своих волостях и судные пени; но главное – Новгород обязался отменить «вечные» (вечевые, исходившие от веча) грамоты, писать грамоты от имени великого князя и употреблять великокняжескую печать. Последним условием поражалась сущность новгородской свободы и предвещалось скорое падение независимости Новгорода.

Новгородцы чувствовали свою близкую беду и ненавидели московского государя. В 1460 году Василий Темный прибыл в Новгород с сыновьями Юрием и Андреем. Новгородцы собрались на вече у Св. Софии и собирались убить его с детьми, но владыка новгородский Иона отговорил их: «Из этого нам не будет пользы, – представлял он, – останется еще один сын, старший, Иван: он выпросит у хана войско и разорит нас».

Притесняя Новгород, Москва налагала тяжелую руку и на две его самостоятельные колонии: Псков и Вятку.

Псков не оказывал против Москвы никакой вражды, хотя московским князьям не могло понравиться то, что псковичи в 1459 году встретили Шемякина сына с крестным ходом и в продолжение трех недель оказывали ему почести. Псков, как земля вольная, по-прежнему принимал к себе князей ото-всюду, и таким князем был там Александр Черторижский, из литовского княжеского рода.

В 1460 году московский великий князь потребовал, чтобы Черторижский, если хочет оставаться псковским князем, присягнул в верности Москве. Черторижский не захотел присягать и уехал из Пскова, а псковичи с тех пор стали принимать себе князьями наместников московского государя.

Вятка, новгородская колония, основанная в XIII веке выходцами, недовольными Новгородом, и потому постоянно остававшаяся независимою от Новгорода и даже враждебною к нему, помогала Шемяке в его борьбе с Василием Темным. За это она понесла наказание, когда Василий вышел из борьбы победителем. Два раза отправлено было против нее московское войско – в 1458 и в 1459 годах. Первый поход был неудачен; во второй – московские воеводы, князя Рязановский и Патрикеев, взяли вятские города: Орлов и Котельнич, и заставили вятчан признать над собою верховную власть Василия.

Василий Темный скончался 5 марта 1462 года от неудач-

ного лечения тела зажженным трупом. Он на один год пережил своего важнейшего советника, митрополита Иону, умершего 31 марта 1461 года.

Сын Василия Иван, и без того уже управлявший государством, остался единым великим князем. Начало его единовластия не представляло в сущности никакого нового поворота против прежних лет. Ивану оставалось идти по прежнему пути и продолжать то, что было им уже сделано при жизни отца. Печальные события с его отцом внушили ему с детства непримиримую ненависть ко всем остаткам старой удельно-вечевой свободы и сделали его поборником единой державы. Это был человек крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, непреклонный в преследовании избранной цели, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всех его действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отвагою, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами; он никогда не увлекался, зато поступал решительно, когда видел, что дело созрело до того, что успех несомненен. Забирание земель и возможно прочное присоединение их к московскому государству было заветною целью его политической деятельности; следуя в этом деле за своими прародителями, он превзошел всех их и оставил пример подражания потомкам на долгие времена. Рядом с расширением государства Иван хотел дать этому государству строго самодержавный строй, подавить в нем древние признаки земской раздельно-

сти и свободы, как политической, так и частной, поставить власть монарха единым самостоятельным двигателем всех сил государства и обратить всех подвластных в своих рабов, начиная от близких родственников до последнего земледельца. И в этом Иван Васильевич положил твердые основы; его преемникам оставалось дополнять и вести дальше его дело.

В первые годы своего единовластия Иван Васильевич не только уклонялся от резких проявлений своей главной цели полного объединения Руси, но оказывал при всяком случае видимое уважение к правам князей и земель, представлял себя ревнителем старины, и в то же время заставлял чувствовать как силу тех прав, какие уже давала ему старина, так и ту степень значения, какую ему сообщал его великокняжеский сан. У Ивана Васильевича, как показывают его поступки, было правилом прикрывать все личиною правды и законности, казаться противником насильственного введения новизны; он вел дела свои так, что полезная для него новизна вызывалась не им самим, а другими.

Решительный и смелый, он был до крайности осторожен там, где возможно было какое-нибудь противодействие его предприятиям. Он не затруднился вскоре после смерти отца, в 1463 году, покончить с ярославским княжением, потому что там не могло быть никакого сопротивления. До тех пор Ярославль со своею волостью находился во власти особых князей, хотя уже давно подручных московскому великому князю. Князья эти происходили из рода Федора Ростислави-

ча, князя племени смоленских князей, жившего в XIII веке и причисленного к лику святых; в описываемое нами время род их разделился на многие княжеские фамилии, как-то: Курбские, Засекины, Прозоровские, Львовы, Шехонские, Сонцевы, Щетинины, Сицкие, Шаховские, Кубенские, Трокуровы, Шастуновы, Юхотские и пр. Все владения их составляли ярославскую землю, и над всеми ими, точно как в других землях, например в тверской или в рязанской, был из их рода главный старейший князь, носивший титул великого: ему принадлежал Ярославль. Таким великим князем ярославской земли был в то время князь Александр Федорович. Этот великий князь ярославский был столько же бессилен, как и его многочисленные подручники. Иван Васильевич приобрел Ярославль со всей землею старанием дьяка Алексея Полуэктова; неизвестно, все ли князя ярославской земли подчинились московскому государю добровольно: мы не знаем обстоятельств этого события; само собой разумеется, что волей-неволей эти князя должны были делать все, чего хотел от них сильный властитель, и все они поступили в число его слуг.

Но не так относился Иван Васильевич к более сильным князьям: тверскому и рязанскому. С тверским, своим шурином, он тотчас по смерти отца своего заключил договор, в котором положительно охранялось владетельное право тверского князя над своею землею; не в политике Ивана Васильевича было раздражать без нужды соседа, жившего на пере-

пути между Москвой и Новгородом, в то время, когда московский великий князь предвидел неминуемую разделку с Новгородом и должен был подготавливать союзников себе, а не Новгороду против себя. Рязанский великий князь уже прежде был в руках Москвы. Иван Васильевич не отнял у него земли его, а в 1464 году женил его на своей сестре, признал самостоятельным владельцем, но совершенно взял в свои руки; никогда уже после того Иван Васильевич не имел повода обращаться со своим зятем иначе, так как рязанский князь не выходил из повиновения у московского.

Возникло у Ивана дело со Псковом; и тут-то Иван столько же показал наружного уважения к старине, сколько и заставил псковичей уважать свою власть и значение своего сана. В 1463 году псковичи прогнали от себя присланного к ним против их воли великокняжеского наместника и отправили к Ивану послов просить другого. Иван Васильевич гневался, три дня не пускал к себе на глаза псковских послов; наконец на четвертый день как бы смиловался и, допустивши их, сначала пригрозил им, а потом сказал: «Я хочу жаловать отчину Псков по старине: какого князя хотите, такого вам и дам!» И отдал им тогда того самого (звенигородского) князя, которого псковичи сами желали. Иван Васильевич в этом случае, хотя и сделал угодное псковичам, по обычаям старины, однако вместе с тем внушил им, что они обязаны этим соблюдением их старинных прав единственно его воле и милости, а если б он захотел, то могло быть и иначе.

Сделавши псковичам угодное как бы из уважения к старине, он потом поступил и против их желания, также из уважения к старине. Псковичи, недовольные новгородским владыкой, затевали отложиться от этого владыки и просили себе особого епископа. Иван Васильевич, опираясь на старину, отказал им в их просьбе вместе с митрополитом Феодосием, заступившим место Ионы. Не в видах московской политики было вооружать против московского великого князя высшую новгородскую духовную власть, которая, напротив, склоняясь, в силу своих интересов, к Москве, могла обессилить новгородские стремления, противодействовавшие московскому единовластию. Псковичи в этом деле принуждены были сообразоваться с волею великого князя и отказались от своих планов именно потому, что в Москве решили так великий князь и митрополит. Но не давал московский государь по этому делу слишком зазнаваться и Новгороду. Когда Новгород попросил у него воевод, чтобы действовать оружием против Пскова, за то, что Псков не повинуется новгородскому владыке. Иван Васильевич сделал новгородцам выговор за такую просьбу.

В 1467 году наступило тяжелое время для Руси. Открылась повальная болезнь, так называемая в те времена «железа» (чума); она свирепствовала в новгородской и псковской земле, захватила зимою и московскую землю: множество людей умирало и по городам, и по селам, и по дорогам. На умы нашло уныние и страх. Толковали о близком конце

мира; говорили, что скоро окончится шестая тысяча лет существования мира и тогда настанет страшный суд; рассказывали о чудных явлениях в природе, предзнаменующих что-то роковое: ростовское озеро две недели выло ночью, не давая спать людям, а потом был слышен в нем странный стук. Среди этой всеобщей тревоги и уныния умерла жена Ивана, тверская княжна Мария. Говорили, что она была отравлена.³⁴ Смерть этой княгини остается темным событием: она развязала Ивана и дала ему скоро возможность вступить в другой брак, важный по своим последствиям.

Был у Ивана в то время какой-то итальянец; его называют в современных летописях Иван Фрязин³⁵; он занимал при дворе московского великого князя должность денежника (т.е. чеканщика монет). По всем вероятностям, ему принадлежала первая мысль сочетать великого князя с греческою царевною, и он дал знать в свое отечество, что московский государь овдовел. Через два года, в 1469, явилось в Моск-

³⁴ Видели доказательство этому в том, что ее труп необыкновенно раздулся, так что положенный на него покров сначала висел до земли, а потом оказался недостаточным для прикрытия трупа. После погребения ее в Вознесенском монастыре в Кремле, великий князь разгневался на жену дьяка Алексея Полуэктова Наталью, которая посылала к ворожее пояс покойной княгини, и самого мужа ее Алексея Иван Васильевич не пускал к себе шесть лет на глаза.

³⁵ Прозвище фрязин означало не более как принадлежность к западным европейцам: фрягами называли вообще последних, и название это, как кажется, было не что иное, как переиначенное с течением веков древнее название варяг, сначала означавшее северных скандинавов, а впоследствии перешедшее в значение европейца вообще.

ву посольство от римского кардинала Виссариона. Кардинал этот, природный грек, был прежде митрополитом никейским и на Флорентийском соборе вместе с русским митрополитом Исидором принял унию. Тогда как товарищ его Исидор воротился в отечество и пал, сражаясь против турок, в роковой день взятия Константинополя, Виссарион остался в чести в Риме. От него в посольстве приехал грек именем Юрий и два итальянца: один Карл, старший брат денежника Ивана, а другой их племянник, по имени Антоний. Они от имени своего кардинала сообщали великому князю, что в Риме проживает племянница последнего греческого императора Константина Палеолога, дочь его брата Фомы, который, державшись несколько времени в Пелопонесе со званием деспота морейского, был принужден, наконец, по примеру многих своих соотечественников, искать убежища в чужой земле, перешел в Италию с двумя сыновьями Андреем и Мануилом и умер в Риме. Дочь его, по имени Зинаида-София (впоследствии известная под последним именем), не хотела выходить замуж за принца римско-католической веры. Ее сватали французский король и миланский герцог, но она отказала обоим: и было бы подручно – представляли послы кардинала – великому князю московскому, как государю православной восточной церкви, сочетаться с нею браком. Иван Васильевич в 1469 году послал сватом к папе Павлу II и кардиналу Виссариону своего денежника Ивана, прозываемого Фрязином.

Между тем политическая деятельность московского государя обратилась тогда на восток. Казанское царство, недавно еще основанное и так грозно заявившее себя при Василии Темном, сильно беспокоило Русь: из его пределов делались беспрестанные набеги на русские земли; уводились русские пленники. Набеги эти производили татары и подвластные татарам черемисы – самое свирепое из финско-татарских племен, населявших восток нынешней Европейской России. Иван отправлял отряды разорять черемисскую землю, а в 1468 году ему представлялся случай посадить в Казани своего подручника и таким образом сделать ее подвластной себе. Некоторые казанские вельможи, недовольные тогдашним своим ханом Ибрагимом, приглашали к себе Касима, одного из тех царевичей, которым еще Василий Темный дал приют и поместья на русской земле.

Иван Васильевич отправил два войска против Казани. Предприятие не удалось, отчасти потому, что Вятка боялась усиления Москвы и не хотела помогать ей против Казани, а стала на сторону последней. Иван не остановился на первых неудачах и в 1470 году послал снова под Казань рать со своими братьями. Хан Ибрагим заключил мир с Москвой, освободивши всех русских пленников, какие находились в неволе за протекшие сорок лет. Современные известия сообщают, что Ибрагим заключил мир на всей воле великого князя; условия этого мира нам неизвестны, но, вероятно, мир этот служил подготовкой к тому, что с большим успехом достиг-

нуто было Иваном позже.

Затем обстоятельства обратили деятельность Ивана Васильевича к северу. Целые полтора века Москва подтачивала самостоятельность и благоденствие Новгорода: Новгород терпел частые вымогательства денег, захваты земель, разорение новгородских волостей, и потому вполне было естественно, что в Новгороде издавна ненавидели Москву. Озлобление к Москве дошло до высокой степени в княжение Василия Темного. Самостоятельность Великого Новгорода висела на волоске. Была пора прибегнуть к последним средствам. В Новгороде, как часто бывало в купеческой республике, было очень велико число тех, которые личную выгоду предпочитали всему на свете и подчиняли ей патриотические побуждения. Еще за двадцать пять лет перед тем летописец жаловался, что в Новгороде не было ни правды, ни суда; ябедники сталкивались между собою, поднимали тяжбы, целовали ложно крест; в городе, по селам и волостям — грабеж, неумеренные поборы с народа, вопль, рыдания, проклятие на старейших и на весь Новгород, и стали новгородцы предметом поругания для соседей. Такие явления неизбежны там, где выше всего ценятся своекорыстные интересы. Но когда слишком очевидно приближалась опасность падения независимости, в Новгороде образовался кружок, соединившийся во имя общего дела, думавший во что бы то ни стало спасти свое отечество от московского самовластия. Душой этого кружка была женщина, вдова посадника, Мар-

фа Борецкая. К сожалению, источники дают нам чрезвычайно мало средств определить ее личность; во всяком случае, несомненно, что она имела тогда важнейшее влияние на ход событий. Она была мать двух взрослых женатых сыновей, имела уже внука.³⁶ Марфа была очень богата; в своем новгородском дворе на Софийской стороне, который современники прозвали «чудным», она привлекала своим хлебосольством и собирала около себя людей, готовых стоять за свободу и независимость отечества. Кроме сыновей Марфы, с ней заодно были люди знатных боярских фамилий того времени: Арбузовы, Афанасьевы, Астафьевы, Григоровичи, Лошинские, Немиры и др. Люди этой партии имели влияние на громаду простого народа и могли, по крайней мере до первой неудачи, ворочать вечем. Так как им ясно казалось, что Великий Новгород не в силах сам собою защитить себя от Москвы, которая могла двинуть на него, сверх сил своей земли, еще силы других, уже подчиненных ей земель, то патриоты пришли к убеждению, что лучше всего отдаться под покровительство литовского великого князя и короля польского Казимира.

Иван Васильевич узнал обо всем, что делается и замышляется в Новгороде, не заявил гнева Новгороду, напротив, кротко послал сказать: «Люди новгородские, исправьтесь,

³⁶ Ее двое других сыновей утонули в море, и в память этого грустного события Мария основала монастырь на Белом море (Корельский, в 34 верстах от Архангельска).

помните, что Новгород – отчина великого князя. Не творите лиха, живите по старине!»

Новгородцы на вече оскорбили послов великого князя и дали такой ответ на увещание Ивана Васильевича: «Новгород не отчина великого князя, Новгород сам себе господин!»

И после того не показал гнева великий князь, но еще раз приказал сказать Великому Новгороду такое слово:

«Отчина моя, Великий Новгород, люди новгородские! Исправьтесь, не вступайтесь в мои земли и воды, держите имя мое честно и грозно, посылайте ко мне бить челом, а я буду жаловать свою отчину по старине».

Бояре замечали великому князю, что Новгород оскорбляет его достоинство. Иван хладнокровно сказал:

«Волны бьют о камни и ничего камням не сделают, а сами рассыпаются пеной и исчезают как бы в посмеяние. Так будет и с этими людьми новгородцами».

В конце 1470 года новгородцы пригласили к себе князя из Киева, Михаила Олельковича. Это был так называемый «кормленный» князь, каких прежде часто приглашали к себе новгородцы, уступая им известные доходы с некоторых своих волостей.

В это время скончался владыка новгородский Иона. Избранный на его место по жребию Феофил был человек слабый и бесхарактерный; он колебался то на ту, то на другую сторону; патриотическая партия взяла тогда верх до того, что заключен был от всего Великого Новгорода договор с Казимиром

миром: Новгород поступал под верховную власть Казимира, отступал от Москвы, а Казимир обязывался охранять его от покушений московского великого князя.

Узнавши об этом, Иван Васильевич не изменил своему прежнему хладнокровию. Он отправил в Новгород кроткое увещание и припоминал, что Новгород от многих веков знал один только княжеский род, Св. Владимира: «Я князь великий, – приказал он сказать Новгороду через своего посла, – не чиню над вами никакого насилия, не налагаю на вас никаких тягостей более того, сколько было налагаемо при моих предках, я еще хочу больше вас жаловать, свою отчину».

Вместе с этим послал новгородцам увещание и митрополит Филипп, заступивший место Феодосия, удалившегося в монастырь. Архипастырь представлял им, что отдача Новгорода под власть государя латинской веры есть измена православию. Это увещание зашевелило было религиозное чувство многих новгородцев, но ненависть к Москве на время взяла верх. Патриотическая партия пересилила. «Мы не отчина великого князя, – кричали новгородцы на вече, – Великий Новгород извека вольная земля! Великий Новгород сам себе государь!»

Великокняжеских послов отправили с бесчестьем. Иван Васильевич и после этого не разгневался и еще раз послал в Новгород своего посла, Ивана Федоровича Торопкова, с кротким увещанием: «Не отступай, моя отчина, от православия: изгоните, новгородцы, из сердца лихую мысль, не при-

ставайте к латинству, исправьтесь и бейте мне челом; я вас буду жаловать и держать по старине».

И митрополит Филипп еще раз послал увещание; насколько хватало у него учености, обличал он латинское неверие и убеждал новгородского владыку удерживать свою паству от соединения с латинами.

Это было весной 1471 года. Ничто не помогло, хотя в это время призванный новгородцами из Киева князь ушел от них и оставил по себе неприятные воспоминания, так как его дружина позволяла себе разные бесчинства. Партия Борецких поддерживала надежду на помощь со стороны Казимира.

Только тогда решился Иван Васильевич действовать оружием. 31 мая он отправил рать свою под начальством воеводы Образца на Двину отнимать эту важную волость у Новгорода; 6 июня двинул другую рать в двенадцать тысяч под предводительством князя Данила Дмитриевича Холмского к Ильмену, а 13 июня отправил за ним на побережье реки Меты третий отряд под начальством князя Василия Оболенского-Стриги. Великий князь дал приказание сжигать все новгородские пригороды и селения и убивать без разбора и старых, и малых. Цель его была обессилить до крайности новгородскую землю. Разом с этими войсками подвигнуты были великим князем на Новгород силы Пскова и Твери.

Московские ратные люди, исполняя приказание Ивана Васильевича, вели себя бесчеловечно; разбивши новгородский отряд у Коростыня, на берегу Ильменя, московские во-

еначальники приказывали отрезывать пленникам носы и губы и в таком виде отправляли их показаться своим собратьям. Главное новгородское войско состояло большей частью из людей непривычных к битве: из ремесленников, земледельцев, чернорабочих. В этом войске не было согласия. 13 июля, на берегу реки Шелони, близ устья впадающей в Шелонь реки Дряни, новгородцы были разбиты наголову. Иван Васильевич, прибывши с главным войском вслед за высланными им отрядами, остановился в Яжелбицах и приказал отрубить голову четверым, взятым в плен, предводителям новгородского войска и в числе их сыну Марфы Борецкой Димитрию Исаакиевичу.³⁷ Из Яжелбиц Иван двинулся в Русу, оттуда к Ильменю и готовился добывать Новгород оружием.

Поражение новгородского войска произвело переворот в умах. Народ в Новгороде был уверен, что Казимир явится или пришлет войско на помощь Новгороду; но из Литвы не было помощи. Ливонские немцы не пропустили новгородского посла к литовскому государю. Народ завопил и отправил своего архиепископа просить у великого князя пощады.

Владыка с послами от Великого Новгорода прежде всего одарил братьев великого князя и его бояр, а потом был допущен в шатер великого князя и в таких выражениях просил его милости:

³⁷ Кроме него, Василию Селезневу-Губе, Киприану Арбузьеву (или Арзубьеву) и Иеремею Сухошоку, архиепископскому чашнику.

«Господине великий князь Иван Васильевич всея Руси, помилуй, Господа ради, виновных перед тобою, людей Великого Новгорода, своей отчины! Покажи, господине, свое жалованье, уйми меч и огонь, не нарушай старины земли своей, дай видеть свет безответным людям твоим. Пожалуй, смилуйся, как Бог тебе на сердце положит».

Братья великого князя, а за ними московские бояре, принявшие подарки от новгородцев, кланялись своему государю и просили за Новгород.

Перед этим Иван Васильевич получил от митрополита грамоту: московский архипастырь просил оказать пощаду Новгороду. Как бы снисходя усиленному заступничеству за виновных митрополита, своих братьев и бояр, великий князь объявил новгородцам свое милосердие:

«Отдаю нелюбие свое, унимаю меч и грозу в земле новгородской и отпускаю полон без окупа».

Заключили договор. Новгород отрекся от связи с литовским государем, уступил великому князю часть двинской земли, где новгородское войско было разбито московским. Вообще в двинской земле (Заволочье), которую Новгород считал своей собственностью, издавна была чересполосица. Посреди новгородских владений были населенные земли, на которые предъявляли права другие князья, особенно ростовские. Это было естественно, так как население подвигалось туда из разных стран Руси. Великий князь московский, как верховный глава всех удельных князей и обладатель их вла-

дений, считал все такие спорные земли своей отчиной и отнял их у Новгорода, как бы опираясь на старину. Новгород, кроме того, обязался заплатить «копейное» (контрибуцию). Сумма копейного означалась в пятнадцать с половиною тысяч, но великий князь скинул одну тысячу. Во всем остальном договор этот был повторением того, какой заключен при Василии Темном. «Вечные» грамоты также уничтожались.

Верный своему правилу действовать постепенно, Иван Васильевич не уничтожил самобытности новгородской земли, а предоставил новгородцам подать ему вскоре повод сделать дальнейший шаг к тому, чего веками домогалась Москва над Великим Новгородом. Ближайшим последствием этой несчастной войны было то, что новгородская земля была так разорена и обезлюдена, как еще не бывало никогда во время прошлых войн с великими князьями. Этим разорением московский государь обессилил Новгород и на будущее время подготовил себе легкое уничтожение всякой его самобытности.

Иван Васильевич удержал за собою Вологду и Заволожье, а в следующем 1472 году отнял у Великого Новгорода Пермь. Эта страна управлялась под верховною властью Новгорода своими князьками, принявшими христианство, которое с XIV века, со времени проповеди Св. Стефана, распространилось в этом крае. В Перми обидели каких-то москвичей. Иван Васильевич придрался к этому и отправил в пермскую землю рать под начальством Федора Пестрого. Москов-

ское войско разбило пермскую военную силу, сожгло пермский город Искор и другие городки; пермский князь Михаил был схвачен и отослан в Москву. Пермская страна признала над собой власть великого князя московского. Иван Васильевич и здесь поступил согласно своей обычной политике. он оставил Пермь под управлением ее князей, но уже в подчинении Москве, а не Новгороду; по крайней мере, до 1500 года там управлял сын Михаила, князь Матвей, и только в этом году был сведен с княжения и заменен русским наместником.

Между тем посланный в Рим Иван Фрязин обделал данное ему поручение. Папа отпустил его, давши полное согласие на брак московского великого князя с греческой царевной, и вручил грамоту на свободный приезд московских послов за невестой. Возвращаясь назад, Иван Фрязин заехал в Венецию, назвался там большим послом великого князя московского и был принят с честью венецианским правителем (дожем) Николаем Троно. Венеция вела тогда войну с Турцией; представилось соображение отправить вместе с московским послом посла от венецианской республики к хану Золотой Орды, чтобы подвигнуть его на турок. Послом для этой цели избран был Джованни Баттиста Тревизано. Иван Фрязин почему-то счел за лучшее скрыть перед великим князем цели этого посольства и настоящее звание посла, которого назвал купцом, своим родственником. Он отправил его частным образом в дальнейший путь.

Иван Васильевич, получивши с Фрязином от папы согласие на брак, немедленно отправил за невестой в Рим того же Ивана Фрязина с другими лицами. Когда же Иван Фрязин уехал, вдруг открылось, что Тревизано не купец, а посол: за ним отправили погоню, догнали в Рязани и привезли в Москву. Великий князь естественно подозревал, что тут кроется что-то дурное, и приказал посадить Тревизано в тюрьму. Ивану Фрязину, по возвращении в Москву, готовилась заслуженная кара за обман.

Иван Фрязин явился в Рим уполномоченным представлять лицо своего государя. Папой, вместо недавно умершего, был тогда Сикст IV. Этот папа и все его кардиналы увидели в сватовстве московского великого князя случай провести заветные цели римской церкви: во-первых, ввести в русской земле флорентийскую унию и подчинить русскую церковь папе, во-вторых – двинуть силы русской земли против турок, так как в тот век мысль об изгнании турок из Европы была ходячею мыслью на Западе. У римского двора было вообще в обычае, что если к нему обращались, или хотели с ним сблизиться те, которые не признавали власти папы, то это толковалось готовностью со стороны последних добровольно подчиниться власти римского первосвященника. И теперь достаточно было одного сватовства московского великого князя и, по поводу этого сватовства, отправки посольства в Рим, чтобы в таком событии видеть не только желание присоединения, но уже как бы совершившее-

ся присоединение московского государя к римско-католической церкви. Папа в своем ответе Ивану Васильевичу прямо хвалил его за то, что он принимает флорентийскую унию и признает римского первосвященника главой церкви: папа, как будто по желанию великого князя московского, отправлял в Москву легата исследовать на месте тамошние религиозные обряды и направить на истинный путь великого князя и его подданных. Вероятно, Иван Фрязин со своей стороны подал к этому повод неосторожным заявлением преданности папе от лица великого князя: наши летописи уверяют, что он сам прикидывался католиком, тогда как, находясь в русской земле, уже принял восточное православие.

24-го июня 1472 года, нареченная невеста, под именем царицы Софии, выехала из Рима в сопровождении папского легата Антония. С ней отправилась толпа греков: между ними был посол от братьев Софии, по имени Димитрий. Она плыла морем, высадилась в Ревеле и 13-го октября прибыла во Псков, а оттуда в Новгород. В обоих городах встречали ее с большим почетом; во Пскове пробыла София пять дней, благодарила псковичей за гостеприимство и обещала ходатайствовать перед великим князем о их правах; но псковичи с удивлением смотрели на папского легата в красной кардинальской одежде, в перчатках; более всего поражало их то, что этот высокопоставленный духовный сановник не оказывал уважения к иконам, не полагал на себя крестного знамения, и только, подходя к образу Пречистой Богородицы, пе-

рекрестился, но и то, как было замечено, сделал это по указанию царевны.

Такое поведение легата еще соблазнительнее должно было показаться в Москве, где менее, чем во Пскове и в Новгороде, имели возможность знать приемы западных католиков. Уже невеста приближалась к Москве, как в Москву дошла весть о том, что везде, где невеста останавливается, перед папским легатом, который сопровождал ее, несли серебряное литое распятие – «латинский крыж»; великий князь стал советоваться со своими боярами: можно ли допустить такое шествие легата с его распятием по Москве? Некоторые полагали, что не следует ему препятствовать; другие говорили: на земле нашей никогда того не бывало, чтобы латинская вера была в почете. Великий князь послал спросить об этом митрополита. «Нельзя тому стать, – сказал митрополит, – чтоб он так входил в город, да и приближаться к городу ему так не следует: если ты его почтишь, то он – в одни ворота в город, а я в другие ворота вон из города! Не только видеть, и слышать нам о том не годится; кто чужую веру хвалит, тот над своей верою ругается». Тогда великий князь послал к легату сказать, чтоб он спрятал свое литое распятие. Легат, подумавши, повиновался. Иван Фрязин при этом усиленно доказывал, что следует оказать честь папе в лице его легата, так как папа оказывал у себя честь русскому посольству. Бедный итальянец был слишком смел, надеялся на свои услуги, оказанные великому князю, и не знал, что его

ожидает. За пятнадцать верст от Москвы выехал навстречу невесте боярин великого князя Федор Давидович: тут Ивана Фрязина заковали и отправили в Коломну; его дом и имущество разграбили, его жену и детей взяли в неволю.

12-го ноября прибыла невеста в Москву; там все уже было готово к бракосочетанию. Митрополит встретил ее в церкви; он благословил крестом как царевну, так и православных людей, сопровождавших ее. Из церкви она отправилась к матери великого князя; туда прибыл Иван Васильевич. Там происходило обручение. Летописец говорит, что и венчание совершилось в тот же день.³⁸ Митрополит служил литургию в деревянной церкви Успения, поставленной временно вместо обвалившейся каменной, до постройки новой, а после литургии коломенский протопоп Иосия обвенчал московского великого князя с греческою царевною.

Посольство пробыло в Москве одиннадцать недель. Великий князь угощал его, честил и щедро дарил, но легат увидел, что не было надежды на подчинение русской церкви папе. Великий князь предоставлял это церковное дело митрополиту: митрополит выставил против легата для состязания о вере какого-то Никиту, книжника поповича. Но из этого состязания не вышло ничего. Русские говорили, будто легат сказал книжнику: «Нет книг со мною», и потому не мог с ним спорить.

Иван Васильевич отправил в Венецию Антона Фрязина

³⁸ День был четверг.

за объяснением по поводу Тревизано: «Что это делают со мной, — укорял он венецианское правительство, — с меня честь снимают: через мою землю посылают посла, а мне о том не объявляют!» Венецианский дож отправил Антона назад с извинениями и с убедительной просьбой отпустить задержанного Тревизано. Иван Васильевич по этой просьбе освободил венецианского посла и не только отпустил его исполнить свое поручение в Орде, но еще придал ему и своего собственного посла: вступивши в брак с греческой царевной, Иван Васильевич, так сказать, взял с нею в приданое неприязнь к Турции, и потому со своей стороны желал побуждать Ахмата к войне против Турции. Посольство это не имело успеха.

Иван Васильевич, отпуская венецианского посла, дал ему на дорогу семьдесят рублей, а потом отправил своего посла в Венецию и велел сказать, что венецианскому послу дано семьсот рублей. Этот посол Ивана Васильевича, Толбузин, был первый московский посол русского происхождения на Западе и открыл собою ряд русских посланников. Посольство это еще замечательно и тем, что Иван Васильевич поручил Толбузину найти в Италии мастера, который бы мог строить церкви. Много было тогда в Италии архитекторов, но не хотели они ехать в далекую неведомую землю: сыскался один только Фиоравенти, названный Аристотелем за свое искусство, родом из Болоньи. За десять рублей жалованья в месяц отправился он в Москву с Толбузиным и взял с со-

бой сына Андрея и ученика по имени Петр. Этот Аристотель был первый, открывший дорогу многим другим иноземным художникам. Ему поручили строить Успенский собор. Церковь эта была построена еще при Калите; она обветшала, была разобрана; вместо нее русские мастера Кривцов и Мышкин взялись строить новую, да не сумели вывести свод. Аристотель нашел, что русские не умеют ни обжигать кирпичей, ни приготавливать извести. Он приказал все построенное разбить стенобитной машиной, которая возбуждала простодушное удивление русских. «Как это, – говорили они, – три года церковь строена, а он ее меньше чем в неделю развалил!» Еще более удивлялись русские колесу, которым Аристотель поднимал камни при постройке верхних стен здания. Церковь окончена была в 1479 году и освящена с большим празднеством. Аристотель был полезным человеком в Москве не только по строительному делу: он умел лить пушки, колокола и чеканить монету.

Брак московского государя с греческой царевной был важным событием в русской истории. Собственно, как родственный союз с византийскими императорами, это не было новостью: много раз русские князья женились на греческих царевнах и такие браки, кроме первого из них, брака Св. Владимира, не имели важных последствий, не изменяли ничего существенного в русской жизни. Брак Ивана с Софией заключен был при особых условиях. Во-первых, невеста его прибыла не из Греции, а из Италии, и ее брак открыл путь

сношениям московской Руси с Западом. Во-вторых – Византийского государства уже не существовало; обычаи, государственные понятия, приемы и обрядность придворной жизни, лишенные прежней почвы, искали себе новой и нашли ее в единой Руси. Пока существовала Византия, Русь хотя усваивала всю ее церковность, но в политическом отношении оставалась всегда только Русью, да и у греков не было поползновения переделать Русь в Византию; теперь же, когда Византии не стало, возникла мысль, что Греция должна была воплотиться в Руси и русское государство будет преемственно продолжением византийского настолько, насколько русская церковь преемственно была костью от костей и плотью от плоти греческой церкви. Кстати, восточная Русь освободилась от порабощения татарского именно в ту эпоху, когда Византия порабощена была турками. Являлась надежда, что молодая русская держава, усилившись и окрепши, послужит главным двигателем освобождения Греции. Брак Софии с русским великим князем имел значение передачи наследственных прав потомства Палеологов русскому великокняжескому дому. Правда, у Софии были братья, которые иначе распорядились своими наследственными правами: один из ее братьев, Мануил, покорился турецкому султану; другой, Андрей, два раза посещал Москву, оба раза не ужился там, уехал в Италию и продавал свое наследственное право то французскому королю Карлу VIII, то испанскому – Фердинанду Католику. В глазах православных людей пере-

дача прав византийских православных монархов какому-нибудь королю латиннику не могла казаться законною, и в этом случае гораздо более права представлялось за Софиею, которая оставалась верна православию, была супругой православного государя, должна была сделаться и сделалась матерью и праматерью его преемников, и при своей жизни заслужила укор и порицания папы и его сторонников, которые очень ошиблись в ней, рассчитывая через ее посредство ввести в московскую Русь флорентийскую унию. Первым видимым знаком той преемственности, которая образовалась в отношении московской Руси к Греции, было принятие двуглавого орла, герба восточной Римской империи, сделавшегося с тех пор гербом русским. С этих пор многое на Руси изменяется и принимает подобие византийского. Это делается не вдруг, происходит во все время княжения Ивана Васильевича, продолжается и после смерти его. В придворном обиходе является громкий титул царя, целование монаршей руки, придворные чины: ясельничего, конюшего, постельничего (явившиеся, впрочем, к концу княжения Ивана); значение бояр, как высшего слоя общества, падает перед самодержавным государем; все делались равны, все одинаково были его рабами. Почетное наименование «боярин» становится саном, чином: в бояре жалуется великий князь за заслуги; кроме боярина был уже другой, несколько меньший чин — окольничего. Таким образом положено было начало чиновной иерархии. К эпохе Ивана Васильевича, как думать долж-

но, следует отнести начало учреждения приказов с их дьяками. По крайней мере, тогда уже был «разряд», наблюдавший над порядком службы, был и посольский приказ: последнее можно заключать из того, что существовал посольский дьяк. Но всего важнее и существеннее была внутренняя перемена в достоинстве великого князя, сильно ощущаемая и наглядно видимая в поступках медлительного Ивана Васильевича. Великий князь сделался государем самодержцем. Уже в его предшественниках видна достаточная подготовка к этому, но великие князья московские все еще не были вполне самодержавными монархами: первым самодержцем стал Иван Васильевич и стал особенно после брака с Софиею. Вся деятельность его с этих пор была последовательнее и неуклоннее посвящена укреплению единовластия и самодержавия.

И ближайшие к его времени потомки сознавали это. При его сыне Василии, который так последовательно продолжал отцовское дело, русский человек Берсень сказал греку Максиму: «Как пришла сюда мати великого государя, то наша земля замешалася». Грек заметил, что София была особа царского происхождения. Берсень на это сказал: «Максиме господине, какая бы она ни была, да к нашему нестроению пришла; а мы от разумных людей слышали: которая земля переставляет свои обычаи, и та земля не долго стоит, а у нас князь великий обычаи переменял». Главная сущность таких перемен в обычаях, как показывают слова того же Берсеня, состояла во введении самодержавных приемов, в том, что

государь перестал по старине советоваться со старейшими людьми, а запершись у постели, все дела сам – третьей делал. Позже Берсеня, спустя столетие после брака Ивана Васильевича с Софиею, Курбский, ненавидевший самовластие внука этой четы, приписывал начало противного ему порядка вещей Софии, называл ее чародейницею, обвинял в злодеяниях, совершенных над членами семьи великого князя. Несомненно, что сама София была женщина сильная волей, хитрая и имела большое влияние как на своего мужа, так и на ход дел в Руси.

Одним из важнейших событий после брака с Софиею была окончательная расправа с Новгородом. Иван воспользовался давним правом княжеского суда, чтоб лишить Новгород некоторых лиц, в которых видел противников своих самодержавных стремлений. В 1475 году он отправился в Новгород и был принят там с большим почетом. В Новгороде, как всегда бывало, происходили несогласия, и не было недостатка в таких лицах, которые готовы были своими жалобами возбуждать великого князя к производству суда над новгородскими людьми. Явились жалобщики (старосты Славковой и Никитиной улицы и два боярина); случилось, что они жаловались на тех именно лиц, которые были особенно ненавистны великому князю по прежней его ссоре с Новгородом. Великий князь, как будто уважая новгородскую старину, давши на обвиняемых своих великокняжеских приставов, велел дать на них же еще приставов от веча и, назначив

день суда на Городище, приказал быть при суде своем новгородскому владыке и посадникам. Иван Васильевич признал тех, которых противная сторона обвиняла, виновными в наездах на дворы, в грабежах и убийствах и приказал своим боярам взять под стражу из числа обвиненных четырех человек (Василья Онаньина, Богдана Есипова, Федора Борецкого и Ивана Лошинского), противников Москвы, какими они показали себя в 1471 году. Великий князь тут же приказал присоединить к ним еще двух человек, не подвергавшихся его суду (Ивана Афанасьева и сына его Елевферия), припомнивши им, что они затевали отдать Новгород польскому королю. Но на этом суде только для вида присутствовали посадники, и только по форме суд этот был, сообразно старине, двойственным, то есть и княжеским и вместе народным; на самом деле суд этот был судом одного только великого князя, как видно из того, что впоследствии и владыка, и посадники несколько раз просили московского великого князя, чтобы он выпустил задержанных новгородцев. Великий князь был неумолим: шестерых взятых под стражу приказал отправить в Москву, а оттуда на заточение в Муром и Коломну; прочих же обвиненных этим судом отдал на поруки, наложивши на них в уплату истцам и себе за их вину большую сумму в полторы тысячи рублей. Затем Иван Васильевич пировал у новгородцев, и эти пирушки тяжело ложились на их карманы: не только те, которые устраивали пиры для великого князя, дарили его деньгами, вином, сукнами, лошадьми, серебряною

и золотую посудую, рыбьим зубом; даже те, которые не угощали его пирами, приходили на княжеский двор с подарками, так что из купцов и житых людей не осталось никого, кто бы тогда не принес великому князю от себя даров. По возвращении Ивана Васильевича в Москву, в конце марта 1476 года, приехал к нему новгородский архиепископ с посадниками и житыми людьми бить челом, чтоб он отпустил задержанных новгородцев. Иван Васильевич взял от них дары, но не отпустил взятых в неволю новгородцев, о которых они просили. Великокняжеский суд, произведенный на Городище, естественно понравился тем, которые были оправданы этим судом; это побуждало некоторых новгородцев явиться в Москву и также искать великокняжеского суда на свою бранию. Издавна одним из важнейших прав новгородской вольности было то, что великому князю нельзя было вызывать новгородца из его земли и судить не в новгородской земле. Это право теперь нарушалось. Великий князь выслушивал новгородских истцов в Москве и отправлял в Новгород своих московских, а не новгородских приставов за ответчиками. В числе таких челобитчиков и ответчиков было двое чиновников новгородского веча: подвойский (чиновник по поручениям) по имени Назар и дьяк веча (секретарь) Захар Овинов. В Москве их разумели как послов от веча. Вместо того, чтобы по старине назвать великого князя и его сына (которого имя уже ставилось в грамотах как имя соправителя) господами, они называли их государями. Великий князь ухва-

тился за это, и 24 апреля 1477 года отправил своих послов спросить: какого государства хочет Великий Новгород, так как об этом государстве говорили в Москве приехавшие от всего Великого Новгорода послы.

Новгородцы на вече отвечали, что не называли великого князя государем и не посылали к нему послов говорить о каком-то новом государстве: весь Новгород, напротив, хочет, чтоб все оставалось без перемены по старине.

Еще послы великого князя не успели уехать из Новгорода, как там поднялось волнение: 31 мая вече казнило троих лиц – Василия Никифорова, Захара Овинова и брата его Козьму. Услыхавши об этом, великий князь испросил благословения у митрополита Геронтия, заступившего место умершего Филиппа, и в начале октября 1477 года двинулся с войском наказывать Новгород огнем и мечом. И Тверь, и Псков должны были посылать свою рать на Новгород. К ополчению московского великого князя пристали люди из новгородских волостей, бежечане, новоторжцы, волочане (жители Волока-Ламского), так как в этих пограничных волостях были в чересположности владения неновгородские. Неприятельские отряды распущены были по всей новгородской земле от Заволочья до Наровы и должны были жечь людские поселения и истреблять жителей. Для защиты своей свободы у новгородцев не было ни материальных средств, ни нравственной силы. Они отправили владыку с послами просить у великого князя мира и пощады.

Послы встретили великого князя в Сытынском погосте близ Ильменя. Великий князь не принял их, а велел своим боярам представить им на вид вину Великого Новгорода: «Сами новгородцы послали в Москву послов, которые назвали великого князя государем, а теперь Новгород отрекается от этого!» В заключение бояре сказали: «Если Новгород захочет бить челом, то он знает, как ему бить челом».

Вслед за тем великий князь 27 ноября переправился через Ильмень и стал за три версты от Новгорода в селе, принадлежавшем опальному Лошинскому, близ Юрьева монастыря. Новгородцы еще раз послали послов своих к великому князю, но московские бояре, не допустивши их, как и прежде, до великого князя, сказали им все те же загадочные слова: «Если Новгород захочет бить челом, то он знает, как ему бить челом».

Великокняжеские войска, захвативши подгородные монастыри, окружили весь город; Новгород очутился замкнутым со всех сторон.

Опять отправился владыка с послами. Великий князь и на этот раз не допустил их к себе; но бояре теперь не говорили им загадок, а объявили напрямик; «Вечу и колоколу не быть, посаднику не быть, государство новгородское держать великому князю точно так же, как он держит государство в Низовой земле, а управлять в Новгороде его наместникам». За это их обнадеживали тем, что великий князь не станет отнимать у бояр земель и не будет выводить жителей из нов-

городской земли.

Шесть дней прошло в волнении. Новгородские бояре, ради сохранения своих вотчин, решились пожертвовать земскою свободою, хотя, в сущности, с потерей этой свободы не оставалось никакого ручательства в целости достояния частных лиц. Народ не в силах был защищаться оружием; не у кого было просить помощи, и не могла она ниоткуда прийти к Новгороду: город был отрезан от всего.

Владыка с послами снова поехал в стан великого князя и объявил, что Новгород соглашается на все. Послы предложили написать договор в этом же смысле и утвердить его с обеих сторон крестным целованием. Но бояре сказали, что великий князь не станет целовать креста.

«Пусть бояре поцелуют крест», – сказали новгородские послы. «И боярам не велит государь целовать креста», – отвечали бояре, доложивши прежде об этом великому князю.

«Так пусть наместник великого князя поцелует крест», – говорили новгородцы.

«И наместнику не велит государь целовать креста», – отвечали бояре.

Новгородские послы с таким ответом хотели идти в Новгород, но их задержали, не сказавши причины, за что задерживают.

Иван Васильевич нарочно медлил для того, чтобы тем временем новгородцы в осаде дошли до крайнего положения от голода и распространившихся болезней, а новгородская

земля потерпела бы еще сильнее от его рати. Наконец, в январе 1478 года потребовали от послов, чтобы Новгород отдал великому князю половину владычных и монастырских волостей и все новоторжские волости, чьи бы они ни были.

Новгород на все согласился, выговоривши только льготу для бедных монастырей. Условились, чтоб с каждой сохи, т.е. с пространства в три обжи или в три раза более того, сколько один человек может спяхать одной лошадью, брать дань по полугривне.

15-го января все новгородцы были приведены к присяге на полное повиновение великому князю. По этой присяге каждый новгородец был обязан доносить на своего брата новгородца, если услышит от него что-нибудь о великом князе хорошего или худого. В этот день снят был вечевой колокол и отвезен в московский стан.

Несмотря на обещание никого не выводить с новгородской земли, великий князь в феврале того же года приказал схватить, заковать и отправить в Москву несколько лиц, стоявших еще прежде во главе патриотического движения. В числе их была Марфа Борецкая с внуком, сыном, уже умершего тогда в заточении в Муроме, Федора. Имущество опальных досталось великому князю – было «отписано на государя», как тогда начали выражаться.

Великий князь назначил в Новгороде четырех наместников и уехал в Москву. Современники говорят, что по его приказанию отправилось туда триста возов с добычей, на-

грабленной у новгородцев. Повезли в Москву и вечевой колокол Великого Новгорода; и вознесли его на колокольницу, – говорит летописец, – с прочими колоколами звонити.

Москва, расширяя пределы своей волости, со времен Ивана Калиты еще не приобретала такой важной добычи: все огромное пространство севера нынешней Европейской России, от Финского залива до Белого моря, теперь принадлежало ее государю. Но этот успех навлек на нее бурю. Казимир пропустил удобное время, не помог Новгороду тогда, когда бы еще мог овладеть им и тем поставить преграду распространяющемуся могуществу Москвы; теперь, казалось, он испугался этого могущества и думал исправить испорченное дело. Он отправил посла к хану Золотой Орды возбуждать его на Москву, обещал действовать с ним заодно со своими силами литовскими и польскими. В то же время он стал ласкать и обнадеживать новгородцев. Естественно, в Новгороде, после покорения, должна была оставаться партия, готовая на всякие покушения к восстановлению павшего здания. Составился заговор. Заговорщики вошли в сношения с Литвой. У новгородцев явились союзниками даже братья великого князя, Андрей Старший и Борис; они были недовольны Иваном Васильевичем: с ним заодно покоряли они Новгород, но Иван Васильевич присоединил покоренную землю к своей державе, а братьям не дал части в добыче.³⁹ Иван Васильевич узнал впору об опасности и поспешил

³⁹ Кроме того, он не дозволил боярам отъезжать к его братьям: одного из них,

в Новгород осенью 1479 года. Он утаивал свое настоящее намерение и пустил слух, будто идет на немцев, нападавших тогда на Псков; даже сын его не знал истинной цели его похода. Новгородцы, между тем понадеявшись на помощь Казимира, прогнали великокняжеских наместников, возобновили вечевой порядок, избрали посадника и тысяцкого.

Великий князь подошел к городу со своим иноземным мастером Аристотелем, который поставил против Новгорода пушки; его пушкари стреляли метко. Тем временем великокняжеская рать захватила посады, и Новгород очутился в осаде. Поднялась в Новгороде безледица; многие сообразили, что нет надежды на защиту и поспешили заранее в стан великого князя с поклоном. Наконец, патриоты не в силах будучи обороняться, послали к великому князю просить «опаса», т.е. грамоты на свободный проезд послов для переговоров. Но времена переговоров с Москвой уже минули для Новгорода.

«Я вам опас, – сказал великий князь, – я опас невинным; я государь вам, отворяйте ворота, войду – никого невинного не оскорблю».

Новгород отворил ворота; архиепископ вышел с крестом; новый посадник, новый тысяцкий, старосты от пяти концов Новгорода, бояре, множество народа, все пали на землю и

князя Оболенского-Лька, приказал схватить во владениях Бориса. Меньший брат Андрей не пристал к своим братьям, когда они стоваривались против Ивана; он задолжал великому князю 30000 р. и впоследствии завещал ему за это свой удел.

молили о прощении. Иван пошел в храм Св. Софии, молился, потом поместился в доме новоизбранного посадника Ефрема Медведева.

Доносчики представили Ивану Васильевичу список главных заговорщиков. По этому списку он приказал схватить пятьдесят человек и пытать. Они под пытками показали, что владыка с ними был в соумышлении; владыку схватили 19-го января 1480 года и без церковного суда отвезли в Москву, где заточили в Чудовом монастыре. «Познаваю, – написал он, – убожество моего ума и великое смятение моего неразумения». Архиепископская казна досталась государю. Обвиненные наговорили на других, и таким образом схвачено было еще сто человек; их пытали, а потом всех казнили. Имя казненных отписано было на государя.

Вслед за тем более тысячи семей купеческих и детей боярских выслано было и поселено в Переяславле, Владимире, Юрьеве, Муроме, Ростове, Костроме, Нижнем Новгороде. Через несколько дней после того московское войско погнало более семи тысяч семей из Новгорода на московскую землю. Все недвижимое и движимое имущество переселяемых сделалось достоянием великого князя. Многие из сосланных умерли на дороге, так как их погнали зимой, не давши собраться; оставшихся в живых расселили по разным посадам и городам; новгородским детям боярским давали поместья, а вместо них поселяли на новгородскую землю москвичей. Точно так же вместо купцов, сосланных на москов-

скую землю, отправили других из Москвы в Новгород.

Расправившись с Новгородом, Иван спешил в Москву; приходили вести, что на него двигается хан Золотой Орды. Собственно говоря, великий князь московский на деле уже был независим от Орды: она пришла тогда к такому ослаблению, что вятские удалыцы, спустившись по Волге, могли разграбить Сарай, столицу хана. Великий князь перестал платить вынужденную определенную дань, ограничиваясь одними дарами; а это не могло уже иметь смысл подданства, так как подобным образом дары от московских государей и впоследствии долго давались татарским владетелям во избежание разорительных татарских набегов. Таким образом, освобождение Руси от некогда страшного монгольского владычества совершилось постепенно, почти незаметно. Бывшая держава Батыея, распавшись на многие царства, была постоянно раздираема междоусобиями, и если одно татарское царство угрожало Москве, то другое мешало ему поработить Москву; хан Золотой Орды досадовал, что раб его предков, московский государь, не повинуется ему; но Иван Васильевич нашел себе союзника в крымском хане Менгли-Гирее, враге Золотой Орды. Только после новгородского дела обстоятельства сложились временно так, что хан Золотой Орды увидел возможность сделать покушение восстановить свои древние права над Русью. Союзник Ивана Васильевича Менгли-Гирей был изгнан и заменен другим ханом – Зенибеком. Литовский великий князь и польский король Казимир

побуждал Ахмата против московского государя, обещая ему большую помощь, да вдобавок московский государь поссо-рился со своими братьями⁴⁰; для Ахмата представлялись надежды на успех; но многое изменилось, когда Ахмат собрался в поход; Менгли-Гирей прогнал Зенибека и снова овладел крымским престолом; московский государь помирился с братьями, давши им обещание сделать прибавку к тем наследственным уделам, которыми они уже владели; наконец, когда хан Золотой Орды шел из волжских стран степью к берегам Оки, Иван Васильевич отправил вниз по Волге на судах рать под начальством звенигородского воеводы Василия Ноздреватого и крымского царевича Нордоулата, брата Менгли-Гирея, чтобы потревожить Сарай, оставшийся без обороны.

Несмотря на все эти меры, показывающие благоразумие Ивана Васильевича, нашествие Ахмата сильно беспокоило его: он по природе не был храбр; память о посещении Москвы Тохтамышем и Эдиги сохранялась в потомстве. Народ был в тревоге; носились слухи о разных зловещих предзна-

⁴⁰ Существуют такие известия: ханы, посылая своих послов в Москву, отправили с ними свое изображение, так наз. «басма»; великие князья должны были кланяться этому изображению и выслушивать ханскую грамоту, стоя на коленях. Иван Васильевич уклонялся от этой церемонии, сказываясь больным; наконец, когда Ахмат послал потребовать дани, Иван Васильевич изломал ханскую басму, растоптал ее ногами и велел умертвить послов: вследствие этого Ахмат пошел на Москву. Сказание это не имеет достоверности, и гораздо правдоподобнее, что Ахмат был возбужден на московского государя Казимиром, как объясняют другие современные известия.

менованиях: в Алексине, куда направлялись татары, люди видели, как звезды, словно дождь, падали на землю и рассыпались искрами, а в Москве ночью колокола звонили сами собою; в церкви Рождества Богородицы упал верх и сокрушил много икон: все это сочтено было предвестием беды, наступавшей от татар.

Иван Васильевич отправил вперед войско с сыном Иваном, а сам оставался шесть недель в Москве, между тем супруга его выехала из Москвы в Дмитров и оттуда водяным путем отправилась на Белоозеро. Вместе с ней великий князь отправил свою казну. Народ с недовольством узнал об этом; народ не терпел Софии, называл ее римлянкой; тогда говорили, что от сопровождавших ее людей и боярских холопов, «кровопийц христианских», хуже было русским жителям, чем могло быть от татар. Напротив того, мать великого князя инокиня Марфа изъявила решимость остаться с народом в осаде, и за то приобрела общие похвалы от народа, который видел в ней русскую женщину в противоположность чужеземке. Побуждаемый матерью и духовенством, Иван Васильевич оставил Москву под управлением князя Михаила Андреевича Можайского и наместника своего Ивана Юрьевича Патрикеева, а сам поехал к войску в Коломну; но там окружили его такие же трусы, каким он был сам: то были, как выражается летописец, «богатые сребролюбцы, брюхатые предатели»; они говорили ему: «Не становись на бой, великий государь, лучше беги; так делали пра-

дед твой Димитрий Донской и дед твой Василий Димитриевич». Иван Васильевич поддался их убеждениям, которые сходились с теми ощущениями страха, какие испытывал он сам. Он решился последовать примеру прародителей, уехал обратно в Москву и встретил там народное волнение; в ожидании татар толпы перебирались в Кремль; народ с ужасом увидел нежданно своего государя в столице, в то время, когда все думали, что он должен был находиться в войске. Народ и без того не любил Ивана, а только боялся его; теперь этот народ дал волю долго сдержанным чувствам и завопил: «Ты, государь, княжишь над нами так, что пока тихо и спокойно, то обираешь нас понапрасну, а как придет беда, так ты в беде покидаешь нас. Сам разгневал царя, не платил ему выходу, а теперь нас всех отдаешь царю и татарам!»

Духовенство, со своей стороны, подняло голос; всех смелее заявил себя ростовский архиепископ Вассиан Рыло: «Ты боишься смерти, – говорил он Ивану, – но ведь ты не бессмертен! Ни человек, ни птица, ни зверь не избегнут смертного приговора. Если боишься, то передай своих воинов мне. Я хотя и стар, но не пощажу себя, не отвращу лица своего, когда придется стать против татар». Невыносимы были эти обличительные слова великому князю: он и в Москве трусил, но уже не врагов, а своих, боялся народного восстания, уехал из столицы в Красное Село и послал к сыну Ивану приказание немедленно приехать к нему. К счастью, сын был храбрее отца и не послушался его. Иван Васильевич, раздражен-

ный этим непослушанием, приказал князю Холмскому силой привезти к нему сына; но и Холмский не послушался его и не решился употребить насилия, когда сын великого князя сказал ему: «Лучше здесь погибну, чем поеду к отцу». Время было роковое для самодержавных стремлений Ивана, он чувствовал, что народная воля способна еще проснуться и показать себя выше его воли. Опаснее было оставаться или куда-нибудь бежать, чтобы скрыться от татар, чем отправиться на войну с татарами. Иван уехал к войску, в сущности побуждаемый той же трусостью, которая заставила его покинуть войско.

Между тем хан Ахмат шел медленно по окраине литовской земли, мимо Мценска, Любутска, Одоева, и стал у Воротынска, ожидая себе помощи от Казимира. Литовская помощь не пришла к нему; союзник Ивана Васильевича Менгли-Гирей напал на Подол и тем отвлек литовские силы. Великий князь московский пришел с войском в Кременец, где соединился с братьями. Ахмат двинулся к реке Угре: начались стычки с передовыми русскими отрядами; между тем река стала замерзать. Великий князь перешел от Кременца к Боровску, объявивши, что здесь на просторном поле намерен вступить в бой; но тут на него опять нашла боязнь. Были у него приближенные советники, которые поддерживали в Иване Васильевиче трусость и побуждали вместо битвы просить милости у хана. Иван Васильевич отправил к Ахмату Ивана Товаркова с челобитьем и дарами, просил пожаловагь

его и не разорять своего «улуса», как он называл перед ханом свои русские владения. Хан отвечал: «Я пожалуй его, если он придет ко мне бить челом, как отцы его ездили к нашим отцам с поклоном в Орду». В это-то время пришло к Ивану послание от ростовского архиепископа Вассиана, один из красноречивых памятников нашей древней литературы: пастырь ободрял Ивана Васильевича примерами из Св. Писания и из русской истории, убеждал не поддаваться коварным советам трусов, которые покроют его срамом. Видно, что тогда некоторые представляли великому князю такой довод, что татарские цари – законные владыки Руси, и русские князья, прародители Ивана Васильевича, завещали потомкам не поднимать рук против царя. Вассиан по этому вопросу говорит: «Если ты рассуждаешь так: прародители заклинали нас не поднимать руки против царя, – то слушай, боголюбивый царь: клятва бывает невольная, и нам повелено прощать и разрешать от таких клятв; и святейший митрополит, и мы, и весь боголюбивый собор разрешаем тебя и благословляем идти на него, не так как на царя, а как на разбойника, и хищника, и богоборца. Лучше солгать и получить жизнь, нежели истинствовать и погибнуть, отдавши землю на разорение, христиан на истребление, святые церкви на запустение и осквернение, и уподобиться окаянному Ироду, который погиб, не хотя преступить клятвы. Какой пророк, какой апостол, какой святитель научил тебя, христианского царя великих русских стран, повиноваться этому богостудному,

скверному и самозванному царю? Не только за наше согрешение, но и за нашу трусость и ненадеяние на Бога попустил Бог на твоих прародителей и на всю землю русскую окаянного Батые, который пришел, разбойнически попленил нашу землю, поработил нас и воцарился над нами: тогда мы прогневали Бога и Бог наказал нас. Но Бог, потопивший Фараона и избавивший Израиля, все тот же Бог вовеки! Если ты, государь, покаешься от всего сердца и прибегнешь под крепкую руку Его и дашь обет всем умом и всею душою своею перестать делать то, что ты прежде делал, будешь творить суд и правду посреди земли, любить ближних своих, никого не будешь насиловать и станешь оказывать милость согрешающим, то и Бог будет милостив к тебе в злое время; только кайся не одними только словами, совсем иное помышляя в своем сердце. Такого покаяния Бог не принимает: истинное покаяние состоит в том, чтобы перестать делать дурное».

Не знаем, подействовала ли эта смелая обличительная речь, или, быть может, гордое требование Ахмата задело за живое Ивана, или, как говорят летописцы, страх опасности лично явиться к хану не допустил Ивана до последнего унижения. Сам Ахмат прислал к нему с таким словом: «Если не приедешь сам, то пришли сына или брата». Иван не сделал этого. Тогда Ахмат прислал к нему еще раз: «Если не пришлешь ни сына, ни брата, то пришли Никифора Басенкова». Этот Никифор бывал в Орде, и хан знал его. Великий князь не послал Басенкова, а быть может только не успел послать

его, прежде чем пришла к нему неожиданная весть: хан бежал со всеми татарами от Угры. В то время, когда великий князь и его советники были одержимы страхом перед татарскими силами, сами татары боялись русских. Ахмат решился предпринять свой поход потому, что надеялся на помощь Казимира; но Казимир не приходил, наступали морозы: татары – по выражению современников – были и босы, и ободраны. Челобитье великого князя сначала ободрило Ахмата, но когда после того московский князь не исполнил его требования, Ахмат понял дело так, что русские не боятся его, а между тем посланный вниз по Волге отряд под начальством Ноздреватого и Нордоулата напал на Сарай, разграбил его, и до Ахмата, быть может, дошли об этом слухи. Ахмат, повернувши назад, шел по литовской земле и с досады разорял ее за то, что Казимир не помог ему вовремя.

Иван Васильевич с торжеством вернулся в Москву. Москвичи радовались, но говорили: «Не человек спас нас, не оружием избавили мы русскую землю, а Бог и Пречистая Богородица». Тогда воротилась и София с Белоозера со своей толпой. «Воздай им, Господи, по делам их и по лукавству их», – говорит по этому поводу летописец.

К большому торжеству Москвы скоро пришла весть, что у реки Донца на Ахмата напал Ивак, хан шибанской или тюменской орды, соединившись с ногайскими мурзами; он собственноручно убил сонного Ахмата 6 января 1481 года и известил об этом великого князя московского, который за то

послал ему дары.

Эту эпоху обыкновенно считают моментом окончательно-го освобождения Руси от монгольского ига, но в сущности, как мы заметили выше, Русь на самом деле уже прежде стала независимой от Орды. Во всяком случае событие это важно в нашей истории, как эпоха окончательного падения той Золотой Орды, которой ханы держали в порабощении Русь и назывались в Руси ее царями. Преемники Ахмата были уже совершенно ничтожны. Достоинно замечания, что Казимир, подвигнувший последние силы Золотой Орды, не только не достиг цели своего желания – остановить возрастающее могущество Москвы, но еще навлек на свои собственные области двойное разорение: и от Менгли-Гирея, и от самого Ахмата, а тем самым способствовал усилению враждебного московского государства. Скоро после того, думая поправить испорченное дело, Казимир пытался поднять на Москву бессильных сыновей Ахмата, и в то же время выставил против Москвы свое войско в Смоленске; но прежде чем он мог нанести московским владениям какой-либо вред, союзник Москвы Менгли-Гирей напал на Киев, опустошил его, сжег, между прочим, Печерский монастырь, ограбил церкви и прислал в дар своему приятелю, московскому государю, золотую утварь – потир и дискос из Софийского храма. Между тем подручные Казимиру князья передавались Ивану Васильевичу. Трое из них: Ольшанский, Михаил Олелькович и Федор Бельский намеревались отторгнуть от Литвы русские

северские земли вплоть до Березины и передать во владение московскому великому князю. Казимир успел схватить двух первых и казнил, а Бельский ушел в Москву и получил от Ивана Васильевича в вотчину на новгородской земле Демон и Мореву; Казимир отомстил беглецу тем, что задержал его жену, с которой Бельский только что вступил в брак.

Тогда же неприятель Казимира, венгерский владетель Матфей Корвин, завел сношения с московским государем, и великий князь московский, через посланного к Матфею дьяка Курицына, просил его прислать в Москву инженеров и горных мастеров: в последних московский государь видел нужду, потому что узнал о существовании металлических руд на севере, но не было у него в московском государстве людей, умеющих добывать руду и обращаться с нею. В то же время молдавский господарь Стефан, который боялся Казимира и хотел оградить свое владение от властолюбивых покушений Литвы и Польши, вступил в родственную связь с Иваном Васильевичем. Он предложил свою дочь Елену за сына московского государя Ивана Ивановича. Иван Васильевич послал за Еленой боярина своего Плещеева. Елена ехала через Литву, и Казимир не только не остановил ее, но послал ей дары. Таким образом, втайне покушаясь делать вред московскому государю и терпя за такие покушения вред, наносимый своим областям, Казимир явно боялся своего соперника и оказывал ему наружно знаки дружбы.

Сын Ивана Васильевича обвенчался с Еленой 6 января

1483, а в октябре того же года родился у них сын по имени Димитрий: Иван Васильевич очень радовался рождению внука, не предвидя, что настанет время, когда он сделается мучителем этого внука.

Заметно возрастала жестокость характера московского государя по мере усиления его могущества. Тюрмы наполнялись; битье кнутом, позорная торговая казнь, стало частым повсеместным явлением; этого рода казнь была неизвестна в древней Руси; сколько можно проследить из источников, она появилась в конце XIV века и стала входить в обычай только при отце Ивана Васильевича; теперь от нее не избавлялись ни мирские, ни духовные, навлекшие на себя гнев государя. Страшные пытки сопровождали допросы. Иван Васильевич признавал нужду в иноземцах, и вслед за Аристотелем появилось их уже несколько в Москве; но московский властитель не слишком ценил их безопасность, когда что-нибудь было не по его нраву. Был у него врач немец по имени Антон; он пользовался почетом у великого князя, но в то время, когда совершалась свадьба Иванова сына, этот врач лечил одного татарского князька Каракуча, находившегося при царице Даниаре, служившем в Москве: вылечить его не удалось. Великий князь не только выдал этого бедного немца сыну умершего князька, но когда последний, помучивши врача, хотел отпустить его, взявши с него окуп, Иван Васильевич настаивал, чтоб татары убили Антона; и татары, исполняя волю великого князя московского, повели Антона под мост на

Москву-реку и там на льду зарезали ножом как овцу, по выражению летописца. Это событие навело такой страх на Аристотеля, что он стал проситься у Ивана Васильевича отпустить его на родину, но московский властитель считал своим рабом всякого, кто находился у него в руках; он приказал ограбить все имущество архитектора и засадил в заключение на дворе немца Антона. Итальянец был выпущен для того, чтобы поневоле продолжать службу на земле, на которую он имел легкомыслие захватить добровольно.

Чем далее, тем последовательнее и смелее прежнего Иван Васильевич занялся расширением пределов своего государства и укреплением своего единовластия. Разделался он с верейским князем по следующему поводу: по рождении внука Димитрия, Иван Васильевич хотел подарить своей невестке, матери новорожденного, жемчужное украшение, принадлежавшее некогда его первой жене Марии. Вдруг он узнал, что София, которая вообще не щадила великокняжеской казны на подарки своим родным, подарила это украшение своей племяннице гречанке Марии, вышедшей за Василия Михайловича верейского. Иван Васильевич до того рассвирепел, что приказал отнять у Василия все приданое его жены и хотел взять под стражу его самого. Василий убежал в Литву вместе с женой. Отец Василия, Михаил Андреевич, вымолил себе самому пощаду единственно тем, что отрекся от сына, обязался не сноситься с ним и выдавать великому князю всякого посланца, которого вздумает сын его прислать к нему,

наконец, написал завещание, по которому отказывал великому князю по своей смерти свои владения – Ярославец, Верей и Белоозеро, с тем, чтобы великий князь со своим сыном поминали его душу. Смерть не замедлила постигнуть этого князя (весной 1485 г.); говорили впоследствии, что Иван Васильевич втайне ускорил ее.

Упрочив за собою владения верейского князя, в 1484 г. великий князь обратился еще раз к Новгороду: нашлись такие новгородцы, которые подали ему донос на богатых людей, будто они хотят обратиться к Казимиру. Московскому властелину хотелось приобрести имущество обвиненных: предлог был благовиден. По такому доносу привезли из Новгорода человек тридцать самых «больших» изжитых людей и отписали на государя их дома и имущества в Новгороде. Привезенных посадили во дворе Товаркова, одного из приближенных Ивана Васильевича; великокняжеский подьячий Гречневик, по приказанию государя, принялся мучить их, чтобы вынудить сознание в том, в чем их оговорили. Новгородцы под пытками наговорили друг на друга. Великий князь приказал их перевешать. Когда их повели к виселице, они стали просить взаимно друг у друга прощения и сознавались, что напрасно наклепали одни на других, не в силах будучи вытерпеть мук пытки. Услышав об этом, Иван Васильевич не велел их вешать; он поступил тогда так, как часто поступали самовластители, когда, отменяя смертную казнь и заменяя ее томительным пожизненным заключением, на са-

мом деле усиливали кару своим врагам, а чернь прославляла за то милосердие своих владык. Иван Васильевич приказал засадить новгородцев в тюрьму в оковах, и они, вместо коротких смертных страданий на виселице, должны были многие годы томиться в тюрьме; жен их и детей Иван отправил в заточение.

В 1485 году, похоронивши мать свою, инокиню Марфу, Иван Васильевич разделался с Тверью. Зимой в начале этого года великий князь московский обвинил великого князя тверского в том, что он сносится с Казимиром. Сперва Иван Васильевич взял с тверского князя договорную запись, в которой еще как будто признавал тверского князя владетельным лицом, только обязал его не сноситься с Литвой. Потом дело умышленно ведено было так, чтоб можно было опять придрататься. Князя тверской земли, подручники тверского великого князя Андрей микулинский и Иосиф дорогобужский оставили службу своему великому князю и передались московскому: Иван Васильевич обласкал их и наделил волостями: первому дал город Дмитров, другому – Ярославль. По их примеру тверские бояре один за другим стали переходить к Москве: им нельзя уже было, – говорит современник, – терпеть обид от великого князя московского, его бояр и детей боярских: где только сходились их межи с межами московскими, там московские землевладельцы обижали тверских, и не было нигде на московских управы; у Ивана Васильевича в таком случае свой московский человек был

всегда прав; а когда московские жаловались на тверских, то Иван Васильевич тотчас посылал к тверскому великому князю с угрозами и не принимал в уважение ответов тверского. Наконец, в конце августа того же года Иван Васильевич двинулся на Тверь ратью вместе со своими братьями; он взял и своего порабощенного итальянца Аристотеля с пушками. Предлог был таков: перехватили гонца тверского с грамотами к Казимиру. Михаил Борисович присылал оправдываться подручного своего князя Холмского, но московский государь не пустил его к себе на глаза. 8 сентября Иван Васильевич подступил к Твери; 10 числа тверские бояре оставили своего великого князя, приехали толпой к Ивану Васильевичу и били челом принять их на службу. Несчастный Михаил Борисович в следующую за тем ночь бежал в Литву, а 12 сентября остававшийся в Твери его подручник князь Михаил Холмский со своими братьями, с сыном и с остальными боярами, с земскими людьми и с владыкой Кассианом приехал к Ивану Васильевичу; они ударили московскому государю челом и просили пощады. Иван Васильевич послал в город своих бояр и дьяков привести к целованию всех горожан и охранить от разорения. Потом московский государь сам въехал победителем в Тверь, так долго соперничествовавшую с Москвой. Он отдал Тверь своему сыну Ивану Ивановичу и тем как будто все еще сохранял уважение к наследственным удельным правам: Иван Иванович был сын тверской княжны и по матери происходил от тех тверских кня-

зей, которых память еще могла для тверичей быть исторической святыней. Михаил Борисович напрасно просил помощи у Казимира; польский король дал приют изгнаннику, но отрекся помогать ему и заявил об этом Ивану Васильевичу.

В 1487 году московский государь снова обратился на Казань и на этот раз удачнее, чем прежде. Партия вельмож, недовольная своим царем Алегамом, обратилась к московскому великому князю. Она хотела возвести на престол меньшого брата Алегамова Махмет-Аминя, которого мать Нурсалтан, по смерти своего мужа, казанского царя Ибраги-ма, вышла за крымского хана Менгли-Гирея, друга и союзника Иванова. По приказанию московского государя русские после полуторамесячной осады взяли Казань и посадили там Махмет-Аминя. Это подчинение Казани, еще далеко не полное, сопровождалось со стороны московского государя жестокостями; он приказал передушить князей и уланов казанских, державшихся Алегамы; самого плененного Алегамы с женой заточил в Вологде, а мать его и сестер сослал на Белоозеро.

Овладевая новыми землями, Иван Васильевич продолжал добывать Новгород. Там составился заговор против наместника Якова Захарьевича; подробности его неизвестны, но по этому поводу множество лиц было схвачено: иным отрубили головы, других повесили, а затем более семи тысяч житых людей было выведено из Новгорода. На другой год вывели и поселили в Нижнем еще до тысячи житых людей. Иван Ва-

сильевич вывел с новгородской земли тамошних землевладельцев и раздавал им поместья в Нижнем, Владимире, Муроме, Переяславле, Юрьеве, Ростове, Костроме, а в новгородскую землю переводил так называемых детей боярских с московской земли и там раздавал им поместья. Первоначально дети боярские были действительно потомки бояр, обедневшие и лишенные возможности поддерживать значение, какое имели их предки, но помнившие свое знатное происхождение, и потому вместо того, чтобы по примеру предков называться боярами, назывались только детьми их. Впоследствии этим именем стали называться служилые люди, получавшие земли с обязанностью нести службу; такое получение земли называлось «испомещением». Этою системою испомещений Иван Васильевич устроил новый род военного сословия; получавшие земли от великого князя приобретали их не в потомственную собственность, а пожизненно, с условием являться на службу, когда прикажут. Учреждение поместного владения не было новостью: по своему основанию оно существовало издавна, но Иван Васильевич дал ему более широкий размер, заменяя таким образом господство вотчинного права господством поместного. Мера эта была выгодна для его самодержавных целей: помещики были обязаны куском хлеба исключительно государю; земля их каждую минуту могла быть отнята; и они должны были заботиться заслужить милость государя для того, чтобы избежать несчастья потерять землю; дети их не могли по пра-

ву наследства надеяться на средства к существованию, и, подобно своим отцам, должны были только в милости государя видеть свою надежду. В 1489 году окончательно присоединена была Вятка. Сначала митрополит написал вятчанам грозное пастырское послание, в котором укорял их за образ жизни, несообразный с христианской нравственностью; потом великий князь отправил туда войско под начальством Данила Щени (из рода литовских князей) и Григория Морозова. Они взяли Хлынов почти без сопротивления. Иван Васильевич приказал сечь кнутом и казнить смертью главных вятчан, которые имели влияние на народ и отличались приверженностью к старой свободе; с остальными жителями московский государь сделал то же, что с новгородцами: он вывел с вятской земли землевладельцев и поселил в Боровске, Алексине, Кременце, а на их место послал помещиков московской земли; вывел он также оттуда торговых людей и поселил в Дмитрове.

Иван Васильевич щадил Псков, потому что Псков боялся его. Не раз испытывал он терпение псковичей и приучал их к покорности. Перед покорением Новгорода псковичи были очень недовольны московским наместником князем Ярославом Васильевичем: «От многих времен, – говорит местный летописец, – не бывало во Пскове такого злосердого князя». Четыре года тяготились им псковичи, умоляли Ивана Васильевича переменить его: долго все было напрасно: Иван Васильевич то нарочно тянул дело и откладывал свое решение,

то брал сторону своего наместника. Когда вражда к этому наместнику во Пскове дошла наконец до драки между его людьми и псковичами, тогда великий князь обвинил псковичей, хотя и видел, что виноват был наместник. Вслед за тем он вывел этого наместника и положил на него свой гнев, но давал псковичам знать, что делает это по своему усмотрению, а не по просьбе псковичей. После покорения Новгорода Иван Васильевич обещал псковичам держать их по старине; «а вы, наша отчина, – прибавил он, – держите слово наше и жалование честно над собою, знайте это и помните». И действительно, псковичи старались помнить это и заслужить милость великого князя. Братья великого князя, призванные псковичами для защиты от немцев, прибыли во Псков со своими ратями. Вдруг псковичи узнали, что они поссорились со старшим братом. Тогда псковичи не только просили их удалиться, но даже не позволили оставить во Пскове их жен и детей. Иван, однако, не выказал псковичам большой благодарности за такое послушание: псковичи жаловались на бесчинные поступки великокняжеских послов, а Иван Васильевич сделал псковичам же за эту жалобу строгий выговор и оправдал своих послов.

В 1485 году возникло во Пскове волнение между черными и большими людьми. Наместник великого князя князь Ярослав Владимирович с посадниками составил грамоту, как кажется, определявшую работу смердов. Грамота эта не понравилась черным людям. Они взволновались, убили одного по-

садника, на лиц, убежавших от народной злобы, написали мертвую грамоту, т.е. осуждавшую их на смерть, опечатали дворы и имущества своих противников, а несколько человек посадили в тюрьму. Иван Васильевич, по жалобе больших людей и своего наместника, рассердился за такое самовольство, приказал немедленно уничтожить постановления веча, состоявшего из черных людей, и всем велел просить прощения у наместника. Черные люди не поверили, что действительно такое решение дал великий князь, и отправили к нему посольство со своей стороны. Иван Васильевич не хотел слушать никаких объяснений, требовал, чтобы псковские черные люди немедленно исполнили его волю и просили прощения у наместника. Псковичи сделали все удобное князю, а потом послали в Москву просить у него прощения. Дело это тянулось целых два года и стоило Пскову до тысячи рублей. Таким образом, Иван давал чувствовать псковичам, как разорительно для них ослушиваться распоряжений московских наместников. После того – псковичи приносили жалобы на великокняжеского наместника и на наместников последнего, которых тот рассадил по пригородам и волостям. Жалоб этих было такое множество, что, по словам летописца, и счесть их было невозможно. Иван Васильевич не принял этих жалоб, а сказал, что пошлет бояр разузнать обо всем. Великокняжеский наместник вслед за тем умер от мора, свирепствовавшего во Пскове, и дело это прекратилось само собою; но с тех пор великий князь назначал и сме-

нял наместников уже не по просьбе псковичей, а по своей воле, и псковичи не смели на них жаловаться; так было до самой смерти великого князя. Во всей русской земле единственно в одном Пскове существовало еще вече и звонил вечевой колокол, но то была только форма старины: она была в сущности безвредна для власти Ивана над Псковом. Псковичам дозволялось совещаться об одних внутренних земских делах, но и то в своих решениях они должны были соотноситься с волею наместников. Присылаемые против воли народа, эти наместники и их доверенные по пригородам позволяли себе разные насилия и грабительства, подстрекали ябедников подавать на зажиточных людей доносы, самовольно присваивали одним себе право суда, вопреки вековым местным обычаям, обвиняли невинных с тем, чтобы сорвать что-нибудь с обвиненных, при требовании с жителей повинностей обращались с ними грубо; их слуги делали всякого рода бесчинства, и не было на их слуг управы. Даже те, которые были менее нахальны в своем обращении с жителями, не приобретали их любви. Псковичи не могли освоиться с московскими приемами, но с болью терпели тяжелую руку Ивана Васильевича.

Утверждая свою власть внутри русской земли, великий князь заводил первые дипломатические сношения с немецкой империей. Русская земля, некогда известная Западной Европе в дотатарский период, мало-помалу совершенно исчезла для нее и явилась как бы новооткрытою землею, нарав-

не с Ост-Индией. В Германии знали только, что за пределами Польши и Литвы есть какая-то обширная земля, управляемая каким-то великим князем, который находится, как думали, в зависимости от польского короля. В 1486 году один знатный господин, кавалер Поппель, приехал в Москву с целью узнать об этой загадочной для немцев стране. Но в Москве не слишком любили, чтоб иноземцы наезжали туда узнавать о житье-бытье русских людей и о силах государства. Несмотря на то, что Поппель привез грамоту от императора Фридриха III, в которой Поппель рекомендовался как человек честный, ему не доверяли и выпроводили от себя. Через два года тот же Поппель явился уже послом от императора и сына его римского короля Максимилиана. На этот раз его приняли ласково, хотя все-таки не совсем доверчиво. Поппель облакал свое посольство таинственностью, просил, чтобы великий князь слушал его наедине, и не мог добиться этого. Иван Васильевич дал ему свидание не иначе, как в присутствии своих бояр: князя Ивана Юрьевича Патрикеева, князя Данила Васильевича Холмского и Якова Захарьича.

Поппель предлагал от имени императора и его сына дружбу и родственный союз: отдать дочь московского государя за императорского племянника маркграфа баденского. На это отвечал не сам государь, а от имени государя дьяк Федор Курицын, что государь пошлет к цезарю своего посла. Поппель еще раз просил дозволения сказать государю несколько слов наедине и на этот раз добился только того, что государь ото-

шел с ним от тех бояр, которые до этих пор находились вместе с ним, однако все-таки был не один на один с Поппелем, а приказал записывать своему посольскому дьяку Курицыну то, что будет говорить иноземный посол. Тайна, с которою тогда носился Поппель, заключалась в следующем: «Мы слышали, – говорил посол, – что великий князь посылал к римскому папе просить себе королевского титула, а польский король посылал от себя к папе большие дары и упрашивал папу, чтобы папа этого не делал и не давал великому князю королевского титула. Но я скажу твоей милости, что папа в этом деле власти не имеет; его власть над духовенством, а в светском имеет власть возводить в короли, князья и рыцари только наш государь цезарь римский: так если твоей милости угодно быть королем в своей земле, и тебе, и детям твоим, то я буду верным служебником твоей милости у цезаря римского. Только прошу твою милость молчать и ни одному человеку об этом не говорить, а иначе твоя милость и себе вред сделаешь и меня погубишь. Если король польский об этом узнает, то будет денно и ночью посылать к цезарю с дарами и просить, чтоб цезарь этого не делал. Ляхи очень боятся, чтоб ты не стал королем на Руси; они думают, что тогда вся русская земля, которая теперь находится под польским королем, от него отступит».

Поппель рассчитывал на простоту московского государя и очевидно пытался вкратце в его доверенность, но ошибся, не понявши ни местных обычаев и преданий, ни характера

Ивана Васильевича. Великий князь похвалил его за готовность служить ему, а насчет королевского титула дал такой ответ: «Мы, – говорил он, – Божиею милостию государь на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, и просим Бога, чтоб и вперед дал Бог и нам и нашим детям до века так быть, как мы теперь есть государи на своей земле, а поставления ни от кого не хотели и теперь не хотим».

В переговорах с Курицыным Поппель еще раз заговорил о сватовстве и предлагал в женихи двум дочерям великого князя – саксонского курфюрста и маркграфа бранденбургского, но на это не получил никакого ответа. 22 марта 1489 года Иван Васильевич отправил к императору и к сыну его Максимилиану послом Юрия Траханиота, грека, приехавшего с Софиею: своих русских людей, способных отправлять посольства к иноземным государям, у великого князя московского было немного; нравы московских людей были до того грубы, что и впоследствии, когда посылались русские послы за границу, нужно было им писать в наказе, чтобы они не пьянствовали, не дрались между собой и тем не срамили русской земли. И на этот раз только в товарищах с греком отправились двое русских. Подарки, отправленные к императору, были скупы и состояли только в сороке соболей и двух шубах, одной горностаевой, а другой беличьей. Грек повез императору от великого князя московского желание быть с императором и его сыном в дружбе, а относительно

предложения о сватовстве грек должен был объяснить, что московскому государю отдавать дочь свою за какого-нибудь маркграфа не пригоже, потому что от давних лет прародители московского государя были в приятельстве и в любви с знатнейшими римскими царями, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии; но если бы захотел посватать дочь московского государя сын цезаря, то посол московский должен был изъявить надежду, что государь его захочет вступить в такое дело с цезарем. Иван Васильевич перед чужеземцами ценил важность своего рода и сана более, чем у себя дома, так как он впоследствии отдал дочь свою за своего подданного князя Холмского.

Посольство Траханиота имело еще и другую цель. Великий князь поручил ему отыскивать в чужих землях такого мастера, который бы умел находить золотую и серебряную руду, и другого мастера, который бы знал, как отделять руду от земли, и еще такого хитрого мастера, который бы умел к городам приступать, да такого, который бы умел стрелять из пушек; сверх того – каменщика, умеющего строить каменные палаты, и наконец «хитрого» серебряного мастера, умеющего отливать серебряную посуду и кубки, чеканить и делать на посуде надписи. Юрий Траханиот имел поручение подрядить их и дать им задаток: для этой цели, за недостатком в тогдашнем московском государстве монеты, он получил два сорока соболей и три тысячи белок; если же не найдется таких мастеров, которые бы согласились ехать в Моск-

ву, то посол мог продать меха и привезти великому князю червонцев, которыми тогда дорожили, как редкостью.

Еще Траханиот не возвратился из своего посольства, как в семье Ивана Васильевича произошла важная перемена: старший сын его, тридцати двух лет от роду, его соправитель и наследник, заболел болезнью ног, которую тогда называли «камчюгом». Был тогда при дворе лекарь, незадолго перед тем привезенный из Венеции, мистер Леон, родом иудей. Он начал лечить царского сына прикладыванием сткляниц, наполненных горячей водой, давал ему пить какую-то траву и говорил Ивану Васильевичу: «Я непременно вылечу твоего сына, а если не вылечу, то вели казнить меня смертною казнью». Больной умер 15 марта 1490 года, а сорок дней спустя Иван Васильевич приказал врачу за неудачное лечение отрубить голову на Болвановке. Через три недели после такого поступка, служившего образчиком тому, чего могли ожидать приглашаемые иностранцы в Москве, вернулся Траханиот из Германии и привез с собою нового врача и с ним разных дел мастеров: стенных, палатных, пушечных, серебряных и даже «арганного игреца». Вместе с ним прибыл посол от Максимилиана Юрий Делатор с предложением дружбы и сватовства Максимилиана на дочери Ивана Васильевича. Ивану Васильевичу было очень лестно отдать дочь за будущего императора, но он не показал слишком явно своей радости, а напротив, по своему обычаю, прибегнул к таким приемам, которые только могли затягивать дело. Когда

посол пожелал видеть дочь Ивана и заговорил о приданом, государь приказал дать ему такой ответ через Бориса Кутузова: «У нашего государя нет такого обычая, чтобы раньше дела показывать дочь, а о приданом мы не слыхивали, чтобы между великими государями могла быть ряда об этом». Московский государь за всю свою жизнь любил брать, но не любил давать. Со своей стороны, Иван Васильевич задал послу такое условие, которое поставило последнего в тупик. Он требовал, чтобы Максимилиан дал обязательство, чтобы у его жены была греческая церковь и православные священники. Делатор отвечал, что у него на это нет наказа. Тогда был заключен между Максимилианом и московским государем дружественный союз, направленный против Литвы и Польши. Посольство Делатора повело к дальнейшим сношениям. Траханиоту еще два раза приходилось ездить в Германию, а Делатор еще раз приезжал в Москву. Максимилиан между тем посватался к Анне Бретанской, и московский государь так сожалел о прежнем, что наказывал Траханиоту узнать: не расстроится ли как-нибудь сватовство Максимилиана с бретанскою принцессою, чтобы снова начать переговоры о своей дочери; но Максимилиан женился на Анне и с 1493 года сношения с Австрией прекратились надолго. Достоинно замечания, что в этих сношениях великому князю давали титул царя и даже цезаря, и он сам называл себя «государем и царем всея Руси», но иногда титул царя опускался, и он называл себя только государем и великим князем всея Руси.

Во время этих сношений Иван разделался со своим братом Андреем. Помирившись с братьями после их возмущения, Иван долго не трогал их, но не доверял им, обязывал новыми договорными грамотами и крестным целованием сохранять ему верность и не сноситься ни с внутренними, ни с внешними врагами. Братья боялись его и постоянно ждали над собой беды. Однажды Андрей Васильевич готовился было бежать, но при посредстве боярина князя Патрикеева объяснился с братом: Иван Васильевич успокоил его и приказал высечь кнутом слугу, предостерегавшего Андрея. Но великий князь ждал только предлога, чтобы сделать с Андреем то, чего Андрей боялся. В 1491 году разнесся слух, что сыновья Ахмата идут на союзника Иванова Менгли-Гирея. Государь послал против них свои войска и приказал братьям послать против них своих воевод. Борис повиновался, Андрей не исполнил приказания. Этого ослушания было достаточно. Андрея пригласили в Москву. Великий князь принял его ласково: целый вечер они беседовали и расстались дружески. На другой день дворецкий князь Петр Шестунов пригласил Андрея на обед к великому князю вместе с его боярами. Когда Андрей вошел во дворец, его попросили в комнату, называемую «западнею», а бояр Андреевых отвели в столовую гридню: там их схватили и развели по разным местам. Андрей ничего не знал о судьбе своих бояр. Великий князь, вошедши в западную, повидался с братом очень ласково, потом вышел в другую комнату, называемую «по-

валушу», а вместо него вошел в западню боярин князь Рязполовский и сквозь слезы сказал: «Государь князь Андрей Васильевич, пойман еси Богом и государем великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, твоим старшим братом!» Андрей на это ответил: «Волен Бог да государь, Бог нас будет судить, а я неповинен». Его оковали цепями и послали в тюрьму. Иван Васильевич послал в Углич боярина Патрикеева схватить двух сыновей Андреевых: Ивана и Дмитрия, заковать и отправить в Переяславль в тюрьму. Андрей умер в темнице в 1493 году; сыновья его томились долго в тяжелом заключении, никогда уже не получивши свободы. Другой брат был пощажен, потому что во всем повинился великому князю наравне с прочими служебными князьями и боярами, но пребывал постоянно в страхе.

Со времени сношений с Австрией развились дипломатические сношения с другими странами; так в 1490 году чагатайский царь, владевший Хивой и Бухарою, заключил с московским государем дружественный союз. В 1492 г. обратился к Ивану иверский (грузинский) царь Александр, прося его покровительства в письме, в котором, рассыпаясь на восточный лад в самых изысканных похвалах величию московского государя, называл себя его холопом. Это было первое сношение с Москвою той страны, которой впоследствии суждено было присоединиться к России. В том же году начались сношения с Данией, а в следующем заключен был дружественный союз между Данией и Московским государством. Нако-

нец, в 1492 году было первое обращение к Турции. Перед этим временем Кафа и другие генуэзские колонии на Черном море подпали под власть Турции; русских купцов стали притеснять в этих местах. Московский государь обратился к султану Баязету с просьбою о покровительстве русским торговцам. То было началом сношений; через несколько лет, при посредстве Менгли-Гирея, начались взаимные посольства. В 1497 году Иван посылал к Баязету послом своим Плещеева. Тогда, хотя Баязет и заметил Менгли-Гирею, что московский посол поразил турецкий двор своею невежливостью, но в то же время отвечал Ивану очень дружелюбно и обещал покровительство московским купцам.

Все эти сношения пока не имели важных последствий, но они замечательны, как первые, в своем роде, в истории возникшего московского государства.

Важнее всех были сношения с Литвою. Казимир во все свое царствование старался, насколько возможно, делать вред своему московскому соседу, но уклонялся от явной открытой вражды: под конец его жизни враждебные действия открылись сами собой между подданными Москвы и Литвы. Несмотря на крутое обращение Ивана со служебными князьями, власть Казимира для некоторых православных князей не казалась лучше власти Ивана, и вслед за князем Бельским передались московскому государю со своими вотчинами князья Одоевские, князь Иван Васильевич Белевский, князь Иван Михайлович и Димитрий Федорович Воротын-

ские: сделавшись подданными московского великого князя, они нападали на владения князей своих родичей, остававшихся под властью Казимира, отнимали у них волости. Противники их делали с ними то же. Кроме этих пограничных столкновений, были еще и другие: в пограничных местах как московского государства, так и литовского развелось такое множество разбойников, что купцам не было проезда, а в то время вся торговля московского государства с югом шла через литовские владения и через Киев, так как прямой путь из Москвы к Азовскому морю лежал через безлюдные степи, по которым бродили хищнические татарские орды, и был совершенно непроходим. Москвичи жаловались на литовских разбойников, литовские подданные на московских. Эти взаимные жалобы, продолжаясь уже значительное время после смерти Казимира, в 1492 году привели наконец к войне. Польша и Литва разделились между сыновьями умершего Казимира: Альбрехт избран польским королем; Александр оставался наследственным литовским великим князем. Иван рассчитал, что теперь держава Казимира ослабела, послал на Литву своих воевод и направил на нее своего союзника Менгли-Гирея с крымскими ордами. Дела пошли счастливо для Ивана. Московские воеводы взяли Мещовск, Серпейск, Вязьму; Вяземские и Мезецкие князья и другие литовские владельцы волею-неволею переходили на службу московского государя. Но не всем приходилось там хорошо: в январе следующего 1493 года один из прежних перебежчи-

ков, Иван Лукомский, был обвинен в том, будто бы покойный Казимир присылал ему яд для отравления московского государя; Лукомского сожгли живьем в клетке на Москве-реке вместе с поляком Матвеем, служившим латинским переводчиком. С ними вместе казнили двух братьев Селевиных, обвинивши в том, что они посылали вести на Литву: одного засекали кнутом до смерти, другому отрубили голову. Досталось и прежнему беглецу Федору Бельскому, обласканному Иваном: его ограбили и заточили в тюрьму в Галич.

Литовский великий князь Александр сообразил, что трудно будет ему бороться разом с Москвою и с Менгли-Гиреем: он задумал жениться на дочери Ивана, Елене, и, таким образом, устроить прочный мир между двумя соперничающими государствами. Переговоры о сватовстве начались между литовскими панами и главнейшим московским боярином Иваном Патрикеевым. Эти переговоры шли вяло до января 1494 года; наконец, в это время присланные от Александра в Москву послы заключили мир, по которому уступили московскому государю волости перешедших к нему князей. Тогда Иван согласился выдать дочь за Александра, с тем, чтобы Александр не принуждал ее к римскому закону. В январе 1495 года Иван отпустил Елену к будущему мужу с литовскими послами, но с условием, чтобы Александр не позволял ей приступить к римскому закону даже и тогда, когда бы она сама этого захотела, и чтобы построил для нее греческую церковь у ее хором.

Для Ивана Васильевича выдача дочери замуж была только средством, которым он надеялся наложить свою руку на литовское государство и подготовить в будущем расширение пределов своего государства за счет русских земель, подвластных Литве. С этих пор начался ряд разных придирок со стороны Ивана. Александр не стеснял своей жены в вере и жил с нею в любви, но не строил для нее особой православной церкви, предоставляя ей посещать церковь, находившуюся в городе Вильне; светские паны-католики, а преимущественно католические духовные и без того были недовольны, что их великая княгиня не католичка, и пуще бы зароптали, если б король построил для нее особую православную церковь. Кроме того, Александр не хотел держать при Елене московского священника и московскую прислугу, как этого требовал тесть с явной целью иметь при дворе зятя соглядатаев. Сама Елена не только не жаловалась отцу на мужа, как бы этого хотелось Ивану, но уверяла, что ей нет никакого притеснения, что священника московского ей не нужно, что есть другой православный священник в Вильне, которым она довольна; что ей также не надобно московской прислуги и боярынь, потому что они не умеют себя держать прилично, да и жаловать их нечем, так как она не получила от отца никакого приданого. Иван этим не довольствовался, придирался по-прежнему ко всему, к чему только мог придраться, и, между прочим, требовал, чтобы зять титуловал его государем всея Руси. Само собою разумеется, что Александру

нельзя было согласиться на последнее, потому что сам Александр владел значительной частью Руси, а Иван, опираясь на титул, мог заявить новые притязания на русские земли, состоявшие под властью Литвы. В то же время Иван сохранял прежние отношения с Менгли-Гиреем и не только не жертвовал ими для зятя, но давал своим послам, отправляемым в Крым, наказ не отговаривать Менгли-Гирея, если он захочет идти на литовскую землю, и объяснить ему, что у московского государя нет прочного мира с литовским, потому что московский государь хочет отнять у литовского всю свою отчину русскую землю. Таким образом, относясь двояко к зятю, Иван Васильевич был искреннее и откровеннее с крымским ханом, который платил ему верной службой.

Таковы-то были отношения Ивана Васильевича к зятю и Литве вплоть до 1500 года.

Последние годы XV века особенно ознаменовались многими новыми явлениями внутренней жизни. Дипломатические сношения сближали мало-помалу с европейским миром Восточную Русь, долгое время отрезанную и отчужденную от него: являлись начатки искусств, служившие главным образом государю, укреплению его власти, удобствам его частной жизни, а также и благолепию московских церквей. Вслед за церковью Успения, построенной Аристотелем, построены были одна за другой каменные церкви в Кремле и за пределами Кремля в Москве. В 1489 году окончен и освящен был Благовещенский собор, имевший значение домо-

вого храма великого князя; около того же времени построена была церковь Риз Положения. До тех пор великие князья московские жили не иначе, как в деревянных домах, да и вообще на всем русском севере каменными зданиями были только церкви: жилые строения были исключительно деревянные. Иван Васильевич, заслышавши, что в чужих краях, куда ездили его послы, владельцы живут в каменных домах, что у них есть великолепные палаты, где они дают торжественные празднества и принимают иноземных послов, приказал построить и себе каменную палату для торжественных приемов и собраний: она была построена венецианцем Марком и другими итальянцами, его помощниками (1487—1491) и до сих пор сохранилась под названием Грановитой палаты. В следующем 1492 году Иван Васильевич приказал построить для себя каменный жилой дворец, который вскоре после того был поврежден пожаром, а в 1499 году возобновлен миланским мастером Алевизом.⁴¹ Кремль был вновь обведен каменной стеной; итальянцы построили в разные годы башни и ворота и устроили посреди Кремля подземные тайники, в которых государи скрывали свои сокровища. Между Москвою-рекою и Неглинною проведен был ров, выложенный камнем. Следуя примеру государя, митрополиты Геронтий и Зосима строили себе кирпичные палаты, а также

⁴¹ Достоинно замечания, что во время построек дворца государь некоторое время проживал в частных домах: в доме боярина Патрикеева и в домах московских жителей у Николы Подкопай и близ Яузы.

трое бояр сделали для себя каменные дома в Кремле. Но это было исключение: каменные дома не вошли в обычай у русских. На Руси образовалось убеждение, что жить в деревянных домах – полезнее для здоровья. Сам государь и преемники его долго разделяли это мнение и держали у себя каменные дворцы только для пышности, а жить предпочитали в деревянных домах.

Иван Васильевич имел особую любовь к металлическому делу во всех его видах. Иноземные мастера лили для него пушки (таковы были между прочим итальянцы Дебосис, Петр и Яков; Дебосис в 1482 г. слил знаменитую царь-пушку, которая и теперь изумляет своею огромностью). В 1491 году Траханиот вывез из Германии рудокопов Иогана и Виктора. Вместе с русскими людьми они нашли серебряную и медную руду на реке Цильме в трех верстах от Печоры; но местонахождение этих руд было невелико – не более десяти верст.

Тогда же начали плавить металлы и чеканить серебряные мелкие монеты из русского серебра. Великий князь любовался серебряными и золотыми изделиями, и при его дворе было несколько иноземных мастеров серебряных и золотых дел: итальянцев, немцев и греков.

Но собственно для распространения всякого рода умелости в русском народе не сделано было ничего. Достоинно замечания, что в тот век, когда греки, рассеявшись по Западной Европе, обновляли ее, знакомя с плодами своего древ-

него просвещения, и положили начало великому умственному перевороту, известному в истории под именем эпохи Возрождения, в московском государстве, где исповедовалась греческая вера и где государь был женат на греческой царевне, они почти не оказали образовательного влияния. Долговременное азиатское варварство не давало для этого плодотворной почвы; к тому же деспотические наклонности Ивана Васильевича и бесцеремонное обращение с иноземцами не привлекали последних в значительном числе в Москву и не предоставляли им необходимой свободы для деятельности. Торговля при Иване вовсе не была в цветущем состоянии; хотя в Москву и приезжали иноземные купцы, привлекаемые желанием великого князя иметь редкие изделия, неизвестные в Руси, но народ русский почти не покупал их товаров. Торговля вообще в это время упала против прежнего. На юге Кафа, бывшая некогда средоточием черноморской торговли, досталась в руки турок. При новых владельцах она не могла уже быть в таком цветущем состоянии, как при генуэзцах; купцы не пользовались там прежнею безопасностью, а сообщение Москвы с Черным морем чрезмерно было затруднительно по причине татарских орд и враждебных столкновений Литвы с Москвою. На севере Новгород лишился своего прежнего торгового населения, своей свободы, благоприятствовавшей торговле, и наконец в 1495 году Иван Васильевич окончательно добил тамошнюю торговлю. Придравшись к тому, что немцы в Ревеле сожгли русско-

го человека, пойманного на совершении гнусного преступления, Иван Васильевич приказал схватить в Новгороде всех немецких купцов, и притом не из одного Ревеля, а из разных немецких городов, засадить в погреба, запечатать новгородские гостиные дворы (их было два, готский и немецкий), все имущество и товары этих купцов отписать на государя. Через год их выпустили в числе 49 человек и отпустили на родину, совершенно ограбленных. Само собою разумеется, что подобные поступки не могли благоприятствовать ни развитию торговли, ни благосостоянию русской страны.

Московское государство при Иване получило правильное земельное устройство: земли были разбиты на сохи. Эта единица не была новостью, но теперь вводилась с большею правильностью и однообразием; таким образом, в 1491 году тверская земля была разбита на сохи, как московская; в новгородской оставлена своя соха, по размеру отличная от московской. Московская соха разделялась на три вида, смотря по качеству земли. Поземельною мерою была четь, т.е. такое пространство земли, на котором можно было посеять четверть бочки зерна. Таким образом, на соху доброй земли полагалось 800, средней 1000, а худой 1200 четвертей. Сообразно трехпольному хозяйству, здесь принималось количество земли тройное. Так, напр., если говорилось 800 четей, то под этим разумелось 2400. Сенокосы и леса не входили в этот расчет, а приписывались особо к пахотной земле. В сохи входили села, сельца и деревни, которые были очень мало-

людны, так что деревня состояла из двух, трех и даже одного двора. Населенные места, где занимались промыслами, назывались посадами: это были города в нашем смысле слова. Они также включались в сохи, но считались не по «четям», а по дворам. Для приведения в известность населения и имуществ посылались чиновники, называемые писцами: они составляли писцовые книги, в которых записывались жители по именам, их хозяйства, размер обрабатываемой земли и получаемые доходы. Сообразно доходам, налагались подати и всякие повинности; в случае нужды с сох бралось определенное число людей в войско, и это называлось посошной службою. Кроме налагаемых податей, жители платили чрезвычайное множество различных пошлин. Внутренняя торговля обложена была также множеством мелких поборов. При переезде из земли в землю, из города в город торговцы принуждены были платить таможенные и проезжие пошлины, так называемые тамгу и мыта, не считая других более мелких поборов, взимаемых при покупке и продаже разных предметов. Все устраивалось так, чтобы жители, так сказать, при каждом своем шаге доставляли доход государю. Иван Васильевич, уничтожая самобытность земель, не уничтожал, однако, многих частностей, принадлежавших древней раздельности, но обращал их исключительно в свою пользу. Оттого соединение земель под одну власть не избавляло народ от многих тех невыгод, которые он терпел прежде вследствие раздробления русской земли.

1497 год ознаменовался в истории государственного Ивана Васильевича изданием Судебника, заключавшего в себе разные отрывочные правила о суде и судопроизводстве. Суд поручался от имени великого князя боярам и окольным. Некоторым детям боярским давали «кормление», т.е. временное владение населенною землею с правом суда. В городах суд поручался наместникам и волостелям с разными ограничениями; им придавались «дворские», старосты и выборные из так называемых лучших людей (т.е. зажиточных). При судьях состояли дьяки, занимавшиеся делопроизводством, и «недельщики» – судебные приставы, исполнявшие разные поручения по приговору суда. Судьи получали в вознаграждение судные пошлины с обвиненной стороны в виде известного процента с рубля, в различных размерах, смотря по существу дела, и не должны были брать «посулы» (взятки). Тяжбы решались посредством свидетелей и судебного поединка или «поля», а в уголовных делах допускалась пытка, но только в том случае, когда на преступника будут улики, а не по одному наговору. Судебный поединок облагался высокими пошлинами в пользу судей; побежденный, называемый «убитым», считался проигравшим процесс. В уголовных преступлениях только за первое воровство, и то кроме церковного и головного (кража людей), назначалась торговая казнь, а за все другие уголовные преступления определялась смертная казнь. Свидетельство честных людей ценилось так высоко, что показание пяти или шести детей боярских или

черных людей, подтверждаемое крестным целованием, было достаточно к обвинению в воровстве. Относительно холопов оставались прежние условия, т.е. холопом был тот, кто сам себя продал в рабство или был рожден от холопа, или сочетался браком с лицом холопского происхождения. Холоп, попавшийся в плен и убежавший из плена, делался свободным. Но в быте сельских жителей произошла перемена: Судебник определил, чтобы поселяне (крестьяне) переходили с места па место, из села в село, от владельца к владельцу только однажды в год в продолжение двух недель около осеннего Юрьева дня (26 ноября). Это был первый шаг к закрепощению.

В 1498 году начался в великокняжеском семействе раздор, стоивший жизни многим из приближенных Ивана. Протекло более семи лет после смерти старшего его сына, оставившего по себе сына Димитрия. Мы не знаем подробностей, как держал себя великий князь по отношению к вопросу о том, кто после него должен быть наследником: второй ли сын его Василий от Софии или внук Димитрий, которого отец уже был объявлен соправителем государя. Всеобщее мнение современников и потомков приписывало смерть старшего сына великой княгине Софии: несомненно, что она не любила ни сына первой супруги Ивана, ни ее внука и желала доставить престол своему сыну Василию. Но против Софии существовала сильная партия, и во главе ее было два могучих боярина: князь Иван Юрьевич Патрикеев и зять его

князь Семен Иванович Ряполовский; они были самыми доверенными и притом самыми любимыми людьми государя: все важнейшие дела переходили через их руки. Они употребляли все усилия, чтобы охладить Ивана к жене и расположить к внуку. Со своей стороны действовала на Ивана невестка Елена; свекор в то время очень любил ее. Но и противная сторона имела своих ревностных слуг. Когда Иван, еще не делая решительного шага, оказывал большие ласки Димитрию, сторонники Софии стали пугать Василия, что родитель его вскоре возведет на великое княжение внука и от этого Василию придется со временем плохо. Составился заговор: к нему пристали князь Иван Палецкий, Хруль, Скрябин, Гусев, Яропкин, Поярок и др. Решено было, что Василий убежит из Москвы; у великого князя, кроме Москвы, сберегалась казна в Вологде и на Белоозере: Василий захватит ее, а потом погубит Димитрия. Заговор этот, неизвестно каким образом, открылся в декабре 1497 года; в то же время государь узнал, что к жене его Софии приходили какие-то лихие бабы с зельем. Иван Васильевич рассвирепел, не хотел видеть жены, приказал взять под стражу сына; всех поименованных выше главных заговорщиков казнили, отрубали сперва руки и ноги, потом головы; женщин, приходивших к Софии, утопили в Москве-реке и многих детей боярских заточили в тюрьмы. Наконец, назло Софии и ее сыну, 4 января 1498 года Иван Васильевич торжественно венчал своего пятнадцатилетнего внука в Успенском соборе так на-

зываемую шапкою Мономаха и бармами. Это было первое коронование на Руси.

Но прошел год, и все изменилось. Иван Васильевич помирился с женою и сыном, охладел к Елене и внуку, разгневался на своих бояр, противников Софии. Самолюбие его было оскорблено тем, что Патрикеев и Ряполовские взяли большую силу; вероятно, Иван Васильевич хотел показать и себе самому и всем другим свою самодержавную власть, перед которою все без изъятия должны поклоняться. 5 февраля 1498 года князю Семену Ряполовскому отрубили голову на Москве-реке за то, что он «высокоумничал» с Патрикеевым, как выражался Иван. Та же участь суждена была Патрикеевым, но митрополит Симон выпросил им жизнь. Князь Иван Юрьевич Патрикеев и старший сын его Василий должны были постричься в монахи, а меньшей Иван был посажен под стражу.

После того Иван Васильевич провозгласил своего сына великим князем государем Новгорода и Пскова. Такое странное выделение двух земель поразило псковичей, недавно признавших своим будущим государем Димитрия Ивановича. Они не понимали, что все это значит, и решили послать троих посадников и по три боярина с конца к великому князю за объяснениями. «Пусть, – били они челом, великий государь держит свою отчину по старине: который будет великий князь на Москве, тот и нам был бы государем». В то же время псковичи не дозволили приехавшему к ним влады-

ке Геннадию поминать на ектеньях Василия. Великий князь принял псковских послов гневно и сказал: «Разве я не волен в своих детях и внуках? Кому хочу, тому и дам княжение». С этим ответом он послал назад во Псков одного из посадников, а прочих послов засадил в тюрьму. Псковичи покорились, позволили поминать в церкви Василия и послали новых послов с полной покорностью воле великого князя. Тогда Иван Васильевич переменял тон, сделался ласковым и отпустил заключенных.

Венчанный Димитрий продолжал несколько времени носить титул великого князя владимирского и московского, но находился с матерью в отдалении от деда; наконец, 11 апреля 1502 года государь вдруг положил опалу на него и на его мать. Как видно, в этом случае действовали внушения не только Софии, но и духовных лиц, обвинявших Елену в том, что она принимала участие в явившейся в то время «жидовской ереси». Василий объявлен был великим князем всея Руси. Запретили поминать Димитрия на ектеньях. Через два года Елена умерла в тюрьме в то самое время, когда только что в Москве совершены были (1504 г.) жестокие казни над еретиками. Несчастный сын ее должен был пережить мать и деда и изнывать в тяжком заключении по воле своего дяди, преемника Иванова. Событие с Димитрием и Василием было проявлением самого крайнего, небывалого еще на Руси самовластия; семейный произвол соединялся вместе с произволом правительственным. Ничем не осенялся тот, кто был

в данное время государем: не существовало права наследия; кого государь захочет, того и облечет властью, тому и передаст свой сан; венчаный сегодня преемник завтра томился в тюрьме; другой, сидевший в заключении, возводился в сан государя; подвластные земли делились и соединялись по произволу властелина и не смели заявлять своего голоса. Государь считал себя вправе раздать по частям русскую землю кому он захочет, как движимое свое имущество. В это время Иван Васильевич, привыкший так долго повелевать и приучивший так долго и многообразно всех повиноваться себе, выработался окончательно в восточного властелина: одно его явление наводило трепет. Женщины – говорят современники – падали в обморок от его гневного взгляда; придворные, со страхом за свою жизнь, должны были в часы досуга забавлять его, а когда он, сидя в креслах, предавался дремоте, они раболепно стояли вокруг него, не смея кашлянуть или сделать неосторожно движения, чтоб не разбудить его. Таков был Иван Васильевич, основатель московского единоначалия.

В последние годы XV века Иван Васильевич, заключивши союз с Данией, в качестве помощи союзникам, вел войну со Швецией: война эта, кроме взаимных разорений, не имела никаких последствий. Важнее был в 1499 поход московского войска в отдаленную Югру (в северо-западный угол Сибири и восточный край Архангельской губернии). Русские построили крепость на Печоре, привезли взятых в плен югор-

ских князей и подчинили югорский край Москве. Это было первым шагом к тому последовательному покорению Сибири, которое решительно началось уже с конца XVI века.

В 1500 году вспыхнула война с Польшею и Литвою. Натянутые отношения между тестем и зятем разразились явную враждою по поводу новых переходов на сторону Москвы князей, подручных Литве. Сначала отрекся от подданства Александру и поступил на службу к Ивану Васильевичу князь Семен Иванович Бельский, за ним передались потомки беглецов из московской земли, – внук Ивана Андреевича Можайского Семен и внук Шемяки Василий; они отдавали под верховную власть московского государя пожалованные их отцам и дедам владения: первый владел Черниговом, Стародубом, Гомелем и Любечем, второй Новгород-Северским и Рыльском. Так же поступили князья Мосальские, Хотетовские, мценские и серпейские бояре. Предлогом выставлялось гонение православной веры. Александр позволял римско-католическим духовным совращать православных и хотел посадить на упраздненный престол киевской митрополии смоленского епископа Иосифа, который был ревностным сторонником флорентийского соединения церквей вопреки прежним митрополитам, которые, кроме преемника Исидорова, Григория, все сохраняли восточное православие. Иван Васильевич нарушил договор с зятем; по этому договору запрещено было принимать с обеих сторон князей с вотчинами, а Иван Васильевич их принял.

Иван Васильевич послал зятю разметную грамоту и вслед за тем отправил на Литву войско. Русская военная сила в те времена делилась на отделы, называемые полками: большой или главный полк, по бокам его – полки правой и левой руки, передовой и сторожевой.

Ими начальствовали воеводы. Между начальниками уже в то время существовал обычай местничества: воеводы считали долгом своей родовой чести находиться в такой должности, которая бы не была ниже по разряду другой, занимаемой лицом, которого отец или дед были ниже отца или деда первого. Это счет переходил и на родственников, а также принимались во внимание случаи, когда другие, посторонние, но равные по службе, занимали места выше или ниже. В татарский период между князьями нарушилось древнее равенство: одни стали выше, другие ниже; то же, вероятно, перешло и к боярам; когда же князья и бояре сделались слугами московского государя, тогда понятие об их родовой чести стало измеряться службою государю. Обычай этот, впоследствии усложнившийся в том виде, в каком мы застаем его в период московского государства, мог быть еще недавним при Иване Васильевиче. С одной стороны, он был полезен для возникавшего самодержавия, так как потомки людей свободных и родовитых стали более всего гордиться службой государю, и потому понятно, отчего все государи до конца XVII века не уничтожали его; но, с другой стороны, этот обычай приносил также много вреда государствен-

ным делам, потому что начальники спорили между собою в такое время, когда для успеха дела нужно было дружно действовать и сохранять дисциплину. Иван Васильевич, конечно, мог бы уничтожить местничество в самом его зародыше. Он этого не сделал, но умерял его своею самодержавною волею. Таким образом, когда в походе против Литвы боярин Кошкин, начальствуя сторожевым полком, не хотел быть ниже князя Даниила Щени, то государь приказал ему сказать: «Ты стережешь не Даниила Щеню, а меня и мое дело. Какковы воеводы в большом полку, таковы и в сторожевом. Это тебе не позор». Итак, Иван Васильевич на этот раз лишил местничество своей силы на время войны. Этим он оставил пример своим преемникам в известных случаях прекращать силу местничества, объявляя наперед, что все начальники будут без мест, но все-таки не уничтожая местничества в своем основании. Кроме русского войска, московский государь отправил на Литву татарскую силу под начальством бывшего казанского царя Махмет-Аминя, которого он, по желанию казанцев, недавно заменил другим. Со своей стороны, неизменный союзник Ивана Менгли-Гирей сделал нападение на южную Русь. Война шла очень успешно для Ивана; русские брали города за городами; многие подручные Александру князя попались в плен или же сами предавались Москве: так сделали князья трубчевские (Трубецкие). 14 июля 1500 года князь Даниил Щеня поразил наголову литовское войско и взял в плен гетмана (главного предводите-

ля) князя Острожского, потомка древних волынских князей: Иван силою заставил его вступить на русскую службу. Владения Александра страшно потерпели от разорения. Мало помогло Александру то, что в следующем году, по смерти брата своего Альбрехта, он был избран польским королем и заключил союз с ливонским орденом. Ливонские рыцари под начальством своего магистра Плеттенберга сначала, вступавши в русские края, одерживали было верх над русскими, но потом в их войске открылась жестокая болезнь: рыцари, потерявши множество людей, ушли из псковской области, а русские воеводы, вслед за ними, ворвались в ливонскую землю и опустошили ее. Так же мало оказал Александру помощи союз с Шиг-Ахметом, последним ханом, носившим название царя Золотой Орды. Шиг-Ахмет колебался и, служа Александру, в то же время предлагал свои услуги московскому государю против Александра, если московский государь отступит от Менгли-Гирея. Но Иван Васильевич естественно нашел более выгодным дорожить союзом с крымским ханом. Менгли-Гирей поразил Шиг-Ахмета и вконец разорил остатки Золотой Орды. Шиг-Ахмет бежал в Киев, но Александр, вероятно, узнавший об его предательских намерениях, заточил его в Ковно, где он и умер.

Положение дочери Ивана, жены Александра, было самое печальное. Она не могла отвратить войны, несмотря на все благоразумие, которое она до сих пор выказывала в сношениях с отцом, всеми средствами стараясь уверить его, что

ей нет никакого оскорбления и притеснения в вере, что ему, следовательно, нет необходимости защищать ее. Польские и литовские паны не любили ее, называли причиной несчастья страны, подозревали ее в сношениях с отцом, вредных для Литвы. До нас дошли ее письма к отцу, к матери и братьям, очень любопытные, так как в них высказывается и личность Елены, и ее отца, и дух того времени, когда они были писаны. «Вспомни господин государь, отец, – писала она, – что я служебница и девка твоя и ты отдал меня за такого же брата, как и ты сам. Ведаешь государь, отец мой, что ты за мною дал и что я ему принесла; однако, государь и муж мой король и великий князь Александр, ничего того не жалуючи, взял меня с доброю волею и держал в чести и в жаловании и в той любви, какая прилична мужу к своей подруге; и теперь держит в той же мере, ни мало не нарушая первой ласки и жалованья, позволяет мне сохранять греческую веру, ходить по своим церквам, держать на своем дворе священников, дьяконов и певцов для совершения литургии и другой службы божией как в литовской земле, так и в Польше, и в Кракове, и по всем городам. Мой государь, муж не только в этом, да и в других делах, ни в чем перед тобой не отступил от своего договора и крестного целования; слыша великий плач и доuku украинских людей своих, он много раз посылал к тебе послов, но не только, господин, его людям никакой управы не было, а еще пущена тобою рать, города и волости побраны и пожжены. Король, его мать, братья, зятья, сестры, па-

ны, рада, вся земля – все надеялись, что со мною из Москвы в Литву пришло все доброе, вечный мир, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а ныне, государь отец, видят все, что со мной все лихо к ним пришло: война, рать, осада, сожжение городов и волостей; проливается христианская кровь, жены остаются вдовами, дети сиротами, плен, плач, крик, вопль. Вот какво жалованье, какова любовь твоя ко мне... Чего на всем свете слыхом не слышать, то нам, детям твоим, от тебя, государя христианского, деется: если бы государь мой у кого другого взял себе жену, то оттого была бы дружба и житье доброе и вечный покой землям... Коли, государь отец, Бог не положил тебе на сердце жаловать своей дочери, зачем меня из земли своей выпускал и отдавал за такого брата, как ты сам? Люди бы из-за меня не гибли и кровь христианская не лилась бы. Лучше бы мне под ногами твоими в твоей земле умереть, нежели такую славу о себе слышать; все только то и говорят: затем отдал дочь свою в Литву, чтобы беспечнее было землю высмотреть... Писала бы я и шире, да от великой беды и жалости ума не могу приложить, только с горькими и великими слезами тебе, государю отцу, челом бую. Опомнись Бога ради, помяни меня, служебницу и кровь свою. Оставь гнев безвинный и нежитье с сыном и братом своим, соблюди прежнюю любовь и дружбу, какую сам записал ему своим крепким словом в dokonчальных грамотах, чтобы от вашей нелюбви не лилась христианская кровь и поганство бы не смеялось, и не радовались бы

изменники предатели ваши, которых отцы изменяли предкам нашим в Москве, а дети их делают то же в Литве. Дай Бог им, изменникам, того, что родителю нашему было от их отцов. Они-то промеж вас государей замутили, а с ним Семен Бельский иуда, который, будучи здесь на Литве, братью свою князя Михаила и князя Ивана переел, а князя Феодора на чужую сторону загнал. Сам смотри, государь, годно ли таким верить, которые государям своим изменили и братью свою перерезали, и теперь по шею в крови ходят, вторые каины, а между вас государей мутят... Вся вселенная, государь, ни на кого, а только на меня вопиет, что это кровопролитие стало от моего прихода в Литву, будто я государю моему пишу и тебя на это привожу; коли б, говорят, она хотела, никогда бы того лиха не было! Мило отцу дитя; какой отец враг детям своим! И сама разумею и вижу по миру, что всякий печалуется детками своими, только одну меня по моим грехам Бог забыл. Слуги наши через силу свою, трудно поверить какую, казну дают за дочерьми своими, и не только дают, но потом каждый месяц навещают и посылают, и дарят, и тешат, и не одни паны, все простые люди деток своих утешают: только на одну меня Господь Бог разгневался, что пришло твое нежалование. Я, господин государь, служебница твоя, ничем тебе не согрубила, ничем перед тобою не согрешила и из слова своего не выступила. А если кто иное скажет – пошли, господин, послов своих, кому веришь: пусть обо всем испытно доведаются и тебе откажут... За напрасную нелюбовь твою

нельзя мне и лица своего показать перед родными государя моего мужа, и потому с плачем тебе, государю моему, челом бью, смилуйся над убогою девкою своею. Не дай недругам моим радоваться о беде моей и веселиться о плаче моем. Когда увидят твое жалованье ко мне, то я всем буду и грозна и честна, а не будет ласки твоей – сам, государь отец, можешь разуместь, что все родные и подданные государя моего покинут меня... Служебница и девка твоя, королева польская и великая княгиня литовская Олена со слезами тебе государю отцу своему низко челом бьет».

В таком же смысле и почти в таких же выражениях писала она матери своей Софии и братьям. Письма доставлены были через королевского посла, канцлера Ивана Сапегу. Ответ Ивана Васильевича также очень характеристичен. «Что ты, дочка, к нам писала, то тебе не пригоже было нам писать, – отвечал Иван. – Ты пишешь, будто тебе о вере греческого закона не было от мужа никакой посылки, а нам гораздо ведомо, что муж твой не раз к тебе посылал отметника греческого закона владыку смоленского и бискупа виленского и чернецов бернардинов, чтобы ты приступила к римскому закону. Да не к тебе одной посылал, а ко всей Руси посылал, которая держит греческий закон, чтоб приступали к римскому закону. А ты бы, дочка, помнила Бога и наше родство и наш наказ, и держала бы греческий закон крепко, и к римскому закону не приступала, и римской церкви и папе не была бы послушна ни в чем, и не ходила бы к римской церкви, и не

норовила бы никому душою, и мне и себе и всему роду нашему не чинила бы бесчестия. Хотя бы тебе, дочка, пришлось за это и до крови пострадать – пострадай. Бей челом нашему зятю, а своему мужу, чтобы тебе церковь греческого закона поставил на сенех и панов и паней дал бы тебе греческого закона, а панов и паней римского закона от тебя отвел. А если ты поползнешься и приступишь к римскому закону волею или неволею, погибнет душа твоя от Бога и быть тебе от нас в неблагословении, и я тебя не благословлю и мать тебя не благословит, а зятю своему мы того не спустим. Будет у нас с ним непрерывная рать».

Одновременно с Еленюю, папа Александр VI и король венгерский Владислав, брат Александра, ходатайствовали у московского государя о примирении с Литвою. Польские послы от имени Александра просили вечного мира с тем, чтобы Иван возвратил Александру завоеванные места. Иван отказал. Заключено было только перемирие на шесть лет. Иван Васильевич удержал земли князей, передавшихся Москве, и тогда уже ясно заявил притязание на то, что Москва, сделавшись средоточием русского мира, будет добиваться присоединения древних русских земель, доставшихся Литве. «Отчина королевская, – говорил он, – земля польская и литовская, а русская земля наша отчина. Киев, Смоленск и многие другие города давнее наше достояние, мы их будем добывать». В том же смысле через год отвечал он послам своего зятя, приехавших хлопотать о превращении перемирия в

вечный мир: «когда хотите вечного мира, отдайте Смоленск и Киев».

7-го апреля 1503 скончалась София, а 27 декабря того же года произведена была в Москве жестокая казнь над приверженцами жидовской ереси (о ней мы расскажем в биографии Геннадия). В числе пострадавших был один из способнейших слуг Ивана, дьяк Курицын, один из немногих русских, которым можно было давать дипломатические поручения. Между тем Иван слабел здоровьем и, чувствуя, что ему жить недолго, написал завещание. В нем он назначил преемником старшего сына Василия, а трем остальным сыновьям: Юрию, Семену и Андрею, дал по нескольку городов, но уже далеко не на правах независимых владетелей. Братья великого князя не имели права в своих уделах ни судить уголовных дел, ни чеканить монеты, ни вступаться в государственный откуп; только старший брат обязан был давать меньшим по сто рублей с таможенных сборов. Меньшие братья должны были признавать старшего своим господином *честно* и *грозно*. Младшие братья московского государя являлись теперь не более как богатыми владельцами, такими же подданными, как прочие князья и бояре. Единственное, чем обеспечивал их отец, было то, что великий князь не должен был покупать в их уделах земель и вообще не вмешиваться в управление их владениями. Но то же предоставлялось по духовной всем боярам и князьям и детям боярским, которым государь дал свои жалованные грамоты: и в их села не должен был всту-

паться новый государь. Таким образом, при укреплении единовластия и самодержавия, не уничтожалось, однако, право свободной частной собственности, хотя на деле самодержавный государь всегда имел возможность и всегда мог иметь поползновение под всяким предлогом нарушить его. Назначив определенным способом достояние своим меньшим сыновьям, Иван Васильевич отдавал исключительно старшему сыну все свое богатое движимое имущество, состоявшее в дорогих камнях, золотых, серебряных вещах, мехах, платье и вообще в том, что тогда носило название *казны*. Все это хранилось у разных лиц: у казначеев, дворецких, дьяков, приказчиков и, кроме Москвы, в Твери, Новгороде и Белозере.

Василию между тем приходило время жениться. Отцу хотелось женить его на какой-нибудь особе царственного рода. В этих видах он поручал своей дочери, королеве Елене, найти для ее брата невесту. Но Елена прежде всего заметила, что ей самой трудно взять на себя хлопоты по этому делу, так как отец не заключил с ее мужем прочного мира, а кроме того извещала, что на Западе не любят греческой веры, считают православных нехристями и не отдадут дочери за православного государя. Иван Васильевич пытался сватать за сына дочь датского короля, своего постоянного союзника, которому в угоду он делал вторжение в Швецию. Но датский король, сделавшись и шведским королем после Кольмарской унии, отказал ему. Пришлось брать Василию жену

из числа дочерей его подданных. Говорят, что первый совет к этому дал один из греков, живших при дворе Ивана, Юрий, по прозвищу Малый (вероятно, Траханиот). Пример им был взят из византийской истории: византийские императоры не раз собирали ко двору девиц для выбора из них себе жены. Грек Юрий надеялся, что Василий женится на его дочери. Вышло не так. Ко двору велели привезти 1500 девиц на смотр. Из них выбрали наилучших; их приказано было осмотреть повивальным бабкам; вслед за тем из числа таким образом освидетельствованных Василий выбрал Соломонию, дочь незнатного дворянина Юрия Сабурова. Этот брак имеет вообще важное историческое значение по отношению к положению женщины в московской стране. Брак этот способствовал тому унижению и затворничеству, которое составляло резкий признак домашней жизни высших классов в XVI и XVII в. Прежде князья женились на равных себе по сословию, но с тех пор, как государи стали выбирать себе жен стадным способом, жены их, хотя и облакались высоким саном, а в сущности не были уже равны мужьям; брак не имел значения связи между двумя равными семействами, не существовало понятия о приличии или неприличии соединиться браком с особой того или иного рода, не знали того, что на Западе называлось *mésalliance*. Жена государя, взятая из какой бы то ни было семьи, отрешалась от своих родных; отец не смел называть ее дочерью, братья сестрою. Она не приносила с собою никакого родового достоинства:

с другой стороны, о выборе жены по сердцу не могло быть и речи. Государь не знал ее нравственных качеств и не нуждался в этом; свидетельствовали только ее тело; она была в сущности не более, как самкой, обязанной производить детей для государя. Как подданная по происхождению, она постоянно чувствовала себя рабой того, кто был ее супругом. Государь выбирал ее по произволу, государь мог и прогнать ее: вступаться в ее права было некому. Но будучи вечною рабою своего мужа, вместе с тем она была царица и, по возложенному на нее сану, ей не было ровни между окружающими; таким образом, она всегда была одинока и находилась в затворничестве. Зато самовластный супруг ее был так же одинок на своем престоле; избранная жена не могла быть ему равной подругой. В монархических государствах приемы и нравы двора всегда перенимаются подданными, преимущественно высшими классами. В Москве, где все уже начали называться холопами государя, такое влияние придворных нравов было неизбежнее, чем где-нибудь. Кроме того, это время вообще было эпохой, когда утвердилось всеобщее порабощение, обезличение и крайнее самоунижение русских людей: понятно, что и женщина должна была переживать период своего крайнего семейного порабощения.

Брак Василия совершился 4 сентября 1505 года; сам митрополит Симон венчал его в Успенском соборе, а 27 октября умер Иван Васильевич на 67 году своей жизни, прогосударствовавши 43 года и 7 месяцев. Тело его погребено было в

каменной церкви Михаила Архангела, которую он в последние годы своего царствования построил на месте прежней.

Русские историки называют Ивана Великим. Действительно, нельзя не удивляться его уму, сметливости, устойчивости, с какою он умел преследовать избранные цели, его уменью кстати пользоваться благоприятными обстоятельствами и выбирать надлежащие средства для достижения своих целей; но не следует, однако, упускать из вида, при суждении о заслугах Ивана Васильевича, того, что истинное величие исторических лиц в том положении, которое занимал Иван Васильевич, должно измеряться степенью благотворного стремления доставить своему народу возможно большее благосостояние и способствовать его духовному развитию: с этой стороны государственное правление Ивана Васильевича представляет мало данных. Он умел расширять пределы своего государства и скреплять его части под своею единою властью, жертвуя даже своими отеческими чувствами, умел наполнять свою великокняжескую сокровищницу всеми правдами и неправдами, но эпоха его мало оказала хорошего влияния на благоустройство подвластной ему страны. Сила его власти переходила в азиатский деспотизм, превращающий всех подчиненных в боязливых и безгласных рабов. Такой строй политической жизни завещал он сыну и дальнейшим потомкам. Его варварские казни развивали в народе жестокость и грубость. Его безмерная алчность способствовала не обогащению, а обнищанию русского края. Поко-

ренный им Новгород был ограблен точно так, как будто его завоевала разбойничья орда, вместо того, чтобы, с приобретением спокойствия под властью могучего государя, ему получить новые средства к увеличению своих экономических богатств. Поступки Ивана Васильевича с немецкими купцами, как и с иноземцами, приглашаемыми в Москву, могли только отстранять от сношений с Русью и от прилива в нее полезных людей, в которых она так нуждалась. Ни малейшего шага не было сделано Иваном ко введению просвещения в каком бы то ни было виде, и если в последних годах XV и в первой четверти XVI века замечается некоторого рода оживленная умственная и литературная деятельность в религиозной сфере, то это вызвано было не им. На народную нравственность Иван своим примером мог оказывать скорее зловерное, чем благотворное влияние. Был единственный случай в его жизни, когда он мог показать собою пример неустрашимости, твердости и готовности жертвовать жизнью за отечество; но тут он явился трусом и себялюбцем: он отправил прежде всего в безопасное место свою семью и казну, а столицу и всю окрестную страну готов был отдать на расхищение неприятелю, покинул войско, с которым должен был защищать отечество, думал унижительным миром купить себе безопасность, и за то сам вытерпел нравственное унижение, выслушивая резкие замечания Вассиана. До какой степени он понимал честные отношения между людьми и какой пример мог подавать своим подданным в

их взаимных делах – показывает его проделка с представителем венецианской республики, когда, давши ему 70 рублей, приказал сказать посланному его государству, что дал 700 – плутовство, достойное мелкою торгаша. Бесчисленные случаи его грабительства прикрывались разными благовидными предложениями, но современники очень хорошо понимали настоящую цель их. Поступки государя распространяли в нравах подданных пороки хищничества, обмана и насилия над слабейшим. Возвышая единовластие, Иван не укреплял его чувством законности. По произволу заключил он сначала в тюрьму сына, венчал на царство внука, потом заточил внука и объявил наследником сына: этим поступком он создал правило, что престол на будущее время зависит не от какого-нибудь права, а от своенравия лица, управляющего в данное время государством, правило, сродное самому деспотическому строю и вовсе не представлявшее прочного залога государственного благоустройства и безопасности. При таких порядках мог господствовать бессмысленный рабский страх перед силою, а не сознательное уважение к законной власти. Можно было бы поставить в похвалу ему то, что он, как пишут иностранцы, хотел уменьшить пьянство в народе; но этот факт неясен, так как из сообщающих его иностранцев один говорит, что Иван совсем запретил частным лицам варить пиво и мед с хмелем, а другой – что он позволял это не всем. Мы знаем, что впоследствии в московской земле продажа хмельных напитков производилась от казны, а в виде

исключения дозволялось разным лицам и при разных случаях варить их в частных домах; это дает нам повод предположить, что и при Иване стеснительные меры, по отношению к производству горячих напитков, вероятно, предпринимались более в видах обогащения казны, чем с целью улучшения народной нравственности. Да и самое известие о господствовавшем тогда пьянстве едва ли не преувеличено, так как в то время еще не было распространено хлебное вино, которое впоследствии спoiло русский народ.

Истинно великие люди познаются тем, что опережают свое общество и ведут его за собою; созданное ими имеет прочные задатки не только внешней крепости, но духовного саморазвития. Иван в области умственных потребностей ничем не стал выше своей среды; он создал государство, завел дипломатические сношения, но это государство, без задатков самоулучшения, без способов и твердого стремления к прочному народному благосостоянию, не могло двигаться вперед на поприще культуры, простояло два века, верное образцу, созданному Иваном, хотя и дополняемое новыми формами в том же духе, но застывшее и закаменелое в своих главных основаниях, представлявших смесь азиатского деспотизма с византийскими, выжившими свое время, преданиями. И ничего не могло произвести оно, пока могучий ум истинно великого человека – Петра, не начал пересоздавать его в новое государство уже на иных культурных началах.

Глава 14

Новгородский архиепископ Геннадий

Конец XV века представляет перелом в области русской мыслительности, направленной главным образом на религиозные предметы: с одной стороны, здесь являются начала тех споров и толков об обрядах и букве, которые, развившись впоследствии, произвели явление громадной важности – раскол старообрядчества со всеми его видоизменениями; с другой – в это время ярко выказываются признаки религиозного свободомыслия, стремившегося к отпадению от основных догматов православия. В истории того и другого направления играл важнейшую роль новгородский архиепископ Геннадий, человек стойкого характера и с замечательным образованием по своему времени. К сожалению, многое в жизни и деятельности этого человека нам остается неизвестным. Мы не знаем ни места его рождения, ни его юности. Осталось только известие, что фамильное его прозвище было Гонозов или Гонзов и что, вступивши в монашество, он был учеником преподобного Савватия Соловецкого, а потом возведен в сан архимандрита Чудовского монастыря в Кремле. В это время он явился участником в споре митрополита Геронтия с великим князем.

До сих пор, как мы видели, высшая духовная власть шла рука об руку с высшею мирскою властью и содействовала

возвышению и усилению последней. При Иване Васильевиче мирская власть достигла своей полной силы. Теперь уже она не нуждалась в опеке со стороны духовной власти в такой степени, как это было прежде; теперь мирская власть могла не только показать перед духовною властью свою самостоятельность, но и покуситься на господство над нею, когда представится случай. Такая попытка ощутительна в споре между митрополитом Геронтием и Иваном Васильевичем. Геронтий был, как видно, человек, чувствовавший вековую силу своего первосвятительского сана, но Иван Васильевич, как мирской государь, также не расположен был уступать своего права. Прежде всего у них произошло столкновение в 1478 году по поводу Кирилло-Белозерского монастыря. Новопоставленный игумен этого монастыря, Нифонт, с некоторыми из монастырской братии, тяготился зависимо-стью от ростовского архиепископа Вассиана и просил своего удельного князя Михаила верейского взять монастырь в свое непосредственное ведение. Митрополит Геронтий, по просьбе верейского князя, изъявил на это свое согласие и выразил его в своей грамоте. Но в монастыре были другие старцы, которые вовсе того не хотели и были расположены к ростовскому епископу. Последний обратился к великому князю. Иван Васильевич принял сторону Вассиана. Митрополит сначала попытался послушаться великого князя, но Иван приказал своему подручнику Михаилу верейскому отдать ему данную митрополитом грамоту и грозил созвать собор ду-

ховных для решения дела между митрополитом и епископом. Митрополит испугался, не допустил до созвания собора и уступил во всем великому князю. Иван Васильевич, однако, не простил митрополиту попытки к ослушанию своей воле и в следующем 1479 году нашел повод придрататься к нему. Было освящение Успенской соборной церкви. Митрополит ходил вокруг церкви против солнца, от запада к востоку. Тогда великий князь, по чьему-то наущению, заявил, что следует ходить крестным ходом от востока к западу, как тогда называлось «посолонь», (т.е. по солнцу). Таким образом, был брошен вопрос, который сильно занял духовенство и некоторых мирян. Книжники принялись отыскивать правду по книгам. В это время великий князь призвал участвовать в возникшем споре архимандрита Геннадия, который, как видно, и тогда был уже известен своею ученостью. Ответ, данный им вместе с ростовским епископом Вассианом, хотя как будто и склонялся на сторону митрополита, но был до крайности темен и уклончив.⁴² Видно было, что Геннадий не хотел раздражать ни ту, ни другую из споривших сторон; быть может, он рассчитывал, что вопрос этот сам собою забудется. Действительно, в продолжение трех лет спор не возобновлялся, но в 1482 году великий князь опять поднял его и требовал, чтобы вперед при освящении церковей митрополит ходил «посолонь». Митрополит упорствовал. Вели-

⁴² «Солнце праведное Христос на ада наступи и смерть связя и души освободи, и того ради, рече, исходит на Пасху, то же преобразуют на утрении».

кий князь, желая поставить на своем, не давал ему освящать новопостроенных храмов. Тогда Геронтий оставил в Успенском соборе свой посох, забравши, однако, с собой ризницу, и уехал в Симонов монастырь, думая наказать великого князя тем, что церковь останется без главного правителя. Геронтий говорил, что не вернется на свою кафедру до тех пор, пока сам князь не станет бить ему челом. Все иноки, священники и книжники миряне стояли за митрополита; только двое духовных были против всех за великого князя: ростовский владыка князь Иоасаф (преемник Вассиана) и наш Геннадий. Видно, они рассчитывали, что если сторона митрополита и возьмет верх, то все-таки они найдут себе сильного покровителя в великом князе на будущее время. Иван Васильевич умел всегда уступать вовремя и на этот раз сообщил, что невозможно идти против всего тогдашнего книжного мира. Сперва послал он своего сына просить митрополита возвратиться. Митрополит отказал. Тогда Иван вынужден был сам ехать к митрополиту, просил его вернуться и предоставлял ему совершать крестные ходы по своей воле. Состязание между духовной и светской властями окончилось, таким образом, к торжеству первой. Митрополит, однако, озлобился на Геннадия за то, что последний осмелился заявить себя против него; митрополит искал случая отомстить ему, архимандриту, и нашел предлог в том, что Геннадий, в канун Богоявления, случившийся в воскресный день, дозволил своей братии пить богоявленскую воду по-

сле трапезы. Митрополит приказал представить Геннадия к себе. Геннадий, опасаясь гнева митрополита, бежал к великому князю. Митрополит сам отправился к великому князю, требовал выдачи архимандрита. Великий князь и на этот раз уступил митрополиту. Геронтий поступил с Геннадием со всею жестокостью, обычною в то время: чудовского архимандрита заковали и посадили в ледник под палатою; великий князь заступился за Геннадия настолько, что просил пощадить его и не делать с ним ничего хуже, и митрополит отпустил заключенного, удовольствовавшись тем, что случилось так, как он хотел.

С 1485 года открылась новая, более широкая область деятельности для Геннадия; он получил сан новгородского владыки. Еще в 1482 году, после низложения Феофила, Иван Васильевич хотел поместить на эту кафедру Геннадия, вероятно, полюбивши его за то, что, в споре великого князя с митрополитом, чудовский архимандрит, вразрез со всем духовенством, сам-друг стоял за мнение великого князя. Но Иван Васильевич действовал и в этом вопросе с обычною постепенностью, не разрушая сразу старых форм, хотя уже решил в своем уме изменить или уничтожить эти формы со временем. В старину новгородские владыки выбирались из трех кандидатов по жребию. Иван Васильевич не доверял более архиепископского сана в Новгороде природному новгородцу и положил посылать туда москвичей, но соблюл на первый раз форму, обычную издавна при выборе новгород-

ских владык. Имена трех лиц, из которых один должен был получить сан архиепископа, были положены в церкви на престоле; в числе их было имя чудовского архимандрита. Жребий пал не на него. Владыкою новгородским сделался троицкий монах Сергей (бывший прежде протопопом), но через несколько месяцев сошел с ума. После него Геннадий был уже без выбора назначен владыкою 12 декабря 1484 года. С этих пор о жребии при поступлении новгородских владык уже не говорится в летописях.

В своей епархии Геннадий встретил церковные толки, подобные тем, какие были в Москве. Здесь умы книжников заняты были спором об аллилуйе. В Пскове был поднят вопрос (как говорят, игуменом Ефросином) о том, следует ли на всенощной петь: «аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе Боже!», или «аллилуйя, аллилуйя, слава тебе Боже!» Принимавшие первый способ «трегубили» аллилуйю, а принимавшие второй – «сугубили» ее. Сугубившие опирались на то, будто аллилуйя в переводе значит: слава тебе Боже! (между тем аллилуйя, как известно, означает: хвалите Господа) и укоряли своих противников, что они, произнося аллилуйю вместо трех раз четыре раза, четверят Троицу и, таким образом, впадают в ересь. Ожесточение между партиями дошло до того, что трегубившие, составлявшие большинство, запрещали на рынке продавать съестные припасы сугубившим. Книжники или так называемые «философы», державшиеся трегубия, толковали, что их противники заим-

ствовали от латин свое сугубие. Спор этот из Пскова перешел и в Новгород. Геннадий принял в нем участие и поручил переводчику Димитрию Герасимову, ездившему за границу, исследовать: действительно ли в западной церкви двоят аллилуйю? Но Герасимов привез ему ответ, что по воззрению западной церкви все равно, что двоить, что троить аллилуйю. Спор этим, конечно, не порешился: сугубившие со своей стороны обвиняли трегубивших не только в латинстве, но в жидовстве и даже в язычестве. Вопрос об аллилуйе перешел в грядущие столетия и соединился со многими другими вопросами, составившими в свое время сущность старообрядческого раскола.

В православной церкви во все времена господствовала обширная обрядность, сложная символика, поклонение священным предметам и монашеский взгляд на богоугодную нравственность. При невежестве народа это, естественно, давало русской религиозности характер перевеса формы над содержанием, выражения над мыслью. Все это перешло к нам с византийской литературой, но принесло у нас своеобразные плоды: такие явления, как споры о «хождении послонь» или об «аллилуйе» исключительно принадлежат русской жизни. Но с той же византийской литературой заходили к нам и взгляды совершенно противоположные: их можно проследить в разных переводных и подражательных сочинениях, доступных в свое время только немногим, по причине малограмотности. Взгляды эти клонились обратно, к переве-

су содержания над формой, ставили внутреннее благочестие выше внешнего, христианскую нравственность выше много-моления и поста и обличали бесплодность обряда самого по себе, неосмысленного. В то время, когда монашествующая набожность боялась дьявола, находились люди, писавшие: «Все в человеке, как доброе, так и злое – от самого человека; а дьявол не может отвлечь человека от добра и привлечь на зло». Тогда как большинство проповедовало, что для спасения души нужно беспрестанно читать молитвы, удручать плоть постом, подвергать себя добровольной нищете и лишениям, раздавались такие смелые речи: «Ты думаешь, что молишься Богу, а на самом деле молишься воздуху; Бог внимает уму, а не словам. Ты думаешь найти себе спасение в том, что не ешь мяса, не моешься и лежишь на голой земле, но ведь и скот не ест мяса и лежит на голой земле, без постели...» Или: «Какой успех человеку морить себя голодом и не делать добрых дел? Угоднее Богу – кормить голодного, чем иссушать свою собственную плоть, оказывать помощь вдовицам, нежели изнурять свои члены, избавлять от томления бедняков, чем томиться самому... Старайся лучше внутренний пост хранить, чем воздерживаться от яств по внешнему образу. Как тело без духа мертво, так и внешнее подвижничество без внутреннего хранения и соблюдения. Лучше съесть кусок сухого мяса, запрещаемого святыми отцами, чем из тщеславия, воздерживаясь от мяса, искать другого рода вкусной пищи...» В то время, когда большин-

ство нравоучителей говорило, что для умилоствления Бога и отпущения грехов надобно строить церкви и давать вклады в монастыри, встречались в книгах суждения о том, что «кто даст село монастырю, тот устраивает пагубу душе своей...», или что «нет пользы созидать неправдою и украшать церкви, и Богу не приятны богатства, жертвуемые в церковь, если они приобретены порабощением сирот и насилием убогих»; что церкви украшать никому не запрещено, но надобно помнить прежде всего, что за утеснение убогих обещана огненная мука. Подрывалась мысль, что монашеский образ жизни особенно угоден Богу: «Если бы иноческое жительство действительно было угодно Богу, то сам Христос и божественные апостолы носили бы иноческий образ, но мы видим и Христа и апостолов его в мирском, а не в иноческом образе». Даже против раздачи милостыни нищим встречаются резкие обличения: «Ты, богач, даешь милостыню убогим, но посмотри, вон рабы твои, которые пасут твоих волов, потравили ниву твоих бедных соседей: ты мучишь злым томлением и неправедными наказаниями работающих тебе; о безумный, лучше тебе миловать домочадцев твоих, не творить им насилия и томления, чтобы они не ходили печальные, чем рассыпать милостыню, собранную несправедливым томлением других». Тогда как духовные проповедовали слепую веру к священным книгам, появлялись намеки, которые зароняли подозрение в справедливость того, что вошло целую массою в церковную письменность: «О том не ведают

и не догадываются, что многие книжники иноки выписывают места из божественных книг и из житий святых и, вместо них, вписывают то, что считают для себя лучшим и полезным, и уверяют других, что это подлинное писание святых». Вопреки общему верованию о силе молитв и заступлении святых перед Богом, встречались такие умствования: «Если человек сам не делает добра, то святые, хотя бы молились за него, не сделают ему пользы: сбудется только пословица: один строит, другой разоряет».

Все это не заключало в себе в сущности ничего неправославного, но все это показывает, что в самой благочестивой письменности были семена противодействия тому строю понятий о благочестии, который был усвоен веками и принят большинством: злоупотребления в духовенстве всегда могли обращать эти семена в противодействие самой церкви. Так и случилось. Нигде это противодействие не могло так легко прорваться, как во Пскове. Псковичи тяготились зависимостью от новгородского владыки по церковному управлению и суду, а между тем отсутствие епархиального начальника давно уже лишало во Пскове область благочестия правильного надзора. Во Пскове свободнее, чем где-нибудь, могло воспитаться противодействие против существующего церковного порядка, были постоянные причины к этому. С одной стороны, духовенство роптало на вмешательство веча в церковные дела, с другой – новгородский владыка и его софийский двор подавали постоянный повод к жалобам как на свою без-

действенность в деле управления и суда, так и на свою жадность в собирании пошлин: псковская земля в церковном отношении казалась какою-то оброчною статьею новгородского владыки. Духовные, посвящаясь в сан и получая места, платили пошлины. Нередко добрые отношения к чиновникам владыки, пошлины и подарки пролагали путь к священническому сану удобнее, чем личные достоинства ищущего этого сана. Могло всегда случиться, что бедный человек, достойный быть священником по своим качествам и способностям, не получал места потому только, что не мог заплатить, тогда как другой, имевший состояние, покупал священный сан. Нападки на эти пошлины, упреки, делаемые духовному управлению в том, что оно посвящает священнослужителей за деньги, положили начало ереси, известной под названием «стригольников».

Нам неизвестно ни точное время явления этой ереси, ни обстоятельства, служившие ближайшим поводом к ее возникновению; знаем только, что около 1374 года из Пскова в Новгород бежали от преследования трое главных проповедников этой ереси: один из них неизвестен по имени, другой был дьякон Никита, третий – мирянин по имени Карп. В сочинении конца XV века, в «Просветителе» Иосифа Волоцкого, Карп назван художеством «стригольник».⁴³ Что такое

⁴³ В современном послании патриарха константинопольского Антония (Акты Ист. т. I, стр. 9) говорится об этом довольно темно: «взвещено мне бысть о вас моему смирению и всему священному сбору, председающу о прежеваривших вас ересях, яже суть расколы, занеже сблазнитесь во время онаго Карпа, дьякона

«стригольник», мы не знаем, но ересь эта получила кличку стригольников. Трое проповедников нашли себе в Новгороде последователей, но вскоре возмутили против себя народ и были сброшены с моста в Волхов в 1375 году. Посеянное ими семя ереси, однако, не пропало бесследно. В продолжение XV века еретики не раз подвергались преследованию во Пскове и Новгороде; их умерщвляли, запирали в тюрьмы; другие из них разбежались и разносили с собою свои еретические мнения. Достоин замечания, что православные до того озлобились против них, что митрополит Фотий, в 1427 году, хотя и повелевает не есть и не пить с еретиками, но сдерживает фанатизм псковичей и порицает их за то, что они казнили смертью стригольников. Как всегда бывает, гонимая секта укреплялась и распространялась от гонений. В Новгороде, в последних годах XV века, Геннадий, несмотря на громадное выселение прежних жителей и прилив новых, указывал, что между чернецами есть стригольники.

Ересь стригольников своею исходною точкою имела порицание обычая платить пошрины при посвящении, а затем еретики нападали на жадность и корыстолюбие духовенства, употребляя такие выражения, какие до сих пор можно слы-

отлученного от службы, стригольника, и глаголете, недостойны суть презвитеры по мзде поставляемы» и пр. Во-первых, неизвестно, говорится ли здесь об одном лице Карпе, который был разом и дьяконом и стригольником, или же имелось намерение сказать о трех лицах: Карпе, отлученном дьяконе и стригольнике, а если об одном, то в таком случае не значило ли стригольник – название той ереси, к которой принадлежал Карп, название, уже прежде существовавшее.

шать в народе: «попы пьяницы, дерут с живого, с мертвого!» Стригольники начали учить, что таинства, совершенные недостойными священниками, недействительны, а затем дошли до того, что признали все существующее и прежнее духовенство не имевшим дара Духа Святого, отвергали вселенские соборы, дозволяли, вместо священников, учить и проповедовать каждому, вооружались против монастырей, против вкладов по душам, поминок, и вообще против того, что на благочестивом языке называлось «строить душу». Они, как видно, как-то по-своему толковали таинство причащения, а вместо исповеди перед священником вводили свой обряд покаяния припаданием к земле. Отвергая церковные постановления, сами стригольники, однако, уважали произвольный пост, отличались суровым воздержанием, молитвою и книжностью.

Как всегда бывает со всякого рода сектами, и ересь стригольников, распространяясь, разветвилась и разбилась на многие толки, так что в XV веке люди различных мнений назывались общим именем «стригольников». Одни, например, не расходились совершенно с церковью, а только вольнодумствовали над ее постановлениями, и таких-то стригольников разумел митрополит Фотий, предписывая духовным не брать от них приношений: конечно, здесь идет речь не об отпадших от церкви совершенно, так как подобные люди не приносили бы уже ничего в церковь. Другие, соблазняясь способом поставления духовных лиц, разошлись с существу-

ющею в их время церковью, но не отвергали необходимости православной церкви и готовы были присоединиться к существующей, если бы в ней не было того, что им казалось злоупотреблением. Третьи отвергали монашество; говорили, что иноки выдумали себе сами житие, отступили тем самым от евангельских и апостольских преданий, и что ангел, который, как гласит монашеское предание, дал Пахомию иноческий образ – схиму, был не ангел, а бес, и потому-то явился не в светлом, а в черном виде. Четвертые, оторвавшись от церкви, учреждали свое собственное богослужение. Пятые, не признавая ни соборов, ни церковных уставов и преданий, опирались на одном только Св. Писании, как делали впоследствии протестанты. Шестые доходили до чистого деизма, отвергали уже евангельские и апостольские писания и поклонялись одному Отцу, Богу Небесному: наконец – уже самые крайние отрицали воскресение мертвых и будущую жизнь. Были еще и такие, которых учение Иосиф Волоцкий называет «массалианскою ересью»: из этого видно, что были такие, которые признавали творение мира делом злого духа». ⁴⁴

⁴⁴ Быть может, эти представления зашли в древнюю Русь через влияние болгарской секты богумилов, составлявшей почти одно и то же с мессальянской, а может быть, образовались и позже при всеобщем брожении умов. Тем не менее, однако, достойно замечания, что следы таких представлений, чисто в духе мессальянской или богумильской ереси, до сих пор существуют в народных суевериях на русском Севере. Таким образом, существует легенда о том, что Бог и дьявол творили человека: дьявол создал тело, а Бог вдунул в него душу; от этого человек плотью покушается угодить бесу, а духом стремится к Богу.

Такое брожение умов господствовало в пятнадцатом веке на русском севере, когда, перед падением независимости Новгорода, занесена была туда ересь рационалистического жидовства. В 1470 году, вместе с князем Михаилом Олельковичем, прибыл в Новгород из Киева ученый иудей Схария. В Новгороде в то время были во всеобщем ходу религиозные толки: люди всякого сословия, и мужчины, и женщины сходились не только в домах, но и на торжищах, говорили о духовных предметах и часто с желанием критиковать существующее в церкви предание и постановление. Во всеобщем хаосе споров и толков удобно было и ученому иудею пустить в ход еще одно еретическое учение, имевшее целью распространение основ иудейской веры. Он совратил сперва одного попа, по имени Денис, потом последний привел к нему другого попа, по имени Алексей, имевшего приход на Михайловской улице. Это были люди мыслящие и начитанные по тогдашнему времени. Они приняли иудейство. Семейства этих священников последовали их примеру. Увидевши, что пропаганда может идти успешно, Схария пригласил в Новгород еще двух иудеев: Шмойла Скарявого и Моисея Хапуша. Вслед за Денисом и Алексием обратились к новой ереси зять Алексея Иван Максимов, отец его поп Максим, зять Дениса Васька Сухой, софийский протопоп Гавриил и еще много других лиц духовных и светских. Новообращенные хотели было обрезать, но их иудейские учителя велели держать иудейство втайне, а явно прикидываться христианами. Сле-

лавши свое дело, иудеи исчезли бесследно: вероятно, они уехали из Новгорода. Когда Иван III был в Новгороде, то взял попов Дениса и Алексия к себе в Москву: как книжные люди, они вскоре заняли видные места: Алексий сделан протопопом Успенского собора, а Денис – Архангельского. Никто не мог подозревать в них и тени какого бы то ни было неправоверия.

Учение, проповеданное иудеями, имело чисто еврейские основания. Они учили отвергать Св. Троицу, божество Иисуса Христа и все церковные постановления: неизвестно только, передавали ли они новообращенным Талмуд и принадлежали ли сами к верующим в Талмуд, но зато учили астрологии и кабалистическим гаданиям: этим, вероятно, они в особенности и привлекали к себе. Но по отшествии иудеев, учение их в русской земле не могло сохраниться во всей своей старозаконной чистоте. Русские последователи смешали его с разными вольнодумными толками, и отсюда-то произошло явление, приводившее в недоумение многих ученых. Иосиф, игумен волоколамский, оставивший нам описание жидовствующей ереси, употребляет против нее такие обвинения, которые скорее показывают заблуждения, несообразные с чистым иудейством, и заставляют предполагать или оттенки христианской секты, или чистый материализм. Таким образом, он обличает между ними таких, которые, опираясь на пример Иисуса Христа и апостолов, отвергали в принципе монашество и думали подкрепить свои мнения теми

же текстами из апостола Павла (напр., посл. к Тимоф. IV, 1—3), которыми в XVI веке обыкновенно западные протестанты доказывали несообразность учреждения монашества с духом христианского учения. Для последователей иудейства не нужно было ссылаться на Павла, так как он им ни в каком отношении не мог быть авторитетом. Ясно, что Иосиф Волоцкий, ратуя против жидовствующих, поражал вместе с ними и другие существовавшие в его время еретические мнения. Согласно с этим и Геннадий жаловался, что в Новгороде, кроме «мудрствующих по-жидовски», есть еретики, держащие ереси маркианскую (отвергающую Троицу), месальянскую, саддукейскую (отвергающую будущую жизнь) и др. Для ревнителя православия все эти ереси равным образом были ненавистны и достойны истребления.

Ознакомившись со своею епархией, и заметивши, что в ней гнездятся ереси, Геннадий деятельно принялся их отыскивать. Нелегко ему это было. Еретики вели себя хитро и распространяли свои лжеучения, пользуясь благоприятными обстоятельствами, а перед людьми, твердыми в православии, казались сами не только православными, но и свирепыми врагами ересей и щедро рассыпали на них проклятия; клясться и уверять в своем православии у них не считалось грехом. Зато при всяком случае они совращали слабого и потакали разным порокам, чтобы привлечь к себе. Главною целью их было проводить на священнические места своих единомышленников, и это удавалось им. Не толь-

ко в городах, но и в селах были на священнослужительских местах заклятые еретики, и они завлекали мирян, несведущих в делах веры, прельщали их ласковым обращением и делали им всякого рода послабления, чтобы привлечь к себе. Согрешит ли кто и придет каяться, – такой поп прощает грешника, не страшит его вечными муками; напротив, иной успокаивал встревоженную совесть кающегося тем, что на том свете ничего не будет. Еретики выказывали себя глубокими книжниками и мудрецами; они хвалились, что у них есть такие священные книги, которые, при всеобщем невежестве, были незнакомы большинству: им легко было приводить из них места и давать произвольные толкования. Понятно, что с такими врагами предстояла трудная борьба, и не ранее, как в 1487 году Геннадию удалось попасть на явный след. Случилось, что еретики в пьяном виде стали болтать и упрекать друг друга. Дали знать об этом Геннадию; тот известил митрополита Геронтия и приступил к обыску. Один из попавшихся, поп Наум, открыл Геннадию все и принес ему псалмы, которые пели еретики в своих тайных собраниях по иудейскому способу. Геннадий отдал подозреваемых на поруки до окончания следствия и прислал митрополиту и великому князю свой первый обыск; он извещал, что трое еретиков: попы Григорий и Герасим и дьяк Самсон обличаются, по показаниям духовных и светских лиц, в том, что хвалили жидовскую веру, хулили Сына Божия и Пречистую Богородицу и всю православную веру, и ругались

над иконами, а против четвертого, дьяка Гриди, находится одно только свидетельство попа Наума. Между тем четверо из отданных на поруки бежали в Москву. Геннадий еще не подозревал, что в самой Москве ересь уже пустила корни, Денис и Алексей совратили в Москве любимца великокняжеского, дьяка Феодора Курицына, архимандрита Симоновского монастыря Зосиму, крестовых дьяков Истоуму и Сверчка и других лиц. Эти лица действовали на великого князя и на митрополита, вероятно, представляли им, что Геннадий преувеличивает дело, и новгородский архиепископ долго не получал из Москвы никакого ответа. Это заставило Геннадия усиленно добиваться от великого князя и митрополита приказания преследовать еретиков. Геннадий хлопотал через епископов, находившихся в Москве. Он писал сначала к сарскому (сарайскому) епископу (носившему этот титул и жившему постоянно в Москве на Крутицах), а потом к епископам суздальскому и пермскому; указывал, что в Москве послабляют еретикам, а между тем в Новгороде они становятся отважнее и ругаются над святынею: привязывают к воронам и воронам деревянные и медные крестики: «вороны и вороны садятся на стерво и на кал и крестом по нем волочат». Настойчивость Геннадия привела, наконец, к тому, что великий князь приказал созвать собор, и на соборе постановили троих обвиненных предать торговой казни в Москве, а потом послать к Геннадию на покаяние; если же они не покаются, то отослать их к наместникам великого князя в Нов-

город для «градской» казни. Кроме того, Геннадию поручалось делать дальнейший обыск, и тех, которые окажутся виновными, предавать наместникам для «градской» казни. Такому же обыску подлежал и дьяк Гридя. Соображаясь с этим решением собора, Геннадий продолжал обыск (следствие) и хватал подозрительных. Те, которые приносили покаяние и сами на себя писали признание, подвергаемы были церковной эпитимии; Геннадий оставил их на свободе, запретивши им только ходить в церковь, а нераскаявшихся и продолжавших хвалить жидовскую веру отсылал к наместникам для предания их торговой казни. Но все те, которые принесли пред ним притворное покаяние, бежали потом в Москву и там не только жили на свободе, но и распространяли ересь. Духовные лица, которых Геннадий уже считал несомненно еретиками, совершали в Москве богослужение; поп Денис, взятый Иваном в Москву вместе с Алексием, дошел до крайней дерзости, и если верить известию, сообщаемому Геннадием, во время богослужения плясал за престолом и ругался над крестом. Сильно возмущала Геннадия безнаказанность еретиков, да и последние более всего ненавидели новгородского владыку. Но особенным врагом Геннадия был чернец Захар. Был он прежде на новгородской земле в монастыре, называемом Немчинов. Однажды явились к Геннадию чернецы этого монастыря и донесли ему, что чернец Захар сманил их к себе в монастырь от князя Феодора Бельского, у которого они служили в детях боярских, и вот уже три гола

не допускает их до святого причащения, да и сам не причащается. Геннадий призвал к себе Захара и спрашивал: точно ли правда то, что говорят чернецы. «Грешен есмь, владыка», – сказал Захар. Геннадий стал его укорять и наставлять, а Захар сказал: «Да у кого причащаться-то? Ведь все попы, и владыки, и митрополиты по мзде поставлены!» «Как! И митрополит?» – спросил Геннадий. Захар отвечал: «Прежде митрополиты ходили в Цареград к патриарху за посвящением и патриарху деньги давали, а теперь митрополиты дают боярам тайно посулы: и владыки митрополиту дают деньги». Геннадий за такие отзывы признал Захара стригольником и сослал его в пустынь на Горнечно, но вскоре после того он получил от великого князя грамоту о том, чтобы наказать Захара и отпустить в его монастырь. Геннадий опять призвал Захара и взял с него запись в том, что он вперед будет причащаться Св. Тайн и изберет себе духовного отца. Захар, давши такую запись, ушел в Москву и не только остался там цел и невредим, но водился со знатными людьми и был в состоянии вредить самому Геннадию. Он обвинял его самого в ереси и рассылал в Новгород и в другие места письма, в которых старался всякими способами очернить новгородского владыку. Этот Захар был, вероятно, человек знатного происхождения и с большими связями. Немчинов монастырь, в котором он жил, был, вероятно, его собственностью, и этим объясняется: почему он, не будучи сам в священническом сане, начальствовал над монахами.

В 1489 году скончался митрополит Геронтий, человек несомненно православный по своим убеждениям, но дававший потачку еретикам: быть может, ненавидя Геннадия, он неохотно принимался за дело, поднятое последним, и не доверял справедливости всего, что выставял новгородский владыка. Еретики до того взяли верх при дворе Ивана Васильевича, что своим ходатайством могли доставить митрополичью кафедру такому лицу, какое им было нужно. Протопоп Алексей, взятый Иваном Васильевичем из Новгорода в Москву, скончался. Незадолго до своей смерти он указывал на архимандрита Симоновского монастыря Зосиму, как на самого достойного быть преемником Геронтия. Великий князь очень любил Алексея и поддался его внушениям. В сентябре 1490 года состоялся выбор: духовные власти избрали митрополитом Зосиму, зная, что этого хочет «державный», как они величали великого князя. Геннадия не пригласили на собор: он хотел ехать, но великий князь приказал ему оставаться на месте: от него потребовали только письменного согласия, так называемой «повольной» грамоты. Геннадий не противился выбору Зосимы, потому что еще не имел ничего сказать против него, но сильно оскорбился тем, что его не пустили лично присутствовать на выборе.

Как только Зосима уселся на митрополичьем столе, тотчас потребовал от Геннадия исповедания веры. Это значило, что Геннадия подозревают в неправоверии. Геннадий ясно

видел, что к нему придираются, что враги составляют против него козни: враги эти – еретики, и главным из них считал он Захара, – и новгородский владыка усилил против них свою ревность. Геннадий не послал Зосиме исповедания, объяснив, что он уже дал его, по обычаю, при своем поставлении в архиерейский сан, а со своей стороны настоятельно требовал приняться немедленно за строжайший обыск над еретиками и казнить их без милосердия. Геннадий напомнил митрополиту, что он обязан настаивать перед великим князем на преследовании еретиков: «Если великий князь того не обыщет и не казнит этих людей, то как нам тогда свести срам с своей земли! Вон фряги какую крепость держат по своей вере; сказывал мне цезарский посол про шпанского короля, как он свою землю-то очистил!» Геннадий указывал на государева дьяка и любимца Феодора Курицына, как на корень всего зла: «От него вся беда стала; он отъявленный еретик и заступник еретиков перед государем». Геннадий этим не ограничивался: он смело обличал распоряжения самого великого князя, касающиеся церкви. По поводу перестроек в Москве были разобраны ветхие церкви и перенесены на другие места; кости мертвых свезены были на Дорогомилово, а на месте церковной ограды, служившей для погребения, разведен был сад. Этот поступок Геннадий называл «бедою земскою» и «нечестием государскою» и сообщал свои рассуждения, очень любопытные как образчик умствований того времени. «Кости мертвых, – писал Геннадий, –

вынесены, а тела остались на прежнем месте, рассыпавшись в прах: и на них сад посажен: а Моисей во Второзаконии не велел садить садов и деревьев подле трепника Господа Бога. Гробокопателям какова казнь писана: а ведь это оттого, что будет воскресенье мертвых; не велено мертвых с места двигать, опричь тех великих святых, коих Бог чудесами прославил. Где столько лет стояли Божьи церкви, где стоял престол и жертвенник, – эти места не огорожены: собаки ходят по ним и всякий скот!..» Зосима требовал от Геннадия согласия па поставление коломенского владыки, но не сообщал ему имени того, кто будет этим владыкою. Геннадий догадывался, что могут на это место посадить такое лицо, которое станет мирволить еретикам, и наотрез отказал. «Не управивши дела еретического, писал он, нельзя ставить владыку; не из иной земли добывать нам человека на владычество, а тутошним нашим нужно обыск учинить и тем, что с еретиками служили или с ними были в общении, назначить разные эпитимии, кому отлучение, а кому до конца извержение».

Настойчивые требования Геннадия, обращаемые к митрополиту, могли остаться без внимания, так как и прежде того Геннадий не раз уже писал в Москву, присылал разные доносы и улики на еретиков, а им в Москве не давали ходу: очевидно, люди, принадлежавшие к ереси и приближенные к государю, представляли Геннадия вздорным, беспокойным человеком. Но Геннадий, защищая православие, защищал разом и самого себя от подкопа, который вели против него вра-

ги. Вслед за письмом к митрополиту разразился он посланием, обращенным к русским архиереям: ростовскому, суздальскому, тверскому и пермскому; он убеждал их всех не соглашаться на поставление коломенского владыки, требовать немедленного созвания собора и суда над еретиками, и притом суда самого строгого. По мнению Геннадия, современных ему еретиков следовало наказывать строже, чем наказывали проклятием прежних еретиков на соборах. «От явного еретика человек бережется, – писал он, – а от сих еретиков как уберечься, если они зовутся христианами. Человеку разумному они не объявятся, а глупого как раз съедят!» Геннадий давал своим товарищам владыкам совет ни под каким видом не допускать на предстоящем соборе прений о вере. «Люди у нас просты, – писал он, – не умеют по обычным книгам говорить, так лучше о вере никаких речей не плодить, только для того и собор учинить, чтобы еретиков казнить, жечь и вешать. Они, еретики, взяли у меня было покаяние и эпитимию, а потом убежали: надобно их пытать накрепко, чтоб дознаться: кого они прельстили, чтобы искоренить их совсем и отрасли их не оставить». Уликами для еретиков должны были служить показания, отобранные Геннадием под пыткой у тех, которых прежде выслали к нему из Москвы. Уже он посылал эти показания в Москву, но им не верили, говорили, что они вынуждены были муками; и на это недоверие горько жаловался Геннадий архиереям. «При допросе, – писал он, – был я, святитель, двое бояр великого

князя, да мой боярин, да опричь того несколько детей боярских, да игумены и священники, и все-таки тому не верят, да еще и на меня со лжюю. Говорят, что я Самсонка мучил; не я его мучил, а сын боярский великого князя; мои сторожи только стояли, чтоб кто-нибудь посула не взял. Самсонко объявил, как он бывал у Федора Курицына, как приходили к нему Алексей протопоп, да Истома, да Сверчок, да Ивашка Черный, что книги пишет, и ругались над православием. Как бы тот смерд Самсонко знал, что у Курицына делается, если бы к Курицыну не ходил? Вот он знает, что у Курицына живет венгерец Мартынка, что из угорской земли с ним приехал: почем бы Самсонко знал это, если бы не был вхож в дом к Курицыну?» Геннадий убеждал архиереев стараться, чтобы великий князь непременно послал за новгородским архиепископом, и убеждал их без него не начинать никакого дела.

В показаниях Самсонка и других были признания в том, что еретики изрекали хулу на Христа, Пречистую Богородицу и всех Святых, ругались над иконами и над другими священными вещами. Сам Самсонко сознавался, что он с попом Наумом расщепляли святые иконы, а Наум, проходя мимо иконы Богородицы, показал ей кукиш. Другой еретик, Алексей Костев, вытащивши из часовни икону Успения, бросил на землю и начал поливать скверною водою. Третий, Юрка, бросил икону в лохань. Иные спали на иконах, другие мылись на них. Макар дьяк, который ел в пост мясо, плевал на

икону, а Самсонко вырезывал из просфор кресты и бросал кошкам и собакам и пр.

Геннадиево послание оказало немедленное действие. Зосима не хотел собирать собора, но не мог противиться общему требованию архиереев и большинства духовенства, которое единогласно домогалось суда над еретиками. Собор открылся 17-го октября. Геннадия опять не пригласили, и архиереи решились приступить к делу без Геннадия, хотя он просил их добиваться, чтоб его непременно пригласили на собор. Кроме архиереев здесь было несколько монастырских настоятелей, священников и старцев, и между ними знаменитый в свое время Нил Сорский. До нас, к сожалению, не дошли подробные известия о ходе дел на этом соборе; мы знаем только его приговор. Основываясь на показаниях, присланных Геннадием, и на некоторых свидетельствах, собранных в Москве, собор обвинил новгородского протопopa Гавриила, священников: Дениса, Максима (ивановского), Василия (покровского), дьякона Макара, зятя Денисова Васюка, чернеца Захара и дьяков Гридю и Самсона в том, что они не поклонялись иконам, ругались над ними, называя их, зауряд с идолами, делами рук человеческих, признавали тело и кровь Христову простым хлебом и вином с водою. Уличили ли их при этом в прямом «жидовстве» – мы не знаем. Еретики упорно отпирались от обвинений, а в том, в чем нельзя было отпереться, каялись и просили прощения. Собор лишил их духовного сана, предал проклятию и осудил

на заточение. Некоторых из них – неизвестно кого именно, но, вероятно, тех, которые были из Новгорода, – отправили к Геннадию в Новгород. Архиепископ приказал встретить их за 40 верст от города, надеть на них вывороченную одежду, посадить на вьючных лошадей лицом к хвосту, в берестовых шлемах с мочальными кистями, в соломенных венцах с надписью: се есть сатанино воинство. В таком виде ввезли их в город. Со связанными руками, они сидели, обращенные лицом на запад, по выражению Иосифа Волоцкого, смотря в ту сторону, где их ожидал вечный огонь. Владыка велел народу плевать на них, ругаться над ними и кричать: вот враги Божии, хулители христианские! После такого обряда на головах их зажжены были берестовые шлемы. По известию Иосифа, Денис скоро умер, за месяц перед смертью лишившись рассудка. Подобная участь постигла и Захара.

Но для искоренения еретического духа этим еще сделано было немного. Соборное осуждение постигло указанных нами лиц собственно не за жидовскую или какую-нибудь определенную ересь, а за противные церкви поступки и выражения, которые могли одинаково быть последствием разных заблуждений и даже просто беспутной жизни и пьянства. Важные еретики оставались без преследования и жили в Москве, пользуясь покровительством властей. Таковы были Федор Курицын, брат его Волк, Сверчок, Семен Кленов, Максимов и другие. Иван Максимов нашел возможность совершить в ересь невестку великого князя вдову Елену. Рас-

пространению всякого рода безверия, а тем самым и всяких еретических толкований, способствовало то обстоятельство, что в это время окончилась седьмая тысяча лет, считаемая от сотворения мира. Уже долгое время было в ходу верование, не только на Руси, но и на православном Востоке, что миру должно существовать только 7000 лет. Верование это чрезвычайно древнее и исходит еще от первых веков христианства: один из ранних отцов церкви, Иринея, конца II века писал, что во сколько дней создан мир, через столько тысяч лет последует его конец: с тех еще пор это мнение повторялось многими и в различных видах. Сообразно с этим мнением, пасхалия, которою руководствовались для переходящих праздников, составлена была на 7000 лет, и русские сроднились с мыслью, что конец пасхалии согласуется с концом мира. Но пасхалия была на исходе, конец мира не приходил, и надобно было составлять дальнейшую пасхалию. Митрополит Зосима изложил пасхалию только на следующие двадцать лет, но в то же время поручил Геннадию, приехавшему для того в Москву, составить свою пасхалию, чтобы согласие между тою и другою послужило мерилom истины. Геннадий написал пасхалию на семьдесят лет. Она оказалась дословно сходною в тех годах, на которые составил пасхалию Зосима, и Геннадиева пасхалия была разслана по всей Руси с предисловием, где объяснялся процесс составления пасхалии и проводилась мысль, что нельзя человеку знать времени кончины мира. «Мы написали это для простых людей, го-

ворит Геннадий, думающих о скончании мира; пугаться его не должно, а следует ждать пришествия Христова во всякое время, потому что оно никому не ведомо, как установлено. Как седьмая тысяча изошла и пасхалия рядовая окончилась, а тут еще кто-то написал: вот будет страх, скорбь как при распятии Христовом; вот последний год, кончина явится, ожидаем всемирного пришествия Христова; и сделалась тревога не только между простыми, но и не простыми, и многих взяло сомнение. Вот мы и написали это в обхождение временам, поставили круги солнечные и лунные и „рукам числа“: по чем можно знать и лунное течение, и пасху, и мясопусты и все праздники».

Но составление пасхалии не отняло у еретиков возможности пользоваться для своих целей исходом семитысячных годов. «Как же это, – говорили они, – апостолы написали, что Христос родился в последнее лето, а вот уже 1500 лет проходит по Рождестве Христове, миру же все конца нет, стало быть, апостолы неправду писали. Говорили, что Христос скоро придет, а его все нет! Ефрем Сирийский давно уже написал: пророчества и писания скончались и ничего не осталось дожидаться, кроме второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Но вот уже 1100 лет прошло с тех пор, как писал Ефрем Сирийский, а второго пришествия все нет!» Такие замечания вызывали со стороны православных необходимость опровергать их и вдаваться в объяснения как Священного Писания, так и Св. отцов. Геннадий опровергал эти замеча-

ния, ходившие в то время в народе, и, кроме книг, признаваемых церковью, ссылался даже на апокрифические или отреченные сочинения, которые были тогда в большом ходу между духовными, не всегда умевшими отличать их от канонических. Страсть к религиозным рассуждениям все более и более усиливалась. Иные, не завлекая людей ни в жидовство, ни в какую-либо другую определенную ересь, возбуждали только в народе сомнение в вере; толковали по-своему места Св. Писания и сочинений Св. отцов и говорили, что в искусстве наблюдать течение звезд и по ним отгадывать судьбу человеческую можно найти более мудрости, нежели в писаниях, признаваемых церковью, которые оказываются ложными, так как их пророчества о скончании мира и втором пришествии Христа не сбылись. Митрополит Зосима явно показывал вид, что защищает православие, а на самом деле был опорой для еретиков.

Это был человек, преданный обжорству, пьянству, всяким чувственным удовольствиям, и потому склонный к безверию и материализму. В те минуты, когда вино делало его откровенным, он высказывал самые соблазнительные мнения: что Христос сам себя назвал Богом, что евангельские, апостольские и церковные уставы и предания – все вздор; иконы и кресты, все равно что болваны. «Что такое царство небесное, что такое второе пришествие, что такое воскресение мертвых? – говорил он. – Ничего этого нет: кто умер, тот умер, и только; дотоле и был, пока жил на свете». Его причисляли

также к последователям жидовства, но едва ли было так на самом деле: отрицание будущей жизни несогласимо было с общепринятыми иудейскими верованиями, и, кажется, Зосима не принадлежал ни к какой ереси, а просто ничему не верил, потому что ни о чем не заботился, кроме чувственных удовольствий. От этого он готов был смотреть сквозь пальцы на всякую ересь и говорил: не следует наказывать еретиков и отыскивать их. В том же духе говорили не только сами еретики, но и православные, побуждаемые добродушием: «Зачем осуждать и истязать еретиков и отступников; Господь сказал: не судите, да не судимы будете; и Св. Иоанн Златоуст говорит: не следует никого ненавидеть и осуждать, ни неверного, ни еретика, а тем более не убивать их, – если же надобно судить их и казнить, то пусть судят их цари, князья и земские судьи, а не иноки и не простые люди; притом же еретик и отступник только тот, кто сам исповедал свою ересь и отступление, а доискиваться: нет ли в ком ереси, и предавать человека пытке из-за этого – не следует». Такие рассуждения направлены были против доносчиков и соглядатаев; хотя и не отымалось у верховной мирской власти право судить еретиков, но отымалась возможность их отыскивать и предавать светскому суду, если они сами будут осторожны. Против таких-то мнений вооружались в то время строгие ревнители православия, и главным из них был неутомимый Геннадий. Он, напротив, доказывал, что не только следует всеми возможными средствами отыскивать еретиков, но да-

же не верить их покаянию, когда оно приносится поневоле обличенными в ереси. Геннадий требовал, чтобы их жгли и вешали. Тогда вопрос о том, как относиться к еретикам, занимал умы. Геннадий придавал ему огромную важность и для противодействия своим противникам нашел себе деятельного и энергического товарища в игумене волоколамского монастыря Иосифе. Он был сын землевладельца близ Волоколамска, по прозвищу Санина, и происходил из крайне благочестивой семьи. Его дед и бабушка, отец и мать окончили жизнь в монашестве. Его все братья были монахами, а двое из них епископами. Сам Иосиф в молодости постригся в Боровском монастыре у знаменитого и уважаемого за свою святую жизнь игумена Пафнутия, а впоследствии, еще при жизни последнего, сделался его преемником. Он хотел ввести в монастыре чрезвычайную строгость, но вооружил против себя всю братию, и потому удалился из Боровска, скитался около года по разным монастырям, наконец, основал собственный монастырь на своей родине, близ Волоколамска. Великий князь лично знал его и уважал за строгое постничество и необыкновенную по тому времени ученость. С Иосифом сошелся Геннадий, знакомый с ним еще прежде и пожертвовавший в волоколамский монастырь свое село Мечевское.

Зосима недолго мог скрываться. Ревнители благочестия скоро разгадали его, соблазнились его поведением, его двусмысленными выходками, о которых слух расходил в на-

роде, и стали обличать его. Митрополит, прежде проповедовавший милость ко всем, теперь сам стал жаловаться великому князю на своих врагов, и великий князь подверг некоторых заточению; но в 1493 году смело и решительно поднялся против Зосимы Иосиф Волоцкий, написавший в самых резких выражениях послание к суздальскому епископу Нифонту, призывая его со всеми товарищами, русскими иерархами, стать за православную веру против отступника митрополита. «В великой церкви Пречистой Богородицы, на престоле Св. Петра и Алексия, – писал он, – сидит скверный, злобесный волк в пастырской одежде, Иуда Предатель, бесам причастник, злодей, какого не было между древними еретиками и отступниками». Затем, изобразивши развратное поведение митрополита и упомянувши о соблазнительных речах, которые он произносил в кругу приближенных, Иосиф убеждал всех русских иерархов свергнуть отступника и спасти церковь. «Если не искоренится этот второй Иуда, – писал он, – то мало-помалу отступничество утвердится и овладеет всеми людьми. Как ученик учителя, как раб государя, молю тебя: поучай все православное христианство, чтоб не приходили к этому скверному отступнику за благословением, не ели и не пили с ним». Это послание, вероятно, написанное заодно с Геннадием, произвело свое действие. В 1494 году митрополит, увидевши, что вся церковь против него вооружается, добровольно отказался от митрополии, всенародно положил свой омофор на престол в Успенском соборе.

ре, объявил, что по немощи не может быть митрополитом, и удалился сначала в Симонов, а потом в Троицкий монастырь. Великий князь не стал его преследовать, быть может, потому, что считал его только пьяницей, но человеком, безвредным для веры по удалении своем от управления делами церкви. Не ранее, как на следующий год, в сентябре следующего года, избран был новый митрополит Симон, бывший игуменом Троицко-Сергиевого монастыря. Геннадий и на этот раз не участвовал в поставлении нового митрополита. Достоинно замечания, как вел себя великий князь в этом случае: предшествовавшие события показали ему, что церковь, так сильно содействовавшая усилению верховной мирской власти, способна была, однако, заявлять свою независимость против этой власти. Мысль эта уже тяготила Ивана, и этим-то, должно быть, пользовались приближенные к нему еретики, отклоняя его от слишком ревностного преследования вольнодумцев. Иван был отчасти доволен: охлаждение к духовенству, распространявшееся в народе, могло содействовать видам Ивана. Во-первых, он видел в этом средство поставить свою власть выше всякого противодействия со стороны представителей церкви; во-вторых – возможность осуществить со временем свое тайное желание овладеть церковными имуществами, желание, которое уже давно он выказал своими поступками, отнявши у новгородского владыки и у новгородских монастырей значительную часть их имений: в дополнение к прежнему, он в последнее время запретил

Геннадию приобретать куплею новые земли. Чтобы приучать русских к мысли о первенстве государя над церковью, после наречения Симона митрополитом, Иван в Успенском соборе всенародно взял нового митрополита за руку и «предал его епископам», знаменуя тем, что соизволение государя дает церкви первопрестольника. Подобное повторилось и при посвящении: государь громогласно «повелел» митрополиту «принять жезл пастырства и взойти на седалище старейшинства». Это был новый, невиданный до сих пор обряд, имевший тот ясный смысл, что поставление митрополита, а тем самым и всех духовных властей, исходит от воли государя.

При таком настроении Ивана Васильевича, еретикам удобно было подделываться к нему и пользоваться его покровительством, уверяя, что все обвинения в ереси есть не что иное, как следствие изуверства духовных. Иван Васильевич давно уже не любил Геннадия; Иосифа Волоцкого он уважал, но когда последний начал докучать ему просьбами об отыскании и преследовании еретиков, государь и ему велел замолчать. Еретическое направление в особенности укрепилось тогда, когда государь охладел к своему сыну Василию и оказывал расположение к своей невестке и ее сыну. В это время Курицын вместе со своим братом Волком, назло ненавистному Геннадию, упростили государя послать в Юрьевский новгородский монастырь архимандритом своего единомышленника Кассиана. В Новгороде, благодаря Геннадию, ереси совершенно было замолкли: теперь, после прибы-

тия Кассиана, Юрьев монастырь сделался средоточием всякого рода отступников от церкви. Там происходили еретические совещания и совершались поругания над священными предметами, и Геннадий не в силах был преследовать их. Московские еретики, а вместе с ними и бояре Патрикеевы, благоприятели Елены и ее сына, подстрекали великого князя присвоить себе церковное имущество, что было очень по душе Ивану Васильевичу, и государь начал с имений новгородского владыки: он отнял у Геннадия часть архиепископских земель и отдал своим детям боярским.

Между тем Геннадий, ведя неутомимую войну против еретиков, первый понял, что православию нельзя бороться с ересями только теми средствами насилия, какие до сих пор употреблялись. В ереси уходило из православия то, что по умственному развитию стояло выше общего уровня; еретики были все люди начитанные и книжные. Глубокое невежество господствовало между духовенством. Во всяком свободном споре еретика с православным первый всегда мог взять верх. Геннадий понял это и требовал заведения училищ. Несколько раз бил он об этом челом великому князю, просил ходатайствовать и митрополита Симона. В своем любопытном послании к митрополиту Геннадий изложил тогдашнее состояние просвещения духовенства. «Вот, – пишет он, – приведут ко мне мужика на посвящение: я ему дам читать апостол, а он и ступить не умеет; я ему дам псалтырь, он и тут едва бредет. Я его прогоню, а на меня за это жалуются. Зем-

ля, говорят, такова; не можем достать человека, который бы грамоте умел: всю землю, видишь ты, излаял, нет человека на земле, кого бы избрать на поповство. Бьют мне челом: пожалуй, господин, вели учить! Я прикажу ему учить ектеньи, а он и к слову не может пристать. Ты говоришь ему то, а он тебе иное. Велю я ему учиться азбуке, а он поучится мало азбуке, да просится прочь. Не хотят учиться азбуке, а иные учатся, да не от усердия, и долго дело идет. Меня бранят за их нерадение, а моей силы нет. Вот я и бью челом государю, чтоб велел училище устроить, чтоб его разумом и грозою, а твоим благословением это дело исправилось. Попечалуйся, господин отец, перед государями нашими великими князьями, чтоб велели училища устроить. Мой совет таков, чтоб учить в училище сперва азбуку с истолкованием, потом псалтырь со следованием хорошенько, чтобы потом могли читать всякие книги; а то мужики невежды ребят учат, только портят; первое, выучат его вечерне; за это мастеру принесут кашу и гривну денег, потом заутреню – за это еще поболее; а за часы особенно; да кроме того магарыч, как рядятся. А от мастера отойдет – ничего не умеет, только по книге бредет! Такое нерадение в землю вошло; а как послышат, что государь укажет учить все, что выше писано, и сколько за это брать, так и учащимся будет легко, и никто не посмеет отговариваться, и с усердием примутся за учение...» Мы не знаем, в какой степени приняты были эти советы.

Вместе с тем Геннадий видел необходимость распростра-

нения Св. Писания. До этих пор книги Ветхого Завета составляли редкость. Геннадий собрал разные части Ветхого Завета, существовавшие в древних переводах, и присовокупил к ним новые переводы других частей. Таким образом, кроме внесенных в его свод книг древних переводов, переведены были вновь с латинской Vulgata две книги Паралипоменон, три книги Эздры, Неэмии, Товита, Иудифь, Соломонова Премудрость, Притчи, Маккавейские книги; четыре книги Царств носят на себе следы нового перевода с греческого, а книга Есфири прямо переведена с еврейского. Равным образом, в древних переводах, где были пропуски, встречаются новые переводы. Главными сотрудниками Геннадия в этом деле были: переводчик великого князя Димитрий Герасимов и доминиканец, принявший православие, по имени Веньямин. Библия эта носит на себе сильный отпечаток влияния латинского текста. Несмотря на недостатки этого перевода, Геннадий совершил очень важный подвиг в деле умственного развития на Руси, так как во всех христианских странах переводы священного писания на язык страны и распространение его имели более или менее важное влияние на дальнейший ход умственной деятельности. Хотя, при малограмотности русского народа, священное писание очень долго еще оставалось достоянием немногих, но эти немногие, после Геннадия, имели возможность познакомиться со Священным Писанием в его целом объеме, приобретали сравнительно большую широту и правильность взгляда на отвлече-

ченные предметы и получали средства к возбуждению работы мысли.

Торжество еретиков было недолговременно. В 1499 году опала поразила Патрикеевых и их партию; Иван охладел к невестке и внуку, примирился с Софьей и с Василием; это делалось медленно, и не прежде как в апреле 1502 года дело приняло решительный оборот: Елена с сыном были посажены в темницу: Василий объявлен государем всея Руси; в Елене потеряли еретики свою важнейшую опору. Но настроение, сообщенное Ивану еретиками в прежнее время, все еще оставалось в нем и после того. Еретики первые возбуждали Ивана против духовенства, нападали на разные злоупотребления, на соблазнительное поведение духовных, в особенности выставляли на вид старинные обвинения, поднятые стригольниками обвинения в том, что духовные поставляются за деньги, «по мзде». Во многом нападки еретиков невольно сходились с требованиями самой противоположной для них стороны, требованиями ревностных православных, желавших улучшения нравственности духовенства. В 1503 году состоялся собор под председательством митрополита Симона. На нем были русские епископы и в числе их Геннадий, затем многие архимандриты и игумены, и между ними знаменитые в свое время лица: Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Паисий и Ярослав игумен троицкий. Этот собор сделал постановление, отсекавшее, по-видимому, у вольнодумцев исходный пункт нападков на духовенство: собор за-

претил брать какие бы то ни было пошлины от поставлений на священнослужительские места. «И от сего дня вперед, – сказано в соборном определении, – кто из нас или после нас во всех землях русских дерзнет преступить это уложение и взять что-нибудь от поставления или от священнического места, тот будет лишен своего сана по правилам Св. апостолов и Св. отец: да извержется и сам, и тот, кого он поставил, без всякого ответа». Для избежания наперед укора в безнравственности, падавшего на духовенство, собор подтвердил уже прежде бывшие распоряжения русских митрополитов о том, чтобы чернецы и черницы не жили вместе в одном монастыре, а овдовевшие священники и дьяконы лишались права священнослужения: из них тем, которые, после смерти жен, вели себя целомудренно, давалось право причащаться в алтаре в епитрахиях и стихарях, а те, которые обличались в держании наложниц, записывались в разряд мирских людей с обязанностью отпустить от себя наложниц, в противном случае предавались гражданскому суду. Чтобы священнослужительские должности не доставались людям слишком молодым, собор постановил, чтобы в священники поставлять не ранее 30 лет от роду, а в дьяконы не ранее 25. Это строгое распоряжение относительно вдовцов вызвало энергичский протест со стороны одного вдового священника города Ростова, Георгия Скрипицы, замечательный памятник современной литературы.⁴⁵ При окончании этого собора Нил

⁴⁵ «Господа мои, вы знаете божественное писание и знать вам его подобает,

Сорский поднял вопрос об отобрании имений у монастырей, о чем мы будем говорить в биографии последнего.

Лицо, которое первое подверглось строгости постановления соборного о бесплатном поставлении священников, был архиепископ Геннадий. Едва он прибыл в Новгород, как его обвинили в том, что он брал «мзду» со священников еще в большем размере, чем прежде. Это сделалось по совету Геннадиева любимца, дьяка Михаила Алексеева. Великий князь и митрополит произвели обыск и свели Геннадия в Москву. Вероятно, во избежание соблазнительного суда над Геннадием, ему позволили или велели подать от себя митрополиту «отреченную грамоту» (в июне 1504 года). В ней он отказывался от управления, как будто по причине немощи. Дело это остается для нас темным. Геннадий имел столько врагов, что взводимое на него обвинение могло быть несправедливым или, по крайней мере, преувеличенным. Геннадий по-

но странно, что вы, зная, не хотите знать. Господь сказал: „Осуждайте без лице-приятия, судите праведно»; а вы, господа, всех иереев и дьяконов без испытания осудили: у какого попа есть жена, тот чист, у которого нет, тот нечист; а у чернеца нет жены, тот все-таки чист. Что же, господа, вы духом прозрели, кто чист, кто нечист? Как вы это испытали: свят ли поп с женой, или без жены? Чернец свят или белец? Как вы можете знать человека без свидетелей? Ваше дело, господа, обличать явные грехи, а тайным грехам Бог судья. Чернецам попам можно служить в городах и селах, а вдовцам попам, хотя бы чистым, не следует служить и в пустынях, не только в городах; если у попа жена есть, он достоин служить: стало быть, он освящается женой! Кто не подивится, кто не посмеется вашему собору и в других землях. Если бы вы одного человека неповинно осудили, так и тогда дали бы ответ Богу в день судный, а вы всех иереев Божьих без свидетелей признали нечистыми...»

селится в Чудовом монастыре, где и умер через полтора года (в декабре 1505).

В то время, когда уже Геннадий доживал свой век в уединении, дело, начатое им, доканчивал друг его Иосиф Волоцкий. После собора, будучи в Москве, он виделся с Иваном Васильевичем наедине и до того подействовал на него своими речами, что великий князь стал говорить откровенно:

«Прости меня, отче, как митрополит и владыки простили. Я знал про новгородских еретиков». «Мне ли тебя прощать?» – сказал Иосиф. «Нет, отче, пожалуй, прости меня».

«Государь, – сказал ему на это Иосиф, – если ты подвигнешься на нынешних еретиков, то и за прежних Бог тебе простит».

Через несколько времени государь опять призвал к себе Иосифа и стал говорить о том же. Видно, что религиозная совесть Ивана Васильевича была возмущена:

«Митрополит и владыки простили меня», – сказал Иосифу государь.

«Государь и великий князь, – возразил Иосиф, – в этом прощении нет тебе пользы, если ты на словах просишь прощения, а делом не ревнуешь о православной вере. Пошли в Великий Новгород и в другие города, да вели обыскать еретиков».

«Этому быть пригоже, – сказал Иван Васильевич, – а я знал про их ересь».

Иван Васильевич рассказал при этом Иосифу, какой ере-

си держался протопоп Алексей и какой – Федор Курицын. «У меня, – говорил великий князь, – Иван Максимов и сноху мою в жидовство свел». Тут открылось Иосифу, что Ивану давно уже было известно, как еретики хулили Сына Божия, Пресвятую Богородицу и святых, как жгли, рассекали топором, кусали зубами и бросали в нечистые места иконы и кресты. «Теперь, – говорил Иван, – я непременно пошлю по всем городам обыскать еретиков и искоренить ересь».

Но после данного обещания Иван долго ничего не делал, и снова, призвавши к себе Иосифа обедать, спросил: «Как писано: нет ли греха еретиков казнить?»

На это Иосиф сказал, что у апостола Павла в послании к евреям написано: «Кто отвергнется Моисеева закона, тот при двух свидетелях умрет. Кольми паче тот, кто попирает Сына Божия и укоряет благодать Святого Духа!» Иван замолчал и не велел Иосифу более говорить об этом.

Из этого можно заключить, что Иван отчасти сам подпал влиянию еретиков и склонялся к ереси, а потом, хотя и раскаивался, но все еще колебался. Лета брали свое. Иван слабел здоровьем и приближался к гробу. Страх замогильной жизни побуждал его искать примирения своей души с церковью; но в нем еще боролись прежние еретические внушения, нашедшие к нему доступ, потому что были согласны с его практической натурой. Вероятно, их поддерживали и православные, предпочитавшие кроткие меры жестоким. Иосиф действовал на Ивана через его духовника, андрони-

ковского архимандрита Митрофана. «Я много раз, – писал к нему Иосиф, – бил челом государю, чтобы послал по городам обыскивать еретиков. Великий князь говорил: пошлю, сейчас пошлю! Но вот уже от велика дня другой год наступает, а он все не посылал. Еретики же по всем городам умножились, и православное христианство гибнет от их ереси!» Иосиф представлял Митрофану множество примеров из византийской истории, когда православные императоры мучили и убивали еретиков, и убеждал доказать великому князю, что нет греха мучить их. «Стоит только схватить двух-трех еретиков, – замечал он, – и они обо всех скажут». Но против Иосифа ополчалась и православная партия, смотревшая на дело иначе. Ее главой был преподобный Нил Сорский. Его последователи, старцы Кирилло-Белозерского монастыря и вологодских монастырей, доказывали противное в своем послании к Иосифу. Они упрекали его в том, что он руководствуется примерами Ветхого Завета, а забывает Евангелие и христианское милосердие. «Господь, – писали они, – не велел осуждать брата брата, а одному Богу надлежит судить человеческие согрешения; Господь сказал: не судите и не осуждены будете, и когда к нему привели жену, взятую в прелюбодеянии, тогда премилостивый судья сказал: кто не имеет греха, тот пусть на нее первый бросит камень; потом, преклонивши главу, Господь писал на земле прегрешения каждого и тем отвратил от нее убийственную жидовскую руку. Пусть же каждый примет от Бога по своим делам в день судный!

Если ты, Иосиф, повелеваешь брату убивать согрешившего брата, то значит: ты держишься субботства и Ветхого Завета. Ты говоришь: Петр Апостол Симона волхва порази́л молитвою: сотвори же сам, господин Иосиф, молитву, чтобы земля пожрала недостойных еретиков или грешников! Но не услышана будет от Бога молитва твоя, потому что Бог спас кающегося разбойника, очистил милостию мытаря, помиловал плачущую блудницу и назвал ее дочерью. Апостол написал, что готов получить анафему от Христа, т.е. быть проклятым, лишь бы братья его Израильтяне спаслись: видишь ли, господин, апостол душу свою полагает за соблазвившуюся братию, а не говорит, чтобы огонь их пожег или земля пожрала. Ты говоришь, что катанский епископ Лев связал епитрахилью волхва Лиодора и сжег при греческом царе. Зачем же, господин Иосиф, не испытываешь своей святости: свяжи архимандрита Кассиана своею мантиею, чтобы он сгорел, а ты бы его в пламени держал, а мы тебя извлечем из пламени, как единого от трех отроков!.. Петр апостол спрашивал Господа: можно ли прощать своего согрешившего брата семь раз на день? А Господь сказал: не только семь, но семью семьдесят раз прости его. Вот какво милосердие Божие!»

Несмотря на этот протест, настойчивость Иосифа и государева духовника Митрофана взяла верх. Иван Васильевич, долго колебавшись, в декабре 1504 года созвал собор и предал на его решение дело об ереси. Собор обвинил и предал проклятию нескольких уличенных еретиков. Иосиф настаи-

вал, чтобы не обращали внимания на их раскаяние, потому что оно вынужденное, и требовал самой жестокой казни над наиболее виновными. Иван Васильевич не мог уже, если бы даже хотел, спасти их против воли всего собора, уступившего во всем убеждениям Иосифа. Дьяк Волк Курицын, Дмитрий Коноплев и Иван Максимов были сожжены в клетках 28 декабря в Москве. Некрасу Рукавому отрезали язык и отправили в Новгород: там сожгли Рукавого, архимандрита Кассьяна, его брата и с ними многих других еретиков. Менее виновных отправили в заточение в тюрьмы, а еще менее виновных в монастыри. Но Иосиф вообще не одобрял отправления еретиков в монастыри. «Этим ты, государь, – говорил он, – творишь мирянам пользу, а инокам погибель». Впоследствии, когда в его монастырь прислан был еретик Семен Кленов, он роптал на это и доказывал, что не следует предавать покаянию еретиков, а надлежит их казнить. Спор с последователями Нила Сорского об обращении с еретиками продолжался долго после, даже и по смерти Иосифа, у его последователей, носивших на Руси название «Осифлян».

После казни, совершенной над еретиками в 1504 году, все они, как и их соумышленники и последователи, преданы были церковному проклятию. Спустя почти два столетия, в неделю православия предавались анафеме имена: Кассиана, Курицына, Рукавого, Коноплева и Максимова со «всеми их поборниками и соумышленниками». Со времени казней, совершенных в последнее время царствования Ивана, в офи-

циальных памятниках не упоминается более о жидовствующей ереси. Но она не была истреблена совершенно и продолжала существовать в народе из поколения в поколение, в ряду других уклонений от господствующей церкви: это ясно из того, что до сих пор существует в русском народе жидовствующая ересь, которой последователи признают себя преемниками новгородских еретиков.

Глава 15

Московский государь великий князь Василий Иванович

Историки называют царствование Василия продолжением Иванова. В самом деле, мало в истории примеров, когда бы царствование государя могло назваться продолжением предшествовавшего в такой степени, как это. Василий Иванович шел во всем по пути, указанном его родителем, доканчивал то, на чем остановился предшественник, и продолжал то, что было начато последним. Самовластие шагнуло далее при Василии. Если при Иване именовались все «государевыми холопами», и приближенные раболепно сдерживали дыхание в его присутствии, то современники Василия, сравнивая сына с отцом, находили, что отец все-таки советовался с боярами и позволял иногда высказывать мнение, несогласное с его собственным, а сын (как выражался Берсень, один из его любимцев, подвергнувшийся опале), не любил против себя «встречи», был жесток и не милостив к людям, не советовался с боярами и старыми людьми, допускал к себе только дьяков, которых сам возвышал, приблизивши к себе, и которых во всякое время мог обратить в прежнее ничтожество. «Государь, – говорил Берсень, – запершись сам – третей, у постели все дела делает». Посещавший Москву императорский

посол Герберштейн, оставивший нам подробное и правдивое описание тогдашних русских нравов и внутреннего быта, также подметил эту черту в Василии. Он не терпел ни малейшего противоречия; все должны были безмолвно соглашаться с тем, что он скажет; все были полными рабами и считали волю государя волею самого Бога, называли государя «ключником и постельничьим Божиим»; все, что ни делал государь, по их понятию, все это делал сам Бог; и если говорилось о чем-нибудь сомнительном, то прибавлялось в виде поговорки: «об этом ведает Бог да государь».

Никто не смел осуждать поступков государя; если что явно было дурное за ним – подданные обязаны были лгать, говорить не то, что было, и хвалить то, что в душе порицали. Так, когда Василий, сам лично вовсе неспособный к войне, возвращался из похода с большой потерей, все должны были прославлять его победоносные подвиги и говорить, что он не потерял ни одного человека. Жизнь и имущество всех подданных находились в безотчетном распоряжении государя. Василий не стеснялся присваивать себе все, что ему нравилось, и вообще в бесцеремонности способов приобретения не только не уступал своему родителю, но даже в ином и превосходил его. Так, например, по возвращении русских послов от императора Карла V, он отобрал у них себе все подарки, которые собственно им дали император и его брат. Своим служилым людям он большею частью не давал ни пособий, ни жалованья. Каждый должен был отправляться

на службу, исполнять безропотно всякие поручения на собственный счет; только одни дети боярские, люди бедные, получали от великого князя поместья; кроме того, иным из них давалось денежное жалованье, но и то с обязанностью иметь собственное оружие и лошадей. Число детей боярских, которым велся список и разверстка через год и через два, значительно увеличилось против прежнего, так что при Василии их насчитывали уже до 300000, и большая часть из них довольствовалась одною землею, не получая денежного жалованья; земля их, данная в пожизненное пользование, за всякое упущение по службе, могла быть отнята и отдана другому. В отличие от таких пожизненных участков, называемых поместьями, люди родовитые владели наследственными именьями, называемыми вотчинами; но в отношении к произволу государя собственно не было различия между тем и другим родом поземельного владения, потому что Василий, положивши опалу на вотчинника, лишал его вотчины так же легко, как и поместья. Так поступил он с одним из полезнейших людей своих, дьяком Далматовым: отправляемый государем к императору Максимилиану, он осмелился заявить, что у него нет средств на путешествие: за это Василий Иванович приказал отобрать у него все движимое и недвижимое имущество, оставив его наследников в нищете, а самого Далматова заслал на Белоозеро в тюрьму, где он и умер. Впрочем, смертных казней мы не встречаем слишком много при Василии. Он прощал знатных лиц, обвиненных им в на-

мерении учинить побег: от его времени осталось несколько записей, даваемых князьями (Бельскими, Шуйским, Мстиславским, Воротынским, Ростовскими и другими), о том, что они не убегут из московского государства. В случае попыток к побегу, он брал с них значительные денежные пени и отдавал провинившихся на поруки другим, которые обязывались платить за того, за кого они поручились. Василий не отнимал уделов у своих братьев: Семена, Андрея, Димитрия и Юрия, и даже одного из них, Семена, простил, когда тот хотел бежать в Литву; но при этом Василий не давал братьям ни в чем воли, держал в строгом повиновении, так что они были наряду с прочими владельцами вотчин, и, кроме того, окружал их шпионами, которые доносили ему о каждом шаге братьев. Будучи, по-видимому, расположен и милостив к подданному, он нежданно поражал его опалою, когда тот вовсе не чаял этого, и с другой стороны, иногда подвергши опале, вдруг возвращал опальному милость. Таким образом, один из самых приближенных ему людей, Шигона, был несколько лет в опале, а под конец жизни Василия сделался у него первым человеком. Где Василий видел для себя помеху или опасность, там он не отличался снисходительностью: его племянник Димитрий (сын Ивана Молодого) содержался в строгом заключении и умер в 1509 году, по сказанию летописца, «в нуже, в тюрьме», хотя духовное завещание, оставленное Димитрием, показывает, что дядя оставлял за ним в законном владении не только движимое имущество, но и села. Не ме-

нее сурово поступил Василий Иванович с мужем сестры своей, князем Василием Холмским: неизвестно за что великий князь засадил его в тюрьму, где тот и умер.

Таков был по своему характеру преемник Ивана III. Василий от отца своего наследовал страсть к постройкам, и в первые годы своего царствования воздвиг в Москве несколько церквей, между ними церковь Николы Гостунского и Благовещенский собор, обе церкви поражали современников своею позолотою, серебряными и золотыми окладами икон, а Благовещенский собор своими позолоченными куполами. К последнему примыкал новый дворец, внутри расписанный, открытый для жилья в мае 1508 года. Наибольшее число построек относится к 1514 году. Тогда разом воздвигнут был в Москве целый ряд каменных церквей. В 1515 году был расписан Успенский собор такою чудною живописью, что Василий и бояре его, вошедши первый раз в церковь, сказали, то им кажется «будто они на небесах». При Василии в начале его царствования окончен был каменный Архангельский собор и перенесены были туда гробы всех великих московских князей. Но более всего Василий отличился постройками многих каменных стен в городах, где были прежде только деревянные, как, например, в Нижнем Новгороде, Туле, Коломне и Зарайске. В Новгороде, кроме стен, перестроены были улицы, площади и ряды. В самой Москве выложен был камнем ров около Кремля, а гостиный двор обведен каменною стеною.

В августе 1506 года умер литовский великий князь Александр, и смерть его открыла Василию предлог продолжать по отношению к Литве то, что начал отец. Василию блеснула мысль разом достигнуть цели, намеченной родителем; через своего посланника Наумова он сообщил Елене свою мысль. «Нет ли возможности, чтобы паны польские и литовские избрали на упраздненный престол Польши и Литвы московского государя? В таком случае он даст клятву покровительствовать римскому закону». Наумову было дано поручение передать то же самое виленскому епископу Войтеху, князю Радзивиллу и другим знатым панам. Намерение Василия не удалось. Сама Елена, как кажется, не расположена была содействовать брату. Она известила Василия, что преемником Александра назначен брат его Сигизмунд, по воле покойного короля. Василию было досадно; в Сигизмунде он видел себе соперника и искал благоприятного случая, чтобы начать с ним ссору. Случай тотчас представился. Был в Литве знатный и могучий вельможа православного исповедания, князь Михаил Глинский. Он был любимцем покойного Александра, носил сан придворного маршалка и имел так много приверженцев между русскими, что возбуждал даже у литовских панов римской веры опасение, чтобы он со временем не овладел всем литовским княжеством. Новый король Сигизмунд не имел к нему такого расположения, как его покойный брат, и не хотел давать ему предпочтения перед другими панам, как делал Александр. Глинский требовал пе-

ред королем суда со своим заклятым врагом паном Яном Заберезским. Король медлил судом, явно склоняясь на сторону соперника Глинского. Тогда Глинский сам расправился со своим врагом, – напал на него в его усадьбе близ Гродно, отрубил ему голову, а вслед за тем сделал наезды на других панов, враждебных ему, и перебил их. После такого самоуправства, Глинскому ничего более не оставалось, как поднять открытый мятеж против короля, и Глинский начал набирать войско, вступил в союз с Менгли-Гиреем и молдавским господарем, а тут кстати пришло к нему от московского государя предложение милости и жалованья со всеми его родными и приверженцами. В Москве знали, что происходит в Литве, и увидели возможность сделать вред Сигизмунду. Михаил Глинский приехал в Москву, был принят с большим почетом, наделен селами на московской земле и двумя городами: Ярославцем и Медынью. Это послужило поводом к войне между Москвою и Литвою. Война эта, однако, ограничивалась взаимными разорениями и тянулась недолго. С обеих сторон была надежда на татар, и обе стороны обманулись. Литва надеялась на то, что казанский царь Махмет-Аминь взбунтовался против московской власти, а московский государь надеялся на Менгли-Гирея. Но хотя московские войска действовали против Казани плохо и потерпели неудачу, однако взбунтовавшийся казанский царь Махмет-Аминь, боясь внутренних врагов, сам принес повинную московскому государю, и, таким образом, Москва со сторо-

ны Казани была уже спокойна; с другой стороны, надежда Москвы на Менгли-Гирея не оправдывалась: этот верный союзник Ивана явно охладевал, его крымские татары безнаказанно делали набеги на русские области. Вообще, в это время Крым усваивал ту хищническую политику, которой следовал постоянно впоследствии: стравливать между собой Литву и Москву, манить ту и другую своим союзом и разорять волости обоих государств. На этот раз между Василием и Сигизмундом, в 1508 году, заключен был союз, по которому король отказывался от всех отчин, принадлежавших князьям, перешедшим при Иване III под власть Москвы, а Глинским словесно позволил выехать из Литвы в московское государство.

По окончании этой первой размолвки с Литвою, Василий покончил с Псковом.

Покойный Иван Васильевич, как мы видели, исподволь приучал Псков к холопскому повиновению, но не уничтожал признаков старинного свободного порядка. По примеру родителя, назначавшего во Псков наместников и не принимавшего от псковичей жалоб на этих наместников, Василий Иванович в 1508 году назначил туда наместником князя Ивана Михайловича Оболенского, выбравши нарочно такое лицо, которое бы не ужилось со псковичами и, раздражив их, дало повод московскому государю уничтожить псковскую вечевую старину. Этот новый наместник, когда прибыл во Псков, не дал вперед знать о себе, чтоб его встретили с кре-

стами, как всегда делалось в подобных случаях, а остановился в загородном дворе, так что псковичи, узнавши о его приезде, сами нашли его там, привели к Св. Троице, где посадили на княжение по давнему обычаю, и прозвали его по этому поводу «найденном». Наместник на первых же порах возбудил к себе ненависть – стал судить и распоряжаться без воли веча, рассылал по волостям своих людей, которые грабили и притесняли жителей, да вдобавок отправил великому князю на псковичей донос, будто они держат его нечестно, вступаются в доходы и пошлины, принадлежащие наместнику, и наносят бесчестие его людям. На первый раз великий князь только отправил к псковичам нравоучение, чтоб они так вперед не делали.

Но в сентябре 1509 года Василий Иванович отправился в Новгород и повел за собою значительный отряд войска, состоявшего из детей боярских. Псковичи, услышавши об этом, стали побаиваться, догадываясь, что государь замыслил что-то против них. Они отправили к нему послов с челобитною. В этой челобитной псковичи прежде всего благодарили великого князя за то, что он жалует их и держит по старине, а потом просили оборонить от наместника и от его людей, которые причиняли псковичам обиды.

Государь через своих бояр отвечал: «Мы хотим держать нашу отчину Псков, как и прежде, по старине, и оборонять ее отовсюду, как нам Бог поможет; а что вы били челом на вашего наместника и на его людей, будто он у вас сидит не

по старине и делает вам насильства, так и наш наместник прислал нам бить челом на вас в том, что вы ему творите бесчестье и вступаетесь в его суды и пошлыны. Я посылаю своего окольного и дьяка во Псков выслушать и его и вас и управить вас с нашим наместником».

Присланные вслед за тем великим князем лица во Псков, по возвращении в Новгород, донесли государю, что не могли учинить никакой управы между наместником и псковичами. За ними прибыли в Новгород новые псковские послы и били челом избавить их от наместника.

Великий князь приказал через бояр сказать такой ответ псковичам:

«Жалуя свою отчину Псков, мы велим быть перед вами нашему наместнику, а Псков пусть пришлет к нам людей, которые жалуются на обиды от наместника; мы выслушаем и наместника и обидных людей и учиним управу. Когда мы увидим, что на него будет много челобитчиков, тогда обвиним его перед вами». Псковичи, услышав такое, по-видимому, благоразумное и беспристрастное решение, рассчитали, что чем больше будет жалоб на их наместника, тем больше надежды, что великий князь сменит его; посадники и бояре, ненавидевшие наместника, оповестили по всем десяти псковским пригородам⁴⁶, чтобы собирались все, кто только может в чем-нибудь пожаловаться на наместника и его лю-

⁴⁶ Пригороды псковские в это время были: Изборск, Опочка, Выбор, Вревь, Вороноч, Велье, Красный, Остров, Гдов, Владимирец.

дей. Этим воспользовались и такие, которые ссорились не с наместником, а между собой, и отправились к великому князю с жалобами друг на друга. Каждый день прибывало их больше и больше в Новгород: великий князь не выслушивал из них никого, а говорил им через своих бояр: копитесь, копитесь, жалобные люди, придет Крещение Господне; вот тогда я всем дам управу! Псковичи в простоте сердца ждали Крещения и писали на свою землю, чтобы как можно больше приезжало челобитчиков с жалобами на наместника. Между тем прибыл сам наместник; государь выслушал его и поверил ему во всем, или, по крайней мере, счел уместным поверить.

Наступило наконец Крещение. Великий князь приказал всем псковичам быть на водоосвящении, и когда, после окончания обряда, духовенство шло к Св. Софии, великокняжеские бояре крикнули псковичам: «Псковские посадники, бояре и все псковичи жалобные люди! Велел вам государь собраться на владычный двор. Сегодня государь даст вам управу всем». Все пошли как было приказано: посадники, бояре, купцы, вообще люди познатнее и побогаче, так называемые лучшие люди, вошли во владычную палату; а так называемые младшие люди, то есть простые, встали толпой во владычном дворе. Когда уже псковичи перестали входить во двор, великокняжеские бояре спросили: сполна ли все собрались? – Все сполна, – отвечали псковичи. Тогда им провозгласили: – Поимани есте Богом и великим князем Василием Ивановичем всея Руси!

Вслед за тем двор затворили и начали поименно переписывать стоявших на дворе молодых людей, а по окончании переписи развели их по домам и приказали стеречь домохозяевам. К тем, которые были во владычной палате, то есть к лучшим людям, вошли от имени великого князя его бояре и дьяки и объявили им, что тогда, как они бьют челом на наместника, другие псковичи бьют челом на посадников, бояр и земских судей и жалуются, что от них людям нет никакой управы. Поэтому следовало бы наложить на них великую опалу, но государь хочет показать им милость и жалованье, если они сотворят государеву волю: снять прочь вечевой колокол и более не быть вечам в Пскове, а быть во Пскове и по пригородам и держать суд государевым наместникам. «Если же вы, – было им прибавлено, – не учините государевой воли, то государь будет свое дело делать, как ему Бог поможет, и кровь христианская взыщется на тех, которые презирают государево жалованье и не творят государевой воли».

Невольникам ничего не оставалось делать, как благодарить за такую милость, и они в первый раз назвали себя государевыми холопами. Их заставили еще написать от себя в Псков убеждение исполнить государеву волю. В заключение они поцеловали крест на верность государю и были допущены к великому князю. Василий Иванович принял их ласково и пригласил на обед. Их отпустили свободно в свои помещения, но не велели выезжать из Новгорода до конца дела. Пожертвовав свободой своей земли, они надеялись, что не

потеряют своей личной свободы, и думали, что их благополучно отпустят восвояси.

Между тем в Пскове все скоро узнали. Один псковский купец ехал с товаром в Новгород и, услышав, что сделалось с его земляками, бросил свой товар, а сам поспешно возвратился в Псков и кричал по улицам: великий князь наших переловил в Новгороде!

Началась тревога; у псковичей от ужаса и горло пересохло, и уста слиплись – говорит современный повествователь. Зазвонили на вече; смельчаки кричали: «Ставьте щит против государя! Запремте город!» Но благоразумные останавливали их и говорили: «Ведь наша братия, посадники и бояре и все лучшие люди у него в руках!» Среди суматохи приехал посланец от задержанных в Новгороде псковичей и привез увещание не противиться и не доводить до кровопролития. После многих толков умеренные взяли верх, и в Новгород был отправлен гонец с такими словами: «Мы не противны тебе, государь; Бог волен и ты, государь, над нами, своими людишками!»

12 января 1510 года приехал в Псков дьяк Третьяк Далматов. Зазвонили на вече. Дьяк взошел на ступени веча и объявил, что государь велит снять вечевой колокол, а иначе у него наготове много силы и начнется кровопролитие над тем, кто не сотворит государевой воли. Передав псковичам государево слово, дьяк сел на ступени веча. Псковичи отвечали, что дадут ответ завтра.

На другой день опять зазвонили на вече, и уже последний раз. Третьяк взошел на ступени. Посадник от имени всех псковичей сказал:

«У нас в летописях записано такое крестное целование с прародителями великого князя. Псковичам от государя, который будет на Москве, не отходить ни к Литве, ни к Польше, ни к немцам, никуда, а иначе будет на нас гнев Божий, и глад, и огонь, и потоп и нашествие неверных; а если государь не станет хранить крестного целования, то и на него тот же обет, что на нас. Теперь Бог и государь вольны над Псковом и над нашим колоколом; мы не изменили крестному целованию».

Дьяк ничего не отвечал на такую знаменательную речь и приказал спустить вечевой колокол. Псковичи плакали по своей воле; разве только грудной младенец не плакал – говорит современник. Колокол отвезли к государю в Новгород.

Сам великий князь приехал в Псков с вооруженной силой: вероятно, он не доверял покорности псковичей. Через два дня после приезда, 27 января, государь созвал так называемых лучших людей в «гридню» (место сбора дружины), а простой народ на двор. Боярам объявили первым, что государь их жалует, не вступает в их имущества, но так как были государю жалобы на их неправды и обиды, то им жить в Пскове не пригоже: государь их жалует на Московской земле и им следует тотчас ехать в Москву со своими семействами. Простому народу объявили, что его оставят на месте преж-

него жительство под управлением великокняжеских наместников, которым псковичи должны повиноваться.

До трехсот семейств было отправлено немедленно в Москву; женам и детям их дали срок собраться в путь один только день. Отправлены были также жены и дети тех псковичей, которые прежде были задержаны в Новгороде. Хотя великий князь и объявил, что он не вступает в их достояние, но дело у него расходилось с обещанием: изгнанники потеряли свои дворы, свои земли, все было роздано московским людям, которых Василий Иванович перевел в Псков вместо сосланных, а последних водворили на Московской земле и частью в самой Москве. Но он не тронул, подобно своему отцу, церковных имений.

Московское управление казалось невыносимым для псковичей, пока они с ним не свыклись. Наместники и дьяки судили их несправедливо, обирали их без зазрения совести, а кто осмеливался жаловаться и ссылаться на уставную великокняжескую грамоту, того убивали. Иноземцы, жившие прежде в Пскове, удалились оттуда. Многие из псковичей, не в силах более сжиться с московским порядком вещей, разбежались или постригались в монастырях. Торговля и промыслы упали. Псковичи пришли в нищету; только переселенцы из московской земли, которым наместники и дьяки покровительствовали, казались несколько зажиточными. На обиду от москвича негде было псковичу найти управы: при московских судьях, говорит летописец, правда улетела на небо,

а кривда осталась на суде. Впрочем, и правители Пскова по-неволе работали не для себя, а для великого князя. Был в Пскове, после уничтожения вечевоего устройства, в течение семнадцати лет дьяк Михаил Мунехин, и, когда умер, государь захватил его имущество и начал разыскивать, что кому он был должен при жизни; его родные и приятели по этому поводу подвергались пыткам. После него, говорит летописец, было много дьяков, и ни один поздорову не выезжал из Пскова; каждый доносил на другого; дьяки были «мудры», казна великого князя размножалась, а земля пустела. Черты эти не были принадлежностью одного Пскова, но составляли характер московского строя, в Пскове же казались более, чем где-нибудь, поразительными, по несходству старых нравов и воззрений с московскими. Современник Герберштейн замечает, что прежние гуманные и общительные нравы псковичей, с их искренностью, простотой, чистосердечием, стали заменяться грубыми и развращенными нравами.

Разделавшись со Псковом, Василий опять обратился на Литву. Тотчас после мира с Сигизмундом возникли взаимные недоразумения. Сигизмунд домогался, чтобы ему выдали Михаила Глинского, а сообщников последнего казнили перед королевскими послами. Вдовствующая королева Елена, со своей стороны, просила о том и сообщала брату, что Михаил своими чарами был причиной смерти ее мужа Александра. Великий князь московский не удовлетворил этим требованиям. Глинский сносился с датским королем и воз-

буждал его против Сигизмунда. Письма его были перехвачены. Сигизмунд жаловался и снова просил казнить Глинского. Василий не только не сделал угодное Сигизмунду, но держал Глинского в большой милости. На границах двух государств происходили между подданными разные столкновения, подававшие повод к беспрестанным жалобам. Наконец, в 1512 году, в октябре, Василий придрался к Сигизмунду, будто его сестра Елена терпит оскорбления от воевод виленского и троцкого, будто бы они взяли у нее казну, отослали от нее людей, не дают воли управлять городами и волостями, данными ей покойным мужем. Сигизмунд отрицал все это и говорил московскому послу: «Поезжай с нашим писарем к невестке нашей и спроси ее сам; пусть она при нем и при тебе скажет, правда ли это или нет, и что от нее услышишь, передай нашему брату». Грамоты Елены, писанные около этого времени, показывают, что Елена невозбранно управляла и судила в жмудских волостях, которые были даны ей во владение. Но Василию нужно было к чему-нибудь прицепиться. Нашелся еще один повод. Менгли-Гирей заключил союз с Сигизмундом, а сыновья хана сделали набег на южные области московского государя. Хотя Менгли-Гирей уверял, что сыновья поступали без его повеления и ведома, Василий объявлял, что этот набег сделан с подущения Сигизмунда, и отправил к польскому королю «складную» грамоту, т.е. объявление войны, выставляя самым благовидным предлогом к этому оскорбления, нанесенные сестре его Елене.

В распоряжении московского государя было большое количество войска (он мог выставить далеко более 100000). Главная сила состояла в детях боярских, специально составлявших военное служилое сословие. Они выходили на войну на своих малорослых, слабоуздых конях и на таких седлах, на которых нельзя было поворачиваться на сторону. Оружие у них составляли главным образом стрелы, бердыши и палицы. Кроме того, за поясом у московского воина заткнут был большой нож, а знатные люди носили и сабли. Русские воины умели ловко обращаться, держа в руках в одно и то же время и узду, и лук, и стрелы, и сабли, и плеть. Длинный повод с прорезью был намотан вокруг пальца левой руки, а плеть висела на мизинце правой. У некоторых были и копья. Для защиты от неприятельских ударов, те, которые были побогаче, носили кольчуги, ожерелья, нагрудники, и немногие – остроконечный шлем. Другие подбивали себе платье ватой. При Василии учреждался новый отряд войска, называемый «пищальники», вооруженные огнестрельным оружием. Артиллерия (наряд) употреблялась, собственно, при осаде или защите городов; но Василий начал вводить мало-помалу как артиллерию, так и пехоту в битвах. Кроме пищальников была еще «посоха» из жителей разного рода, набранных по особым распоряжениям. У воина были свои запасы, обыкновенно на выучных лошадях, которых он вел с собой. Запасы состояли чаще всего из пшена, солонины и толокна; иные бедняки дня по два, по три говели; но воеводы и вообще на-

чальники часто кормили наиболее бедных. В битвах русские того времени были очень смелы и порывисты и выходили в бой под музыку, которая состояла у них из труб и так называемых сурьм или сурьн, на которых они играли не переводя дух. Но вообще русские неспособны были выдерживать долгого боя и, по выражению Герберштейна, вступая в бой, будто хотели сказать неприятелю: бегите или мы побежим; они легко поддавались паническому страху и, захваченные в бегстве неприятелем, отдавались ему в руки без сопротивления или просьбы о пощаде.

Московский государь рассчитывал на успех в войне, главным образом, потому, что, при посредничестве Михаила Глинского, вошел в сношения с императором Максимилианом, который надеялся овладеть, после смерти Сигизмундова брата Владислава, венгерской землей. Еще не дождавшись формального договора с императором, Василий начал войну и, главным образом, домогался овладеть Смоленском. В течение 1513 года он два раза подступал к этому городу, но безуспешно. В феврале 1514 года императорский посланник Сницер-Памер заключил в Москве договор, по которому австрийскому двору уступались прусские области, прежние владения тевтонского ордена, принадлежавшие со времен Казимира Польше, а Москве – Киев и прочие русские города. Это был первый в истории договор о разделе польских земель между соседями, предвестник того, чем должна была решиться судьба Польши в отдаленном будущем. В свя-

зи с дружелюбными отношениями Московского государства состоит договор, заключенный с ганзейским союзом немецких городов, по которому возобновлялась старинная торговля. В июле того же года Василий в третий раз подступил к Смоленску и так сильно начал палить в него из пушек, что на осажденных нашел страх. Начальствовавший там Юрий Сологуб был человек неспособный, не мог утишить волнения и сдал город. Смоленский владыка Варсонофий со всем духовенством, наместником и многими из народа прибыл в стан московского государя и просил принять свою вотчину с тихостью. Василий въехал в Смоленск. Радость для Москвы была чрезвычайная. В противоположность обычной своей бережливости, московский государь жаловал не только своих служилых, но даже дал по рублю литовцам и отпустил их всех с их начальником Сологубом, которому в Литве тотчас отрубили голову. Взятие Смоленска внушило такое уважение к силе московского государя, что князь мстиславский добровольно поддался Москве, а за ним мещане и черные люди Дубровны и Кричева. Василий никого не переводил из Смоленска в московскую землю, дарил смольнянам меха, бархаты, камки, ковши и утверждал все уставы литовских князей, к которым смольняне уже привыкли. Только Глинский в это время сделался недоволен Василием. Польские историки преимущественно его внушения приписывают сдачу Смоленска. Он надеялся, что Василий даст ему Смоленск в удел, но московский государь, получив от

прародителей завещание уничтожать уделы, не расположен был плодить их вновь. Глинский написал к Сигизмунду, приносил повинную за прежнее преступление, предлагал свои услуги, обещал снова привести Смоленск под власть короля и подвести на погибель московское войско. Сигизмунд согласился на его предложения; но кто-то из близких Глинского дал об этом знать московскому воеводе Булгаку, который поймал Глинского и доставил великому князю московскому, а Василий отправил его в Москву. Вслед за тем Азовское войско, шедшее по приглашению Глинского, напало на московское войско под Оршей. Предводительствовал им князь Константин Острожский, в начале царствования Васильева убежавший в Литву из Москвы, где он был связан насильно данной присягой служить московскому государю. Острожский, хотя русский по вере и предкам, ненавидел Москву, страстно желал отомстить ей и теперь достиг своей цели. Все московское войско поражено было наголову. Пало до 30000 человек. Воеводы, знамена, пушки – все досталось победителю. Острожский шел к Смоленску. Весть о его победе произвела там переворот. Смольняне составили заговор сдать город Литве. Владыка Варсонофий был в сговоре с ними. Но оставленный в Смоленске воеводой князь Василий Васильевич Шуйский узнал об этом заранее, и как только Острожский подступил к городу, приказал повесить в виду его на стенах всех заговорщиков и надеть на них те самые подарки, которые они получили от московского великого князя. По-

щажен был владыка Варсонофий, которого Шуйский отправил потом в Москву. Острожский отошел от Смоленска, не взяв его, но победа, одержанная им под Оршей, поднимала в деле войны сторону Литвы. Недавно передавшийся Москве князь Мстиславский, а также жители Дубровны и Кричева опять присягнули Сигизмунду. Видно, тогдашнему населению этого края было все равно: что Москва, что Литва, и оно преклонялось перед силой.

После оршинской битвы война с Литвой долго не представляла ничего замечательного. Сигизмунд подстрекал на Москву крымского хана Махмет-Гирея, наследовавшего после Менгли-Гирея в 1515 году, а великий князь московский заключил договор с магистром тевтонского ордена Альбрехтом, обещая ему давать деньги за содействие против Польши. Но Альбрехт не принес никакой пользы Москве. Прежний союзник Василия, Максимилиан, вместо того чтобы воевать против Сигизмунда, как ожидали в Москве, взял на себя роль посредника и прислал в Москву в 1517 году известного барона Герберштейна, автора драгоценного сочинения «О Московском государстве», написанного по его личным наблюдениям. Герберштейн не успел примирить врагов, так как Москва добивалась древних русских городов: Киева, Витебска, Полоцка и других, а Герберштейн уговаривал Василия возвратить Смоленск. Неудаче в заключении мира способствовала смерть королевы Елены. В Москве твердили, будто ее отравили ядом. Но Максимилиан, после того как

примирение не состоялось, не расположен был усиливать Московское государство, удерживал тевтонского магистра от войны с Польшей и писал к нему, что нехорошо будет, если польский король унижится, а московский возвысится.

Тем временем Василий покончил с Рязанью. Рязанская земля во все царствование Ивана III была покорна московскому государю. В начале царствования Василия там управляла тетка его Агриппина именем своего малолетнего сына Ивана. Но когда вырос этот князь, по имени Иван Иванович, то вспомнил о прежней независимости своих предков и стал тяготиться зависимостью от Москвы. Донесли московскому государю, что рязанский князь сходится с татарами и хочет жениться на дочери крымского хана Махмет-Гирея. Московский князь позвал его к себе и посадил под стражу, а его мать – в монастырь. Рязань утратила свою отдельность и была присоединена к Москве. По общей московской политике, и с Рязанью сделали то же, что с Новгородом, Тверью, Вяткой и Псковом: и оттуда было выселено множество жителей, а вместо них переведены были в Рязань на жительство московские люди. Несколько лет спустя (в 1521 году) рязанскому князю удалось убежать в Литву.

Уничтожая земскую самобытность Рязани и Пскова, Василий возвращал Новгороду некоторые признаки старины. Великокняжеские наместники и их тиуны в Новгороде управляли так неправомерно, и Василий слышал столько жалоб на них, что для ограждения их произвола приказал вы-

брать так называемых целовальников, которые должны были сидеть на суде вместе с наместниками. Выбиралось 48 лучших людей из новгородских улиц, и из них каждый месяц 4 человека должны были по очереди заседать на суде. При вступлении в должность они приводились к крестному целованию, отчего и получили свое название. Это было, однако, не в полной мере выборное начало, потому что избрание предоставлялось не народу, а правительственным лицам: дворецкому и дьякам.

Поворот к миру Москвы с Литвой произвел крымский хан. В декабре 1518 года умер казанский хан Махмет-Аминь, изъеденный, как тогда говорили, заживо червями. Еще до его смерти крымский хан Махмет-Гирей, желая посадить в Казань своего брата Саип-Гирея, предлагал дружбу Москве, обещал воевать Литву с тем, однако, чтобы великий князь московский воевал против Ахматова потомства – заклятых врагов Гиреев. Московский государь обещал, но, как только Махмет-Аминя не стало, он назначил в Казань одного из внуков Ахмата, по имени Шиг-Алея, который со своим отцом выехал из Астрахани на службу московскому государю и получил в поместье Мещерский городок. Крымский хан, естественно, был озлоблен и решил отомстить московскому государю. Прежде всего брат его Саип-Гирей отправился с войском к Казани. Казанцы изменили Шиг-Алею и признали своим царем Саип-Гирея. Шиг-Алея и всех русских, находившихся в Казани, ограбили и выгнали, никого, однако,

не убив. Вслед за тем крымский хан с многочисленной ордой двинулся на московское государство. С ним шел знаменитый Евстафий Дашкович с днепровскими казаками, только что начинавшими свою историческую деятельность. В то же время брат крымского хана Саип-Гирей, избранный в казанские цари, выступил со своими казанцами. Московское войско, выставленное против крымского хана под начальством брата великого князя Андрея и боярина князя Дмитрия Бельского, бежало. Другие, более мужественные воеводы (князья Курбский, Шереметев) пали в бою. Великий князь покинул столицу и ушел на восток собирать силы: в столице он оставил начальствовать крещеного татарского царевича Петра, своего зятя. В этом случае Василий Иванович пошел буквально по стопам своих прародителей и поступил так, как поступали его отец, прадед и прапрадед, убегая из Москвы, когда приближались к ней татарские полчища. Много народу побежало в Кремль, спасаясь от неприятеля: наступил июль – время очень знойное: опасались, чтобы от тесноты не открылась зараза.

Махмет-Гирей подошел за несколько верст к Москве и послал требование, чтобы великий князь обязался платить ему дань. В ответ на это требование Махмет-Гирею привезли письменное обязательство платить дань, скрепленное великокняжеской печатью. Неизвестно, с ведома ли государя дано было это обязательство. Скорее нужно полагать, что с ведома, потому что едва ли бы решились царевич Петр и бо-

яре сделать такой важный шаг самовольно. Махмет-Гирей, отступив от Москвы, подошел к Рязани и приказал его воеводе явиться к нему в стан, так как его государь, великий князь, уже сделался данником хана. Начальствовавший в Рязани воевода Хабар Симский просил представить ему доказательство того, что великий князь действительно обязался платить дань. Хан послал ему грамоту. Хабар Симский удержал грамоту у себя, а потом рассеял пушечными выстрелами толпу Татар, собравшуюся под городом, и заставил удалиться Махмет-Гирея: крымский хан должен был спешить назад: он услышал, что на Крым идут астраханцы. Унизительная грамота, попавшись в руки Хабарова Симского, была таким образом уничтожена; но русской земле нелегко отзывалось посещение Махмет-Гирея, потому что татары набрали много пленников и продавали их в Кафе. То же делали и казанцы, и продавали толпы русских невольников в Астрахани.

Эти печальные события, происходившие в 1521 году, побудили Василия прекратить войну с Литвой, и в марте следующего 1522 года было заключено перемирие на пять лет без отпуска пленных. В 1526 году это перемирие было продолжено до 1533 года при старании Герберштейна, вторично приезжавшего в Москву и на этот раз послом от императора Карла V. Пленники обеих сторон оставались в неволе, носили цепи и питались Христовым именем. Московский государь не хотел ни за что отдавать назад Смоленска и, в противность своему обещанию не переводить оттуда жителей,

перевел из Смоленска в Москву значительное их число, дав одним из них дворы и лавки, а другим поместья.

Казань ускользнула из-под прежней власти Москвы. Саип-Гирей перебил там русских купцов, умертвил и великокняжеского посла.

Старания великого князя посадить там Шиг-Алея были неудачны; русские потерпели поражение. К счастью, сам Саип-Гирей ушел в Крым, где после смерти Махмет-Гирея, убитого нагаями, царствовал его брат Сайдет-Гирей. Казанцы выбрали их тринадцатилетнего брата Сафа-Гирея и предложили Москве мир. Василий должен был принять его, но в то же время он предпринимал меры к стеснению Казани, построил в казанской земле на устье реки Суры город Васильсурск и, чтобы ослабить благосостояние Казани, завел ярмарку близ монастыря Макария Унженского (в 1524 году), приказав русским купцам съезжаться туда вместо Казани, куда они прежде ездили на летнюю ярмарку. Таким образом было положено начало знаменитой макарьевской ярмарке (теперь переведенной в Нижний). Впоследствии она имела благодетельное влияние на торговлю, но в первые годы возбуждала жалобы торговых людей, потому что вздорожали многие товары, которые в то время получались из Казани, и в особенности соленая волженская рыба.

Около того же времени Василий покончил и с последним удельным князем, Василием Шемячичем (внуком Шемяки), князем северским. Князь этот в продолжение мно-

гих лет верно служил Василию, храбро бился против поляков и крымцев, но в 1523 году Василий потребовал его к себе. Шемячича обвиняли в тайных сношениях с Литвой. Он боялся ехать в Москву, но митрополит Даниил (преемник Варлаама, заточенного великим князем в монастырь) заверил его своим словом, что ему не будет ничего дурного. Шемячич поехал, был закован в цепи, посажен в тюрьму; там он и скончался. Троицкий игумен Порфирий решился было ходатайствовать за него. Воспользовавшись приездом Василия в Троицкий монастырь на храмовой праздник, он сказал ему смело: «Если ты приехал сюда в храм Безначальной Троицы просить милости за грехи свои, будь сам милосерд над теми, которых гонишь ты безвинно, а если ты, стыдясь нас, станешь уверять, что они виновны перед тобой, то отпусти по Христову слову какие-нибудь малые деяния, если сам желаешь получить от Христа прощения многих талантов». Василий сначала приказал выгнать его из монастыря, а потом, по доносу некоторых монахов, велел привезти из пустыни, куда он удалился, в Москву и засадил в тюрьму в оковах. Жена темничного стража, сжалившись над Порфирием, освободила его от оков и доставила ему возможность убежать, но Порфирий, выжидая удобного времени для бегства, спрятался в потаенном месте и увидел, что сторож, не найдя его в темнице, хотел зарезаться, боясь гнева Васильева. Тогда Порфирий вышел к нему и сказал: «Не убивай себя, господин Павел (так звали сторожа), я цел, делай со мной,

что хочешь!» Василий, узнав об этом, отпустил Порфирия на свободу, но не возвратил ему игуменства. Порфирий удалился в белозерские пустыни, где жили его друзья: Артемий, которому суждено было играть такую видную роль при Иване Грозном, и Феодорит, просветитель лопарей. Митрополит Даниил поступил в этом деле не так, как Порфирий; несмотря на свое святительское слово, данное Шемячичу, он, всегдашний угодник власти, одобрял поступки великого князя со своей жертвой.

Противно такому христианскому человеколюбивому взгляду существовал, однако, другой взгляд в русском народе на уничтожение уделов. По поводу заключения того же Шемячича, какой-то юродивый кричал на улице: «Время очистить московское государство от последнего сора». Юродивые в то время выражали то, что думал народ. Шемячич был последний из удельных князей со старыми преданиями. Владения братьев великого князя не могли уже называться уделами в прежнем смысле.

Государство окончательно образовалось в это время, но будущность его подвергалась неизвестности. У Василия не было детей, хотя он уже двадцать лет был женат. Было у Василия в обычае путешествовать по своим владениям. Это называлось на тогдашнем языке «объездом». Государь отправлялся в объезд в сопровождении своих бояр и вооруженного отряда боярских детей. Ездил он на ямских лошадях, для чего, как и вообще для всяких служебных сношений, устрое-

ны были «ямы» и существовал особый класс людей, называемых ямщиками, обязанный в виде государственной повинности доставлять едущим по государеву повелению готовых лошадей и за это освобожденный от других повинностей. В один из таких объездов Василий, едучи, как говорит летописец, в позолоченной колеснице, окруженный воинами, увидел на дереве птичье гнездо, прослезился и сказал: «Тяжело мне! Кому уподоблюсь я? Ни птицам небесным – они плодовиты, ни зверям земным – и они плодовиты, ни даже водам – и они плодовиты: они играют волнами, в них плещутся рыбы». Взглянул он на землю и сказал: «Господи! И земле я не уподоблюсь: земля приносит плоды свои на всякое время и благословляют они тебя, Господи!» Вернувшись из объезда в Москву, Василий начал советоваться с боярами о том, что супруга его неплодна, и спрашивал: «Кому царствовать после меня на русской земле и во всех городах и пределах? Братьям ли отдам их? Но они и своих уделов не умеют устроить!» Бояре отвечали ему: «Государь, неплодную смоковницу отсекают и выбрасывают из винограда!» Государь решил развестись с Соломонией. Повод к этому представлялся государственный: отсутствие прямого законного наследника угрожало смутами государству; но на самом деле Василию приглянулась другая женщина. Соломония уже видела, что государь не любит ее. Через посредничество своего брата, Ивана Юрьевича Сабурова, она беспрепятственно отыскивала себе «и женок и мужиков», чтобы какими-нибудь ча-

родейственными средствами привлечь к себе любовь мужа. Одна такая женка из Рязани, по имени Стефанида, осмотрев Соломонию, решила, что у нее детей не будет, но дала ей наговорную воду, велела ей умываться и дотрагиваться мокрой рукой до белья великого князя. Другая, безноса черница, давала ей наговоренного масла или меда, велела натираться им и уверяла, что не только великий князь полюбит ее, но она будет иметь детей. Государь созвал духовных и бояр и предложил им рассудить: следует ли ему развестись с Соломонией? Это было сказано с уверенностью, что все должны дать ответ, согласно с его желанием. Митрополит Даниил, ученик Иосифа Волоцкого, успокоил совесть великого князя, сказав, что возьмет его грех па свою душу. Но тут против него поднялся инок Вассиан Косой, бывший князь Патрикеев. Он смело заявлял, что великий князь хочет совершить незаконное и бессовестное дело. Василий сильно ошибся в этом человеке: он приблизил его к себе, уважал за ум и ученость, думал, что он будет потакать ему во всем, и теперь в таком близком для него деле Вассиан оказался его противником. Мнение Вассиана стал поддерживать другой духовный, известный Максим Грек. Из бояр вместе с ними вооружался против развода князь Семен Федорович Курбский, почтенный благочестивый старик, некогда славный воин, покоритель Перми и Югры, теперь уже несколько лет не евший мяса и только три раза в неделю позволявший себе употреблять рыбу, что в то время считалось большой добродетелью. Го-

лос этих ревнителей справедливости не был уважен. Василий Иванович не стал их прямо преследовать за противодействие разводу, а отомстил Вассиану и Максиму другим путем: он предал их злобе Даниила и прочих «осифлян», которые нашли возможность обвинить их в неправославии, а Василий, после того, заточил их.

Заручившись одобрением митрополита и большей части духовенства, Василий повелел постричь свою супругу. В наших летописях есть известие, будто сама Соломония добровольно согласилась удалиться в монастырь. Но это известие, очевидно ложное, внесено в летопись из страха разгневать государя. Все другие современные известия единогласно говорят, что Соломония была пострижена насильно. Герберштейн передает в таком виде обстоятельства этого пострижения:

Когда великой княгине начали стричь волосы – она голосила и плакала; митрополит поднес ей монашеский кукуль; она вырвала его из рук, бросила на землю и стала топтать ногами.

Стоявший тут близкий советник Василия, Иван Шигона, ударил ее плетью и сказал: «Так ты еще смеешь противиться воле государя и не слушать его повелений?»

«А ты, – сказала Соломония, – по какому праву смеешь бить меня?»

«По приказанию государя», – ответил ей Шигон.

«Свидетельствуюсь перед всеми, – громко сказала тогда

Соломония, – что не желаю пострижения и на меня насильно надевают кукуль. Пусть Бог отомстит за такое оскорбление!»

Пострижение произошло в Москве в Рождественском девичьем монастыре. По русским известиям, постригал ее никольский игумен Давид, но, вероятно, в присутствии митрополита, как видно из Герберштейна. Оттуда ее отправили под именем Софьи в Покровский суздальский монастырь (где она прожила семнадцать лет и умерла в 1542 году). В январе 1526 года великий князь женился на Елене Глинской, дочери Василия, брата Михаила Глинского, тогда еще сидевшего в тюрьме за попытку бежать в Литву. Никакого выбора невесте в то время не было; это показывает, что Василий уже прежде решил жениться на Елене и потому развелся с прежнею женою.⁴⁷

⁴⁷ Сохранилось описание свадьбы великого князя Василия с Еленой, любопытное, потому что представляет картину тогдашних обрядов. В средней царской палате построено было возвышенное место, обтянутое бархатом и камками, с широкими изголовьями, на которых положено было по сороку соболей. Перед местом поставлен был стол, накрытый скатертью, с калачами и солью. У жениха и невесты был свой свадебный поезд: у великого князя, так называемый свадебный тысячник с боярами (тысяцким был брат Василия, Андрей) и дружка со своими слугами; у княжны Елены – жена тысяцкого, дружка, свахи и боярыни. Невесту одевали в ее покоях. По присланному приказу великого князя невеста со своими слугами отправилась в среднюю палату. Перед нею несли свечи жениха и невесты и каравай, на котором лежали золотые монеты. Княгиню посадили на приготовленное место, а близ нее, на месте, которое должен был потом занять великий князь, посадили ее меньшую сестру Анастасию. Все боярыни сели на лавке, а на левой стороне от невесты стали несшие свечи и каравай. Вслед за тем, по приказанию великого князя, вошел в палату брат его Юрий Иванович с боярами и детьми боярскими, рассажал их по местам, а сам сел на так называемом «боль-

Через некоторое время после бракосочетания в Москве

шом месте», и послал звать великого князя, ожидавшего в брусняной столовой избе. Великий князь вошел с тысяцким и со своими свадебными боярами, поклонился образам, а потом приподнял с места сестру невесты и сел на место ее возле невесты. Священник читал молитву; свечи с обручами, перевязанные соболями зажигались богоявленской свечой. Жена тысяцкого расчесывала волосы жениху и невесте и возлагала на голову невесте «кику» с навешенным на ней покровом, а потом осыпала великого князя хмелем из большой золотой мисы. в которой, кроме хмеля, положены были в трех местах соболи и шелковые платки в знаменательном числе трижды девять. Дружка великого князя резал «перепечю» и сыр, ставил перед новобрачными и рассылал присутствующим, а дружка невесты раздавал ширинки.Посидевши немного, великий князь отправился в церковь к венчанию со всеми своими боярами, а на месте, на котором он перед тем сидел, положил сорок соболей. За ним вслед отправилась Елена со всеми своими поезжанами в санях, а перед ее санями несли свечи и караваи. Венчание совершал в Успенском соборе сам митрополит Даниил. Когда после венчания новобрачным дали пить вино, великий князь бросил скляницу на землю, разбил и потоптал ногами. Никто не смел после того ступить ногой на эти стекла. После венчания митрополит, а за ним бояре, поздравляли новобрачных. Они возвращались тем же порядком порознь. Свечи и караваи унесены были к постели и поставлены у изголовья в кадь с пшеницею. Комната, где приготавлилась постель на тридцати снопах, называлась «сенник», облекалась тканями и по четырем углам втыкались стрелы с сорока соболями на каждой, а под ними на лавках ставился пивной мед. Великий князь со своим поездом, на возвратном пути из церкви, объезжал монастыри, а потом посылал звать великую княгиню со всем ее поездом к столу. Конь, на котором ездил по монастырям великий князь, передавался конюшему. Последний должен был в продолжение всего стола и всей ночи ездить вокруг спальни с обнаженною саблей. Важную должность конюшего исполнял тогда князь Федор Васильевич Овчина-Телепнев-Оболенский, отец Ивана, бывшего потом любимцем Елены, который и сам участвовал в свадебном чине. Во время стола ставили перед новобрачными жареную курицу. Дружка обвертывал ее скатертью и уносил в спальню. Это служило знаком, что великой княгине с поезжанами следует идти в спальню. За нею шел великий князь, и неслись иконы. У постели жена тысяцкого, одевши на себя две шубы, и верхнюю шерстью

разнесся слух, будто насильно постриженная Соломония беременна. Народу не нравился новый брак Василия, а потому легко выдумалось то, что желалось. Придворные женщины начали об этом поговаривать, но их речи услышал великий князь и одну из них, вдову Траханиота, приказал высечь, а сам между тем послал своих дьяков навести справки. Неизвестно, чем закончилось следствие, но и после того в Москве носились слухи, будто Соломония родила сына Георгия, которого она бережно укрывала, в надежде, что когда он вырастет, то отомстит за свою мать.

Новая супруга Василия была совсем другого воспитания и свойств, чем тогдашние русские женщины. Ее отец и дядя были люди западных понятий. Михаил Глинский провел всю юность в Германии и Италии. Без сомнения, Елена усвоила от родных иноземные понятия и обычаи и, вероятно, своими свойствами, представлявшими новизну для великого князя, пленила его. Желание понравиться ей было так велико, что, как говорят, Василий Иванович обрил для нее свою бороду, а это по тогдашним понятиям было большим отклонением от обычаев не только с народной, но и с религиозной точки зрения. Свидетельством этого могут служить

вверх, осыпала новобрачных. На другой день великий князь с особыми обрядами ходил в мыльню. Для этого по свадебному чину наряжены были знатные особы и в числе их молодой Иван Телепнев-Оболенский, которому тогда пришлось «колпак держать, с князем в мыльне мыться и у постели с князем спать». Близость этого человека к царственной чете объясняет, почему он впоследствии сойтись с Еленой.

современные сочинения благочестивых наблюдателей старины: «Смотрите, – говорится в одном из таких сочинений, – вот икона страшного пришествия Христова: все праведники одесную Христа стоят с бородами, а ошуюю басурманы и еретики, обритые, с одними только усами, как у котов и псов. Один козел сам себя лишил жизни, когда ему в поругание обрезали бороду. Вот, неразумное животное умеет свои волосы беречь лучше безумных брадобрейцев!» Такие обличения не сдерживали, однако, тогдашних записных щеголей: они не только брили себе бороды, но выщипывали волосы на лице, стараясь уподобиться женщинам; подобные щеголи не менее возбуждали негодование суровых нравоучителей и своим нарядом: они носили красные сапоги, расшитые шелком, до того узкие, что ноги болели у них; навешивали на себя пуговицы, ожерелья, на руках носили множество перстней, мазались благовониями, притирали себе щеки и губы и щеголяли вычурными манерами, состоявшими в известного рода кивании головы, расставлении пальцев, подмигивании глаз, выставлении вперед ног, особенного рода походке и т.п. Василий, женившись на Елене, начал также щеголять. Вообще заметно, что Василий склонялся к сближению с Западом и к усвоению его обычаев, хотя, по скудости источников, мы должны ограничиваться в этом отношении отрывочными чертами. Папский двор, с большой надеждой на Василия, делал свои обычные попытки к присоединению русской церкви. При посредстве тевтонского магистра Альбрехта, папа

Лев X подделывался к Василию и внушал ему надежду на обладание Литвой и даже Константинополем: «У Сигизмунда нет наследника, – говорил он, – после его смерти великое княжество Литовское не захочет государя из поляков и отдастся под власть московского государя. Константинополь – вотчина московского государя, и если московский государь захочет стоять за нее, то у нас для этого готовы и пути, и средства».

Папа изъявлял готовность дать Василию королевский титул, русского митрополита возвести в патриархи и принять русскую с римскою так в единение церковь, чтобы отнюдь не умалять и не менять обычаев восточной церкви. После того, в 1519 году, тот же папа писал Василию и выражался в своем письме о желании Василия признать папскую власть, как о деле решенном. «Достойные веры лица, – писал он, – известили нас, что твое благородие, по божественному внушению свыше, возжелал соединения со святою римскою церковью и хочешь быть ей покорным, со всеми своими землями, областями и подданными, после многих лет разделения, оставляя тьму и возвращаясь к свету истинного учения православной веры». Вместе с тем папа обнадеживал его помощью в исполнении намерения воевать с неверными. После смерти Льва X, папа Климент VII отправил к Василию послом одного генуэзца капитана Павла. Еще ранее того капитан Павел был в Москве по торговым делам. Его занимала мысль найти сообщение Европы с Индией через области

московского государства с целью подорвать торговую монополию португальцев, которые, после открытия пути в Индию вокруг Африки, снабжали из своих рук всю Европу индийскими товарами. Мысль эта, хотя небесплодная для будущих поколений, основывалась в те времена на незнании географии, так как сам Павел полагал, что река Оксус или Амударья впадает в то же море, в какое впадает Волга. Ему хотелось проверить собственным опытом свои предположения, но Василий не пустил его ездить по своим областям, так как в то время вообще полагали, что не следует знакомить иноземцев со своей страной. Однако Василий дал ему грамоту к папе с выражением самого дружеского расположения. Этому-то капитану Павлу папа Климент VII дал свою грамоту к Василию, узнавши, что капитан Павел опять собирается в Москву с прежними целями. В своей грамоте Климент VII, по примеру Льва X, убеждал присоединиться к римской церкви и заключить с римским двором дружеский союз, обещал королевский титул, регалии и помощь против неверных. Василий вместе с этим капитаном Павлом отправил к папе (в 1526) переводчика Димитрия Герасимова, человека ученого, который некогда помогал Геннадию в его работах над Библией. Василий изъявлял желание быть с папой в дружественном союзе, воевать вместе с христианскими государями против неверных, но ничего не говорил о вере – не изъявлял желания соединения, однако и не отвергал предложения и давал свободный пропуск на московскую землю под-

данным всех европейских христианских государей. Эта благосклонность к папскому престолу, как и вообще ко всему Западу, была поводом к тому, что католическое духовенство считало Василия сильно расположенным к унии, негодовало на Польшу, которой, по его расчету, было бы неприятно такое соединение, потому что угрожало признанием со стороны папы прав московского государя на русские области, и даже в последующие времена смотрело на эпоху Василия, как на время самое благоприятное и близкое к достижению заветных целей римского престола.

Несмотря на брак Василия с Еленой, дядя ее, Михаил, еще некоторое время сидел в тюрьме и был освобожден только по усиленной просьбе великой княгини. Но зато, вскоре после освобождения, все прежнее простилось Михаилу Глинскому и более не поминалось; он сделался приближенным человеком Василия. Великая княгиня все более и более овладевала своим супругом; но время проходило, а желанная цель Василия – иметь наследника, не достигалась. Было опасение, что и Елена будет также бесплодна, как Соломония. Великий князь вместе с нею беспрестанно совершал путешествия по разным русским монастырям. В сопровождении новгородского владыки Макария, был он у Тихвинской Божией матери, ездил по монастырям: в Переяславль, Ростов, Ярославль, в Спасов-Каменный монастырь на Кубенском озере, в Кирилло-Белозерский монастырь, устраивал братии «велие утешение», раздавал милостыню нищим. Во

всех русских церквах молились о чадородии Василия. Из монастырей доставляли ему и его великой княгине хлеб и квас – ничто не помогало. Прошло таким образом четыре года с половиною, пока, наконец, царственная чета не прибегла в своих молитвах к преподобному Пафнутию Боровскому. Только тогда Елена сделалась беременной. Радость великого князя не имела пределов. Еще не родился ребенок, а уже о нем заранее составлялись предзнаменования. Духовные говорили, что «когда отроча во чреве матери растяше, то печаль от сердца человеком отступаше: когда отроча во чреве матери двигалось, то стремление иноплеменной рати на царство низлагалось». Один юродивый, по имени Дементий, на вопрос беременной Елены: кого она родит? отвечал: «Родится сын Тит, широкий ум». Наконец 25 августа 1530 года Елена разрешилась от бремени сыном: и в час ее разрешения, как рассказывали, по русской земле прокатился страшный гром, молния блеснула, земля поколебалась! Новорожденный наречен был Иоанном в честь ближайшего ко времени его рождения праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи. Восприемниками его были монахи осифляне: Кассиан Босый и Даниил переяславский. Мамкою к новорожденному царевичу была приставлена боярыня Аграфена Челяднина, родная сестра князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского, который все больше входил в милость и около этого времени, по смерти отца, получил важный сан конюшего. Через два года после рождения Ивана Елена родила другого сына,

Юрия.

В последние годы царствования Василия Казань снова отдалась под прежнюю власть Москвы. Сами казанцы выгнали Сафа-Гирея, заклятого врага Москвы, и изъявили желание принять царя от руки московского государя, но просили не посылать к ним прежнего, Шиг-Алея, опасаясь от него мести за изгнание. Василий Иванович в 1531 году послал им в цари брата Шиг-Алеева Еналея, а Шиг-Алею дал Коширу и Серпухов, но в январе 1532 года, за сношения с Казанью без его ведома, государь лишил Шиг-Алея этих городов и сослал вместе с женою на Белоозеро, где велел держать под стражей. Изгнание Сафа-Гирея из Казани усилило неприязненные отношения с Крымом, где царствовал его брат Саип-Гирей, бывший некогда царем в Казани. Крымцы сделали набег на пределы московского государства в 1533 году, но были отбиты. Против них отличился Иван Овчина-Телепнев-Оболенский.

Кончина великого князя Василия на пятьдесят пятом году жизни послужила поводом к ее подробному описанию в наших летописях, замечательному по обилию черт нравов и быта того времени.

Летом 1533 года отправился Василий с женой и детьми к Троицкой обители, а оттуда на охоту в Волок Ламский, и тут постигла его болезнь: на левой ноге сделался у него подкожный нарыв. Однако Василий послал за ловчими и, переезжая из села в село, охотился. Доехав до Колпя, он послал пригла-

сидеть на охоту своего брата Андрея Ивановича, который тотчас же прибыл на зов его. Желая скрыть от него болезнь, Василий выехал с ним на поле с собаками, но, отъехав версты две, совершенно изнемог, принужден был вернуться обратно в Колпь и лечь в постель. Тут велел он послать в Москву за Михаилом Глинским и своими лекарями: Николаем Булевым и Фефилом. Те приехали и с общего совета принялись лечить его припарками; но пользы было мало. Так прошло две недели. Василий послал в Москву стряпчего своего Мансурова и дьяка Меньшого Путятина за своею и отцовскою духовною, настрого приказав им ничего не говорить митрополиту, княгине и боярам. Они исполнили приказ. Василий тайком от всех велел сжечь свою духовную и стал думать со своими боярами, как бы ему вернуться в Москву. Из бояр были с ним тогда: князь Димитрий Бельский, Иван Васильевич Шуйский, Михаил Глинский и дворецкие его князь Иван Кубенский и Иван Шигона. Великий князь решил ехать из Волока в Иосифов монастырь. Больного повезли в каптане (возке); с ним сели двое людей, которые переворачивали его с боку на бок. В монастыре у ворот встретил Василия игумен с братиею, с образами и свечами. Великого князя взяли под руки и повели в церковь, где уже ждала его великая княгиня с детьми. Василий слушал литургию, лежа на одре, на паперти церковной. На другое утро великий князь отпустил брата своего Андрея и собрался в Москву. Его повезли тем же порядком. Остановки были частые. Великому князю станови-

лось все хуже, и стал он думать с боярами, как бы ему приехать тайком в Москву, так как там было много иноземцев и послов. Наконец доехали они до Москвы. Великий князь велел призвать всех своих бояр, стал говорить им о своем малолетнем сыне Иване, о том, как строиться царству после него; и тут же приказал своим дьякам писать новую духовную. В это время съехались и братья его. Василий поручал им великую княгиню и детей, напоминая им крестное целование, и приказывал служить верно сыну его, «неподвижно», как ему служили. С тем же обращался он многократно к митрополиту и боярам и молил митрополита постричь его. К боярам своим он, кроме того, обратился с такой речью: «Поручаю вам Михаила Львовича Глинского; человек он приезжий, и вы бы того не говорили, что он приезжий; держите его за здешнего уроженца, потому что он мне верный слуга...»

Василий между тем испытывал страшные мучения: рана его воспалилась; от нее шел сильный смрад. Боязнь за будущность сына усиливала его мучения. В тоске обратился он к своему лекарю Николаю Булову и сказал ему: «Брате Николае! Ты видел мое великое жалованье к себе: можно ли тебе сделать мазь или иное что, чтобы облегчить болезнь мою».

Николай отвечал великому князю: «Видел я, государь, твое государево жалованье великое; если бы можно, тело свое раздробил бы тебя ради, государя, но дума моя немощна без Божьей помощи».

Великий князь отвернулся и, обратившись к окружаю-

щим, сказал: «Братие! Миколай гораздо понял болезнь мою, ей ничто не пособит; нужно, братие, думать, чтобы душа не погибла вовеки».

Василий начал готовиться к смерти, причастился Св. Тайн. К нему приехал троицкий игумен Иосаф; он и его просил о жене и детях.

К Василию пришли братья и стали понуждать его вкусить пищи: великий князь поднес к губам миндальной каши, но тотчас же оставил ее. Кроме братьев, были еще при нем: Михайло Юрьев, князь Михайло Глинский и Шигона. Василий сказал им: «Вижу сам, что живот мой к смерти приближается, хочу послать за сыном моим Иваном и благословить его крестом Петра Чудотворца, хочу послать за женой своей великой княгиней и наказать ей, как ей быть по моей смерти», но потом одумался и сказал: «Не хочу посылать за сыном моим за великим князем за Иваном: сын мой мал, а я лежу в великой немочи, а то – испугается меня сын мой».

Князь Андрей и бояре начали уговаривать его, чтобы он послал за сыном и княгиней. Великий князь велел себе принести наперед сына и надел на себя крест Петра Чудотворца. Малолетнего Ивана принес его шурин князь Иван Глинский; за ним шла мамка Аграфена Челяднина. Великий князь снял с себя крест Петра, благословил сына и отпустил, сказав Челядниной: «Чтобы ты, Аграфена, от сына моего Ивана не отступала ни пяди». Затем ввели великую княгиню; она громко плакала, билась, едва держась на ногах. Великий князь

стал утешать ее, говоря, что ему легче и у него ничего не болит. Поуспокоившись, Елена спросила мужа: «Государь князь великий! На кого меня оставляешь и кому, государь, детей приказываешь?» Великий князь ответил: «Благословил я сына своего Ивана государством и великим княжением: а тебе написал в духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотах отцов наших и прародителей, по достоянию, как прежним великим княгиням». Елена стала просить мужа благословить второго сына. Великий князь послал за Юрием, благословил его Паисавским крестом, а о вотчине, назначенной ему, сказал: «Приказал я, и в духовной грамоте написал об этом по достоянию». Хотел было Василий наказать жене о житье ее после него, но она так кричала и вопила, что не дала ему сказать ни слова, и он отослал ее. Тут великий князь сделал еще некоторые посмертные распоряжения, и, наконец, призвав к себе митрополита Даниила и владыку коломенского Вассиана, сказал им: «Видите сами, изнемог и к концу приблизился, а желание мое давно было постричься: постригите меня». Митрополит Даниил и боярин Михайло Юрьевич похвалили его за намерение, но некоторые из бояр стали отговаривать великого князя, напоминая, что не все великие князья преставились в чернецах, и сам святой князь Владимир киевский умер не в чернецах. И был между ними большой спор. Василий стоял на своем. Над ним совершили обряд пострижения. Когда обряд заканчивался, Василий отошел в вечность.

Тогда митрополит Даниил повел братьев великого князя, Юрия и Андрея, в переднюю избу и привел к крестному целованию на том, чтобы они служили великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и матери его великой княгине Елене и жили бы в своих уделах; чтобы государства им под великим князем Иваном не хотеть, ни людей им от великого князя Ивана к себе не отзывать, и чтобы стоять им заодин против недругов великого князя и своих: латинства и бесерменства. Затем Даниил привел к крестному целованию бояр, боярских детей и княжат и пошел к Елене утешать ее. Елена – рассказывает летописец – видя идущих к ней митрополита, Васильевых братьев и бояр, упала на землю как мертвая и, пролежавши два часа, насилу очнулась. Троицкий игумен Иосаф и старцы Иосифова монастыря наряжали усопшего: расчесали ему бороду, подостлали под него черную тафтяную постель, положили тело на одре, начали над усопшим служить заутреню, часы и каноны, как делалось при живом. Приходило к нему прощаться много народу: и боярские дети, и княжата, и гости, и другие люди, и был плач великий. Наконец, митрополит велел звонить в большой колокол. Троицкие и иосифовские старцы понесли тело великого князя на головах в переднюю избу, а оттуда на крыльцо и вынесли на площадь. Дети боярские вынесли великую княгиню Елену из ее хором в санях; позади шли князь Василий и Иван Шуйские, Михайло Львович Глинский. Василия схоронили возле отца, в каменном гробу, в Архангель-

ском соборе.

Глава 16

Преподобный Нил Сорский и Вассиан, князь Патрикеев

Тогда как еретическое направление, начавшееся нападениями на злоупотребления в иерархии, дошло, наконец, до отрицания основных начал веры, в недрах строго верного догматам православия явилось направление, расходившееся с усвоенным на Руси складом религиозных воззрений. Направление это преимущественно нашло себе приют и развивалось в северном крае, соседнем Белоозеру, отчего последователи его в XVI столетии носили название белозерских или заволжских старцев. Первым представителем этого направления был преподобный Нил Сорский. Родился он в 1433 году. Жизнь его чрезвычайно проста и несложна. Родители его нам неизвестны; знаем только, что мирское прозвище его было Майков, и сам он называет себя поселянином. В юности он постригся в Кирилло-Белозерском монастыре и, проживши там несколько времени, отправился странствовать на Восток вместе с другом своим Иннокентием Охлябининым; пробыл, между прочим, несколько лет на Афоне, изучил, как показывают его сочинения, греческий язык, основательно познакомился с творениями Св. отцов и со многими произведениями духовной литературы. После многих

лет странствования он возвратился в Кирилло-Белозерский монастырь, но не ужился там. Его поэтическая натура не могла довольствоваться тем господством внешности, которое он встречал в русском монашестве и вообще в русском благочестии. Он удалился за пятнадцать верст от монастыря, к реке Соре, соорудил себе часовню и келью, а потом, когда к нему примкнули несколько братьев, построил церковь. Таким образом основалось монашеское товарищество, но – совсем на других началах, чем все русские монастыри. Нил взял себе за образец так называемое «скитское житье», существовавшее в некоторых местах на Востоке, но неизвестное до той поры на Руси. В своих сочинениях Нил изложил сущность отшельничества по своим понятиям.⁴⁸ Нил имеет в виду одних только монахов, до мира ему нет дела. В своем послании к князю Вассиану он представляется человеком, который пришел к убеждению, что в мире все обманчиво и не стоит того, чтобы дорожить им. «Мир, – говорит он, – ласкает нас сладкими вещами, после которых бывает горько. Блага мира только кажутся благами, а внутри исполнены зла. Те, которые искали в мире наслаждения, все потеряли: богатство, честь, слава – все минет, все опадет как цвет. Того Бог возлюбил, кого изъясил от мира» (то есть – в иночество). Но иноческий идеал у Нила внутренний, а не внеш-

⁴⁸ Из сочинений его известны: «Послание к брату, вопросившему его о помыслах»; «Послание к брату о пользе души»; «Послание от божественных писаний во отце скорбящему брату»; «Предание о жительстве скитском ученикам своим»; завещание преподобного Нила «Послание иноку о пользе».

ний. Все внешнее благочестие у него занимает место менее, чем второстепенное. Цель инока – внутренняя переработка души. Нил опирается на слова Св. Варсонофия: если внутреннее делание не поможет человеку, напрасно он трудится во внешнем. Тогда как другие подвигоположники для спасения души предписывают продолжительное моление, пост, всяческое изнурение плоти, Нил не придает этому никакого значения без внутреннего духовного подвига. «Напрасно, – говорит он, – думают, что делает доброе дело тот, кто соблюдает пост, метание, бдение, псалмопение, на земле лежание – он только согрешает, воображая, что все это угодно Богу. Чтение молитв и всякое прилежное богослужение не ведет само по себе к спасению без внутреннего делания», и для этого у Нила есть готовая опора в словах апостола Павла: лучше пять слов сказать умом, нежели тьму слов языком. «Тот не только не погубляет своего правила, кто оставит всякие псалмопения, каноны и тропари, и все свое внимание обращает на умственную молитву; тот еще более умножает его». Пост у Нила есть только воздержание и умеренность. Всякий богоугодный человек может вкушать всякую хорошую пищу, но только с воздержанием. Кто с разумом вкушает и с разумом удаляется от пищи, тот не грешит... «Лучше, – говорит он, – с разумом пить вино, чем пить глупо воду. Если человек замечает, что та или другая пища, утучняя его тело, возбуждает в нем дурные наклонности, воспитывает в нем сластолюбие, он должен удаляться от нее; а если те-

ло его требует поддержки, то он должен принимать всякую пищу и питье, как целебное средство. Безмерный пост и пресыщение равным образом предосудительны... Но, – говорит Нил, – безмерный пост и безмерное воздержание приносят еще более вреда, чем ядение до сытости». Заглядывая в человеческую душу, Нил понял, что исполнение внешних подвигов благочестия ведет к тщеславию, самому ненавистному для него греху. Весь монашеский подвиг у него сосредоточивается на «умном делании», которое есть не что иное, как борьба с дурными помыслами, которых он насчитывает восемь (чревообъедение, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость).

Всякий помысел незаметно входит в душу, и это называется у него «прилогом». Если человек останавливается над дурным помыслом – это «сочетание»; если человек склоняется в пользу его – это «сложение». Если помысел овладевает душою – такое состояние называется у него «пленением», а если человек совершенно и надолго предается ему – это страсть. В этих-то различных состояниях души следует иноку вести с собою внутреннюю борьбу, стараясь более всего пресекать влияние дурных помыслов в самом их зародыше. Победа над помыслами приводит к высочайшему, блаженному, спокойному состоянию души и приближает к божеству; Нил представляет в самом поэтическом образе такое состояние души, подкрепляя свое описание выписками из разных греческих сочинений о созерцательной жизни. Он требует,

чтобы монах постоянно читал священное писание и духовные сочинения и руководствовался ими. «Ничего, – пишет он Вассиану, – не твори без свидетельства писания. Так и я, когда что хочу делать, то прежде поищу в божественных писаниях, и если не найду согласия моему разуму в начинаемом деле, отлагаю его до тех пор, пока найду, а когда найду, то с благодатью Божиею смело приступаю к делу; сам собою я ничего не смею творить: я невежда и поселянин».

Сообразно с таким взглядом на значение иночества, Нил составил и свой устав скитского жития. В церкви было три способа иноческой жизни: общежитие, скитское житие и совершенное уединение. Общежитие господствовало во всех русских монастырях и довело до таких злоупотреблений, с которыми Нил не мог помириться. Уединенное житье годилось только для немногих. Напротив, тот, кто не вполне отрешился от всяких страстей, по мнению Нила, приобретает в уединении только злобу и воспитывает внутри себя пороки, которые тотчас проявятся наружу, как только отшельник войдет в общение с людьми. «Аспид ядовитый и лютый зверь, – говорил Нил, – укрывшись в пещере, остается все-таки лютым и вредным. Он никому не вредит, потому что некого кусать ему, но он не делается добронравным оттого, что в пустынном и безлюдном месте не допускают его делать зла: как только придет время, он тотчас выльет свой сокровенный яд и покажет свою злобу. Так и живущий в пустыне не гневается на людей, когда их нет, но злобу свою изливает

над бездушными вещами: над тростью, зачем она толста или тонка, на тупое орудие, на кремень, нескорю дающий искру. Уединение требует ангельского жития, а не искусных убивает». Третий род жития, скитский, состоял в том, что иноки поселялись вдвоем или втроем, питались и одевались от трудов собственных рук, каждый по своим заработкам, и друг друга поддерживали во внутренней борьбе и «умном делании»; такой способ жизни Нил считал самым удобным для той цели, которую он видел в монашестве. Скит мог состоять из нескольких особых келий, где жило отдельно по два или по три пустынника. Из среды их избирался ими же настоятель; но он был не более, как руководитель, к которому они добровольно обращались. Нил позволял принимать подаяния только в самом незначительном размере и, притом, в случае крайней нужды или болезни. Недвижимое имущество и капиталы никак не могли быть достоянием скита, так как в ските не было никакого общего имени. Церковь в ските отнюдь не должна была иметь никаких богатств и украшений; серебро и золото изгонялось из нее строго. «Лучше бедным помогать, чем церкви украшать», – говорил Нил. Хотя находились другие, желавшие присоединиться в скит преподобного Нила, но он принимал их с большим выбором и охотно отпускал из скита, так что в его ските, даже после его смерти, оказалось не более двенадцати старцев. Женщинам не дозволялось входить в скит. Нелюбовь Нила к роскоши была так велика, что по смерти его составилось такое предание:

когда царь хотел построить в его пустыне каменную церковь, то преподобный явился ему во сне и приказал не строить каменной церкви, а велел воздвигнуть деревянную.

С такими понятиями естественно было Нилу сделать-ся противником Иосифа Волоколамского и заявить протест против любостяжания монахов и монастырских богатств. Великий князь Иван уважал старца Нила и призывал на соборы. В 1503 году, в конце бывшего тогда собора, Нил сделал предложение отобрать у монастырей все недвижимые имущества. По его воззрению вообще, только то достояние и признавалось законным и богоугодным, которое приобреталось собственным трудом. Иноки, обрекая себя на благочестивое житье, должны были служить примером праведности для всего мира; напротив, владея имениями, они не только не отрекаются от мира, но делаютя участниками всех неправд, соединенных с тогдашним вотчинным управлением. Так поставлен был вопрос о нестяжательности. Ивану III было по душе такое предложение, хотя из своекорыстных побуждений. Иван Васильевич распространял вопрос о владении недвижимым имением не только на монастырские, но и на архиерейские имущества. Собор, состоящий из архиереев и монахов, естественно вооружился против этого предложения всеми силами и представил целый ряд доказательств законности и пользы монастырской власти над имениями, доказательств, составленных, главным образом, Иосифом Волоцким. В его сочинении указывалось на то, что монастыри

на собственные средства содержат нищих, странников, совершают поминовения по тем, которые давали вклады, и потому для них нужны свечи, хлеб и ладан; автор приводил примеры из Ветхого Завета, из византийских законов, из соборных определений; вспоминал о том, что русские князья, начиная с самых первых, давали в монастыри вклады, записывали села и, наконец, приводил самые убедительные доказательства, что если за монастырями не будет сел, то нельзя постригаться в них знатным и благородным людям, а в таком случае неоткуда будет взять на Руси митрополитов и прочих архиереев. Собор взял верх. Иван ничего не мог сделать против его решения. С этих пор Иосиф сделался отъявленным и непримиримым врагом Нила. К вопросу о монастырских имуществах присоединился вопрос об еретиках. Нил, сообразно своему благодущию, возмущался жестокими мерами, которые проповедовал Иосиф против еретиков, в особенности же тем, что последний требовал казни и таким еретикам, которые приносили покаяние. Тогда, конечно, с ведома Нила, а может быть, и им самим, написано было от лица белозерских старцев то остроумное послание, обличавшее Иосифа, о котором мы говорили в биографии Геннадия. Иосиф разразился обличительным посланием против Нила, укорял его и его последователей в мнениях, противных православию, в том, что он, сострадая еретикам, называет их мучениками, не почитает и хулит древних чудотворцев русских, не верует их чудесам, научает монахов чуждаться общежи-

тельства, не велит заботиться о благолепии церквей и украшать иконы золотом и серебром. Таким образом, Иосиф хотел дать преступный смысл тому предпочтению, которое оказывал Нил внутреннему благочестию перед внешним. Иосиф обвинял Нила в неуважении к чудотворцам, на том основании, что действительно Нил, как и его ученики, опираясь на сочинения древних святых отцов, особенно на Никона Черной Горы, вооружался против ханжей, распускавших известия о ложных чудесах, знамениях и сновидениях. В своем (неизданном до сих пор) коротком сочинении «О мнихах кружающих» (т.е. шатающихся) Нил обличал тех бродяг, в виде монахов, которые всюду скитались и нагло надоедали домохозяевам своим попрошайством. Этим задевались вообще старцы, ходившие из монастырей за милостынею, и игумены, выпрашивавшие от сильных мира сего разных вкладов и даяний. Кроме того, Нил подавал повод к толкованию в худшую сторону его поступков и тем, что относился критически к разным житиям святых и выбрасывал из них то, что считал позднейшею прибавкою. Нил не отвечал своим врагам и скоро потом скончался (в 1508). Но за него вел ожесточенную письменную борьбу с Иосифом его ученик князь Патрикеев, инок Вассиан, бывший боярин Василий Иванович, постриженный насильно Иваном Васильевичем, прозванный Косым, внук сестры великого князя Василия Димитриевича. Находясь в Кирилло-Белозерском монастыре, он познакомился с Нилом и предался его учению.

Великий князь Василий Иванович перевел его в Симонов монастырь и очень уважал его за ученость и нравственную жизнь. Вассиан оставил несколько любопытных сочинений, направленных против Иосифа и монашеских злоупотреблений своего времени, преимущественно против любостяжания. Верный основным взглядам своего наставника Нила, Вассиан за исходную точку зрения на монашеское благочестие принимает то правило, что для разумеющих истину благочестие познается не в церковном пении, не в быстром чтении, не в седальнях, тропарях и гласах, а в умилении молящихся, в изучении божественных пророков, евангелистов, апостолов, творений Святых отец и в согласном с учением Христа образом жизни. Обладание селами влечет монахов к порокам, противным духу евангельскому. «Входя в монастырь, – говорил он, – мы не перестаем всяким образом присваивать себе чужое имущество. Вместо того, чтобы питаться от своего рукоделия и труда, мы шатаемся по городам и заглядываем в руки богачей, раболепно угождаем им, чтоб выпросить у них село или деревеньку, серебро или какую-нибудь скотинку. Господь повелел раздавать неимущим, а мы, побеждаемые сребролюбием и алчностью, оскорбляем различными способами убогих братьев наших, живущих в селах, налагаем на них лихву на лихву, без милосердия отнимаем у них имущество, забираем у поселянина коровку или лошадку, истязуем братьев наших бичами или прогоняем их с женами и детьми из наших владений, а иногда предаем княже-

ской власти на конечное разорение. Иноки, уже поседелые, шатаются по мирским судилищам и ведут тяжбы с убогими людьми за долги, даваемые в лихву, или с соседями за межи сел и мест, тогда как апостол Павел укорял коринфян, людей мирских, а не иноков, за то, что они ведут между собой тяжбы, поучал их, что лучше было бы им самим сносить обиды и лишения, чем причинять обиды и лишения своим братьям. „Вы говорите, что благоверные князья дали вклады в монастыри ради спасения душ своих и памяти родителей и что, давши, сами они уже не могут взять обратно данное из рук Божиих. Но какая польза может быть благочестивым князьям, принесшим Богу дар, когда вы неправедно устраиваете их приношение: часть годовых сборов с ваших имений превращаете в деньги и отдаете в рост, а часть сберегаете для того, чтобы во времена скудости земных произведений продать по высокой цене? Сами богатеете, обжираетесь, а работающие вам крестьяне, братья ваши, живут в последней нищете, не в силах удовлетворить вас тягостной службой, изнемогают от лихвы вашей и изгоняются вами из сел ваших, нагие и избитые! Хорошее воздаяние даете вы благочестивым князьям, принесшим дар Богу! Хорошо исполняете вы заповедь Христову не заботиться об утреннем дне!..“ Иосиф написал очень строгий устав для своего монастыря и, во избежание того, чтобы монахов не обвиняли в занятиях мирскими делами, постановил, чтобы все управление и расправы над монастырскими подданными происходили не

в самом монастыре. Вассиан, делая намек на это распоряжение, громит противника такими словами: „Отвергшись страха Божия и своего спасения, повелевают нещадно мучить и истязать неотдающих монастырские долги, только не внутри монастыря, а где-нибудь за стенами, перед воротами!.. По ихнему казнить христианина вне монастыря не грех! О законоположитель! Или лучше назвать тебя – законопреступник! Если считаешь грехом внутри монастыря мучить братью свою, то и за монастырем также грех! Область Бога, почитаемого в монастыре, не ограждается местом. Все концы земли в руках Его. Откуда же взял ты власть нещадно мучить братьев, а особенно несправедливо? Какой же ты хороший хранитель евангельской заповеди и апостольских правил!..“

Вассиан, поражая современные монастыри, касался и святителей. Правда, он предоставлял им, сообразно священным правилам соборов, некоторые «движимые и недвижимые стяжания», но приводил в пример древних святых иерархов, отличавшихся нестяжательностью, и между прочим Вассилия Великого, который сказал грозившему ему императорскому чиновнику: «Что ты можешь взять у меня, кроме бедных одежд и книг моих, для тебя ненужных, а в них вся моя жизнь!» В противоположность этим примерам, Вассиан изображал современных ему святителей так: «Наши же предстоящие, владея множеством церковных имений, только и помышляют о различных одеждах и яствах, о христианах же, братьях своих, погибающих от мороза и голода, не

прилагают никакого попечения; дают бедным и богатым в лихву церковное серебро, а если кто не в состоянии платить лихвы, не покажут милости бедняку, – а до конца его разорят. Вот сколько нарядных батогоносных слуг стоят перед ними, готовые на мановение владык своих! Они бьют, мучат и всячески терзают священников и мирян, ищущих суда перед владыками». По мнению Вассиана, монахи, как люди, отшедшие от мира, должны жить в молитве и уединении, питаясь исключительно от трудов рук своих, а святительские имения должны быть управляемы экономами и доходы с них, кроме отлагаемого на содержание святителей, и то с согласия всего собора духовенства, должны идти на приют сиротам, вдовам, калекам и на выкуп пленных.

Эти обличения вызывали со стороны Иосифа, а потом, после смерти его, со стороны его последователей не менее горячие опровержения⁴⁹, в которых старались уличить Вассиана в ереси. Вассиан снова писал против них, опровергал их доводы, пункт за пунктом, между прочим касаясь и давнего вопроса относительно преследования еретиков. Очевидно, остерегаясь раздражить великого князя, он не осмеливался отрицать власти государя казнить нераскаянных еретиков, но горячо стоял за тех из еретиков, которые принесли покаяние, смело называл таких казненных мученика-

⁴⁹ Самое веское из этих опровержений было то, что обитель Волоколамская пропитывала толпу народа во время голода. Это служило несомненным доводом того, что если обличения Вассиана были справедливы, то не во всем и не относительно всех монастырей, владевших имениями.

ми; впрочем, и относительно милосердия над еретиками вообще приводил, по возможности, места из древних духовных сочинений. «Что же, – писал он, – по-вашему и блаженный Иоанн Златоуст достоин осуждения, когда он возбраняет смерть еретиков, опираясь на притчи о плевелах? Он сказал вот что: „Не следует убивать еретика, потому что от этого вводится в мир бесконечная вражда. Если вы поднимете оружие и начнете убивать еретиков, то неизбежно погубите вместе с ними и многих святых людей. Притом же самые плевелы могут обратиться в пшеницу“. И в другом месте он же говорит: „Не следует стеснять еретиков, заушать их и ссылать“.

Преследуя свою любимую идею о монастырских вотчинах, Вассиан обратил внимание на Кормчую книгу или Номоканон – свод церковных законоположений, к которым присоединялись разные гражданские законы византийской империи, а также и русские статьи. От разных дополнений естественно вошли в Кормчую разные противоречия. Вассиан заметил это относительно занимавшего его вопроса. В одних правилах запрещалось инокам держать села, в других – дозволялось. Вассиан доложил об этом митрополиту Варлааму и духовному собору и говорил: «Чему же верить, и как разрешить, когда в святых правилах есть супротивное Евангелию и Апостолам?» Митрополит Варлаам дал благословение Вассиану составить новый свод правил, но с условием ничего не выкидывать. Вассиан выбрал один сербский

список Кормчей, в котором было меньше статей, благоприветствовавших защитникам монастырских вотчин, а потом, сошедшись с приехавшим тогда в Россию ученым Максимом Греком, сделал сличение с греческим подлинником, нашел неправильности в славянском переводе (состоявшие, между прочим, в том, что словом «села», под которым разумелись населенные местности, переведено было то, что соответственно означало «угодья», т.е. пашни, поля, виноградники и т.д.). Это было в 1518 году. Вассиан приложил к своей Кормчей так называемое «Собрание», направленное против своих противников. Кормчая была поднесена самому великому князю. Василий Иванович ласкал Вассиана, однако не делал никакого шага в его духе. Правда, присвоение богатых монастырских имений было соблазнительно для верховной светской власти, но Василий соображал, что, обогатившись временно захватом имений, он потеряет нравственную поддержку со стороны большинства духовенства. Притом же «осифляне», ратовавшие о сохранении монастырских имений, отличались угодливостью светской власти и готовностью поддерживать самовластные стремления московского государя, тогда как их противники показывали более или менее нерасположение к той безусловной власти, которая не знает нигде себе предела.⁵⁰

⁵⁰ Это в особенности видно из того, что впоследствии Курбский, явный враг самодержавия, до крайности враждебно относится к «осифлянам» и с большим уважением и любовью – к их противникам.

Наступило важное в свое время событие – развод великого князя. Василий обратился за разрешением к духовенству. Митрополита Варлаама уже не было. Василий не любил его за то, что он во все вмешивался, давал советы и хлопотал за опальных. Он удалил Варлаама. Место его заступил Даниил из волоколамских игуменов, ученик Иосифа Волоцкого. Этот «осифлянин», взявши себе за правило ни в чем не противоречить власти, а восхвалять все, что от нее исходит, беспрекословно одобрил желание Василия; но когда великий князь спросил о том же Вассиана, то бывший боярин смело сказал государю: «Ты мне, недостойному, даешь такое вопрошение, какого я нигде в священном писании не встречал, кроме вопрошения Иродиады о главе Иоанна Крестителя». Он доказывал великому князю несообразность его намерения с евангельскими и апостольскими правилами.

Сделалось не так, как говорил Вассиан, а так, как хотел князь и как одобрили «осифляне».

Василий был осторожен и не мстил тотчас тем, на кого был недоволен; ему не хотелось, чтобы все видели и понимали, за что он мстит; в таком случае Василий откладывал мщение до возможности придаться к чему-нибудь другому. Уже Максим Грек был обвинен в порче книг и сослан в Волоколамский монастырь. Вассиан оставался пока в покое. Между тем, после своего второго брака, Василий окончательно стал на сторону «осифлян». Не имея долго детей от второй жены, великий князь беспрестанно ездил по мо-

настырям, давал вклады и жаловал имения. Его расположение к партии «осифлян» еще больше увеличилось, когда беременность Елены приписана была чудотворной силе Пафнутия Боровского, у которого в монастыре Иосиф Волоцкий принял пострижение и где он был некоторое время преемником Пафнутия. Благодаря монашеским молитвам, Василий наконец получил то, чего так долго желал: у него родился сын Иван. Вскоре после того, в 1531 году, Вассиан был предан соборному суду под председательством его заклятого врага митрополита Даниила, одновременно со вторичным судом над Максимом Греком. Тогда ему пришлось поплатиться за все свои спорные писания, за все смелые речи, произнесенные десять или даже двадцать лет тому назад. И обвинителем и судьей Вассиана был Даниил, во всем угождавший мирскому властелину.

«Ведома ли тебе, – сказал Даниил, – великая книга, священные правила апостольские и отеческие, и семи вселенских соборов, и поместных, и градских законов, к ним присоединенных. Этой книги никто не смел поколебать от седьмого собора до русского крещения, а в нашей русской земле эта книга больше пятисот лет содержит соборную церковь и все православное христианство просвещает и спасает; от равноапостольного Владимира до нынешнего царя Василия, она была непоколебима и неразрушена; все святые по тем правилам жили и спасались, и людей учили. А ты дерзнул: ты малую часть из этой книги, угодную твоему малоумию,

написал, а иное все разметал. Ты не апостол, не святитель, не священник. Как смел ты дерзнуть на это?»

«Меня, – отвечал Вассиан, – побудил на это митрополит Варлаам с освященным собором».

Он сослался на трех свидетелей архиереев, из которых двух уже не было на свете⁵¹, а третий, крутицкий епископ Досифей, спрошенный митрополитом, показал, что Вассиан лжет: митрополит ему не приказывал, и епископы не были ему советниками.

«Волен Бог, да ты, господин митрополит!» – сказал тогда Вассиан.

«Ты, – говорил митрополит, – в своих сотворениях написал, что в правилах есть противное Евангелию, Апостолу и Святых отец жительству; ты писал и говорил, что правила писаны от дьявола, а не от Святого Духа, называл правило – кривилом, а чудотворцев – смутотворцами за то, что они позволяли монастырям владеть селами и людьми».

«Я, – сказал Вассиан, – писал о селлах: в Евангелии не велено держать сел монастырям».

Митрополит велел ему прочесть ряд доводов и примеров, свидетельствующих о том, что дозволялось монастырям держать села, и святые мужи их держали.

Вассиан сказал: «Если они и держали, то пристрастия к ним не имели.»

«А почему же ты нынешних чудотворцев считаешь при-

⁵¹ Ростовского Вассиана и суздальского Симеона.

страстными?» – спросил митрополит.

«Я не знаю, были ли они чудотворцы», – отвечал Вассиан. Митрополит продолжал: «От семи соборов и доньше не бывало в священных правилах еллинского учения, а ты написал в своих правилах еллинских мудрецов: Омира, Аристотеля, Филиппа, Александра, Платона».

«Я этого не помню – зачем написал, – сказал Вассиан, – если что не гораздо, исправь».

Митрополит укорял его за то, что он писал, будто божественное писание и священные правила называют отступниками тех, которые, будучи иноками, не хранят своего обещания не держать сел и не владеть ими.

«Ты, – говорил митрополит, – оболгал тем божественное писание и священные правила».

«Я писал себе, на воспоминание своей душе, – сказал Вассиан, – но тех не похваляю, что села держат».

После того митрополит стал придирается к разным опискам, чтоб обвинить Вассиана в явно еретических мнениях.

«У тебя, – говорил митрополит, – в правилах приведено правило Кирилла Александрийского: Аще кто не нарицает Пречистую Деву Марию, да будет проклят и вместо: не нарицает, сказано: нарицает». Вассиан на это сказал:

«Я Госпожу Богородицу не хую; верно, писец описался». Подобно тому указано было на житие Св. Богородицы Метафраста, переведенное Максимом Греком, где также от неисправности в переписке оказались такие ошибки, кото-

рые давали еретический смысл написанному. Поставленный на очную ставку монах (Вассиан Рушанин) обличал Вассиана, будто он, вместе с Максимом Греком, об этих ошибках сказал: «Так и надобно». Вассиан на это сказал: «Я этого не говорил; он лжет на меня». «Ты, – продолжал митрополит, – живучи в Симонове, в разговоре с одним старцем назвал Христа тварию, а когда тебе старец сказал: Святые отцы на всех соборах Святым Духом писали, ты ответил: дьявольским духом они писали, а не святым».

«Никогда этого я не говорил, – сказал Вассиан, – покажи мне того старца, который на меня наговаривает». «Ты говорил со старцем Иосифова монастыря», – сказал Даниил. «У меня, – отвечал на это Вассиан, – не бывали в келье старцы Иосифова монастыря: я их к себе не пускаю; мне до них дела нет». Тут митрополит указал на одного старца по имени Досифей.

«Досифей старец великий, добрый; он у меня в келье бывал не раз», – сказал Вассиан.

Этот «великий добрый старец» явился обличителем Вассиана, показывал, будто Вассиан называл Христа тварью и говорил: Святые отцы писали не святым духом, а дьявольским.

«Я ничего этого не говорил, – сказал Вассиан, – душа твоя пусть подымет (это). Бог меня с тобой рассудит».

«Ты, Вассиан, – продолжал Даниил, – говорил про Макария Колязинского: что это за чудотворцы? Макар чудеса тво-

рит, а мужик был сельский!»

«Я его знал, – сказал Вассиан, – простой был человек; а если он чудотворец, – пусть будет как вам любо. Чудотворец ли он или не чудотворец – не знаю».

Митрополит объяснял бывшему боярину, что могут быть святые мужи и из рабов, из самого низкого звания, что следует уважать не телесное благородие, а духовное.

«Про то знает Бог, да ты со своими чудотворцами», – сказал Вассиан.

Митрополит далее продолжал: «Все православные поклоняются гробу и честным мощам митрополита Ионы, а ты не поклоняешься ему и не считаешь его». «Я не знаю: чудотворец ли Иона», – сказал Вассиан. «Ты, – говорил митрополит, – и сам мудрствовал и других поучал мудрствовать неправедно, говоря: плоть Господня до воскресения была нетленною». Вассиан подтвердил это.

«Где ты слышал и видал то, что говоришь: будто плоть Господня была нетленной от Воплощения до Воскресения?» «И слышал и видал, – сказал Вассиан. – А то ведает Бог да ты». Тогда последовало длинное обличение Вассиана в том, что его мнение о Христовой плоти сходно с древней ересью, которая признавала плоть Иисуса Христа только кажущеюся, а не действительною.

В силу всего этого, Вассиан был осужден на заточение в Иосифов Волоколамский монастырь. Злоба врагов его, и в том числе великого князя, не могла выдумать большего нака-

зания, как отдать Вассиана под власть тех, с которыми борьба составляла главную задачу всей его деятельности.

Он скоро умер в заточении. Курбский говорит, что «осифляне», по повелению великого князя, уморили его.

Глава 17

Максим Грек

С судьбою Вассиана Патрикеева связана судьба другого лица, не русского по происхождению, но знаменитого в истории умственной деятельности древней Руси, лица, известного под именем Максима Грека.

Вольнодумство, задевавшее то с той, то с другой стороны непоколебимость церковного предания и так напугавшее благочестивую Русь жидовствующею ересью, вызывало со стороны православия потребность противодействия путем рассуждения и словесных состязаний. Сожжения и пытки не искореняли еретического духа. Еретики делались только осторожнее и совращали русских людей втайне: им было это тем удобнее, что они сами были лучшими книжниками и говорунами, чем те, которые хотели бы с ними вести споры. Ревнителям православия предстояло обличать еретические мнения, указывать их неправильность, защищать истину вселенской церкви, но для этого необходимы были знания, нужна была наука. На Руси был недостаток как в людях, так и в книгах. Глубокое невежество тяготило русский ум уже много веков. Остатки прежней литературы, которыми могли руководствоваться книжники и грамотеи, пострадали от невежественных переписчиков, от умышленных искажителей, а иногда переводы сами по себе носили призна-

ки неправильности. Многое важное не находилось в распоряжении у благочестивых книжников на славянском языке: оно оставалось только на греческом, для них недоступном. Уже они чувствовали, что одной обрядности мало для благочестия и благоустройства церкви; нужно было учение, но где взять ученых? Не на Западе же было искать их: Запад давно разошелся с христианским Востоком. Русь могла только пытаться идти по своей давней стезе, протоптанной Св. Владимиром и его потомками – обратиться к Греции, которая, лишившись самобытности, была почти в таком же состоянии невежества, как и Русь, с той разницей, что греки, при всей неприязни к Западу, ездили туда учиться, а потому между ними можно было найти ученых людей, которых на Руси напрасно было искать.

В этих видах, конечно, по совету книжников, Василий Иванович отправил посольство на Афон, к которому русские еще со времен Антония печерского питали благоговение и где уже в XII веке был русский монастырь. В Москве узнали, что в афонском Ватопедском монастыре есть искусный книжник Савва, и приглашали его прибыть в Москву, для переводов и, главным образом, для перевода Толковой Псалтыри, т.е. сборника объяснений и примечаний к псалмам Давида, составленных разными древними отцами церкви. Такой перевод казался тогда необходимостью первой важности. Псалтырь была издавна любимую книгою русских грамотеев, но смысл ее был во многих местах непонятен, и это

давало повод к разгулу фантазии, увлекавшей читателей в еретические заблуждения. Знакомые того времени русским книжным людям толкования были недостаточны. Надобно было доставить благочестивым читателям такое сочинение, которое помогало бы им понимать любимую часть священного писания, согласно с древним учением церкви. Кроме этой причины, великий князь нуждался в ученом греке для разбора греческих книг в своей библиотеке. В старину на Руси было довольно людей, знакомых с греческим языком, не только между духовными, но и между князьями. Поэтому греческие книги не были редкостью. В период татарского порабощения оскудело всякого рода знание: рукописи греческие, как и славянские, исчезали в разных местах от разных печальных обстоятельств. В Москве погибла книгохранительница во время нашествия Тохтамышша, но Москва забирала себе сокровища других русских земель, и потому неудивительно, если великокняжеская книгохранительница опять наполнилась; быть может, и приехавшие с Софией греки привезли с собой кое-что из образцов своей старой литературы.

Инок Савва не поехал в Москву, одолеваемый старостью: афонский игумен предложил московскому государю другого ученого грека, по имени Максим, из той же Ватопедской обители. Этот монах по-славянски не знал, но при своей способности к языкам мог скоро выучиться. С ним вместе отправились монах Неофит и Лаврентий болгарин. Они при-

мкнули к другим духовным, которые ехали в Москву за милостынею, и, пробывши несколько времени, по неизвестной нам причине, в Крыму, прибыли в Москву в 1518 году.

Максим был родом из албанского города Арты, сын знатных родителей эллинского происхождения по имени Эммануил и Ирина. В молодости он отправился учиться в Италию, пробыл там более десяти лет, учился во Флоренции и Венеции, слушал знаменитого филолога, своего соотечественника Ласкариса, был близок со многими учеными и в том числе с Альдом Мануччи, типографом и издателем древних классиков, который образовал около себя кружок ученых и образованных людей. Молодой грек увлекался на первых порах тогдашним просвещением, но впоследствии начал к нему охладевать. Оно не могло наполнить его честной, сердечной натуры, склонной к идеализму и с младенчества пропитанной духом отечественного православия. Европа тогда искала для себя обновления в просвещении антического мира. Все, что только интересовалось умственной деятельностью, устремлялось к изучению этого мира и прилеплялось к нему всею душою; но увлечение классическою древностью скоро дошло до сумасбродства, особенно в Италии. В древнем мире видели идеал совершенства общественных отношений, науки, искусства, нравственности. Христианская религия потеряла свою цену. Почитание святых уступало место богам Греции и Рима; языческие философы стали выше отцов церкви; распространилось легкомысленное модное неве-

рие и кощунство; знатные и образованные люди, не только светские, но и духовные, подобно древним римским философам, считали религию только пригодной для черни, которую, ради выгод, следует держать в заблуждении. Из подражания древнему образу жизни стали предаваться грязному разврату; эгоизм, бессердечие к ближнему – самые неудержимые пороки и злодеяния находили для себя оправдание в примерах из классических писателей. Ко всему этому присмотрелся Максим в Италии и возненавидел от всей души такое направление просвещения. Умственные успехи Италии не выкупали для него зловредного влияния древности на общественную нравственность. Искусство, при всем совершенстве техники, служило чувственности и снабжало самые церкви соблазнительными картинами. Философия приводила только к диалектике, доставлявшей умение сделать из черного белое, из белого черное; наука, мало опираясь на положительных знаниях природы, при всем вольномыслии в отношении религии, не отрешалась от грубейших суеверий; астрология со всеми своими нелепостями, облеченная в научную форму, была самою модною наукою века и возбуждала к себе веру и уважение ученых людей того времени. Понятно, что вся сфера тогдашней образованности стала наконец душною и смрадною для Максима, и он бежал от нее, подобно тому, как лучше люди последних веков Рима убежали от образованности своего времени под сень гонимого и презиаемого христианства.

Максим воротился на родину, но, вероятно, увидел, что со всем тем запасом знаний, который он принес с собою из чужого края, нечего было делать в порабощенном отечестве, где, по его словам, наука была доведена до последнего издыхания. В Италии он не ужился с западным просвещением, потому что не вынес безнравственности и лживости; не сделался он папистом, потому что, зная греческую литературу, слишком был сведущ в истории церкви и смотрел на нее прямее, чем западные люди. Еще меньше мог он в Греции ужиться с поработителями своего племени и, в угоду им, утеснять своих собратий, как делали иные его соотечественники. Максим был, с одной стороны, слишком образован, с другой, слишком прямодушен, чтобы играть какую-нибудь роль в тогдашнем мирском обществе на своей родине. Он ушел в монастырь на Афон; он был очень религиозен и принадлежал к той церкви, которая давно уже ставила иночество высшим идеалом. Монашеский обет чистоты соответствовал его целомудренной душе: он ни за что не хотел допустить, подобно другим, чтобы род человеческий размножался обычным животным способом, если бы первая чета не подверглась грехопадению; подобие человека с остальными животными в этом отношении казалось ему унижающим человеческое достоинство.

Но Максим не сделался, однако, безусловным врагом просвещения и науки; он уважал знание. Вооружаясь против астрологии, он, однако, не смешивал ее с астрономически-

ми изысканиями, со стремлением изведать течение небесных тел и уразуметь законы природы. Как ни возмущало его увлечение классической древностью, доводившее Италию до уродства, но все это не мешало ему ценить светлые стороны антического мира, ссылаться на греческих поэтов и философов. По примеру отцов церкви, он, уважая земную мудрость, хотел подчинить ее религии, выше всего ставил богословие: оно было для него внутреннею мудростью, а все прочие науки – внешнею.

Из своей жизни в Италии вынес он одно заветное воспоминание – воспоминание об Иерониме Савонароле. Среди всеобщего развращения нравов в Италии, в виду гнуснейшего лицемерия, господствовавшего во всей Западной церкви, управляемой папой Александром VI, чудовищем разврата и злодеяния, смелый и даровитый доминиканский монах Иероним Савонарола начал во Флоренции грозную проповедь против пороков своего века, во имя нравственности, Христовой любви и сострадания к униженным классам народа. Его слово раздавалось пять лет и оказало изумительное действие. Флорентийцы до такой степени прониклись его учением, что, отрекаясь от прежнего образа жизни, сносили предметы роскоши, соблазнительные картины, карты и т.п. в монастырь Св. Марка и сжигали перед глазами Савонаролы, жертвовали своим состоянием для облегчения участи неимущих братьев, налагали на себя обеты воздержания, милосердия и трудолюбия. Один разве пример библейско-

го пророка Ионы в Ниневии мог сравниться с тем, что делалось тогда во Флоренции. Но обличения Иеронима вооружили против него сильные земли. Его обвинили в ереси, и в 1498 году он был сожжен по повелению папы Александра VI. Максим знал Иеронима лично, слушал его проповеди, и надолго остался впечатленным в душе Максима образ проповедника-обличителя, когда тот, в продолжение двух часов, стоя на кафедре, расточал свои поучения и не держал в руках книги для подтверждения истины своих слов, а руководствовался только обширною своею памятью и «богомудрым» разумом. «Если бы, – говорит Максим в одном из своих сочинений, – Иероним и пострадавшие с ним два мужа не были латыны верою, я бы с радостью сравнил их с древними защитниками благочестия. Это показывает, что хотя латыны и во многом соблазнились, но не до конца еще отпали от веры, надежды и любви...»

Иероним Савонарола как обличитель людских неправд остался на всю жизнь идеалом Максима: он везде готов был подражать ему, везде хотел говорить правду сильным, разоблачать лицемерие, поражать ханжество, заступаться за угнетенных и обиженных. С таким настроением духа прибыл он в Москву, где управлял государь, отличавшийся тем, что не терпел ни малейшего себе противоречия, где христианство для массы существовало только во внешних обрядах, где духовенство отличалось грубостью нравов, ревниво держалось за свои земные выгоды и не в состоянии было, при своем

невежестве, ни учить народа, ни руководить его пользою.

Василий принял Максима и его товарищей очень радушно, и ничто, по-видимому, не могло лишить пришельцев надежды возвратиться в отечество, когда они исполнят свое поручение. Говорят, что Максим, увидавши великокняжескую библиотеку, удивился изобилию в ней рукописей и сказал, что такого богатства нет ни в Греции, ни в Италии, где латинский фанатизм истребил многие творения греческих богословов: быть может, в этих словах было несколько преувеличения, по свойственной грекам изысканной вежливости.

Максим приступил к делу перевода Толковой Псалтыри; так как он по-русски еще не знал, то ему дали в помощники двух образованных русских людей: один был знакомый нам толмач Димитрий Герасимов, другой – Власий, исправлявший прежде того дипломатические поручения. Оба знали по-латыни, и Максим переводил им с греческого на латинский, а они писали по-славянски. Для письма приставлены были к ним иноки Сергиевой Лавры: Силуан и Михаил Медоварцев. Через полтора года Максим окончил свой труд; кроме того, перевел несколько толкований на Деяния Апостольские и представил свою работу великому князю с посланием, в котором излагал свой взгляд и правила, которыми руководствовался. Затем он просил отпустить его на Афон вместе со своими спутниками. Василий Иванович отпустил спутников, пославши с ними и богатую милостыню на Афон,

но Максима удержал для новых ученых трудов. Не так легко было иностранцу выбраться из Москвы, как въехать в нее, если этого иностранца считали полезным в московской земле или почему-либо опасным для нее по возвращении его домой.

С этих пор судьба Максима, против его воли, стала принадлежать русскому миру. Он продолжал заниматься переводами разных сочинений и составлял объяснения разных недоразумений, относившихся к смыслу священных книг и богослужебных обрядов; например, объяснял, что слова в конце Иоаннова Евангелия о невместимости в целом мире книг, в которых были бы подробно изложены деяния Иисуса Христа, следует понимать не буквально, а в смысле преувеличения; объяснял, что в ектеньях о свышнем мире не следует понимать мира ангельского, но должно понимать мир в смысле спокойствия и т.п. Научившись достаточно по-русски, он принялся за исправление разных неправильностей, замеченных им в богослужебных книгах. Это уже было дело не безопасное, так как русские держались упорно буквы и противопоставляли Максиму такой довод: «Ты своим исправлением досаждаешь воссиявшим в нашей земле преподобным чудотворцам; они в таком виде священными книгами благоугодили Богу и прославились от Него святостью и чудотворением». – «Не я, – говорил им Максим, – а блаженный Павел научит вас: каждому дается явление Духа в пользу; тому слово премудрости, тому вера, тому дар исце-

ления, тому пророчество, действие сил, а тому языки; все же это дарует один и тот же Дух. Видите, не всякому даются все духовные дарования; святым чудотворцам русским, за их смиренномудрие, кротость и святую жизнь, дан дар исцелять, творить чудеса, но дара языков и сказания они не принимали свыше; иному же, как мне, хотя и грешен паче всех земнородных, дано разуметь языки и сказание (дар выражения), и потому не удивляйтесь, если я исправляю описки, которые утаились от них». Как возражение, так и ответ Максима знаменательны в нашей истории; здесь мы видим зародыш того громадного явления, взволновавшего русскую жизнь уже в XVII веке, которое называется расколом. И до сих пор у раскольников служит важнейшею опорою довод, приведенный противниками Максима, а равным образом и против них на разные лады повторяется ответ, данный Максимом своим противникам.

Но если не безопасно было для приезжего грека посягать на букву богослужебных книг, то гораздо опаснее сделалось для него то, что, выучившись русскому языку, он начал подражать своему старому идеалу, Савонароле, и разразился обилием обличений всякого рода, касавшихся и духовенства, и нравов, и верований, и обычаев, и, наконец, злоупотреблений власти в русской земле. Превратившись поневоле из грека в русского, Максим оставил по себе множество отдельных рассуждений и посланий, которые, за небольшим исключением, носят полемический и обличительный харак-

тер. О многих из его сочинений трудно решить: написаны ли они прежде или после опалы, постигшей Максима, тем более, что, подвергнутый заключению, он продолжал писать свои обличения и в числе других причин был позван вторично на суд и за это. Некоторые его полемические сочинения обращены против иноверцев, латин, иудеев, магометан, армян, лютеран и язычников. Обличения против латин писаны по поводу «писаний Николая Немчина» о соединении церквей.⁵² Они имеют обычный догматический характер такого рода сочинений. Обличения против иудеев, вызванные появившимися на русском языке писаниями, не обширны и поверхностны; одно из них, слово против Исаака волхва и чародея и прелестника, есть воззвание к собору духовенства о том, чтобы с жидовствующими еретиками поступать как можно суровее. Максим в этом вопросе совершенно расходится со своим почитателем Вассианом и, вместо снисхождения к еретикам, советует святителям предавать еретиков внешней (то есть мирской) власти на казнь, чтобы соблюсти русскую землю от бешеных псов. Максим подкрепляет свой суровый совет такими же примерами, на

⁵² Существует мнение, что этот Николай Немчин есть папский легат Николай Шомберг, но г. Иконников в своем исследовании о Максиме Греке приводит довольно убедительные доводы, что под этим именем следует разуметь Люева, иначе Булева, иноземного врача и любимца великого князя Василия. Это мнение подтверждается и старинною припискою на рукописи сочинения Максима Грека, в которой объясняется, что Николай Немчин есть не кто иной, как Николай Булев, который «от государя превелику честь получил врачевная ради хитрости».

какие указывал прежде него Иосиф Волоцкий. Его обличения против лютеран касаются иконопоклонения и почитания Божией Матери и могли в свое время иметь прямое отношение к русской жизни, так как на Руси, мимо всякого непосредственного влияния западного протестантства, являлись мнения, сходные с протестантством, особенно относительно иконопочитания. В обличениях против армян Максим повторяет выражения той злобы, которую уже давно греки старались посеять на Руси к армянам, внушая русским всеми способами отвращение к армянскому народу, а полемика Максима против древнего классического язычества не имеет к Руси прямого отношения и есть плод воспоминаний его об Италии, где Максим видел увлечение язычеством. Максим писал также против астрологии, которая стала понемногу заходить в Русь и совращать умы даже грамотеев. Максим доказывал, что верить, будто человеческая судьба зависит от звезд и будто они имеют влияние на образование таких или других свойств человека, – противно религии, так как этим, с одной стороны, подрывается вера в промысел и всемогущество Божие, с другой, отнимается свободная воля у человека. На основании астрологических вычислений, в Европе образовалось предсказание, что будет новый всемирный потоп. Это ожидание заходило и в тогдашнюю Русь. Максим опровергал его, как основанное на суеверной астрологии, и подтверждал смыслом Божия обещания Ною свои доказательства о невозможности нового потопа.

Важнее всех сочинений этого рода те, в которых Максим имел целью обличать признаки, принадлежавшие исключительно или преимущественно стране, куда бросила его судьба, и здесь-то сочинения Максима Грека заключают драгоценные сведения о нашей духовной жизни и ее пороках, обративших на себя внимание обличителя. На Руси издавна ходило множество так называемых апокрифических сочинений, зашедших к нам с Востока и заключающих в себе разные выдумки, касавшиеся событий Ветхого и Нового Завета; они были любимы читателями, представляя много заманчивого для воображения. Их называли у нас отреченными; церковь запрещала читать их. К ним во времена Максима присоединились апокрифы, заходившие с Запада в появившемся тогда на русском языке сочинении под названием «Луцидария». Максим коснулся немногих из апокрифов, вероятно, попавшихся ему под руку и обративших его особенное внимание по причине своей распространенности. Так Максим обличал сказание, приписываемое Афродитиану о волхвах, поклонявшихся Христу, где благочестивого Максима особенно соблазняло то, что идола в персидском языческом храме разыгрались при рождении Спасителя; опровергал он сказание об Иуде, будто бы жившем много лет после Христа, и сказание о том, будто бы Адам дал на себя рукописание дьяволу, обязавшись вечно служить и работать ему. Максим также доказывал несправедливость распространенного издавна у нас мнения, будто бы во время воскресения

Христова солнце не заходило целые восемь суток. Достоинно замечания, что здесь Максим установил приемы критики, которыми следует руководствоваться при оценке подобного рода сочинений; необходимо, по учению Максима, чтобы сочинение было составлено известным церкви писателем, было согласно со священным писанием и само в себе не заключало противоречия. Подвергая суждению разные богословско-космографические бредни, заключающиеся в «Люцидариис», Максим опровергает их несходством со священным писанием и отцами церкви, которые для него были авторитетами в области не только веры, но и естествознания: «Держись крепко Дамаскиновой книги и будешь великий богословец и естествословец». Между благочестивыми, на основании апокрифических сказаний, были толки о том, кому прежде всех была послана с небес грамота. Максим разрешает этот вопрос, говоря, что никогда и никому не было послано такой грамоты, ссылаясь на то, что об этом нигде не упоминается в Св. Писании.

Рядом с апокрифами Максим писал против разных суеверий, замеченных им в русском обществе: так, например, на Руси распространилось верование, будто от погребения утопленных или убитых происходят неурожаи. Бывали случаи, когда выкапывали из земли тела и бросали на поле. Максим убеждает скрывать всех в недрах земли, общей матери, и доказывает, что гнев Божий посылается за грехи, а не за погребение утопленных. Он порицал веру в сновидения, а

также в существование добрых и злых дней и часов, веру, истекавшую из астрологии; напал на разные суеверные приметы, наблюдения птичьего полета, движения глаза, явления облаков, на веру во встречу, в оклик, на разные гадания: на бобах, на ячмене; в особенности вооружался он против ворожбы, допускаемой по случаю судебного поединка (поля), причем осуждал самый этот обычай. «Наши властители и судьи, отринувши праведное Божие повеление, не внимают свидетельству целого города против обидчика, а приказывают оружием рассудиться обидчику с обиженным, и кто у них победит, тот и прав; решают оружием тяжбу: обе стороны выбирают хорошего драчуна полевщика; обидчик находит еще чародея и ворожея, который бы мог пособить его полевщику... О беспримерное беззаконие и неправда! И у неверных мы не слыхали и не видали такого безумного обычая».

Самое большое значение из обличительных сочинений Максима Грека имеют для нас те, которые относятся непосредственно к нравам тогдашнего русского общества. Максим был недоволен духовенством. «Кто может достойно оплакать мрак, постигший род наш! – говорит он. – Нечестивые ходят как скимны рыкающие и удаляют от Бога благочестивых, а наши пастыри бесчувственнее камней; они устроились себе и думают только о том, как бы самим себя спасти... Нет ни одного, кто бы прилежно поучал и вразумлял бесчинных, утешал малодушных, заступался за бессильных, обличал противящихся слову благочестия, запрещал бесстыд-

ным, обращал уклонявшихся от истины и честного образа христианской жизни. Никто по смиренномудрию не откажется от священнического сана, никто и не ищет его по божественной ревности, чтобы исправлять беззаконных и бесчинствующих людей; напротив того, все готовы купить его за большие дары, чтобы прожить в почете, в удовольствии».

Максим оставался всегда иноком и был пропитан отшельническим взглядом на жизнь: «Возлюби, – говорит он, – душа моя, худые одежды, худую пищу, благочестивое бдение, обуздай наглость языка своего, возлюби молчание, проводи бессонные ночи над боговдохновенными книгами... Огорчай плоть свою суровым житьем, гнушайся всего, что услаждает ее... Не забывай, душа, что ты привязана к лютому зверю, который лает на тебя; укрощай его душетлительное устремление постом и крайней нищетою. Убегай вкусных напитков и сладких яств, мягкой постели, долговременного сна. Иноческое житие подобно полю пшеницы, требующему трудолюбия; трезвься и тружайся, если хочешь принести Господу твоему обильный плод, а не терние и не сорную траву». Но при этом отшельническом взгляде Максим требовал от иноков действительно сурового подвига, отречения от мира; и потому во многих своих сочинениях он с жаром нападает на лицемерие русских монахов. Не отделяя себя от всего монашества, он делает своей душе упреки, в которых обличает дурной образ жизни в монастырях: «Убегай губительной праздности, ешь хлеб, приобретенный

собственными трудами, а не питайся кровью убогих, сребро-
резоимством (взыманием процентов)... Не пытайся высасы-
вать мозги из сухих костей, подобно псам и воронам. Тебе
велено самой питать убогих, служить другим, а не властво-
вать над другими. Ты сама всегда веселишься и не помыш-
ляешь о бедняках, погибающих с голоду и морозу; ты со-
греваешься богатыми соболями и питаешь себя всякий день
сладкими яствами. Тебе служат рабы и слуги. Ты, противясь
божественному закону, посылаешь на человекогубительную
войну ратные полки, вооружая их молитвами и благослове-
ниями на убийство и пленение людей. Ты страшишь вкусить
вина и масла в среду и пяток, повинуюсь отеческим уставам,
а не боишься грызть человеческое мясо, не боишься языком
своим тайно оговаривать и клеветать на людей, показывая
им лицемерно образ дружбы. Ты хочешь очистить мылом от
грязи руки свои, а не бережешь их от осквернения лихоим-
ством. За какой-нибудь малый клочок земли тащишь сопер-
ников к судилищу и просишь рассудить свою тяжбу оружи-
ем, когда тебе заповедано отдать последнюю сорочку оби-
жающему тебя! Ни Бога, ни ангелов ты не стыдишься, дав-
ши обещание нестяжательного жития. Молитвы твои и чер-
ные ризы только тогда благоприятны Богу, когда ты соблюда-
ешь заповеди Божьи... А ты, треокаянная, напиваясь кровью
убогих, приобретая в изобилии все тебе угодное лихвами и
всяким неправедным способом, разъезжаешь по городам на
породистых конях, с толпой людей, из которых одни следуют

за тобой сзади, а другие впереди и криком разгоняют народ. Неужели ты думаешь, что угодишь Христу своими долгими молитвами и черной власяницей, когда в то же время собираешь неправильным лихоимством жидовское богатство, наполняешь свои амбары съестными запасами и дорогими напитками, накапливаешь в своих селах высокие стога жита с намерением продать подороже во времена голода?» Вопрос о владении монастырскими имениями, занимавший умы еще прежде Максима, разработан им в сочинении об иноческом жительстве, в форме разговоров между любостыжательным (Филоктимоном) и нестыжательным (Актионом). Здесь Максим привел доказательства как в защиту права монастырей владеть имениями, так и против этого права. Нестыжательный, которого доказательства представляются сильнее доказательств противника, главным образом, нападает на то, что монахи, владея населенными имениями, обременяют крестьян тяжелыми работами, дают деньги в рост и потом расхищают имение должников, продают и доводят до последней нищеты, тогда как иноки, по своему званию, вступая в монастырь, отрекаются от всякого имущества и стяжания. Сочинение Максима имеет почти тот же смысл, как и обличение Вассиана, касающееся того же самого предмета, но написано с меньшею резкостью.

Как ни уважал Максим монашеское житье, если оно было согласно своему идеалу, но порицал тех, которые пренебрегали семейною жизнью, думая, что только в монашеском

чине можно получить спасение. В числе сочинений Максима есть одно «Слово», обращенное «к хотящим оставлять жену свою без вины законныя и идти в иноческое житие». Оно замечательно не только потому, что Максим считал возможным угодить Богу и получить спасение в мире с женою и детьми, но и потому, что самому иноческому житию давал высший внутренний смысл. «Если кто из вас, – говорит он, – задумает предаться иноческому житию, то пусть прежде испытает себя в мирском житии: может ли он быть добродетельным и жить праведно со страхом Божиим и истиною; и если может, то, не разлучаясь со своею женою, пусть благодарит Бога и пребывает в исправлении добрых дел. Пусть он знает, что иноческое житие, которого он желает, есть не что иное, как прилежное исполнение евангельских заповедей... Тот, кто исполняет заповеди Христа с желанием угодить Богу, а не людям, тот у Него назовется настоящий инок; христианское благоверие состоит не в изменении одежды, не в воздержании от пищи, а в воздержании от всякой злобы и душегубительных страстей плоти и духа». По отношению к посту Максим Грек произносит такое суждение: «Истинный пост, приятный Богу, состоит в воздержании от душегубительных страстей, а одно воздержание от пищи не только не приносит пользы, но еще более меня осуждает и уподобляет бесам... Не достойно ли слез, что некоторые обрекаются не есть мяса в понедельник ради большого спасения, а на винопитии сидят целый день, и только ищут: где братчина

или пирование, упиваются допьяна и бесчинствуют; лучше бы им отречься от всякого питья, потому что лишнее винопитие причина всякому злу; от мясоедения ничего такого не бывает. Всякое создание Божие добро, и ничто не отвергается, принимаемое с благодарением.

Самое сильное слово в этом роде написано было Максимом уже после его заточения, по поводу происшедшего в это время пожара в Твери. Тверской епископ Акакий представляется беседующим с самим Христом. «Мы всегда, Господи (говорит епископ), радели о твоей боголепной службе, совершали тебе духовные праздники с прекрасным пением и шумом dobroгласных колоколов, украшали иконы твои и Пречистой твоей Матери золотом, серебром и драгоценными камнями, думали благоугодить тебе, а испытали твой гнев; в чем же мы согрешили?» – «Вы (отвечает ему Господь) наипаче прогневали меня, предлагая мне dobroгласное пение и шум колоколов, и украшение икон и благоухание мирры... Вы приносите мне все это от неправедной и богомерзкой лихвы, от хищения чужого имущества; ваши дары смешаны со слезами сирот, с кровью убогих. Я истреблю ваши дары огнем или отдам на расхищение скифам, как и сделал с иными. Пусть примером вам послужит внезапная погибель всеславного и всеильного царства Греческого. И там всякий день приносилось мне боголепное пение, со светлошумящими колоколами и благовонной миррой, совершались праздничные торжества, строились предивные храмы с целебно-

ными мощами апостолов и мучеников, и скрывались в храмах сокровища высокой мудрости и разума; и ничто это не принесло им пользы, потому что они возненавидели убогих, убивали сирот, не любили правого суда, за золото оправдывали обидящего; их священники получали свой сан через подкуп, а не по достоинству. Что мне в том, что вы меня питаете с золотым венцом на голове, когда я среди вас погибаю от голода и холода, тогда как вы сладко насыщаете себя и украшаете разными нарядами? Удовлетвори меня в том, в чем я скуден; я не прошу у тебя золотого венца; посещение и довольное пропитание убогих, сирот и вдовиц – вот мой кованный золотой венец... Не для доброшумных колоколов, песнопений и драгоценных мирр сходил я на землю, принял страдание и смерть. Моя вся поднебесная; я исполняю небо и землю всеми благами и благоуханиями; я отверзаю руку свою и насыщаю всякую тварь земную!.. Я оставил вам книгу спасительных заповедей, поучений и наставлений, чтобы вы знали, чем можете угодить мне; вы же украшаете книгу моих слов золотом и серебром, а силу написанных в ней повелений не принимаете и исполнять не хотите, но поступаете противно им. Я не приказал вам скрывать на земле сокровища и прилагать к ним сердца свои, а вы расхищаете, убогих, нещадно, без сострадания, обижаете, убиваете, всяким способом мерзкого лихоимства; сами пируете с богачами, а бедным, стоящим у ваших ворот, изнемогающим от холода и голода, кидаете кусок гнилого хлеба... Я нарек сынами Бо-

жиими рачителей мира, а вы, как дикие звери, бросаетесь друг на друга с яростью и враждою! Священники мои, наставники нового Израиля! Вместо того, чтобы быть образцами честного жития, – вы стали наставниками всякого бесчиния, соблазном для верных и неверных, объедаетесь, упиваетесь, друг другу досаждаете; во дни божественных праздников моих, вместо того чтобы вести себя трезво и благочинно, показывать другим пример, вы предаетесь пьянству и бесчинству... Моя вера и божественная слава делается предметом смеха у язычников, видящих ваши нравы и ваше житие, противное моим заповедям» и пр.

Обличения Максима коснулись мирской власти и суда. В одном из своих поучений он говорит: «Страсть иудейского сребролюбия и лихоимания до такой степени овладела судьями и начальниками, посылаемыми от благоверных царей по городам, что они приказывают слугам своим вымышлять разные вины на зажиточных людей, подбрасывают в дома их чужие вещи; или: притащат труп человека и бросят на улице, а потом, как будто отмщая за убитого, начнут истязать не только одну улицу, но всю часть города по поводу этого убийства, и собирают себе деньги таким несправедливым и богомерзким способом. Слышан ли когда-нибудь у неверных язычников такой гнусный способ лихоимания? Разжигаемые неистовством несытого сребролюбия, они обижают, лихоимствуют: расхищают имущества вдовиц и сирот, вымышляют всякие обвинения на невинных, не боятся Бога, страшного

мстителя обиженных, не срамятся людей, окрест их живущих, ляхов и немцев, которые хоть и латынники по ереси, но управляют подручниками своими с правосудием и человеколюбием». Указать на превосходство латин перед православными в то время было до крайности резкой выходкой. Решившись так смело обличать лиц, посылаемых верховной особой, он делал обличения и самой верховной особе, хотя гораздо мягче и в более утонченной форме, в виде общих нравоучений, в которых, однако, чувствовался прямой укор. Так в поучении «начальствующим правоверно», которое обращено к лицу государя, Максим изображает идеал доброго правителя, указывая на разные примеры Священного Писания, но вместе с тем порицает и пороки, свойственные государям: властолюбие, славолюбие, сребролюбие, и делает, между прочим, намек на тех, которые, узнавши, что кто-нибудь из подданных подсмеивается над ними или порицает их поступки, неистовствуют хуже всякого дикого зверя и хотят тем, которые их злословили, отмстить. Порок этот, как известно, был за Василием. Равным образом, московский государь мог видеть свои качества и в образе ненасытного государя-сребролюбца, собирающего всяким способом богатства, не останавливаясь ни перед хищением, ни перед неправдой, ни перед клеветой.

«Что может быть гнуснее, – говорит поучитель, – когда тот, кто думает владеть знаменитыми городами и бесчисленными народами, сам находится под властью бессловесных

страстей, руководится ими и именуется рабом от святых уст Спасителя? Разумевающий пусть разумеет сказанное ясно».

В другом своем слове «о нестроении и бесчинии царей и властей» Максим делается обличителем вообще всякой верховной власти безотносительно к месту. Максим рисует государство в образе женщины, которая сидит на распутье; она в черной одежде, положила голову на руку, опирающуюся на колени; она безутешно плачет; кругом ее дикие звери. На вопрос Максима: кто она? женщина отвечает: «Мою горькую судьбу нельзя передать словами, и люди не исцелят ее; не спрашивай, не будет тебе пользы: если услышишь, только навлечешь на себя беду». Но когда Максим упорно желал знать, кто она, женщина сказала ему: «Имя мое не одно: называют меня начальство, власть, владычество, господство. Самое же настоящее мое имя „Василия“ (ΒΑΣΙΛΕΙΑ) – государство.

Максим пал к ногам ее, и Василия проговорила ему длинное обличение на царей и властителей, подкрепляя его примерами и изречениями из Священного Писания. «Меня, – говорила она, – дочь Царя и Создателя, стараются подчинить люди, которые все славолюбцы и властолюбцы; и слишком мало таких, которые были бы моими рачителями и украсителями, которые устраивали бы, согласно с волей Отца моего, судьбу живущих на земле людей; но большая часть их, одолеваемая сребролюбием и лихоимством, мучат своих подданных всякими истязаниями, денежными побо-

рами, отяготительными постройками пышных домов, вовсе ненужных к утверждению их державы и только служащих к угоде и веселью их развратных душ... Нет более мудрых царей и ревнителей Отца моего небесного. Все только живут для себя, думают о расширении пределов держав своих, друг на друга враждебно ополчаются, друг друга обижают и льют кровь верных народов, а о церкви Христа Спасителя, терзаемой и оскорбляемой от неверных, нимало не пекутся! Как не уподобить окаянный наш век пустынной дороге, а меня – бедной вдове, окруженной дикими зверями: более всего меня ввергает в крайнюю печаль то, что некому заступиться за меня по Божьей ревности и вразумить моих бесчинствующих обручников. Нет великого Самуила, ополчившегося против преступного Саула; нет Нафана, исцелившего остроумной притчей царя Давида, нет Амвросия чудного, не убоявшегося царственной высоты Феодосия: нет Василия Великого, мудрым поучением ужаснувшего гонителя Валента; нет Иоанна Златоуста, изобличившего корыстолюбивую Евдоксию за горячие слезы бедной вдовицы. И вот, подобно вдовствующей жене, сижу я на пустынном распутье, лишенная поборников и ревнителей. О прохожий, безгодна и плачевна судьба моя».

Мы указали на более сильные места в обличениях Максима, но вообще его послания загромождены риторическим многословием, множеством излишних текстов и примеров, частыми повторениями и вычурными оборотами. Слог его

нередко вял, язык его крайне тяжел и во многих местах темен; видно на каждом шагу, что автор думал на ином языке, а не на том, на котором писал; поэтому можно сомневаться, чтобы в свое время Максимовы сочинения могли иметь много читателей и были для всех удобопонятны. Только в последующее время, когда сам Максим остался в памяти народа как богоугодный страдалец за правду, его сочинения переписывались и пользовались уважением между русскими книжниками. Но они не могли укрыться от среды, окружавшей двор и высшее духовенство. Неудивительно, что с таким направлением Максим навлек на себя преследования от власти. Обыкновенно признают, что великий князь Василий возненавидел его за то, что он не одобрял его решимости развестись с Соломонией и жениться на другой жене. Быть может, и вероятно, это было одной из причин гонения, но Максим должен был раздражить против себя как великого князя, так и многих московских начальных людей, духовных и светских, той ролью обличителя, которую он взял на себя из подражания Савонароле.

В феврале 1525 года Максим Грек был притянут к следственному делу политического характера. Его обвиняли в сношениях с опальными людьми: Иваном Беклемишевым-Берсенем и Федором Жареным. Первый был прежде любимцем великого князя и навлек на себя гнев его тем, что советовал ему не воевать, а жить в мире с соседями. Такое миролюбивое направление было совершенно в духе Макси-

ма, который и в своем послании государю советовал не внимать речам тех, которые будут подстрекать его на войну, а хранить мир со всеми. Видно, что Берсеня с Максимом соединяла одинаковость убеждений. Максимов келейник показал, что к Максиму ходили многие лица, толковали с ним об исправлении книг, но беседовали с ним при всех: а когда приходил Берсень, то Максим высылал всех вон и долго сидел с Берсением один на один. Максим на допросе высказал меньшую твердость, чем можно было ожидать по его писаниям; он сообщил о всем, что говорил с ним Берсень, как порицал влияние матери великого князя, Софьи, как скорбел о том, что великий князь не слушает никаких советов; как жаловался, что великий князь отнял у него двор в городе; как упрекал великого князя за то, что ведет со всеми войну и держит землю в нестроении. На этом допросе Максим говорил: «То, что у меня на сердце, о том я ни от кого не слышал и ни с кем не говаривал; а только держал себе в сердце такую думу: идет государь в церковь, а за ним идут вдовы и плачут, а их бьют! Я молил Бога за государя и просил, чтобы Бог положил ему на сердце и показал над ним свою милость». Максим этими сообщениями повредил Берсеню: последний сначала запирался, потом во всем сознался. Берсеня и дьяка Жареного казнили, а Максима снова притянули к следствию по другим делам: его обвиняли в сношении с турецким послом Скиндером; он знал похвальбы турецкого посла, знал, что этот посол грозил Москве нападением ту-

рок; Максима даже обвиняли в писании грамоты в Турцию с целью поднять турок на Русь. Его уличали в том, что он называл великого князя Василия гонителем и мучителем, порицал за то, что Василий предал землю свою татарскому хану на расхищение, и предсказывал, что если на Москву пойдут турки, то московский государь из трусости обяжется или платить дань, или убежит. Кроме того, великий князь предал его суду духовного собора под председательством митрополита Даниила, и на этом соборе присутствовал сам. До какой степени Василий был озлоблен против него, показывают слова опального дьяка Жареного, который говорил Берсеню, что великий князь через троицкого игумена приказывал ему наклепать что-нибудь на Максима и за то обещал его пожаловать. Максима обвиняли в порче богослужебных книг и выводили из слов, отысканных в его переводе, еретические мнения, находя важным то, что он вместо: «Христос седе одесную Отца», написал «седев одесную Отца». ⁵³ Максим не признал себя виновным, но был сослан в Иосифов Волоколамский монастырь, под надзор старца Тихона Лелкова; дали ему в духовные отцы старца Иону. Так как Максим уже успел раздражить монахов своими обличениями и проповедью о нестяжательности, то его содержали умышленно дурно. «Меня морили дымом, морозом и голодом за гре-

⁵³ Отсюда выходил такой смысл, что «Христово седение одесную Отца мимошедшее есть». Максим подтвердил это, вероятно, разумея исторический евангельский факт Вознесения Христова, а не бесконечного пребывания с Отцом, но не умел выразить это ясно.

хи мои премногие, а не за какую-нибудь ересь», – писал он. Отправляя Максима в монастырь, собор обязал его никого не учить, никому не писать, ни от кого не принимать писем и велел отобрать привезенные им с собой греческие книги. Но Максим не думал каяться и признавать себя виновным, продолжал писать послания с прежним обличительным характером. Это вызвало против него новый соборный суд в 1531 году. На этот раз, кроме прежнего вопроса «о седении одесную Отца», его обвиняли в том, будто он в переводе Жития Св. Богородицы Метафраста употребил выражение, заключающее смысл хулы на Св. Богородицу, что он приказал «загладить» (выбросить) из Деяний Апостольских разговор Филиппа Апостола с кажеником (Деяния Апос. гл. VIII ст. 37), и кроме того, еще из богослужебной книги велел заглаживать отпуск троицкой вечерни. Максим от всего этого отпирался и уверял, что никогда не имел еретических мнений, какие на него взваливали. На Максима, между прочим, показывал его бывший писец Медоварцев и, желая оправдать себя самого, выражался, что «на него дрожь великая нападала», когда Максим велел заглаживать слова троицкого отпуста. Все это были не более, как недобросовестные придирки. Характер всего суда ясно свидетельствует об этом: таким образом, на том же суде Максима обвиняли в волхвовании, показывали на него, будто он хвалился, что все знает, где что делается; будто говорил, что на нем нет ни единого греха; будто хвалился «еллинскими и жидовскими хит-

ростями и чернокнижными волхвованиями», будто, при посредстве волшебных эллинских хитростей, писал водкой на своих ладонях и протягивал ладони, волхвуя против великого князя и других лиц. Если в этом суде было что-нибудь справедливого, то разве то, что Максим действительно укорял монастыри в любостыжании, порицал русское духовенство, выбросил из Символа Веры выражение «истинного» о Св. Духе (чего действительно не было в греческом подлиннике, хотя Максим в этом на первый раз и заперся от страха) и, наконец, то, что Максим находил нужным, чтобы русские митрополиты ставились с патриаршего благословения. По поводу последнего вопроса Максим объяснил: «Я спрашивал, зачем митрополиты русские не ставятся по-прежнему патриархами? Мне сказали, что патриарх дал благословенную грамоту на то, чтоб русский митрополит ставился по избранию своих епископов, но я этой грамоты не видал». И здесь Максим был опять-таки прав. Несмотря на сознание своей правоты, Максим думал покорностью смягчить свою судьбу; он, по собственному выражению, «падал трижды ниц перед собором» и признавал себя виновным, но не более, как в «неких малых описях». Самоунижение не помогло ему. Его отослали в оковах в новое заточение, в Тверской Отрочь-монастырь. Несчастный узник находился там двадцать два года. Напрасно он присылал исповедание своей веры, доказывал, что он вовсе не еретик, сознавался, что мог ошибаться невольно, делая описки, или по забывчивости, или по скор-

би, или, наконец, от «излишнего винопития»; уверял, что он не враг русской державы и десять раз в день молится за государя. Сменялись правительства, сменялись митрополиты: Даниил, враждебно относившийся к Максиму на соборе, сам был сослан в Волоколамский монастырь, и Максим, забыв все его оскорбления, написал ему примирительное послание. Правил Москвой бояре во время малолетства царя Ивана – Максим умолял их отпустить его на Афон, но на него не обратили внимания. Возмужал царь Иван, митрополитом сделался Макарий; за Максима хлопотал константинопольский патриарх, – Максим писал юному царю наставление и просился на Афон; о том же просил он и Макария, рассыпаясь в восхвалениях его достоинств – все было напрасно. Макарий послал ему «денежное благословение» и писал ему: «Узы твои целуем, но пособить тебе не можем». Максим добился только того, что ему, через семнадцать лет, позволили причиститься Св. Тайн и посещать церковь. Когда вошли в силу Сильвестр и Адашев, Максим обращался к ним и, по видимому, находился с ними в хороших отношениях, но не добился желаемого, хотя и пользовался уже лучшим положением в Отрочь-монастыре. Наконец, в 1553 году его перевели в Троицкую Лавру. Говорят, что, вместе с боярами, ходатайствовал за него троицкий игумен Артемий, впоследствии сам испытавший горькую судьбу заточения. Максим оставался у Троицы до смерти, постигшей его в 1556 году. Не довелось ему увидеть Афона: Москва боялась его отпустить,

потому что он узнал в Московском государстве «все доброе и лихое» и был слишком склонен к обличению. В Москве не любили, чтоб о русских порядках и нравах дурно толковали за границей, а этого от Максима, конечно, можно было ожидать после той горькой чаши, которую он выпил в земле, на пользу которой посвятил свою жизнь.

Глава 18

Сильвестр и Адашев

По смерти Василия, за малолетством нового государя, правление перешло в руки вдовствующей великой княгини; дела решались, под ее властью, боярской думой. В Московском государстве еще в первый раз верховная власть сосредоточилась в руках женщины. Это, однако, не противоречило русским понятиям, по которым, по смерти отца семейства, вдова вполне заменяла мужа на время малолетства детей. Елена совершенно отдалась своему любимцу Ивану Овчине-Телепневу-Оболенскому. Он был человек крутого нрава, не останавливался ни перед какими злодеяниями. Именем Елены правил он государством; бояре должны были сносить его произвол. Совершались варварства, превосходившие все, что представляла в этом отношении прежняя московская история. Одного брата покойного государя, Юрия, по подозрению засадили в тюрьму и там уморили голодом. Другой брат, Андрей, испугавшись той же участи, убежал; ради собственного спасения он замышлял восстание, но был схвачен и задушен; жену его и сына засадили в тюрьму. Вместе с ним было казнено много бояр и детей боярских, которых обвинили в расположении к Андрею; других били кнутом. Дядя Елены, Михаил Львович Глинский, стал укорять племянницу за ее связь с Телепневым; за это его посадили

в тюрьму и уморили голодом. Знатные бояре за противоречие любимцу тотчас подвергались тяжелому тюремному заключению. Но во внешних делах Телепнев поддерживал достоинство Московского государства. Открывшаяся, по истечении перемирия, война с Литвой ведена была счастливо и окончилась в 1537 году новым перемирием на пять лет, с уступкой Москве двух крепостей: Себежа и Заволочья, построенных на литовской земле. Татарские нападения были отражены. Такие успехи еще больше возвышали любимца Елены, но это возвышение ускорило его гибель. Враги отравили Елену 3 апреля 1538 года.

Правлением овладели князья Шуйские. Телепнева уморили в тюрьме голодом. Сестру его Аграфену заковали и засадили в тюрьму. Вслед за ними низложили митрополита Даниила, угождавшего Елене, а на место его возвели троицкого игумена Иосафа.

В 1540 году, при содействии нового митрополита, благодетель его, глава правительства, Иван Шуйский был низвержен. На место Шуйского поставлен враг его боярин князь Иван Бельский, сидевший до того времени в тюрьме. Этот новый правитель не поступал подобно прежнему, оставил на свободе своих врагов Шуйских, выпустил из тюрьмы племянника покойного государя Владимира Андреевича с матерью, освободил других узников, возвратил Пскову его старинный самосуд, дозволивши судить уголовные дела выборным целовальникам, мимо великокняжеских наместников и

их тиунов. Крымский хан Саип-Гирей, услышавши, что в Москве нет больше единой державной власти, попытался было сделать нашествие на пределы Московского государства, но был отбит. Правление Бельского обещало много хорошего, но скоро пало. Князь Иван Шуйский, склонивши на свою сторону некоторых бояр и детей боярских, 3 января 1542 года схватил Бельского и потом велел задушить, а его сторонников засадил в тюрьму. Митрополит Иосаф был низложен; на место его возведен новгородский архиепископ Макарий, один из знаменитых духовных русской истории.

Князь Иван Шуйский, захвативший верховную власть, по болезни скоро удалился от двора, передавши правление своим родственникам Ивану и Андрею Михайловичам Шуйским и Федору Ивановичу Скопину-Шуйскому.⁵⁴ Но недолго пришлось править и этим Шуйским. Молодому государю исполнилось в 1544 году тринадцать лет. Он находился под влиянием братьев Елены: Юрия и Михаила Васильевичей Глинских. Митрополит Макарий стал на их сторону, изменивши Шуйским, подобно тому, как им изменил его предшественник. По наущению своих дядей, отрок Иван приказал схватить Андрея Шуйского и отдать своим псарям, которые тотчас же растерзали его. Федора Скопина-Шуйского и других бояр его партии сослали. Правлением овладели Глинские.

Следствием смут, происходивших в малолетство Ивана,

⁵⁴ Деду знаменитого героя смутного времени, Михаила Скопина-Шуйского.

было то, что отрок-государь получил самое дурное воспитание. Он от природы не имел большого ума, но зато одарен был в высшей степени нервным темпераментом, и, как всегда бывает с подобными натурами, чрезмерной страстностью и до крайности впечатлительным воображением. В младенчестве с ним как будто умышленно поступали так, чтобы образовать из него необузданного тирана. С молоком кормилицы всосал он мысль о том, что он рожден существом высшим, что со временем он будет самодержавным государем, что могущественнее его нет никого на свете; и в то же время его постоянно заставляли чувствовать свое настоящее бессилие и унижение. Его разлучили с мамкой, к которой он был привязан, убили Телепнева, к которому он привык; на его глазах, его именем, бояре свергали друг друга, а зазнавшиеся Шуйские обращались с ним высокомерно и нагло. «Помню, – писал впоследствии Иван Васильевич, – как бывало мы с братом Юрием играем по-детски, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, локтем опершись на постель отца нашего, да еще ногу на нее положит, а с нами не то по-родительски, а по-властелински обращается, как с рабами. Ни в одежде, ни в пище не было нам воли; а сколько-то казны отца нашего и деда они перебрали, да на наш счет сосуды себе золотые и серебряные поделали и на них имена родителей своих подписали, будто это их родительское достояние! Всем людям ведомо, как, при матери нашей, у князя Ивана Шуйского была шуба кунья, покрыта зеленым мухояром, да и та вет-

ха: если бы у них было прежде столько богатств, чтобы сделать сосуды, так лучше было шубу переменить!» Отрок-государь привязался было к боярину Семену Воронцову. Андрей Шуйский, из опасения, чтобы Воронцов не взял на себя слишком много, приказал схватить его в присутствии государя, и только слезные прошения Ивана да ходатайство митрополита спасли Воронцова от смерти, но все-таки его сослали. Раздражая такими поступками отрока, бояре в то же время позволяли ему усваивать самые вредные привычки: молодой Иван для забавы бросал с крыльца или с вышек животных и тешился их муками; а когда власть перешла в руки Глинских, то Иван набрал около себя отроков из знатных семейств и с их толпой скакал верхом во всю прыть по городу, топтал и бил людей, а опекуны и их угодники похваляли его за это и говорили: «Вот будет храбрый и мужественный царь!» Со вступлением в юношеский возраст все более и более развивались в Иване дикие наклонности. К делу его никто не приучал. Он-то ездил по монастырям, предпринимая для этой цели даже отдаленные путешествия, как, например, на Белоозеро, в Новгород, Вологду, Тихвин, Псков и т.п., то увлекался охотой, или же пьянствовал и буйствовал со своими удалцами. Его шатания по русской земле, как благочестивые так и грешные, тяжело отзывались на жителях. Между тем, отведавши крови на Шуйском, он получал к ней вкус, а Глинские пользовались этим и подстрекали его давать волю своей впечатлительной натуре. По минутному

расположению духа он то клал опалы на сановников, то прощал их. Однажды, когда четырнадцатилетний Иван выехал на охоту, к нему явились пятьдесят новгородских пищальников жаловаться на наместников. Ивану стало досадно, что они прерывают его забаву; он приказал своим дворянам прогнать их; но когда дворяне принялись их бить, пищальники стали им давать сдачи, и несколько человек легло на месте. Взбешенный Иван приказал исследовать, кто подуцал пищальников. Дьяк Василий Захаров, сторонник Глинских, которому дано было это поручение, обвинил князя Кубенского и двух Воронцовых; один из последних был Федор, любимец царя. Иван немедленно приказал отрубить им головы. Иван неспособен был к долгим привязанностям, и для него ничего не значило убить человека, которого еще не так давно считал своим другом. Молодым сверстникам государя, разделявшим его забавы, была небезопасна его милость. Иван, рассердившись на них, не затруднялся изрекать им смертные приговоры. По его приказанию были удушены: один из князей Трубецких и сын любимца Елены, Федор.

Так достиг Иван семнадцати лет. 16 января 1547 года он венчался царским венцом в Успенском соборе. Уже прежде московские властители считали себя преемственно царями, с одной стороны, потому что заступили для Руси место ханов Золотой Орды, которых русские в течение веков привыкли называть царями, а с другой, потому что считали себя по женской линии преемниками византийских импера-

торов, которых титул по-русски издавна переводился словом «царь». Выдумана была сказка о присылке царского венца византийским императором, Константином Мономахом, внуку своему Владимиру Мономаху, на которого будто бы возложил царский венец, цепь и бармы ефесский митрополит. Говорили, что Владимир Мономах завещал эти регалии своему сыну Юрию Долгорукому и приказал хранить из поколения в поколение, до тех пор, пока Бог не воздвигнет на Руси достойного самодержца. Митрополит Макарий венчал на царство Ивана так наз. шапкою, бармами и цепью Мономаха. Для придания большей важности царскому роду придумали вывести происхождение прадеда Св. Владимира, Рюрика, от цезаря Августа. Для этого воспользовались сочиненной в Литве сказкою, будто брат римского императора Октавия Августа переселился в Литву; признали потомками этого вымышленного Августа брата трех братьев, Рюрика, Синуса и Трувора, которых, по нашим древним летописям, новгородцы, вместе с другими русскими племенами, призвали к себе на княжение в половине IX века.

Сказания эти составлялись, вероятно, с участием митрополита Макария: его время особенно отпечатлелось составлением всяких подложных сказаний о событиях давних веков. Вслед за венчанием Ивана, Макарий с собором причислил к лику святых целый ряд русских князей, епископов и отшельников, уважаемых более или менее народной памятью; и так как жизнь многих из них оставалась неизвестной

или малоизвестной, то сочинены были разными духовными лицами их биографии. Сам Макарий был большой любитель старины, собирал памятники древней письменности и древней истории, сам продолжал Степенную Книгу – историческое сочинение, начатое митрополитом Киприаном – и составил огромный сборник биографий, сказаний, поучений и богословских сочинений, как оригинальных, так и переводных, расположив их по месяцам и дням года, и дал этой книге название Минеи Четьих. В своих ученых трудах Макарий не только не руководствовался ни малейшей критикой в признании подлинности собираемых сочинений, но допускал всякие вымыслы и не заботился о правильности редакции сочинений, помещенных в его Великих Минеях. В начале 1547 года по царскому повелению собраны были со всего государства девицы, и молодой царь выбрал из них дочь умершего окольного Романа Юрьевича Захарьина. Имя царской невесты было Анастасия. Свадьба происходила 3 февраля. Женильба не изменила характер царя. Он продолжал свою буйную, беспорядочную жизнь, не занимался делами правления, но постоянно заявлял, что он самодержавный государь и может делать, что ему угодно. Всем заправляли родные его Глинские, повсюду сидели их наместники, не было нигде правосудия, везде происходили насилия и грабежи. Сам царь не терпел, чтоб его беспокоили жалобами. 3-го июня семьдесят псковских людей прибыли в Москву жаловаться на своего наместника князя Турунтая-Пронского,

угодника Глинских. Они явились к царю в его сельце Островке. Ивану Васильевичу до того не понравилось это, что он велел раздеть псковичей, положить на земле, поливать горячим вином и палить им свечами волосы и бороды. Во время такого занятия государю пришла неожиданная весть, что в Москве, когда начали благовестить к вечерне, упал колокол. Иван бросил свои жертвы и поспешил в Москву.

Падение колокола считалось на Руси – как и теперь считается – предвестием общественного бедствия. Последовало и другое предвестие пред совершением ожидаемой уже беды. Был в Москве юродивый, по имени Василий. О нем ходили чудные слухи. Он являлся на московских улицах, и в летний зной и в зимнюю стужу, нагишом «как Адам первозданный». 20 июня в полдень увидели его близ церкви Воздвижения на Арбате. Он смотрел на церковь и горько плакал. Все догадывались, что он чувствует что-то недоброе. На другой день, 21 июня, в этой самой церкви вспыхнул пожар и распространился с чрезвычайной быстротой по деревянным зданиям города: сильная буря помогла ему. В продолжение часа все Занеглинье⁵⁵ и Чертолье (нынешняя Пречистенка) обратились в пепел. Буря понесла пламя на Кремль: загорелся верх соборной церкви, а потом занялись деревянные кровли на царских службах (палатах); сгорели: оружничая палата, постельная палата с домашней казной, царская конюшня и раз-

⁵⁵ Место по ту сторону от Кремля, за рекой Неглинной, теперь заложеной сводом и застроенной зданиями.

рядные избы (где велось делопроизводство о всяких назначениях по службе); огонь даже проник в погреба под палатами. Пострадала придворная церковь Благовещения: внутри ее сгорел иконостас работы знаменитого русскою художника Андрея Рублева. Успенский собор и митрополичий двор остались целы. Митрополит чуть было не задохся в церкви и едва успел убежать из Кремля через подземный ход (тайник). Сгорели монастыри и многие дворы в Кремле. Пожар сделался еще ужаснее, когда дошел до пороха, хранившегося в стенах Кремля, и произошли взрывы. Огонь распространился по Китай-городу: и эта часть города сгорела, исключая двух церквей и десяти лавок. Пожар охватил большой посад вплоть до Воронцовского сада на Яузе. Тогда, говорят, сгорело тысяча семьсот взрослых людей и несчетное множество детей. Царь с супругой и с приближенными не был в Москве во время пожара, а после пожара проживал в своем загородном селе Воробьеве; он мало заботился о потерпевших жителях столицы и велел прежде всего поправлять церкви и палаты на своем царском дворе.

Между тем большая часть москвичей находилась в ужасном положении, без хлеба, без крова; многие не могли отыскать своих ближних, пропавших без вести. Отчаяние овладело народом. В те времена всегда готовы были приписать общественное бедствие лихим людям и колдовству. Разнеслась молва, что лихие люди вражьим наветом вынимали из человеческих трупов сердца, мочили их в воде и этою водою

кропили московские улицы, и оттого Москва сгорела. Донесли об этом царю. Царь сам поверил такой причине пожара и приказал своим боярам сделать розыск.

Тогда знатные люди, ненавидевшие Глинских, воспользовались случаем погубить их. Эти враги Глинских были – брат царицы Анастасии Григорий, благовещенский протопоп Федор Бирлин, боярин Иван Федоров, князь Федор Скопин-Шуйский, князь Юрий Темкин, Федор Нагой и другие. Они пустили в народе слух, что злодеи, учинившие своим чародейством пожар в Москве, были не кто иные, как Глинские. Легко было уверить народ, так все не любили Глинских и были недовольны их могуществом. У Глинских в милости было много людей не московского происхождения – переселенцев из северской земли и южной Руси; Глинские некоторым из них раздавали должности. Любимцы эти пользовались своим возвышением; где только могли, доставляли они себе выгоды на счет народа: другие, опираясь на покровительство Глинских, позволяли себе в Москве разные своеволия и бесчинства. На пятый день после пожара настроенная заговорщиками народная толпа бросилась к Успенскому собору и кричала: «Кто зажигал Москву?» На этот вопрос последовал из толпы такой ответ: «Княгиня Анна Глинская со своими детьми и со своими людьми вынимала сердца человеческие и клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве, кропила, и оттого Москва выгорела». Толпа, услышавши такую речь, пришла в неистовство. Из двух Глинских, братьев

умершей великой княгини Елены, Михайло с матерью Анною, бабкою государя, был во Ржеве, а другой, Юрий, не подзревая, какие сети ему сплели бояре, приехал к Успенскому собору вместе со своими тайными врагами. Услышал он страшные крики и вопли против его матери и всего их рода и скрылся в церкви. Народ вломился за ним в церковь. Его вытащили оттуда, убили дубьем, повлекли труп его по земле и бросили на торгу.

Истребили всех людей Глинских. Досталось и таким, которые вовсе не принадлежали к числу их. В Москве были тогда на службе дети боярские из Северной земли. Народ перебил их потому только, что в их речи слышался тот же говор, как и у людей Глинского. «Вы все их люди, – кричала толпа, – вы зажигали наши дворы и товары».

Так прошло два дня. Народ не унимался. Из Глинских погиб только один; народу нужны были еще жертвы. Раздались такие крики: «Государь спрятал у себя на Воробьеве княгиню Анну и сына ее Михаила!» Толпа хлынула на Воробьево.

Событие было поразительное. Самодержавие верховной власти, казалось, в эти минуты утрачивало свое обаяние над народом, потерявшим терпение. Иван до сих пор слишком верил в свое всемогущество, и потому держал себя нагло и необузданно; теперь он впал в крайнюю трусость и совершенно растерялся. Тут явился перед ним человек в священнической одежде, по имени Сильвестр. Нам неизвестна прежняя жизнь этого человека. Говорят только, что он был

пришлец из Новгорода Великого. В его речи было что-то потрясающее. Он представил царю печальное положение Московской земли, указывал, что причиною всех несчастий пороки царя: небесная кара уже висела над Иваном Васильевичем в образе народного бунта. В довершение всего Сильвестр поразил малодушного Ивана какими-то чудесами и знаменами. «Не знаю, – говорит Курбский, – истинные ли то были чудеса... Может быть, Сильвестр выдумал это, чтобы ужаснуть глупость и ребяческий нрав царя. Ведь и отцы наши иногда пугают детей мечтательными страхами, чтобы удержать их от зловредных игр с дурными товарищами». Царь начал каяться, плакать и дал обещание с этих пор во всем слушаться своего наставника.

Толпу разогнали выстрелами, несколько человек убили. Остальные разбежались.

С тех пор Иван Васильевич очутился под опекою Сильвестра и в то же время сдружился с Алексеем Адашевым, одним из молодых людей, уже известных царю. Адашев случайно попал в число тех, которых Иван приближал к себе ради забавы. Это был человек большого ума и в высокой степени нравственный и честный. «Если бы, – говорит Курбский, – все подробно писать об этом человеке, то это показалось бы совсем невероятным среди грубых людей; он, можно сказать, был подобен ангелу». Под влиянием Сильвестра, Иван предался Адашеву всею душою. Сильвестр и Адашев подобрали кружок людей, более других отличавшихся широким

взглядом и любовью к общему делу. То были люди знатных родов: князь Дмитрий Курлятов, князя Андрей Курбский, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Горбатый, Шереметевы и другие. Кроме того, Адашев и Сильвестр стали извлекать из толпы людей незнатных, но честных, и поверяли им разные должности. Таким образом, из детей боярских возвышались люди, каких нужно было Сильвестру и Адашеву: для этого употребили они существовавший уже обычай раздавать поместья и вотчины; а владея всеми помыслами царя, любимцы могли приближать к царю и возвышать кого хотели. Несмотря на то, что в кругу людей, окруживших тогда царя, были знатные потомки удельных князей, возвышение новых людей вначале не оскорбляло их гордости. Сам Алексей Адашев, всеми уважаемый и несколько лет всеми заправлявший, был человек незнатного происхождения и небогатый. «Я из батожников его поднял, от гноища учинил наравне с вельможами», – говорил о нем впоследствии Иван.

И вот, государство стало управляться кружком любимцев, который Курбский называет «избранною радою». Без совещания с людьми этой избранной рады Иван не только ничего не устраивал, но даже не смел мыслить, Сильвестр до такой степени напугал его, что Иван не делал шагу, не спросившись у него совета; Сильвестр вмешивался даже в его супружеские отношения. При этом опекуны Ивана старались по возможности вести дело так, чтобы он не чувствовал тягости опеки и ему бы казалось, что он по-прежнему самодержавен.

Впоследствии, когда Иван сбросил с себя власть этих людей, он в таких словах изображал горькое унижение своего самодержавия: «Они отняли у нас данную нам от прародителей власть возвышать вас, бояр, по нашему изволению, но все положили в свою и вашу власть; как вам нравилось, так и делалось; вы утвердились между собою дружбою, чтобы все содержать в своей воле; у нас же ни о чем не спрашивали, как будто нас на свете не было; всякое устройство и утверждение совершалось по воле их и их советников. Мы, бывало, если что-нибудь и доброе посоветуем, то они считают это ни к чему не нужным, а сами хоть что-нибудь неудобное и развращенное выдумают, так ихнее все хорошо! Во всех малых и ничтожных вещах, до обувания и до спанья, мне не было воли, а все по их хотению делалось. Что же тут неразумного, если мы не захотели остаться в младенчестве, будучи в совершенном разуме?»

«Избранная рада» не ограничивалась исключительно кружком бояр и временщиков; она призывала к содействию себе и целый народ. «Царь, – говорит один из членов этой неофициальной избранной рады, Курбский, – должен искать совета не только у своих советников, но у всенародных чело- веков». С таким господствующим взглядом тогдашние правители именем государя собрали земский собор или земскую думу из выборных людей всей русской земли. Явление было новое в истории. В старину существовали веча в землях по- одиночке, но никто не додумался до великой мысли образо-

вать одно вече всех русских земель, вече веч. Раздоры между землями и князьями не допускали до этого. Теперь, когда уже столько русских земель собрано было воедино, естественно было явиться такому учреждению. К большому сожалению, мы не знаем не только подробностей, но даже главных черт этого знаменитого события. Мы не знаем, как избирали выборных, кого выбирали, с каким полномочием посылали – все это для нас остается безответным; перед нами только блестящая картина народа, собранного на площади, и образ царя посреди этого народа. Было это в один из воскресных дней. После обедни царь с митрополитом и духовенством вышел на площадь, кланялся народу, каялся в том, что правление его было дурно, приписывал это боярам и вельможам, пользовавшимся его юностью, и говорил: «Люди Божии, дарованные нам Богом! Умоляю вас ради веры к Богу и любви к нам! Знаю, что нельзя уже исправить тех обид и разорений, которые вы понесли во время моей юности, и пустоты и беспомощества моего, от неправедных властей, неправосудия, лихоимства и сребролюбия; но умоляю вас: оставьте друг к другу вражды и взаимные неудовольствия, кроме самых больших дел: а в этом, как и во всем прочем, я вам буду, как есть моя обязанность, судьей и обороною». Тогда Иван пожаловал в окольныхчи Адашева и повелел ему принимать и рассматривать челобитные, сказавши (вероятно, по мысли других): «Не бойся сильных и славных, насилующих бедняков и погубляющих немощных. Но не верь и

ложным слезам бедного, который напрасно клеветает на богатого. Все рассматривай с испытанием и доноси мне истину».

Тогда были избраны и «судьи правдивые»: вероятно, под этим следует разуметь составителей будущего Судебника. Мы, к сожалению, не знаем: как и кем составлялись последовавшие за этим земским собором законоположения. Нам остались только редакция Судебника (собрания светских законоположений), Стоглав и Уставные грамоты – плод законодательной деятельности этого славного времени.

Недаром Иван жаловался на неправду, укоренившуюся в управлении. Летописцы того времени свидетельствуют то же. И в Судебнике и в Уставных грамотах видно, что составление их вызвано насущною потребностью охранить народ от произвола правителей и судей. Более всего резко поражает нас в этих памятниках развитие двоевластия и двоесудия, что в очень малых признаках видно даже в Судебнике Ивана III, но что глубоко заметно во всей жизни древней удельно-вечевой Руси. Являются две отличные, хотя взаимно действующие стихии: государство и земщина. Дело может быть государское, но может быть и земское. Свадьба государя или венчание его на царство есть дело государево, поход под Казань – дело земское. Служба может быть государева, может быть земская. Много раз можно встретить и в последующие времена эту двойность общественной жизни; но она является всего ярче в то время, когда самовластие Ивана подпало

под влияние Адашева и Сильвестра.

В Судебнике ощутительны два источника судопроизводства: государственный и земский.

Государственное правосудие и управление сосредотачивается в столице, где существуют чети или приказы, к которым приписаны русские земли. В них судят бояре или окольные; дьяки ведут дела, а под ведомством дьяков состоят подьячие. В областях – судебное и административное деление на города и волости. При городах обыкновенно посады (города в нынешнем смысле); иногда и без города посады: они составляли до известной степени особое управление, так как посадские люди, занимающиеся ремеслами, промыслами и торговлей, отличались от волостных. Волости были собранием земледельческих сел. Город с волостями составлял уезд, разделявшийся в полицейском отношении на станы. Уезд заменил старинное понятие о земле: как прежде городу нельзя было быть без земли, так теперь городу нельзя было быть без уезда, по выражению одного акта XVI века, подобно тому, как деревне нельзя быть без полей и угодьев. В городах и волостях управляли наместники и волостели, которые могли быть и с боярским судом (с правом судить подведомственных им людей, подобно боярам в своих вотчинах) или без боярского суда. Они получали города и волости себе «в кормление», т.е. в пользование. Суд был для них доходною статьею, но это был собственно доход государя, который передавал его своим слугам вместо жалованья за службу. Там,

где они сами не могли управлять, посылали своих доверенных и тиунов. На суде наместников были дьяки и разные судебные приставы с названиями: праяетчиков (взыскателей), доводчиков (зававших к суду и также производивших следствие), приставов (которые стерегли обвиненных) и недельщиков (посылаемых от суда с разными поручениями).

Рядом с этим государевым судебным механизмом существовал другой, выборный, народный. Представителями последнего были в

городах городовые приказчики и дворские, а в волостях (впоследствии и в посадах) старосты и целовальники. Старосты были двоякого рода: выборные полицейские и выборные судебные. Общества были разделены на сотни и десятки и выбирали себе блюстителей порядка: старост, сотских и десятских; они распоряжались раскладкою денежных и натуральных повинностей и вели разметные книги, где записаны были все жители с дворами и имуществами. Старосты и целовальники, которые должны были сидеть на суде наместников и волостелей, выбирались волостями или же вместе с ними и теми городами, где не было дворского. Всякое дело, производившееся в суде, писалось в двух экземплярах, и в случае надобности поверялось тождество между ними; как у наместников и волостелей были свои дьяки, так у старост – свои земские дьяки, занимавшиеся письмоводством, а у этих дьяков – свои земские подьячие.

Важные уголовные дела подлежали особым лицам – губ-

ным старостам, избранным всем уездом из детей боярских; в описываемое время их суду подлежали только разбойники. Это учреждение явилось в некоторых местах еще в малолетство Ивана и вызвано было усилившимися разбоями. В некоторых уездах было по два губных старосты. Власть их была велика, и все равно должны были подчиняться их суду.

Судебник заботился об ограждении народа от тягости государственного суда и от произвола наместников и волостелей; последние, в случае жалоб на них, подвергались строгому суду. Выборные судьи могли посылать приставов за людьми наместников и волостелей; и если бы наместники и волостели взяли кого-либо под стражу и заковали, не заявивши о том выборным судьям, последние имели право силою освободить арестованных. Только служилые государевы люди подлежали одному суду наместников и волостелей.

При желании обезопасить народ от произвола, законодатели, составляя Судебник, уже имели в виду постепенно устранить земство от суда наместников и волостелей и заменить чем-нибудь другим отдачу им в кормление городов и волостей. Это, отчасти, видно из того, что в 1550 году раздавали во множестве детям боярским земли в поместья, разделяя их на три статьи и принимая во внимание, чтобы получали поместья те, которые своих отчин не имели. Современное известие объясняет, что это делалось именно для того, чтобы заменить доходы кормления наместников и волостелей дачею им земельных угодий. Мера эта, принятая в то

время, вообще значительно увеличила военную силу. К этому времени относится и образование стрельцов из прежних пищальников; они составляли особый военный класс, жили при городах слободами, разделялись на приказы и вооружены были огнестрельным оружием и бердышами.

Что намечено было Судебником, то продолжали и доканчивали Уставные грамоты того времени. Судебник пока только вводил двоесудие. Уставные грамоты дали перевес в суде выборному началу. Это доказывается историей Уставных грамот. По одной из них, устюженской, видно, что прежде наместники и волостели судили-рядили произвольно. При Василии Ивановиче дана Уставная грамота, определяющая обязанности волостелей; в 1539 году – при боярском управлении – дана другая грамота, где доходы волостелей определялись несколько точнее; а в 1551 году, согласно Судебнику, волостелям запрещалось творить суд без участия старосты и целовальников. Мало-помалу управление наместников и волостелей совершенно заменялось предоставлением жителям права самим управляться и судиться посредством выборных лиц, за взносимую в царскую казну, как бы откупную, сумму оброка. В 1552 году дана грамота важской земле. Заметим, что в этом крае древнее понятие о выборном праве могло укорениться более, чем во многих местах, так как это была исстари новгородская земля. Жители сами подали об этом челобитную, жаловались на тягости, которые терпели они от наместников и волостелей; послед-

ние в этой челобитной изображаются покровителями воров и разбойников; многие из жителей, не находя возможным сносить такое управление, разбежались, а на оставшихся ложилось все бремя налогов, в которых уже не участвовали убежавшие. Жители просили дозволить им избрать десять человек излюбленных судей, которые бы, вместо наместников, судили у них как уголовные дела (в душегубстве и татьбе и в разбое с поличным и костырем⁵⁶), так и земские, а за это жители будут ежегодно вносить в царскую казну оброка полторы тысячи рублей за все судные наместничьи пошлины, не отказываясь, однако, при этом от исполнения государственных повинностей и взносов (посошной службы, т.е. обязанности идти в рать; городского дела, т.е. постройки укреплений; денег полоняночных, т.е. на выкуп пленных, и ямских, т.е. на содержание почт). Правительство дало согласие на такую перемену управления с тем, что весь валовой сбор оброка будет разложен по имуществу и по промыслам жителей как посадских, так и волостных. Вместо наместников явились излюбленные головы или земские старосты, имевшие право суда и смертной казни, а для предотвращения злоупотреблений должны были выбираться целовальники, заседавшие в суде – свидетели и участники суда. Управление в крае поручалось сотским, пятидесятским и десятским, которые обязаны были наблюдать за благочинием, хватать подозреваемых и отдавать суду излюбленных судей или

⁵⁶ Судить игроков в кости и карты.

голов. Вслед за тем одни уезды за другими стали получать подобные грамоты. Так, в той же Устюжне, упомянутой выше, вместо прежнего двоесудия по Судебнику, явилась грамота, по которой устюжане вовсе освобождались от суда волостеля. Наконец, в 1555 году, эта мера сделалась всеобщей, как показывает одна грамота того времени, в которой говорится, что правительство совсем изъяло посадских и волостных людей от суда наместников и волостелей, предоставив им выбрать излюбленных старост с платежом за то оброка в казну. Но разбойные дела были изъяты от нового выборного суда и оставлялись за другими выборными судьями – губными старостами. Впоследствии мы опять встречаем признаки строя противного этому нововведению, из чего следует заключить, что распространение выборного самосуда не на долгое время принялось в своей полноте, хотя измененные признаки его видимы и позже того, даже в XVII столетии. Во время господства этого учреждения оно неодинаково применялось в вотчинных владениях – монастырей, церковных властей и частных собственников; видоизменения его зависели от местных владельцев, которые вводили между крестьянами, поселенными в их землях, выборное самоуправление с разными отличиями.

Выборное право суда и управления развивало общественные сходбища, которые, по закону, отправлялись в уездах с целью принятия мер общей безопасности. Все сословия – князья, дети боярские, крестьяне всех ведомств – присыла-

ли из своей среды выборных на сходбища, где председательствовал губной староста. Каждый мог и должен был говорить на этих сходбищах, указывать на лихих людей и предлагать меры к их обузданию. Дьяк записывал такие речи, и они принимались в руководство при поисках и следствиях. Все члены общества обязаны были принимать деятельное участие в благоустройстве и содействовать своим выборным лицам в отправлении их должности. Очень важное значение получил тогда обыск. От него зависел способ суда над подсудимым. Если по обыску показывали, что подсудимый человек дурного поведения, то его подвергали пытке; также показание преступника о соучастии с ним в преступлении какого-нибудь лица поверялось обыском, и обвиняемый предавался пытке в таком случае, если по обыску оказывался худым человеком, а в противном случае речам преступника не давали веры. В сомнительных положениях судебного дела, когда не было ни сознания, ни улик, дело, по жалобе истца, решалось в его пользу тогда, когда обыск давал неудовлетворительный отзыв о поведении ответчика.

Судебник допускал поле, или судный поединок, но обыск в значительной степени вытеснял его из судопроизводства, так как во многих случаях, когда прежде прибегали к полю, теперь решали дело посредством обыска. Несмотря, однако, на уважение к форме обыска, законодатели сознавали, конечно по опыту и по близкому знакомству с нравами своего народа, что обыск будет производиться со злоупотреблени-

ями, а потому, для предотвращения этих злоупотреблений, установлено было жестокое наказание наравне с разбойниками (следовательно, смертная казнь⁵⁷ тем, которые окажутся солгавшими по обыску, кроме того, самим старостам и целовальникам обещано наказание, если они окажутся нерадивыми в преследовании и открытии такого рода преступления; в той же степени отвечали бояре и дети боярские за своих людей (холопов и слугителей) и крестьян, живших на их землях, если последние окажутся виновными в даче ложного показания по обыску. Впоследствии, когда уже минуло господство Сильвестра и Адашева, значение обыска совершенно упало, хотя форма его не уничтожалась, отзывы, собранные по обыску, не служили уже главной нитью для избрания способов суда и почти не имели значения, так как одобренных по обыску можно было предавать пытке и казнить на основании показаний, вынужденных пыткой. В описываемую нами эпоху пытка допускалась единственно только в том случае, когда приговор по обыску признавал подсудимого худым человеком, если не причислять к пытке (так как не причислялся он к пытке в свое время) правежа – варварского обычая, возникшего в татарские времена, по которому неоплатного должника в определенное время всенародно били палками по ногам, чтоб истребовать лежащий на нем

⁵⁷ По Судебнику наказания за уголовные преступления были: денежная пеня, заключение в тюрьму, торговая (кнут) казнь и смертная, постигавшая разбойников, государевых изменников, зажигателей, церковных татей и пр.

долг: по Судебнику самый высший срок держания на правеже мог продолжаться месяц за сто рублей долга, а по истечении этого срока должник выдавался заимодавцу головою и должен был отслуживать свой долг работою. Вскоре, вместо месяца, за сто рублей долга назначено было два месяца правежа. Одним из отличительных признаков выборного судопроизводства было то, что здесь не существовало никаких судебных пошлин; правосудие уделялось прибегавшим к нему безденежно.

Из всего этого можно видеть, что характер законодательной деятельности этой эпохи отличается духом общинности, намерением утвердить широкую общительность и самодетельность русского народа и дать ему возможно большие льготы, способствующие его благоденствию. При ближайшей оценке этих учреждений нельзя не заметить влияния старых земских преданий, подавленных предшествовавшими обстоятельствами, но еще не совершенно исчезнувших из народной жизни. Тогдашнее земское самоуправление было не чем-нибудь новым, а старым, существовавшим прежде повсюду и долее сохранявшимся в землях новгородской и псковской. В Судебнике Ивана III уже видно участие земских лиц на суде наместников и волостелей: но это участие не имело силы, так как мы встречаем постоянные жалобы на то, что наместники и волостели судили произвольно. Василий Иванович возвратил Новгороду тень его прежних учреждений, установив в нем судебных целовальников, хо-

тя назначаемых, а не выбираемых; а во Пскове сделал подобное князь Иван Бельский во время своего непродолжительного правления государством (при малолетстве Ивана) и в большем размере, чем то было сделано Василием для Новгорода. Наконец, как мы видели, первая грамота такого рода дана была земле, некогда принадлежавшей Новгороду, и притом по просьбе жителей: само собою разумеется, что этим жителям уже было известно то, о чем они просили, а из этого можно заключить, что сущность того устройства, которое вводилось грамотами, еще ранее существовала в землях, подвластных Новгороду. Недаром Сильвестр, дававший всему почин в то время, был новгородец.

По Судебнику, кроме духовных, все прочие составляли два отдела: служилых и неслужилых. Первые делились на два разряда: высших и низших. К высшим принадлежали князья, бояре, окольные, дьяки и дети боярские. Ко вторым – простые ратные люди, ямщики и все казенные служители разных наименований (пушкари, воротники, кузнецы и т.п.). К неслужилым или земским причислялись: купцы, посадские и волостные крестьяне, жившие как на казенных землях (черносошные), так и на дворцовых и на частных землях. Служилые первого разряда пользовались явными преимуществами. Они занимали видные места и должности, владели поземельною собственностью, имели преимущество в судебных процессах: так, если кто в суде ссылался на их свидетельство, то оно считалось сильнее свидетель-

ства простых людей. Бояре, окольниковы и дьяки освобождались от позорной торговой казни. Оттенки сословий изображались установленными размерами «бесчестия» за оскорбление. Боярин получал 600 руб., дьяк 200; дети боярские – сообразно получаемому на службе доходу. Из торговых людей гость (первостатейный купец) считался вдесятеро выше обыкновенного торговца и получал 50 р., тогда как всякий посадский получал только 5 р. Волостной человек, крестьянин, был поставлен в пять раз ниже посадского, получая «бесчестия» всего один рубль; но находясь на должности, получал наравне с посадским. Женщине платилось «бесчестие» вдвое против мужчины ее звания.

Во всяком судебном иске бралось в соображение имущество истца и ответчика и количество платимых ими податей. В тяжбах между посадскими и крестьянами вовсе не допускались иски на такую сумму, которой не имел тот, кто подавал жалобу или искал на том, кто не мог ее иметь. Это совпадало со способом наложения податей и повинностей. Облагались не лица, а имущества и доходы, причем руководством служили писцовые книги, в которых в точности приводились в известность промыслы, средства и доходы жителей. Старое значение боярина, как землевладельца, еще удерживалось в это время, хотя слово боярин имело смысл сановника. Как владетель вотчины, назывался боярином тот, кто не носил боярского сана в царской службе. Вотчины были боярские (вообще частных служилых владельцев) и монастырские; к

ним следует причислить еще и владения новгородских земцев (крестьяне-собственники). Поземельные владения, как боярские вотчины, так и все поместья, делали службу обязательною для их владельцев. Кроме последних, все земледельцы не владели землями в качестве частной собственности: у черносошных земли были в общинном владении. Крестьянам вообще предоставлялось прежнее право перехода с земли на землю в Юрьев день.

Относительно холопства в это время сделано было несколько распоряжений, видимо, клонившихся к уменьшению числа холопов. Таким образом, отменилось древнее правило, что поступивший в должность к хозяину без ряда делался его холопом. Детям боярским запрещалось продаваться в холопство не только во время службы, но и ранее. (Впоследствии это распоряжение было отменено для тех из них, которые еще не поступили в действительную службу.) Судебник запрещал отдаваться в холопство за рост, следовательно, предотвращал случаи, когда человек в нужде делался рабом. Впрочем, неоплатный должник после правежа отдавался головою заимодавцу, но, чтобы меньше было таких случаев, постановлено было давать на себя кабалы не более, как на пятнадцать рублей. Кроме того, при всякой отдаче головою, излюбленные судьи должны были делать особый доклад государю. Наконец, беглый кабальный холоп не был возвращаем прямо хозяину, а ему предлагали прежде заплатить долг, и только в случае решительной несостоятельности

выдавали его головою.

Замечательно, что в совете людей, правивших тогда на деле государством, очевидно были разногласия, проистекавшие от различных взглядов. Это в особенности ощутительно по вопросу о местничестве. Таким образом, в 1550 году являются распоряжения, показывающие намерение вовсе уничтожить местничество: так, напр., было постановлено, чтобы в полках князьям, воеводам и детям боярским ходить без мест, «и в том отечеству их унижения нет». Один только первый воевода большого полка считался выше прочих: все же остальные были между собою равны. Но в следующем году другим распоряжением устанавливалась разница в достоинстве воевод между собою, и в одном современном списке летописи по этому поводу сказано: «а воевод государь подбирает, рассуждая отечество» (т.е. подбирает воевод, принимая во внимание службу их отцов). Видно, что люди с более широким взглядом не могли сразу сладить с предрассудками: впоследствии, когда господство Сильвестра и Адашева кончилось, местничество водворилось опять во всей силе.

Выборное земское начало, так широко развившееся в этот короткий промежуток времени, естественно, не могло достигнуть полной независимости, и только с течением времени могли разрешиться чрезвычайно сложные вопросы по управлению, вызывавшие вмешательство царских чиновников. Еще большая масса служилых подлежала суду наместников и волостелей. Когда происходили ссоры между воло-

стями и частными владельцами, и волости обращались с жалобой к царю, то царь, естественно, возлагал разбирательство дела на таких лиц, от которых выборное право освобождало посадских и крестьян. То же было и тогда, когда волостные крестьяне тягались между собою; тогда малые деревни, не будучи в состоянии противостать большинству, обращались сами под защиту суда наместников. Наконец, люди, управлявшиеся выборными властями, находились во власти царских чиновников по государственным повинностям, какими, например, были: городовое дело, посошная служба и т.п. При этом следует заметить, что везде принимались во внимание местные условия, права и обязанности, чрезвычайно разнообразившие отношения жителей как к государству, так и взаимно между собою.

Вслед за земскими учреждениями приступлено было к церковному устройству. В 1551 году собрался собор для пересмотра порядков церкви, ее управления и религиозных обычаев. При открытии собора Иван говорил длинную речь, каляся в своем прежнем поведении и приглашал содействовать ему в управлении государством как духовенство, так и светских людей. Иван был настроен тогда в духе крайнего смирения и говорил совершенно противоположное тому, что он высказывал впоследствии в защиту своего самодержавия. Выше всего он почитал тогда церковь и отдавал ей на рассмотрение даже все земское устройство, составленное по Судебнику и Уставным грамотам. Акты этого знамени-

того собора дошли до нас в форме вопросов, предлагаемых от имени царя на соборе, и ответов на эти вопросы, заключающих в себе соборные приговоры. Так как этих вопросов и ответов было сто, то и собор получил в истории название Стоглава.

По отношению к церковному управлению предложено было исправить порядок, схожий с управлением наместников и волостелей в земском деле. Владыка в своей епархии в соборе напоминал собою удельного князя. У него был совет из собственных бояр, которые управляли и судили в епархии с докладом владыке. Судьями от владыки были его наместники и десятильники; при них были, так как и в земстве, недельщики и доводчики. Белое духовенство и монастыри были обложены множеством разнообразных пошлин⁵⁸, от которых некоторые освобождались по благоволению владыки. Владыки раздавали свои земли в поместья детям боярским – эти земли переходили от владельца к владельцу не по наследству, а по воле архиерея. Дети боярские были обязаны службою владыке, хотя в то же время призывались и на государственную службу. Суд у святителей, соответственно подлежащим этому суду предметам, был двух родов, духовный

⁵⁸ Например, дани зимняя и летняя, заездничье, въездное, благословенная куница (подать со священника при вступлении в должность), переходная куница (при переходе из одного прихода в другой), явленная куница (при явке ставленной грамоты), соборная куница, людское, полудная пшеница, казенные алтыны, вечная пошлина (с невесты), новобрачный убрус (с жениха), десятильничьи пошлины и пр.

– в делах, относившихся к области веры и благочестия, как над духовенством, так и над мирскими людьми, и мирской – над лицами, исключительно состоявшими в церковном ведомстве. Вообще, как суд, так и управление в церковном ведомстве страдали в те времена большими злоупотреблениями. Владычные бояры, дьяки и десятильники всеми неправдами притесняли сельских священников. Собор не решился отменить суда бояр и десятильников, потому что и при великих чудотворцах: Петре, Алексие и Ионе, были десятильники, но учредил из священников, старост и десятских, которые, между прочими обязанностями, должны были присутствовать на суде десятильников; да кроме того, на этот суд допускались еще и земские старосты и целовальники вместе с земским дьяком. Всякое дело писалось в двух экземплярах, и одна сторона поверяла другую. Избираемые из священников поповские старосты и десятские должны были, каждый в своем пределе, наблюдать за церковным благочинием и за исполнением обязанностей духовенства. Они же собирали и доставляли к владыке все установленные сборы и пошлины. Собор обратил внимание и на книги. Издавна переводились книги с греческого языка, отчасти с латинского, переписывались старые сочинения и переводы и продавались. Как переводы, так и переписки исполнялись плохо.⁵⁹ Тогда все письменное без разбора относили к церкви; и оттого-то книги

⁵⁹ До сих пор в наших библиотеках можно видеть старые переводы с греческого, в которых нельзя добраться смысла.

отреченные и апокрифы считались, по невежеству, наравне с каноническими книгами Священного Писания, и нередко приписывалось отцам церкви то, чего те никогда не писали. Это неизбежно вело к заблуждениям. Собор устанавливал род духовной цензуры, поверяя ее поповским старостам и десятским. Книгописцы состояли под их надзором. Старосты и десятские имели право просматривать и одобривать переписанные книги и отбирать из продажи неисправленные. Так как в те времена во всеобщем понятии учение грамоте связывалось с благочестием, то это учение вообще поставлено было в зависимость от духовных властей. Во времена Стоглава оставалась память, что некогда на Руси существовали училища, но потом исчезли: немногие теперь знали вполне грамоту, учились как-нибудь, и святители поневоле посвящали в священники людей малограмотных. Собор постановил завести училища и поверил их устройство избранным духовным, которые должны были открывать училища в своих домах; православные христиане приглашались отдавать детей своих в обучение грамоте, письму и церковному пению. Занимаясь вопросом о писании книг, Стоглавный собор коснулся вопроса об иконописании, заметил большие злоупотребления и определил установить особый класс иконописцев под надзором святителей так, чтобы, кроме них, никто не смел заниматься иконописанием.

Монастыри с существовавшими в них злоупотреблениями составили одну из главных забот Стоглавного собора. На-

деленные селами и пользуясь большими доходами, монастыри были земным раем для своих начальствующих лиц, которые всегда могли принудить к молчанию своих подчиненных лиц, если бы со стороны последних раздавались обличения. Архимандриты и игумены окружали себя своими родными и клеветами и превращали монастырское достояние в выгодные для себя аренды. Их родня под именем племянников поселялась в монастырях; настоятель раздавал им монастырские села, посылая их туда в качестве приказчиков. Управление монастырскими имениями, вместо того чтобы производиться собором старцев, зависело от произвола одного настоятеля. В его безусловной власти находились и братия, и священнослужители монастырских сел и часто терпели нужду, хотя и находились в ведомстве очень богатого монастыря, так как никто из них не пользовался доходами и не смел требовать участия в пользовании. Зато настоятели жили в полном удовольствии. В редких монастырях удерживалось общежитие в строгой его форме: если где и была скудная трапеза, то разве для бедняков, питавшихся от крупниц, падавших со стола властей. Нередко вкладчики, в порыве благочестия, отдавали в монастырь все свое достояние с тем, чтобы там доживать свою старость; лишившись добровольно имущества, они терпели и голод, и холод, и всяческие оскорбления от властвующих, которые не дорожили ими, зная, что с них, после отдачи всего в монастырь, уже более нечего взять. Зато те, которые хотя и отдали в монастырь часть своего до-

стояния, но оставили значительный запас у себя, пользовались вниманием и услужливостью. В монастырях курили вино, варили пиво и меды, отправлялись пиры; в монастыри приезжали знатные и богатые господа, и настоятели раболепствовали пред ними, стараясь что-нибудь выманить от них. Вольное обращение с женским полом доходило до большого соблазна: были монастыри, в которых чернецы и черницы жили вместе. Нередко можно было встретить в монастырях мальчиков, «ребят голо-усых», как выражались в то время.

От деспотизма и алчности настоятелей, вообще снисходительных к себе и строгих к другим, нередко братия уходила из монастыря; бедняки иногда скитались с места на место, не находя приюта; в других монастырях их принимали неохотно; иные находили себе убежище у мирских церквей, построенных христороубцами не для прихода, а для себя. Таких церквей было множество, но большая часть их стояла пустою. То была своеобразная черта русского благочестия: построить церковь ради спасения своей души вследствие какого-нибудь сна или видения, назначить «ругу» на содержание ее, то есть на свечи, просфоры и вино, договорить какого-нибудь бродячего монаха, а то и светского иерея, которых тогда также скиталось немало на Руси, а впоследствии порывы благочестия минуют, – в церкви нет служения, и договоренный священник не может служить и жить при церкви, потому что ему перестали давать содержание! Часто бродячие чернецы и в особенности черницы промышляли проро-

чествами и видениями; нагие, босые, с отрощенными и нечесаными волосами ходили они по селам и погостам, привлекали своим появлением толпу, всенародно тряслись, бились, кричали, что им являлись Святая Пятница или Святая Анастасия и будто бы заповедали им объявить всем христианам, чтобы в среду и пятницу ничего не делали, чтоб женщины не пряли, белья не мыли и камня не разжигали и т.п. Случалось, что бродяга-чернец строил маленькую деревянную церковь, ходил просить милостыню, выпрашивал себе ругу, постоянное содержание, а потом пропивал все собранное им.

У нас часто думают, что в древности господствовало благочестие, по крайней мере, наружное; но Стоглав представляет нам в этом отношении совсем иной образ. При невежестве духовенства, богослужение происходило самым нестройным образом, особенно заутреня и вечерня; в одно и то же время один читал канон, другой кафизмы; духовные машинально исполняли заученное, не имея никакого внутреннего благочестия, и потому позволяли себе во время богослужения непристойные выходки, приходили в церковь пьяные, ругались и даже дрались между собою. Глядя на них, миряне не оказывали никакого уважения к церкви: входили в храм в шапках, громко разговаривали между собою, смеялись, перебранивались, даже нередко среди божественного пения можно было услышать срамные слова. В поминальные дни церковь представляла совершенный рынок – приносились туда яйца, калачи, пироги, печеная рыба, куры, блины,

караваи; попы уносили все это в алтарь и ставили даже на жертвенник. В монастырях в этом отношении было не лучше; ожиревшие от изобилия настоятели часто вовсе не священнодействовали, братия пьянствовала, и по целым неделям не бывало в монастыре богослужения. Собор осудил все эти злоупотребления, между прочим, совсем запретил держать в монастырях пьянственное питье, кроме «фрязских вин»; запрещалось совместное жительство чернецов и черниц; для сохранения монастырской казны собор определил давать по книгам отчеты царским дворецким. Издано постановление против заводителей новых пустынь, которые тогда сильно размножились: велено было такие мелкие пустыни соединять между собою, подчинять монастырям или даже уничтожать их вовсе. Собор поставил предел увеличению церковных вотчин; хотя право владения за владыками и монастырями было оставлено, но вперед церковные власти без особого царского разрешения не могли уже покупать земель. Постановлено было также, чтобы люди служилые не давали по душе своих вотчин без воли государя, и все вотчины, отданные боярами в монастыри со смерти великого князя Василия, велено отобрать. Кроме того, оказывалось, что владыки и монастыри незаконно присвоили у детей боярских земли под предлогом долгов, и такие земли велено обратить в собственность тех лиц, за кем они были прежде.

Из Стоглава видно, что в то время в церковном порядке и в приемах благочестия существовали многие особенности,

отличные от того, что мы видим в настоящее время. При крещении в некоторых местах соблюдалось, вместо погружения, обливание, которое и воспрещено было правилами Стоглавного собора. Обычай брать восприемниками мужчину и женщину, кума и куму, – в настоящее время всеобщий – тогда только начал входить и был запрещен Стоглавным собором, постановившим, чтобы восприемником было одно лицо: мужского или женского пола. Венчание положено было совершать непременно после обедни и венцы полагать только на первобрачных. Жениху должно было быть не менее пятнадцати, а невесте не менее двенадцати лет от роду. Языческий обычай наговаривания применился к христианским обрядам: просфирни наговаривали на просфоры, и таким просфорам приписывалась особая врачевная сила; подобно тому в великий четверг приносили в церковь соль, которую священники клали под престол и держали до седьмого четверга по Пасхе – день народного праздника семика: этой соли приписывали целебную силу против болезни скота. Такие суеверия воспрещены были Стоглавным собором, как равно различные гадания и гадательные книги: рафли, Аристотелевы врата, наблюдения по звездам и «планидам», «шестокрыл, воронограй, альманах» и иные «составные и мудрости еретические и коби бесовские».

В вопросах, предложенных на этом соборе, встречается много любопытных черт, указывающих на языческие обычаи, еще довольно сильные в то время, как, например: на

поминках сходились мужчины и женщины на кладбищах; туда приходили скоморохи и гудцы (музыканты); справлялось веселье, шла попойка, пляска, песни. Таким веселым днем была в особенности суббота перед пятидесятницею; в великий четверток отправлялся языческий обычай «кликать мертвых», теперь уже совершенно исчезнувший; он сопровождался сожжением соломы. В этот же день клали трут в расселину дерева, зажигали его с двух концов, полагали в воротах домов или раскладывали там и сям перед рынком и перескакивали через огонь с женами и детьми. Ночь накануне Рождества Иоанна Предтечи повсеместно проводилась народом в плясках и песнях: то было древнее празднество Купалы. Подобные языческие празднества указываются, кроме того, накануне Рождества Христова и Богоявления и в понедельник Петрова поста: в последний из этих дней был обычай ходить в рощу и там отправлять «бесовские потехи». Запрещая эти языческие увеселения, собор вообще осуждал всякие забавы – шахматы, зернь (карты), гусли, сопели, всякое гуденье, позорища (сценические представления), переряживание и публичное плясанье женщин.

Стоглавный собор узаконил выкуп русских людей, попадавших в плен татарам. Прежде таких пленников выкупали греки, армяне, а иногда и турки, и приводили в Московское государство, предлагая выкупить, но если не находилось охотников, то уводили их назад. Теперь же постановлено было выкупать их из казны, и издержки на выкуп разло-

жить по сохам на весь народ. Никто не должен увольняться от такой повинности, потому что это общая христианская милостыня. Мы не знаем, в какой мере введены были и удержались все преобразования Стоглава, тем более, что до нас не дошли его ранние списки, а те, которыми мы принуждены довольствоваться, писаны уже в XVII веке, и в них есть разноречия.⁶⁰

После внутренних преобразований правители занялись покорением Казанского царства. Прежде подручное московскому государю, это царство находилось теперь в руках злейшего врага русских – Сафа-Гирея. Тогда Казань, по выражению современников, «допекала Руси хуже Батыева разорения; Батый только один раз протек русскую землю словно горящая головня, а казанцы беспрестанно нападали на русские земли, жгли, убивали и таскали людей в плен». Их набеги сопровождалась варварскими жестокостями; они выкалывали пленникам глаза, обрезывали им уши и носы, обрубливали руки и ноги, вешали за ребра на железных гвоздях. Русских пленников у казанцев было такое множество, что их продавали огромными толпами, словно скот, разным восточным купцам, нарочно приезжавшим для этой цели в Казань. Но Сафа-Гирей не крепко сидел в Казани, которая была постоянно раздираема внутренними партиями. В 1546

⁶⁰ Сюда, например, включено постановление о сугубой аллилуйе, которое, очевидно, внесено раскольниками, так как в сочинениях Макария, председательствовавшего на этом соборе, признавалась правильной трегубая аллилуйя и т.п.

году враждебная ему партия выгнала его и опять пригласила в цари Шиг-Алея, освобожденного Еленою из заточения. Не мог ужиться с казанцами этот новый царь и скоро бежал от них. Сафа-Гирей опять сел на престол, но не надолго. Напившись пьян, он зацепился за умывальник и расшиб себе голову. Казанцы провозгласили царем его малолетнего сына Утемиш-Гирея, под опекой матери Сююн-Беки.⁶¹ В это время русские последовали примеру Василия, построившего Васильсурск, и построили в 1550 году, в тридцати семи верстах от Казани, крепость Свияжск. Последствием такой постройки было полное покорение горной черемисы, или чувашей. Этот народ, хотя и единоплеменный луговой черемисе или настоящим черемисам, был, однако, совершенно отличен от последних по нравам. Тогда как черемисы, жившие на левой стороне Волги, отличались дикостью и воинственностью, чуваша был народ смирный и земледельческий. Чуваша легко покорились русской власти, особенно когда им дали льготу на три года от платежа ясака, а царь в Москве подарил их князьям шубы, крытые шелковой материей. Близость русского поселения и подчинение правого берега Волги, находившегося прежде под властью Казани, произвели такое волнение в столице Казанского царства, что казанцы в августе 1551 года выдали Сююн-Беку с сыном, отпустили часть содержавшихся у них русских пленников и снова призвали Шиг-Алея, в надежде, что русские возвратят им владение

⁶¹ До сих пор в Казани уцелела башня, называемая ее именем.

над горным берегом Волги. Русские посадили Шиг-Алея на казанском престоле, но не думали отдавать горной страны. Шиг-Алей через то не ладил с казанцами; они беспрестанно требовали от него, чтобы он старался восстановить прежние пределы царства, не хотели отпускать остававшихся у них русских пленников и, наконец, составили заговор убить своего царя за его преданность Москве, но этот царь предупредил врагов, зазвал значительнейших из них к себе и приказал их перебить находившимся при нем русским стрельцам. Тогда многие казанцы поспешили в Москву жаловаться на Шиг-Алея, и вследствие этих жалоб в Казань приехал Адашев.

«Мне в Казани нельзя оставаться, – сказал Шиг-Алей Адашеву, – я согрубил казанцам: я обещал им выпросить у царя нагорную сторону; пусть государь пожалует нам нагорную сторону, тогда мне можно будет оставаться здесь; а пока я жив – царю Казань будет крепка».

«Тебе уже сказано, – отвечал Адашев, – что горной стороны государю тебе не отдавать, Бог нам ее дал. Сам знаешь, сколько бесчестия и убытка наделали государям нашим казанцы; и теперь они держат русский полон у себя, а ведь когда тебя на царство посадили, то с тем, чтобы весь полон отдать».

«Если горной страны не отдадут, – сказал Шиг-Алей, – то мне придется бежать из Казани».

«Коли тебе из Казани бежать, – возразил Адашев, – то

лучше укрепи Казань русскими людьми».

«Я своему государю не изменю, – сказал Шиг-Алей, – но я мусульманин: на свою веру не встану. Если мне не в меру будет жизнь в Казани, я лихих людей еще изведу и сам поеду к государю».

Адашев с тем и уехал. Но вслед за тем прибыли в Москву враждебные Шиг-Алею казанские князья и просили, чтобы царь удалил Шиг-Алея, а на место его прислал своего наместника. В Москве это предложение, естественно, понравилось.

Адашев снова поехал в Казань, свел Шиг-Алея с престола, захватил восемьдесят четыре человека противной Шиг-Алею партии и уехал в Свияжск, объявивши казанцам, что к ним будет прислан царский наместник. Казанцы показали вид согласия, но когда, вслед за тем, из Свияжска их известили, что к ним едет назначенный воеводою в Казань князь Семен Микулинский, они заперли город, не пустили русских и кричали им со стен: «Ступайте, дураки, в свою Русь, напрасно не трудитесь; мы вам не сдадимся, мы еще и Свияжск у вас отнимем, что вы поставили на чужой земле».

Пробудилось чувство национальности и веры. В крайнюю минуту все партии примирились. Вся земля казанская вооружалась, даже чувашаи изменили Москве, испытавши над собою управление воевод московских. Казанцы пригласили к себе в цари нагайского царевича Едигера, который прибыл в Казань с десятью тысячами нагайцев.

Опыт показывал, что Москве невозможно управлять Казанью посредством подручных князей, а предоставить ее на волю – значило подвергать восточную Русь нескончаемым разорениям. В Москве решили идти с сильным ополчением, покончить навсегда с неприязненным царством и обратить его земли в русские области. Собрано было войско, огромное по тому времени, более 100000. Сам царь должен был идти в поход, хотя ему этого очень не хотелось, как он сам впоследствии сознавался в письме своем к Курбскому: «Вы меня, как пленника, посадивши в судно, повезли сквозь безбожную и неверную землю. Если бы не всемогущая десница Божия защитила мое смирение, то я бы непременно лишился жизни».

Крымский хан Девлет-Гирей хотел было помогать Казани и напасть на Москву с юга, но был отбит от Тулы. Русские осадили Казань 20 августа 1552 года и вели осаду до 1 октября. Способ осады состоял в том, что русские кругом города поставили деревянные туры на колеса и все ближе и ближе подвигались к стенам города; между тем их беспокоили с тыла отряды черемисов и чувашей, а казанцы со стен пугали своими чарами, будто бы наводившими дождь, докучавший осаждавшим. «Бывало, – говорит Курбский, – солнце восходит, день ясный; мы и видим: взойдут на стены старики и старухи, машут одеждами, произносят какие-то сатанические слова и неблагочинно вертятся; вдруг поднимется ветер и прольется такой дождь, что самые сухие места обратятся в

болото». Против бесов оставалось употребить духовное оружие. Послали в Москву за крестом, в котором была вделана частичка Животворящего Древа. Дух войска ободрился, когда чрез двенадцать дней привезли это сокровище. Дело решил немецкий розмысл (инженер), который сделал подкоп и заложил под стены порох, 1-го октября разрушена была взрывом стена; русские ворвались в город и взяли его. Сам царь не участвовал в битвах, а только торжественно въехал в покоренную Казань, наполненную трупами. Пленный казанский царь Едигер поклонился победителю, просил прощения и изъявил намерение креститься. Русские обращались милостиво с побежденными, но казнили тех, которые оказались виновными в вероломстве. В Казани найдено было несколько тысяч христианских пленников, удержанных казанцами вопреки договору, по которому давно уже они были обязаны их отпустить. Иностранцы: черемисы и чувашаи, покорились и обещали платить наложенный на них ясак. Замечательно, что бояре старались удержать на всю зиму Ивана в Казани, и находили это необходимым для того, чтобы приучить к повиновению разнородные племена, населявшие обширное Казанское царство: мордву, чувашей, черемисов, вотяков и башкирцев. Но Иван на этот раз впервые не послушал своих опекунов. Царица Анастасия была на последних днях беременности; Ивану хотелось домой; шурия поддерживали его желание; и тут-то между ними и боярами произошло столкновение. «Шурия государя, – говорит Курбский, –

направили к нему еще и других ласкателей, вместе с попами». Иван не только уехал вопреки желанию бояр, но еще распорядился против их воли: он отправил конницу в осеннее время по такой дороге, на которой пропали чуть не все лошади.

В Москве царя ожидали торжественные встречи, поздравления. Царица Анастасия благополучно разрешилась от бремени сыном Димитрием. Царь Едигер принял крещение и наречен Симеоном. Тогда же крестилось много казанских князей, увеличивших собою число татарских родов в русском дворянстве. В память завоевания Казани был заложен в Москве храм Покрова Богородицы на Красной площади, храм очень своеобразной и затейливой архитектуры (теперь известный под именем Василия Блаженного, от мощей этого юродивого, почивающих в этом храме). Строитель его, без сомнения, человек с большим талантом, остался неизвестен. В народе сохранилось предание, что царь в награду за построение храма приказал выколоть ему глаза для того, чтобы он уже не мог построить чего-нибудь подобного в ином месте. Покорение Казанского царства подчинило русской державе значительное пространство на востоке до Вятки и Перми, а на юг до Камы, и открыло путь дальнейшему движению русского племени. Но много еще нужно было труда, чтобы усмирить беспокойные племена этой страны. Русь должна была несколько раз бороться с восстаниями татар и черемисов; но уже в следующем 1553 году учреждение казанской

епархии послужило важным залогом господства русской стихии в новопокоренном крае. Первым архиепископом назначен был всеми уважаемый игумен селижарский⁶² Гурий. Начали строиться церкви, монастыри, стали переселяться русские люди, и Казань мало-помалу приняла характер русского города.

В душе царя уже шевелилось чувство недовольства своим зависимым положением. Иногда, в минуты своенравия, он проявлял его: так, однажды, скоро после завоевания Казани, по поводу этого события, он сказал своим опекунам: «Бог меня избавил от вас!» Наступили обстоятельства, которые еще более развивали и поддерживали это долго сдерживаемое чувство.

В 1553 году Иван заболел горячкою и, пришедши в себя после бреда, приказал написать завещание, в котором объявлял младенца Димитрия своим наследником. Но когда в царской столовой палате собрали бояр для присяги, многие отказывались присягать. Отец Алексея Адашева смело сказал больному государю: «Мы рады повиноваться тебе и твоему сыну, только не хотим служить Захарьиным, которые будут управлять государством именем младенца, а мы уже испытали, что значит боярское правление». Спор между боярами шел горячий. В числе не хотевших присягать был двоюродный брат государя Владимир Андреевич. И это впоследствии подало царю повод толковать, что отказ бояр в прися-

⁶² Селижарский монастырь в Тверской губернии в Осташковском уезде.

ге происходил от тайного намерения по смерти его возвести на престол Владимира Андреевича. Спор о присяге длился целый день и ничем не решился. На другой день Иван, призвавши к себе бояр, обратился к Мстиславскому и Воротынскому, которые прежде всех присягнули и уговаривали присягнуть других; «Не дайте боярам извести моего сына, бегите с ним в чужую землю», а Захарьиным царь сказал: «А вы, Захарьины, чего испугались? Думаете, что бояре вас пощадят? Нет, вы будете первые у них мертвецы!» После этих слов царя все бояре один за другим присягнули. Владимир Андреевич – тоже. Трудно решить: действительно ли было у некоторых намерение возвести Владимира на престол в случае смерти царя, или упорство бояр происходило от нелюбви к Захарьиным, от боязни подпасть под их власть, и бояре искали только средства, в случае смерти Ивана, устроить дело так, чтобы не дать господства его шурьям. Владимиру Андреевичу поставили в вину то, что в то время, когда государь лежал больной, он раздавал жалованье своим детям боярским. Не любившие его бояре стали тогда же подозревать его и вздумали не пускать к больному государю. За Владимира заступился всемогущий тогда Сильвестр, и этим поступком подготовил враждебное к себе отношение царя Ивана на будущее время.

Иван не умер, как ожидали; он выздоровел и показывал вид, что ничего не помнит, ни на кого не сердится, но в сердце у него заронилась ожесточенная злоба. Люди такого скла-

да, как Иван Васильевич, столько же боязливы в начале всякого предприятия, пока не уверены в удаче, сколько неужемимо наглы впоследствии, когда перестают бояться. Зато — чем долее боязнь заставляет их сдерживать свою страсть, тем сильнее эта страсть прорывается тогда, когда они освободятся от страха. Иван уже ненавидел Сильвестра и Адашева, не любил бояр, не доверял им, но у него не изглаживались еще воспоминания ужасных дней московского пожара, когда расшвирепавший народ не поцеремонился с государевою роднею и не далек был, по-видимому, от того, чтоб идти на самого государя. Иван не был еще уверен, что с ним не сделают чего-нибудь подобного, если он пойдет против своих опекунов и раздражит их. Притом Сильвестр внушал ему суеверную боязнь и умел постоянно оковывать его волю «детскими страшилами», как сам царь сознавался после. Бояре, хотя уже не отличались прежним согласиём, не заявляли себя ничем таким, за что можно было бы их укорить в измене царю; напротив, когда один из них, князь Семен Ростовский, слишком резко говоривший против присяги во время болезни царя, испугался, бежал и был пойман, бояре единогласно осудили его на смертную казнь, и сам царь (вероятно, по ходатайству Сильвестра) ограничил ему наказание ссылкой в Белозерск. Иван еще несколько лет повиновался Сильвестру и его кружку, хотя все более и более ненавидел их, пока, наконец, уверившись в своей безопасности, мог дать своей злобе полную волю. Между тем произошли случаи, развив-

шие в Иване сознание своего унижения и усилившие в нем желание освободиться от опеки.

По выздоровлении своем, царь Иван Васильевич поехал с женою и ребенком по монастырям с целью, посещая их один за другим, доехать до отдаленного Кирилло-Белозерского монастыря. У Троицы жил тогда знаменитый Максим Грек, освобожденный при Иване из заточения. Иван посетил его. Максим откровенно сказал царю, что не одобряет его путешествия по монастырям. «Бог везде, – говорил он, – угождай лучше ему на престоле. После казанского завоевания осталось много вдов и сирот; надобно их утешать». Эти слова говорил Максим, вероятно, в согласии с Адашевым, Сильвестром и их сторонниками, которые все любили и уважали старца. Они боялись, чтобы царь, скитаясь по монастырям, не наткнулся на ненавистных для них осифлян, которые умели льстить и угождать властолюбию и щекотать дурные склонности сильных мира сего. Адашев и Курбский говорили Ивану, будто Максим им предрекал, что государь потеряет сына, если не послушает его и будет ездить по монастырям. Опасение их было не напрасно. Иван не послушался Максима Грека, продолжал свое набожное странствие и в Песношском монастыре (в нынешнем Дмитровском уезде) увидался с одним из самых первостатейных осифлян – бывшим коломенским владыкою Вассианом.

Этот Вассиан был когда-то в большой милости у Василия Ивановича; но во время боярского правления его удалили.

«Если хочешь быть настоящим самодержцем, – сказал царю Вассиан, – не держи около себя никого мудрее тебя самого; ты всех лучше. Если так будешь поступать, то будешь тверд на своем царстве, и все у тебя в руках будет, а если станешь держать около себя мудрейших, то поневоле будешь их слушаться». Замечание попало в самое сердце. Царь поцеловал его руку и сказал: «Если бы отец родной был жив, так и тот не сказал бы мне ничего лучшего!» Предсказание Максима сбылось. Сын Ивана умер; это, без сомнения, должно было поразить Ивана и снова подчинить его своим опекунам, хотя он не переставал ими тяготиться. Пользуясь этим, они еще успели именем государя совершить несколько важных дел.

Необходимость сблизиться с Европою и усвоить ее культуру чувствовалась русскими. Еще в 1547 году, когда уже наступило влияние Сильвестра и Адашева, следовательно с их участием, от имени царя, поручено было одному саксонцу Шлитту, знавшему по-русски, вызвать из немецкой земли всякого рода умелых людей: ремесленников, художников, медиков, плавильщиков, юристов, аптекарей, типографов и даже богословов. Поручение это не удалось по зависти Ганзейского Союза и Ливонского ордена, которые полагали, что введение европейского образования, возвысив силы московской земли, сделает ее опасною для Европы. Любекские сенаторы не пустили Шлитта в Москву, засадили его в тюрьму и разогнали толпу немцев, которых он вез с собою (123 чел.). Обстоятельства неожиданно открыли путь к сближению

с Европою совсем иным путем. В Англии образовалось общество под названием «The Mistery». Его основателем был знаменитый Себастьян Кабат, открывший материк Северной Америки. Ближайшею целью этой компании было открытие пути в Китай и Индию через северные страны старого полушария. Общество это снарядило три корабля: два из них были заперты льдом, экипаж их погиб вместе с адмиралом Гуго Виллоуби; третий корабль «Эдуард Бонавентура», под начальством Ричарда Ченслера, пристал, 24 августа 1553 года, к русским берегам у посада Неноксы в устье Двины. Ченслер с людьми отправился в Москву и представил грамоту Эдуарда VI, написанную вообще ко всем владыкам северных стран. Англичане были приняты и обласканы как нельзя лучше. Царь отвечал Эдуарду дружелюбною грамотою, которою позволял англичанам приезжать свободно в его государство для торговли. В марте 1554 года Ченслер возвратился в отечество. Англичане смотрели на его путешествие как на открытие новой страны, наравне с открытиями, совершившимися в Америке. Явились самые блестящие надежды на выгоды от торговли с неведомою московскою землею. Устроилась компания, уже специально с целью «торговли с Московиею, Персиею и северными странами»; она сокращенно называлась «русскою компаниею». Ее правление состояло из governог'a (первым пожизненно был назначен Кабат) и из двадцати восьми правительствующих членов, выбираемых ежегодно. Она получила право покупать земли, но не бо-

лее как на 60 фунтов стерл. в год, иметь свой самосуд, строить корабли, нанимать матросов, приобретать земли в новооткрытых странах и, торгуя в России при покровительстве русского государя, противодействовать совместничеству не только торгующих иностранцев, но и английских подданных, не принадлежащих компании. В 1555 году Ченслер снова прибыл в Москву, но уже в качестве посла, и выхлопотал льготную грамоту для английской компании. Ей дозволялась беспошлинная торговля оптом и в розницу, давалось право заводить дворы в Холмогорах и в Вологде, а в Москве ей был подарен двор от царя у церкви Максима исповедника: в каждом дворе члены компании могли держать у себя по одному русскому приказчику: они имели свой суд и расправу: никакие царские чиновники не могли вмешиваться в их торговые дела, кроме царского казначея, которому принадлежал суд между компанией и русскими торговцами. Когда Ченслер отправился в отечество, то с ним вместе отправился русский посол по имени Непея. У берегов Шотландии Ченслер потерпел кораблекрушение, а Непея благополучно избег опасности и был принят королевою Мариею со знаками особенного внимания. С тех пор между Англией и Россией завязались дружественные отношения. С тех пор каждый год приходили к устью Двины английские корабли с товарами. Пустынные и дикие берега Северного моря оживлялись, населялись; Московская Русь разом познакомилась со множеством предметов, о которых не имела понятия; закипела

новая торговая жизнь. Права английской компании и ее деятельность расширились с каждым годом и превращались в монополию, которая отзывалась уже неприятно для русских, потому что выгода от торговли клонила преимущественно на сторону иноземцев, особенно вследствие распоряжений, сделанных в позднейшее время царствования Ивана и после него. Во всяком случае, завязавшаяся торговля с Англией имела чрезвычайно важное значение в истории русской культуры и составляет в ней перелом.

Между тем правители продолжали расширение пределов государства за счет татарского племени и, как видно, признали настоятельною задачею Руси подчинить татарские народы одних за другими. Покончили с Астраханью. Царство Астраханское было в руках ногайских князей, к которым принадлежал и Едигер, последний царь казанский. В Астрахани царем был Ямгурчей. Он дружил с Девлет-Гиреем и нанес оскорбление московскому послу. За это, весною 1554 года, отправлено было в Астрахань русское войско под начальством князя Пронского-Шемякина и Вешнякова. Они изгнали Ямгурчея и посадили в Астрахани царем другого нагайского князя, Дербыша, но уже в качестве московского подручника и оставивши при нем русское войско. Дербыш на другой же год сошелся с Девлет-Гиреем и начал открытую войну против Москвы, но в марте 1556 русские, находившиеся в Астрахани с головою Черемисиновым, разбили и прогнали Дербыша. Астрахань была непосредственно присоеди-

нена к Московскому государству и туда были назначены московские наместники. Это завоевание передало Московской державе огромные степи Поволжья, и вся Волга от истока до устья вошла во владение Москвы.

Оставалось разделаться с Крымом. Это было труднее, чем покорение Казани и Астрахани, но дело все-таки возможное. Удаче этого предприятия помешало то, что между советниками Ивана началась рознь. Тогда как Сильвестр и некоторые его единомышленники, в числе их Адашев и Курбский, были того мнения, что следует, не развлекая ни чем сил, обратиться исключительно на Крым и уничтожить Крымское царство, подобно Казанскому и Астраханскому, представилась возможность владеть Ливониею. Ливонский орден был в полном разложении: немцы, избалованные долгим миром, отвыкли от войны, а большинство народонаселения, состоя из порабощенных чухон и латышей, готово было безропотно покориться власти Москвы. Иван Васильевич колебался между тем и другим предприятием и решился на то и другое разом, хотя сам более склонялся к последнему. Это раздвоение военных сил вредило расправе с Крымом, несмотря на то, что обстоятельства благоприятствовали русским. В союзе с Москвою были днепровские казаки, которые тогда усиливались с каждым годом. Предводителем у них был князь Димитрий Вишневецкий, один из потомков Гедимины, человек храбрый, предприимчивый и до чрезвычайности любимый подчиненными. Он просил прислать ему войско и пред-

лагал московскому царю свою службу со всеми казаками, с Черкасами, Каневом, с казацкою Украиною на правом берегу Днепра, составлявшую ядро той Малой России, которая через столетие поклонилась другому московскому царю. Вишневецкий хотя считался подданным великого князя литовского и короля польского Сигизмунда-Августа, но не обращал внимания на запрещение последнего воевать с татарами, и действовал совершенно независимо со своими казаками. В это время в Крыму и в степях между нагаями свирепствовали разные естественные бедствия: сначала жестокий холод, потом засуха, скотский падеж и, наконец, мор на людей. Современники говорили, что во всей Орде не осталось десяти тысяч лошадей. Из Москвы в 1557 году к казакам был послан дьяк Ржевский с отрядом. Он соединился с тремястами казаков, разорил Ислам-Кермень и Очаков, разбил татар и бывших с ними турок. По удалении Ржевского, Девлет-Гирей пошел с ордою на Вишневецкого, который тогда укрепился на острове Хортице. (То был зародыш Запорожской Сечи, которая через несколько лет утвердилась ниже Хортицы, на другом острове, Томаковке.) Вишневецкий двадцать четыре дня отбивался от хана и наконец прогнал его. В следующем 1558 году Сильвестр и бояре его партии убеждали Ивана двинуть все силы на Крым и самому идти во главе. Сильвестр, желая отвлечь его от ливонской войны, резко осуждал ее, особенно за варварский образ, с каким она велась, за истребление старых и малых, за бесчеловечные му-

ки над немцами, совершаемые татарами, распущенными по Ливонской земле под начальством Шиг-Алея: Сильвестр называл Ливонию «бедною, обижаемою вдовицею». Иван, как прежде, колебался, слушал с большею охотою советы противников Сильвестра, не думал в угождение последнему щадить Ливонии, однако не совсем решался действовать вразрез с ним и людьми его партии; он ограничился полумерами. Царь принял в свою службу Вишневецкого, подарил ему город Велев, но приказал ему сдать королю Черкасы и Канев, не желая принимать в подданство Украины и ссориться с королем. Он отправил брата Адашева Данила с 5000 чел. на Днепр против крымцев для содействия Вишневецкому, отправленному на Дон, но сам не двинулся с места и не послал более войска. Между тем обстоятельства стали еще более благоприятствовать Москве. Черкесские князья, отдавшие московскому государю после завоевания Астрахани, собрались громить владения Девлет-Гирея с востока. В Крыму, в довершение всех несчастий, поднялось междоусобие. Недовольные Девлет-Гиреем мурзы хотели его низвергнуть и возвести на престол Тохтамыш-Гирея. Покушение это не удалось. Тохтамыш бежал в Москву. Удобно было московскому государю покровительствовать этому претенденту и найти для себя партию в Крыму. Царь Иван этим не воспользовался. Данило Адашев спустился на судах по Псёлу, потом по Днепру, вошел в море и опустошил западный берег Крыма, а черкесские князья завоевали Таманский полуостров.

Весь Крым был поражен ужасом. Но ТАК как новых московских сил не было против него послано, то дело этим и ограничилось. Царь Иван имел тогда возможность уничтожить Девлет-Гирея, но только раздражил его и приготовил себе со стороны врага мщенье на будущее время. Самая удобная минута к покорению Крыма была пропущена. Надобно заметить, что для удержания Крыма в русской власти в те времена представлялось более удобства, чем впоследствии, потому что значительная часть тогдашнего населения Крыма состояла еще из христиан, которые естественно были бы довольны поступлением под власть христианского государя. Впоследствии потомки их перешли в мусульманство и переродились в татар.

Крымский вопрос еще более разъединил царя Ивана с людьми Сильвестровой партии. Их влияние, видимо, упало. Ливонская война велась против желания многих, хотя некоторые из них, исполняя долг службы, не только участвовали в ней, но даже своими подвигами решали ее в пользу Москвы. Рыцари претерпевали поражение за поражением, город сдавался за городом; наконец в 1559 году Ливонский орден заключил договор с Сигизмундом-Августом, по которому отдавал ему часть своих владений и просил содействия против московского государя. Это событие готовило неизбежное столкновение с Польшей, и уже Сигизмунд-Август в следующем 1560 писал царю Ивану, что должен будет оружием защищать страну, которая отдалась ему в подданство.

Царь отвечал на это высокомерно: называл ливонцев, отдавшихся Сигизмунду-Августу, изменниками и требовал, чтобы Сигизмунд-Август вывел своих воевод с ливонской земли. Русские между тем продолжали счастливо войну с Ливонией. В этой войне отличались преимущественно друзья Сильвестра: Курбский и Данило Адашев.

В это время в московском правительстве совершился решительный перелом. Враги Сильвестра и Адашева постепенно довели царя до того, что он решился сбросить с себя опеку. Главными врагами Сильвестра были Захарьины и вооружили против него сестру свою царицу Анастасию. «Царь, нашептывали Ивану, – должен быть самодержавен, всем повелевать, никого не слушаться: а если будет делать то, что другие постановят, то это значит, что он только почтен честью царского председания, а на деле не лучше раба. И пророк сказал: горе граду тому, им же мнози обладают. Русские владетели и прежде никому не повиновались, а вольны были подданных своих миловать и казнить. Священнику отнюдь не подобает властвовать и управлять; их дело священнодействовать, а не творить людского строения». В довершение всего Ивана убедили, что Сильвестр чародей, силою волшебства опутал его и держит в неволе. Сторонники Сильвестра сознаются, что Сильвестр обманывал царя, представлялся в глазах его богоугодным человеком, облеченным необыкновенною силою чудотворения, что он, одним словом, дурачил царя ложными чудесами, и оправдывают его поступки

только тем, что все это делалось для хороших целей. Враги Сильвестра также представляли его царю чудотвором, но только получившим силу не от Бога, а от темных властей. Такой путь мог всего скорее поколебать суеверного царя. Сильвестра не терпели многие за его проницательность и желали удалить его для того, чтобы невозбранно можно было брать посулы и умножать всякими способами свое достояние. Уже охладевший к Сильвестру, царь решительно разошелся с ним по случаю своего путешествия по монастырям с больною женою, предпринятого зимою в конце 1559 года. Тогда произошло у царя с Сильвестром и Адашевым какое-то крупное столкновение: подробностей его мы не знаем⁶³; известно только, что Сильвестр и его друзья старались удержать Ивана от путешествия по монастырям и от принесения благочестивых обетов; но, после этого столкновения, и Сильвестр и Адашев сами нашли невозможным оставаться при царе. Сильвестр (вероятно, тогда уже овдовевший) удалился в какой-то отдаленный, пустынный монастырь, а Алексей Адашев отправился к войску в Ливонию. В этом деле участие Анастасии почти несомненно; сторонники Сильвестра, по поводу его удаления, сравнивали его с Иоанном Златоустом, потерпевшим от злобы царицы Евдоксии. До царя доходили все эти толки и еще более раздражали его против прежних опекунов. Но примирение с ними было бы еще возможно, если бы не случилось рокового обстоятельства:

⁶³ На него намекает царь в одном из писем своих к Курбскому.

в июле 1560 года царица Анастасия, уже давно хворавшая, перепугалась пожара, опустошившего всю арбатскую часть в Москве. Болезнь ее усилилась, и она умерла 7-го августа, оставивши после себя двух сыновей: Ивана и Федора. Царь был в отчаянии: народ сожалел об Анастасии, считая ее добродетельною и святою женщиною, так как она отличалась набожностью и благотворительностью. Понятно, что с потерей любимой особы стали царю ненавистнее те, которые не любили ее при жизни. Этим воспользовались враги и начали уверять царя, что Анастасию извели лихие люди, Сильвестр и Адашев, своими чарами. Друзья сообщили об этом тотчас тому и другому; последние, через посредство митрополита Макария, просили суда над собою и дозволения прибыть в Москву для оправдания. Но враги не допустили до этого. «Если ты, царь, – говорили ему, – допустишь их к себе на глаза, они очаруют тебя и детей твоих; да кроме того, народ и войско любят их, взбунтуются против тебя и нас перебьют камнями. Хотя бы этого не случилось – опять обойдут тебя и возьмут в неволю. Эти негодные чародеи уже держали тебя, как будто в оковах, повелевали тебе в меру есть и пить, не давали тебе ни в чем воли, ни в малых, ни в больших делах. Не мог ты ни людей своих миловать, ни царством своим владеть. Если бы не было их при тебе, при таком славном, храбром и мудром государе, если бы они не держали тебя, как на узде, ты бы почти всею вселенною обладал, а то они своим чародейством отводили тебе глаза, не давали тебе ни на что

смотреть, сами желали царствовать и всеми нами владеть. Только допусти их к себе, тотчас тебя ослепят! Вот теперь, отогнавши их от себя, ты истинно пришел в свой разум; открылись у тебя глаза; теперь – ты настоящий помазанник Божий; никто иной – ты сам один всем владеешь и правишь».

Так говорили не только шурья царя и некоторые бояре, но и те духовные, которые проповедовали из своекорыстных видов деспотизм всякого рода и старались угождать земной власти ради личных выгод. Это были все так называемые «осифляне». Всего более ярились против Сильвестра: Вассиан, чудовский архимандрит Левкий и какой-то Мисаил Сукин. Царь созвал собор для осуждения Сильвестра. Епископы, завидовавшие возвышению Сильвестра, пристали к врагам его, когда увидели, что и царю угодно было, чтоб все выказали себя противниками павшего любимца. Один митрополит Макарий заявил, что нельзя судить людей заочно и что следует выслушать их оправдание. Но угодники царя завопили против него: «Нельзя допускать ведомых злодеев и чародеев: они царя околдуют и нас погубят». Собор осудил Сильвестра на заточение в Соловки. Он был взят из своей пустыни, отвезен туда на тяжелое заключение. Но положение его там не могло быть очень тяжелым: игуменом в Соловках был Филипп Колычев, впоследствии митрополит, человек, как оказывается, сходявшийся в убеждениях с Сильвестром. С тех пор имя Сильвестра уже не встречается в памятниках того времени. От Сильвестра осталось сочинение «До-

мострой», заключающее в себе ряд наставлений сыну – религиозных, нравственных, общежительных и хозяйственных. В этом сочинении, которое драгоценно как материал для знакомства с понятиями, нравами и домашним бытом древней Московской Руси, встречаются любопытные черты, объясняющие личность Сильвестра. Мы видим человека благодушного, честного, строго нравственного, доброго семьянина и превосходного хозяина. Самая характеристическая черта Домостроя – это заботливость о слабых, низших, подчиненных и любовь к ним, не теоретическая, не лицемерная, а чуждая риторики и педантизма, простая, сердечная, истинно христианская. «Как следует свою душу любить, – поучает он, – так следует кормить слуг своих и всяких бедных. Пусть хозяин и хозяйка всегда наблюдают и расспрашивают своих слуг и подчиненных об их нуждах, об еде и питье, об одежде, о всякой потребе, о скудости и недостатке, об обиде и болезни; следует помышлять о них, пешишь сколько Бог поможет, от всей души, все равно как о своих родных». Вот такие-то правила внушались и царю по отношению к подвластным ему людям. Отсюда-то истекают грамоты и распоряжения лучших лет Иванова царствования, в которых явно видно желание дать народу как можно более льгот и средств к благосостоянию. Автор «Домостроя» сознает гнусность рабства, сам лично уже отрешился от владения рабами и то же заповедует сыну: «Я не только всех своих рабов освободил и наделил, но и чужих выкупал из рабства и отпускал на сво-

боду. Все бывшие наши рабы свободны и живут добрыми домами; а домочадцы наши, свободные, живут у нас по своей воле. Многих оставленных сирых и убогих мужского и женского пола и рабов в Новгороде, и здесь в Москве, я вскормил и воспоил до совершенного возраста и выучил их, кто к чему был способен: многих выучил грамоте, писать и петь, иных писать иконы, иных книжному рукоделию, а некоторых научил торговать разной торговлею. Твоя мать воспитала многих девиц и вдов, оставленных и убогих, научила их рукоделию и всякому домашнему обиходу, наделила приданным и замуж поывдавала, а мужеский пол поженила у добрых людей. И все те, дал Бог, – свободны: многие в священническом и дьяконском чине, во дьяках, в подьячих, во всяком звании, кто к чему способен по природе, и чем кому Бог благословил быть; те рукодельничают, те в лавках торгуют, а иные ездят для торговли в различные страны со всякими товарами. И Божьею милостью всем нашим воспитанникам и послуживцам не было никакой срамоты, ни убытка, ни продажи от людей; и людям от нас не бывало никакой тяжбы: во всем нас до сих пор соблюдал Бог; а от кого нам, от своих воспитанников, бывали досады и убытки – все это мы на себе понесли; никто этого не слыхал, а нам Бог все пополнил! И ты, дитя мое, так же поступай: всякую обиду перетерпи – Бог тебе все пополнил!» Нигде у Сильвестра не видно того поклонения монастырю и безбрачию, которое, как известно, проповедовали благочестивцы. Если он советует давать ми-

лостыню в монастыри, то только на заключенных там, равно как на содержащихся в тюрьмах и больницах: но он враг всякого разврата и бесчинства. «Я, – пишет он, – не знал никакой женщины, кроме твоей матери. Как мы с ней обещались, так я и сдержал свое обещание; и ты, дитя мое, храни законный брак, и кроме жены своей не знай никого, берегись пьянственного недуга: от этого порока все зло». И царю Ивану, без сомнения, подавал Сильвестр такие советы; и они, конечно, тягостны были для горячей и порывистой натуры Ивана. Идеалом государя, до которого хотел возвести Сильвестр Ивана, был трезвый, строго нравственный, деятельный и благодушный человек; по освобождении от уз Сильвестрова учения, Иван, пьяный, развратный, кровожадный, как мы увидим, показал собою прямую противоположность этому идеалу.

Вместе с падением Сильвестра постиг конец и Адашева. Сначала ему велено было оставаться в недавно завоеванном Феллине, но вскоре царь приказал перевести его в Дерпт и посадить под стражу. Через два месяца после своего заключения он заболел горячкою и скончался. Естественная смерть избавила его от дальнейшего мщения царя, но клеветники распустили слух, будто он от страха отравил себя ядом. Долговременная близость его к царю и управление государственными делами давали ему возможность приобрести большие богатства, но он не оставил после себя никакого состояния: все, что приобретал, раздавал он нуждающимся.

Глава 19

Матвей Семенович Башкин и его соучастники

Направление, данное Нилом и Вассианом, не обошлось, однако, без того, чтобы не выработаться в учение, действительно противное православной церкви. Они ставили сущность выше формы, внутреннее выше внешнего, ополчались против злоупотреблений существующего порядка, возбуждали к мысли и к самобытному изучению основ веры и своей снисходительностью к еретикам, хотя даже, быть может, против собственной воли, требовали уважения к полной свободе мысли. Такое направление не могло остановиться на полдороге. Всегда и везде подобные зародыши несогласия с существующим порядком в области религии, порядком, освященным веками, открывали путь к дальнейшим попыткам критики, приводившим, наконец, к полному отпадению от авторитета, к тому, что на церковно-историческом языке называется ересью. Прежде чем в XVI веке образовалось протестантство, выразившее явную борьбу с католической церковью и полное отпадение от последней, являлись один за другим ученые и благочестивые люди, недовольные как злоупотреблениями церкви, так и господством формы над содержанием в области религии, хотя эти люди всею глубиной

души были преданы этой же католической церкви. Тот же путь должен был последовать и у нас, хотя в незначительной степени в сравнении с Западом. Уже «осифляне» старались набросить тень неправославия на самого Нила. Ученика его Вассиана и единомышленника Максима Грека они обвинили в ереси, хотя и неосновательно с нынешней точки зрения. Но с тех пор образовалось мнение, что в Ниловой пустыне и в других монастырях Белозерья гнездятся еретические мнения между старцами и оттуда распространяются по всей Руси. Возникло очень любопытное дело, объясняющее нам способ тогдашнего вольномыслия – это суд над сыном боярским Матвеем Семеновичем Башкиным и его соумышленниками. К большому сожалению, дело, производившееся об этом лице и его соумышленниках, не сохранилось вполне и известно только по отрывкам. Из них мы узнаем, что в Великий пост 1554 года Башкин явился к священнику Благовещенского собора, Симеону, на исповедь, объявил себя православным христианином, верующим в Св. Троицу и поклоняющимся иконам, но вместе с тем стал задавать такие вопросы, которые показались священнику «недоуменными»: Симеона поразило то, что Башкин сам же начал разрешать перед ним вопросы, которых не мог разрешить священник. В заключение Матвей напомнил ему высокую обязанность духовного сана в таких словах: «Великое дело ваше, сказано в писании; ничто же сия любви больше, еже положити душу свою за други своя; вы за нас души свои полагаете и пече-

тесь о душах наших и за нас будете отвечать в день судный». После этой исповеди Башкин приехал на дом к священнику, привез «Беседы Евангельские» и говорил: «Ради Бога, пользуй меня душевно, надобно читать написанное в Евангельских беседах, но на одно слово не надеяться, а совершать его делом. Все начало от вас, священники, вам следует показать собою пример и нас научать. Видишь ли, в Евангелии стоит: научитесь от меня, яко кроток есмь и смирен сердцем; иго мое бо благо и бремя мое легко есть. Все это на вас лежит». После того Башкин пригласил к себе священника на дом и показал ему Апостол, измеченный восковыми пятнами по тем текстам, которые возбуждали в нем размышления. Симеон становился в тупик; Башкин сам ему предлагал собственные объяснения, которые казались Симеону подозрительными. Между прочим Башкин сказал: «Написано: весь закон заключается в словах – возлюби искреннего своего, как сам себя; если вы себя грызете и терзаете, то смотрите, чтобы вы не съели друг друга. Вот, мы Христовых рабов держим у себя рабами, а Христос всех называет братиею; а у нас на иных кабалы нарядные (фальшивые), на иных полные, а другие беглых держат. Благодарю Бога моего, у меня были кабалы полные, да я их всех изодрал, держу людей у себя добровольно; кому хорошо у меня – пусть живет, а не нравится, пусть идет куда хочет; а вам, отцам, надобно посещать нас, мирян, почаще да научать нас, как самим жить и как людей у себя держать, чтобы их не томить». – «Я этого не

знаю», – сказал Симеон. «Так спроси Сильвестра, – ответил Башкин, – он тебе скажет, а ты пользуй этим душу мою. Я сам знаю: тебе некогда об этом думать, ты в суете мирской и день и ночь покоя не знаешь».

Симеон передал об этом Сильвестру: «Пришел, – говорил он, – ко мне духовный сын необычный, спрашивает у меня недоуменное, да сам меня и учит; а мне показалось это развратно». – «Не знаю, какой это духовный сын, – отвечал Сильвестр, – только про него нехорошо говорят».

Через несколько времени разнесся между духовными слух, что около Башкина собирается кружок людей, которые неправильно умствуют о существовании Сына Божия, о таинствах, о церкви, о всей православной вере. Царя в то время не было в Москве. Он ездил в Кирилловский монастырь. Когда он воротился, то ему донесли, что «прозябе ересь и явился шатание в людях».

У Башкина вытребовали Апостол, измеченный восковыми пятнами: сам Башкин, уверенный в правоте своих толкований, подал его Симеону. Царь рассматривал книгу, но, как видно, в ней не было еще явных улик. Башкина не трогали. Он продолжал сходиться со своими приятелями и толковать о религиозных предметах. Духовные узнали об этом и требовали преследования Башкина и его друзей, говорили, что все это выходит из Белозерских монастырей, которые сделались гнездом всякого еретичества. Башкина взяли под стражу с двумя братьями Борисовыми: Григорием и Иваном Ти-

мофеевичами и захватили еще двух лиц, по имени Тимофей и Фома. На все вопросы они отвечали, что они православные христиане. Царь приказал поместить их в подклети своих палат. Решили созвать собор. Собор состоялся под председательством митрополита Макария.⁶⁴ Подсудимых обличали в том, что они признавали Иисуса Христа неравным Отцу, называли тело и кровь Господню простым хлебом и простым вином, отрицали святую соборную и апостольскую церковь, выражаясь, что церковь есть только собрание верных, а созданная ничего не значит: отвергали поклонение иконам, называя их идолами; отрицали силу покаяния, выражаясь так: как перестанет грех творить, так хоть у священника не покается, так не будет ему греха; считали церковные предания и жития святых баснословием: отзывались с пренебрежением о постановлениях семи соборов, говоря: это все они для своих выгод написали; наконец и в самом Священном Писании видели баснословие, излагали Евангелие и Апостол так, как бы эти книги содержали истину в неправде.

До нас не дошли ответы Башкина и его соумышленников, а из соборной грамоты того времени видно, что с Башкиным сделалось на соборе какое-то расстройство или припадок, что он говорил какую-то бессмыслицу, что ему потом представлялся голос Богородицы, и он в испуге во всем со-

⁶⁴ На нем были: архиепископ ростовский Никандр, суздальский епископ Афанасий, рязанский Кассиан, тверской Акакий, коломенский Феодосий, сарский и подонский Савва и многие архимандриты, игумены и протопопы.

знался и открыл своих единомышленников. За неимением подлинных ответов подсудимого, мы не можем сделать об этом никакого заключения.

Собор признал его виновным. Дальнейшая его участь неизвестна; соумышленников его сослали по монастырям на вечное заточение, «посудиша их неисходно им быти».

К делу Башкина привлечен был троицкий игумен Артемий. Об этом человеке мы знаем то, что он был родом из Пскова, избран в игумены Троицкого монастыря, приобрел там общую любовь, но вскоре на него пало подозрение в вольнодумстве. Он снял с себя игуменство и удалился в Нилову пустынь вместе с другом своим Порфирием. Когда началось дело Башкина, их обоих вызвали оттуда, как будто за тем, чтобы присутствовать на соборе, а на самом деле за тем, что считали их подозрительными. Еще Башкин, как видно, не сознавался, а Артемия побуждали спорить с ним и обличать его. Артемий уклонялся от спора и говорил: «Это не мое дело». Но когда Башкин пришел в расстройство и начал оговаривать и себя, и других, Артемий ушел из Москвы в свою пустыню, но был возвращен и предан соборному суду. Ему ставили в вину эту самовольную отлучку. Он сказал, что убежал от «наветующих на него», но не хотел указывать, кто эти наветующие. По-видимому, Артемий не признавал Башкина еретиком и говорил только, что Матвей делает ребячество. «Меня, – говорил он, – призвали судить еретиков, а еретиков нет». – «Как же Матвей не еретик, – сказал мит-

рополит, – когда он написал молитву единому началу, Богу Отцу, а Сына и Святого Духа отставил?»

«Нечего ему и врать, сказал Артемий, – такая молитва готова, молитва Манассии к Вседержителю».

«То было до Христова пришествия, – отвечали ему, – а теперь кто напишет молитву к единому началу, тот еретик. Ты виноват, кайся».

«Мне нечего каяться, я верую в единосущную Троицу», – сказал Артемий.

Эти ответы Артемия поставили ему в обвинение. Затем явился доносчик на Артемия, игумен Феррапонтова монастыря, Нектарий, который обвинял Артемия в том, что он в постные дни ел рыбу.

«Я ел рыбу, – отвечал Артемий, – когда мне приходилось быть у христолюбцев, и у царя ел за столом рыбу».

«Это ты чинил не гораздо, – сказал митрополит от лица собора, – это тебе вина: значит, ты сам вопреки божественных уставов и священных правил разрешаешь себе пост, а на тебя смотря, и люди соблазняются».

«Артемий, – продолжал Нектарий, – ездил из Псково-Печерского монастыря в немецкий Новый Городок, говорил там с немецким князем и хвалил там немецкую веру».

«Я спрашивал, – отвечал Артемий, – не найдется ли у немцев человека, кто бы поговорил со мною книгами. Хотелось мне узнать: у них христианский закон такой ли, как у нас; но мне не указали тогда такого книжного человека».

«А зачем тебе его? – сказали на соборе. – Сам ведаешь, что наша вера греческого закона сущая православная вера, а латинская вера Св. отцами отречена и проклятию предана. Это ты чинил не гораздо, это тебе вина».

Нектарий обвинял Артемия еще в разных богохульствах и ссылался на старцев Ниловой пустыни; но старцы, призванные на собор, не подтвердили доноса Нектария.

Другой обвинитель, троицкий игумен Иона, поднялся на Артемия. «Артемий, – показывал он, – произносил такие слова: нет в том ничего, что не положишь на себя крестное знамение. Прежде клали на челе иное знамение, а нынче большие кресты кладут; на соборе о крестном знамении много толковали, да ни на чем не порешили».

Артемий отвечал: «Я только говорил о соборе, что на нем ничем не порешили о крестном знамении, а про самое крестное знамение так не говорил».

Собор дал такой приговор: «Ты сам сознаешься, что говорил о соборе; стало быть, и то говорил, что в крестном знамении нет ничего; надобно верить Ионе. Это тебе вина».

Третий обвинитель, троицкий келарь Адриан Ангелов, доносил следующее:

«Артемий в Корнилиевом монастыре говорил: нет помощи умершим, когда по ним поют панихиду и служат обедню; тем они муки не минуют на том свете».

«Я говорил, – объяснял Артемий, – что если люди жили растленным житием и грабили других, а потом после их

смерти, хоть и станут петь за них панихиду и служить обедню, Бог не принимает за них приношения; нет пользы от того: тем им не избавиться от муки». Артемию на соборе объявили так:

«Это ты говорил не гораздо; значит, ты отсекал у грешников надежду спасения и уподобился Арию. Надобно верить во всем Адриану. Это тебе вина».

Четвертый обвинитель, троицкий старец Игнатий Курачев, доносил: «Артемий говорил про Иисусов канон: такой Иисусе; и про акафист Богородице говорил: радуйся! да радуйся!»

Артемий сказал: «Я говорил так: в каноне читают: Иисусе сладчайший! А как услышал слово Иисусово и о его заповедях, как Иисус велел пребывать и как житие вести, так горько делается заповеди Иисусовы исполнять; а про акафист я так говорил: читают: радуйся да радуйся, Чистая! А сами не радят о чистоте и пребывают в празднословии; стало быть, только наружно обычай исполняют, а не истинно».

«Это ты говорил не гораздо, – произнесли на соборе, – ты про Иисусов канон и акафист говорил развратно и хульно; всякому христианину подобает Иисусов канон и акафист Пречистой Богородицы держать честно и молиться всякий день, сколько силы достанет».

Пятый обвинитель, кирилловский игумен Симеон, объявил: «Когда Матвея Башкина поймали в ереси, Артемий был в Кирилловском монастыре; я ему сказал о том, а он мне

отвечал: “Не знаю, что это за ереси; вот сожгли Курицына и Рукавого, а до сих пор сами не знают, за что и сожгли”».

«Не могу вспомнить, – отвечал Артемий, – был ли разговор о новгородских еретиках; не на моей памяти сожгли их; и точно я не знаю, за что их сожгли. Может быть, я так и сказал, но я не говорил, что другие этого не знали, а говорил только про себя одного».

С Артемия сняли сан и приговорили сослать на тяжелое заключение в Соловецкий монастырь. Он должен был жить одиноко и безвыходно в келье, не иметь ни с кем сообщения и ни с кем не переписываться. Ему позволяли причаститься Св. Тайн только в случае смертельной болезни. Но Артемий недолго пробыл в Соловках, убежал оттуда и очутился в Литве. Там он ратовал за православие и писал опровержения против еретика Симона Будного⁶⁵, отвергавшего божество Иисуса Христа: это оправдывает отзыв о нем князя Курбского, называющего Артемия «мудрым и честным мужем», жертвой лукавства злых и любостыжательных монахов, оклеветавших его из зависти за то, что царь любил Артемия и слушал его советы.

Вместе с Артемием приговорен был монах Савва Шах, человек ученый, и сослан в Суздаль.

К делу Башкина и Артемия привлечены были: архимандрит суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Феодорит и

⁶⁵ Будный был автором арианского Катихизиса на латинском и русском языке и переводчиком Св. Писания на польский язык.

дьяк Иван Висковатый. Первый прославился обращением в христианскую веру лопарей, жил некогда в белозерских пустынях и был давний приятель Артемия, по ходатайству которого получил сан архимандрита в Суздале. Он был человек строгой жизни и обличал монашеские пороки. За это монахи не терпели его, в особенности злобствовал на Феодорита суздальский владыка, потому что Феодорит обличал его в сребролюбии и пьянстве. Хотя Феодорит ни в чем не был уличен, но тем не менее, как согласник и товарищ Артемия, был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где ему делали всякие поругания приятели суздальского владыки, бывшего прежде кирилло-белозерским игуменом. Через полтора года, по ходатайству бояр, Феодорит был освобожден. Дьяк Висковатый подпал суду в том же деле, но совсем по иному вопросу. Он изъявлял разные сомнения по поводу приемов тогдашнего иконописания, между прочим, соблазнялся тем, что Христа изображали в ангельском образе с крыльями, что писали образ Бога Отца, тогда как, по его мнению, не следовало вовсе изображать невидимого Божества, как равно и бесплотных сил; не одобрял также человековидных изображений добродетелей и пороков. Его осудили на трехлетнее церковное покаяние. Это обвинение замечательно особенно тем, что в нем видна злоба духовенства, хотевшего запретить мирянам свободное суждение о предметах религии. «Вам, – сказал Висковатому митрополит, – не велено о божестве и божьих делах испытывать. Знай свои дела, которые на тебя

положены. Не разроняй своих списков» (дьяческих дел). В соборном приговоре о Висковатом сказано: «Всякий человек должен ведать свой чин; когда ты овца, не твори из себя пастыря. Когда ты нога, не воображай, что ты голова, но повинуйся установленному от Бога чину; отверзай свои уши на слушание благодатных учительских словес».

Во время производства этого дела или, быть может, тотчас по окончании его, привезен был в Москву из белозерских монастырей монах Феодосий Косой с несколькими товарищами, также обвиняемыми в еретических мнениях. Их посадили под стражу в одном из московских монастырей; но Косой склонил на свою сторону стражей и бежал вместе со своими товарищами. Он нашел себе убежище в Литве, женился на еврейке и проповедывал ересь с большим успехом, тем более, что в литовско-русских владениях распространялись тогда с Запада так называемые арианские мнения. Об этом еретике мы знаем из сочинения отенского монаха Зиновия (Отен – монастырь в 50 верстах от Новгорода), под названием «Истины Показание». Автор представляет, что к нему приходят три последователя ереси Косого и излагают учение своего наставника, а Зиновий опровергает их. Из этого сочинения мы узнаем, что Косой был раб, убежавший от своего господина на господском коне и захвативший с собой одежду и еще кое-какие вещи. Последователи его доказывали, что это было не воровство, а напротив, вознаграждение, которое следовало бежавшему за его службу господину. Фе-

одосий постригся в одном из монастырей Белозерья и своим умом приобрел к себе такое уважение, что даже прежний господин, узнавши о нем, относился к нему с приязнью. По известиям, передаваемым книгой Зиновия, Феодосий отвергал Св. Троицу, божество Иисуса Христа, считая его только богоугодным человеком, посланником свыше. «Вы толкуете, – говорил Косой, – что Бог создал рукой своей Адама, а обновить и исправить создание свое пришел Сын Божий и воплотился. Зачем ему приходиться в плоть: если Всемогущий Бог создал все своим словом, то словом же мог обновить свой образ и подобие и без вочеловечения. Никакого обветшания и падения образа и подобия Божьего в человеке не было. Человек создан смертным, как и все другие животные – рыбы, гады, птицы, звери. Как до пришествия Христа, так и после пришествия человек все был одним человеком, так же рождался, пользовался здоровьем, подвергался недугам, умирал и истлевал». Косой называл иконы идолами и подводил к ним разные изречения Ветхого Завета, направленные против богослужения, вооружался против поклонения мощам, и по этому поводу указывал на Антония Великого, который порицал египетский обычай сохранять тела мертвых. Монастыри он называл человеческим изобретением и указывал, что ни в Евангелии, ни в апостольских сочинениях нет о них ни слова. «Плотское мудрование, – говорил он, – господствует у ваших игуменов, митрополитов, епископов. Они повелевают не есть мяса, вопреки словам Христа:

не входящее во уста сквернит человека. Они запрещают жениться, прямо против слов Апостола, который заранее называл „сожженными совестью“ тех, которые будут возбранять жениться и удаляться от разной пищи. Они знают только пение да каноны, чего в Евангелии не показано творить, а отвергают любовь христианскую; нет у них духа кротости; они не дают узнать нам истину, гонят нас, запирают в тюрьмы. В Евангелии не велено мучить даже и неправых. Господь сам указал это в своей притче о плевелах, а они нас гонят за истину».

В Литве Феодосий и его соучастники успешно распространяли свою ересь. Конец Феодосия неизвестен.

Направление, данное Нилом и Вассианом, не обошлось, однако, без того, чтобы не выработаться в учение, действительно противное православной церкви. Они ставили сущность выше формы, внутреннее выше внешнего, ополчались против злоупотреблений существующего порядка, возбуждали к мысли и к самобытному изучению основ веры и своей снисходительностью к еретикам, хотя даже, быть может, против собственной воли, требовали уважения к полной свободе мысли. Такое направление не могло остановиться на полдороге. Всегда и везде подобные зародыши несогласия с существующим порядком в области религии, порядком, освященным веками, открывали путь к дальнейшим попыткам критики, приводившим, наконец, к полному отпадению от авторитета, к тому, что на церковно-историческом языке на-

зывается ересью. Прежде чем в XVI веке образовалось протестантство, выражавшее явную борьбу с католической церковью и полное отпадение от последней, являлись один за другим ученые и благочестивые люди, недовольные как злоупотреблениями церкви, так и господством формы над содержанием в области религии, хотя эти люди всею глубиной души были преданы этой же католической церкви. Тот же путь должен был последовать и у нас, хотя в незначительной степени в сравнении с Западом. Уже «осифляне» старались набросить тень неправославия на самого Нила. Ученика его Вассиана и единомышленника Максима Грека они обвинили в ереси, хотя и неосновательно с нынешней точки зрения. Но с тех пор образовалось мнение, что в Ниловой пустыне и в других монастырях Белозерья гнездятся еретические мнения между старцами и оттуда распространяются по всей Руси. Возникло очень любопытное дело, объясняющее нам способ тогдашнего вольномыслия – это суд над сыном боярским Матвеем Семеновичем Башкиным и его соумышленниками. К большому сожалению, дело, производившееся об этом лице и его соумышленниках, не сохранилось вполне и известно только по отрывкам. Из них мы узнаем, что в Великий пост 1554 года Башкин явился к священнику Благовещенского собора, Симеону, на исповедь, объявил себя православным христианином, верующим в Св. Троицу и поклоняющимся иконам, но вместе с тем стал задавать такие вопросы, которые показались священнику «недоуменными»:

Симеона поразило то, что Башкин сам же начал разрешать перед ним вопросы, которых не мог разрешить священник. В заключение Матвей напомнил ему высокую обязанность духовного сана в таких словах: «Великое дело ваше, сказано в писании; ничто же сия любви больше, еже положити душу свою за други своя; вы за нас души свои полагаете и печетесь о душах наших и за нас будете отвечать в день судный». После этой исповеди Башкин приехал на дом к священнику, привез «Беседы Евангельские» и говорил: «Ради Бога, пользуй меня душевно, надобно читать написанное в Евангельских беседах, но на одно слово не надеяться, а совершать его делом. Все начало от вас, священники, вам следует показать собою пример и нас научать. Видишь ли, в Евангелии стоит: научитесь от меня, яко кроток есмь и смирен сердцем; иго мое бо благо и бремя мое легко есть. Все это на вас лежит». После того Башкин пригласил к себе священника на дом и показал ему Апостол, измеченный восковыми пятнами по тем текстам, которые возбуждали в нем размышления. Симеон становился в тупик; Башкин сам ему предлагал собственные объяснения, которые казались Симеону подозрительными. Между прочим Башкин сказал: «Написано: весь закон заключается в словах – возлюби искреннего своего, как сам себя; если вы себя грызете и терзаете, то смотрите, чтобы вы не съели друг друга. Вот, мы Христовых рабов держим у себя рабами, а Христос всех называет братиею; а у нас на иных кабалы нарядные (фальшивые), на иных пол-

ные, а другие беглых держат. Благодарю Бога моего, у меня были кабалы полные, да я их всех изодрал, держу людей у себя добровольно; кому хорошо у меня – пусть живет, а не нравится, пусть идет куда хочет; а вам, отцам, надобно посещать нас, мирян, почаще да научать нас, как самим жить и как людей у себя держать, чтобы их не томить». – «Я этого не знаю», – сказал Симеон. «Так спроси Сильвестра, – ответил Башкин, – он тебе скажет, а ты пользуй этим душу мою. Я сам знаю: тебе некогда об этом думать, ты в суете мирской и день и ночь покоя не знаешь».

Симеон передал об этом Сильвестру: «Пришел, – говорил он, – ко мне духовный сын необычный, спрашивает у меня недоуменное, да сам меня и учит; а мне показалось это развратно». – «Не знаю, какой это духовный сын, – отвечал Сильвестр, – только про него нехорошо говорят».

Через несколько времени разнесся между духовными слух, что около Башкина собирается кружок людей, которые неправильно умствуют о существе Сына Божия, о таинствах, о церкви, о всей православной вере. Царя в то время не было в Москве. Он ездил в Кирилловский монастырь. Когда он воротился, то ему донесли, что «прозябе ересь и явился шатание в людях».

У Башкина вытребовали Апостол, измеченный восковыми пятнами: сам Башкин, уверенный в правоте своих толкований, подал его Симеону. Царь рассматривал книгу, но, как видно, в ней не было еще явных улик. Башкина не трогали.

Он продолжал сходиться со своими приятелями и толковать о религиозных предметах. Духовные узнали об этом и требовали преследования Башкина и его друзей, говорили, что все это выходит из Белозерских монастырей, которые сделались гнездом всякого еретичества. Башкина взяли под стражу с двумя братьями Борисовыми: Григорием и Иваном Тимофеевичами и захватили еще двух лиц, по имени Тимофей и Фома. На все вопросы они отвечали, что они православные христиане. Царь приказал поместить их в подклети своих палат. Решили созвать собор. Собор состоялся под председательством митрополита Макария.⁶⁶ Подсудимых обличали в том, что они признавали Иисуса Христа неравным Отцу, называли тело и кровь Господню простым хлебом и простым вином, отрицали святую соборную и апостольскую церковь, выражаясь, что церковь есть только собрание верных, а созданная ничего не значит: отвергали поклонение иконам, называя их идолами; отрицали силу покаяния, выражаясь так: как перестанет грех творить, так хоть у священника не покается, так не будет ему греха; считали церковные предания и жития святых баснословием: отзывались с пренебрежением о постановлениях семи соборов, говоря: это все они для своих выгод написали; наконец и в самом Священном Писании видели баснословие, излагали Евангелие и Апостол так, как

⁶⁶ На нем были: архиепископ ростовский Никандр, суздальский епископ Афанасий, рязанский Кассиан, тверской Акакий, коломенский Феодосий, сарский и подонский Савва и многие архимандриты, игумены и протопопы.

бы эти книги содержали истину в неправде.

До нас не дошли ответы Башкина и его соумышленников, а из соборной грамоты того времени видно, что с Башкиным сделалось на соборе какое-то расстройство или припадок, что он говорил какую-то бессмыслицу, что ему потом представлялся голос Богородицы, и он в испуге во всем сознался и открыл своих единомышленников. За неимением подлинных ответов подсудимого, мы не можем сделать об этом никакого заключения.

Собор признал его виновным. Дальнейшая его участь неизвестна; соумышленников его сослали по монастырям на вечное заточение, «посудиша их неисходно им быти».

К делу Башкина привлечен был троицкий игумен Артемий. Об этом человеке мы знаем то, что он был родом из Пскова, избран в игумены Троицкого монастыря, приобрел там общую любовь, но вскоре на него пало подозрение в вольнодумстве. Он снял с себя игуменство и удалился в Нилу пустынь вместе с другом своим Порфирием. Когда началось дело Башкина, их обоих вызвали оттуда, как будто за тем, чтобы присутствовать на соборе, а на самом деле за тем, что считали их подозрительными. Еще Башкин, как видно, не сознавался, а Артемия побуждали спорить с ним и обличать его. Артемий уклонялся от спора и говорил: «Это не мое дело». Но когда Башкин пришел в расстройство и начал оговаривать и себя, и других, Артемий ушел из Москвы в свою пустыню, но был возвращен и предан соборному су-

ду. Ему ставили в вину эту самовольную отлучку. Он сказал, что убежал от «наветующих на него», но не хотел указывать, кто эти наветующие. По-видимому, Артемий не признавал Башкина еретиком и говорил только, что Матвей делает ребячество. «Меня, – говорил он, – призвали судить еретиков, а еретиков нет». – «Как же Матвей не еретик, – сказал митрополит, – когда он написал молитву единому началу, Богу Отцу, а Сына и Святого Духа отставил?»

«Нечего ему и врать, сказал Артемий, – такая молитва готова, молитва Манассии к Вседержителю».

«То было до Христова пришествия, – отвечали ему, – а теперь кто напишет молитву к единому началу, тот еретик. Ты виноват, кайся».

«Мне нечего каяться, я верую в единосущную Троицу», – сказал Артемий.

Эти ответы Артемия поставили ему в обвинение. Затем явился доносчик на Артемия, игумен Ферапонтова монастыря, Нектарий, который обвинял Артемия в том, что он в постные дни ел рыбу.

«Я ел рыбу, – отвечал Артемий, – когда мне приходилось быть у христолюбцев, и у царя ел за столом рыбу».

«Это ты чинил не гораздо, – сказал митрополит от лица собора, – это тебе вина: значит, ты сам вопреки божественных уставов и священных правил разрешаешь себе пост, а на тебя смотря, и люди соблазняются».

«Артемий, – продолжал Нектарий, – ездил из Псково-Пе-

черского монастыря в немецкий Новый Городок, говорил там с немецким князем и хвалил там немецкую веру».

«Я спрашивал, – отвечал Артемий, – не найдется ли у немец человека, кто бы поговорил со мною книгами. Хотелось мне узнать: у них христианский закон такой ли, как у нас; но мне не указали тогда такого книжного человека».

«А зачем тебе его? – сказали на соборе. – Сам ведаешь, что наша вера греческого закона сущая православная вера, а латинская вера Св. отцами отречена и проклятию предана. Это ты чинил не гораздо, это тебе вина».

Нектарий обвинял Артемия еще в разных богохульствах и ссылался на старцев Ниловой пустыни; но старцы, призванные на собор, не подтвердили доноса Нектария.

Другой обвинитель, троицкий игумен Иона, поднялся на Артемия. «Артемий, – показывал он, – произносил такие слова: нет в том ничего, что не положишь на себя крестное знамение. Прежде клали на челе иное знамение, а нынче большие кресты кладут; на соборе о крестном знамении много толковали, да ни на чем не порешили».

Артемий отвечал: «Я только говорил о соборе, что на нем ничем не порешили о крестном знамении, а про самое крестное знамение так не говорил».

Собор дал такой приговор: «Ты сам сознаешься, что говорил о соборе; стало быть, и то говорил, что в крестном знамении нет ничего; надобно верить Ионе. Это тебе вина».

Третий обвинитель, троицкий келарь Адриан Ангелов,

доносил следующее:

«Артемий в Корнилиевом монастыре говорил: нет помощи умершим, когда по ним поют панихиду и служат обедню; тем они муки не минуют на том свете».

«Я говорил, – объяснял Артемий, – что если люди жили растленным житием и грабили других, а потом после их смерти, хоть и станут петь за них панихиду и служить обедню, Бог не принимает за них приношения; нет пользы от того: тем им не избавиться от муки». Артемию на соборе объявили так:

«Это ты говорил не гораздо; значит, ты отсекал у грешников надежду спасения и уподобился Арию. Надобно верить во всем Адриану. Это тебе вина».

Четвертый обвинитель, троицкий старец Игнатий Курачев, доносил: «Артемий говорил про Иисусов канон: такой Иисусе; и про акафист Богородице говорил: радуйся! да радуйся!»

Артемий сказал: «Я говорил так: в каноне читают: Иисусе сладчайший! А как услышал слово Иисусово и о его заповедях, как Иисус велел пребывать и как житие вести, так горько делается заповеди Иисусовы исполнять; а про акафист я так говорил: читают: радуйся да радуйся, Чистая! А сами не радят о чистоте и пребывают в празднословии; стало быть, только наружно обычай исполняют, а не истинно».

«Это ты говорил не гораздо, – произнесли на соборе, – ты про Иисусов канон и акафист говорил развратно и хуль-

но; всякому христианину подобает Иисусов канон и акафист Пречистой Богородицы держать честно и молиться всякий день, сколько силы достанет».

Пятый обвинитель, кирилловский игумен Симеон, объявил: «Когда Матвея Башкина поймали в ереси, Артемий был в Кирилловском монастыре; я ему сказал о том, а он мне отвечал: “Не знаю, что это за ереси; вот сожгли Курицына и Рукавого, а до сих пор сами не знают, за что и сожгли”».

«Не могу вспомнить, – отвечал Артемий, – был ли разговор о новгородских еретиках; не на моей памяти сожгли их; и точно я не знаю, за что их сожгли. Может быть, я так и сказал, но я не говорил, что другие этого не знали, а говорил только про себя одного».

С Артемия сняли сан и приговорили сослать на тяжелое заключение в Соловецкий монастырь. Он должен был жить одиноко и безвыходно в келье, не иметь ни с кем сообщения и ни с кем не переписываться. Ему позволяли причаститься Св. Тайн только в случае смертельной болезни. Но Артемий недолго пробыл в Соловках, убежал оттуда и очутился в Литве. Там он ратовал за православие и писал опровержения против еретика Симона Будного⁶⁷, отвергавшего божество Иисуса Христа: это оправдывает отзыв о нем князя Курбского, называющего Артемия «мудрым и честным мужем», жертвой лукавства злых и любостяжательных мона-

⁶⁷ Будный был автором арианского Катихизиса на латинском и русском языке и переводчиком Св. Писания на польский язык.

хов, оклеветавших его из зависти за то, что царь любил Артемия и слушал его советы.

Вместе с Артемием приговорен был монах Савва Шах, человек ученый, и сослан в Суздаль.

К делу Башкина и Артемия привлечены были: архимандрит суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Феодорит и дьяк Иван Висковатый. Первый прославился обращением в христианскую веру лопарей, жил некогда в белозерских пустынях и был давний приятель Артемия, по ходатайству которого получил сан архимандрита в Суздале. Он был человек строгой жизни и обличал монашеские пороки. За это монахи не терпели его, в особенности злобствовал на Феодорита суздальский владыка, потому что Феодорит обличал его в сребролюбии и пьянстве. Хотя Феодорит ни в чем не был уличен, но тем не менее, как согласник и товарищ Артемия, был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где ему делали всякие поругания приятели суздальского владыки, бывшего прежде кирилло-белозерским игуменом. Через полтора года, по ходатайству бояр, Феодорит был освобожден. Дьяк Висковатый подпал суду в том же деле, но совсем по иному вопросу. Он изъявлял разные сомнения по поводу приемов тогдашнего иконописания, между прочим, соблазнялся тем, что Христа изображали в ангельском образе с крыльями, что писали образ Бога Отца, тогда как, по его мнению, не следовало вовсе изображать невидимого Божества, как равно и бесплотных сил; не одобрял также человековидных изобра-

жений добродетелей и пороков. Его осудили на трехлетнее церковное покаяние. Это обвинение замечательно особенно тем, что в нем видна злоба духовенства, хотевшего запретить мирянам свободное суждение о предметах религии. «Вам, – сказал Висковатому митрополит, – не велено о божестве и божьих делах испытывать. Знай свои дела, которые на тебя положены. Не разроняй своих списков» (дьяческих дел). В соборном приговоре о Висковатом сказано: «Всякий человек должен ведать свой чин; когда ты овца, не твори из себя пастыря. Когда ты нога, не воображай, что ты голова, но повинуйся установленному от Бога чину; отверзай свои уши на слушание благодатных учительских словес».

Во время производства этого дела или, быть может, тотчас по окончании его, привезен был в Москву из белозерских монастырей монах Феодосий Косой с несколькими товарищами, также обвиняемыми в еретических мнениях. Их посадили под стражу в одном из московских монастырей; но Косой склонил на свою сторону стражей и бежал вместе со своими товарищами. Он нашел себе убежище в Литве, женился на еврейке и проповедывал ересь с большим успехом, тем более, что в литовско-русских владениях распространялись тогда с Запада так называемые арианские мнения. Об этом еретике мы знаем из сочинения отенского монаха Зиновия (Отен – монастырь в 50 верстах от Новгорода), под названием «Истины Показание». Автор представляет, что к нему приходят три последователя ереси Косого и излагают

учение своего наставника, а Зиновий опровергает их. Из этого сочинения мы узнаем, что Косой был раб, убежавший от своего господина на господском коне и захвативший с собой одежду и еще кое-какие вещи. Последователи его доказывали, что это было не воровство, а напротив, вознаграждение, которое следовало бежавшему за его службу господину. Феодосий постригся в одном из монастырей Белозерья и своим умом приобрел к себе такое уважение, что даже прежний господин, узнавши о нем, относился к нему с приязнью. По известиям, передаваемым книгой Зиновия, Феодосий отвергал Св. Троицу, божество Иисуса Христа, считая его только богоугодным человеком, посланником свыше. «Вы толкуете, – говорил Косой, – что Бог создал рукой своей Адама, а обновить и исправить создание свое пришел Сын Божий и воплотился. Зачем ему приходиться в плоть: если Всемогущий Бог создал все своим словом, то словом же мог обновить свой образ и подобие и без вочеловечения. Никакого обветшания и падения образа и подобия Божьего в человеке не было. Человек создан смертным, как и все другие животные – рыбы, гады, птицы, звери. Как до пришествия Христова, так и после пришествия человек все был одним человеком, так же рождался, пользовался здоровьем, подвергался недугам, умирал и истлевал». Косой называл иконы идолами и подводил к ним разные изречения Ветхого Завета, направленные против богослужения, вооружался против поклонения мощам, и по этому поводу указывал на Антония Вели-

кого, который порицал египетский обычай сохранять тела мертвых. Монастыри он называл человеческим изобретением и указывал, что ни в Евангелии, ни в апостольских сочинениях нет о них ни слова. «Плотское мудрование, – говорил он, – господствует у ваших игуменов, митрополитов, епископов. Они повелевают не есть мяса, вопреки словам Христа: не входящее во уста сквернит человека. Они запрещают жениться, прямо против слов Апостола, который заранее называл „сожженными совестью“ тех, которые будут возбранять жениться и удаляться от разной пищи. Они знают только пение да каноны, чего в Евангелии не показано творить, а отвергают любовь христианскую; нет у них духа кротости; они не дают узнать нам истину, гонят нас, запирают в тюрьмы. В Евангелии не велено мучить даже и неправых. Господь сам указал это в своей притче о плевелах, а они нас гонят за истину».

В Литве Феодосий и его соучастники успешно распространяли свою ересь. Конец Феодосия неизвестен.

Глава 20

Царь Иван Васильевич Грозный

Иван Васильевич, одаренный, как мы уже сказали, в высшей степени нервным темпераментом и с детства нравственно испорченный, уже в юности начал привыкать ко злу и, так сказать, находить удовольствие в картинности зла, как показывают его вычурные истязания над псковичами. Как всегда бывает с ему подобными натурами, он был до крайности труслив в то время, когда ему представлялась опасность, и без удержу смел и нагл тогда, когда был уверен в своей безопасности: самая трусость нередко подвигает таких людей на поступки, на которые не решились бы другие, более рассудительные. Пораженный московским пожаром и народным бунтом, он отдался безответно Сильвестру, который умел держать его в суеверном страхе и окружил советниками. С тех пор Иван надолго является совершенно безличным; русская держава правится не царем, а советом людей, окружающих царя. Но мало-помалу, тяготясь этой опекой, Иван сначала робко освобождался от нее, подчиняясь влиянию других лиц, а наконец, когда вполне почувствовал, что он сильнее и могущественнее своих опекунов, им овладела мысль поставить свою царскую власть выше всего на свете, выше всяких нравственных законов. Его мучил стыд, что он, самодержец по рождению, был долго игрушкой хит-

рого попа и бояр, что с правом на полную власть он не имел никакой власти, что все делалось не по его воле; в нем загорелась свирепая злоба не только против тех, которые прежде успели стеснить его произвол, но и против всего, что вперед могло иметь вид покушения на стеснение самодержавной власти и на противодействие ее произволу. Иван начал мстить тем, которые держали его в неволе, как он выражался, а потом подозревал в других лицах такие же стремления, боялся измены, создавал в своем воображении небывалые преступления, и, смотря по расположению духа, то мучил и казнил одних, то странным образом оставлял целыми других после обвинения. Мучительные казни стали доставлять ему удовольствие: у Ивана они часто имели значение театральных зрелищ; кровь разлакомила самовластителя: он долго лил ее с наслаждением, не встречая противодействия, и лил до тех пор, пока ему не приелось этого рода развлечение. Иван не был безусловно глуп, но, однако, не отличался ни здравыми суждениями, ни благоразумием, ни глубиной и широтой взгляда. Воображение, как всегда бывает с нервными натурами, брало у него верх над всеми способностями души. Напрасно старались бы мы объяснить его злодеяния какими-нибудь руководящими целями и желанием ограничить произвол высшего сословия; напрасно пытались бы мы создать из него образ демократического государя. С одной стороны, люди высшего звания в московском государстве совсем не стояли к низшим слоям общества так враж-

дебно, чтобы нужно было из-за народных интересов начать против них истребительный поход; напротив, в период правления Сильвестра, Адашева и людей их партии, большую часть принадлежавших к высшему званию, мы видим мудрую заботливость о народном благосостоянии. С другой стороны, свирепость Ивана Васильевича постигала не одно высшее сословие, но и народные массы, как показывает бойня в Новгороде, травля народа медведями для забавы, отдача опричникам на расхищение целых волостей и т.п. Иван был человек в высшей степени бессердечный: во всех его действиях мы не видим ни чувства любви, ни привязанности, ни сострадания; если, среди совершаемых злодеяний, по-видимому, находили на него порывы раскаяния и он отправлял в монастыри милостыни на поминовение своих жертв, то это делалось из того же, скорее суеверного, чем благочестивого, страха Божьего наказания, которым, между прочим, пользовался и Сильвестр для обуздания его диких склонностей. Будучи вполне человеком злым, Иван представлял собою также образец чрезмерной лживости, как бы в подтверждение того, что злость и ложь идут рука об руку. Таким образом, Иван Васильевич в своих письмах сочинял небывалые события, явно опровергаемые известным нам ходом дел, как, например, в своем завещании он говорил: «Изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достоинства и скитаюся по странам»; или в послании в Кирилло-Белозерский монастырь обвинял в измене своих бояр, которым в то же

время поручал важные должности; или же перед польским послом сваливал вину разорения Москвы татарами на своих полководцев, а себя выставлял храбрецом, когда на деле было совсем не то.

Обыкновенно думают, что Иван горячо любил свою первую супругу; действительно, на ее погребении он казался вне себя от горести и, спустя многие годы после ее кончины, вспоминал о ней с нежностью в своих письмах. Но тем не менее оказывается, что через восемь дней после ее погребения Иван уже искал себе другую супругу и остановился на мысли сватать сестру Сигизмунда-Августа, Екатерину, а между тем, как бы освободившись от семейных обязанностей, предался необузданному разврату: так не поступают действительно любящие люди. Царь окружил себя любимцами, которые расшевеливали его дикие страсти, напевали ему о его самодержавном достоинстве и возбуждали против людей адашевской партии. Главными из этих любимцев были: боярин Алексей Басманов, сын его Федор, князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Бельский, Василий Грязной и чудовской архимандрит Левкий. Они теперь заняли место прежней «избранной рады» и стали царскими советниками в делах разврата и злодеяний. Под их наитием царь начал в 1561 г. свирепствовать над друзьями и сторонниками Адашева и Сильвестра. Тогда казнены были родственники Адашева: брат Алексея Адашева Данила с двенадцатилетним сыном, тесть его Туров, трое братьев жены Алексея

Адашева, Сатины, родственник Адашева Иван Шишкин с женою и детьми и какая-то знатная вдова Мария, приятельница Адашева, с пятью сыновьями: по известию Курбского, Мария была родом полька, перешедшая в православие, и славилась своим благочестием. Эти люди открыли собою ряд бесчисленных жертв Иванова свирепства. Сватовство Ивана Васильевича на польской принцессе не удалось. Король Сигизмунд-Август, хотя не отказывал решительно московскому государю в руке сестры, но оговаривался под разными предложениями и, наконец, приславши своего посла, поставил условием брака мирный договор, по которому Москва должна уступить Польше: Новгород, Псков, Смоленск и Северские земли. Само собою разумеется, что подобные условия не могли быть приняты и заявление их могло повести не к союзу, а к вражде. Иван Васильевич перестал думать о польской принцессе и, намереваясь в свое время отомстить соседу за свое неудачное сватовство, 21 августа 1561 года женился на дочери черкесского князя Темрюка, названной в крещении Мариєю. Брат новой царицы, Михайло, необузданный и развратный, поступил в число новых любимцев царя.

Женитьба эта не имела хорошего влияния на Ивана, да и не могла иметь: сама новая царица оставила по себе память злой женщины. Царь продолжал вести пьяную и развратную жизнь и даже, как говорят, предавался разврату противоположным образом с Федором Басмановым. Один из бо-

яр, Димитрий Овчина-Оболенский, упрекнул этим любимца. «Ты служишь царю гнусным делом содомским, а я, происходя из знатного рода, как и предки мои, служу государю на славу и пользу отечеству». Басманов пожаловался царю. Иван задумал отомстить Овчине, скрывши за что. Он ласково пригласил Овчину к столу и подал большую чашу вина с приказом выпить одним духом. Овчина не мог выпить и половины. «Вот так-то, – сказал Иван, – ты желаешь добра своему государю! Не захотел пить, ступай же в погреб, там есть разное питье. Там напьешься за мое здоровье». Овчину увели в погреб и задушили, а царь, как будто ничего не зная, послал на другой день в дом Овчины приглашать его к себе и потешался ответом его жены, которая, не ведая, что случилось с ее мужем, отвечала, что он еще вчера ушел к государю. Другой боярин, Михаил Репнин, человек степенный, не позволил царю надеть на себя шутовской маски в то время, когда пьяный Иван веселился со своими любимцами. Царь приказал умертвить его. Люди адашевского совета исчезали один за другим по царскому приказу: князь Димитрий Курлятов, один из влиятельнейших людей прежнего времени, вместе с женою и дочерьми, был сослан в каргопольский Челмский монастырь (в 1563 г.), а через несколько времени, как говорит Курбский, царь вспомнил о нем и приказал умертвить со всею семьею. Другой боярин, князь Воротынский, также один из влиятельных лиц адашевского кружка, был сослан со всею семьею на Белоозеро: к нему царь был милостивее, при-

казывал содержать его хорошо и впоследствии освободил, чтоб снова замучить, как увидим ниже. Третий из опальных бояр, князь Юрий Кашин, был без ссылки умерщвлен вместе с братом. Тогда же Иван начал преследовать семейство Шереметевых: один из них, Никита, был умерщвлен, другой, Иван Васильевич (старший), был сначала засажен в тюрьму, но потом выпущен; вместе с братом Ив. Вас. Шереметевым (меньшим) он оставался в постоянном страхе: царь подозревал их в намерении бежать и изменить.⁶⁸

Неудовольствия с Польшею, естественно возникавшие после неудачного сватовства Иванова, усилились от политических обстоятельств. Ливонский орден не в силах был бороться с Москвою; завоевывая город за городом, русские взяли крепкий Феллин, пленили магистра Фирстенберга и овладели почти всею ливонскою страню. Тогда новый магистр Готгард Кетлер, с согласия всех рыцарей, архиепископа рижского и городов Ливонии отдался польскому королю Сигизмунду-Августу. Ливония признала польского короля своим государем; Орден прекращал свое существование в смысле военно-монашеского братства (секуляризировался); сам Кетлер вступал в брак и делался наследственным владельцем Курляндии и Семигалии; Ревель с Эстляндией не захотел поступать под власть Польши и отдался Швеции: кро-

⁶⁸ Иван Васильевич (старший) спасся тем, что постригся в Кирилло-Белозерском монастыре, но и там царь не оставлял его в покое и ставил на вид игумену, что Шереметеву делают послабления: и по прошествии многих лет царь не мог забыть в нем прежнего друга Сильвестрова.

ме того, остров Эзель, в значении епископства эзельского, отдался датскому королю, который посадил там брата своего Магнуса. Сигизмунд-Август, сознавая себя государем страны, которая ему отдавалась добровольно, естественно возымел притязания на города, завоеванные Иваном. Уже в 1561 году, до формального объявления войны, начались неприязненные действия между русскими и литовцами в Ливонии. Сигизмунд-Август подстрекал на Москву крымского хана, а между тем показывал вид, что не хочет войны с Иваном, и только требовал, чтобы московский государь оставил Ливонию, так как она отдалась под защиту короля. Московские бояре не только отвечали от имени царя, что он не уступит Ливонии, но припомнили польскому посольству, что все русские земли, находившиеся во власти Сигизмунда-Августа, были достоянием предков государя, киевских князей, и самая Литва платила дань сыновьям Мономаха, а потому все Литовское Великое княжество есть вотчина государя. После таких заявлений началась война.

В начале 1563 года сам царь двинулся с войском к Полоцку. В городе начальствовал королевский воевода Довойна. Замечая, вероятно, в народе сочувствие к московскому государю, он приказал сжечь посад и выгнал из него холопов, или так называемую чернь, т.е. простой тамошний русский народ. Эти холопы перебежали в русский лагерь и указали большой склад запасов, сохраняемых в лесу, в ямах. Овладев этим складом, московское войско приступило к зам-

ку, и вскоре от стрельбы произошел там пожар. Тогда Довойна, в совете с полоцким епископом Гарабурдою, решились отдаться московскому царю. Находившиеся в городе поляки под предводительством Вершхлейского упорно защищались, наконец сдались, когда московский государь обещал выпустить их с имуществом. 15 февраля 1563 года Иван въехал в Полоцк, именовал себя великим князем полоцким и милостиво отпустил поляков в числе пятисот человек с женами и детьми, одарил их собольими шубами, но ограбил полоцкого воеводу и епископа и отправил их в Москву пленными с другими литовцами. Иван не упустил здесь случая потешиться кровопролитием и приказал пере топить всех иудеев с их семьями в Двине.⁶⁹ Тогда же, по приказанию Ивана, татары перебили в Полоцке всех бернардинских монахов. Все латинские церкви были разорены.⁷⁰ Царь оставил в Полоцке воеводой Петра Шуйского с товарищами, приказал укреплять город и не впускать в него литовских людей, но дозволил последним жить на посаде, находясь под судом воевод, которые должны были творить суд, применяясь к местным обычаям.

Царь Иван, сообразно своему характеру, тотчас же возгордился до чрезвычайности этой важной, но легко достав-

⁶⁹ Уже прежде Иван был предубежден против этого народа и не терпел его: когда-то в Москве приехавшие для торговли иудеи были выгнаны за то, что торговали «мумией», продавали отравные зелья и отводили людей от христианства.

⁷⁰ В числе убитых в Полоцке Иваном был тогда Фома, товарищ известного проповедника ереси Феодосия Косого, бежавший с ним из Москвы в Литву.

шейся победой, и, в переговорах с литовскими послами, искавшими примирения, по прежнему обычаю, запрашивал и Киева, и Волыни, и Галича; потом великодушно уступал эти земли, ограничиваясь требованием себе Полоцка и Ливонии, и чванился своим мнимым происхождением от Пруса, небывалого брата римского Цезаря Августа.

Примирение надолго не состоялось; война продолжалась, но шла очень вяло, так что несколько лет ни с той ни с другой стороны не произошло ничего замечательного. Между тем произошли события, подействовавшие на Ивана и усилившие его кровожадные наклонности. Раздраженный против бояр, сторонников Адашева и Сильвестра, он боялся измены от всех тех, кого подозревал в дружбе со своими прежними опекунами. Ему казалось, что, за невозможностью овладеть снова царем, они перейдут к Сигизмунду-Августу или к крымскому хану или же будут в соумышлении с врагами действовать во вред царю. При такой подозрительности царь брал с них поручные записи в том, чтобы служить верно государю и его детям, не искать другого государя и не отъезжать в Литву и иные государства. Подобные записи взяты были еще в 1561 году с князя Василия Глинского, с бояр: князя Ивана Мстиславского, Василия Михайлова, Ивана Петрова, Федора Умного, князя Андрея Телятевского, князя Петра Горенского, Данила Романова и Андрея Васильева. Всего замечательнее дошедшие до нас поручные записи князя Ивана Димитриевича Бельского. В марте 1562 года царь

заставил за него поручиться множество знатных лиц, с обязанностью уплатить 10000 рублей в случае его измены, а в апреле 1563 года с этого же боярина взята новая запись, в которой он сознается, что преступил крестное целование, ссылался с Сигизмундом-Августом и хотел бежать к нему. Едва ли Бельский справедливо показал на себя; едва ли бы Иван мог простить такую измену, которую не простил бы и более добрый государь! Судя по тому, что делалось и после, вероятно, в угоду подозрительному и жадному Ивану, боярин сам наговорил на себя, а поручники поплатились за него; царь же простил его, зная, что он не виноват. Подобная запись взята была с князя Александра Ивановича Воротынского, и в числе поручителей был обвиненный Иван Димитриевич Бельский: но за самых поручителей Воротынского, в случае несостоятельности в уплате за него 15000 рублей, взята еще запись с разных других лиц в качестве поручителей за поручителей. Подозрительность и злоба царя естественно усилились, когда произошли случаи действительного, а не только воображаемого отъезда в Литву. Князь Димитрий Вишневецкий, прибывший в Московское государство с целью громить Крым, увидел, что цель его не достигается, ушел к Сигизмунду-Августу и примирился с ним.⁷¹ Иван притворялся, будто это бегство нимало его не тревожило, и в наказе своему гонцу велел говорить в Литве, когда спросят про кня-

⁷¹ Через два года со своими казаками пустился на турок, овладел Молдавией, но был разбит, взят в плен и умер мученической смертью в Константинополе.

зя Вишневецкого: «Притек он к нашему государю, как собака, и утек, как собака, и нашему государю и земле не причинил он никакого убытка». Но тогда же царь приказал разведывать о Вишневецком под рукою. В то же время бежали в Литву Алексей и Гаврило Черкасские. Царь так был занят их отъездом, что стороною разведывал, не захотят ли они опять воротиться, и обещал им милость. Все это показывает, как сильно тревожила его мысль о побегах из его государства. Более всего подействовало на Ивана бегство князя Курбского. Этот боярин, один из самых даровитых и влиятельных членов адашевского кружка, начальствуя войском в Ливонии, в конце 1563 года бежал из Дерпта в город Вольмар, занятый тогда литовцами, и отдался королю Сигизмунду-Августу, который принял его ласково, дал ему в поместье город Ковель и другие имения. Поводом к этому бегству было (как можно заключить из слов Курбского и самого Ивана) то, что Иван глубоко ненавидел этого друга Адашевых, взваливал на него подозрение в смерти жены своей Анастасии, ожидал от него тайных злоумышлений, всякого противодействия своей власти, и искал только случая, чтобы погубить его. Курбский не ограничился бегством, но посылал из нового отечества к царю укоризненные, едкие письма, дразнил его, а царь писал ему длинные ответы, и хотя называл в них Курбского «собакою», но старался оправдать перед ним свои поступки. Переписка эта представляет драгоценный материал, объясняющий более, чем все другое, характер царя Ива-

на. Поступок Курбского, но более всего его письма и невозможность наказать «беглого раба» за дерзость довели раздражительного и подозрительного царя до высшей степени злости и тиранства, граничившего уже с потерей рассудка. В 1564—65 годах царь продолжал брать поручные записи со своих бояр в том, чтобы они не бегали в Литву (см. записи, взятые с Ив. Вас. Шереметева-Большого, бояр: Яковлева, Салтыкова, князя Серебряного и других, в С. Г. А. ч. 1, стр. 496—526), а между тем происходили новые побег; бежали уже не одни знатные люди. Убежали в Литву первые московские типографы: Иван Федоров и Петр Мстиславец; бежали многие дворяне и дети боярские, между прочим, Тетерин и Сарыхозин. Последние написали дерптскому наместнику боярину Морозову замечательное письмо, показывающее, какие перемены в тогдашнем управлении возбуждали неудовольствие. Поставляя на вид боярам, что царь плохо ценит их службу и окружает себя новыми людьми, дьяками, Тетерин говорит: «Твое юрьевское наместничество не лучше моего Тимохина невольного чернечества (т.е., что Тетерин был также неволей пострижен в монахи, как Морозов посажен наместником), тебя государь жалует так, как турецкий султан Молдавского: жену у тебя взял в заклад, а дохода тебе не сказал ни пула (мелкая монета), повелел еще 2000 занять себе на еду, а заплатить-то нечем; невежливо сказать: чай не очень тебе верят. Есть у великого князя новые верники, дьяки: они его половиной кормят, а большую полови-

ну себе берут. Их отцы вашим отцам и в холопство не годились, а ныне не только землею владеют, а и головами вашими торгуют. Бог, видно, у вас ум отнял, что вы за жен и детей и вотчины головы свои кладете, а их губите, а себе все-таки не пособите! Смею, государь, спросить: каково тем, у кого мужей и отцов различною смертью побили несправедливо?..» Действительно, это была эпоха, когда значение породы уступало сильно значению службы. Из сословия детей боярских выдвигались прежде называемые дети боярские дворовые и стали называться дворянами: они составляли высший слой между детьми боярскими и скоро образовали отдельное сословие. Их значение состояло в относительной близости к царю; в звание дворян возводились из детей боярских по царской милости. Дьяки, прежде занимавшиеся письмоводством под начальством бояр и окольничьих, стали важными людьми: царь доверял им более, чем родовитым людям.

Курбский между тем давал Сигизмунду-Августу советы, как воевать московского царя, и сам предводительствовал отрядом против своих соотечественников. В конце 1564 года разнесся слух, что огромная сила двигается из Литвы к Полоцку; а между тем Девлет-Гирей, побуждаемый Сигизмундом-Августом, идет в южные пределы Московского государства. Крымцам на этот раз не посчастливилось: они подходили к Рязани и отступили; но царь ожидал с двух сторон нового нашествия врагов, а внутри государства ему мерещились изменники. Он желал проливать кровь, но трусил и из-

мыслил такое средство, которое бы в народных глазах придавало законность самым необузданным его неистовствам. Трусость привела Ивана к мысли устроить, так сказать, комедию, в которой народу выпало бы на долю просить царя мучить и казнить кого угодно царю.

В конце 1564 года царь приказал собрать из городов в Москву с женами и детьми дворян, детей боярских и приказных людей, выбрав их поименно. Разнесся слух, что царь собирался ехать неизвестно куда. Иван вот что объявил духовным и светским знатым лицам. Ему сделалось известным, что многие не терпят его, не желают, чтобы царствовал он и его наследники, злоумышляют на его жизнь; поэтому он намерен отказаться от престола и передать правление всей земле. Говорят, что с этими словами Иван положил свою корону, жезл и царскую одежду. На другой день со всех церквей и монастырей духовные привозили к Ивану образа; Иван кланялся перед ними, прикладывался к ним, брал от духовных благословение, потом несколько дней и ночей ездил он по церквам; наконец, 3 декабря приехало в Кремль множество саней; начали из дворца выносить и укладывать всякие драгоценности: иконы, кресты, одежды, сосуды и пр. Всем прибывшим из городов дворянам и детям боярским приказано собираться в путь с царем. Выбраны были также некоторые из бояр и дворян московских для сопровождения царя, с женами и детьми. В Успенском соборе велено было служить обедню митрополиту Афанасию, заступившему место

Макария (31 декабря 1563). Отслушавши литургию в присутствии всех бояр, царь принял благословение митрополита, дал целовать свою руку боярам и прочим, присутствовавшим в церкви; затем сел в сани с царицею и двумя сыновьями. С ним отправились любимцы его: Алексей Басманов, Михайло Салтыков, князь Афанасий Вяземский, Иван Чоботов, избранные дьяки и придворные. Вооруженная толпа выборных дворян и детей боярских сопровождала их. Все в Москве были в недоумении. Ни митрополит, ни святители, съехавшиеся тогда в столицу, не смели просить у царя объяснения. Две недели, по причине оттепели, царь должен был пробыть в селе Коломенском, потом переехал со всем своим обозом в село Тайнинское, а оттуда через Троицкий монастырь прибыл в Александровскую слободу, свое любимое местопребывание.

Никто из Москвы не осмелился обратиться к удалившемуся государю. Наконец, 3 января приехал от него в столицу Константин Поливанов с грамотою к митрополиту. Иван объявлял, что он положил гнев свой на богомольцев своих, архиепископов, епископов и все духовенство, на бояр, окольничьих, дворецкого, казначея, конюшего, дьяков, детей боярских, приказных людей; припоминал, какие злоупотребления расхищения казны и убытки причиняли они государству во время его малолетства; жаловался, что бояре и воеводы разобрали себе, своим родственникам и друзьям государевы земли, собрали себе великие богатства, поместья, вотчи-

ны, не радят о государе и государстве, притесняют христиан, убегают от службы; а когда царь, – сказано было в грамоте, – захочет своих бояр, дворян, служилых и приказных людей понаказать, архиепископы и епископы заступаются за виновных; они заодно с боярами, дворянами и приказными людьми покрывают их перед государем. Поэтому государь, от великой жалости, не хочет более терпеть их изменных дел и поехал поселиться там, где его Господь Бог наставит.

Гонец привез от государя другую грамоту к гостям, купцам и ко всему московскому народу. В ней государь писал, чтобы московские люди нимало не сомневались: на них нет от царя ни гнева, ни опалы.

Понятно, что такое посольство произвело неописанный ужас в Москве; не говоря уже о том, что государство оставалось без главы в то время, когда находилось в войне с соседями, внутри его можно было ожидать междоусобий и беспорядков. Одним Иван объявлял гнев, другим милость и, таким образом, разъединял народ, вооружал большинство против меньшинства, чернил перед толпою народа весь служилый класс и даже духовенство, и, таким образом, заранее предавал огулом и тех и других народному суду, которого исполнителем должен быть он сам. Царь как бы становился заодно с народом против служилых. Само собою разумеется, что ни служилые, ни духовные не могли ни оправдываться, ни возвышать за себя голоса. Весь народ возопил: «Пусть государь не оставляет государства, не отдает на расхищение

волкам, избавит нас из рук сильных людей. Пусть казнит своих лиходеев! В животе и смерти волен Бог и государь!...» Бояре, служилые люди и духовные, волею-неволею должны были произносить то же, и говорили митрополиту: «Все своими головами едем за тобою бить государю челом и плакаться». Некоторые из простого народа говорили: «Пусть царь укажет своих изменников и лиходеев; мы сами их истребим».

Положили, чтобы митрополит остался в столице, где начинался уже беспорядок. Вместо него поехали святители, а главным между ними новгородский архиепископ Пимен; в числе этих духовных был давний Иванов наушник, архимандрит Левкий; с духовенством отправились бояре, князь Иван Димитриевич Бельский, князь Иван Феодорович Мстиславский и другие. Были с ними дворяне и дети боярские. Как только они появились, то были тотчас, по царскому приказанию, окружены стражею. Царь принимал их как будто врагов в военном лагере. Посольство в льстивых выражениях восхваляло его заслуги, его мудрое правление, величало его грозой и победителем врагов, распространителем пределов государства, единым правоверным государем по всей вселенной, обладающим богатою строною, над которою почиет свыше благословение Божие и явно показывающее свою силу во множестве святых, их же нетленные тела почивют в русском царстве.

«Если, государь, – говорили они, – ты не хочешь помыслить ни о чем временном и преходящем, ни о твоей великой

земле и ее градах, ни о бесчисленном множестве покорного тебе народа, то помысли о святых чудотворных иконах и единой христианской вере, которая твоим отшествием от царства подвергнется если не конечному разорению и истреблению, то осквернению от еретиков. А если тебя, государь, смущает измена и пороки в нашей земле, о которых мы не ведаем, то воля твоя будет и миловать и строго казнить виновных, все исправляя мудрыми твоими законами и уставами».

Царь сказал им, что он подумает, и через несколько времени призвал их снова и дал такой ответ:

«С давних времен, как вам известно из русских летописцев, даже до настоящих лет, русские люди были мятежны нашим предкам, начиная от славной памяти Владимира Мономаха, пролили много крови нашей, хотели истребить достославный и благословенный род наш. По кончине блаженной памяти родителя нашего, готовили такую участь и мне, вашему законному наследнику, желая поставить себе иного государя; и до сих пор я вижу измену своими глазами; не только с польским королем, но и с турками и крымским ханом входят в соумышление, чтоб нас погубить и истребить; извели нашу кроткую и благочестивую супругу Анастасию Романовну; и если бы Бог нас не охранил, открывая их замыслы, то извели бы они и нас с нашими детьми. Того ради, избегая зла, мы поневоле должны были удалиться из Москвы, выбрав себе иное жилище и опричных советников и людей».

Иван подал им надежду возвратиться и снова принять жезл правления, но не иначе, как окруживши себя особо выбранными, «опричными» людьми, которым он мог доверять и посредством их истреблять своих лиходеев и выводить из-мену из государства.

2-го февраля царь прибыл в Москву и явился посреди духовенства, бояр, дворян и приказных людей. Его едва узнали, когда он появился. Злоба исказила черты лица, взгляд был мрачен и свиреп: беспокойные глаза беспрестанно перебегали из стороны в сторону: на голове и бороде вылезли почти все волосы. Видно было, что перед этим он понес потрясение, которое зловредно подействовало на его здоровье. С этих пор поступки его показывают состояние души, близкое к умопомешательству. Вероятно, такой перемене в его организме содействовала и его развратная жизнь, неумеренность во всех чувственных наслаждениях, которым он предавался в этот период своего царствования. Иван объявил, что он, по желанию и челобитью московских людей, а наипаче духовенства, принимает власть снова с тем, чтобы ему на своих изменников и непослушников вольно было класть опалы, казнить смертью и отбирать на себя их имущество, и чтобы духовные вперед не надоедали ему челобитьем о помиловании опальных. Иван предложил устав Опричнины, придуманный им или, быть может, его любимцами. Он состоял в следующем: Государь поставит себе особый двор и учинит в нем особый приход, выберет себе бояр, окольные

чьих, дворецкого, казначея, дьяков, приказных людей, отберет себе особых дворян, детей боярских, стольников, стряпчих, жильцов: поставит в царских службах (во дворцах – Сытном, Кормовом и Хлебном) всякого рода мастеров и приспешников, которым он может доверять, а также особых стрельцов. Затем все владения Московского государства раздвоились: государь выбирал себе и своим сыновьям города с волостями⁷², которые должны были покрывать издержки на царский обиход и на жалованье служилым людям, отобранным в Опричнину. В волостях этих городов поместья исключительно раздавались тем дворянам и детям боярским, которые были записаны в Опричнину, числом 1000: те из них, которых царь выберет в иных городах, переводятся в опричные города, а все вотчинники и помещики, имевшие владения в этих опричных волостях, но невыбранные в Опричнину, переводятся в города и волости за пределами Опричнины. Царь сделал оговорку, что если доходы с отделенных в Опричнину городов и волостей будут недостаточны, то он будет брать еще другие города и волости в Опричнину. В са-

⁷² Города Можайск, Вязьму, Козелеск, Перемышль. два жеребья, Белев, Лихвин обе половины, Ярославец и с Суходровью, Медынь и с Товарковою, Суздаль и с Шуею, Галич со всеми пригородки, с Чухломою и с Унжею, и с Коряковым и с Белгородьем, Вологду, Юрьевец Повольской, Балахну и с Узолою, Старую Русу город, Вышегород на Поротве, Устюг со всеми волостями, гор. Двину, Каргополе, Вагу, а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздну, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгороде в Кашине, да волости Вселунь, Ошту, Порог Ладожской, Тотму, Прибут и иные волости.

мой Москве взяты были в Опричнину некоторые улицы и слободы, из которых жители, не выбранные в Опричнину, выводились прочь.

Вместо Кремля царь приказал строить себе другой двор за Неглинной (между Арбатской и Никитской улицами), но главное местопребывание свое назначал он в Александровской Слободе, где приказал также ставить дворы для своих выбранных в Опричнину бояр, князей и дворян. Вся затем остальная Русь называлась Земщиною, поверялась земским боярам: Бельскому, Мстиславскому и другим. В ней были старые чины, таких же названий, как в Опричнине: конюший, дворецкий, казначей, дьяки, приказные и служилые люди, бояре, окольниковый, стольники, дворяне, дети боярские, стрельцы и пр. По всем земским делам в Земщине относились к боярскому совету, а бояре в важнейших случаях докладывали государю. Земщина имела значение опальной земли, постигнутой царским гневом. За подъем свой государь назначил 100000 рублей, которые надлежало взять из земского приказа, а у бояр, воевод и приказных людей, заслуживших за измену гнев царский или опалу, определено было отбирать имения в казну.

Царь уселся в Александровской Слободе, во дворце, обведенном валом и рвом. Никто не смел ни выехать, ни въехать без ведома Иванова: для этого в трех верстах от Слободы стояла воинская стража. Иван жил тут, окруженный своими любимцами, в числе которых Басмановы, Малюта Ску-

ратов и Афанасий Вяземский занимали первое место. Любимцы набирали в Опричнину дворян и детей боярских, и вместо 1000 человек вскоре наверстали их до 6000, которым раздавались поместья и вотчины, отнимаемые у прежних владельцев, долженствовавших терпеть разорение и переселяться со своего пепелища. У последних отнимали не только земли, но даже дома и все движимое имущество; случалось, что их в зимнее время высылали пешком на пустые земли. Таких несчастных было более 12000 семейств; многие погибали на дороге. Новые землевладельцы, опираясь на особенную милость царя, дозволяли себе всякие наглости и произвол над крестьянами, жившими на их землях, и вскоре привели их в такое нищенское положение, что казалось, как будто неприятель посетил эти земли. Опричники давали царю особую присягу, которой обязывались не только доносить обо всем, что они услышат дурного о царе, но не иметь никакого дружеского сообщения, не есть и не пить с земскими людьми. Им даже вменялось в долг, как говорят летописцы, насиловать, предавать смерти земских людей и грабить их дома. Современники иноземцы пишут, что символом опричников было изображение собачьей головы и метла в знак того, что они кусаются как собаки, оберегая царское здравие, и выметают всех лиходеев. Самые наглые выходки дозволяли они себе против земских. Так, например, подошлет опричник своего холопа или молодца к какому-нибудь земскому дворянину или посадскому: подосланный определится к зем-

скому хозяину в слуги и подкинет ему какую-нибудь ценную вещь; опричник нагрянет в дом с приставом, схватит своего мнимо беглого раба, отыщет подкинутую вещь и заявит, что его холоп вместе с этою вещью украл у него большую сумму. Обманутый хозяин безответен, потому что у него найдено поличное. Холоп опричника, которому для вида прежний господин обещает жизнь, если он искренно сознается, показывает, что он украл у своего господина столько-то и столько и передал новому хозяину. Суд изрекает приговор в пользу опричника; обвиненного ведут на правож на площадь и бьют по ногам палкой до тех пор, пока не заплатит долга, или же, в противном случае, выдают головою опричнику.

Таким или подобным образом многие теряли свои дома, земли и бывали обобранны до ниточки; а иные отдавали жен и детей в кабалу и сами шли в холопы. Всякому доносу опричника на земского давали веру; чтобы угодить царю, опричник должен был отличаться свирепостью и бессердечием к земским людям; за всякий признак сострадания к их судьбе опричник был в опасности от царя потерять свое поместье, подвергнуться пожизненному заключению, а иногда и смерти. Случалось, едет опричник по Москве и завернет в лавку; там боятся его как чумы; он подбросит что-нибудь, потом придет с приставом и подвергнет конечному разорению купца. Случалось, заведет опричник с земским на улице разговор, вдруг схватит его и начнет обвинять, что земский ему сказал поносное слово; опричнику верят. Обидеть цар-

ского опричника было смертельным преступлением; у бедного земского отнимают все имущество и отдают обвинителю, а нередко сажают на всю жизнь в тюрьму, иногда же казнят смертью. Если опричник везде и во всем был высшим существом, которому надобно угождать, земский был – существо низшее, лишенное царской милости, которое можно как угодно обижать. Так стояли друг к другу служилые, приказные и торговые люди на одной стороне в Опричнине, на другой в Земщине. Что касается до массы народа, до крестьян, то в Опричнине они страдали от произвола новопоселенных помещиков: состояние рабочего народа в Земщине было во многих отношениях еще хуже, так как при всяких опалах владельцев разорение постигало массу людей, связанных с опальными условиями жизни, и мы видим примеры, что мучитель, казнивши своих бояр, посылал разорять их вотчины. При таком новом состоянии дел на Руси чувство законности должно было исчезнуть. И в этот-то печальный период потеряли свою живую силу начатки общинного самоуправления и народной льготы, недавно установленные правительством Сильвестра и Адашева: правда, многие формы в этом роде оставались и после; но дух, оживлявший их, испарился под тиранством царя Ивана. Учреждение Опричнины, очевидно, было таким чудовищным орудием деморализации народа русского, с которым едва ли что-нибудь другое в его истории могло сравниться, и глядевшие на это иноземцы справедливо замечают: «Если бы сатана хотел выдумать

что-нибудь для порчи человеческой, то и тот не мог бы выдумать ничего удачнее».

Свирепые казни и мучительства возрастали со введения Опричнины чудовищным образом. На третий день после появления царя в Москве казнен был зять Мстиславского, одного из первых бояр, которому поверена была Земщина, – Александр Горбатый Шуйский с семнадцатилетним сыном и другие. Иные были насильно пострижены; другие сосланы. С некоторых Иван Васильевич брал новые записи в верности, а Михаила Воротынского освободил из ссылки, чтобы впоследствии замучить. Царский образ жизни стал вполне достоин полупомешанного. Иван завел у себя в Александровской слободе подобие монастыря, отобрал 300 опричников, надел на них черные рясы сверх вышитых золотом кафтанов, на головы тафьи или шапочки; сам себя назвал игуменом, Вяземского назначил келарем, Малюту Скуратова пономарем, сам сочинил для братии монашеский устав и сам лично с сыновьями ходил звонить на колокольню. В двенадцать часов ночи все должны были вставать и идти к продолжительной полуночнице. В четыре часа утра ежедневно по царскому звону вся братия собиралась к заутрени к богослужению, и кто не являлся, того наказывали восьмидневной эпитимией. Утреннее богослужение, отправляемое священниками, длилось по царскому приказанию от четырех до семи часов утра. Сам царь так усердно клал земные поклоны, что у него на лбу образовались шишки. В восемь часов шли

к обедне. Вся братия обедала в трапезной; Иван, как игумен, не садился с нею за стол, читал перед всеми житие дневного святого, а обедал уже после один. Все наедались и напивались досыта; остатки выносились нищим на площадь. Нередко, после обеда, царь Иван ездил пытать и мучить опальных, в них у него никогда не было недостатка. Их приводили целыми сотнями, и многих из них перед глазами царя замучивали до смерти. То было любимое развлечение Ивана: после кровавых сцен он казался особенно веселым. Современники говорят, что он всегда дико смеялся, когда смотрел на мучения своих жертв. Сама монашеская братия его служила ему палачами, и у каждого под рясою был для этой цели длинный нож. В назначенное время отправлялась вечерня, затем братия собиралась на вечернюю трапезу, отправлялось повечерие, и царь ложился в постель, а слепцы попеременно рассказывали ему сказки. Иван хотя и старался угодить Богу прилежным исполнением правил внешнего благочестия, но любил временами и иного рода забавы. Узнает, например, царь, что у какого-нибудь знатного или незнатного человека есть красивая жена, прикажет своим опричникам силой похитить ее в собственном доме и привезти к нему. Поигравши некоторое время со своей жертвой, он отдавал ее на поругание опричникам, а потом приказывал отвезти к мужу. Иногда из опасения, чтобы муж не вздумал мстить, царь отдавал тайный приказ убить его или утопить. Иногда же царь потешался над опозоренными мужьями. Ходил в его время

рассказ, что у одного дьяка (у историка Гвагини он называется Мясоедовским) он таким образом отнял жену, потом, вероятно, узнавши, что муж изъявлял за это свое неудовольствие, приказал повесить изнасилованную жену над порогом его дома и оставить труп в таком положении две недели; а у другого дьяка была повешена жена по царскому приказу над его обеденным столом. Нередки были также случаи изнасилования девиц, и он сам хвастался этим впоследствии. Царю особенно хотелось уличить своих главных бояр в измене. И вот князя Бельский, Мстиславский, Воротынский и конюший Иван Петрович Челяднин получили от короля Сигизмунда и литовского гетмана Хоткевича письма, приглашавшие их перейти в Литву на службу. Бояре доставили эти письма Ивану и отвечали королю с ведома царя не только отказом, но даже с бранью и насмешками, вроде следующих: «Будь ты на польском королевстве, – пишет Бельский Сигизмунду, – а я на великом княжестве Литовском и на русской земле, и оба будем под властью царского величества»; или как написал конюший Иван Петрович: «Я стар для того, чтобы ходить в твою спальню с распутными женщинами и потешать тебя „машкарством“ (от слова маска)». Ответы эти от четырех лиц обличают одну и ту же сочинившую их руку и, вероятно, писаны под диктовку царя; сомнительно, чтобы в самом деле существовали приглашительные письма к московским боярам, они, по крайней мере, не сохранились в польских делах, тогда как в последних есть боярские (ра-

зумеется, черновые) ответы; видно, все это была хитрость Ивана, желавшего испытать своих бояр и при малейшем подозрении погубить их. Но бояре представили письма царю. Царю не было повода придраться к ним; но нетрудно было ему выдумать другой повод погубить конюшего, которого он особенно не терпел. Царь обвинил несчастного старика, будто он хочет свергнуть его с престола и сам сделаться царем; царь призвал конюшего к себе, приказал одеться в царское одеяние, посадил на престол, сам стал кланяться ему в землю и говорил: «Здрав буди, государь всея Руси! Вот ты получил то, чего желал; я сам тебя сделал государем, но я имею власть и свергнуть тебя с престола». С этими словами он вонзил нож в сердце боярина и приказал умертвить его престарелую жену. Вслед за тем Иван приказал замучить многих знатных лиц, обвиненных в соумышлении с конюшим. Тогда погибли князья Куракин-Булгаков, Дмитрий Ряполовский, трое князей Ростовских, Петр Щенятев, Турунтай-Пронский, казначей Тютин, думный дьяк Казарин-Дубровский и много других. По приказанию царя, опричники хватали жен опальных людей, насиловали их, некоторых приводили к царю, врывались в вотчины, жгли дома, мучили, убивали крестьян, раздевали донага девушек и в поругание заставляли их ловить кур, а потом стреляли в них. Тогда многие женщины от стыда сами лишали себя жизни.

Земщина представляла собой как бы чужую покоренную страну, преданную произволу завоевателей, но в то же время

Иван допускал поразительную непоследовательность и противоречие, вообще отличавшее его характер и соответствовавшее нездоровому состоянию души. Ту же Земщину, в которой он на каждом шагу видел себе изменника, царь собирал для совещания о важнейших политических делах. В 1566 году, по поводу литовских предложений о перемирии, царь Иван созвал земских людей разных званий и предложил им, главным образом, на обсуждение вопрос: уступать ли, по предложению Сигизмунда-Августа, Литве некоторые города и левый берег Двины, оставивши за собою город Полоцк на правой стороне этой реки? Мнения отбирались по сословиям. Сначала подали свой голос духовные, начиная с новгородского архиепископа Пимена, три архиепископа, шесть епископов и несколько архимандритов, игуменов и старцев, потом – бояре, окольничьи, казначеи, печатник и дьяки, всего 29 человек; из них печатник Висковатый подавал особое мнение, впрочем, в сущности схожее в главном с остальными, за ними 193 человека дворян, разделенных на первую и вторую статью; за ними особо несколько торопецких и луцких помещиков, потом 31 человек дьяков и приказных людей, и наконец, торговые люди, из которых отмечено 12 гостей, 40 торговых людей и несколько смольнян, спрошенных особо, вероятно, по причине их близости к границе. Все они говорили в одном смысле: не отдавать ливонских городов и земли на правом берегу Двины, принадлежавшей Полоцку, но, в сущности, предоставляли государю поступить по свое-

му усмотрению («ведает Бог да государь: как ему, государю, угодно, так и нам, холопом его»). В заключение все должны были целовать крест на том, чтобы служить царю, его детям и их землям, кто во что приходится, и стоять против государевых недругов. Дума эта, как нам кажется, была плодом подозрительности Ивана; везде видел он тайных изменников, мерещились ему тайные доброжелатели Литвы, и он пытался этим путем как-нибудь отыскать их по их словам, если кто нечаянно проговорится, иначе трудно объяснить совещание с народом того царя, который предал уже этот народ своей опале. По крайней мере, нельзя предполагать, чтобы на соборе этом была одна Опричнина без Земщины. Созванные говорили то, что, по их соображению, было угодно Ивану.

Замечательно, что во время сумасбродства московского царя в соседней стране, в Швеции, царствовал также полупомешанный сын Густава-Вазы, Эрик. Из страха за престол, он засадил в тюрьму брата своего Иоанна, женатого на той самой польской принцессе Екатерине, за которую некогда сватался московский царь. Иван не мог забыть своего неудачного сватовства; неуспех свой он считал личным оскорблением. Он сошелся с Эриком, уступал ему навеки Эстонию с Ревелем, обещал помогать против Сигизмунда и доставить выгодный мир с Данией и Ганзою, лишь бы только Эрик выдал ему свою невестку Екатерину. Эрик согласился, и в Стокгольм приехал боярин Воронцов с товарищами, а другие бояре готовились уже принимать Екатерину на границе.

Но члены государственного совета в Швеции целый год не допускали русских до разговора с Эриком и представляли им невозможность исполнить такое незаконное дело: наконец, в сентябре 1568 года – низложили с престола своего сумасшедшего тирана, возвели брата его Иоанна. Русские послы, задержанные еще несколько месяцев в Швеции, как бы в неволе, со стыдом вернулись домой. Иван был вне себя от ярости и намеревался мстить шведам; а чтобы развязать себе руки со стороны Польши, он решился на перемирие с Сигизмундом-Августом, тем более, что война с Литвою велась до крайности лениво и русские не имели никаких успехов. Иван на этот раз сделал первый шаг к примирению, выпустил из тюрьмы польского посланника, которого задержал прежде, вопреки народным правам, и, отправляя в Польшу своих гонцов, приказал им обращаться там вежливо, а не так грубо, как бывало прежде.

В это время Ивану пришлось вступить в борьбу с церковною властью за свой произвол, доведенный до сумасбродства. Иван задался убеждением, что самодержавный царь может делать все, что ему вздумается, что не должно быть на земле права, которое бы могло поставить преграды его произволу или даже осуждать его деяния, как бы они ни были безнравственны и неразумны. Митрополит Макарий был человек уклончивый. В былое время он был заодно с адашевской партией, но когда государь разогнал ее, Макарий скромно глядел на то, что делал царь, и хотя не пристал из подо-

бострастия к врагам своих прежних друзей, но, однако, и не пошел с последними. Когда заочно судили Сильвестра, Макарий возвысил было за него голос, но очень слабый. Сильвестр был заточен, его друзья и сторонники были истребляемы или подвергались гонению, Макарий оставался митрополитом и только скромно и смиренно дерзал просить Ивана о милосердии к опальным; царю и это было не по сердцу. Преемник Макария Афанасий, бывший царский духовник, был, как кажется, еще покорнее, но царь был недоволен и им; и он осмеливался иногда печалиться об опальных. Когда Иван оставлял Москву для Александровской Слободы и прикидывался, будто хочет покинуть престол, то в числе причин, побуждавших его к отречению, выставлял и то обстоятельство, что митрополит и епископы бьют ему челом за опальных. Опричина была введена; Афанасий не смел прекословить. Но недолго этот пастырь выносил новый порядок вещей и удалился в Чудов монастырь на покой. Это было в 1566 году. Надлежало выбрать нового первопрестольника. Выбор пал на казанского архиепископа Германа, из рода бояр Полевых, старца святой жизни, прославившегося своими подвигами распространения христианства в казанской земле. Представившись первый раз царю, нареченный митрополит хотя не укорял Ивана прямо за его жизнь, но начал с ним беседу о христианском покаянии; беседа его очень не понравилась царю. Воспользовавшись этим, Алексей Басманов доказал царю то, что было в душе Ивана: этот Герман походил

на Сильвестра, говорил с царем как Сильвестр. Иван прогнал Германа. Старец вскоре умер. Разнесся слух, будто царь приказал тайно спровадить его.

Тогда царь предложил в митрополиты соловецкого игумена Филиппа. Духовные и бояре единогласно говорили, что нет человека более достойного.

Филипп происходил из знатного и древнего боярского рода Колычевых. Отец его, боярин Стефан, был важным сановником при Василии Ивановиче. Мать его Варвара наследовала богатые владения новгородской земли. Во время правления Елены Колычевы держались стороны князя Андрея, и трое из них были казнены с падением этого князя.

Молодой сын умершего Стефана, Федор, служил в ратных и земских делах. Царь Иван, будучи малолетним, видал его и, как говорят, любил. Достигши тридцатилетнего возраста, Федор Колычев удалился от мира и постригся в Соловецком монастыре. Что собственно побудило его к этому – неизвестно, но так как, вопреки всеобщему обычаю жениться рано, он оставался безбрачным, то должно думать, что причиной этого было давнее недовольство тогдашнею жизненною средою и расположение к благочестию. Через десять лет Филипп был поставлен игуменом Соловецкой обители.

Во всей истории русского монашества нет другого лица, которое бы, при обычном благочестии, столько же помнило обязанность заботиться о счастье и благосостоянии ближних и умело соединять с примерною набожностью практи-

ческие цели в пользу других. Филипп был образцовый хозяин, какого не было ему равного в русской земле в его время. Дикие, неприступные острова Белого моря сделались в его время благоустроенными и плодородными. Пользуясь богатством, доставшимся ему по наследству, Филипп прорыл каналы между множеством озер, осушил их, образовал одно большое озеро, прочистил заросли, засыпал болота, образовал превосходные пастбища, удобрил каменистую почву, навозил, где было нужно, землю, соорудил каменную пристань, развел множество скота, завел северных оленей и устроил кожевенный завод для обделки оленьих кож, построил каменные церкви, гостиницы, больницы, подвинул производство соли в монастырских волостях, ввел выборное управление между монастырскими крестьянами, приучал их к труду, порядку, ограждал от злоупотреблений, покровительствуя трудолюбию, заботился о их нравственности, выводил пьянство и тунеядство, одним словом, был не только превосходным настоятелем монастыря, но выказал редкие способности правителя над обществом мирских людей.

Неудивительно, что этого человека везде знали и уважали, а потому естественно было всем считать его самым достойным человеком для занятия митрополичьего престола. Но выбор со стороны подозрительного царя человека из боярского рода, который некогда заявлял себя против его матери Елены, может быть отнесен к тем противоречиям, которые были так нередки в поступках полоумного Ивана. Как бы то

ни было, Филипп был призван в Москву. Когда он проезжал через Новгород, к нему сошлись жители и молили ходатайствовать за них перед царем, так как носился слух, что царь держит гнев на Новгород. При первом представлении царю Филипп только просил отпустить его назад в Соловки. Это имело вид обычного смирения. Царь, епископы и бояре уговаривали его. Тогда Филипп открыто начал укорять епископов, что они до сих пор, молча, смотрят на поступки царя и не говорят царю правды. «Не смотрите на то, – говорил он, – что бояре молчат; они связаны житейскими выгодами, а нас Господь для того и отрешил от мира, чтобы мы служили истине, хотя бы и души наши пришлось положить за паству, иначе вы будете истязаемы за истину в день судный». Епископы, непривычные к такой смелой речи, молчали, а те, которые старались угодить царю, восстали на Филиппа за это.

Никто не смел говорить царю правды; один Филипп явился к нему и сказал: «Я повинуюсь твоей воле, но оставь Опричнину, иначе мне быть в митрополитах невозможно. Твое дело не богоугодное; сам Господь сказал: аще царство разделится, запустеет! На такое дело нет и не будет тебе нашего благословения».

«Владыка святой, – сказал царь, – воссташа на меня „мнози“, мои же меня хотят поглотить».

«Никто не замышляет против твоей державы, поверь мне, – ответил Филипп. – Свидетель нам всевидящее око Божье; мы все приняли от отцов наших заповедь чтить царя.

Показывай нам пример добрыми делами, а грех влечет тебя в геенну огненную. Наш общий владыка Христос повелел любить Бога и любить ближнего как самого себя: в этом весь закон».

Иван рассердился, грозил ему своим гневом, приказывал ему быть митрополитом.

«Если меня и поставят, то все-таки мне скоро потерять митрополию, – говорил Филипп. – Пусть не будет Опричнины, соедини всю землю воедино, как прежде было».

Царь разгневался. Епископы, с одной стороны, умоляли Филиппа не отказываться, с другой – кланялись царю и просили об утолении его гнева на Филиппа. Царь требовал, чтобы Филипп непременно ставился в митрополиты и дал запись не вступаться в Опричнину. Филипп наконец согласился. Неизвестно, что было поводом к этой уступке, но всего менее ее можно объяснить трусостью, так как это не оправдывается ни предыдущим, ни последующим поведением Филиппа. Вернее всего, царь подал ему какую-нибудь надежду на свое исправление. Филипп дал грамоту не вступаться в царский домовый обиход и был поставлен в митрополиты 25 июля 1566 года. Несколько времени после того царь действительно воздерживался от своей кровожадности, но потом опять принялся за прежнее, опять начались пытки, казни, насилия и мучительства. Филипп не требовал уже больше уничтожения Опричнины, но не молчал, являлся к царю ходатаем за опальных и старался укротить его свирепость

своими наставлениями. Царь оправдывал себя тем, что кругом его тайные враги. Филипп доказывал ему, что страх его напрасен. «Молчи, отче, – говорил Иван, – молчи, повторяю тебе, и только благословляй нас по нашему изволению!» – «Наше молчание, – отвечал Филипп, – ведет тебя к греху и всенародной гибели. Господь заповедал нам душу свою полагать за други свои». – «Не прекословь державе нашей, – сказал царь, – а не то – гнев мой постигнет тебя, или оставь свой сан!» – «Я, – отвечал Филипп, – не просил тебя о сани, не посылал к тебе ходатаев, никого не подкупал; зачем сам взял меня из пустыни? Если ты дерзаешь поступать против закона, – твори, как хочешь, а я не буду слабеть, когда приходит время подвига».

Царь вскоре невзлюбил настойчивого митрополита и не допускал его к себе. Митрополит мог видеть царя только в церкви. Царские любимцы возненавидели Филиппа еще пуще царя. 31 марта 1568 года, в воскресенье, Иван приехал к обедне в Успенский собор с толпою опричников. Все были в черных ризах и высоких монашеских шапках. По окончании обедни царь подошел к Филиппу и просил благословения. Филипп молчал и не обращал внимания на присутствие царя. Царь обращался к нему в другой, в третий раз. Филипп все молчал. Наконец царские бояре сказали: «Святой владыка! Царь Иван Васильевич требует благословения от тебя». Тогда Филипп, взглянув на царя, сказал: «Кому ты думаешь угодить, изменивши таким образом благолепие лица своего?»

Побойся Бога, постыдись своей багряницы. С тех пор как солнце на небесах сияет, не было слышно, чтобы благочестивые цари возмущали так свою державу. Мы здесь приносим бескровную жертву, а ты проливаешь христианскую кровь твоих верных подданных. Доколе в русской земле будет господствовать беззаконие? У всех народов, и у татар, и у язычников, есть закон и правда, только на Руси их нет. Во всем свете есть защита от злых и милосердие, только на Руси не милуют невинных и праведных людей. Опомнись: хотя Бог и возвысил тебя в этом мире, но и ты смертный человек. Взыщется от рук твоих невинная кровь. Если будут молчать живые души, то камни возопиют под твоими ногами и принесут тебе суд».

«Филипп, – сказал царь, – ты испытываешь наше благодушие. Ты хочешь противиться нашей державе; я слишком долго был кроток к тебе, щадил вас, мятежников, теперь я заставлю вас раскаиваться». «Не могу, – возразил ему Филипп, – повиноваться твоему повелению паче Божьего повеления. Я пришлец на земле и пресельник, как и все отцы мои. Буду стоять за истину, хотя бы пришлось принять и лютую смерть».

Иван был взбешен, но отвел свой гнев на других и на другой же день, как бы в досаду Филиппу, замучил князя Василия Пронского, только что принявшего монашество. Свирепость царя в это время все более и более возрастала. В июле того же года происходили описанные нами выше от-

вратительные сцены разорения вотчин опальных бояр. Царь с пьяною толпою приехал в Новодевичий монастырь. Там был храмовой праздник и совершался крестный ход. Служил митрополит. Когда, по обряду, читая Евангелие, митрополит обратился, чтоб сказать: «Мир всем!», то, заметив, что один опричник стоял в тафье, митрополит воскликнул: «Царь, разве прилично благочестивому держать агарянский закон?» – «Как? что? кто?» – завопил ему в ответ царь. «Один из ополчения твоего, из лика сатанинского», – сказал всенародно Филипп. Опричник поспешно спрятал свою тафью. Царь был вне себя от злости и, воротившись домой, собрал духовных для того, чтобы судить митрополита. Царский духовник протопоп Евстафий, враг Филиппа, чернил митрополита, стараясь угодить Ивану. Составился план произвести следствие в Соловках и собрать разные показания монахов, которые бы могли уличить бывшего игумена в разных нечистых делах. Царю хотелось, чтоб митрополит был низложен как будто за свое дурное поведение. В Соловки отправился за этим суздальский епископ Пафнутий с архимандритом Феодосием и князем Темкиным. Соловецкие иноки сначала давали только хорошие отзывы о Филиппе. Но Пафнутий соблазнил игумена Паисия обещанием епископского сана, если он станет свидетелем против митрополита. К Паисию присоединилось несколько старцев, склоненных угрозами. Пафнутий привез их к царю. Собрали собор. Первенствовал на нем из духовных Пимен новгородский: из угождения царю

он заявил себя врагом Филиппа, не подозревая, что через два года и его постигнет та же участь, какую теперь готовил митрополиту. Призван был митрополит, и, не дожидаясь суда, сказал: «Ты думаешь, царь, что я боюсь тебя, боюсь смерти за правое дело? Мне уже за шестьдесят лет; я жил честно и беспорочно. Так хочу и душу мою предать Богу, судье моему и моему. Лучше мне принять безвинно мучение и смерть, нежели быть митрополитом при таких мучительствах и беззакониях! Я творю тебе угодное. Вот мой жезл, белый клобук, мантия! Я более не митрополит. А вам, архиепископы, епископы, архимандриты, иереи и все духовные отцы, оставляю повеление: пасите стадо ваше, помните, что вы за него отвечаете перед Богом; бойтесь убивающих душу более, чем убивающих тело! Предаю себя и душу свою в руки Господа!» Он повернулся к дверям, намереваясь уйти, но царь остановил его и сказал: «Ты хитро хочешь избегнуть суда; нет, не тебе судить самого себя; дожидайся суда других и осуждения; надевай снова одежду, ты будешь служить на Михайлов день обедню». Митрополит, молча, повиновался, надел одежду и взял свой жезл. В день архангела Михаила Филипп в полном облачении готовился начинать обедню. Вдруг входит Басманов с опричниками; богослужение приостанавливается; читают всенародно приговор церковного собора, лишаящий митрополита пастырского сана. Вслед за тем воины вошли в алтарь, сняли с митрополита митру, сорвали облачение, одели в разодранную монашескую рясу, потом вы-

вели из церкви, заметая за ним след метлами, посадили на дровни и повезли в Богоявленский монастырь. Народ бежал за ним следом и плакал: митрополит осенял его на все стороны крестным знамением. Опричники кричали, ругались и били едущего митрополита своими метлами.

Через несколько дней привезли на телеге низложенного митрополита слушать окончательный приговор. Игумен Паисий проговорил ряд обвинений. Пимен также говорил против Филиппа. Филипп сказал: «Да будет благодать Божья на устах твоих. Что сеет человек, то и пожнет. Это не мое слово – Господне». Его обвиняли, между прочим, в волшебстве и приговаривали к вечному заключению. Филипп не оправдывался, не защищался, а только сказал царю: «Государь, перестань творить богопротивные дела. Вспомни прежде бывших царей. Те, которые творили добро, и по смерти славятся, а те, которые дурно правили своим царством, и теперь вспоминаются недобрым словом. Смерть не побоится твоего высокого сана: опомнись, и прежде ее немилостивого пришествия принеси плоды добродетели и собери сокровище себе на небесах, потому что все собранное тобою в этом мире здесь и останется».

Его увели. По царскому приказанию ему забили ноги в деревянные колодки, а руки в железные кандалы, посадили в монастыре Св. Николая Старого и морили голодом.

Рассказывают, что царь приказал отрубить голову племяннику его Ивану Борисовичу Колычеву, зашить в кожа-

ный мешок и принести к Филиппу. «Вот твой сродник, – сказали ему, – не помогли ему твои чары».

Через несколько дней царь приказал отправить Филиппа в Отрочь-монастырь в Тверь: с досады он казнил еще нескольких Колычевых. Вместо Филиппа царь велел избрать в сан митрополита троицкого архимандрита Кирилла. Бедному Пимену не удалось сесть на митрополичий престол, чего он надеялся.

Мужество Филиппа раздражило Ивана; оно подействовало на него не менее писем Курбского; оно усилило в нем склонность искать измены и лить кровь мнимых врагов своих. В характере царя, как мы уже заметили, было медлить гибелью тех, которых он особенно ненавидел; его воображение как бы тешилось образами будущих мук, которые ожидали ненавистных ему людей, а между тем он срывал злобу на других. Уже давно не терпел он своего двоюродного брата Владимира Андреевича: последний в глазах подозрительного царя был для изменников готовым лицом, которого бы они, если б только была возможность, посадили на престол, низвергнув Ивана, но Иван не решался с ним покончить, хотя уже в 1563 году положил свою опалу как на него, так и на мать его; после того мать Владимира постриглась. Иван держал Владимира под постоянным надзором, отнял у него всех его бояр и слуг, окружил своими людьми, с тем чтобы знать о всех его поступках и замыслах. В 1566 году царь отнял у него удел и дал вместо него другой. Наконец, в на-

чале 1569 года, после суда над Филиппом, царь покончил с Владимиром. Было подозрение, быть может и справедливое, что Владимир, постоянно стесняемый недоверием царя, хотел уйти к Сигизмунду-Августу. Царь заманил его с женою в Александровскую Слободу и умертвил обоих. О роде смерти этих жертв показания современников не сходятся между собою: по одним – их отравили, по другим – зарезали. Во всяком случае, несомненно, что они были умерщвлены.⁷³ Вслед за тем была утоплена в Шексне под Горицким монастырем мать Владимира монахиня Евдокия. Та же участь вместе с нею постигла инокиню Александру, бывшую княгиню Иулианию, вдову брата Иванова Юрия, какую-то инокиню Марию, также из знатного рода, и с ними двенадцать человек.

Прошло еще несколько месяцев. Жажда крови усиливалась в Иване. Его рассудок все более и более затмевался. В сентябре 1569 года умерла вторая жена его Мария Темрюковна, никем не любимая. Ивану вообразилось, что и она, подобно Анастасии, отравлена лихими людьми. Постоянный ужас, каждоминутная боязнь за свою жизнь все более и более овладевали царем. Он был убежден, что кругом его множество врагов и изменников, а отыскать их был не в силах; он готов был, – то истреблять повально чуть не весь русский народ, то бежать от него в чужие края. Уже и своим оприч-

⁷³ Иностранцы говорят, что с ними были убиты их дети, но это известие неверно: двое дочерей Владимира и единственный сын были живы через несколько лет после того. Правдоподобнее известие о том, что вместе с Владимиром и его женой были истреблены их слуги.

никам он не верил; уже он чувствовал, что Басмановы, Вяземские и братья их овладели им не хуже Адашева и Сильвестра; ненавидел он и их: уже близок был конец их. В это время царь приблизил к себе голландского доктора Бомелия. Из угождения Ивану, этот пришлец поддерживал в нем страх астрологическими суевериями, предсказывал бунты и измены: он-то, как говорят, внушил Ивану мысль обратиться к английской королеве. Иван писал к Елизавете, что изменники составляют против него заговоры, соумышляют с враждебными ему соседями, хотят истребить его со всем родом. Иван просил английскую королеву дать ему убежище в Англии. Елизавета отвечала, что московский царь может приехать в Англию и жить там сколько угодно, на всем своем содержании, соблюдая обряды старогреческой церкви. Но в то же время, готовясь убежать от русского народа, Иван нашел предлог досыта удовлетворить своей кровожадности и совершить над русским народом такое чудовищное дело, которому равного мало можно найти в истории.

Московский царь давно уже не терпел Новгорода. При учреждении Опричины, как выше было сказано, он обвинял весь русский народ в том, что, в прошедшие века, этот народ не любил царских предков. Видно, что Иван читал летописи и с особенным вниманием останавливался на тех местах, где описывались проявления древней вечевой свободы. Нигде, конечно, он не видел таких резких, ненавистных для него черт, как в истории Новгорода и Пскова. Понятно, что

к этим двум землям, а особенно к Новгороду, развилась в нем злоба. Новгородцы уже знали об этой злобе и чуяли над собою беду, а потому и просили Филиппа ходатайствовать за них перед царем. Собственно, тогдашние новгородцы не могли брать на себя исторической ответственности за прежних, так как они происходили большею частью от переселенных Иваном III в Новгород жителей других русских земель; но для мучителя это обстоятельство проходило бесследно. В 1569 году Иван начал выводить из Новгорода и Пскова жителей с их семьями: из Новгорода взял сто пятьдесят, из Пскова пятьсот, Новгород и Псков были в большом страхе. В это время какой-то бродяга, родом волынец, наказанный за что-то в Новгороде, вздумал разом и отомстить новгородцам и угодить Ивану. Он написал письмо, как будто от архиепископа Пимена и многих новгородцев к Сигизмунду-Августу, спрятал это письмо в Софийской церкви за образ Богородицы, а сам убежал в Москву и донес государю, что архиепископ со множеством духовных и мирских людей отдается литовскому государю. Царь с жадностью ухватился за этот донос и тотчас отправил в Новгород искать указанных грамот. Грамоты, действительно, отыскиались. Чудовищно развитое воображение Ивана и любовь к злу не допустили его до каких-нибудь сомнений в действительности этой проделки.

В декабре 1569 года предпринял Иван Васильевич поход на север. С ним были все опричники и множество детей боярских. Он шел как на войну: то была странная, сумасброд-

ная война с прошлыми веками, дикая месть живым за давно умерших. Не только Новгород и Псков, но и Тверь была осуждена на кару, как бы в воспоминанье тех времен, когда тверские князья боролись с московскими предками Ивана. Город Клин, некогда принадлежавший Твери, должен был первый испытать царский гнев. Опричники, по царскому приказанию, ворвались в город, били и убивали кого попало. Испуганные жители, ни в чем не повинные, не понимавшие, что все это значит, разбегались куда ни попало. Затем царь пошел на Тверь. На пути все разоряли и убивали всякого встречного, кто не нравился. Подступивши к Твери, царь приказал окружить город войском со всех сторон, и сам расположился в одном из ближних монастырей. Малюта Скуратов отправился, по царскому приказу, в Отрочь-монастырь к Филиппу и собственноручно задушил его, а монахам сказал, что Филипп умер от угара. Иноки погребли его за алтарем.⁷⁴

Иван стоял под Тверью пять дней. Сначала ограбили всех духовных, начиная с епископа. Простые жители думали, что тем дело и кончится, но, через два дня, по царскому приказанию, опричники бросились в город, бегали по домам, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякие домашние запасы и купеческие товары: воск,

⁷⁴ В первый год по смерти Ивана гроб Филиппа перевезен был в Соловки, где он долго был предметом народного почитания, а в 1652 году, при царе Алексее Михайловиче, он был причислен к лику святых и открытые мощи его были поставлены в московском Успенском соборе, где они находятся до сих пор.

лен, кожи и пр., свозили в кучи, сжигали, а потом удалились. Жители опять начали думать, что этим дело кончится, что, истребивши их достояние, им, по крайней мере, оставят жизнь, как вдруг опричники опять врываются в город и начинают бить кого ни попало: мужчин, женщин, младенцев, иных жгут огнем, других рвут клещами, тащут и бросают тела убитых в Волгу. Сам Иван собирает пленных полочан и немцев, которые содержались в тюрьмах, частью помещены были в домах. Их тащат на берег Волги, в присутствии царя рассекают на части и бросают под лед. Из Твери уехал царь в Торжок; и там повторялось то же, что делалось в Твери. В помяннике Ивана записано убитых там православных христиан 1490 чел. Но в Торжке Иван едва избежал опасности. Там содержались в башнях пленные немцы и татары. Иван явился прежде к немцам, приказал убивать их перед своими глазами и спокойно наслаждался их муками; но, когда оттуда отправился к татарам, мурзы бросились в отчаянии на Малюту, тяжело ранили его, потом убили еще двух человек, а один татарин кинулся было на самого Ивана, но его остановили. Все татары были умерщвлены.

Из Торжка Иван шел на Вышний Волочек, Валдай, Яжелбицы. По обе стороны от дороги опричники разбегались по деревням, убивали людей и разоряли их достояние.

Еще до прибытия Ивана в Новгород приехал туда его передовой полк. По царскому повелению тотчас окружили город со всех сторон, чтоб никто не мог убежать из него. Потом

нахватали духовных из новгородских и окрестных монастырей и церквей, заковали в железа и в Городище поставили на правеж; всякий день били их на правеже, требуя по 20 новгородских рублей с каждого, как бы на выкуп. Так продолжалось дней пять. Дворяне и дети боярские, принадлежащие к Опричнине, созвали в Детинец знатнейших жителей и торговцев, а также и приказных людей, заковали и отдали приставам под стражу, а дома их и имущество опечатали. Это делалось в первых числах января 1570 года.

6 января, в пятницу вечером, приехал государь в Городище с остальным войском и с 1500 московских стрельцов. На другой день дано повеление перебить дубинами до смерти всех игуменов и монахов, которые стояли на правеже, и развезти тела их на погребение, каждого в свой монастырь. 8 января, в воскресенье, царь дал знать, что приедет к Св. Софии к обедне. По давнему обычаю, архиепископ Пимен со всем собором, с крестами и иконами стал на Волховском мосту у часовни Чудного креста встречать государя. Царь шел вместе с сыном Иваном, не целовал креста из рук архиепископа и сказал так: «Ты, злочестивец, в руке держишь не крест животворящий, а вместо креста оружие; ты, со своими злыми соумышленниками, жителями сего города, хочешь этим оружием уязвить наше царское сердце; вы хотите отчину нашей царской державы Великий Новгород отдать иноплеменнику, польскому королю Жигимонту-Августу; с этих пор ты уже не назовешься пастырем и сопрестольником Св. Софии,

а назовешься ты волк, хищник, губитель, изменник нашему царскому венцу и багру досадитель!» Затем, не подходя к кресту, царь приказал архиепископу служить обедню.

Иван отслушал обедню со всеми своими людьми, а из церкви пошел в столовую палату. Там был приготовлен обед для высокого гостя. Едва уселся Иван за стол и отведал пищи, как вдруг завопил. Это был условный знак (ясак): архиепископ Пимен был схвачен; опричники бросились грабить его владычную казну; дворецкий Салтыков и царский духовник Евстафий с царскими боярами овладели ризницею церкви Св. Софии, а отсюда отправились по всем монастырям и церквам забирать в пользу царя церковную казну и утварь. Царь уехал в Городище.

Вслед за тем Иван приказал привести к себе в Городище тех новгородцев, которые до его прибытия были взяты под стражу. Это были владычные бояре, новгородские дети боярские, выборные городские и приказные люди и знатнейшие торговцы. С ними вместе привезли их жен и детей. Собравши всю эту толпу перед собою, Иван приказал своим детям боярским раздевать их и терзать «неисповедимыми», как говорит современник, муками, между прочим поджигать их каким-то изобретенным им составом, который у него назывался поджар («некоею составною мудростью огненной»), потом он велел измученных, опаленных привязывать сзади к саням, шибко везти вслед за собою в Новгород, волоча по замерзшей земле, и метать в Волхов с моста. За ними везли

их жен и детей; женщинам связывали назад руки с ногами, привязывали к ним младенцев и в таком виде бросали в Волхов; по реке ездили царские слуги с баграми и топорами и добивали тех, которые всплывали. «Пять недель продолжалась неукротимая ярость царева», – говорит современник. Когда наконец царю надоела такая потеха на Волхове, он начал ездить по монастырям и приказал перед своими глазами истреблять огнем хлеб в скирдах и в зерне, рубить лошадей, коров и всякий скот. Осталось предание, что, приехавши в Антониев монастырь, царь отслушал обедню, потом вошел в трапезную и приказал побить все живое в монастыре. Расправившись таким образом с иноческими обителями, Иван начал прогулку по мирскому жительству Новгорода, приказал истреблять купеческие товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери в домах, истреблять домашние запасы и все достояние жителей. В то же самое время царские люди ездили отрядами по окрестностям Новгорода, по селам, деревням и боярским усадьбам, разорять жилища, истреблять запасы, убивать скот и домашнюю птицу. Наконец, 13 февраля, в понедельник на второй неделе поста, созвал государь оставшихся в живых новгородцев; ожидали они своей гибели, как вдруг царь окинул их милостивым взглядом и ласково сказал: «Жители Великого Новгорода, молитесь всемилостивого, всещедрого человеколюбивого Бога о нашем благочестивом царском державстве, о детях наших и о всем христолюбивом нашем воинстве, чтоб

Господь подаровал нам свыше победу и одоление на видимых и невидимых врагов! Судит Бог изменнику моему и вашему архиепископу Пимену и его злым советникам и единомышленникам; на них, изменниках, взыщется вся пролитая кровь; и вы об этом не скорбите: живите в городе сем с благодарностью; я вам оставляю наместника князя Пронского». Самого Пимена Иван отправил в оковах в Москву. Иностранные известия говорят, что он предавал его поруганию, сажал на белую кобылу и приказывал водить, окруженного скоморохами, игравшими на своих инструментах. «Тебе пляшущих медведей водить, а не сидеть владыкою», – говорил ему Иван. Несчастный Пимен был отправлен в Венев в заточение и жил там под вечным страхом смерти.

Число истребленных показывается современниками различно и, вероятно, преувеличено.⁷⁵ Псковской летописец говорит, что Волхов был запружен телами. В народе до сих пор осталось предание, что Иван Грозный запрудил убитыми новгородцами Волхов и с тех пор, как бы в память этого события, от обилия пролитой тогда человеческой крови, река никогда не замерзает около моста, как бы ни были велики морозы. Последствия царского погрома еще долго отзы-

⁷⁵ Таубе и Крузе назначают до 15000; Курбский говорит, будто бы он в один день умертвил 15000 чел.; у Гванини показано число 2770, кроме женщин и простого народа. В Псковском летописце число казненных увеличено до 60000; в Новгородской «повести» говорится, что царь топил в день по 1000 чел., и в редкий по 500. В помяннике глухо записано 1505 чел. новгородцев, но ничто не дает повода заключить, что это была полная сумма убитых.

вались в Новгороде. Истребление хлебных запасов и домашнего скота произвело страшный голод и болезни не только в городе, но в окрестностях его; доходило до того, что люди поедали друг друга и вырывали мертвых из могил. Все лето 1570 года свозили кучами умерших к церкви Рождества в Поле вместе с телами утопленных, выплывавших на поверхность воды, и нищий старец Иван Жегальцо погребал их.⁷⁶

До сих пор Новгород, оправившись после Ивана III, был сравнительно городом богатым; новый торговый путь чрез Белое море не убил его; англичане сами посещали его и имели в нем, как в Пскове, Ярославле, Казани и Вологде, свое подворье. Новгород отправлял значительный отпуск воска, кож и льна. Новгородские купцы (а именно купцы из новгородских пригородов Орешка и Корелы) в большом числе ездили в Швецию. Таким образом, в Новгороде были люди с капиталами и жители пользовались благосостоянием; с этим обстоятельством, конечно, совпадает и то, что Новгород пред другими краями русскими и в этот период славился преимущественно признаками умелости: так, в предшествовавшие годы, приглашали в Москву из Новгорода каменщиков, кровельщиков, резчиков на камне и дереве, иконописцев и мастеров серебряных дел. С Иванова посещения новгородский край упал, обезлюдел: недобитые им, ограблен-

⁷⁶ Место погребения (скудельницу) и теперь легко приметить у церкви Рождества; стоит только слегка покопать палкой землю и тотчас оказывается, что она вся переполнена человеческими костями.

ные, новгородцы стали нищими и осуждены были плодить нищие поколения. Из Новгорода царь отправился в Псков с намерением и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители были в оцепенении, исповедывались, причащались, готовились к смерти. Псковский воевода князь Юрий Токмаков велел поставить на улицах столы с хлебом-солью и всем жителям земно кланяться и показывать знаки полнейшей покорности, как будет въезжать царь. Иван подъехал к Пскову ночью и остановился в монастыре Св. Николая на Люботове. Здесь он услышал звон в псковских церквях и понял, что псковичи готовятся к смерти. Когда утром он въехал в город, его приятно поразила покорность народа, лежавшего ниц на земле, но более всего подействовал на него юродивый Никола по прозвищу Салос (что значит по-гречески юродивый). Этого рола люди, представлявшие из себя дурачков и пользовавшиеся всеобщим уважением, часто осмеливались говорить сильным людям то, на что бы не решился никто другой. Никола поднес Ивану кусок сырого мяса. «Я христианин, и не ем мяса в пост», – сказал Иван. «Ты хуже делаешь, – сказал ему Никола, – ты ешь человеческое мясо». По другим известиям, юродивый предрекал ему беду, если он начнет свирепствовать во Пскове, и вслед за тем у Ивана издох его любимый конь. Это так подействовало на царя, что он никого не казнил, но все-таки ограбил церковную казну и частные имения жителей.

По возвращении Ивана в Москву заключено было, нако-

нец, перемирие с Литвою литовскими послами. Срок перемирия назначен был три года, и в продолжение этого времени предполагали заключить окончательный мир. Один из находившихся в этом посольстве⁷⁷ описывает выходки московского царя, подтверждающие наше убеждение, что он был тогда не в полном уме. Так, например, когда послы шли к нему на аудиенцию, государь стоял у окна с жезлом в руках, окруженный стрельцами, и громко закричал: «Поляки, поляки, если не заключите со мною мира, прикажу всех вас изрубить в куски». Взявши у одного из литовской свиты соболью шапку, он надел ее на своего шута, приказывал ему кланяться по-польски, приказал изрубить приведенных ему в подарок лошадей. Послы были свидетелями, как он возвращался в Москву из своего новгородского похода: он сидел на коне с луком за спиною, а к шее коня была привязана собачья голова; возле него ехал шут на быке. Как бы желая опохмелиться от новгородской крови, он, во время пребывания послов, топил татарских пленников.

После новгородской бойни Ивану взбрело на ум, что в Москве были соучастники новгородской измены. Он начал розыск. Уже, как мы сказали, он ненавидел Вяземского и Басмановых. Первый был перед тем до того любим царем, что Иван иногда ночью, вставши с постели, приходил к нему побеседовать, а когда царь бывал болен, то от него только принимал лекарство. Когда царь изменился к нему, человек,

⁷⁷ Английский приор, итальянец Джерио.

облагодетельствованный Вяземским и порученный им царской милости, некто Федор Ловчиков, донес на своего благодетеля, будто он предупредил архиепископа Пимена о грозившей Новгороду опасности от царя. Иван призвал к себе Вяземского, говорил с ним очень ласково, а в это время по его приказанию были перебиты домашние слуги Вяземского. Вяземский ничего не знал, воротившись домой, увидел трупы своих служителей и не показал вида, чтоб это производило на него дурное впечатление. Вслед за тем его схватили, засадили в тюрьму, убили нескольких его родственников, а его самого подвергли пытке, допрашивая, где у него сокровища.

Вяземский отдал все, что наградил и нажил во времена своего благополучия, кроме того, показал на многих богатых людей, что они ему должны. Последние были ограблены царем. Вяземский умер в тюрьме, в невыносимых муках. Другой любимец, Иван Басманов, вместе с сыном также подверглись обвинению. Иван приказал сыну убить своего отца. К сыскному делу привлечено было множество лиц и в том числе знатные государственные люди, думный дьяк Висковатый, казначей Фуников, князь Петр Оболенский-Серебряный, Воронцов и другие.

25 июля на Красной площади поставлено было 18 виселиц и разложены разные орудия казни: печи, сковороды, острые железные когти («кошки»), клещи, иглы, веревки для перетирания тела пополам, котлы с кипящей водой, кнуты и

пр. Народ, увидевши все эти приготовления, пришел в ужас и бросился в беспамятстве бежать куда попало. Купцы побросали в отворенных лавках товар и деньги. Выехал царь с опричниками, за ними вели 300 человек осужденных на казнь в ужасающем виде от следов пытки; они едва держались на ногах. Площадь была совершенно пуста, как будто все вымерло. Царю не понравилось это; царь разослал гонцов по всем улицам и велел кричать: «Идите без страха, никому ничего не будет, царь обещает всем милость». Москвичи стали выползать, кто с чердака, кто из погреба, и сходиться на площадь. «Праведно ли я караю лютыми муками изменников? Отвечайте!» – закричал Иван народу. «Будь здоров и благополучен! – закричал народ. – Преступникам и злодеям достойная казнь!» Тогда царь велел отобрать 180 человек и объявил, что дарует им жизнь по своей великой милости. Остальных всех казнили мучительными казнями. Изобретательность царя была так велика, что почти каждому была особая казнь; так, например, Висковатого повесили вверх ногами и рассекали на части, Фуникова обливали попеременно то кипящею, то ледяною водой и т.п. На другой же день после казни потоплены были жены казненных⁷⁸, и некоторые перед тем подвергались изнасилованию и поруганию. Тела казненных лежали несколько дней на площади, терзаемые собаками.

Безумное бешенство, овладевшее Иваном, в это время до-

⁷⁸ Число их, по словам Гванини, доходило до восьмидесяти.

водило его до того, что, как говорят иностранцы, он для забавы пускал медведей в народ, собравшийся на льду. Сказание это вероятно, так как нам известно, что Иван прибегал к такому способу мучений.⁷⁹

Русская земля, страдая от мучительства царя Ивана, терпела в то же время и от других причин: несколько лет сряду были неурожаи, свирепствовали заразные болезни, повсюду была нищета, смертность, всеобщее уныние («туга и скорбь в людях велия»). Ливонская война истощала силы и труд русского народа. Посошные люди, сгоняемые в Ливонию, погибали там от голода и мороза. Их высылали из далеких замосковских краев с запасами, заставляли тянуть байдаки и лодки, а средств к содержанию не давали. Они бросали работу, разбегались по лесам и погибали. Толпы русских были насильно переселяемы в ливонские города на жительство, заменяя переведенных в Московское государство немцев, и пропадали на новоселье от недостатка средств или от немецкого оружия. Народ русский проклинал ливонскую войну, и современник летописец замечает по этому поводу, что через нее чужие города наполнялись русскими людьми, а свои пустели. К довершению всех бедствий, недоставало давнего бича русского народа – татарского нашествия; и это суждено было испытать русскому народу.

Не послушавшись своих советников и Вишневецкого, Иван пропустил удобный случай покончить с Крымом, но

⁷⁹ Над архиепископом Леонидом, как мы увидим позже.

раздразнил Девлет-Гирея. Крымский хан с тех пор постоянно злобствовал против Москвы и дожидался случая отомстить ей за прежнее самым чувствительным образом. Несколько лет он уговаривал турецкого падишаха Солимана Великолепного нагрянуть на Москву с турецкими и татарскими силами, отнять Казань и Астрахань. Солиман был слишком занят другими делами, но сын его Селим в 1569 году послал вместе с крымцами турецкое войско для завоевания Астрахани. Этот поход был веден до того нелепо, что не мог иметь успеха. Турки доходили до Астрахани, но по недостатку припасов, при безлاديце, господствовавшей между ними и татарами, чуть все не погибли. Девлет-Гирей после этого хотел во что бы то ни стало поправить неудачу успехом другого рода и нашел, что лучше всего последовать примеру предков и напасть прямо на Москву. Разбойник Кудеяр Тишенков да несколько детей боярских, вероятно, его шайки (в числе их были природные татары), сообщили хану о плачевном состоянии русской земли, о варварствах Ивана, о всеобщем унынии русского народа, указывали ему, что наступает самое удобное время напасть на Москву. Тогда как силы Руси истощались, Орда, бывшая прежде в расстройстве, поправилась. Девлет-Гирей с необыкновенной скоростью собрал до ста двадцати тысяч крымцев и нагаев и весной 1571 года бросился в середину Московского государства. Земские воеводы не успели загородить ему путь через Оку. Хан обошел их, направился к Серпухову, где был в то время царь с

опричниками.

Иван Васильевич бежал и предал столицу на произвол судьбы, как в подобных случаях поступали и все предшественники Ивана, прежние московские государи.

Земские воеводы (князя Бельский, Мстиславский и другие) приготовились было отстаивать столицу. Но татары успели пустить огонь в слободы; пожар распространился с изумительной быстротой по сухим деревянным строениям; в какие-нибудь три-четыре часа вся Москва сгорела. Уцелел один Кремль, куда не пускали народ, – там сидел митрополит Кирилл с царскою казною. Тогда в Москве погибло такое множество людей, что современники в своих известиях преувеличивали число погибших до 80000. Трудно было бежать из обширного города, куда, кроме жителей, набилось много народа из окрестностей; тех захватил пламень, другие задохлись от дыма и жара. В числе последних был главный воевода, князь Иван Бельский. Огромные толпы народа бросились в ворота, находившиеся в той стороне, которая была удалена от неприятеля; толпа напирала на толпу, передние попадали, задние пошли по ним, за ними другие повалили их, и таким образом многие тысячи были задавлены и задушены. Москва-река была запружена телами. «В два месяца, – говорил англичанин очевидец, – едва можно будет убрать кучи людских и конских трупов». Татары не могли ничего награть; все имущество жителей Москвы сгорело. Хан не стал осаждать Кремль, отступил и послал Ивану Ва-

сильевичу письмо в таком тоне:

«Жгу и пустошу все за Казань и за Астрахань. Будешь помнить. Я богатство сего света применяю к праху, надеюсь на величество Божье, на милость для веры Ислама. Пришел я на твои земли с войсками, все пожег, людей побил; пришла весть, что ты в Серпухове, я пошел на Серпухов, а ты из Серпухова убежал; я думал, что ты в своем государстве, в Москве, и пошел туда; ты и оттуда убежал. Я в Москве посады сжег и город сжег и опустошил, много людей саблей побил, а других в полон взял, все хотел венца твоего и головы; а ты не пришел и не стал против меня. А еще хвалишься, что ты московский государь! Когда бы у тебя был стыд и способность (дородство), ты бы против нас стоял! Отдай же мне Казань и Астрахань, а не дашь, так я в государстве твоём дороги видел и узнал: и опять меня в готовности увидишь».

Иван Васильевич был унижен, поражен, но, сообразно своему характеру, столько же падал духом, когда постигало его бедствие, сколько чванился в счастье. Иван послал к хану гонца с челобитьем, предлагал деньги, писал, что готов отдать ему Астрахань, только просил отсрочки; он хотел как-нибудь хитростью и проволочкой времени оттянуть обещаемую уступку земель. Это ему и удалось. Ни Казани, ни Астрахани не пришлось отдать; на следующий год хан, понявши, что Иван Васильевич волочит дело, опять пошел на Москву, но был отбит на берегу Лопасни князем Михаилом Воротынским. Эта победа не могла, однако, загладить

бедствия, нанесенные в 1571 году. Русская земля потеряла огромную часть своего народонаселения, а столица помнила посещение Девлет-Гирея так долго, что даже в XVII веке, после новых бедствий смутного времени, это событие не стерлось из памяти потомства. Иван, всегда подозрительный, боязливый, всегда страшившийся то заговоров, то измен и восстаний, теперь более чем когда-нибудь вправе был ожидать вспышки народного негодования: оно могло прорваться, подобно тому, как это сделалось некогда после московского пожара. Иван Васильевич, вероятно, из желания оградить себя на случай, подставить других вместо себя в жертву народной злобы, взял с воеводы, начальствовавшего земским войском, князя Мстиславского (второго после Бельского, лишившегося жизни при московском пожаре во время нашествия хана) запись в том, что он и воеводы, его товарищи, изменнически сносились с ханом и подвели последнего на разорение русской земли и ее столицы. Давши на себя такую странную запись, Мстиславский и его товарищи остались не только целы и невредимы, но потом начальствовали войсками. Нелепость этого обвинения видна сама собой, но царь после того мог уже без удержу объявлять даже иноземцам, что русские бояре, изменники, навели на него крымцев.

Бедствие, постигшее тогда Москву, повело, однако, к принятию на будущее время лучших мер безопасности. С этих пор в южных пределах государства образовалась сторожевая и станичная служба: из детей боярских, казаков, стрельцов, а

частью из охотников, посадских людей выбирались сторожи и станичники; первые, товариществами, попеременно держали сторожу на известных местах; вторые, также товариществами, ездили от города до города, от сторожи к стороже. Тогда на юге возникали новые города; так появились Венев, Епифань, Чернь, Данков, Ряжск, Волхов, Орел. Города эти были сначала небольшие острожки, с деревянными стенами и с башнями, окруженные рвами. Они мало-помалу привлекали к себе население людей смелых и отважных. Туда стекались так называемые гулящие и вольные люди, то есть незаписанные в тягло и не обязанные нести повинностей: то были молодые сыновья и племянники людей всякого звания, и служилых, и посадских, и крестьян.

Но Иван, оставивши живыми тех, которых принудил сознаться в небывалом преступлении, все-таки тогда же нашел себе повод мучить и убивать других людей. В это время он задумал жениться в третий раз и из собранных двух тысяч девиц выбрал себе в жены Марфу Васильевну Собакину. Прежде чем совершен был брак, царская невеста занемогла: тотчас явилось подозрение в отравлении, в порче. Подозрение это прежде всего пало на родственников прежних цариц, так как с новой супругой царя обыкновенно возвышались и новые люди, ее родные, а родственники прежних царских супругов должны были терять свое близкое к царю положение. Иван Васильевич посадил на кол брата предшествовавшей жены своей Марии, Михайла Темрюковича, одного из крово-

жадных исполнителей царских приговоров; умерщвлен был и другой любимец Григорий Грязной; казнено было несколько знаменитых лиц. Царь женился на своей больной невесте, но Марфа умерла через несколько дней после брака. Царь вопил, что ее извели лихие люди. На другой день Иван Васильевич собрал духовенство на собор и принудил его составить странную грамоту – грамоту, разрешающую царю вступить в четвертый брак, издавна запрещенный церковными уставами, но с тем, однако, чтобы никто из подданных не осмелился поступать по примеру царя. Митрополит Кирилл тогда умер; на соборе председательствовал преемник Пимена новгородский архиепископ Леонид, трус, корыстолюбец, низкопоклонный льстец. Никто не осмелился поднять голоса за непоколебимость церковных постановлений; задумали только для вида устроить сделку с церковью. Собор позволял царю противозаконный брак, но налагал на него эпитимию, да и ту отчасти брали на себя духовные, разрешая от нее царя на время военных походов. Царь женился в четвертый раз на Анне Алексеевне Колтовской. Через год она ему надоела; царь постриг ее под именем Дарьи. С тех пор царь, ободренный разрешением собора на четвертый брак, разрешал себе сам несколько супружеств одно за другим. По известию одного старого сказания, в ноябре 1573 года Иван Васильевич женился на Марье Долгорукой, а на другой день, подозревая, что она до брака любила кого-то иного, приказал ее посадить в колымагу, запретить диких лошадей и пустить на пруд, в ко-

тором несчастная и погибла. «Этот пруд, – замечает современник англичанин Горсей, – был настоящая геенна, юдоль смерти, подобная той, в которой приносились человеческие жертвы; много жертв было потоплено в этом пруду; рыбы в нем питались в изобилии человеческим мясом и оказывались отменно вкусными и пригодными для царского стола». В память события с Долгорукой царь велел провести черные полосы на позолоченном куполе церкви в Александровской Слободе. Вслед за тем царь женился на Анне Васильчиковой; она не долго прожила с ним; конец ее неизвестен; царь после нее женился на Василисе Мелентьевой, которая также скоро исчезла.

Между тем в управлении государства явилось еще новое сумасбродство. Вместо того, чтобы, как прежде, оставлять Земщину в управление боярам, Иван поверил ее крещеному татарскому царю Симеону Бекбулатовичу, и нарек его великим князем всея Руси; это произошло в 1574 году. Нам неизвестен ближайший повод к этому событию, но, верно, оно связано с другим событием: царь на кремлевской площади казнил многих бояр, чудовского архимандрита и благовещенского протопопа – своих прежних любимцев; вслед за тем он создал из пленного татарина призрачного русского государя. Писались грамоты от имени великого князя всея Руси Симеона. Сам Иван титуловал себя только московским князем и наравне с подданными писал Симеону челобитные с общепринятыми унижительными формами, например:

«Государю, великому князю Симеону Бекбулатовичу Иванец Васильев со своими детишками с Иванцем, да с Федорцем челом бьет. Государь, смилуйся пожалуй!» Через два года Иван низложил этого великого князя всея Руси и сослал в Тверь.

В эти годы в Польше и Литве совершались события чрезвычайной важности по своим последствиям. В июле 1572 года скончался король Сигизмунд-Август, и с ним прекратилась мужская линия Ягеллонов. Незадолго до своей смерти, в 1569 году этот король с большим трудом устроил вечное соединение Великого княжества Литовского с Польским королевством в одно федеративное государство. Много было препятствий, которые приходилось преодолеть, много их еще оставалось для того, чтобы это дело вполне окрепло. Литовско-русские паны, еще в то время сохранявшие и православную веру и русский язык (хотя уже начинавший значительно видоизменяться от влияния польского), боялись за свою народность, как равно и за свои владетельские права; они хотя согласились на соединение, но все еще не доверяли полякам и хотели держаться особо. В самом акте соединения Великому княжеству Литовскому оставлялось устройство вполне самобытного государства и даже особое войско. Правда, всякое упорство литовско-русского высшего сословия в охранении своей веры и народности, по неизбежному стечению обстоятельств, никак не могло быть продолжительным, так как превосходство польской цивилизации перед

русской неизбежно должно было тянуть к себе русско-литовский высший класс и смешать его с польским, что и сделалось впоследствии. Но во времена Ивана стремление к удержанию своей особы было еще сильно. Предстояло выбрать нового государя. Русско-литовские паны находили выгодным для своих стремлений избрать государя из московского дома, преемником последнему из дома Ягеллонов. С этим соединялись и другие виды: кроме православных, естественно желавших иметь государя своей веры, и Польше было много протестантов, которые боялись посадить католика на престол. Люди с широким политическим взглядом видели, что избрание короля из московского дома повлекло бы впоследствии к такому же сближению, а впоследствии и к такому соединению Московской Руси с Польшей, какое последовало уже с литовской Русью, вследствие воцарения династии Ягеллонов. Наконец, паны были падки на деньги и подарки, а московского государя считали богачом. Иван Васильевич сам очень желал этого, но, как увидим, не сумел достигнуть цели своих желаний и воспользоваться обстоятельствами.

Вскоре после смерти Сигизмунда-Августа, Федор Зенкевич-Воропай приехал в Москву и объявил, что польско-литовская рада (совет) желает иметь королем сына Иванова Федора. Это Ивану не понравилось: ему хотелось, чтобы избрали не сына, а его самого. «Если бы вы, – сказал послу московский государь, – избрали меня своим государем, то уви-

дели бы, какой добрый государь и защитник был бы у вас. Не зазнавались бы уже поганые! Да что я говорю, поганые? Ни Рим, ни другое какое-нибудь королевство не могло бы ничего сделать против нас, если бы ваши земли стали с нашими заодно. Я знаю, что у вас говорят, будто я злой и запальчивый человек; правда, я гневлив и зол, не хвалю себя за это. Но спросите, на кого я зол? На того, кто против меня зол. На злых и я злой, а кто добрый, тому я не пожалею снять цепь и одежду с себя». Тут стоявший близ царя Малюта Скуратов сказал: «Благочестивый царь, преславный государь, казна твоя не убога: найдешь, чем кого жаловать!» Иван продолжал: «Литовские и польские паны знают, как богаты были мои предки, а я вдвое их богаче. Неудивительно, что ваши государства милуют своих людей; ведь и ваши люди любят своих государей! А мои люди подвели на меня крымского хана и татар: их было 40000, а у меня только 6000. Ну равные ли силы, сами посудите! Я ничего не знал; вперед отправил шесть воевод с большими полками, а они мне не дали знать о крымцах; положим, трудно было им справиться с большими неприятельскими силами: пусть бы несколько тысяч людей потеряли, да мне принесли хотя бы одну плеть татарскую; я бы им и за то спасибо сказал! Я и тут ни на волос не испугался татар, а только увидел, что мои люди мне изменяют и предают меня, и потому немного свернул в сторону от татар. Тем временем татары напали на Москву: если бы в Москве была только тысяча человек для обороны, и тогда бы Москву

отстояли; а то когда большие не хотели обороняться, то куда уж было обороняться меньшим? И что же? Москву сожгли, а меня об этом даже не оповестили! Видишь, какие изменники мои люди! После этого, если кто и казнен, то за свою вину. А у вас разве милуют изменников? Верно знаю, что их казнят. Скажи же панам польским и литовским, чтобы они, посоветовавшись, поскорее послали ко мне послов. Если Бог даст, я буду вашим государем, то обещаюсь перед Богом не только в целости сохранять ваши права и вольности, но еще умножу их. Не стану много говорить о своей доброте и злости. Если Бог даст, пусть литовские и польские паны пошлют своих сыновей на службу ко мне и детям моим. Тогда узнают, каков я – злой государь или добрый и милосердый? А что изменники мои говорят обо мне, то это у них уж такой обычай, чтобы говорить дурно о своих государях. Почти его, одари как только возможно, а он все-таки не перестанет говорить про тебя дурное!»

Царь просил только, чтобы ему уступили Ливонию по Двину, и за то соглашался отдать назад Полоцк со всей его областью. «Если бы только паны захотели меня избрать своим государем, тогда и Ливония, и Новгород, и Псков, и Москва – все будет едино». Он отклонял намерение избрать в короли своего сына: «У меня, – говорил он, – их два, как два глаза в голове. Если мне отдать вам одного из них в короли – это все равно, что из человека сердце вырвать».

Предложение московского царя не понравилось многим

панам, особенно польским. Те, которые готовы были избрать царевича Феодора, совсем неохотно мирились с мыслью избрать в короли свободного народа государя, который так ославился своим тиранством. Горячих католиков соблазняло и то, что царь исповедует греческую веру, хотя, впрочем, в этом отношении многие ласкали себя надеждой, что царь соединит греческую веру с латинской. Прошло шесть месяцев. В Польше не остановились ни на каком выборе. Литовско-русские паны начали уже отчасти склоняться к выбору отдельного государя от Польши и хотели его искать непременно в единой Москве. Папский легат и вся католическая партия видели с этой стороны большую опасность. Но московский царь, так сказать, и пальцем не шевельнул в пользу дела, которого исполнения он прежде так добивался. Литовско-русские паны в феврале 1573 года отправили в Москву из своей среды пана Михаила Гарабурду изъяснить царю желание выбрать по воле самого Ивана или его, или его сына, но с тем, чтобы царь уступил Литве Смоленск, Полоцк, Усвят и Озерище, а если он отпустит в короли сына, то пусть даст ему несколько волостей. Иван говорил ни то, ни се, явно колебался, хотя не считал невозможным отпустить сына, но замечал, что он «не девка», чтобы давать за ним приданое, и прибавлял, по-прежнему, что лучше бы было, если б не сына, а его самого выбрали в короли. Гарабурда, видя, что Ивану самому хочется быть королем, сказал ему, что паны и все шляхетство склонны к тому, чтобы выбрать

его на престол Великого княжества Литовского, но пусть он покажет средства, как сделать это, Иван требовал Ливонии, отдавал Полоцк, просил Киева, говоря при этом, что он добивается его только ради имени; хотел, чтоб в титуле Москва стояла выше Польши и Литвы, чтобы венчал его на королевство православный митрополит, и в то же время делал странные замечания, противоречившие одно другому: он изъявлял подозрение, что поляки и литовцы для того-то и хотят взять у него сына, чтобы выдать турецкому государю; что он сам в старости пойдет в монастырь, и тогда паны польские и литовские должны будут выбрать одного из его сыновей; что лучше было бы, если бы само Великое княжество Литовское без Польши избрало его, а еще лучше было бы, если б поляки и литовцы выбрали себе в короли австрийского принца Эрнеста, Максимилианова сына. Все это перепутывалось в речи Ивана несвязным образом. В заключение Иван требовал, чтобы не выбирали французского принца, грозя в таком случае войной.

Понятно, что такой способ поведения не мог умножить в Польше и Литве число сторонников Ивана. Между тем хитрый и ловкий французский посол Монлюк красноречием и подарками составил в пользу французского принца сильную партию в Польше. Случилось то, чего особенно не хотел московский государь: избран был французский принц Генрих д'Анжу.

Недолго пришлось быть этому государю в Польше. Не

зная ни по-польски, ни по-латыни и плохо объясняясь по-итальянски, этот государь неспособен был к управлению и играл самую жалкую роль. Польские нравы были ему не под стать. Проскучал он со своими французами около четырех месяцев в Польше и услышавши, что бездетный брат его Карл IX умер, Генрих 18 июня 1574 года убежал тайно из Кракова во Францию, где и получил французский престол. Теперь в Польше и Литве, по поводу выбора другого короля, снова складывалась партия в пользу московского дома. Главой ее был человек очень сильный, примас королевства, гнезнинский архиепископ Яков Уханский. Он сносился с царем и научал его, как следует расположить обещаниями и дарами знатнейших панов. Но Иван действовал очень лениво, а в это время император Максимилиан прислал к нему посольство с просьбой ходатайствовать в Польше, чтобы в короли был выбран эрцгерцог Эрнест. Иван думал было сначала устроить так, чтобы в Польше был выбран Эрнест, а в Литве он. Но такой план не нашел сочувствия в большинстве панов Литвы, не говоря уже о польских панах; план этот не был по сердцу и самому австрийскому дому; и там было желание владеть совокупно Польшей и Литвой; притом же Иван, намекая на такое разделение, противоречил себе, говоря, что он будет доволен, если Эрнест будет вместе королем польским и литовским. Такое колебание было причиной, что партия, желавшая избрания короля из московского дома, совершенно исчезла. Одни паны хотели Эрнеста, другие – седмиградско-

го князя Стефана Батория. Большинство осталось за последним. В апреле 1576 года избранный Стефан Баторий прибыл в Краков и получил польскую корону на условиях, явно враждебных Московскому государству – отнять все, что в последнее время было захвачено царем. Таким образом, вместо желанного соединения и мира, Ивану Васильевичу со стороны Польши и Литвы угрожала упорная решительная война, тем более опасная, что теперь в соседней стране власть сосредоточивалась не в руках вялого и слабого телом и душой Сигизмунда-Августа, а в руках воинственного, деятельного и умного Стефана Батория.

По восшествии своем на престол, новый король отправил посольство в Москву. Иван Васильевич рассердился за то, что Баторий называл сам себя ливонским государем и не давал московскому государю ни царского титула, ни титула смоленского и полоцкого князя. Мало этого, Иван поставил себе в оскорбление и то, что польский король называл царя своим братом. Иван заметил, что Стефан Баторий ничуть не выше каких-нибудь князей Острожских, Бельских и Мстиславских.

Гордый вызов был этим сделан со стороны московского государя. Месть была уже решена в уме Батория; он отложил ее только до укрощения внутренних беспорядков в польских владениях.

Иван тем временем поспешил покончить с Ливонией. Уже несколько лет дело покорения этой страны шло очень вяло.

Еще в 1570 году, вскоре после бойни в Новгороде, по призыву Ивана, приехал в Москву владетель острова Эзеля, Магнус, брат датского короля. Иван женил его на своей племяннице Марье Владимировне, дочери убитого им Владимира Андреевича, и назвал Магнуса королем ливонским, с тем, чтобы Магнус со своим королевством оставался под верховной властью московского государя. Сначала Иван Васильевич покушался было отнять для него у шведов Эстонию. Покушение не удалось.

В 1577 году приступил Иван Васильевич к решительным действиям в Ливонии. Так как эта страна отдалась частью шведам, частью полякам, то московский государь снова вооружал против себя разом и тех, и других. Начали с Ревеля, принадлежавшего Швеции. Русские, под начальством князя Федора Мстиславского и Ивана Васильевича Шереметева Меньшого, зимой, в продолжение шести недель пытались овладеть этим городом – и не успели. Не только шведы и немцы, но чухны дрались против русских. Крестьянское население, терпевшее утеснения от немецких баронов, было прежде расположено признать власть Москвы, но свирепость, с какою по приказанию царя русские обращались вообще с жителями Ливонии без различия их происхождения, до того раздражила чухон, что они составили большое ополчение под начальством Ива Шенкенберга, прозванного Аннибалом за свою храбрость, и отличались против русских бесчеловечной жестокостью: не было пощады ни одному рус-

скому, попавшемуся им в плен. Русские, не взявши Ревеля и потерявши под этим городом своего воеводу Шереметева, вышли из Ливонии. Вслед за тем, весной, сам Иван вступил в Ливонию с таким огромным войском, какого еще не посылал на эту землю. Царь направился не в шведскую, а в польскую Ливонию. Успех был чрезвычайный. Город за городом сдавались. Одни города взял сам царь, другие – Магнус: в числе взятых последним были: Кокенгузен, Венден и Вольмар. Тогда Магнус, которого Иван хотя и величал королем, но держал в черном теле, не давая ему ни в чем воли, написал царю из Вендена письмо, и в письме заметил, что пора уже отдать ему королевство его во владение. Царь отвечал Магнусу со злой насмешкой: «Не хочешь ли в Казань, а не то – ступай себе за море!» Вслед за тем он приказал призвать к себе Магнуса из Вендена, обвинил его в измене, в сношениях с курляндским герцогом и с поляками, обругал его и посадил под стражу. Преданные Магнусу немцы, услышавши, что сделалось с их королем, заперлись в венденском замке, страшась свирепства московских людей; они начали было стрелять в них, за это царь приказал взять замок приступом и осудил на избиение всех жителей Вендена. Все, сидевшие в замке, не видали возможности устоять против русских и сами взорвали себя на воздух. Жители города Вендена подверглись жестоким мукам и смерти, ратные люди, по царскому приказанию, изнасиловали всех женщин и девиц.

Взявши, между прочим, город Вольмар, Иван вспомнил

Курбского, бежавшего в этот город, написал ему письмо, в котором величался своими успехами; вместе с тем чванился своим смирением, называл себя блудником и мучителем и советовал Курбскому покаяться. С торжеством воротился царь в Александровскую Слободу, простил Магнуса, но обложил его на будущее время данью, и не думал о том, какие последствия может иметь то обстоятельство, что он раздражил польского короля своим нашествием на польскую Ливонию.

Царь опять принялся за казни – свое любимое занятие. Еще перед отъездом в Ливонию он пригласил к себе новгородского архиепископа Леонида, человека корыстолюбивого, возбудившего против себя ненависть в своей епархии, приказал зашить его в медвежью шкуру и затравить собаками. Идя в Ливонию или возвращаясь оттуда, Иван Васильевич заехал в Псково-Печерский монастырь: тамошний игумен Корнилий встретил его; Ивану бросились в глаза сильные укрепления монастыря, сооруженные за свой счет Корнилием, происходившим из боярского рода. Ивану это показалось подозрительно; вспомнилось бывшее, закипело сердце, и он убил Корнилия жезлом своим – «предпослал его царь земной царю небесному», как гласит надгробная надпись над Корнилием. Прибывши в Слободу, царь разделялся с боярами. Холоп князя Михаила Воротынского обвинил своего господина в чародействе. Иван давно уже ненавидел этого боярина. Его недавние успехи над татарами только увели-

чивали подозрительность Ивана. Царь приказал его подвергнуть пытке огнем в своем присутствии, сам, как рассказывают, подгребал жезлом своим уголья под его тело, а потом отправил измученного Воротынского в ссылку на Белоозеро. Воротынский умер в пути. Тогда же казнены были князья Никита Романович Одоевский, Петр Куракин, боярин Иван Бутурлин, несколько окольничьих и других лиц: в числе их были дядя и брат одной из бывших цариц, Марфы, Собакины. В это же время замучен был любимец Ивана, князь Борис Тулупов: его посадили на кол и перед глазами его с варварским бесстыдством истязали старую мать его. Несколько позже замучен был любимец Ивана, врач Елисей Бомелий. Очевидец англичанин рассказывает, что ему выворотили из суставов руки, вывихнули ноги, изрезали спину проволочными плетями, потом в этом виде привязали к деревянному столбу и поджаривали, наконец, еле живого посадили на сани, повезли через Кремль и бросили в тюрьму, где он тотчас умер.

Ливонский поход не мог остаться без отомщения со стороны Батория, давшего при своем восшествии на польский престол обещание возвратить Польше то, что еще прежде было в руках московского царя. Баторий отправил к царю посольство с требованием возвратить отнятые ливонские города. На это отвечали в Москве, что царь не только требует Ливонию и Курляндию, но еще Киев, Витебск, Канев и другие города. Послам объявили, что бывший дом Ягеллонов

происходил от полоцких князей Рогволодовичей и на этом основании московский государь, как родич последних, считает Великое княжество Литовское и королевство Польское своим наследием. Царь не хотел называть Батория братом, а называл его только соседом и приказывал через своих бояр перед польскими послами говорить разные оскорбительные речи его именем. «Ваш король Стефан не ровня нам и братом быть не может. Мало кого выберете вы себе в короли! Носились слухи, что вы хотите посадить себе на королевство Яна Костку или Николая Радзивилла. Что ж, по вашему избранию разве и этих считать нам братьями? Ваш король недостойн такого великого сана; можно бы и хуже что-нибудь сказать про него, да не хотим для христианства».

После такого приема война была решена. Вести ее Баторию было нелегко; поляки и литовцы вовсе не отличались воинственным духом и не давали королю денег. Баторий, при помощи канцлера и гетмана Яна Замойского, преодолел большие трудности, употребил на военные издержки собственные деньги, пригласил опытную пехоту венгерскую и немецкую, снарядил исправную артиллерию. К счастью Польши, Швеция также взялась за оружие против Ивана. Первое столкновение произошло в Ливонии. Магнус, которому Иван, простивши его, дал Оберпален, передался Баторию. Русские воеводы по царскому приказу двинулись на Венден, но были окружены и разбиты наголову соединенными польскими и шведскими войсками. Главные предво-

дители пали в битве⁸⁰; другие попались в плен; иные бежали. Царь Иван тем временем с большим войском выступил в Новгород и вдруг услышал, что его войска разбиты и Баторий подступает к Полоцку. 29 августа 1579 года венгерская пехота зажгла стены Полоцка. Один из бывших там русских воевод Петр Волынский со стрельцами послал сказать Баторию, что они сдаются. Другие воеводы, и с ними полоцкий владыка Киприан, не соглашались и хотели взорвать себя на воздух, но их не допустили до этого, вытащили из церкви Св. Софии и привели к королю. Многие перешли тогда на службу Баторию; другие были отпущены в отечество и воровались с полной уверенностью, что царь казнит их. Вслед за Полоцком был взят приступом город Сокол; воевода Федор Шереметев был взят в плен, другой воевода, Борис Шеин, убит. Кровопролитие было сильное, русские бросали оружие, молили о пощаде, но их кололи и били. В то же время князь Константин Острожский забирал города в Северной области, а Кмита опустошил Смоленскую область. Баторий давал своим военачальникам строгое приказание не позволять мучить мирных жителей, не истреблять их полей, объявлял в своем манифесте, что воюет с московским царем, а не с народом. К довершению несчастий для русских, шведы захватили Корелию и Ижорскую землю.

Царь находился с войском во Пскове и услышал там о новом поражении своих войск. Все его высокомерие исчезло.

⁸⁰ Князь Василий Сицкий, окольный Василий Воронцов и др.

Он пришел в ужас и ушел в Москву. На этот раз он не казнил беглецов; он боялся восстания народного и приказал в Москве дьяку Щелкалову успокаивать народ. Назло ему и к большей его досаде Курбский прислал ему тогда язвительное письмо: противопоставлял прежнюю славу своего отечества с настоящим посрамлением: «Вместо храбрых и опытных мужей, избитых и разогнанных тобою, ты посылаешь войско с каликами, воеводишками твоими, и они, словно овцы или зайцы, боятся шума листьев, колеблемых ветром; вот ты потерял Полоцк с епископом, клиросом, войском, народом, а сам, собравшись с военными силами, прячешься за лес, хороняка ты и бегун! Еще никто не гонится за тобой, а ты уже трепещешь и исчезаешь. Видно, совесть твоя вопиет внутри тебя, обличая за гнусные дела и бесчисленные кровопролития!»

В январе 1583 года царь созвал собор из всех главнейших церковных сановников, представил им, что неверные соседние государи – литовский, турецкий, крымский, шведский, нагаи, поляки, угры, лифляндские немцы, как дикие звери, распалившись гордостью, хотят истребить православие, а между тем множество сел, земельных угодий находятся у епископий и монастырей, служат только для пьянственного и непотребного жития монахов; иные остаются в крайнем запустении, а через это служилое военное звание терпит недостаток. Собор не смел противоречить, постановлено было, чтобы вперед епископии и монастыри не принима-

ли вотчин по душам, не брали их в залог, а равным образом не продавали вотчин и не давали на выкуп тех из них, которые уже за ними утверждены крепостями. Это уже было не первое распоряжение в таком роде, и замечательно, что сам царь, делая постановления об ограничении прав епископий и монастырей приобретать вотчины, сам нарушал свои постановления и давал то тому, то другому монастырю грамоты на вотчины. Главное, чего добивался Иван, было намерение пользоваться временно за счет церкви. Таким образом, постановлением того же собора царю предоставлялось забрать на себя все княжеские вотчины, какие прежде были отданы или проданы церковному ведомству, также и все заложенные земли, а денежное вознаграждение за них предоставлялось милости государя. Наконец, приговорено было в виде проекта составить подробный инвентарь доходам епископов и монастырей и оставить им по равной части, сообразно их сану, т.е. одинаковую часть всем архиепископам и одинаковую всем епископам, а также всем монахам и монахиням оставить поровну, столько, чтобы они имели достаточное одяние и пропитание и ни в чем не терпели скудости, а все излишнее брать на устройство войска. Но для этого нужно было время. Современник англичанин говорит, что после этого собора, кроме многих недвижимых имений, которые по соборному постановлению переходили на государя, царь взял с духовенства огромную сумму на военные издержки.⁸¹

⁸¹ До 300000 ф. стер. Вероятно, англичанин преувеличивает эту сумму.

Такими мерами доискивался Иван Васильевич средств для ведения войны, а между тем отправил к Баторию посольство, но уже не приказывал своим послам каких-нибудь оскорбительных выходок, напротив, велел им не обращать внимания, если король не спросит о царском здоровье и не встанет с места, когда они будут отдавать ему поклон от московского государя. В другое время по общепринятым обычаям это было бы сочтено большим оскорблением. Мало того: если послов станут бесчестить и бранить, то им следовало на это жаловаться приставу слегка, а не говорить «прятко». Унижение не помогло. Баторий обращался с послами гордо и готовился снова идти на Ивана. Поляки, как и прежде, не давали своему королю денег, даже упрекали его и не хотели во-все войны. Замойскому с трудом удалось уговорить сейм не заключать мира. Баторий и теперь жертвовал в пользу Польши свои собственные деньги; и Замойский дал ему на войну свои средства. Из Венгрии выписали еще пехоты. Наконец, Баторий и Замойский выдумали новое средство набрать войско: они объявили крестьянам королевских имений со всем их потомством свободу от всяких повинностей, если те пойдут в военную службу: положили таким образом взять с двадцати человек одного.

Прошла зима и весна в приготовлениях, и только 16 июня 1580 года Баторий выступил с войском из Вильны. Московские послы являлись одни за другими. Их не слушали; над ними ругались. Баторий требовал Новгорода, Пскова и Ве-

ликих Лук со всеми их землями, само собою разумеется, не ожидая удовлетворительного ответа на свой запрос. Поход Батория был успешен, как нельзя более. Замойский взял Велиж; покорены были и другие города. В августе сам Баторий осадил Великие Луки. 6-го сентября этот город был взят, затем взяты были: Невель, Озерище, Заволочье, Торопец. Шведский полководец Делагарди отнял у русских Везенберг и начал покорять другие ливонские города. С наступлением осени Баторий уехал в Польшу, но партизанская война продолжалась и зимою. Литовцы взяли Холм и Старую Русу, а запорожские казаки со своим гетманом Оришевским врывались в южные пределы Московского государства и опустошали их.

В то время, когда Баторий брал у Ивана город за городом, сам Иван отпраздновал у себя разом два брака. Сначала женился сын его Федор на Ирине Федоровне Годуновой (вследствие этого брака был приближен к царю и получил боярство знаменитый в будущем Борис Федорович Годунов). Затем Иван выбрал из толпы девиц себе в жены Марию Федоровну Нагую.⁸² Торжества по поводу свадеб (имевших в истории печальные последствия) вскоре заменились скорбью и унижением, когда царь узнал, что делается с его войском. Еще раз отправил он посольство просить приостановки во-

⁸² Замечательно распределение свадебных чинов на этой царской свадьбе: посаженным отцом царя был сын его Федор, будущий московский царь, а друзьями со стороны жениха князь Василий Иванович Шуйский, а со стороны невесты Борис Федорович Годунов: оба московские цари.

енных действий для заключения мира, и не только называл Стефана Батория братом, но дал своим гонцам наказ терпеливо сносить всякую брань, бесчестие и даже побои. Иван отказывался от Ливонии, но Баторий требовал 400000 червонцев контрибуции. Польский король, потешаясь унижением и малодушием врага, отправил к московскому царю своего гонца Лопатинского с письмом, очень характеристичным: «Как смел ты попрекать нас басурманством, – писал он московскому властелину (т.е. тем, что Баторий был вассалом турецкого султана), – ты, который кровью своей породнился с басурманами, твои предки, как конюхи, служили подножками царям татарским, когда те садились на коней, лизали кобылье молоко, капавшее на гривы татарских кляч! Ты себя выводишь не только от Пруса, брата Цезаря Августа, но еще производишь от племени греческого; если ты действительно из греков, то разве – от Тиэста, тирана, который кормил своего гостя телом его ребенка! Ты – не одно какое-нибудь дитя, а народ целого города, начиная от старших до наименьших, губил, разорял, уничтожал, подобно тому, как и предок твой предательски жителей этого же города перемучил, изгубил или взял в неволю... Где твой брат Владимир? Где множество бояр и людей? Побил! Ты не государь своему народу, а палач; ты привык повелевать над подданными, как над скотами, а не так как над людьми! Самая величайшая мудрость: познать самого себя; и чтобы ты лучше узнал самого себя, посылаю тебе книги, которые во всем свете о тебе

написаны; а если хочешь, еще других пришлю: чтобы ты в них, как в зеркале, увидел и себя и род свой... Ты довольно почувствовал нашу силу; даст Бог почувствуешь еще! Ты думаешь: везде так управляют, как в Москве? Каждый король христианский, при помазании на царство, должен присягать в том, что будет управлять не без разума, как ты. Правосудные и богобоязненные государи привыкли сноситься во всем со своими подданными и с их согласия ведут войны, заключают договоры; вот и мы велели созвать со всей земли нашей послов, чтоб охраняли совесть нашу и учинили бы с тобою прочное установление; но ты этих вещей не понимаешь...» Баторий предлагал Ивану во избежание пролития крови сразиться с ним на поединке. «Курица, – писал между прочим Баторий, – защищает от орла и ястреба своих птенцов, а ты, орел двуглавый, от нас прячешься» и пр.

Иван стал себе искать посредников и отправил гонца Шевригина в Вену и в Рим просить ходатайства императора и папы о заключении мира с Баторием. Император Рудольф отклонил свое посредничество, но папа Григорий XIII с радостью ухватился за это дело, потому что увидел возможность попытаться: нельзя ли склонить московского царя к соединению церковей и к признанию папской власти. Папа выбрал для этой цели знаменитого в свое время ученого богослова Антония Поссевина.

Пока составлялись планы примирения, Баторий и Замоиский всеми силами старались склонить сейм к продолжению

войны; они представляли необходимость воспользоваться счастливым временем, чтобы надолго сломить силу Московского государства и остановить завоевательные стремления царя. Поляки хотя и расхваливали короля за его военные доблести, но по-прежнему нерасположены были вести долгой войны и дали позволение своему королю еще на один поход, но не иначе, как с условием, чтобы этот поход против Москвы был последний и после него непременно было заключено перемирие. Баторий занял денег у прусского герцога и у других владельцев немецких, вызвал из Европы свежее наемное войско, числом до ста семидесяти тысяч, и летом 1581 г. двинулся на Псков. Со своей стороны, Московское государство ополчалось до последних сил, так что у Ивана могло набраться, как показывают современники, ратных людей тысяч до трехсот; но это войско непривычное к бою и неопытное, притом же тогда боялись нашествия крымского хана, а потому невозможно было сосредоточить всех сил против Батория, а нужно было составить оборону против татар. Сверх того, приходилось защищаться и против шведов.

В Пскове было до 30000 русских. Главное начальство над ними было поручено князьям Василию Федоровичу Скопину-Шуйскому и Ивану Петровичу Шуйскому.

Поход Батория был сначала очень успешен. Он взял псковские пригороды Опочку и Красный; 20-го августа поляки и венгры пробили каменную стену Острова, разрушили башню, и старый воевода, начальствовавший в Острове,

сдался на милосердие короля. В конце августа 1581 года Баторий появился под стенами Пскова. Удобное время уже было пропущено; весна и лето прошли в приготовлениях и сборах: иначе и быть не могло, так как поляки не давали королю своему никаких средств. Началась продолжительная осада. Русские на этот раз защищались упорно, 8-го сентября Баторий сделал пролом в стене, взял две башни, войско его уже врвалось в город; но русские, ободряемые князем Шуйским, выгнали врагов и подняли на воздух Свиную башню, которую овладели было королевские воины.

Баторий потерял разом до 5000 человек. После этой неудачи король и Замойский с большим трудом поддерживали дисциплину в войске. Наступила глубокая осень; началась дурная погода; еще другой-третий раз делали приступ, рыли подкопы – ничто не удавалось! Баторий отправил отряд овладеть Псково-Печерским монастырем; и там не было удачи. Король объявил, что решается во что бы то ни стало взять Псков осадой и будет зимовать под городом, приказывал копать землянки и строить избы для воинов; а тем временем в его стане ощущался недостаток съестных припасов, сделалась дороговизна, падали лошади, убегали люди. Отойти от Пскова, не взявши его и не заключивши мира, было бы срамом для Батория: ропоту в Польше не было бы и предела. Баторий потерял бы свою воинскую честь и свое нравственное влияние.

Но и положение московского государя от неудач Бато-

рия не улучшалось. Шведы одерживали над русскими победу за победой. Шведский генерал взял Нарву, захватил часть новгородской земли, овладел Корелою, берегами Ижоры, городами Ямою и Копорьем. Магнус взял Киремпель; ливонские города были отняты у русских почти все. Радзивилл, сын виленского воеводы, с казаками и литовскими татарами, вступивши в глубину неприятельской земли, доходил почти до Старицы, где находился тогда Иван Васильевич. Долгие мучительства и развращение, посеянное в народе опричниною, приносили свои плоды: русские легко сдавались неприятелю и переходили на службу к Стефану Баторию; один Псков представлял счастливое исключение, благодаря тому, что там находился умный и деятельный Иван Петрович Шуйский. Иван Васильевич трепетал измены, боялся посылать от себя войско: ему представлялось, что его самого схватят и отвезут к Баторию. Понятно, что Ивану Васильевичу нужен был мир как можно скорее. Упорство Пскова и нежелание поляков давать средства своему королю на продолжение войны невольно приводили и Стефана Батория к тому же.

Посредник, назначенный папою, иезуит Антоний Поссевин, посетил сначала Батория, дал ему как католику свое благословение на бранные подвиги, а потом прибыл к московскому государю и виделся с ним в Старице. Как духовное лицо и как посланник папы Поссевин сразу заявил, что его гораздо более занимает вопрос о соединении церквей, чем о

примирении с поляками. В числе подарков, привезенных им от папы, была книга о флорентийском соборе, которому Западная церковь придавала смысл великого вселенского собора, уже соединившего Восточную церковь с Западной. Посевин представлял царю Ивану Васильевичу большие выгоды от соединения, указывал на возможность всеобщего ополчения христианских держав против турок. Царь принял иезуита чрезвычайно ласково и почтительно, не лишал его надежды на предполагаемое церковное соединение, но не обещал ничего положительного и просил его прежде всего о заключении мира, сколько-нибудь выгодного для московского государя. Антоний уехал от царя с надеждой опять приехать к нему после заключения мира, уже исключительно по делам веры.

При посредстве Антония, в деревню Киверова Горка, в пятнадцати верстах от Запольского Яма, в декабре 1581 г. съехались с обеих сторон уполномоченные.⁸³ Им пришлось жить в крестьянских курных избах, терпеть зимний холод и недостаток, даже пить снежную воду. Кругом все было опустошено.

Антоний Посевин явно мирволил польской стороне; московские послы упрямились, желая выговорить себе более выгодные условия; шли споры о титулах и словах, так что однажды иезуит разгорячился, вырвал у них из рук бумагу,

⁸³ От Батория: Ян Збаранский, князь Альбрехт Радзивилл и секретарь В. К. Литовского Гарабурда. От Ивана Васильевича князь Елецкий и Алферьев.

даже схватил одного из них за воротник шубы, повернул, пуговицы оборвал на шубе и сказал: «Ступайте вон! Я с вами ничего не буду говорить!» Наконец, после трех недель бесполезных споров, 6-го января 1582 года обе стороны подписали перемирие на десять лет. По этому перемирию московский государь отказался от Ливонии, уступил Полоцк и Велиж, а Баторий согласился возвратить взятые им псковские пригороды.

По заключении мира Поссевин отправился в Москву с давно желанной целью привести царя к соединению с Западной церковью.

В Александровской Слободе случилось между тем потрясающее событие: в ноябре 1581 года царь Иван Васильевич в порыве запальчивости убил железным посохом своего старшего сына, уже приобретшего под руководством отца кровавые привычки и подававшего надежду, что, по смерти Ивана Васильевича, будет в его государстве совершаться то же, что совершалось при нем. Современные источники выставляют разную причину этого события. В наших летописях говорится, что царевич начал укорять отца за его трусость, за готовность заключить с Баторием унижительный договор и требовал выручки Пскова; царь, разгневавшись, ударил его так, что тот заболел и через несколько дней умер. Согласно с этим повествует современный историк ливонской войны Гейденштейн; он прибавляет, что в это время народ волновался и оказывал царевичу особое перед отцом расположе-

ние, и через то отец раздражился на сына. Антоний Поссевин (бывший через три месяца после того в Москве) слышал об этом событии иначе: приличие того времени требовало, чтобы знатные женщины надевали три одежды одна на другую. Царь застал свою невестку, жену Ивана, лежащую на скамье в одной только исподной одежде, ударил ее по щеке и начал колотить жезлом. Она была беременна и в следующую ночь выкинула. Царевич стал укорять за то отца: «Ты, – говорил он, – отнял уже у меня двух жен, постриг их в монастырь, хочешь отнять и третью, и уже умертвил в утробе ее моего ребенка». Иван за эти слова ударил сына изо всех сил жезлом в голову.⁸⁴ Царевич упал без чувств, заливаясь кровью. Царь опомнился, кричал, рвал на себе волосы, вопил о помощи, звал медиков... Все было напрасно: царевич умер на пятый день и был погребен 19 ноября в Архангельском соборе. Царь в унынии говорил, что не хочет более царствовать, а пойдет в монастырь: он собрал бояр, объявил им, что второй сын его Федор неспособен к правлению, предоставлял боярам выбрать из среды своей царя. Но бояре боялись: не испытывает ли их царь Иван Васильевич и не перебьет ли он после и того, кого они выберут, и тех, кто будет выбирать нового государя. Бояре умоляли Ивана Васильевича не идти в монастырь, по крайней мере, до окончания войны. С тех

⁸⁴ Царевич был три раза женат: первая жена его была Евдокия Сабурова, вторая – Соловая, третья – Шереметева, по имени Елена Ивановна. По русскому известию, царь отколотил Бориса Годунова, который вздумал защищать царевича.

пор много дней царь ужасно мучился, не спал ночей, метался как в горячке. Наконец мало-помалу он стал успокаиваться, начал посылать богатые милостыни по монастырям, отправлял дары и на Восток, чтобы молились об успокоении души его сына. В это время усиленно припоминал он погубленных и замученных им, вписывал имена их в синодики, а когда не мог пересчитать их и припомнить по именам, писал просто: «их же ты, Господи, веши!»

Антоний приехал в Москву три месяца спустя после убийства царевича; он застал еще царя и весь двор в черных одеждах, с отрошенными волосами, по придворному обычаю. Иезуиту хотелось устроить религиозное прение о вере с царем и убедить его силой своих доводов. Но Иван не изъявлял на то большой охоты. «Что спорить о вере, – говорил он, – каждый свою веру хвалит. Мне уже пятьдесят первый год, воспитался я в истинной христианской вере и переменять мне ее не годится! Придет страшный суд, и тогда Господь рассудит: какая вера правая, наша или латинская?» – «Святой отец, – сказал Антоний, – вовсе не хочет, чтобы ты менял древнюю греческую веру, основанную на учении Св. отцов и постановлениях Св. соборов. Он хочет только, чтобы ты исследовал: что есть истинного, и то утвердил в своем царстве. Он хочет, чтобы во всем мире была одна церковь; и мы бы ходили в греческую к вашим священникам, и ваши ходили бы к нашим». Антоний распространился об истории церкви, а в особенности о флорентийском соборе, и

заклучил свою речь такими словами: «Если ты, великий государь, вступишь с папой в соединение, то не только будешь государем на прародительской отчине своей в Киеве, но и в царствующем граде Константинополе; и папа, и цезарь, и все государи будут об этом стараться». – «Не сойтись нам с тобою, – сказал на это Иван, – наша вера христианская, а не греческая, была издавна сама по себе, а римская сама по себе; греческой наша вера называется оттого, что пророк Давид за много лет до Рождества Христова пророчествовал: от Ефиопии предварит рука ее к Богу, а Ефиопия то место, что Византия, а Византия первое государство греческое просияло в христианстве».

Показавши таким образом свою ученость, царь повторил, что не хочет спорить о вере, дабы через то не сделалась рознь с папой и не порвалась бы взаимная любовь между папой Григорием и московским государем.

Антоний уверял, что розни не будет, и просил государя вести с ним прение о вере. Иван Васильевич сказал: «О больших делах мы с тобой говорить не хотим, чтобы тебе не было досадно, а вот малое дело. У тебя борода подсечена, а бороды подсекать и подбривать не велено ни попу, ни мирским людям. Ты в римской вере поп, а бороду сечешь. Откуда это взял и по какому учению?» «Я бороды не секу и не брею», – сказал Антоний. Иван продолжал: «Сказывал нам наш паробок Шевригин, что папа Григорий сидит на престоле и носят его, и целуют ногу; а на сапоге крест, а на кресте распятие.

Прилично ли это?»

Поссевин распространялся о достоинстве и величии папы, об особенной благодати над Римом, о которой свидетельствовало множество мощей в этом городе; доказывал, что папа садится на престол не для гордости, а для благословения многочисленного народа, что поклонение ему делается в воспоминание того, как в древние времена народ падал к ногам апостолов, проповедывавших ему веру, заключил, наконец, речь свою тем, что и государя следует величать, славить и припадать к его ногам. С этими словами иезуит поклонился Ивану Васильевичу в ноги.

Но Иван Васильевич на это сказал: «Нас, великих государей, пригоже почитать по царскому величеству, а святителям надо смирение показывать и не возноситься выше царей. Папа Григорий называется сопрестольником Петру Апостолу, а по земле не ходит и велит себя на престоле носить; значит – он хочет Христу подобиться! Папа не Христос, и престол, на чем папу носят, не облако, и те, что носят его, не ангелы! Который папа поступает по Христову учению и по апостольскому преданию, – тот сопрестольник великим папам и апостолам; а который папа начнет жить не по Христову учению и не по апостольскому преданию, – тот папа волк, а не пастырь».

«Если папа волк, а не пастырь, – сказал Антоний, – то мне и говорить нечего; зачем же ты и посылал к нему о своих делах? И ты, и его предшественники всегда называли его пас-

тырем церкви».

Царь начинал сердиться. Зная его нрав, Поссевин и его товарищи боялись, чтобы он не хватил кого-нибудь своим железом, и потому Поссевин старался успокоить его льстивыми словами. Царь тогда сказал: «Вот я говорил, что нам нельзя говорить о вере. Без раздорных слов не обойдется. Оставим это».

4 марта, в воскресенье Великого поста, царь пригласил Антония идти в церковь смотреть богослужение. Иезуит догадался, что царь это делает для того, чтобы присутствие папского посла в церкви служило для народа доказательством уважения иноверцев к русской вере. Антоний отвечал, что ему известны обряды греческой церкви, а участвовать в них наравне с митрополитом он не может до тех пор, пока митрополит не будет укреплен в вере тем, кто сидит на престоле Петра, которому Господь сказал: утверждай братью свою. «Вы, – говорил он, – упрекаете нас в том, что святой отец сидит на престоле, а у вас митрополит моет себе руки, и этой водой люди окропляют себе глаза и другие части тела, и перед вашими епископами кланяются в землю».

«Это вода, – отвечал царь, – знаменует воскресение Христова».

Поссевин, однако, должен был из уважения к царю идти в церковь, причем Иван сказал: «Смотри, чтобы за тобой лютеране не вошли».

«Мы с лютеранами общения не имеем», – отвечал иезуит.

Приблизившись к церкви, Антоний постарался тотчас улизнуть. Все думали, что царь рассердится, но Иван Васильевич потер себе лоб и сказал: «Ну, пусть делает как знает».

Антоний никак не мог добиться не только обещания подчиниться папе, но даже и дозволения строить для католиков костелы, хотя позволялось приезжать священникам римско-католической веры. Антоний уехал.

Запольский мир, заключенный с Баторием, оставил войну царя Ивана Васильевича со Швецией нерешенною. Мало этого: Баторий готов был сам воевать со шведами, так как считал всю Ливонию достоянием Польши и Литвы, а Швеция удерживала в своей власти Эстонию. Сейм не допустил Батория до войны, потому что поляки не хотели воевать ни с кем. Неприязненные отношения Московского государства со Швецией продолжались до мая 1583 года, без всяких важных успехов с той и другой стороны, наконец прекратились перемирием на три года, заключенным на р. Плисе. Швеция оставалась в выигрыше и удерживала за собой не только Эстонию, но и русские города Яму и Копорье с их землями, захваченные во время войны. Таким образом, западные пределы государства суживались, терялись плоды долговременных усилий: на востоке, за Волгой было беспокойно. Черемиса, с начала покорения Казани, не хотела повиноваться русской власти, беспрестанно восставала, а в последнее время горячо и единодушно поднялась за свою свободу и вела войну с упорством. Воеводы с ратьми посылались одни за дру-

гими и долго не могли укротить черемис, которые защищались от их покушений в своих дремучих лесах, не хотели и слышать о платеже наложенного на них ясака, а при случае делали набеги и разорения. Покорить их можно было только построением русских городов: тогда с этой целью был построен Козьмодемьянск.

Мало-помалу стал освобождаться Иван от своей тоски по убитому сыну, а с нею вместе начали проходить угрызения совести, и царь начал опять проявлять признаки обычного свирепства. Ратные люди, так трусливо сдававшиеся Баторию, оставались на первых порах без наказания, но по заключении мира вспомнил об них Иван, собрал и казнил мучительнейшим образом. По сказанию одного иностранного историка, их погибло до 2300 человек. Царь страдал под гнетом своего унижения. Ливония, которой он так добивался, ускользнула из рук его; он хотел вылить свою злобу над ливонскими пленниками, которых у него было очень много. Он приказал привести толпу этих несчастных, пустил на них медведей и сам, стоя у окна, любовался, как пленники напрасно старались отбиться от зверей и как медведи рвали их на куски. Иван Васильевич тогда и над близкими к себе людьми придумывал затейливые мучительства. Так, однажды царский тесть Федор Нагой наговорил на Бориса Годунова, что тот не является ко двору, притворяясь больным после того, как Иван отколотил его своим жезлом. Царь сам внезапно прибыл к Борису, который показал ему свои раны и

заволоки, сделанные врачом. Тогда царь Иван приказал сделать заволоки на руках и груди царского тестя, совершенно здорового.

Женившись на Марии Нагой, Иван вскоре невзлюбил ее, хотя она уже была беременна. Он задумал жениться на какой-нибудь иностранной принцессе царской крови. Англичанин медик, по имени Роберт, сообщил ему, что у английской королевы есть родственница Мария Гастингс, графиня Гоптингтонская. Иван отправил в Лондон дворянина Федора Писемского узнать о невесте, поговорить о ней с королевой и вместе с тем изъявить желание от имени царя заключить тесный союз с Англией. Условием брака было то, чтобы будущая супруга царя приняла греческую веру и чтобы все, приехавшие с ней, бояре и боярыни также последовали ее примеру. Хотя царь и заявлял у себя дома о неспособности царевича Федора, но Писемскому не велел говорить этого королеве; напротив, приказывал объявить, что детям новой царицы дадутся особые уделы. Достоинно замечания, что на случай, если бы королева заметила, что у царя уже есть жена, Писемский должен был сказать, что она не какая-нибудь царица, а простая подданная и для королевича племянницы можно ее и прогнать.

Писемский был принят с почестями, но королева на вопрос о невесте сказала, что она была недавно в оспе, видеть ее и списывать портрета скоро нельзя, и не прежде как в мае 1583 года доставила послу случай увидеть невесту в са-

ду. Мария Гастингс, тридцатилетняя дева, сначала соблазнилась было честью быть московской царицей, но потом, когда услышала о злодеяниях Ивана, то наотрез отказалась от этой чести. Королева отпустила Писемского, а вместе с тем отправила послом к Ивану Жерома Боуса. Этот посол должен был объявить, что девица, на которой хотел жениться Иван, больна и притом не хочет переменять веры. Королева добивалась исключительной и беспошлинной торговли для англичан, а царь, соглашаясь на это, хотел, чтобы Елизавета помогла ему завоевать снова Ливонию. Между тем мысль жениться на иностранке не оставляла царя, и он все разведывал: нет ли у английской королевы какой-нибудь другой родственницы, с которой он мог бы вступить в брак.

То было в конце 1583 года. Царь мечтал о женитьбе. Бедная женщина, носившая имя царицы и недавно родившая сына Димитрия, каждый час трепетала за свою судьбу, а между тем здоровье царя становилось все хуже и хуже. Развратная жизнь и свирепые страсти расстроили его. Ему только было пятьдесят лет с небольшим, а он казался дряхлым, глубоким стариком. В начале 1584 года открылась у него страшная болезнь: какое-то гниение внутри; от него исходил отвратительный запах. Иноземные врачи расточали над ним все свое искусство; по монастырям раздавались обильные милостыни, по церквам велено молиться за больного царя, и в то же время суеверный Иван приглашал к себе знахарей и знахарок. Их привозили из далекого севера; какие-то волхвы

предрекли ему, как говорят, день смерти. Иван был в ужасе. В эти, вероятно, дни, помышляя о судьбе царства и находя, что Федор, по своему малоумию, неспособен царствовать, Иван придумывал разные способы устроить после себя наследство и составлял разные завещания. Тогда из близко стоявших к нему людей, кроме Бориса Годунова, были: князь Иван Мстиславский, князь Петр Шуйский, Никита Романов, Богдан Бельский и дьяк Щелкалов. Все не любили Бориса Годунова, опасаясь, что он, как брат жены Федора, человек способный и хитрый, неизбежно овладеет один всем правлением. Сначала Иван составил завещание, в котором объявлял наследником Федора, а около него устраивал совет; в этом совете занимал место Борис Годунов. Потом Богдан Бельский, вкравшийся в доверенность царя, настроил его против Бориса Годунова, и царь (как впоследствии открылось) составил другое завещание: оставляя престол полоумному Федору, он назначал правителем государства эрцгерцога Эрнеста, того самого, которого прежде он так хотел посадить на польский престол. Эрнест должен был получить в удел: Тверь, Вологду и Углич, а если Федор умрет бездетным, то сделаться наследником русского престола. К этому располагало его уважение, какое он питал к знатности Габсбургского дома. Он считал членов его наследниками Священной Римской Империи, в которой родился сам Иисус Христос. Тайна этого завещания не была им открыта Борису, но ее знали вышеупомянутые бояре. Дьяк Щелкалов из-

менил своим товарищам и тайно сообщил об этом Борису. Они вдвоем составили план уничтожить завещание, когда не станет Ивана.⁸⁵

Иван то падал духом, молился, раздавал щедрые милостыни, приказывал кормить нищих и пленных, выпускал из темниц заключенных, то опять порывался к прежней необузданности... Но болезнь брала свое, и он опять начинал каяться и молиться. Была половина марта. Иван с трудом мог ходить: его носили в креслах. 15 марта он приказал нести себя в палату, где лежали его сокровища. Там перебирал он драгоценные камни и определял таинственное достоинство каждого сообразно тогдашним верованиям, приписывая тому или другому разное влияние на нравственные качества человека.

Ему казалось, что его околдовали, потом он воображал, что это колдовство было уже уничтожено другими средствами. Он то собирался умирать, то с уверенностью говорил, что будет жив. Между тем тело его покрывалось волдырями и ранами. Вонь от него становилась невыносимее. Наступило 17 марта.⁸⁶ Около третьего часа царь отправился в пригото-

⁸⁵ Так сообщает Лука Павлюс, бывший в Москве при Борисе, знавший хорошо русский язык и положение русских дел.

⁸⁶ Англичанин Горсей говорит, что это был день, в который, по предсказанию волхвов, его должна была постигнуть смерть. Чувствуя себя лучше, Иван послал Бельского объявить колдунам, предсказавшим ему смерть, что он зароет их живьем или сожжет за ложное предсказание. «Не гневайся, боярин, – отвечали волхвы, – день только что наступил, а кончится он солнечным закатом».

ленную ему баню, мылся с большим удовольствием; там его тешили песнями. После бани царь чувствовал себя свежее. Его усадили на постели; сверх белья на нем был широкий халат. Он велел подать шахматы, сам стал расставлять их, никак не мог поставить шахматного короля на свое место, и в это время упал. Поднялся крик; кто бежал за водкой, кто за розовой водой, кто за врачами и духовенством. Явились врачи со своими снадобьями, начали растирать его; явился митрополит и наскоро совершил обряд пострижения, нарекая Иоанна Ионою. Но царь уже был бездыханен. Ударили в колокол на исход души. Народ заволновался, толпа бросилась в Кремль. Борис приказал затворить ворота.

На третий день тело царя Ивана Васильевича было предано погребению в Архангельском соборе, рядом с могилой убитого им сына. Имя Грозного осталось за ним в истории и в народной памяти.

Выпуск третий: XV—XVI столетия

Глава 21 Ермак Тимофеевич

В старинной Руси мирские люди, по отношению к государству, делились на служилых и неслужилых. Первые обязаны были государству службой воинской или гражданской (приказной). Вторые – платежом налогов и отправление повинностей: обязанности этого рода назывались тяглом; исполнявшие их «тянули», были «тяглые» люди. Но тягло определялось не ручной силой и, следовательно, не числом душ, а размером имущества, приносящего доход, определяемого писцовыми книгами. Тяглые были посадские (горожане) и волостные или крестьяне; первые облагались по своим промыслам, вторые по землям, которыми владели. Ответственность перед правительством возлагалась не отдельно на хозяев, а на целые общины, которые уже сами у себя делали распределения: сколько какой из членов общины должен был участвовать в исполнении обязательств целой общины перед правительством. Внутреннее раздробление всего дающего доход имущества целой общины совершалось по вы-

тям. Каждое тягло составляло часть общего тягла и называлось вытью⁸⁷; но тягло лежало собственно только на хозяевах, записанных в писцовых книгах. Одни хозяева несли на себе обязательства к миру. В семьях были лица, не входившие в тягло; они могли со временем быть записаны в тягло и получать особые выти: до тех же пор они были нетяглые или гулящие люди. Эти нетяглые люди имели право переселяться, наниматься, поступать в холопы, закладываться, верстаться в служилые люди и вообще располагать собою, как угодно. В грамотах о населении новых жилых местностей обыкновенно дозволялось набирать таких гулящих людей. В XVI веке из этих гулящих людей начал образовываться класс, принявший название «казаков». В половине этого столетия мы видим появление казаков в разных краях русского мира, противоположных по местоположению и принадлежащих разным государствам. Таким образом, мы видим казаков в украинских старостах Великого княжества Литовского на берегах Днепра, сначала в звании промышленников, ходивших на пороги ловить рыбу, потом в звании военных людей, составлявших дружины Дашковича и Димитрия Вишневецкого, потом – организованных литовским правительством в виде военного сословия под особой командой и в то же время самовольно основавших за днепровскими порогами вольное военное братство, под названием Запорож-

⁸⁷ Слово «выть» употреблялось вообще в смысле части целого, принимаемой в известных отношениях в самостоятельном значении.

ской Сечи. То же явление мы встречаем в восточной Руси. Казаки являются и на отдаленном севере, и на юге. На севере, в странах, прилегавших к морю, жители начинают делиться на тяглых, бобылей и казаков. Тяглые были хозяева, владевшие вытями, приносившими доход, с которого они вносили в казну налоги. Бобыли – бедные люди, бывшие не в состоянии держать целой выти и владевшие только дворами, с которых вносили небольшой налог. Казаками же назывались люди совершенно бездомные, не имевшие постоянного места жительства и переходившие по найму от одного хозяина к другому, из одного села в другое. На юге казаки имели другое значение; тут они были люди военные, подобные тем, которые появились в днепровских странах. Различие это понятно. На севере, где все было спокойно, гулящие нетяглые люди могли заниматься мирными промыслами, шатаясь с места на место; на юге, где беспрестанно можно было ожидать татарских набегов, подобные гулящие люди должны были ходить с оружием и приучиться к воинскому образу жизни. По разрушении Золотой Орды и по раздроблении ее на множество кочевых орд, привольные степи Дона представляли приманку для русских людей; удалые головы, не только не боявшиеся опасностей, но находившие в них особую прелесть жизни, стали удаляться туда, селились и образовали воинское братство, подобное тому, которое явилось на Днепре под именем Запорожской Сечи. Должно думать даже, что последняя имела большое влияние на образова-

ние подобного же братства на Дону, как показывает одинаковость устройства запорожских и донских казаков во многих чертах. Так, мы видим и там и здесь одни и те же названия выборных начальников: атаманов, есаулов, одинакое управление, суд, казну, строгое товарищество. У тех и других ощутительно – стремление удержать свою корпоративность против государственной власти, но вместе с тем и готовность служить государству с сохранением своей вольности. Московское правительство вскоре само завело казаков в своих южных городах, в смысле особого военного сословия. Таким образом, образовалось два рода военных казаков: одни, в большей зависимости от правительства, стали населять южные города и уже перестали быть бездомными, гулящими людьми, а получали земли, не платя за них налогов, но обязываясь отбывать воинскую службу и поступая в этом отношении в разряд служилого сословия. С казацкой службой, в отличие от службы других разрядов служилых людей, соединялось понятие о легкости и удобоподвижности; особенным занятием казаков было держать караулы, провожать послов и гонцов, проведывать о неприятеле, нападать на него врасплох, переносить вести из одного города в другой и исполнять разные поручения, требующие скорости. Но, кроме этих казаков, на дальнем юге продолжали умножаться казаки в смысле самостоятельного братства вольных военных людей, которые управлялись сами собою, считали себя независимыми, и если изъявляли готовность служить царю, то как

бы добровольно. Такие казаки распространялись не только на Дону, но и на Волге; оказывая иногда услуги правительству, они уже в это время заявляли себя к нему неприязненно: вопреки царскому запрещению вели войны с соседями, нападали на царских посланцев, грабили царские товары и купцов и давали у себя приют опальным и беглым.

Самое раннее начало казачества для нас теряется в истории. Вероятно, однако, что это название возникло на юге при столкновении с татарами. Слово «казак» чисто татарское и означало сперва вольного бездомного бродягу, а потом низший род воинов, набранных из таких бродяг. На юге Руси, как литовской⁸⁸, так и московской, прежде появления русских казаков существовали казаки татарские, в том же значении вольных бродячих удальцов. Если в глазах правительства казачество получало значение военного сословия, то в глазах народа слово «казак» долго имело более широкий смысл. Оно соединялось вообще со стремлением уйти от тягла, от подчинения власти, от государственного и общественного гнета, вообще от того строя жизни, который господствовал в тогдашнем быту. Издавна в характере русско-

⁸⁸ Южная Русь, или Малороссия, т.е. Вольнь, Подоль и Украина, только до 1569 года принадлежала Великому княжеству Литовскому, а в этом году, когда последовало вечное федеративное соединение Литвы с Польшей, южнорусские земли были присоединены непосредственно к Польскому королевству, к которому уже прежде, со времен Казимира Великого, в XIV веке, присоединена часть южной Руси (населенной малорусским племенем), именно Червонная Русь под названием воеводства русского.

го народа образовалось такое качество, что если русский человек был недоволен средою, в которой жил, то не собирал своих сил для противодействия, а бежал, искал себе нового отечества. Это качество и было причиной громадной колонизации русского племени. В древние времена, когда существовали отдельные земли и княжения, русские переходили из одного в другое или заходили на новые, не населенные прежде места; так населялся отдаленный север и северо-восток: Вятка, Пермь, Вологда и пр. Монастыри, как мы уже говорили, были одним из важных двигателей такой колонизации. Русский человек искал воли и льгот, сообразно своей пословице: «рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». При раздельности земель переход из одной в другую естественно удовлетворял многих: нужны были люди, и новым людям давались льготы. Но когда земли и княжения соединились под властью московских государей и, вследствие этого, быт народа получал сравнительно более однообразия, такие переходы уже не могли представлять прежних выгод; притом образование двора, усиление государственных нужд, внутренняя и внешняя безопасность и частые войны повлекли за собой несравненно больше поборов и повинностей, а потом неизбежно было большее отягощение народа. Между тем желание «отбыть» всяких тягостей, искать льготных мест не только не исчезло, но еще усилилось с увеличением государственных тягостей. Гулящие люди, не поступившие в тягло, искали заранее возможности избавиться от него на бу-

дущее время, за ними – и записанные в тягло покидали свои выти или жребии и также разбегались. В писцовых книгах то и дело, что встречаются пустые дворы в посадах и селах. От этих побегов остававшимся на месте делалось еще тяжелее, так как оставшиеся должны были нести повинности и за бежавших. Побег был самым обычным, самым укоренившимся явлением жизни старинной Руси. В жалобах правительству на отягощения жители постоянно угрожали разбежаться «врознь». Одни перебежали внутри государства с места на место: из тяглых черных волостей в монастырские или боярские вотчины и поместья, закладывались частным лицам, поступали в «холопи»; их нередко ловили и водворяли на прежние места жительства. Служилые люди таким же образом убегали от службы: всегда, как только собирали в поход детей боярских и стрельцов, непременно следовало распоряжение ловить нетчиков, т.е. не являвшихся на службу. Более смелые и удалые стремились вырваться совсем из прежней общественной среды и убежать туда, где им приходилось или пользоваться большими льготами, как например в казаки «украинных» (южных) московских городов, или туда, где уже не было для них никаких государственных повинностей: таким притоном были степи. Там образовалось вольное казачество. Но казак, по народному понятию, был не только тот, кто шел на Дон или в Сечь и поступал в военное братство, для всех открытое: всякий удалец, который искал воли, не хотел подчиняться власти и тягостям, всякий

шатавшийся беглец был в народном смысле казак. От этого собирались разбойничьи шайки и называли себя казаками, а предводителей своих атаманами, да и само правительство называло их казаками, только «воровскими». В глазах народа не было строгой черты между теми и другими. Казачество стало характеристическим явлением народной русской жизни того времени. Это было народное противодействие тому государственному строю, который удовлетворял далеко не всем народным чувствам, идеалам и потребностям. Народ русский, выбиваясь из государственных рамок, искал в казачестве нового, иного общественного строя. Появление казачества порождало раздвоение в русской общественной жизни. Одна часть стояла за государство и вместе с ним за земство, хотя и подавляемое государством. Другая – становилась враждебно к государству и стремилась положить свои собственные зачатки иного земства. Идеалом казачества была полная личная свобода, нестесняемое землевладение, выборное управление и самосуд, полное равенство членов общины, пренебрежение ко всяким преимуществам происхождения и взаимная защита против внешних врагов. Этот идеал ясно выказывается в истории малорусского казачества в ту эпоху, когда оно уже успело разлиться на целый народ. В московской Руси черты такого идеала выразились слабее, но здесь и там, пока этот идеал мог быть достигнут, казачество не иначе должно было проявиться, как в форме военной, наезднической и даже разбойнической. С одной сто-

роны, соседство татар вызывало необходимость беспрестанно вести войны; защищаясь против врагов, казаки неизбежно стали и нападать на них. Удачные нападения давали им добычу, а приобретение добычи увлекало их к тому, чтобы, вместо мирных земледельческих и промышленных занятий, жить и обогащаться войною; к этому присоединялись и религиозные воззрения: так как враги их были не христиане, то нападения на них и грабежи считались не только нравственно позволительным, но и богоугодным делом. С другой стороны, так как казачество составлялось из людей, недовольных государственным строем, то отсюда вытекала вражда и к государственному управлению и ко всему обществу, признававшему это управление. В казаки шли люди бездомные, бедные, «меньшие», как говорилось тогда, и вносили с собой неприязнь к людям богатым, знатным и большим. Отсюда-то происходило, что казаки или шайки, называвшие себя казаками, со спокойной совестью нападали на караваны и грабили царских послов и богатых московских гостей. Но казаки, несмотря на все это, были русские люди, связанные верой и народностью с тем обществом, из которого вырывались: государству всегда оставалась возможность с ними сойтись, и если не сразу подчинить их, то до известной степени войти с ними в сделку, дать уступки и, по возможности, обратить их силы в свою пользу. Недовольные государственным строем казаки были все-таки не более как беглецы, а не какая-нибудь партия, стремившаяся сделать изменения или перево-

рот в обществе. Убежавши с прежних мест жительства на новые, казаки могли быть довольны, если в этом новом жительстве им не мешали и оставляли с приобретенными льготами; до остальной Руси им уже было мало дела, по крайней мере, до тех пор, пока какие-нибудь новые потрясения не поворачивали их деятельности к прежнему их отечеству. От этого, как только царская власть обращалась с ними дружелюбно, они готовы были служить ей, но только остерегаясь, чтобы у них не отняли их льгот.

Шайки, составленные из донских казаков и разных русских беглецов, нашли себе приют на Волге, нападали на послов, на купцов, не щадили царских судов, брали казну и товары. Разбои эти возрастали с каждым годом. Правительство посылало против них отряды, приказывало хватать и вешать, но нелегко было с ними расправиться, потому что, услышав приближение царских сил, они скрывались в ущельях и пустынях. В 1579 году они напали, под предводительством атаманов Кольцо, Барбоши и других, на нагайский город Сарайчик и разорили его до основания. По жалобе нагаев царь осудил Кольцо с товарищами на смерть, но поймать главных предводителей не могли и казнили только нескольких попавшихся. Вслед за тем толпа казаков – и с нею осужденный на смерть Кольцо – явилась в пермской стране.

В половине XVI века на северо-востоке нынешней России ярко обозначается широкая деятельность фамилии Строгоновых. Отечество этого рода была в старину Ростовская

земля. Уже около половины XV века Строгоновы являются людьми очень богатыми: они содействовали своими средствами выкупу Василия Темного. В XVI веке Аникий Строгонов водворился в Сольвычегодске, завел там соляные варницы, вел большой торг мехами с инородцами, привлекал к себе русских переселенцев и нажил громадное состояние. Он оставил двух сыновей: Якова и Григория. В 1558 году, по ходатайству Григория Строгонова, царь подарил ему, ниже Перми в 88 верстах, по обе стороны Камы до Чусовой, пустое пространство на 146 верст, с правом населять его пришлыми людьми, но только не тяглыми и не письменными (т.е. значившимися по каким-нибудь спискам), не ворами и не разбойниками, со льготой для новых поселенцев от государственных налогов и повинностей на двадцать лет; дозволял ему также построить город, снарядить его пушками и пищалами, прибрать военных людей и открыть в нем для приезжающих купцов беспошлинный торг. Для вооружения своего города Строгоновы имели право варить селитру. В тот век, когда в народе сильно господствовало стремление переселяться с целью найти более льготную жизнь, земли Строгоновых быстро населялись. В 1564 году, кроме прежде построенного города Канкара, Строгоновы с царского дозволения построили другой город Кергедан. В 1568 году царская жалованная грамота прибавила к владениям Строгоновых берега реки Чусовой на 20 верст протяжения. Новые поселения Строгоновых не оставались в покое: на них на-

чали нападать разные инородцы: остяки, вогуличи, черемисы, нагаи, и в 1572 году царь дозволил Строгоновым набирать себе охочих казаков и ходить войной против враждебных инородцев. Вскоре Строгоновы вошли в столкновение с зауральским краем. На берегах рек Тобола, Иртыша и Туры существовало татарское царство, носившее название Сибири, с главным городом того же имени, иначе наз. Искер. История этого царства представляет однообразные черты, общие всем татарским царствам: ханы свергали и убивали друг друга; один из них, Едигер, после завоевания русскими Казани и Астрахани, добровольно поддавался Ивану Грозному с целью оградить себя от соперников. Но Едигер был низвержен и убит воинственным киргиз-кайсацким ханом Кучумом. Это было около 1556 года. Кучум сделался сибирским царем, покорил своей власти остяков и частью вогуличей и усиленно заботился о распространении магометанской веры в своем государстве. Вопреки своему предшественнику, он не думал уже отдавать сибирской страны русскому государю, хотел, напротив, утвердить ее независимость и потому с неудовольствием услышал, что Строгоновы населяют и укрепляют города по близости к его границе и держат в повиновении русскому царю остяков, которых сибирский царь считал своими подданными. В 1573 году сын Кучума, царевич Махметкул, принуждал к повиновению русских данников, остяков, угрожал городкам Строгоновых и возбуждал черемисов к бунту. Это нападение вызвало со стороны рус-

ского царя в 1574 году грамоту, по которой Строгоновым предоставлялось перейти за Урал, строить крепости на реке Тоболе и населять тамошнюю страну русскими со льготою на двадцать лет. После этой грамоты естественно возникла у Строгоновых необходимость увеличить свои военные силы. Казаки были самыми подручными людьми для такого предприятия. Прошло несколько лет, Яков и Григорий умерли, оставивши продолжать свое дело брату Семену и детям: Максиму, сыну Якова, и Никите, сыну Григория.

Мы не знаем, делали ли Строгоновы какие-нибудь покушения на Зауральский край до 1581 года, но в этот год на их чувовской городок напали остяки, данники сибирского царя, и царь своею грамотою по жалобе Строгоновых приказывал пермскому воеводе вооружать земских людей и подать помощь Строгоновым. Затем мы узнаем, что в следующем 1582 году в сентябре Строгоновы посылали за Урал на вотяков и вогуличей, подвластных сибирскому царю, волжских атаманов и казаков Ермака с товарищами, а между тем пелымский князь, данник сибирского царя, делал нападение на Чердынь. Когда царь узнал об этом, то изъявил свой гнев Строгоновым, приказал Ермака отослать в Пермь, где прежде велено было ему находиться на службе, и отнюдь не затевать ссор с сибирским «салтаном». Но грамота эта пришла поздно, тогда уже, когда казаки совершили наполовину свой подвиг.

Вместе с Ермаком был тогда опальный, осужденный на

смерть Иван Кольцо и казацкие атаманы Никита Пан и Василий Мещеряк. Неизвестно, были ли последние из разбойников. Что касается до Ермака Тимофеевича, то нет основания предполагать, чтобы он принадлежал к разряду волжских удальцов, навлекших на себя опалу своими разбоями. Напротив, оказывается, что в качестве казацкого атамана он находился на царской службе и в конце июня 1581 вместе с русскими силами был под Могилевом на Днепре. Вслед за тем в 1582 году он находился в Перми на царской службе, и это доказывается царской грамотой Строгонову, в которой, делая выговор последнему за посылку казаков за Урал, царь приказывал возвратить Ермака в Пермь на место его службы.⁸⁹

Как бы то ни было, только 1 сентября 1582 г. казаки, снаряженные Строгоновым, поплыли по Чусовой вверх. О числе их разногласят источники. С казаками было несколько пушек. Они взяли с собой «вожей» (вожатых) и толмачей. В те времена реки были обычным и очень часто единственным путем. Где плавание предстояло по глубокой воде, там употребляли струги и челны, на мелководье плавали на плотах; по мере надобности, на волоках – то есть на пунктах сближения реки одной системы с рекой другой – бросали суда или плоты и переволакивались, то есть переезжали к реке другой системы, а иногда переходили пешком и переносили с собой

⁸⁹ По одной летописи, у Ермака было 840 человек, по другой – 540, по третьей – 5000—6000 чел.

свою поклажу, чтобы снова на другой реке доставать суда и плыть. В крае, более или менее заселенном, на волоках были и судопромышленники и извозчики, готовые к услугам для проезжающих, но в таком диком крае, куда отправлялся Ермак со своими товарищами, казакам, вероятно, самим приходилось делать себе суда. Казаки, плывя вверх по быстрой и каменистой Чусовой, повернули в р. Серебряную, потом волоком перевезлись в реку Жаравлю, впадающую в Тагил; проплывши Тагилом, казаки поплыли вниз по Туре; на месте нынешнего Туринска встретили они городок, где властвовал князек Епанча, данник Кучума. Этот Епанча и его люди никогда не слышали огнестрельного оружия: как только казаки дали залп, они тотчас бежали. Казаки разорили городок Епанчи. При соединении рек Туры и Тауды казаки выстрелами разогнали другую толпу сибиряков и взяли в плен предводителя их, Кучумова мурзу Тавзака.

Беглецы принесли весть Кучуму о нашествии русских людей. «Пришли, – говорили они, как пишут русские летописи, – воины с такими луками, что огонь из них пышет, а как толкнет, словно гром с небеси. Стрел не видно, – а ранит и на смерть бьет, и никакими сбруями нельзя защититься! И панцыри и кольчуги наши навывлет пробивают».

Казаки плыли вниз по Тоболу, везде устрашали и разгоняли толпы туземцев выстрелами. Кучум собрал свое войско: и татар и подвластных остяков. Он стал на берегу Иртыша, недалеко от устья Тобола, близ нынешнего Тобольска, на

горе, называемой Чувашево, а вперед выслал царевича Махметкула: одни называют его сыном, другие племянником Кучума. Махметкул устроил засеку и дожидался казаков. Казаки увидели против себя такое множество врагов, что пришлось тридцать сибиряков на одного казака. Тогда собрался казачий круг и рассуждали, что им делать. Некоторые стали советовать уклониться от боя, другие же, и сам Ермак, говорили: «Куда нам бежать? Уже осень; реки начинают замерзать. Не положим на себя худой славы. Вспомним обещание, что мы дали честным людям (Строгоновым) перед Богом. Если мы воротимся, то срам нам будет и преступление слова своего: а если Всемогущий Бог нам поможет, то не оскудет память наша в этих странах и слава наша вечна будет». Все единогласно решили пострадать за православную веру и послужить государю до смерти. 23 октября произошла битва. Стрелы ничего не могли сделать против ружей и пушек, хотя сибиряки дрались так отчаянно, что казаки потеряли сто семь человек, которых до сих пор поминают в синодиках тобольского собора. Татары бежали. За ними и сам Кучум, – который, по сказанию татарских историков, тогда уже был слеп, – скрылся в ишимских степях, едва успевши захватить часть своей казны. 26 октября Ермак с казаками вступил в столицу сибирского царства Искер, или Сибирь, и захватил там достаточный запас мехов, азиатских тканей и разных драгоценностей. В городе не осталось ни одного сибиряка: быстрый успех русских навел всеобщий страх на под-

данных Кучума. Татары, остяки и вогуличи со своими князьками приходили бить челом победителю, приносили дары и привозили запасы. Ермак приводил их к шерти на имя государя, обращался с ними ласково, отпускал в их юрты и строго запретил своим казакам делать малейшее насилие туземцам.

Наступившая зима не позволила Ермаку продолжать завоевание Сибири. Он оставался в Искере. О Кучуме не было никакого слуха. Казаки спокойно ездили по окрестностям ловить рыбу; Махметкул напал было на них и умертвил двадцать человек, но сам был разбит Ермаком. С наступлением весны Махметкул подбирался к Искеру, но Ермак узнал об этом заранее, выслал 60 человек, которые напали на сонных татар, схватили Махметкула и привезли к своему предводителю. Ермак обошелся с ним очень ласково. Неизвестно, зимою ли или еще весною отправил он своего товарища, опального Ивана Кольцо к царю известить, что Бог покорил ему государю сибирскую землю, и просить присылки воевод и ратных людей на сибирскую землю. Между тем сам Ермак с наступлением зимы продолжал подчинять разных данников Кучума и, между прочим, взял остяцкий город Назым, под которым потерял одного из атаманов, Никиту Пана.

Иван Грозный принял Кольцо милостиво, объявил ему прощение в прежних его преступлениях и отправил с ним в Сибирь воеводу князя Семена Волховского и Ивана Глухова со значительным отрядом ратных людей. Говорят, что царь

в то же время послал Ермаку в подарок два панциря, серебряный ковш, камки и шубу со своего плеча.

Ермак передал прибывшему в Сибирь царскому воеводе пленного Махметкула, который был немедленно отправлен в Москву, где обязался служить царю. С этих пор счастье начало изменять завоевателям Сибири. Сделался недостаток в съестных припасах; распространились болезни; воевода Волховской умер. С наступлением весны 1584 года татары, остяки и вогуличи подвезли русским запасы; нужда миновалась, но казаков постигла новая беда. Один из данников Кучума, Карача-Мурза, притворился верным слугой русского царя и просил у Ермака помощи против нагайцев. Ермак послал к нему Ивана Кольцо с небольшой дружиной в сорок человек. Татары перебили их всех до последнего. Другой атаман, Яков Михайлов, отправился проводывать вестей о пропавших товарищах и был сам взят и убит. Вслед за тем Карача с большой татарской силой осадил Ермака и атамана Мещеряка в самом Искере, думал принудить их к сдаче голодом, но атаман Мещеряк сделал вылазку и рассеял осаждающих. Ермак отправился по следам Карачи вверх по Иртышу и счастливо покорил несколько улусов. В августе⁹⁰ проведаль он, что в Сибирь идет бухарский караван с товарами и сам Кучум хочет перерезать ему путь и захватить товары. Ермак отправился со своей дружиной⁹¹ на устье реки Вагая, выпада-

⁹⁰ Вероятно, это было уже в 1585 году.

⁹¹ По одним известиям, с ним было 50 чел., по другим – 150, по третьим –

ющего в Иртыш, с тем, чтобы дать каравану свободный путь по Иртышу. Целый день ожидал он каравана, не видал его и, утомившись, расположился с казаками на отдых на берегу Иртыша. Ночь была дождливая и бурная. Все казаки заснули глубоким сном. Татары напали на них и начали резать сонных. Ермак, пробудившись, бросился к своему стругу, но струг стоял далеко от берега. Ермаку нужно было проплыть до него несколько шагов. Он бросился в своей броне в воду и утонул. Татары двинулись на Искер. Атаман Мещеряк вместе с присланным из Москвы товарищем князя Волховского, Иваном Глуховым, не в состоянии были при малом числе воинов держаться против Кучума, покинули город Сибирь и поплыли на стругах вниз по Иртышу, с тем, чтобы войти в Обь, а оттуда через югорские горы пробраться в Печору. Таким образом, Сибирь была покинута и, казалось, все плоды подвига Ермака погибли.

Но Ермак сделал свое дело. По следам его двинулась Русь в неизмеримые страны северной Азии, покоряя страну за страной, подчиняя русским царям один татарский народец за другим, оставляя повсюду следы своего поселения. Еще в Москве не знали о гибели Ермака, как снова послали в Сибирь воеводу Мансурова, который, услышавши, что сделалось с казаками, отправился не вверх, а вниз по Иртышу, при впадении Иртыша в Обь основал большой Обский городок и принудил окрестных остяков платить ясак. В 1586 го-

ду воевода Сукин основал Тюмень на реке Туре, а в следующем (1587) воевода Чулков заложил Тобольск близ бывшего города Сибири: последний был с тех пор заброшен окончательно. Кучум, одолевши Ермака, не удержался на царстве, был изгнан Сейдяком, племянником свергнутого им прежнего сибирского царя, а сам Сейдяк был схвачен Чулковым и отправлен в Москву. Кучум несколько лет еще боролся с русскими. В 1598 году воевода Воейков разбил его наголову и взял в плен его семейство. Сам Кучум убежал к нагаям и был убит ими. С тех пор русские воздвигали город за городом, подвигаясь все дальше в глубь Сибири. В 1592 году построен был Пелым, за ним Березов и Обдорск близ Ледовитого моря, а в 1601 – Туринск на реке Туре. Но главным образом движение русских шло к востоку в нынешнюю Томскую губернию. Так, в 1594 году построена была Тара, в 1596 – Нарым, в 1597 – Кецк, а в 1604 – Томск на реке Томи. Вместе с построением городов переходили в Сибирь русские поселенцы. Правительство приказывало собирать охочих нетяглых людей и раздавать им в Сибири земли для пашни со льготами и набирать в казаки. Уже при Годунове Сибирь начинала делаться местом ссылки, но в те времена эта новая страна не только не пугала русского народа, а, напротив, привлекала его. В Сибирь уходили не одни гулящие люди; бежали туда и тяглые и служилые. Казаки составляли самую деятельную часть русского населения в этих странах, и в ряды их входили не одни природные русские, но также тата-

ры, пленные литовцы, немцы. Это сословие проникалось одним духом, увлекалось одним стремлением отыскивать «новые земли», подчинять новые народы и заставлять их платить ясак. Их удальство, предприимчивость и необыкновенная устойчивость в перенесении всевозможных трудностей и лишений представляется в наше время почти невероятной: идти на лыжах сотни верст по снегам в неведомую землю, зимовать где-нибудь в пещере, вырытой в сугробе, питаясь только скудным запасом сухарей, было для них делом обычным. Вслед за ними приходили земледельцы, пролагались новые дороги, строились мосты, возникали села, церкви, водворялась русская жизнь. Иностранцы всегда почти сперва не в силах были противиться русским, так как у последних было незнакомое для них огнестрельное оружие, и обязывались платить ясак мехами; но потом, выходя из терпения от разных грабительств и притеснений со стороны русских, обыкновенно изменяли и нападали на русских врасплох. Все новопостроенные городки выдерживали с ними беспрестанную упорную борьбу. Тем не менее Сибирь сразу открыла для русского государства неизмеримое богатство пушных зверей. Лучшие меха доставлялись царю и раздавались в огромном размере в качестве подарков, жалованья, по воле государя, заменяя денежные выдачи. Образовалась в Москве богатая, так называемая сибирская казна. За сборщиками ясак позволяли ездить по Сибири купцам для покупки мехов. Торговля с иностранцами была меновая. Купцы платили за ме-

ха русскими произведениями, так, например: холстом, сукном, разными изделиями, представлявшими новизну для дикарей. Вслед за тем русские познакомили их с водкой, которая самым губительным образом действовала на инородцев. Возвращаясь назад из Сибири, купцы обязаны были платить пошлины лучшими мехами в казну государеву. Вообще русские люди с такой жадностью бросались на меха, что скудость зверей скоро давала себя чувствовать в тех местах, с которыми русские знакомились, и только постоянное движение казаков к востоку открывало новые богатства. Весь XVII век меха были главнейшим материалом, доставляемым из Сибири, но с половины этого столетия важную, хотя второстепенную роль начали играть моржовые кости, так называемый рыбий зуб. С Петра Великого Сибирь начала доставлять России металлические богатства, составляющие до сих пор важнейшее достоинство края, которого обладанием Россия обязана Ермаку.

Глава 22

Князь Константин Константинович Острожский

В XIV веке, когда в восточной Руси Москва полагала собою зародыши единого русского государства, на западе совершались перевороты, склонявшие другую половину Руси к политическому и общественному отчуждению от русского мира. В первой четверти этого столетия литовский князь Гедимин, сын Витенеса, человек необыкновенных дарований, покорил белорусские и волынские города, с их землями, изгнал из Луцка главного князя в волынской земле Льва, потом в 1319—20 гг. на реке Ирпени (Киевской губернии) разбил соединившихся против него князей дома Св. Владимира, овладел Киевом и Переяславлем с их землями. Последствием этих завоеваний было то, что княжеский дом Св. Владимира совершенно потерял свое значение на западе. Иные князья бежали, другие были низведены на степень подчиненных владетелей, а место их в смысле удельных князей заменили князья литовского происхождения. Гедимин разделил между своими детьми и родственниками покоренные им русские владения; на Волыни сделался князем Любарт, в Новгороде Кориат, в Пинске Наримунт; в Киеве поставлен был подручником Гедимины князь Монтвид и т.д. Эти ли-

товские князья приняли православие и русскую народность, а ближайшее их потомство до такой степени обрусело, что в нем не оставалось никаких признаков прежнего происхождения. Этот переворот, в сущности, был только династический; но разница между порядком дел при князьях дома Св. Владимира и при князьях Гедиминова дома состояла в том, что князья литовского дома зависели от великого князя, который находился в Литве, и со своими уделами состояли у него в ленном подчинении. Полоцкая и витебская земли уже прежде находились под властью князей литовского племени, вероятно, достигших княжения по выбору, а впоследствии эти земли подчинились Гедимину, и потом уже находились под властью князей его рода.

Вслед за покорением русских земель Гедимином, в Червоной Руси произошел иной переворот. По смерти главного князя этой земли, прямого потомка короля Данила, Юрия II, галицкие и владимирские бояре призвали к себе князя Болеслава Мазовецкого, потомка Данила Галицкого по женской линии; но этот князь принял католичество, оказывал вследствие этого пренебрежение к православной вере, окружил себя чужеземцами и дурно обращался с русскими; его отравили, и в 1340 году польский король Казимир в качестве мстителя за Болеслава овладел Львовом и всею галицкою землею, а также и Волынью, но должен был после этого выдержать продолжительную борьбу с русскими, отстаивавшими свою независимость. Главным деятелем в этой борь-

бе с русской стороны явился князь Острожский, по имени Данило, иначе Данко: он был потомком Романа, одного из сыновей Данила Галицкого; его ненависть к польскому владычеству была так велика, что Данило Острожский наводил татар на Польшу. С ним заодно был сын Гедимины Любарт, крещенный под именем Феодора. После долгого кровопролития Казимир удержал только часть Воыни. С тех пор земли, поступившие под власть Польши, остались за ней навсегда и начали мало-помалу принимать во внутреннем своем строе жизни и языке польское влияние.

Сын Гедимины, великий князь Ольгерд, расширил русские владения, унаследованные от отца: он присоединил к своей державе подольскую землю, выгнав оттуда татар. Подвластная ему Русь разделялась между князьями, которых, однако, Ольгерд, человек сильного характера, держал в руках. В Киеве он посадил своего сына Владимира, который дал начало новому роду киевских князей, господствовавших там более столетия и называемых обыкновенно Олельковичами, от Олелька, или Александра Владимировича, Ольгердова внука. Сам Ольгерд, два раза женатый на русских княжнах, позволял своим сыновьям креститься в русскую веру и, как говорят русские летописи, сам крестился и умер схимником. Таким образом, князья, заменившие в Руси род Св. Владимира, сделались такими же русскими по вере и по усвоенной ими народности, какими были и князья предшествовавшего им рода. Литовская держава носила название Литвы,

но, конечно, была чисто русская и не переставала бы на будущее время оставаться вполне русскою, если бы сын и преемник Ольгерда на великокняжеском достоинстве Ягелло (иначе Ягайло) в 1386 году не соединился браком с польскою королевою Ядвигаю. Вследствие этого брака он принял католичество, сделался ревностным поборником новопринятой веры и, потакая полякам, покровительствовал как распространению католической веры в русских землях, так и внедрению польской народности на Руси. В это время был положен зародыш явлению, которое впоследствии на многие века составляло отличительную черту взаимных отношений Руси и Польши. Понятие о вере тесно сливалось с понятием о народности. Кто был католиком, тот был уже поляком; кто считал себя и назывался русским, тот был православным, и принадлежность к православной вере была самым наглядным признаком принадлежности к русскому народу. Ягелло был человек мягкого сердца, слабой воли и ограниченного ума. Он предоставил Литву с Русью управлению своего двоюродного брата Александра Витовта, который отличался честолюбивыми замыслами, но вместе с тем неумением доводить их до конца. Витовт постоянно колебался и впадал в противоречия, помышлял о самостоятельности своего русско-литовского государства, но сам принял католичество в разрезе с русским народом, крепко стоявшим за православие, уступал во всем полякам и мирволил их притязаниям. Ягелло даровал литовским и русским землевладельцам те свобод-

ные независимые права, снимавшие с них ленные обязанности, – права, которыми пользовались поляки у себя в отечестве. Но Ягелло распространил эти преимущества в Литве и Руси только на тех, кто принял римскую веру. В 1413 году состоялось первое соединение Литвы с Польшей. Поляки и литовцы обязались советовать друг другу при выборе властителей, не предпринимать войн одним без других и съезжаться на съезды для общих советов о своих взаимных делах. Заключивши такой договор, Витовт после того беспрестанно делал попытки к его уничтожению, мечтал о русско-литовском государстве, но не добился до него и все-таки остался в истории одним из важнейших подготовителей порабощения Руси Польшею. Русские не терпели его, понимая, что государство, которое он хотел создать, не было бы русским. Не так относился к русской народности брат Витовта Свидригелло (иначе Свидригайло), сохранивший православную веру и женатый на тверской княжне Иулиании Борисовне. Этот человек, как и Витовт, руководился собственно честолюбием, но превосходил первого умом и верностью взгляда. Цель его была – сделаться самостоятельным государем русско-литовским, независимым от польского короля, но он сообразил, что для этого нужно идти заодно с русским народом. В продолжение полустолетия Свидригелло боролся с Польшею, находясь во главе русского народа, который был к нему долгое время очень привязан. Борьба эта происходила еще при жизни Витовта; по смерти последнего, Свид-

ригелло сделался великим князем литовским, также в качестве подручника Ягелла, каким был Витовт, но не стал двоять и колебаться, подобно Витовту, а тотчас же начал открыто действовать, как самостоятельный русский государь, и покусился отнять у Польши те русские владения, которые были присоединены к ней непосредственно. Поляки, в соумышлении с литовскими панами, принявшими католичество, свергли Свидригелла, и вместо него великим князем литовским был назначен брат Витовта, католик Сигизмунд, признавший себя в ленной зависимости от Польши. Но за Свидригелла была Русь. Упорная, кровопролитная борьба продолжалась несколько лет не только против поляков, но и против литовцев, сторонников Сигизмунда; наконец, сам Свидригелло, уже вступивший в старческий возраст, устал вести ее, и притом как его поступки, так и обстоятельства лишили его опоры в русском народе.

Свидригелло вооружил против себя литовцев и русских жестокими казнями над своими недоброжелателями, иногда совершаемыми по одному подозрению; так, между прочим, он, подозревая в сношениях с Сигизмундом смоленского епископа Герасима, своего прежнего любимца, приказал сжечь его живьем. Во всей этой борьбе русских с поляками неутомимо действовал заодно со Свидригеллом один из русских князей Федор, или Федько Острожский, но Свидригелло стал подозревать и его в измене; этого товарища долгих лет борьбы и скитаний Свидригелло велел посадить в тюрь-

му. Федько, освобожденный поляками, помирился с польским королем. Свидригеллу остался один Луцк. Новый польский король, сын Ягелла, Владислав (называемый в истории Варнским, по случаю своей смерти в бою с турками под Варною, в 1444 году) нанес покушениям Свидригелла решительный удар своими отношениями к русскому народу и к русской вере. До сих пор поляки год от года захватывали силу на Руси путем насилия. Король Владислав Ягелло строил костелы, наделял их именьями, раздавал католикам земли и должности, заводил на Руси города и села, населял их поляками и давал им привилегии, каких не имели жители старых русских городов и сел. Тогда явилось так называемое магдебургское право, состоявшее в разных льготах, вводившее известный строй самоуправления и вместе с ним немецкое разделение городских ремесленников и торговцев на цехи, согласно их занятиям. Это право давалось только новым городам, населенным католиками – поляками и немцами. Последних в то время селилось много на Руси. Поселенцы новых сел освобождались от разных платежей и повинностей, от которых не было изъятия для старых русских сел. Земляне (бывшие бояре землевладельцы) уравнины были в правах с польскими шляхтичами и освобождались от разных платежей, но только тогда, когда принимали католичество; в таком случае они служили в войске с жалованьем, а оставаясь в православии, не получали его. Принимая католическую веру, русские, как и литовцы, теряли свою народность и почти переделы-

вались в поляков. Все население западной Руси разделялось таким образом на привилегированных и непривилегированных, и последними были православные жители русских земель. Преемник Владислава Ягелла, Владислав II (1434 г.), стал действовать в ином духе, чем его отец, хотя для одной и той же цели. Он распространил привилегии и льготы, которыми пользовались русские земляне латинской веры, на всех русских землян без изъятия. Это-то и было началом примирения Руси с Польшею и главнейшею причиною того, что замыслы Свидригелла не могли уже находить прежнего сочувствия, так как русские земляне, составлявшие силу края, почувствовали для себя выгоды от сближения с Польшею, вместо того, чтобы видеть в ней враждебное начало, как было до того времени. В 1443 году король Владислав II дал грамоту, по которой во всех правах сравнял русскую церковь и русское духовенство с римско-католическим. Таким образом и со стороны православного духовенства прекратились неприязненные движения. Сигизмунд, бывший великим князем литовским, в 1443 г. был убит князьями Черторижскими; но Свидригелло не мог уже возвратить себе великого княжения, оставался в Луцке бездейственно и умер в глубокой старости (в 1452 году). Новым литовским князем после Сигизмунда был сын Ягелла Казимир. В следующем 1444 году он был избран польским королем, и во все продолжение его долгого царствования в Литве уже не было отдельною великого князя. Казимир действовал во всем в духе польской по-

литики; хотя он не преследовал открыто насильными путями православной веры, но способствовал распространению католичества и вводил все признаки польского устройства в русские земли. Земляне получили самые широкие права: они делались, так сказать, полными государями в своих имениях. Вместо удельных князей, подручных великому князю, введены были, по образцу польскому, воеводы и каштеляны, назначаемые пожизненно. Таким образом, между прочим, и в Киеве, в 1476 году, после смерти князя Михаила из рода Владимира Ольгердовича, начались воеводы. Должность эту получали знатные лица. Князья, потомки Гедимины и Св. Владимира, сделались самостоятельными владетелями в своих имениях наравне с польскими панями: они обладали огромными богатствами, и вся земля русская, особенно южная, находилась во владении немногочисленных родов, каковы были Острожские, Заславские (составлявшие другую ветвь одного дома с Острожскими), Вишневецкие и Збаражские – потомки Ольгерда, Черторижские, Сангушки, Воронецкие, Рожинские, Четвертинские и другие. На Руси начала господствовать аристократия. Остальной народ все более и более зависел от нее. Владельцы имели право суда над своими подданными и не допускали короля вмешиваться в свое управление. Города, наполняемые в значительной степени иудеями, один за другим получали магдебургское право, но, при силе аристократии, не могли быть огражденными от произвола сильных вельмож. Польские порядки более и

более приходились по праву высшему классу, и это повлекло русских землян к большому сближению с Польшей. После Казимира Литва и Польша некоторое время имели отдельных владетелей в лице польского короля Яна Альбрехта и брата его, великого князя литовского Александра. Но это продолжалось короткое время; скоро по смерти Альбрехта Польша и Литва опять соединились под властью Александра, избранного польским королем, и с тех пор отдельных великих князей в Литве уже не было. В это время состояние низшего класса народа, так называемых кметей или хлопов, делалось тяжелее. Паны не стеснялись более древним обычаем не переводить хлопов с одной земли на другую и нередко вовсе лишали их земли; таким образом, низший класс, земледельцы, оказались безземельными, а тем самым в порабощении у владевших землями. Поземельное владение могло быть только достоянием людей шляхетского звания. В XVI веке Польшею и Литвою правили один за другим короли: Сигизмунд I и сын его Сигизмунд-Август. Права шляхетства дошли до крайних пределов. Панские подданные были совершенно изъяты от покровительства короля. Положение нешляхетного человека до такой степени было унижено, что по литовским законам, вошедшим в сборник, называемый Литовским Статутом, шляхтич, убивший чужого хлопа или даже вольного человека, но не шляхтича, наказывался только платежом пени (годовщина). Хотя одинаковое право предоставлялось всем людям шляхетского происхождения,

как богатым, так и бедным, однако на деле не могло удержаться это равенство, при несоразмерности достояния землевладельцев: масса вольных шляхтичей делалась, в сущности, подчиненною знатным панам, которые обладали огромными пространствами земель и сотнями, даже тысячами поселений. В это время Польша, как по географическому положению, так и по условиям жизни, стоявшая ближе Руси к Западной Европе, где наступила эпоха духовного возрождения, по умственному образованию была гораздо выше Руси, и русское шляхетство естественно подчинялось ее цивилизующему влиянию. Тогда как у поляков существовала краковская академия, много училищ, появлялись замечательные по своему времени ученые и поэты, распространено было знакомство с латинской литературой, не прерывалось общение с западным просвещением, – в польской и литовской Руси господствовал мрак, не предпринималось почти никаких мер по образованию в области своей народности. Южная и западная Русь стояли в этом отношении даже ниже северо-восточной, где, по крайней мере, сохранялись древние памятники славянской литературы и где время от времени появлялись, как мы видели, более или менее замечательные плоды умственной работы. В польской и литовской Руси мы долгое время не видим ничего, кроме официальных бумаг, написанных на языке, который свидетельствует о постоянно увеличивавшемся влиянии и господстве польского языка. Таким образом, в XVI столетии сложился особый русский письменный

язык, представляющий смесь древне-славяно-церковного с народными местными наречиями и польским языком. Польское влияние все более и более господствовало над этим языком и, наконец, довело его до того, что он стал почти польским языком, только с удержанием русской фонетики. Влияние польское отразилось и на простонародной речи: польские слова, выражения и обороты стали входить в простонародный язык малорусской и белорусской ветвей. Вместе с тем начали проникать в русское высшее общество польские нравы и воззрения; таким образом, польско-литовская Русь принимала особую физиогномию, отличавшую ее от северо-восточной Руси уже не одними издревле существовавшими этнографическими отличиями, но сильною близостью к Польше, и в будущем, очевидно, подготовлялось совершенное слияние западной и южной Руси с Польшею.

Потомки Федора Острожского, так долго боровшегося за независимость Руси⁹², оставались верны Польше, как и вообще русский высший класс, видевший для себя в соединении с Польшей неисчерпаемую выгоду, был ей верен. Кроме безусловного права владеть своими родовыми имениями, почти ничего не платя в казну, русские паны, сообразно польскому обычаю, получали еще в пожизненные владения государственные имущества, называемые староствами, с обязанностью давать с них четвертую часть дохода на содержание вой-

⁹² Русские высоко ценили память этого борца за свою народность; до сих пор тело его почивает в киевских пещерах в ряду киевских печерских угодников.

ска и поддержку укреплений. Все это естественно привязывало их к стране, откуда истекали для них такие выгоды.

Правнуком Федора Острожского, знаменитого своей борьбой за Русь против Польши, был знаменитый Константин Иванович, гетман литовский, верный слуга польского короля, бывший в плену у Ивана III и потом отомстивший за свой плен поражением, нанесенным московскому войску под Оршею. Вражда к православной Москве и верная служба королю-католику не мешали ему славиться православным благочестием.⁹³ Он щедро строил и украшал православные церкви, вместе с тем заводил при церквях школы для детей и, таким образом, полагал начаток русского просвещения.

Сын его Константин Константинович был киевским воеводою и одним из знатнейших и влиятельнейших панов Польши и Литвы долее чем в продолжение полустолетия, и притом в самую славную и богатую событиями эпоху польской истории. Он не отличался ни воинскими подвигами, ни государственными деяниями; напротив, из современных писем польских королей мы узнаем о нем, что он навлекал на себя упреки в нерадении о защите вверенного ему воеводства, оставлял киевский замок в печальном положении, так что Киев мог беспрестанно подвергаться разорению от татар; кроме того, он не платил податей, следовавших с его ста-

⁹³ Он умер 70 лет от роду в 1533 году. Тело его погребено было в главной церкви Киево-Печерской Лавры, где до сих пор сохранился в нише северной стены его мраморный памятник со статуей прекрасной работы, изображающей спящего героя.

роств. В молодости своей, как рассказывают, он заявлял себя в домашней жизни не совсем благовидным образом: так, между прочим, он помог князю Димитрию Сангушке увезти насильно свою племянницу Острожскую. Некоторые черты его жизни показывают в нем суетного и тщеславного пана. Он обладал огромным богатством: кроме родовых имений, заключавших в себе до восьмидесяти городов с несколькими тысячами сел, у него во владении находились пожалованные ему огромные четыре староства в южной Руси; доходы его простирались до миллиона червонных злотых в год. При такой обстановке Константин Константинович платил большую сумму одному каштеляну только за то, что тот два раза в год должен был стоять за его креслом во время обеда; ради своеобразности, он держал при дворе своем обжору, который удивлял гостей тем, что съедал невероятное количество пищи за завтраком и обедом. Не столько личные способности князя Константина Константиновича, сколько его блестящее положение давало ему важное значение и поставило его в средоточие возникавшей в то время умственной деятельности на Руси. Подобно вельможам своего времени, и он показал себя сторонником Польши, на знаменитом сейме 1569 года подписал присоединение Волыни и киевского воеводства к польскому королевству на вечные времена, и своим примером много содействовал успеху этого дела. Будучи русским, и считая себя русским, он, однако, подчинился влиянию польской образованности и употреб-

лял польский язык, как показывают его семейные письма. Оставаясь в вере своих отцов, Острожский, однако, склонялся к иезуитам, пустил их в свои владения и особенно ласкал одного из них, по имени Мотовил: это ясно видно из писем к нему Курбского. Московский изгнанник укорял Острожского за то, что Острожский прислал к нему сочинение Мотовила и дружился с иезуитами. «О государь мой превозлюбленный, – писал к нему Курбский, – зачем ты прислал ко мне книгу, написанную неприятелем Христа, помощником Антихриста и верным слугой его? С кем ты дружишься, с кем общаешься, кого на помощь призываешь!.. Прими от меня, слуги своего верного, совет с кротостью: перестань дружить с этими супостатами, прелукавыми и злыми. Никто не может быть другом царя, если ведет дружбу с его неприятелями и держит, как за пазухою змея; трикратно молю тебя, перестань так поступать, будь подобен праотцам твоим по ревности благочестия». Таким образом, этот русский пан поддавался иезуитским козням. Впоследствии заметно, что Острожский поддался влиянию и протестантства. В одном из своих писем к внуку, сыну дочери своей, Радзивиллу, он писал наставление, чтобы тот не ходил в костел, но советовал ему ходить в собрание кальвинистов и называл их последователями истинного закона Христова. Увлечение протестантством происходило у него, однако, оттого, что прославленный князь видел христианские поступки протестантов. Острожский с уважением указывал на то, что у них бы-

ли школы и типографии, что их пасторы отличались благонаравием и противопоставлял им упадок церковного благочиния в русской церкви, невежество священников, материальное своеволие архипастырей, равнодушие мирян к делам веры. «Правила и уставы нашей церкви, – говорил он, – в презрении у иноземцев; наши единоверцы не только не могут постоять за Божью церковь, но даже смеются над нею; нет учителей, нет проповедников Божьего слова; повсюду глад слышания слова Божия, частое отступничество; приходится сказать с Пророком: кто даст воду главе моей и источник слез очам моим!»

Таким настроением знатного пана воспользовались некоторые русские люди и побудили Острожского сделаться до некоторой степени двигателем умственно-религиозного возрождения в польской Руси. Вероятно, убеждения и упреки Курбского много содействовали такому настроению. Острожский уважал Курбского; Острожский посылал ему на просмотр разные сочинения и, между прочим, замечательную книгу иезуита Скарги «О Единой Церкви», писанную нарочно с целью подготовки унии. Курбский возвратил Острожскому эту книгу с такими же упреками, как и сочинение Мотовила; со своей стороны, Курбский послал переведенную им с латинского языка «Беседу Иоанна Златоуста о Вере, Надежде и Любви», и сердился на князя Острожского, когда последний сообщил перевод Курбского какому-то поляку, которого Курбский называл «неученым варваром,

воображавшим себя мудрецом». Московский изгнанник, видя в своем новом отечестве усиливавшееся влияние иезуитов, старался всеми силами противодействовать им, как равно и господству польского языка. Когда Острожский, которому понравилось писание Курбского, советовал для большего распространения перевести его на польский язык, то Курбский отверг это предложение: «Если бы и не мало ученых сошлось, – писал он, – то не в силах они буквально переложить грамматические тонкости славянского языка на их „польскую барбарию“. Не только с речью славянской или греческою, и с любимую ими латинскою они не сладят». Тогда между русскими панами вошло в обычай, ради просвещения, поверять воспитание детей иезуитам. Курбский с похвалою отзывался вообще о желании учить детей наукам, но не видел никакого проку от иезуитов. «Уже многие из родителей (писал он княгине Черторижской) родов княжеских, шляхетских и честных граждан отдали детей своих учиться наукам, но иезуиты ничему их не научили, а только, пользуясь их молодостью, отвратили от правоверия». Судя по письмам Курбского к разным лицам, можно, наверное, полагать, что этот московский беглец имел сильное влияние на деятельность князя Острожского в области охранения веры и возрождения книжной образованности, так как он с Острожским находился постоянно в близких отношениях.

Зародыши умственного и религиозного движения в польско-литовской Руси появились в начале XVI века. Полоча-

нин Скоринна перевел на русский язык Библию и напечатал ее в чешской Праге, за отсутствием типографии на Руси. В половине XVI века распространившееся в Литве протестантство способствовало литературному пробуждению русской речи. В 1562 году в Несвиже была типография, и знаменитый в свое время Симон Будный, человек большой учености, напечатал протестантский катехизис на русском языке.⁹⁴ Немного позже гетман литовский Григорий Александрович Ходкевич основал в своем имении Заблудове типографию; туда прибыли к нему ушедшие из Москвы типографщики Иван Федоров и Петр Мстиславец: они напечатали там, в 1569 году, толковое Евангелие, большой фолиант. Это был труд знаменитого Максима Грека, перепечатанный впоследствии в том же виде в Москве. Но типография Ходкевича была, как видно, только временная панская прихоть. По смерти Григория Ходкевича наследники не поддерживали заведения. Типографщик Иван Федоров перешел во Львов, а затем в Острог, и здесь-то основана была типография, положившая более твердое основание литературному и книгопечатному делу в южной Руси. В 1580 году была напечатана в первый раз славянская Библия по приказанию Острожского. В предисловии к Библии от лица князя Константина Константиновича Острожского говорилось, что он побужден был к этому делу печальным положением церкви, отовсюду

⁹⁴ Впоследствии этот Будный перешел в арианство, написал арианский катехизис и издал на польском языке перевод Библии.

попираемой врагами и терзаемой без милосердия нещадными волками, и никто не в силах противустать им по недостатку духовного оружия – слова Божия. Во всех странах славянского рода и языка Острожский не мог найти ни одного правильного списка Ветхого Завета и получил его наконец только из Москвы через посредничество Михаила Гарабурды. Вместе с тем князь Острожский общался с Римом, с островами греческого архипелага (с кандийскими), с константинопольским патриархом Иеремиею, греческими, болгарскими и сербскими монастырями с целью добыть оттуда списки Св. Писания как эллинские, так и славянские, и желал руководствоваться советами людей, сведущих в писании. Изданная Острожским первая печатная Библия составляет эпоху в русской литературе и вообще в истории русской образованности. За Библиею последовал целый ряд изданий, как богослужебных книг, так и разных сочинений религиозного содержания. Между ними важное место занимает книга: «О единой истинной и православной вере и святой апостольской церкви», написанная священником Василием и напечатанная в 1588 году: книга эта служила опровержением сочинения Скарги, вышедшего на польском языке почти под тем же названием, и имела целью защитить восточную церковь против упреков, делаемых сторонниками латинской церкви. Здесь рассматриваются вопросы, составлявшие сущность различия церквей: об исхождении Св. Духа, о власти папы, об опресноках, о безбрачии духовных, о суб-

ботнем poste. Книга эта имела в свое время важное значение, потому что знакомила с сущностью тех вопросов, которые должны были сделаться предметом живых состязаний; православные читатели могли поучиться из этой книги: что и как возражать им следует против убеждений западного духовенства, которое тогда пустило в ход свою пропаганду в русском народе. В острожской типографии напечатано также несколько книг религиозного содержания: «Листы патриарха Иеремии» и «Диалог патриарха Геннадия» (в 1583), «Исповедание о исхождении Св. Духа» (1588). В 1594 году издана большим фолиантом книга Василия Великого «О постничестве», а в 1596 «Маргарит» Иоанна Златоустого. В одно время с типографией, в 1580 году Острожский основал у себя в Остроге главную школу и, кроме того, несколько школ в своих владениях. Ректором главной острожской школы, родоначальницы высших учебных заведений на русской земле, был ученый грек Кирилл Лукарис, впоследствии получивший сан константинопольского патриарха. Кроме Острога, князь Острожский завел типографию в Дерманском монастыре.

В то же время другим важным двигателем пробуждения умственной жизни на Руси было заведение братств, товариществ с нравственно-религиозными целями, куда входили без различия люди всяких сословий, но непременно принадлежавшие к единой церкви. Такие братства стали возникать из подражания западным. Первое из этих братств в поль-

ской Руси, получившее историческое значение, было львовское, основанное по благословию антиохийского патриарха Иоакима, посетившего русский край в 1586 году. Главные цели его были воспитание сирот, призрение убогих, пособие потерпевшим разные несчастья, выкуп пленных, погребение и поминовение умерших, помощь во время общественных бедствий, – вообще дела благотворения. Члены имели свои определенные сходы и вносили каждый по шести грошей в общую кружку. Тогда при братстве была заведена мещанами школа, типография и больница. В школе преподавалась, кроме Священного Писания, славянская грамматика вместе с греческою, и для этой цели составлена была и напечатана эллино-славянская грамматика, в которой сравнительно излагались правила обоих языков. Частное обучение было стеснено: каждый мог обучать только своих детей и домашних. По образцу львовского братства заведено было в Вильне троицкое братство, а потом стали основываться братства и в других городах. Из них львовскому было предоставлено старейшинство. Уже одно то, что люди всех сословий сходились между собою во имя отеческой веры, улучшения нравственности и расширения круга понятий, действовало на поднятие народного духа. Патриарх Иоаким, учреждая львовское братство, поручил ему надзор над исполнением духовными их обязанностей, равно как над благочестием и добронравием как духовенства, так и мирян; таким образом духовенство стало зависимым от общественного суда светских лю-

дей: это было совершенно противоположно воззрениям западного духовенства, которое всегда ревниво хлопотало о том, чтобы люди, не принадлежащие к духовному званию, слепо повиновались наставлениям духовных, и отнюдь не смели рассуждать о делах веры, иначе как под руководством духовных, и не дерзали осуждать их поступков. Но и русским высшим духовным сановникам пришлось не по сердцу основание братств. Львовский владыка Гедеон тотчас вошел в неприязненные отношения к львовскому братству.

Строй православной церкви на Руси, подвластной Польше, был в печальном положении. Высшие духовные сановники, исходя из знатных родов, вместо того, чтобы согласно православным обычаям проходить лестницу монашеских чинов, получали свои места прямо из светского звания, и притом не по испытанию, а по связям, благодаря покровительству сильных или посредством подкупа, расположив к себе королевских придворных. Архиереи и архимандриты управляли церковными имениями со всеми привилегиями суда и произвола светских панов своего времени, держали у себя вооруженные отряды, по обычаю светских владельцев, в случае ссор с соседями позволяли себе буйные наезды и в домашнем своем быту вели образ жизни, совсем неподобающий их сану. Были примеры, что знатные паны спрашивали для себя у короля епископские и настоятельские места и, оставаясь непосвященными, пользовались церковным хлебом, как тогда выражались. Один современник замечает:

«Правила Св. отец не дозволяют посвящать в священники моложе тридцати лет от роду, а у нас допускают иногда пятнадцатилетнего. Он по складам читать не умеет, а его посылают проповедывать слово Божие; он своим домом не управлял, а ему церковный порядок поручают». У владык, архимандритов, игуменов были братья, племянники, дети, которым раздавали в управление церковные имущества. Роскошная жизнь высших сановников повела к утеснению подданных в церковных имениях. «Вы, – обличал русских архиереев афонский монах, – отнимаете у бедных поселян волов и лошадей, выдираете у них денежные дани, мучите, томите работою, кровь из них сосете». Низшее духовенство находилось в крайнем унижении. Бедные монастыри обращаемы были в хутора, владыки устраивали в них псарни для своей охоты, и монахам приказывали содержать собак. Приходские священники терпели и от владык, и от светских людей. Владыки обращались с ними грубо, надменно, обременяли налогами в свою пользу, наказывали тюремным заключением и побоями. Светский владделец села назначал в нем такого священника, какого ему было угодно, и этот священник ничем не рознился от хлопа по отношению к владельцу; господин посылал его с подводкою, гонял на свою работу, брал в услужение его детей. Русский священник, – замечает современник, – по своему воспитанию был совершенный мужик; не умел держать себя прилично; не о чем было поговорить с ним. Звание пресвитера дошло до такого

презрения, что честный человек стыдился вступать в него и трудно было сказать: где чаще бывал священник, в церкви или в корчме. Нередко богослужение отправлялось им в пьяном виде с соблазнительными выходками, и обыкновенно священник, совершая богослужение, вовсе не понимал того, что читал, да и понимать не пытался. При таком состоянии духовенства понятно, что простой народ жил своею древнею языческою жизнью, сохранял языческие воззрения и верования, отправлял по прадедовским обычаям языческие празднества и не имел ни малейшего понятия о сущности христианства, а высший класс начинал стыдиться своей принадлежности к православной религии; католики всеми силами поддерживали этот ложный стыд. Иезуит Скарга, любимец короля Сигизмунда III, глумился даже над богослужбным языком русской церкви в таких выражениях: «Что это за язык? На нем нигде не преподают ни философии, ни богословия, ни логики; на нем даже грамматики и риторики быть не может! Сами русские попы не в силах объяснить, что такое они в церкви читают, и бывают принуждены спрашивать у других объяснений по-польски. От этого языка – одно невежество и заблуждения».

При тогдашних условиях, поднять падающую церковь и народное благочестие только и можно было, образовавши средоточие возрождения не в духовенстве, а вне его, в мирском быту. Братства и должны были сделаться главным орудием этого возрождения. Патриарх Иеремия, проезжая че-

рез южную Русь в 1589 году, утвердил права львовского братства и даже расширил их: освободил братство от зависимости местного владыки и от всякой другой светской и духовной власти, не позволял в Львове быть иному православному училищу, кроме братского, оставил за ним надзор над судом епископским и, по жалобе братства, наложил запрещение на львовского епископа Гедеона Балабана. Балабан обратился к львовскому римско-католическому епископу, и первый из тогдашних русских епископов заявил желание подчиниться папе.

Во время пребывания своего в южной Руси, патриарх Иеремия низложил киевского митрополита Онисифора Девичку под тем предлогом, что он был прежде двоеженец, и вместо него посвятил Михаила Рагозу, уже, как видно, подстроенного иезуитами. Патриарх ошибся в этом человеке. Но еще более ошибся он тем, что, не давши полной власти митрополиту, назначил экзархом своим (наместником) луцкого епископа Кирилла Терлецкого, человека безнравственного и даже обвинявшегося в самых гнусных злодеяниях, как, например, в грабежах, изнасилованиях и убийствах.

Русское духовенство было сильно недовольно патриархом за то, что он дал братствам такую власть и поставил духовных под надзор мирян: кроме того, на него жаловались и за разные поборы с русского духовенства: подчиняясь турецкой власти, патриархи и вообще греческие святители находились в таком положении, что нуждались в подаянии, собираемом

в православных землях. «Мы у них такие овцы, – говорили русские духовные, – которых они только доят и стригут, а не кормят».

На другой год после отъезда Иеремии, митрополит собрал в Бресте синод из православных архиереев. Все начали жаловаться на тягость зависимости от патриарха и роптали на братства, в особенности на львовское, которое, по грамоте патриарха Иеремии 1593 года, находилось под непосредственным ведением патриарха. «Как, – говорили архиереи, – какой-нибудь сходке пекарей, торгашей, седельников, кожевников, неучам, ничего не мыслящим в богословских делах, дают право пересуживать суд установленных церковью властей и составлять приговоры о делах, касающихся церкви Божией!» Все пришли к тому, что лучше всего подчиниться, вместо константинопольского патриарха, римскому папе.

В 1593 году, на место скончавшегося владимирского епископа, был поставлен Адам Потий, бывший до того времени светским паном и носивший титул брестского каштеляна. Он был уже совращен из православия в католичество, потом притворно обратился в православие с намерением посвятить себя делу унии. Он был человек безукоризненной нравственности, казался благочестивым и сам завел братство в Бресте. Острожский уважал его, притом же Потий был в родстве с Острожским. Король, давши ему место епископа, имел в виду именно то, что Потий может уломать могучего русского вельможу.

Потий вступил с Острожским в переписку и, не заводя сам речи об унии, повел дело так, что князь Константин Острожский первый заговорил об ней. Перебирая всякие средства к исправлению церковного порядка, Острожский остановился на соединении восточной церкви с западною. Но Острожский хотел совсем не такой унии, о какой помышляла римская пропаганда. Острожский признавал православную церковь вселенскою, а не национальною; Острожский считал правильным соединении церквей только в таком случае, когда и в других православных странах приступят к нему, и потому предлагал владимирскому епископу отправиться в Москву, а львовского послать к волохам для совещания по вопросу о соединении церквей. В видах Острожского целью предполагаемого соединения было – основание школ, образование проповедников и вообще распространение религиозного просвещения. Острожский не мог утаить перед Потием своей давней склонности к протестантизму; Острожский замечал, между прочим, что следует изменить многое в церковных обрядах, таинствах, в церковном управлении, отделить, как он выражался, человеческие вымыслы. Потий отвечал на это Острожскому: «Восточная церковь совершает свои таинства и обряды правильно; ни осуждать, ни охуждать нечего; в Москву же я не поеду: с таким поручением там под кнут попадешь. Лучше вы, как первый человек нашей веры, обратитесь к своему королю».

Не успевши склонить Острожского, владыки несколько

раз съезжались толковать, и в 1595 году составили предложение к папе об унии и избрали по этому делу послами в Рим Потия и луцкого епископа Кирилла Терлецкого. Потий известил об этом Острожского и напомнил, что Острожский сам же первый и поднял речь об унии.

Острожский рассердился, писал Потию, что владимирский епископ изменник и недостойн своего сана, а 24 июня написал и разослал (вероятно, печатное) послание ко всем православным обывателям Польши и Литвы, восхвалял греческую веру как единственную в мире истинную, извещал, что главнейшие начальники истинной веры нашей, мнимые пастыри: митрополит и епископы, обратились в волков, отступили от восточной церкви, «приложились к западным» и умыслили отторгнуть от веры всех благочестивых «здешней области» и вринуть в погибель. «Многие, – выражался Острожский, – из обывателей здешней области государства его величества моего короля, послушные святой восточной церкви, меня считают начальным человеком в православии, хотя я сам считаю себя не большим, но равным другим по правоверию; по этой-то причине, опасаясь не оказаться виновным перед Богом и вами, я извещаю вас о том, о чем на-верное узнал, желая вместе с вами заодно стоять против супостатов, чтобы с Божией помощью и при вашем старании те, которые приготовили на нас сети, сами в эти сети попались. Что может быть постыднее и беззаконнее, если шесть или семь злодеев отверглись своих пастырей, от которых они

поставлены, считают нас за бессловесных скотов, держают самовольно отрывать нас от истины и вводить нас в пагубу с собой?»»

Острожский просил короля открыть собор, на котором присутствовали бы не одни духовные, но и светские. Король, заботясь об успехе унии, писал Острожскому убедительное письмо, склонял его пристать к унии и более всего указывал на то, что греческая церковь находится под властью такого патриарха, который получает свой сан по воле неверных магометан. Сообразно господствующему римско-католическому взгляду, что дела духовные должны быть достоянием одних духовных, Сигизмунд не хотел допустить съезда светских особ по делам веры, чего не только хотел Острожский, но и сами епископы, поддельваясь к Острожскому, заявляли просьбу королю о том же. Король писал: «Такой съезд только будет затруднять дело; заботиться о нашем спасении есть обязанность наших пастырей, а мы должны, не допрашиваясь, поступать так, как они велят, потому что Дух Господень дал нам их вождями в жизни». Но такого рода убеждения только раздражали Острожского, так как все это оскорбляло, между прочим, его панское самолюбие, внушавшее ему стремление быть первым между своими единоверцами.

Добиваясь от короля дозволения на съезд или собор светских людей по делам веры, Острожский с одним из своих придворных отправил в Торунь к протестантскому собору приглашение к совместному противодействию папизму.

Православный князь писал в таких выражениях: «Все, признающие Отца, Сына и Св. Духа, люди одной веры. Если бы у людей было более терпимости друг к другу, если бы люди с уважением смотрели, как их собратия славят Бога каждый по своей совести, то меньше было бы сект и толков на свете. Мы должны сойтись со всеми, кто только отдалается от латинской веры и сочувствует нашей судьбе: все христианские исповедания должны защищаться против „папезников“. Его королевское величество не захочет допустить нападения на нас, потому что у нас самих может явиться двадцать, по меньшей мере, пятнадцать тысяч вооруженных людей, а гг. папезники могут превзойти нас разве числом тех кухарок, которых ксендзы держат у себя вместо жен».

Королю сделалось известным это послание, и он приказал написать Острожскому выговор за неуважительные отзывы о той вере, которую исповедует король, а особенно за намек на кухарок.

Угрозы насчет возможности явиться тысячам вооруженных людей имели важный смысл. В Польше господствовал дух своеволия. Законы действовали слабо, и вместо того, чтобы прибегать к их защите, люди, чувствовавшие за собой силу, сами расправлялись со своими соперниками. Знатные паны держали у себя вооруженные отряды из шляхты: наезды на имения и дворы были обычным делом. Паны самовольно вмешивались даже в дела соседних государств. Удальцы всякого рода составляли шайки, так называемые «своеволь-

ные купы», и производили разные бесчинства. В южной Руси год от году усиливалось казачество, особенно развившееся после удачных походов на Крым и на Молдавию. Оно пополнялось русскими людьми из имений: наследственных панских и коронных (отдаваемых панам в виде староств), и через такой наплыв беглецов, уходивших в казаки в противность воле панов, приобретало враждебное настроение к панам и шляхетству вообще. Кроме казаков, признаваемых в этом звании и состоявших под начальством старшего или гетмана, составлялись шайки из простонародия, называвшие себя казаками, под начальством особых предводителей; такие шайки, при удобном случае, легко примыкали к настоящим казакам и готовы были заодно с ними действовать в ущерб владельцам. В 1593 году казацкий гетман Криштоф (Христофор) Косинский поднял восстание. Казаки нападали на владельческие дворы, разоряли их, уничтожали шляхетские документы. Косинский овладел украинскими городами и самим Киевом, благодаря нерадивости Острожского, бывшего киевским воеводою: его, как мы сказали, давно уже, но безуспешно, упрекали короли в том, что киевский замок остается в небрежении. Косинский вторгся в имения Острожского и требовал от шляхты и от народа присяги себе: у Косинского явно выражалось намерение отторгнуть Русь от Польши, разрушить в ней аристократический порядок и ввести казацкое устройство, при котором не было бы различия сословий, все были бы равны и владели с одинако-

вым правом землею. Опасность угрожала Польше политическим и социальным переворотом. Король взывал к шляхте южнорусских воевод брацлавского, киевского и волынского, чтобы все люди шляхетского звания ополчились против врага, который требует себе присяги и попирает права короля и государства. Острожский собрал всю, находившуюся в его обширных имениях, шляхту, поручил ее начальству своего сына Януша и двинул на мятежника. Косинский потерпел неудачу, обязался отречься от начальства над казаками, а освободившись от беды, снова затевал восстание, но был убит под Черкасами. Преемником ему в достоинстве гетмана был избран Григорий Лобода. Тогда, кроме казаков, состоявших под начальством гетмана Лободы, явилось другое казачье ополчение, своевольное, под начальством Северина Наливайка, которого брат Дамиан был священником в Остроге. Наливайко питал закоренелую ненависть к панству, вследствие того, что пан Калиновский в местечке Гусятине отнял у Наливайкова отца хутор и самого хозяина так отколотил, что тот умер от побоев. Наливайко задумал продолжать дело Косинского в такое время, когда епископы собирались подчинить русскую церковь папе и когда Острожский в своем послании убеждал всех православных обывателей королевства польского противостоят козням епископов. Наливайко начал с Волыни, и его восстание на этот раз получило несколько религиозный оттенок. Он нападал на имения епископов и мирян, благоприятствовавших унии, взял Луцк,

где злоба казаков обратилась на сторонников и слуг епископа Терлецкого, повернул в Белую Русь, овладел Слуцком, где запасся оружием, взял Могилев, который был тогда сожжен самими жителями, захватил в Пинске ризницу Терлецкого и достал важные пергаментные документы с подписями духовных и светских лиц, соглашавшихся на унию; Наливайко ограбил имения брата епископа Терлецкого, отмщая на нем поездку епископа в Рим. Некоторые православные паны мирволили Наливайку из ненависти к возникавшей унии. Падало подозрение на самого князя Острожского, так как у него в имении жил брат Наливайки и у этого брата, священника Дамиана, оказались лошади, принадлежавшие пану Семашку, ограбленному Наливайком. Сам Острожский в своих письмах к своему зятю Радзивиллу писал: «Говорят, будто я Наливайка высылал... Уж если кому, то мне более всего допекли эти разбойники. Поручаю себя Господу Богу! Надеюсь, что он, спасающий невинных, и меня не забудет». Нет основания полагать, чтобы в самом деле Острожский покровительствовал этому восстанию, тем более, что перед самым появлением Наливайка на волынской земле, Острожский предостерегал панов насчет своевольников, жаловался, что они разоряют его имения, давал советы Речи Посполитой принимать скорее деятельные меры и гасить пожар, прежде чем он успел распространиться.

Зимою 1595—1596 г. Наливайко соединился с казацким гетманом Лободою, и восстание начало принимать угрожа-

ющие размеры. Король выслал против казаков гетмана Жолкевского. Война с ними упорно продолжалась до конца мая 1596 года: казаки, теснимые польскими войсками, перешли на левый берег Днепра и были осаждены близ Лубен: между ними поднялись раздоры; Наливайко низвергнул с гетманства Лободу, умертвил его, сам сделался гетманом, и был в свою очередь низвергнут, выдан полякам и казнен смертью в Варшаве.

Когда, таким образом, поляки занимались укрощением восстания русских, принимавшего отчасти характер борьбы против унии, в Риме посланники от русского духовенства, владимирский и луцкий епископы, были приняты с подобающей честью, удостоились поцеловать папскую ногу и 2 декабря 1595 г. от лица русского духовенства прочитали исповедание веры по римско-католическому учению. В начале 1596 года они возвратились на родину. Здесь ожидало их противодействие от братств и от Острожского. В виленском братстве напечатана была «Книга Кирилла об Антихристе», сочиненная Стефаном Зизанием. Книга была направлена против папизма; в ней доказывалось ни более ни менее как то, что папа есть тот антихрист, о котором сохранялось предсказание, а время унии есть время антихристового царства. Книга эта с жадностью читалась духовенством и грамотными мирянами. Король, услышавши об ее успехе, был очень разгневан, приказал запретить книгу, схватить и заключить в тюрьму ее автора и его двух сообщников. Львовское брат-

ство, с своей стороны противодействуя затеям унии, так напугало своего епископа, что Гедеон решился отступить от унии и подал в суд протестацию, в которой уверял, что если и подписывал наравне с другими архиереями согласие на унию, то не знал сам, в чем дело, потому что подписывал белую бумагу, а на этой бумаге, уже после его подписи, написано было то, чего ему и не хотелось.

Острожский известил восточных патриархов; по просьбе его назначены были протосинкеллы (наместники): от константинопольского патриарха Никифор, от александрийского – Кирилл. Король оповестил, чтобы русские епископы собрались на собор в Бресте к 6 октября 1596 года для окончательного утверждения унии.

К назначенному королем времени Острожский подготовил и свой собор в Бресте же.⁹⁵ Собор этот состоял из двух патриарших протосинкеллов, двух восточных архимандритов, двух русских епископов, Гедеона львовского и Михаила Копытенского, сербского митрополита Луки, нескольких русских архимандритов, протопопов и двухсот особ шляхетского звания, которых пригласил с собою Острожский.

Протосинкелл Никифор председательствовал на этом православном соборе. Сообразно древним обычаям церковного суда, он послал к киевскому митрополиту троекратный вызов к собору для оправдания, но митрополит не явился и

⁹⁵ Брестский собор подробно описан в книге «Эктезис», изданной православными на польском языке в 1597 году.

объявил, что он с епископами подчинился западной церкви; тогда православный собор лишил сана как митрополита, так и епископов: владимирского, луцкого, полоцкого (Германа), холмского (Дионисия) и пинского Иону.

Со своей стороны, принявшие унию духовные отплатили не принявшим ее тем же самым: они лишили сана епископов львовского и перемышльского, архимандрита печерского Никифора Тура и всех русских духовных, бывших на православном соборе. Приговор каждому из них был послан в такой форме: «Кто тебя, от нас проклятого, будет считать в прежнем сане, тот сам проклят будет от Отца, и Сына, и Святаго Духа!»

Обе стороны обратились к королю. Православные ссылались на существовавшие постановления, просили не считать низложенных духовных в их прежнем сане, отнять у них церковные имения и отдать тем лицам, которые, вместо них, будут избраны. Король взял сторону униатов и приказал арестовать Никифора, на которого принявшие унию особенно злились. Острожский взял его на поруки. Дело о нем отложили до 1597 года.

В этом году, по требованию короля, Острожский сам привез Никифора и предал суду сената. Никифора старались обвинить и в шпионстве со стороны турок, и в чернокнижничестве, и в дурном поведении. Сам гетман Замойский обвинял его. Обвинить Никифора было невозможно, да поляки и не имели права судить его как иноземца. Тогда Константин

Острожский проговорил королю резкую речь: «Ваше величество, – сказал он, – нарушаете права наши, попираете свободу нашу, насилуете совесть. Будучи сенатором, я не только сам терплю оскорбления, но вижу, что все это ведет к гибели королевства польского: после этого, ничьи права, ничья свобода не ограждены; скоро наступят беспорядки; быть может, тогда додумаются до чего-нибудь иного! Предки наши, принося присягу на верность своему государю, и от него также принимали присягу в соблюдении правосудия, милости и защиты. Между ними была обоюдная присяга. Опомнитесь, ваше величество! Я уже в преклонных летах и надеюсь скоро покинуть этот мир, а вы оскорбляете меня, отнимаете то, что для меня всего дороже – православную веру! Опомнитесь, ваше величество! Поручаю вам этого духовного сановника; Бог взыщет на вас кровь его, а мне дай Бог не видать более такого нарушения прав, напротив, пусть Бог сподобит меня на старости лет услышать о добром здравии его и о лучшем сохранении вашего государства и наших прав!»

Проговоривши эту речь, Острожский вышел из сената. Король послал зятя Острожского, Криштофа Радзивилла, воротить взволнованного старика. «Король, – сказал Радзивилл, – сожалеет о вашем огорчении; Никифор будет свободен». Рассерженный Острожский не хотел вернуться и сказал: «Нехай же соби и Никифора зысть». Князь ушел, оставивши бедного протосинкелла Никифора на произвол коро-

ля. Никифора заслали в Мариенбург, где он и умер в заточении.

В 1599 году Острожский с прочими панам и шляхетством русской веры устроил конфедерацию с протестантами для взаимной защиты против католического насилия. Но эта конфедерация не имела важных последствий.

Гораздо важнее было по своим последствиям литературное движение, усилившееся после унии. В острожской типографии были напечатаны (в 1598) «Отпись на лист отца Ипатия» (Потия) и Листы, т.е. послания: из них восемь Мелетия, патриарха александрийского, в которых излагалась сущность православия и народ православный побуждался к защите своей религии. Одно из этих посланий (третье) касается вопроса об изменении календаря, вопроса, тогда очень занимавшего умы. Православным пастырям не нравилось это изменение именно потому, что оно было нововведением: «новость суетных мужей непостоятельных душ, яко же сырость приражением ветров зыблемых». По мнению честных пастырей, изменение пасхалии приносит за собою обуревание и мятеж в церкви, крамолы, раздоры, приближение к жидовству; но если бы этого и не случилось, то все-таки не нужно вносить «неотеризма», а лучше держаться старины и слушаться стариков. (Что же не благочестивейше и не благоговейнейше есть в различных вещах вкупе пребывати со старцы.) При этом замечалось, что вычисления, на которых основан новый календарь, не имеют прочности и, по про-

шествии трехсот лет, придется снова «астрономствовать» и выдумывать новые перемены. Девятый из напечатанных в этой книге листов заключает послание, писанное Острожским к православным христианам при самом начале унии (о нем мы говорили выше), а десятый – увещательное послание афонских монахов. В ряду напечатанных тогда в Остроге книг особенно важна книга «Апокризис» (изд. в исходе 1597 г.)⁹⁶ под псевдонимом Филалета, написанная, как говорят, Христофором Вронским, человеком, подобно Острожскому, склонявшимся к протестантизму. Вместо строгого подчинения духовным властям в деле веры, она проповедывала равное свободное участие светских людей в церковных делах, учение о безусловном повиновении церкви называла жидовством и доказывала, что светские люди могут, по своему усмотрению, не слушаться духовных и низлагать их. В 1598 году священником Василием был издан Псалтырь с воследованием, другой Псалтырь с часословом, в 1605 и 1606 сочинения патриарха Мелетия по поводу унии, переведенные Иовом Борецким, а в 1607 священник Дамиан, брат Наливайка, издал «Лекарство на оспалый умысел человечесий», где поместил послание Златоуста к Феодору

Падшему и некоторые слова и стихи, отчасти приноровленные к своему времени. В Вильне явились замечательные сочинения, не только полемические, но и научные, показы-

⁹⁶ Против «Апокризиса» издан был в 1600 г. «Антирризис», соч. греком-униатом Петром Аркудием.

вающие возникавшую потребность воспитания юношества; в 1596 году издана была грамматика славянского языка Лаврентием Зизанием, Азбука с кратким словарем, Толкование на молитву «Отче наш» и Катехизис, излагавший основания православной веры. Затем русские богослужебные и религиозно-политические сочинения печатались и в других местах.

Так положено было начало той южнорусской и западно-русской литературы, которая впоследствии, в половине XVII в., развилась до значительной степени.

Сам Острожский, несмотря на защиту, которую оказал православию в деле возникавшей унии, как аристократ, для которого польский строй слишком много представлял дорогого, был далек до какого-нибудь решительного противодействия насилию власти: он сдерживал и других, поучая их терпению. Таким образом, в 1600 году он писал львовскому братству: «Посылаю вам декрет, составленный на прошлом сейме, в высокой степени противный народному праву и более всего святой правде, и даю вам не иной какой-нибудь совет, как только такой, чтобы вы были терпеливы и ожидали Божия милосердия, пока Бог, по своей благости, не склонит сердце его королевского величества к тому, чтобы никого не оскорблять и каждого оставить при своих правах».

В этом совете сквозило уже будущее бессилие русской аристократии в деле защиты отеческой веры.

По жалобе киевского и брацлавского воеводств король назначил на сейме суд между униатами и православными.

Тогда умер Рагоза: место его в звании киевского митрополита заступил Ипатий Потий. Явившись вместе с Терлецким на суд, назначенный королем, он представлял, что духовные дела не подлежат приговору светского суда, что, сообразно божественному праву, законам королевства и правам христианским, они подлежат только суду духовному. Униаты указывали на всякие существовавшие до того времени привилегии, данные греческой церкви, как на документы, исключительно принадлежащие по праву теперь только тем, которые признали главою своей церкви римского первосвященника. Король, с совета своих радных панов, признал их доводы вполне справедливыми и обнародовал грамоту, по которой новому митрополиту и епископам, состоящим под первенством митрополита, предоставлял право пользоваться своим саном, сообразно прежним привилегиям, данным сановникам греческой веры, управлять церковными именьями и творить духовный суд. Король не признавал другой восточной церкви в польской Речи Посполитой, кроме уже соединенной с римскою. Все непризнающие унии были в его глазах уже не исповедники греческой веры, но отщепенцы от нее. Тот же взгляд разделяла с королем вся католическая Польша и Литва.

Острожский окончил жизнь в феврале 1608 года в глубокой старости. Сын его Януш еще при жизни родителя перешел в католичество; другой сын, Александр, оставался православным, но дочери его все приняли католичество, и од-

на из них, владевшая Острогом, Анна-Алоизия, отличалась фанатической нетерпимостью к вере своих праотцов.

Высший класс в Польше был всемогущ, и конечно, если бы русское шляхетство оставалось твердо в вере и крепко решилось стать за отеческую веру, никакие козни короля и иезуитов не в состоянии были ее ниспровергнуть.

Но в том-то и заключалось несчастье, что это русское шляхетство, – этот высший русский класс, которому слишком выгодно было находиться под властью Польши, – не мог устоять против нравственного гнета, тяготевшего тогда над православной верою и русскою народностью. Породнившись с польским шляхетством, усвоив польский язык и польские обычаи, сделавшись поляками по приемам жизни, русские люди не в силах были удержать веру отцов своих. На стороне католичества был бросающийся в глаза блеск западного просвещения. В Польше на русскую веру и русскую народность смотрели презрительно: все, что было и отзывалось русским, в глазах тогдашнего польского общества казалось мужичьим, грубым, диким, невежественным, таким, чего следует стыдиться образованному и высокопоставленному человеку. У католиков средств к образованию было несравненно более, чем у православных, и потому дети православных панов учились у католиков. Настроенные своими учителями, которые внушали им предпочтение к католичеству, выйдя в свет, в котором они, при господствовавшем духе пропаганды, повсюду слышали о том же предпочтении,

русские юноши неизбежно усваивали тот взгляд на веру и народность своих праотцов, какой обыкновенно имеют на свое родное те, которые заимствуют что-нибудь чужое с полным убеждением, что это чужое служит признаком образованности и дает почет и уважение в той житейской среде, в которой им суждено обращаться. Перешедшие в католичество потомки православных знатных родов, оглядываясь назад на нравственное деяние своих праотцов, очутились в таком же настроении, в каком были за много веков их предки, когда, покидая язычество, усваивали христианство. Одни за другими принимали новую веру и стыдились старой. Правда, как всегда бывает в переходных эпохах, и в эпоху окатоличения русского шляхетства, в продолжение полустолетия и даже несколько долее, оставались из русского высшего класса приверженцы старины и заявляли свой голос, но ряды их все более и более редели, и наконец их не стало; в польской Руси особа, принадлежавшая по происхождению и по состоянию к высшему классу, стала немыслима, иначе как с римско-католическою религиею, с польским языком и с польскими понятиями и чувствами. Со времен унии в Руси обнаружилось стремление поднять русскую церковь и русскую народность – создать русское образование, по крайней мере, на первый раз, религиозное, но это стремление опоздало для высшего класса русских земель, соединенных с Польшею. Этот высший класс не нуждался больше ни в чем русском и смотрел на него с отвращением, враждебно. Оказалось, что уния, вы-

мышленная сначала для приманки русского высшего класса, также для него не пригодилась; паны без нее сделались чистыми католиками; уния осталась только средством для уничтожения в громаде остального народа признаков православной веры и русской народности. Уния стала орудием более национальных, чем религиозных целей. Принять унию – значило сделаться из русского поляком или, по крайней мере, полуполяком. Это направление проявилось с первого же раза и неуклонно преследовалось в грядущие времена до самого конца существования унии. Несмотря на то, что вначале папа, согласно постановлениям флорентийской унии в XV веке, утвердил неприкосновенность обрядов восточной церкви, уже в начале XVII века униатские духовные стали изменять богослужение, вводили разные обычаи, свойственные западной церкви и не существовавшие в восточной или положительно отвергаемые последней (как, например, тихую обедню, служение нескольких обеден в один и тот же день на одном престоле, сокращение богослужений и т.п.). Сближаясь все более и более с католичеством, уния перестала быть восточной церковью, а стала чем-то посредствующим и в то же время оставалась достоянием простого народа: в стране, в которой простой народ был низведен до крайнего порабощения, вера, существовавшая для этого народа, не могла пользоваться равным почетом с верою, которую исповедовали господа; поэтому уния в Польше стала верою низшей, протонародною, недостойною высшего класса: что же

касается до православия, то оно в общественном мнении стало верою отверженною, самую низкою, достойною крайнего презрения: то была вера не только хлопков вообще, как уния, но вера негодных хлопков, непохожих или неспособных, по своей дикости и закоснелости, стать на несколько высшую ступень религиозного и общественного уразумения, то было не более как жалкое исповедание презренных недоверков, которым и за гробом нет спасения.

Глава 23

Борис Годунов

По смерти Ивана Грозного, восемнадцать лет судьба русского государства и народа была связана с личностью Бориса Годунова. Род этого человека происходил от татарского мурзы Чета, принявшего в XIV в. в Орде крещение от митрополита Петра и поселившегося на Руси под именем Захарии. Памятником благочестия этого новокрещеного татарина был построенный им близ Костромы Ипатский монастырь, сделавшийся фамильною святынею его потомков; они снабжали этот монастырь приношениями и погребались в нем. Внук Захарии Иван Годун был прародителем той линии рода мурзы Чети, которая от клички Годун получила название Годуновых. Потомство Годуна значительно разветвилось. Годуновы владели вотчинами, но не играли важной роли в русской истории до тех пор, пока один из правнуков первого Годунова не удостоился чести сделаться тестем царевича Федора Ивановича. Тогда при дворе царя Ивана явился близким человеком брат Федоровой жены Борис, женатый на дочери царского любимца Малюты Скуратова. Царь Иван полюбил его. Возвышение лиц и родов через посредство родства с царицами было явлением обычным в московской истории, но такое возвышение было часто непрочно. Родственники Ивановых супруг погибали наравне с другими жертвами его кро-

вожадности. Сам Борис по своей близости к царю подвергался опасности; рассказывают, что царь сильно избил его своим жезлом, когда Борис заступился за убитого отцом царевича Ивана. Но царь Иван сам оплакивал своего сына и тогда стал еще более, чем прежде, оказывать Борису благосклонность за смелость, стоившую, впрочем, последнему нескольких месяцев болезни. Под конец своей жизни, однако, царь Иван, под влиянием других любимцев, начал на Годунова коситься, и, быть может, Борису пришлось бы плохо, если бы Иван не умер внезапно.

Со смертью Ивана, Борис очутился в таком положении, в каком не был еще в Московском государстве ни один подданный. Царем делался слабоумный Федор, который ни в каком случае не мог править сам и должен был на деле передать свою власть тому из близких, кто окажется всех способнее и хитрее. Таким в придворном кругу тогдашнего времени был Борис. Ему было при смерти царя Ивана 32 года от роду; красивый собой, он отличался замечательным даром слова, был умен, расчетлив, но в высокой степени себялюбив. Все цели его деятельности клонились к собственным интересам, к своему обогащению, к усилению своей власти, к возвышению своего рода. Он умел выжидать, пользоваться удобными минутами, оставаться в тени или выдвигаться вперед, когда считал уместным то или другое, – надевать на себя личину благочестия и всяких добродетелей, показывать доброту и милосердие, а где нужно – строгость и суровость. Постоянно

рассудительный, никогда не поддавался он порывам увлечения и действовал всегда обдуманно. Этот человек, как всегда бывает с подобными людьми, готов был делать добро, если оно не мешало его личным видам, а напротив – способствовало им; но он также не останавливался ни перед каким злом и преступлением, если находил его нужным для своих личных выгод, в особенности же тогда, когда ему приходилось спасать самого себя.

Ничего творческого в его природе не было. Он неспособен был сделаться ни проводником какой бы то ни было идеи, ни вожакom общества по новым путям: эгоистические натуры менее всего годятся для этого. В качестве государственного правителя, он не мог быть дальнозорким, понимал только ближайшие обстоятельства и пользоваться ими мог только для ближайших и преимущественно своекорыстных целей. Отсутствие образования суживало еще более круг его воззрений, хотя здравый ум давал ему, однако, возможность понимать пользу знакомства с Западом для целей своей власти. Всему хорошему, на что был бы способен его ум, мешали его узкое себялюбие и чрезвычайная лживость, проникавшая все его существо, отражавшаяся во всех его поступках. Это последнее качество, впрочем, сделалось знаменательной чертой тогдашних московских людей. Семена этого порока существовали издавна, но были в громадном размере воспитаны и развиты эпохой царствования Грозного, который сам был олицетворенная ложь. Создавши Опричнину, Иван во-

оружил русских людей одних против других, указал им путь искать милостей или спасения в гибели своих ближних, казнями за явно вымышленные преступления приучил к ложным доносам и, совершая для одной потехи бесчеловечные злодеяния, воспитал в окружающей его среде бессердечие и жестокость. Исчезло уважение к правде и нравственности, после того как царь, который, по народному идеалу, должен быть блюстителем и того и другого, устраивал в виду своих подданных такие зрелища, как травля невинных людей медведями или всенародные истязания обнаженных девушек, и в то же время соблюдал самые строгие правила монашеского благочестия. В минуты собственной опасности всякий человек естественно думает только о себе; но когда такие минуты для русских продолжались целыми десятилетиями, понятно, что должно было вырасти поколение своекорыстных и жестокосердых себялюбцев, у которых все помыслы, все стремления клонились только к собственной охране, поколение, для которого, при наружном соблюдении обычных форм благочестия, законности и нравственности, не оставалось никакой внутренней правды. Кто был умнее других, тот должен был сделаться образцом лживости; то была эпоха, когда ум, закованный исключительно в узкие рамки своекорыстных побуждений, присущих всей современной жизненной среде, мог проявить свою деятельность только в искусстве посредством обмана достигать личных целей. Тяжелые болезни людских обществ, подобно физическим болезням,

излечиваются не скоро, особенно когда дальнейшие условия жизни способствуют не прекращению, а продолжению болезненного состояния; только этим объясняются те ужасные явления смутного времени, которые, можно сказать, были выступлением наружу испорченных соков, накопившихся в страшную эпоху Ивановых мучительств.

Замечательно, что лживость, составляющая черту века, отразилась сильно и в современных русских источниках той эпохи до того, что, руководствуясь ими и доверяя им, легко можно впасть в заблуждения и неправильные выводы; к счастью, явные противоречия и несообразности, в которые они впадают, обличают их неверности.

Непрочность престолонаследия чувствовалась народом. Русские знали, что из двух сыновей царя Ивана старший был неспособен к самобытному царствованию, а меньшей был еще младенец: кого бы из них ни провозгласили царем – все равно; на деле власть должна была бы находиться в иных, а не в царских руках. Эта мысль охватила московский народ, как только разнеслась по столице весть, что царь Иван скончался. Сделалось волнение. Богдан Бельский, которому Иван поручил Дмитрия в опеку, был негласным виновником этого волнения в пользу Дмитрия. Как оно происходило, не знаем, но кончилось оно на тот раз тем, что бояре в ночь после смерти царя Ивана приказали отправить малолетнего Дмитрия с матерью и ее родственников, Нагих, в Углич; разом с их отсылкою схвачено было несколько лиц, которым

покойный государь перед своею кончиною оказывал милости: некоторых разослали по разным городам, в заточение, других заперли в тюрьму, отобрали у них поместья и вотчины, разорили их дома. Имена их неизвестны, но эти люди были, вероятно, сторонниками Димитрия, покушавшиеся провозгласить его царем. Вся власть находилась тогда в руках дяди Федора Ивановича – Никиты Романова, шурина Бориса Годунова, и двух князей: Ивана Мстиславского и Петра Шуйского. Первые два естественно стояли за Федора как его близкие свойственники; два последние также не находили для себя выгодным пристать на сторону Димитрия, так как в то время, в случае успеха, властвовали бы не они, а Нагие и Богдан Бельский. На самого Богдана Бельского в то время не решались наложить рук. Быть может, он ловко умел остаться в стороне во время расправы, хотя прежде заправлял делом, за которое другие отвечали. Но прошло несколько дней: Богдан Бельский был схвачен и сослан в Нижний Новгород. Это произошло после смуты, о которой сохранились противоречивые известия. Иностранцы говорят, что между Бельским и боярами произошло открытое междоусобие; Бельский со своими сторонниками был осажден в Кремле и вынужден был сдаться. Одно русское известие показывает, что народ, вообразивши, будто Бельский хочет известить царя и бояр, бросился на Кремль с оружием и даже хотел пушечными выстрелами разрушить запертые Фроловские ворота, но бояре вышли к мятежникам и уверили, что царь и бояре

все целы и никому нет опасности, а потом сослали Бельского, как бы в угоду народу; другое известие повествует, что сами бояре перессорились между собою, взволновали народ и Бельскому грозила смерть, но Годунов за него тогда заступился. Как бы то ни было, верно только то, что в Москве вскоре после погребения Грозного происходило междоусобие; тогда был поставлен к решению вопрос, кому царствовать: слабоумному ли Федору или малолетнему Димитрию, и сторона Димитрия на этот раз снова проиграла. За Бельским сосланы были другие. Но вопрос еще не решался: волнение не утихло, и бояре положили созвать земских людей в думу для того, чтобы эта дума утвердила Федора на престоле.

Дума, состоявшая, как кажется, из служилых людей, собралась 4 мая 1584 г. и признала царем Феодора Ивановича. Русские люди, как выражались в то время, молили его со слезами сесть на Московское государство. Ход этой думы нам неизвестен. На празднике Вознесения новый царь венчался царским венцом.

Царствовал Федор, но он не мог властвовать; властвовать могли за него другие.

Царь Федор Иванович был человек небольшого роста, опухлый, с бледным лицом, болезненный; он ходил нетвердыми шагами и постоянно улыбался. Когда польский посланник Сапега представился ему – Федор, одетый в царское облачение с короной на голове, сидел на возвышенном месте и с улыбкою любовался своим скипетром и державным яб-

локом, а когда проговорил несколько слов тихим и прерывистым голосом, то Сапега сделал такое заключение: «Хотя про него говорили, что у него ума немного, но я увидел как из собственного наблюдения, так и из слов других, что у него вовсе его нет». Весть об этом скоро дошла до соседей, в Польше надеялись, что при таком государе в Московском государстве начнется безурядица, откроются междоусобия и государство придет в упадок.

Ожидание это, вероятно, сбылось бы скоро: Годунов отворотил его или, по крайней мере, отсрочил.

Тотчас после венчания на царство Федора, Борис постарался возможно лучшим способом устроить свое материальное состояние. Когда, по обычаю, новый царь после венчания рассыпал свои милости вельможам, Борис получил всю Важскую область, приносящую большие доходы с поташу, сбываемого англичанам; кроме того, получил он луга на берегах Москвы-реки вверх на тридцать, а вниз на сорок верст, с рощами и пчельниками, доходы с Рязани, Твери, с Северной земли, Торжка и со всех московских бань и купален: все это, с доходами, получаемыми из его родовых вотчин, давало Борису огромную сумму ежегодного дохода в 93 700 р., а владения его были так многолюдны, что он мог выставить до 100000 вооруженных людей. До этих пор он носил важный сан конюшего; теперь он получил наименование ближнего государева боярина и титул наместника царств: Казанского и Астраханского.

Царь Федор находился под влиянием своей жены, а Борис был постоянно дружен с нею, а потому стоял ближе всех к царю, и никто не в силах был оттеснить его. Единственным опасным соперником мог быть дядя царя Никита Романов, но этот старик в тот же год был поражен параличом и хотя жил до апреля 1586 года, но уже не принимал участия в делах. Из двух оставшихся соправителей Бориса Мстиславский был человек ограниченный и мог играть роль только по наущению других, благодаря своей знатности; более опасности представлял для Бориса князь Петр Иванович Шуйский: конечно, ему нельзя было приобрести более Бориса расположения царя и царицы, зато у него была сильная партия не только между знатными людьми, но и между московскими купцами. Кроме того, князь Петр Шуйский имел поддержку в митрополите Дионисии. Вначале, как видно, Борис был с ним в хороших отношениях, как можно видеть из того, что в день царского венчания Шуйский получил в дар доходы со всего Пскова.

Полтора года Годунов уживался со своими товарищами, но уже захватил в свои руки управление всеми делами, так что иностранцы обращались мимо этих товарищей к нему, как к единому правителю государства. В это время Годунов начал свое любимое дело, постройку городов, чем отличался во все продолжение своей жизни, справедливо сознавая пользу этой меры для государства. Таким образом, для укрощения черемисов, Борис приказал строить по берегам Волги

Цивильск, Уржум, Царево-Кокшайск, Царево-Санчурск, а ниже по течению Волги Саратов, Переволоку, Царицын. Астрахань была обведена каменной стеною. На севере в 1584 построен Архангельск, сделавшийся тотчас же важнейшим торговым пунктом. В самой Москве в 1586 году построена была каменная Белгородская стена. На юге в 1586 году построены были Ливны, возобновлены Курск и Воронеж. От города до города устраивались станицы, зазывались жители для поселения на привольных, но пустых местах. Таким образом вызывались для поселения черкасы (малороссияне), которые поступали в число украинских служилых людей, отправляли сторожевую станичную службу, получая за это поместья и жалованье деньгами, сукнами и хлебом. Им посылали также свинец и селитру.

Вскоре после царского венчания в июле 1584 года был созван собор, на котором вновь подтверждено было запрещение владыкам и монастырям приобретать вотчины и вместе с тем уничтожались все так называемые тарханские грамоты, которыми предоставлялись монастырским и владычным именьям разные льготы и изъятия от общих платежей и повинностей. Поводом к уничтожению этих привилегий ставилось то, что крестьяне убегали в тарханские вотчины из вотчин и поместий служилых людей, а через это последние лишались своих доходов, не в состоянии были отправлять военной службы. Но мера эта, несмотря на приговор, утвержденный подписями и печатями лиц знатнейшего духовен-

ства, не была приведена в исполнение; набожный царь продолжал раздавать тарханские грамоты, да и сам Борис не настаивал на их отмене, потому что нуждался в расположении духовенства для своих видов. Это событие осталось наглядным примером той лживости, которая, как мы сказали выше, проникла все ветви Московской общественной жизни. Писались законы, постановления, а на деле не исполнялись и были нарушаемы теми же, которые составляли их.

Борис был милостив к тем, которые были с ним заодно, и в это время особенно приблизил к себе двух братьев, дьяков Щелкаловых, из которых Андрей был посольским, а Василий разрядным дьяком. Но Борис не допускал долгое время проживать спокойно тем, в которых видел себе соперников и недоброжелателей. Борису, как говорят, донесли, будто Иван Мстиславский, по наущению других, хочет позвать Бориса на пир и предать его в руки убийц. Трудно решить: действительно ли было так на самом деле или же обвинение было выдуманно. Борис именем царя приказал сослать Мстиславского в Кирилло-Белозерский монастырь и постричь. Затем схватили Воротынских, Головиных, Колычевых и отправили в ссылку по разным местам. Один из Головиных, Михайло, успел убежать в Литву, подстрекал Батория идти на Москву, уверяя, что Бориса все не терпят и не станут защищать существующего правительства. Баторий давно только и думал о том, как бы снова начать войну; он поверил рассказам беглеца. Но Борис, узнавши об этом впопыхах, отправил в

Польшу послов Троекурова и Безнина, которые разгласили, что Головин вовсе не беглец, что он нарочно подосланный московскими боярами лазутчик и умышленно пытается вовлечь Батория в войну: они говорили, что Московское государство имеет теперь достаточно силы дать отпор Польше. Хитрость эта удалась не столько потому, чтобы верили словам московских послов, сколько потому, что поляки тем или другим способом, но всеми силами старались отклонить своего короля от всяких воинских предприятий. Польский сенат продолжил с московскими послами перемирие еще на два года и отправил в Москву знакомого там Михаила Гарабурду с предложением, которое показалось странным для русских: заключить договор, по которому бы, в случае, если умрет прежде Баторий, возвести на польско-литовский престол Федора, и наоборот, если Федор умрет прежде бездетным, то ему преемником будет Баторий. Бояре отвечали, что им не годится рассуждать о кончине живого государя; дело кончилось ничем, но оно представляет своего рода важность, потому что послужило началом подобных сношений после кончины Батория. Расправившись со Мстиславским, Годунов дожидался случая разделаться с Шуйскими. Им были преданы многие из московских торговых людей; ожидая от Годунова чего-нибудь враждебного к Шуйским, они заранее кричали, что побьют Годунова камнями, если он тронет кого-нибудь из этого рода. Митрополит Дионисий пытался было примирить и сдружить между собою Го-

дунова и Ивана Петровича Шуйского; он пригласил того и другого к себе. Они наружно помирились. Когда Шуйский сказал об этом купцам, стоявшим толпою на площади, двое из них выразились так: «Помирились вы нашими головами, и нам и вам от Бориса пропасть». Оба эти купца в ту же ночь исчезли неизвестно куда. Тогда Шуйские сообразили, что они погибнут, если не предупредят Годунова и не погубят его самого; они, в соумышлении с митрополитом, зазвали к себе гостей, купцов, некоторых служилых людей и уговорили их подписать царю челобитную, чтобы царь, как бы по просьбе всего русского народа, развелся с бесплодною Ириною и выбрал себе другую жену, чтобы иметь наследника. Заговорщики предполагали женить царя на княжне Мстиславской, дочери насильно постриженного боярина князя Мстиславского. Но, прежде чем успели подать царю такую челобитную, Борис через своих лазутчиков узнал обо всем; вместо того чтобы гневаться, он кротко обратился к митрополиту и представлял ему, что развод есть незаконное дело, притом и бесполезное; Федор и Ирина еще молоды и могут иметь детей, а если бы и не было их, то у Федора есть брат Димитрий. Митрополит послушал этого совета и стал уговаривать Шуйских оставить предпринятое намерение. Годунов обещал не мстить за него никому. Спустя несколько времени холопы Шуйских, Федор Старов с товарищами, подали донос, будто существует заговор против государя, которым руководят князья Шуйские. Летописцы го-

ворят, что сам Борис подучил доносчиков; в этом случае он действовал по примеру царя Ивана, который не раз пользовался такими же ложными доносами, чтобы придать личину справедливости своим убийствам. По доносу Старова взяли под стражу князя Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйских, князя Василия Скопина-Шуйского, разных их друзей, князей Татевых, Урусовых, Быковых, Колычевых и множество гостей и купцов. Происходили допросы и пытки. В заключение, князей Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйских сначала приговорили только удалить в их вотчины, но когда они туда приехали, то их схватили, увезли одного на Белоозеро, другого в Каргополь и удавили. Прочих знатных людей разослали в ссылку по городам, а Федору Нагаю и шестью его товарищам отрубили головы. Княжну Мстиславскую, за то что ее хотели посадить царицею на место Ирины, насильно постригли в монахини; наконец, Годунов не простил и митрополиту; приказал сослать его в Хутынский монастырь; такая же участь постигла крутицкого архиепископа Варлаама за то, что он настраивал царя против Бориса. Вместо Дионисия посадили на митрополию ростовского архиепископа Иова, во всем покорного Борису и, для сохранения своего положения, готового угождать во всем земной власти. С этих пор Борис сделался вполне единым и самовластным правителем в Московском государстве. Опыт должен был научить всех, как неудобно покушаться отнимать у него власть. На будущее время беспокоили воображение Бо-

риса потомки царской линии: царевич Димитрий и Мария, вдова короля Магнуса (дочь Владимира Андреевича) с малолетнею дочерью Евфимиею. Расправу с первым осторожный Борис отложил до удобного случая, а прежде разделался с последними. Еще в 1585 году он поручил английскому купцу Горсею уговорить Марию Владимировну переехать с дочерью в Москву из Риги, где поляки содержали ее очень скудно. Горсей уверил ее от имени Бориса, что в Москве ее примут хорошо и наделят вотчинами. Королева с дочерью убежала из Риги и прибыла в Москву на почтовых лошадях, нарочно расставленных для этого Борисом. Сначала Борис принял ее, как обещал, наделил вотчинами, деньгами, а через несколько времени именем царя ее разлучили с дочерью, увезли и постригли в Пятницком монастыре близ Троицы. В 1589 году маленькую дочь ее похоронили у Троицы с почестями, как королевну. Все твердили, что Борис приказал тайно умертвить ее.

В декабре 1586 года умер Стефан Баторий. В следующем году в Польше началось обычное избрание нового короля, в котором важное участие приняло Московское государство. Предложение Гарабурды, хотя было отвергнуто в том виде, в каком было сделано, произвело, однако, сильное впечатление на правителя. Борис увидел возможность посадить на польско-литовский престол Федора, сообразно давнему желанию литовских панов соединиться с Московским государством посредством возведения на свой престол московского

государя. Вероятно, Борис рассчитывал, что расположение к нему Польши и Литвы пригодится со временем, и потому-то при венчании Федора он выпустил его именем всех польских пленников. Слабоумие Федора не казалось большим препятствием; напротив, можно было рассчитывать, что панам будет тем лучше, чем их король меньше будет иметь возможности показывать свою власть. В начале 1587 года Борис отправил в Польшу дворянина Ржевского. Этот посланец повез царскую грамоту ко всем панам вообще и, кроме того, письма к отдельным духовным и светским сановникам от имени царя. Каждого приглашали хлопотать, чтобы на престоле был Федор. Давалось обещание свято сохранять все шляхетские права и вольности и, сверх того, наделить панов вотчинами и деньгами. В Польше в то время образовалось три партии: одна, под предводительством Зборовских, хотела выбрать австрийского принца Максимилиана. Другая, – во главе которой был канцлер и гетман Замойский, – склонялась к избранию шведского королевича Сигизмунда, сына короля Иоанна и польской принцессы Екатерины. Третья, состоявшая преимущественно из литовских панов, хотела московского государя. Вслед за Ржевским послы Степан Васильевич Годунов и князь Федор Троекуров, с думным дьяком Василием Щелкаловым, отправились в Польшу и повезли сорок восемь писем к разным панам с самыми лестными предложениями. Русский царь обещал защищать польско-литовские владения московскими силами, строить

на свой счет крепости, отвоевать у шведов и отдать Речи Посполитой Эстонию, обязывался заплатить на 100000 червонцев долги Стефана Батория ратным людям, предоставить свободную торговлю польско-литовским людям в Московском государстве; а главное, обещал не вступаться вовсе в королевские доходы и все отдать панам в управление, так что если новый государь приедет в Польшу, то не только не потребует от них никаких денег на свое содержание, но еще будет раздавать им свою казну. Борис наказывал своим послам соглашаться, если паны потребуют, чтобы царь был у них королем только по имени, а они бы управлялись сами собою: пусть бы только Польша и Литва оставались в мире и соединении с Москвою, готовые действовать против общего недруга.

Предложения были действительно соблазнительны, но послы приехали с одним обещанием денег, и без них. Литовские паны объявили им, что надобно, по крайней мере, готовых 200 000 рублей, дабы склонить на московскую сторону Зборовских и их партию, а также, чтобы переманить деньгами людей от партии Замойского. У послов денег не было. Несмотря на это, на избирательном сейме большинство избирателей заявило себя на стороне московского царя. Когда выставили три значка избирателей: австрийской стороны – немецкую шляпу, шведской – сельдь и русской – Мономахову шапку, то под русским значком оказалось более всего избирателей. Выбрали пятнадцать человек депутатов

для переговоров с послами. Депутаты предложили московским послам, чтобы царь приступил к соединению с римскою церковью, прибыл в Варшаву через десять недель, венчался от гнезненского епископа: царь должен был написать в своем титуле польское королевство выше Московского государства. Послы отказали наотрез, но уверяли, что царь не будет вмешиваться в дела римско-католической церкви. Замечательно, что послы, допуская свободный приезд польских и литовских людей в Московское государство, не хотели обещать такую же свободу приезда в Польшу и Литву московских людей; они говорили: «Это противно московским обычаям, чтобы московские люди ездили всюду по своей воле без государева повеления». Этим в Польше были недовольны.

Главное препятствие к выбору Федора заключалось в денежном вопросе. После решительных ответов московских послов, паны еще говорили им, что нужны деньги, чтобы подкрепить царскую сторону на сейме, указывали на щедрость к ним императора и испанского короля, просили немедленно 200000. Послам негде было достать этих денег. Паны потом требовали немедленно хотя 100000 – послы и этого не могли им дать!

Тогда на сейме одна польская партия выбрала Максимилиана, другая – Сигизмунда. Литовцы не приставали ни к той, ни к другой и еще раз пытались сойтись с московскими послами. Виленский воевода Христофор Радзивилл и троц-

кий Ян Глебович заявляли им, что царю можно быть польским королем, не приступая к римской вере; нужно только поманить папу надеждою в будущем на соединение церквей; но эти паны во всяком случае требовали наличными 100000 рублей для поддержки партии в пользу московского государя и наконец спросили: захочет ли государь взять одну Литву, если поляки не согласятся на его избрание? Они вместе с тем подавали надежду, что и южнорусские области, уже присоединенные к Польше, перейдут под власть московского государя. Ничего не могло быть приятнее Москве, как это предложение, и Борис, узнавши о том от послов, отправил панам литовским дары на 20 000 рублей, обещая дать еще деньгами 70000. Но уже было поздно; поляки успели сойтись с литовцами и склонить их на сторону Сигизмунда. «Не надобно было, – говорили после того московским послам паны, писать в грамотах, что царю непременно короноваться по греческому закону: если бы паны радные на это и согласились, то архиепископы и епископы ни за что до того не допустят; а они у нас большие люди». Паны тем не менее приняли подарки, за исключением одного Христофора Радзивилла. Следуя прежним дружеским отношениям к Австрии, московские послы, увидя, что дело об избрании Федора не клеится, по силе своего наказа, начали было давать совет об избрании Максимилиана: перед тем только Максимилиан посылал в Москву просить ее содействия в достижении польского престола. На речь русских послов поляки отвечали, что они не требуют ни

от кого указаний: кого им избрать в короли, а литовцы выразились, что «они ни за что не возьмут себе немца в государи, потому что немецкий язык никогда славянскому добра не мыслит». Послы московские успели только в том, что заключили перемирие на пятнадцать лет. Избрание кончилось в пользу Сигизмунда. Он короновался 16 декабря 1587 года. Максимилиан пытался было добывать польскую корону оружием, но был разбит Замойским, взят в плен и выпущен под условием отказа от всяких притязаний на польский престол.

Таким образом Борис затевал великое дело, но у него не стало ума и умения добиться своей цели. В Польше сел на престоле государь, которого особенно не желали в Москве; сын шведского короля, с которым Московское государство находилось в недружелюбных отношениях. Политика Бориса, однако, была не воинственна; он думал достигать политических целей хитростью и хотел находиться, насколько возможно, в мире со всеми соседями. Со Швецией существовало еще прежнее перемирие, продолженное на четыре года в 1585 году. В отношениях к Крыму Москве помогали междоусобия, возникшие в этой стране. Двое крымских царевичей, Сайдет и Мурат, враги крымского хана Ислам-Гирея, нашли приют в Московском государстве. Их поместили на астраханской земле и предполагали ими держать в страхе Ислам-Гирея, чтобы выставить против него опасных соперников, когда он вздумает относиться неприязненно к московскому государю. Это не избавило южные пределы Мос-

ковского государства от набегов татарских мурз; по крайней мере, сам хан не смел делать нападения. Заступивший место этого хана в 1588 году Казы-Гирей избрал для своих набегов польские области и извещал о том московское правительство, а Борис за это посылал ему подарки, несмотря на то, что находился тогда в перемирии с Польшей. Борис, скоро по восшествии Федора на престол, отправлял посольство в Турцию с изъявлением своего миролюбия. Там приняли московского посла хотя миролюбиво, но довольно надменно; в Константинополе не верили уверениям в дружбе и жаловались на буйство казаков, а московский посол объяснял, что казаки – воры, беглые люди и не находятся в послушании у государя. На юго-востоке, в 1586 году, кахетинский царь Александр отдался в подданство московскому государю. Это подданство могло быть полезно для грузинов, так как из Москвы отправили к ним для исправления тамошних обрядов несколько монахов, священников и иконописцев, которые оказались очень учеными и сведущими людьми в сравнении с грузинским духовенством; но для Московского государства оно влекло за собою только хлопоты и опасности, втягивало Москву в опасное столкновение с Турцией, Персией и горскими народами, так как Александр был тесним со всех сторон и потому искал опоры в Москве. Власть над его землями оспаривали и персы, и турки. Борис уклонился от всякого разрыва с Турцией из-за царя Александра, а Персия, находясь в ожесточенной вражде с Турцией, сама предлагала

союз Москве, думая вооружить ее против Турции. Но Борис ограничивался только словами и неясными обещаниями, из которых ничего не выходило. Между тем русские, приняв на себя обязанность защищать Александра, послали ему помощь против его врага, тарковского Шевкала, и напрасно потеряли до 3000 своих людей. Тогда на берегу Терека был укреплен Борисом еще прежде основанный и покинутый казачами город Терк, и с тех пор постоянно имел ратных людей и управлялся воеводами.

В 1587 году Борис заключил договор с Англией. Елизавета, узнавши о силе Бориса, сама писала к нему письмо, называла своим дорогим родственником и просила дать такую привилегию членам английской компании, чтобы они не только могли во всей России торговать беспошлинно, но чтобы, кроме их, не позволялось торговать никаким иноземцам; чтобы, сверх того, им было разрешено, при пособии со стороны русских, искать Китайской земли и пр. Требуя таких выгод для своих, Елизавета никак не хотела допустить московским купцам ездить для торговли в Англию. Борис отклонил излишние требования, как, например, исключительное право английской компании на торговлю в русских краях с изъятием всех других иноземцев; он указал на несообразность позволения искать новых земель, но дал право беспошлинной торговли одной английской компании, тогда как все другие иноземцы и даже англичане, не принадлежавшие к компании, облагались пошлинами. Торговля англичан в

русских землях была оптовая; розничная продажа не была им дозволена. Способ торговли был преимущественно меновой, хотя англичанам предоставлялось право чеканить монету, платя за то пошлину, подобно тому, как в то время монету дозволялось вообще бить денежным мастерам по определенной форме с платежом пошлин в казну. Главные предметы вывоза были лен, пенька, рыба, икра, кожи, деготь, поташ, сало, воск, мед, меха. Воск не иначе дозволялось менять как на порох, селитру и серу – предметы, необходимые для ратною дела. По известию англичан, в начале царствования Федора чувствовался упадок вывоза против давнего времени, свидетельствовавший об уменьшении производительности в стране. Так, воску вывозилось прежде до 50000 пудов, а в начале царствования Федора только до 10000; количество же вывозимого сала упало со 100000 пудов на 3000; очень упала тогда торговля льном и пенькой после утраты Нарвы и нарвской пристани, зато количество мехов, которых ценность означена англичанами на 500000 руб. в год, увеличилась после открытия пути в Сибирь и с каждым годом возрастала по мере движения русских на восток.

Известия англичан об упадке вывозной торговли, относящемся, собственно, к последним годам царствования Грозного, показывают в числе других данных, что народ обеднел в это тяжелое время. Иначе и быть не могло при больших налогах и обременительных повинностях, вынуждаемых продолжительными войнами, при свирепствах царя Ивана и

произволе его слуг и любимцев. Вообще в Московском государстве устроено было все так, что преимущественно богателя царская казна, да те, кто так или иначе служил казне и пользовался ею; и неудивительно, что иноземцы удивлялись изобилию царских сокровищ и в то же время замечали крайнюю нищету народа. Тогдашняя столица своим наружным видом соответствовала такому порядку вещей. Иноземца, въезжавшего в нее, поражала противоположность, с одной стороны, позолоченных верхов кремлевских церквей и царских вышек, с другой – кучи курных изб посадских людишек и жалкий грязный вид их хозяев. Русский человек того времени, если имел достаток, то старался казаться беднее, чем был, боялся пускать свои денежки в оборот, чтобы, разбогатевши, не сделаться предметом доносов и не подвергнуться царской опале, за которой следовало отобрание всего его достояния «на государя» и нищета его семьи; поэтому он прятал деньги где-нибудь в монастыре или закапывал в землю про черный день, держал под замком в сундуках вышитые золотом дедовские кафтаны и охабни, собольи шубы и серебряные чарки, а сам ходил в грязной потертой однорядке из грубого сукна или в овчинном тулупе и ел кое-что из деревянной посуды. Неуверенность в безопасности, постоянная боязнь тайных врагов, страх грозы, каждую минуту готовой ударить на него сверху, подавляли в нем стремление к улучшению своей жизни, к изящной обстановке, к правильному труду, к умственной работе. Русский человек жил как

попало, приобретал средства к жизни как попало; подвергаясь всегда опасности быть ограбленным, обманутым, предательски погубленным, он и сам не затруднялся предупредить то, что с ним могло быть, он также обманывал, грабил, где мог поживлялся на счет ближнего ради средств к своему, всегда непрочному существованию. От этого русский человек отличался в домашней жизни неопрятностью, в труде ленью, в сношениях с людьми лживостью, коварством и бессердечностью. Состояние народа при Борисе было лучше, чем при Грозном уже потому, что хуже времен последнего мало можно найти в истории. Но основные воззрения на государственный порядок и общественный строй не изменялись. Внутренняя торговля была по-прежнему стесняема бесчисленным множеством сборов и пошлин, а трудность и неудобства путей по-прежнему препятствовали легкости сношений. Притом правительство само тогда вело торговлю, и с ним невозможна была никакая торговая конкуренция. Казна иногда присваивала себе на время торговлю каким-нибудь произведением (так было и весною в 1589 г.), и никому не дозволялось торговать им. Накупивши по дешевым ценам товару, казна продавала купцам этот товар с барышом, принуждая их брать даже испорченный. Торговые привилегии англичан способствовали на время оживлению торговли, но влекли за собою эксплуатацию народной промышленности. Русским купцам запрещалось ездить свободно за границу; исключение допускалось только по особому царскому

позволению; для иностранцев это было выгодно, и они сами не желали этого, кроме поляков, которые не имели замыслов истощать Русь путем торговли. Таким образом, русские не могли ознакомиться ни с лучшим бытом, ни с приемами европейской торговли; в то же время не предпринималось ни малейших средств к народному образованию, при таком состоянии торговля западных европейцев с русскими имела печальный вид сношений ловких и сведущих торгашей с невеждами, когда последние всегда бывают в проигрыше, а первые наживаются за их счет беззастенчивым образом.

Борис щеголял своей кротостью и тем благоденствием, какое будто бы испытывал народ под его управлением; он приказывал московским послам, отправлявшимся к соседям, разглашать, что в Московском государстве не то, что было прежде: все живут во льготах. Вести были преувеличены; если они и были на сколько-нибудь справедливы, то разве относительно владычных и монастырских вотчин, да, может быть, имений самого Бориса. Правда, Борис уже тем облегчал народ, что избегал войн, в чем сходилась с желаниями русского народа, роптавшего, когда правительство начинало войну. Но иностранцы, взглядываясь в народный быт, говорили, что в это время налоги и повинности все-таки были обременительны. Заметим, что тогда уже существовала казенная продажа вина, учреждены были кабаки и кружечные двory (неизвестно только, везде ли); первые известия о их существовании относятся к последним летам царства-

ния Грозного, и, кажется, способ увеличивать казну за счет людского пьянства принадлежит ему. При Федоре это учреждение было уже так тягостно для народа, что Борис в некоторых местах, в виде милости и особой льготы, по просьбе жителей уничтожал кабаки. Управление тогдашнего времени не представляет ручательств для того, чтобы народу было под ним очень хорошо. Тогда уже образовалась система управления посредством приказов⁹⁷, в которых сидели бояре или окольниковы и дьяки, последние, собственно, всем заправляли. Эта система приказного управления имела отличительное свойство, вовсе не облегчавшее судьбу народа: все сосредотачивалось в Москве; часто люди должны были по своим нуждам обращаться издалека в столицу, а дьяки тогда уже славились своей алчностью и взяточничеством; посулы (взятки) и поминки сделались неизбежными признаками приказного управления. По многим городам назначались воеводы, которые обыкновенно пребывали на одном месте не более года, а при воеводах были дьяки, и последние, хотя и были ниже дворян, обыкновенно посылаемых в звании воевод, но как люди грамотные, более имели силы, чем воеводы, часто безграмотные. Воеводы и дьяки, получая места

⁹⁷ Главных было четыре, называемых четьми: посольская, разрядная, поместная и казанского дворца; им подведомственны были части или страны Московского государства. Кроме них, существовали еще избы или приказы: разбойный, холопий, приказ большого прихода (куда собирались пошлины), дворцовый, стрелецкий, ямской. Вероятно, существовали такие, о которых первые известия случайно сохранились от несколько позднего времени.

в городах, должны были давать взятки в приказах, а себя за то вознаграждали всяким образом за счет подчиненных. Награбленное ими не всегда шло им впрок; нередко их, по лишении должности, обвиняли, в виде наказания ставили на правеж и вымучивали у них то, что они успели высосать с народа. Земское самоуправление сохранялось не везде; мы его встречаем в большей силе на севере, а в других местах ощутительна власть наместников и воевод, и если формы самоуправления существовали, то были под сильным давлением приказного порядка. Страх, который наводили опричники Ивана Грозного, в глазах народа оставался и в это время вообще за царскими чиновниками. Посадский или волостной человек, завидя издали дворянина или дьяка, убегал от него, а если встречался с ним или имел к нему дело, то валился у него в ноги; зато, по замечанию англичан, всякий убогий крестьянин, ползающий пред дворянином, делался жестоким мучителем своих братьев, если только возвышался над ними и получал какое-нибудь начальство.

Вообще Борис в делах внутреннего строения имел в виду свои личные расчеты и всегда делал то, что могло придать его управлению значение и блеск. Такой смысл имело преобразование, совершенное им в порядке церковной иерархии. Борис задумал учредить в Московском государстве патриархию. Он воспользовался приездом константинопольского патриарха Иеремии, который со своим греческим духовенством разъезжал для сбора милостыни и привез царю Федо-

ру икону с каплями Христовой крови. Гостям оказали очень блестящий и вместе с тем чванный прием. Греки поражены были блеском золототканых одежд царя и царицы, унизированных жемчугом, усыпанных дорогими камнями, богатством окладов на бесчисленных иконах, огромными серебряными сосудами, изображавшими зверей, птиц, деревья, стенною мозаикою, блиставшею золотом и изображениями из священной истории. Борис сообщил патриарху свое намерение насчет учреждения патриаршества. Иеремия одобрил это намерение. Борис предложил самому Иеремии быть в Москве патриархом, но с тем, чтобы он жил не в Москве, а во Владимире, так как Борис ни за что не хотел удалять из столицы или оставлять в ней не первым, а вторым своего любимца Иова. Иеремии не слишком было хорошо в Турции, он готов был променять ее на Русь, но не хотел жить иначе как в Москве. Поэтому обе стороны сошлись на том, что Иеремия, наделенный богатою милостынею, согласился на возведение митрополита Иова в сан патриарха. Для соблюдения законности созвали собор и архиереи представили трех кандидатов, предоставляя царю избрать из них по своему усмотрению. Разумеется, избран был Иов, и 26 января 1589 года совершилось его посвящение. Вместе с тем архиепископы: новгородский, казанский, ростовский и крутицкий (иначе сарский и подонский, живший в Москве на Крутицах) возведены были в сан митрополитов, а шесть епископов получили архиепископский сан. Посещение Москвы

константинопольским патриархом было первым событием в своем роде и повлекло к некоторому приливу греков духовного сана в Московское государство и к большему сближению с православным Востоком. Бывший в Москве вместе с Иеремиею элассонский епископ Арсений, возвратившись с ним в Грецию, приехал опять в Русь и получил суздальскую епархию; архиепископ кипрский Игнатий проживал в Москве. От царя посылалась постоянно богатая милостыня на Восток.

Борису нужно было ласкать духовенство и возвышать его, чтобы при всякой нужде опираться на него и находить в нем для себя могучую поддержку. Учреждение патриаршества давало русской церкви блеск, сообщало этот блеск и самому государству, которое у тогдашних риторов называлось третьим Римом, но более всего возвышало Бориса, получавшего через то и славу благодетеля русской церкви и более ручательства в содействии своим видам со стороны духовенства: патриарх был как бы государь; его титул возбуждал благоговейный страх, в особенности сначала, пока был новым для русских: что скажет патриарх, то должно быть истиною; а такой патриарх, каким был Иов, всегда и во всем был готов потакать Борису. В сущности, патриаршество мало приносило церкви внутренней силы; самостоятельность русской церкви и независимость от всякой другой церковной власти и без того утвердилась уже временем, а ручательства от произвола светских властей патриаршество ей не давало более того, чем

мог бы дать собор при нравственной силе своих членов. Для истинной пользы русской церкви в то время нужны были не титулы, не наружный блеск, а образованные и нравственные пастыри: патриаршество, как показали последствия, напротив, ставило преграду внутренним преобразованиям как в церкви, так и в гражданском обществе, и в свое время было уничтожено, как один из признаков, наиболее препятствовавших культурному движению русского общества.

Как ни старался Годунов избегать всякой войны с соседями, но в 1590 году, по истечении перемирия со Швецией, принужден был начать неприязненные действия. Шведы удерживали отнятую при Грозном часть Вотской пятины и не хотели возвращать ее, хотя Борис и предлагал за нее деньги. Московскому государству было особенно тяжело, что у него отняли море. В январе 1590 года началась война.

Самого царя взяли в поход, находя полезным, чтобы он был при войске. Шведы действовали плохо, не более как через месяц сами предложили перемирие на год и уступили царю Яму, Копорье и Иван-город. Русским этого было недостаточно. Они хотели также вернуть Нарву и Корелу, но приступ их к Нарве был неудачен, и осторожный Борис, побоявшись подвергаться опасностям дальнейшей войны, поспешил взять то, что давалось, отлагая на будущее время возвращение остального. С тех пор несколько лет съезжались между собою русские и шведские уполномоченные; не могли сойтись, начинались опять военные действия, вообще незна-

чительные; потом опять съезжались послы толковать о примирении, и только уже в 1595 году заключили мир. Шведы воротили русским Корелу, а русские отказались от Нарвы и от всех притязаний на Эстонию.

Между тем в те годы, когда происходили толки со шведами о границах, в Московском государстве совершались важные трагические события. Димитрий рос в почетном изгнании в Угличе и представлял в будущем большую опасность для Бориса. Федор был бездетен, слаб здоровьем, и, в случае его смерти, царевич Димитрий был бы провозглашен его преемником на престоле. Борису, естественно, грозила гибель. Нагие и люди Димитриевой партии, конечно, не простили бы ему ни его прошлого величия, ни их удаления от царя. Этого мало; Димитрий, пришедши в возраст, мог быть опасен и для самого Федора. Если были люди, которые тотчас же по смерти Грозного думали вместо Федора посадить на престоле малолетнего Димитрия, то тем скорее сам Димитрий, достигши совершеннолетия, мог собрать около себя партию людей, которые были недовольны тем, что на престоле сидит слабоумный царь, а всем управляет временщик, и легко пристали бы к намерению низложить Федора. Рассказывали, что малолетний Димитрий уже в детстве показывал отцовские наклонности, любил смотреть, как убивают домашних животных, и сам, ради потехи, убивал их палкой. Говорят, однажды, играя с детьми, он сделал из снега несколько человекоподобных фигур; одну из них назвал Бо-

рисом Годуновым, других – именами разных бояр, приятелей Годунова, бил их палками, говорил, что рубит им головы, руки, ноги, и прибавлял: «Вот как будет, когда я стану царствовать!» Смерть этого ребенка казалась не только полезной для видов Годунова, но и необходимой для его существования.

В 1592 году Годунов отправил в Углич надзирать за земскими делами и над домашним обиходом царицы Марфы своих доверенных людей: дьяка Михаила Битяговского с сыном Данилом и племянником Качаловым. Нагие и сама царица не терпели этих людей. Нагие беспрестанно с ними ссорились.

15 мая 1591 года в полдень пономарь соборной углицкой церкви ударил в набат. Народ сбежался со всех сторон во двор царицы и увидел царевича мертвого с перерезанным горлом. Исступленная мать обвиняла в убийстве людей, присланных Борисом. Народ убил Михаила и Данила Битяговских и Никиту Качалова, а сына царевичевой мамки Волоховой притащил в церковь к царице и убил по ее приказанию пред ее глазами. Умертвили еще несколько человек по подозрению в согласии с убийцами.

Дали знать в Москву. Борис отправил на следствие боярина князя Василия Ивановича Шуйского и окольников Андрея Клешнина. Последний был человек, вполне преданный и покорный Борису. Первый принадлежал к роду, не расположенному к Борису, но, при стечении тогдашних об-

стоятельств, волею-неволею должен был действовать в его видах. Свидетелей убийства не было. Преступников тоже. Шуйский, человек хитрый и уклончивый, рассчитал, что если он поведет следствие так, что Борис будет им недоволен, то все-таки Борису ничего не сделает, потому что верховным судьей будет тот же Борис, а себя подвергнет впоследствии его мщению. Шуйский решил вести следствие так, чтобы Борис был им вполне доволен.

Следствие произведено было бессовестным образом. Все натягивалось к тому, чтоб выходило, будто царевич зарезался сам. Осмотра тела не сделали: людей, убивших Битяговского с товарищами, не допросили. Царицу также не спрашивали. Показания, снятые с разных лиц, кроме показания одного Михаила Нагого, гласили одно, что царевич зарезался в припадке падучей болезни. Одни явно лгали, показывая, что сами видали, как происходило дело, другие показывали то же, не выдавая себя очевидцами. Тело царевича было предано земле в углицкой церкви Св. Спаса.

Годунов подал это следствие на обсуждение патриарха и духовенства. Патриарх, всем обязанный Борису, произнес такое мнение, какое угодно было его покровителю; ему не противоречили и прочие святители, а заявили только, что это дело земское, не церковное. Бояре не могли сопротивляться не только из страха перед Борисом, но и потому, что не имели никаких данных к сопротивлению. Борис сослал всех Нагих в отдаленные города в заключение; царицу Ма-

рию постригли под именем Марфы и сослали в монастырь Св. Николая на Выксе (в Череповецком уезде). Над углицкими жителями совершена жестокая расправа: обвиненных в убийстве Битяговского с товарищами казнили смертью; другим за смелые речи отрезали языки, и многих жителей сослали в Сибирь для заселения города Пельыма. Предание говорит, что Годунов сослал в Сибирь даже тот колокол, в который били в набат в день убиения Димитрия, и его до сих пор показывают в Тобольске.

Правительство объявило и приказывало народу верить, что смерть царевича произошла от самоубийства, но в народе сохранилось убеждение, что царевич был зарезан, по тайному приказанию Бориса. Ходили об этом разные рассказы и были вносимы в летописи. К счастью для истории, сохранился один рассказ, носящий на себе явные признаки того, что он составлен современником, и притом близко знавшим об этом событии. По этому рассказу царевич Димитрий в день своей смерти чувствовал себя нездоровым, но, по обычаю, отслушал обедню, пришедши домой, переменял платье; ему принесли богородицын хлебец (просфору). Царевич съел просфору и потом попросил пить, а после того пошел со своей кормилицей Тучковой-Ждановой погулять. Матери с ним не было. Дяди Нагие разъехались обедать. Когда царевич с кормилицей подошел к церкви Св. Константина и Елены, появились Качалов и Данило Битяговский, ударили кормилицу палкой, чтобы ошеломить ее, и в то же мгно-

вение перерезали царевичу горло, а сами стали громко кричать... Прибежала царица, схватила царевича на руки... он умер. Царица велела ударить в набат, сбежался народ; царица с воплем кричала, что царевича зарезали, указывала на убийц... народ в остервенении побил камнями тех, на кого она указала.

Из этого рассказа видно, что свидетелей убийства, собственно, не было. Сама кормилица не могла прямо сказать, что видела, как его зарезали; она могла только возбудить подозрение рассказом о том, как ее ударили. За то кормилицу, вместе с ее мужем, приказано было взять «бережно», наблюдая, чтобы они с дороги не убежали, и привезти в Москву. Неизвестно, куда делась эта несчастная супружеская чета.

Остается неизвестным, в какой степени с согласия Бориса убийцы совершили это дело: был ли им дан положительный намек, или же, быть может, они сами поняли, что если ловко обделают это дело, то Борис сумеет их наградить, не сказавши, за что он награждает. Им не удалось получить награды; Борис только облагодетельствовал их семейства.

Вскоре после смерти царевича, 23 мая, на праздник Троицы, во время отсутствия царя, уехавшего в Сергиев монастырь, вспыхнул в Москве пожар, обративший в пепел значительную часть Белого города. Борис тотчас начал раздавать пособие погоревшим и за собственный счет отстраивал целые улицы. Несмотря на такую щедрость, в народе ходили слухи, что пожар произведен был людьми Годунова, по его

приказанию, для того, чтобы отвлечь внимание столицы от совершенного убийства. Годунов, со своей стороны, обвинял в поджигательстве людей Нагих.

Менее чем два месяца спустя, столица испытала новую тревогу. Крымский хан Казы-Гирей долго обманывал Москву, уверял, что будет посылать татар на Литву, а на Москву не пошлет, и вдруг неожиданно бросился с громадною силою в русские пределы. Тогда ожидали разрыва со Швецией и сосредотачивали военные силы на севере. Хан так скоро очутился на Оке, что русские думали только о защите столицы. Осторожный Борис не взял на себя главного начальства над войском, оборонявшим Москву, а поручил его князю Федору Мстиславскому, сам же занял после него второе место. 4-го июля хан подошел к селу Коломенскому; русские стояли в обозе. Татары побились с русскими и потеряли несколько мурз. Хан ввечеру приблизился к селу Воробьеву и смотрел с вершины горы на Москву. Годунов приказал без умолку палить из пушек, а русские пленники сказали хану, что в Москве стреляют от радости, потому что туда пришли новые силы из Новгорода и других мест, и готовы на другой день утром ударить на хана. Хан немедленно бежал со всеми своими силами. Мстиславский и Годунов погнались за неприятелем, разбили его отставшие полчища близ Тулы, но хана не могли нагнать. Он ускакал в простой телеге в Бакчисарай, растерявши по дороге множество своих воинов.

Хотя Годунов, ожидая хана, сдал главное начальство

Мстиславскому, но этот последний получил от имени царя выговор за то, что в своем донесении не упомянул имени Бориса. Вся честь победы должна была приписываться Борису: об этом велено было рассказывать и на чужих землях. Борис принял тогда титул «слуги», который, по тогдашнему придворному обычаю, давался за важные победы. В память спасения Москвы заложен был монастырь, названный Донским, от имени иконы Богородицы, находившейся с Димитрием на Куликовом поле; она же была и с Годуновым при защите Москвы от Казы-Гирея.

Тогда, – говорит современное повествование, – писатели сплетали безмерные, несказанные похвалы правлению Бориса, желая угодить ему и расположить к себе. Люди хоть и видели, что все это ложь, но не смели не только ничего сделать, но даже чего-нибудь помыслить против Годунова. Он отнял у всех власть и всех держал в страхе. В Алексине начали ходить толки, что Борис сам навел хана, чтобы отвлечь русских от убийства Димитрия. Годунов тотчас приказал разыскать злословивших его, предавать пыткам, заключать в темницы, резать языки, но действовал так, как будто бы все это шло не от него. Случится, – говорит то же повествование, – что кого-нибудь надобно казнить, тогда писали: «Приговорили князь Федор Мстиславский с товарищи», а если кого-нибудь жаловали или прощали, то писали: «Пожаловал царь по прошению Бориса Федоровича».

В следующем, 1592 году, у царя Федора родилась дочь Фе-

одосия. Борис показывал вид радости, именем царя выпускал из темниц узников, раздавал милостыню духовенству, но никто не верил его искренности, и когда через несколько месяцев маленькая царица умерла, в народе пошла толка, что Борис отправил ее на тот свет.

Борис, однако, делал свое дело и приобретал себе всеми мерами сторонников. Уже он заручился расположением духовенства. Тарханы, уничтоженные соборным приговором, оставались в прежней силе и постоянно давались новые. Духовенство видело, что Борис защищает его материальные выгоды; нужно было Борису также расположить к себе служилых людей. И вот Борис издал закон, уничтожавший Юрьев день – право перехода крестьян с земли одного владельца на землю другого. Все крестьяне обязаны были навсегда оставаться в повиновении своим помещикам и вотчинникам. Этим законом Борис до чрезвычайности угождал всей массе незнатных землевладельцев, обязанных службою и постоянно нуждавшихся в рабочих руках для достижения средств благосостояния и для исправности на службе. Надо заметить, что к этому располагало еще и следующее обстоятельство. С открытием Сибири, с занятием земель на юге Московского государства последовало движение народа на новоселье. Пустели целые посады и волости. Один англичанин, проехавший от Вологды до Ярославля, видел по дороге до пятидесяти деревень, оставленных жителями. Если не поставить пределов такому движению, то предстояла

опасность, что середина государства лишится большей части своего населения, а оставшиеся не в состоянии будут нести налогов и придут в нищету. Притом же льготы, предоставленные имениям монастырским и владычным, естественно приманивали туда крестьян от служилых землевладельцев. Борис нуждался в опоре со стороны духовенства и потому не решался огорчить его действительным отнятием у него привилегий, но, с другой стороны, он нуждался также в расположении служилого сословия. Борис прибегнул к уничтожению крестьянского перехода, мере, которая, удовлетворяя выгодам служилого сословия, вместе с тем казалась выгодною для государства. Что касается до бояр, владевших большими вотчинами, то мера эта не представляла для них на первых порах особенных выгод, так как они имели возможность давать крестьянам большие льготы и тем приманивать их к себе.

Но мера эта не по душе была народу, и с этих пор, вместо законно переходивших от владельца к владельцу крестьян, явились беглые, и число их усиливалось с каждым годом. Владельцы преследовали их, искали на них суда, заводили тяжбы, требовали возвращения крестьян; а те из крестьян, которые были поудалее, бежали в казаки или же умножали собою разбойничьи шайки. Сам Борис, стараясь удержать народонаселение в середине государства, нуждался, однако, и в расширении его на окраинах. Нашествие крымского хана убеждало его в необходимости умножать число городов

на юге и населять ратными людьми. Таким образом, в конце 1593 года, Борис построил крепости вниз по реке Осколу: Белгород, Оскол, Валуйки. Хан Казы-Гирей, испытавши неудачу под Москвой, в 1594 году заключил мир и дал шертную грамоту, обещаясь не беспокоить русских пределов, но этот мир был куплен: русские заплатили 10000 рублей и одарили хана тканями и мехами, – такой мир был непрочен, потому что крымцы дружили до тех пор, пока брали подарки, а переставши получать, считали разорительные набеги лучшим средством заставить платить им снова. Чтобы обуздать крымского хана, Борис отправлял посольство в Константинополь, просил султана запрещать татарам беспокоить русские пределы, уверял, что русский государь питает любовь к султану и не слушает советов императора, папы, короля польского и короля испанского и персидского шаха, которые убеждают его идти войною на Турцию; но турецкий визирь с гордостью отвечал московскому послу, что Турция никого не боится, а если московский государь желает дружбы султана, то пусть отдаст ему Астрахань и Казань, отступится от грузинского царя, который есть подданный султана, пусть, сверх того, сведет с Дона казаков. В Турции очень хорошо понимали лживость уверений в дружбе. Действительно, московское правительство называло перед турками казаков разбойниками, однако посылало к казакам воинские снаряды и готово было пользоваться их услугами против мусульман. С императором велись несколько лет сношения: главным пред-

метом были переговоры насчет предполагаемой войны с турками. Сношения эти ничем не кончились, кроме подарков с обеих сторон, довольно значительных, так что однажды со стороны русских было послано на воинские издержки мехов на 44000 рублей. Столько же бесплодны были сношения с персидским шахом Аббасом; толковали о том, что следует русским сообща с персиянами воевать против турок, но ни те, ни другие ничего не предпринимали. Также мало имели значения два посольства папы Климента VIII, дважды отправлявшего в Москву своего легата Комулея с целью убедить московского царя действовать против турок, а вместе с тем поговорить и о соединении церквей. Более искренни со стороны Бориса были сношения с Англией, в особенности, когда не стало дьяка Андрея Щелкалова: хотя последний был всегда во всем заодно с Борисом, но по отношению к англичанам не питал того расположения, какое оказывал к ним Годунов. Замечательно, что Елизавета до того дорожила добрым расположением к себе московского правительства, даровавшего купцам такие выгоды, что подвергла запрещению книгу Флетчера о русском государстве, где представлен в черном виде государственный строй и сам Борис является не в выгодном свете.

Всякое общественное бедствие и всякое общественное предприятие давали Борису повод показывать свою заботливость о судьбе народа. В Москве в 1595 году случился пожар в Китай-Городе, и Борис способствовал скорейшему возоб-

новлению сторевших дворов; вслед за тем открылось покушение зажечь Москву, и Борис, к удовольствию народа, предал казни виновных. Происходили пожары и в других городах и там Борис подавал помощь погоревшим. В некоторых местах были неурожаи: Борис посылал туда хлебные запасы. Посетило Русь также нередкое в ее истории бедствие – заразные болезни, сильно опустошавшие тогда Псков; Борис учреждал заставы, чтобы не дать им распространиться в других областях. В 1596 г. задумал Борис строить каменные стены в Смоленске и, вместо того, чтобы, по обычаю, гонять людей на городовое дело, устроил работы наймом. Он сам отправился на место постройки, чтобы показать себя тамошним жителям: они находились близко к литовским пределам; у них еще свежо было предание, что их деды принадлежали Литве; им особенно полезно было показать, что в Москве правительство доброе и вперед можно ожидать от него всякого добра. Борис останавливался в городах и селах, с участием выслушивал челобитные, поил, кормил тамошних людей, раздавал бедным милостыню.

Но более всего Борис, кроме духовенства, рассчитывал на служилое сословие и в этих видах, в 1597 году, подтвердил закон о прикреплении крестьян к земле, установил, чтобы все, убежавшие из поместий и вотчин в течение предшествовавших пяти лет, были отыскиваемы и возвращаемы к повиновению помещикам и вотчинникам; сверх того, он узаконил, чтобы все те, которые прослужили и прослужат у гос-

под не менее полугода, делались через то самое их вечными холопами и были записаны в книги посольского приказа. Такое узаконение, конечно, было приятно для служилых, нуждавшихся в рабочих руках, но не могло быть приятным для народа, из которого множество лиц, не ждавши, не ведавши, вдруг очутились в рабстве. Много было обязанных Борису и готовых стоять за него ради собственных интересов, но мало было истинно любивших его. Все щедроты и благодеяния правителя толковались в дурную сторону, а злые языки беспрестанно приписывали ему новые злодеяния. Слеп Симеон Бекбулатович, которого некогда Грозный сделал на время игрушечным русским государем: распространился слух, будто Борис испортил его посредством волшебного питья.

Царь Федор Иванович был чужд всего, соответственно своему малоумию. Вставал он в четыре часа, приходил к нему духовник со святою водою и с иконою того святого, чья память праздновалась в настоящий день. Царь читал вслух молитвы, потом шел к царице, которая жила особо, вместе с нею ходил к заутрене, потом садился в кресло и принимал близких лиц, особенно же монахов; в 9 часов утра шел к обеду, в одиннадцать часов обедал, потом спал, потом ходил к вечерне, иногда же перед вечернею в баню. После вечерни царь до ночи проводил время в забавах: ему пели песни, сказывали сказки, шуты потешали его кривляньями. Федор очень любил колокольный звон и сам иногда хаживал звонить на колокольню. Часто он совершал благочести-

вые путешествия, ходил пешком по московским монастырям, посещал, вместе с царицею, Троицкую обитель, монастырь Пафнутия Боровского и другие. Но кроме таких благочестивых наклонностей, Федор показывал и другие, напоминавшие нрав родителя: он любил смотреть на кулачные бои и на битвы людей с медведями. Челобитчики, обращавшиеся к нему, не видели от него участия; «избегая мирской суеты и докуки», он отсылал их к Борису. Царица Ирина от своего имени иногда давала милостивые повеления и в день своего ангела выпускала узников из темниц. Слабоумие Федора не внушало, однако, к нему презрения: по народному воззрению, малоумные считались безгрешными и потому назывались «блаженными». Монахи восхваляли благочестие и святую жизнь царя Федора; ему заживо приписывали дар прозрения и прорицания: рассказывали, между прочим, что во время нападения Казы-Гирея на Москву блаженный царь молился и предрек бегство крымцев. Болезненность склонила его к преждевременной смерти. Он скончался 7 января 1598 года, на сорок первом году своей жизни.

Борис объявил, что умерший царь передал державу свою царице Ирине и поручил «строить свою душу» патриарху Иову и с ним шурина своему Борису и двоюродному брату Федору Никитичу Романову-Юрьеву.

Это была неслыханная новость: никогда еще женщина не царствовала самобытно, не будучи опекуншею детей; при том жена после мужа не могла быть преемницею ни по како-

му праву. Но права престолонаследия уже не существовало. Еще Иван III своими речами и поступками показал, что государь может отдавать свое государство кому захочет. Грозный приучил не рассуждать ни о каких правах. Единственное, что сохранилось еще в воззрении народа – это воля земли, которую призывал Иван Грозный для освящения своей опричнины и в которой оказалась необходимость для утверждения Федора на престоле. Ирине муж при смерти передал державу, но Ирина имела только временное значение правительницы государства, пока не установится выбор всей землей. Через девять дней Ирина постриглась в Новодевичьем монастыре.

Тогда собрались бояре и постановили, что правление остается в руках бояр. Созвали народ целовать крест боярской думе, но созванная толпа состояла в большинстве из доброжелателей Бориса. Они закричали, чтобы царем был Борис.

Иов тотчас воспользовался этим и стал говорить, что следует идти просить Бориса принять царство.

Духовенство было с ним заодно, толпа служилых одобрила предложение; между боярами были родственники и сторонники Годунова, его воцарение обещало им выгоды и почести: Шуйским, Мстиславскому, Романовым, Черкасским не по сердцу оно было, но они не в силах были противостать общему желанию. Все отправились в Новодевичий монастырь, где находился Борис с сестрой, которая уже при-

няла имя инокини Александры. Борис показывал вид, будто весь погрузился в богомыслие.

Патриарх просил сначала бывшую царицу благословить на царство брата своего, потом обратился к Борису и говорил:

«Будь нам милосердным государем, царем и великим князем, не дай в пограние православной веры и в расхищение христиан православных». Борис на это отвечал:

«И в разум мне никогда не приходило и в мысли того не будет, чтобы мне царствовать; как можно, чтобы я помыслил на такую высоту! Да теперь нам время помышлять, как бы устроить праведную и беспорочную душу государя царя и великого князя Федора Ивановича, а о государстве и земских делах радеть и промыслять тебе, отцу святейшему патриарху и боярам вместе с тобой. А если моя работа пригодится, так я рад голову положить за Святые Божии церкви и за одну пядь земли».

Патриарх приводил ему примеры из Ветхого Завета и византийской истории, когда лица не царского происхождения приобретали славу своими заслугами и были избираемы на царство. Но Борис не поддался риторике и силе исторических примеров и отказывался.

Патриарх еще устраивал такие же путешествия, и для большей наглядности служилые, расположенные к Борису, взяли с собой жен и детей. Но и это не помогло. Борис говорил, что думает о спасении души, а не о земном величии.

Тогда патриарх сказал народу, что надобно подождать окончания сорокоуста: Борис Федорович со своим обычным благочестием весь предался молитве за своего благодетеля, царя Федора Ивановича, а тем временем надобно созвать земский собор из людей всякого чина; когда всей землей начнут его просить – он не дерзнет противиться.

Пособники Борисовы поехали по городам содействовать, чтобы в Москву съехались такие люди, которые благоприятствуют Борису. К началу масленицы собрались в Москве выборные люди.

Собор этот устроен был заранее в видах Бориса. Всех членов было 474 человека, из них 99 было из духовного звания, а 272 из служилых, из которых 119 небогатых помещиков, всем обязанных Борису; на долю собственно народа приходилось немного: из них надобно отнести к сторонникам Годунова гостей, связанных с ним интересами торговли, так как, владея большими имениями, он продавал им свои произведения. В числе собравшихся были, однако, и недоброжелатели Бориса, да ничего не могли они сделать, им даже и говорить не дали.

17 февраля в первый раз собрались выборные люди в Кремле. Патриарх, спросивши их, кому быть в государстве царем, не дождался от них ответа, не допустил их ни рассуждать, ни спорить, а сказал, что у патриарха, у всего духовенства, у бояр, дворян, приказных и служилых людей и у всех православных христиан, которые были в Москве прежде, од-

на мысль: молить Бориса Федоровича, чтобы он был на царстве, и не хотеть иного государя. Сторонники Бориса стали тотчас восхвалять его добродетели, а патриарх затем объявил: кто захочет искать иного государя, кроме Бориса Федоровича, того предадут проклятию и отдадут на кару градскому суду.

После такого заявления никто не посмел и заикнуться против воли патриарха.

Патриарх назначил три дня молиться, поститься, а на четвертый день, 20 февраля, в понедельник на сырной неделе, двинулся со всеми выборными людьми в Новодевичий монастырь. За выборными людьми пошла громада московской черни: мужчины, женщины, дети. Пособники Бориса ходили между чернью и объявляли, что, кто не пойдет просить Бориса на царство, с того возьмут пени два рубля. Борис вышел и наотрез сказал, что не помышляет о высоте царства. Тогда, возвратившись в Кремль, патриарх объявил, что нужно вновь на другой день просить Бориса Федоровича и нести к нему икону Богородицы из Вознесенского монастыря. «Если Борис Федорович не согласится, – говорил патриарх, – то мы со всем освященным собором отлучим его от церкви Божьей, от причастия Св. Тайн, сами снимем с себя святительские саны и за ослушание Бориса Федоровича не будет в церквах литургии, и учинится святыня в поправии, христианство в разорении, и воздвигнется междоусобная брань, и все это взыщет Бог на Борисе Федоровиче».

Во вторник, 21 февраля, зазвонили во всех московских церквях и народ, вслед за патриархом, огромной толпой двинулся к Новодевичьему монастырю. Борис вышел навстречу чудотворной иконе и поклонился до земли. «Не мы сей подвиг сотворили, – говорил патриарх, – а Пречистая Богородица с Предвечным Младенцем и святыми чудотворцами возлюбила тебя и изволила прийти напомнить тебе волю Сына своего Бога нашего; повинись Его святой воле, не наведи на себя своим ослушанием гнева Божия».

Борис ушел к сестре в келью; патриарх отслужил обедню, потом пошел в келью с несколькими боярами, приверженцами Бориса. Толпа стояла на дворе кругом кельи. Бояре из окон кельи давали знак приставам, а приставы заставляли народ кланяться, вопить и плакать. Здесь было много женщин с младенцами. Многие москвичи из раболепства и страха, за недостатком слез, мочили глаза слюнями, а тех, которые неохотно вопили и кланялись, Борисовы пособники поуждали в спину пинками. «И они, – говорит летописец, – хоть не хотели, а поневоле выли по-волчьи». Патриарх, истощивши старания тронуть сердце Бориса зрелищем плачущего русского народа, стал, наконец, грозить ему, что он принесет Богу ответ, если в безго-сударное время будет в попра-нье святая вера и православные христиане в расхищении от иноземцев.

Инокиня Александра стала уговаривать Бориса. «Неужели, – сказал он, – и тебе, моей государыне, угодно возложить

на меня такое невыносимое бремя, о котором у меня никогда и на мысли не было и на разум не приходило».

«Это Божье дело, а не человеческое, – сказала Александра, – как будет воля Божья, так и твори».

Тогда Борис с видом скорби залился слезами и подняв глаза к небу, сказал: «Господи Боже мой, я твой раб, да будет воля твоя!»

Патриарх благословил Бориса, сестру и жену его, затем вышел к народу и провозгласил: «Борис Федорович нас пожаловал, хочет быть на великом российском царствии». – «Слава Богу», – кричали все, а приставы толкали людей, чтобы те кричали погромче и повеселее.

26 февраля Борис прибыл в Москву, поклонился святыне, а потом опять уехал в Новодевичий монастырь, как будто на постный подвиг, и не прежде прибыл в столицу, как после Пасхи. Венчание на царство происходило 1 сентября. Тогда Борис сказал громко патриарху: «Бог свидетель, отче, в моем царстве не будет нищих и бедных». Затем, взявшись за воротник рубашки, он прибавил: «И эту последнюю разделю со всеми!»

Борис рассчитал, что нужно на первых порах расположить к себе народ, приучить любить себя и повиноваться себе. С этой целью он освободил весь сельский народ от податей на один год, а равно и всех инородцев от платежа ясака. Всем торговым людям Борис дал право беспошлинной торговли на два года, служилым людям выдал одновременно годовое

жалованье. В Новгороде (и быть может, в других местах) он закрыл кабаки. Выказываясь блюстителем нравственности, Борис преследовал бесчинное пьянство, что нравилось добронравным людям. Сидевшие в тюрьмах получали свободу, опальным прежнего царствования давалось прощение; вдовы, сироты, нуждающиеся получали от щедрот царя вспоможение. Борис непрестанно кормил и одевал неимущих. Казней не было. Борис даже воров и разбойников не наказывал смертью. Но все это была только мишура. Все благие стремления Бориса клонились только к одной цели – утвердить себя и род свой на престоле; он сочинил особую молитву о своем здравии, которую заставлял всех подданных непременно произносить во время заздравных чаш. Борису хотелось, чтобы русские во что бы то ни стало и какими бы то ни было путями привыкли к нему и полюбили его. Цель мало достигалась. Только духовенство и служилые были действительно за Бориса; народ не любил его. Законы о прикреплении к земле и о холопстве стали источниками смут и беспорядков. Крестьяне беспрестанно бегали от помещиков; те искали их, преследовали, возникали из-за них тяжбы. Закон о холопстве приводил ко всевозможным насилиям. Не только прослужившие шесть месяцев попадали в рабство; иногда судья, в угоду богатому, приговаривал к холопству и такого, который несколько дней прослужит у господина, и это делалось на том основании, что господин на него издержался. Призуют мастерового работать в дом, а господин дома изъевит

притязание, что он его холоп. Начнется суд, судья потекает господину, взявши с него взятку. Иного зазовут в гости, обласкают, покормят, а потом вымучат у него кабалу. Даже детей боярских, которые имели поместья и поступали к боярам и к богатым дворянам служить в ратном деле, сильные господа при случае принуждением обращали в холопов. Хватали иногда прохожих по дороге, затаскивали в дом и вымогали с них кабалу муками и насилиями. Богатый на бедняка подает иск, и бедняка присуждают в рабство богатому. Зато ловкие пройдохи пользовались обстоятельствами – продадут себя в одном доме, проживут и обокрадут хозяина; бегут в иной дом или город и там сделают то же, перейдут к третьим и т.д. Таким образом, между господами и холопами была круговая порука – то господин обращает насильно свободного человека в холопа, то последний, сделавшись добровольно холопом, разоряет господина.

Но минули льготные годы, возобновились кабаки, пьянство опять сделалось источником казенных доходов и причиной народного развращения. И вот в то время, когда Борис рассыпал свои щедроты, по дорогам нападали на проезжих, разбойничьи шайки умножались и увеличивались, и в самой Москве, стоило выйти ночью со двора, можно было опасаться, что кто-нибудь свистнет кистенем в голову. Каждое утро привозили в земский приказ убитых и ограбленных на улицах.

По отношению к соседям Борис держался прежней сво-

ей политики: сохранять сколько возможно мир, хотя при случае не гнушался и коварством. Польско-литовский посол Лев Сапега предлагал дружески тесный оборонительный союз Москвы с Польшей. Но это намерение не состоялось, потому что русские ни за что не хотели дозволить постройку костелов для поляков в своем государстве. Заключено было только перемирие на двадцать лет. Борис, вопреки этому перемирию, думал исподтишка возбудить ливонцев против поляков, он хотел расположить их, между прочим, тем, что освободил всех бывших в плену ливонцев и пораздавал им поместья. Как бы в досаду Сигизмунду, Борис принял к себе Густава, изгнанного сына Эрика XIV, дал ему в удел Калугу, хотел женить на своей дочери, а потом, рассердившись на него за то, что он не хотел расстаться со своей любовницей, сослал его в Углич. С Елизаветой Борис продолжал находиться в самых приятных отношениях, но, предоставляя право беспошлинной торговли для англичан, сбавил, однако, наполовину пошлины и с ганзейских торговцев. Папа обращался к Борису с просьбой о пропуске его послов в Персию, и Борис велел дать им суда до Астрахани. Борис вел сношения с тосканским герцогом и просил доставить ему искусных медиков и разных художников. С крымским ханом подтвержден был мирный договор. Только дела в Закавказье шли неудачно. Кахетинский царь Александр, поддавшийся Москве, был умерщвлен сыном своим Константином. Русские должны были оставить Кахетию. Турки вытеснили рус-

ских из Тарков с большой потерей для последних.

Никто из прежних московских царей не отличался такой благосклонностью к иностранцам, как Борис. Он пригласил на свою службу ливонских немцев, принимал также к себе иностранцев, приезжавших из Германии, Швеции, Франции, составил особый отдел войска из иноземцев, дал всем ливонцам, поселенным еще при Грозном в Москве, льготы от податей и повинностей, а для некоторых из них предоставил право беспошлинной торговли, позволил построить в немецкой слободе протестантскую церковь, пригласил к себе несколько иностранных врачей и аптекарей, впрочем, для собственного обихода: запрещая лечить кого бы то ни было иначе, как с царского дозволения. Иностранцы, довольные обхождением с ними Бориса, говорят, что он даже помышлял выписывать из-за границы ученых людей и заводить в Москве высшую школу, но духовенство воспротивилось этому. Борис ограничился тем, что отправил учиться в Англию четырех русских дворян: это были первые русские, поехавшие для образования за границу; замечательно, что никто из них не захотел вернуться домой. Несколько позже Борис посылал еще несколько молодых людей для той же цели в Австрию и Германию. Эти поступки не дают, однако, права видеть в Борисе какого-то преобразователя и ревнителя народного просвещения, как некоторые полагали. Борису нужно было несколько образованных людей для своего придворного обихода: доказательством служит то, что Борис запрещал

своим иностранным медикам лечить подданных.

Воспитанный при дворе Грозного, сам будучи человеком лживым и хитрым, Борис был всегда подозрителен, недоверчив и окружал себя шпионами, но в первые годы его царствования ему не представлялось необходимости преследовать своих врагов, несмотря на то, что у него их было много. Пока Борису ничего не угрожало, он казался щедрым, добрым, снисходительным. Вдруг в конце 1600 года стал в народе ходить слух, что Димитрий царевич не убит, а спасенный друзьями, где-то проживает до сих пор. Этот слух доходил тогда до служившего в Борисовом войске француза Маржерета и, следовательно, должен был дойти до Бориса. С этих пор нрав Бориса изменяется, исчезает мягкосердечие. У него была одна цель – утвердить себя и свой род на престоле. Для этой цели он был некогда жестоким гонителем Шуйских и всех своих врагов, истребителем Углича; для этой цели он сделался добродушным и милосердным, для той же цели ему опять приходилось сделаться мрачным и свирепым, потому что кроткие средства, по-видимому, не удавались. Из слуха о Димитрии он понял, что у него есть опасные враги, а у этих врагов может быть страшное орудие. Надобно было, во что бы то ни стало, найти это орудие, истребить своих врагов, или же приходилось потерять плоды трудов всей жизни. Его положение было таково, что он не посмел разглашать, чего он ищет, что преследует, какого рода измены страшится. Заикнуться о Димитрии, – значило вызывать на свет ужас-

ный призрак. Притом Борис не мог быть вполне уверен, что Димитрия точно нет на свете. Оставалось хватать всех, кого можно было подозревать в нерасположении к воцарившемуся государю, пытаться, мучить, чтобы случайно напасть на след желаемой тайны. Так и поступал Борис.

Он попал на Богдана Бельского: этот человек был ближе всех к Димитрию. Сосланный при воцарении Федора, он через несколько лет был возвращен и вел себя очень сдержанно. Борис всегда считал его для себя опасным, а потому удалил из Москвы, поручив ему строить в украинских степях город Царев-Борисов. Бельский зажил там богато и содержал за свой счет ратных людей. Когда разнесся слух о Димитрии, Борис придрался к Бельскому за то, что последний, как доносили царю, произнес под веселый час такие неосторожные слова: «Царь Борис в Москве царь, а я в Цареве-Борисове!» Бельского привезли в Москву, а потом сослали куда-то в низовскую землю. Говорят даже, что Борис приказал ему выщипать его черную густую бороду, которой он щеголял. С ним вместе ссылка постигла и других лиц.

След Димитрия не был отыскан. Борис принялся за бояр Романовых. Этот род был самый близкий к прежней династии, они были двоюродными братьями покойного царя Федора. Романовы не были расположены к Борису. Борис мог подозревать Романовых, когда ему приходилось отыскивать тайных врагов. По известиям летописей, Борис придрался к Романовым по поводу доноса одного из их холопов, будто

они посредством кореньев хотят извести царя и добыть «ведовством» (колдовством) царство. Четырех братьев Романовых – Александра, Василия, Ивана и Михаила разослали по отдаленным местам в тяжелое заключение, а пятого Федора, который, как кажется, был умнее всех их, насильно постригли под именем Филарета в монастыре Антония Сийского. Затем сослали их свойственников и приятелей – Черкасского, Сицкого, Репниных, Карповых, Шестуновых, Пушкиных и других. Ссылка постигла даже дьяка Василия Щелкалова, несмотря на прежнюю к нему милость и дружбу Бориса с его братом Андреем. Поместья и вотчины сосланных отбирались в казну, имущество продавалось, доносчики получали награды. Шпионство развилось до крайних пределов. По московским улицам, – говорят современники, – «то и дело сновали мерзавцы, да подслушивали», и чуть только кто заведет речь о царе, о государственных делах, сейчас говоруннов хватают – и в пытку... Где только люди соберутся, там являются соглядатаи и доносчики. Все пустилось на доносы, потому что это было выгодно. Доносили друг на друга попы, дьяконы, чернецы, черницы, жены на мужей, отцы на детей; бояре и боярыни доносили одни на других: первые царю, вторые царице. У холопов вошло в обычай составлять на господ доносы, и чуть извет казался правдоподобным, господ поражала опала, а холопам давали свободу, записывали в число служилых, наделяли поместьями. Случалось и напротив, что холопы стояли за своих опальных господ и хо-

тели оправдать их. Таких холопов предавали пыткам, и если они не выдерживали горячих угольев и кнута и путались в показаниях, то им резали языки. Вообще достаточно было одного обвинения в недоброжелательстве государю: подозреваемых тотчас подвергали пыткам, и если они под пыткой оказывались сколько-нибудь виновны, их заключали в темницы или отправляли в ссылку. Обыкновенно обвиняли опальных в ведовстве. Борис упорно скрывал то, что он действительно искал, но высказывал другого рода страх, чтобы его и семью его не испортили чарами, наговорами, зельями. Донесли Борису, что уже в Польше поговаривают, будто законный наследник прежних государей московских жив. Борис, не упоминая имени Димитрия, приказал поставить на западной границе караулы, всех задерживать и доносить ему. Так прошло несколько месяцев. Трудно было переезжать из города в город. Все знали, что ищут каких-то важных преступников, но никому не объявляли, кого ищут. По всему Московскому государству было схвачено и перемучено множество невинных людей, а того, кого нужно было Борису, не находили.

В эти тяжелые времена доносов и пыток постиг Русь страшный голод, довершивший подготовку к потрясениям. Уже в 1601 году, от дождливого лета и от ранних морозов произошел во многих местах неурожай: зимою в Москве цена хлеба дошла до пяти рублей за четверть. В следующем 1602 году был такой же неурожай. Тогда постигла Москов-

ское государство такая беда, какой, говорят современники, не помнили ни деды, ни прадеды. В одной Москве, куда стекались со всех сторон толпы нищих, погибали десятки тысяч, если верить русским и иностранным известиям. Бедняки ели собак, кошек, мышей, сено, солому и даже, а припадке бешенства, с голоду, пожирали друг друга. Вареное человеческое мясо продавалось на московских рынках. Дорожному человеку опасно было заехать на постоялый двор, потому что его могли зарезать и съесть. Тем не менее, современники свидетельствуют, что в то время не было на Руси недостатка в хлебе. В окрестностях Курска и на Северной земле урожаи были очень хороши. Около Владимира на Клязьме и в разных уездах украинских городов стояли полные одонья немолоченого хлеба прошлых годов. Но мало было людей, готовых жертвовать личными выгодами для общего дела. Напротив, большая часть старалась извлечь себе корысть из общего бедствия. Нередко зажиточный крестьянин выгонял на голодную смерть свою челядь и близких сродников, а запасы продавал дорогою ценою. Иной мужик-скряга боялся везти свое зерно на продажу, чтобы у него по дороге не отняли голодные, и зарывал его в землю, где оно сгнивало без пользы. Другому удавалось продать хлеб и взять огромные барыши, но потом он трясся над деньгами от страха, чтобы на него не напали. Московские торговцы заранее накупили множество хлеба и держали под замками в своих лабазах, рассчитывая продать тогда, когда цены подымутся донель-

зя. Борис преследовал их, велел отбирать у них хлеб и отдавать беднякам, а хозяевам выплачивал по умеренным ценам. Но посланные сталкивались с хлебопродавцами, иногда не показывали найденного у них хлеба, а иногда хлебопродавцы отдавали на продажу по установленной тогда цене гнилой хлеб. Сам Борис приказал отворить все свои житницы, продавать хлеб дешевле ходячей цены, а бедным раздавать деньги. Но на московской земле, по замечанию современников, должностные лица оказались плутами: они раздавали царские деньги своей родне, приятелям и тем, которые делились с ними барышами. Их сообщники, одевшись в лохмотья, приходили зауряд с нищими и получали деньги, а настоящих нищих разгоняли палками. Раздача милостыни продолжалась с месяц, потом Борис рассудил, что она только обогащает плутов, накапливает голодный народ в столице; может явиться зараза; притом подозрительный царь боялся большого стечения народа, чтоб не произошло бунта. Он запретил раздачу. Это было в такое время, когда весть о щедрости царя распространилась по отдаленным областям и в Москву шли отовсюду толпы народа за пропитанием: вдруг разразилось над ними прекращение раздачи милостыни. Многие погибали на дороге: голодные их собратия терзали их трупы наравне с волками и собаками. Борис, однако, не оставил народа совершенно без внимания, но вместо раздачи милостыни в Москве, посылал чиновников забирать немолоченый и молоченый хлеб у землевладельцев в разных

местах, покупать его по установленной правительством цене и доставлять в места, где был голод. Но посланные от царя лица брали с землевладельцев взятки и не показывали, что у них сохраняется хлеб. Притом же и доставка хлеба с одного места в другое была затруднительна, потому что голод разогнал ямщиков, трудно было доставать подводы и лошадей.

Современники говорят, будто в эти ужасные годы в одной Москве погибло до 127000 человек, погребенных в убогих домах (так назывались общие кладбища для бедных и также для найденных убитыми), не считая тех, которые были погребены у церквей.

Борис, однако, не хотел, чтобы весть о таком печальном положении народа в его государстве дошла за границу, и вообразил, что можно утаить его. Поэтому, когда, по окончании голода, в Москву приехали иноземные послы, то Борис приказал всем наряжаться в цветные платья, а беднякам запрещено было в своих лохмотьях являться на дорогу. Смертная казнь обещана была тому, кто станет рассказывать приезжим иноземцам о бедствиях Московского государства. Между тем в это время сам царь Борис перенес семейную невзгону. После удаления Густава, принца шведского, в Углич, Борис стал приискивать другого жениха своей дочери между иностранными принцами, и вот, брат короля датского Иоанн, в августе 1602 года, очень понравился Борису, но в октябре того же года умер от горячки. Борис и вся семья его тосковали по нем, а в народе стал носиться слух, будто сам

Борис отравил его из боязни, чтобы москвичи, полюбивши зятя Борисова, не избрали его царем вместо Борисова сына. Русские готовы были тогда всякое злодеяние приписать своему царю; ненависть к нему возрастала. Никто не любил его, дорожили им только те, которых соединяла с ним личная выгода, а главное – шпионы, которым он платил за их гнусное ремесло. Возникло в народе убеждение, что царствование Бориса не благословляется небом, потому что, достигнутое беззаконием, оно поддерживается неправдою; толковали, что если утвердится на престоле род Бориса, то не принесет русской земле счастья. Люди родовитые оскорблялись и тем, что на царском престоле сел потомок татарина. Становилось желательным, чтобы нашелся такой, который имел бы в глазах народа гораздо более прав перед Борисом. Таким лицом был именно Димитрий, сын прежнего государя. Мысль о том, что он жив и скоро явится отымать у Бориса похищенный престол, все более и более распространялась в народе, а суровые преследования со стороны Бориса скорее поддерживали ее, чем искореняли. И вот, в начале 1604 года, перехвачено было письмо, писанное одним иноземцем из Нарвы: в этом письме было сказано, что явился сын московского царя Ивана Васильевича, Димитрий, находится будто бы у казаков, и московскую землю скоро постигнет большое потрясение. Вслед за тем пришли в Москву люди, взятые в плен казаками под Саратовом и отпущенные на родину: они принесли весть, что казаки грозят скоро прийти в Москву с

царем Дмитрием Ивановичем.

Народ ожидал чего-то необычайного. Давно носились рассказы о разных видениях и предзнаменованиях. Ужасные бури вырывали с корнем деревья, опрокидывали колокольни. Там не ловилась рыба, тут не видно было птиц. Женщины и домашние животные производили на свет уродов. В Москву забегали волки и лисицы; на небе стали видеть по два солнца и по два месяца. Наконец, летом 1604 года явилась комета, и астролог немец предостерегал Бориса, что ему грозят важные перемены.

Царь Борис, услышавши, что в Польше явился какой-то человек, выдававший себя за Димитрия, начал с того, что под предлогом, что в Литве свирепствует какое-то поветрие, велел учредить на литовской границе крепкие заставы и не пропускать никого, ни из Литвы, ни в Литву, а внутри государства умножил шпионов, которые всюду прислушивались: не говорит ли кто о Димитрии, не ругает ли кто Бориса. Обвиненным резали языки, сажали их на колья, жгли на медленном огне и даже, по одному подозрению, засылали в Сибирь, где предавали тюремному заключению. Борис становился недоступным, не показывался народу. Просителей отгоняли пинками и толчками от дворцового крыльца, а начальные люди, зная, что до царя на них не дойдут жалобы, безнаказанно совершали разные насильства и увеличивали вражду народа к существующему правительству. Между тем в Москву давали знать, что в польской Украине под знаме-

нем Димитрия собирается ополчение и со дня на день нужно ждать вторжения в московские пределы, а в июле посланник немецкого императора сообщил от имени своего государя, по соседской дружбе, что в Польше проявился Димитрий и надобно принимать против него меры. Борис отвечал царскому посланнику, что Димитрия нет на свете, а в Польше явился какой-то обманщик, и царь его не боится. Однако, посоветовавшись с патриархом, царь находил, что нужно же объяснить и самим себе, и народу, кто такой этот обманщик. Стали думать и придумали, что это, должно быть, бежавший в 1602 году Григорий Отрепьев. Он был родом из галицких детей боярских, постригся в Чудовом монастыре и был крестовым дьяком (секретарем) у патриарха Иова. Стали распространять исподволь в народе слух, что явившийся в Польше обманщик – именно этот беглый Григорий Отрепьев, но не решались еще огласить об этом во всеуслышание. В сентябре послали в Польшу гонцом дядю Григория, Смирного-Отрепьева, и распространили в народе слух, что его посылают для обличения племянника, но на самом деле послали его с грамотой о пограничных недоразумениях и не дали никакого поручения о том человеке, который назывался Димитрием. Царь Борис, вероятно, рассчитывал, что лучше помедлить с решительным заявлением об Отрепьеве, так как сам не был уверен в его тождестве с названным Димитрием. Он приказал привезти мать Димитрия и тайно допрашивал ее: жив ли ее сын или нет? «Я не знаю», – от-

ветила Марфа. Тогда царица, жена Бориса, пришла в такую ярость, что швырнула Марфе горящую свечу в лицо. «Мне говорили, – сказала Марфа, – что сына моего тайно увезли без моего ведома, а те, что так говорили, уже умерли». Рассерженный Борис велел ее отвезти в заключение и содержать с большой строгостью. Между тем, 16 октября, названный Димитрий с толпой поляков и казаков вступил в Московское государство. Города сдавались ему один за другим. Служилые люди переходили к нему на службу. В ноябре он осадил Новгород-Северск, но был отбит посланным туда воеводой Басмановым. После того царь выслал против Димитрия войско под главным начальством Федора Мстиславского. Это войско 20 декабря потерпело неудачу. Долее скрываться перед народом было невозможно. Послушный Борису патриарх Иов взялся объяснить русской земле запутанное дело. Первопрестольник русской церкви, покрывая благоразумным молчанием вопрос о том, как не стало Димитрия, уверял в своей грамоте народ, что называющий себя цареви-чем Димитрием есть беглый монах Гришка Отрепьев; патриарх ссылался на свидетельство трех бродяг: чернеца Пимена, какого-то Венедикта и ярославского посадского человека иконника Степана; первый провожал Отрепьева вместе с товарищами: Варлаамом и Мисаилом в Литву; а последние два видели его в Киеве и знают, что Гришка потом назвался цареви-чем. Патриарх извещал, что он с освященным собором проклял Гришку и всех его соучастников, повелевал во всех

церквах предавать анафеме его и с ним всех тех, кто станет называть его Димитрием. Вслед за тем, в феврале 1605 года, из Москвы отправили в Польшу гонца Постника Огарева уже с явным требованием выдачи «вора». Борис заявлял королю и всей Польше, что называющий себя Димитрием – есть ни кто другой, как Гришка Отрепьев. На сейме в то время Ян Замойский сильно осуждал Мнишка и Вишневецких, подавших помощь претенденту, говорил, что со стороны короля поддерживать его и из-за него нарушать мир с московским государем бесчестно, доказывал, что называющему себя Димитрию верить не следует. «Этот Димитрий называет себя сыном царя Ивана, – говорил Замойский. – Об этом сыне у нас был слух, что его умертвили. Он же говорит, что на место его умертвили другого! Помилуйте, что это за Плавтова или Теренцева комедия? Возможное ли дело: приказали убить кого-то, да притом наследника, и не посмотрели, кого убили! Так можно зарезать только козла или барана! Да если бы пришлось возводить кого-нибудь на московский престол, то и кроме Димитрия есть законные наследники – дом Владимирских князей: право наследства приходится на дом Шуйских. Это видно из русских летописей». Большинство панов также нерасположено было поддерживать Димитрия, но как его уже не было в Польше, то царский гонец получил такой ответ, что этого человека легче всего достать в Московском государстве, чем в польских владениях.

Ни патриаршая грамота, ни обряд проклятия не распо-

жили к Борису народного сердца. Московские люди считали все уверения патриарха ложью. «Борис, – говорили они, – поневоле должен делать так, как делает, а то ведь ему придется не только от царства отступить, но и жизнь потерять». Насчет проклятия говорили: «Пусть, пусть проклинают Гришку! От этого царевичу ничего не станет. Царевич – Димитрий, а не Гришка». Борисовы шпионы продолжали подслушивать речи, и не проходило дня, чтобы в Москве не мучили людей кнутом, железом и огнем.

21 января 1605 года Борисово войско под начальством Мстиславского и Шуйского одержало верх над Димитрием и сам Димитрий ушел в Путивль. Борис был очень доволен, щедро наградил своих воевод, особенно ласкал Басманова за его упорную защиту Новгород-Северска; но народ, услышавши о неудаче названного Димитрия, пришел в уныние. Борис вскоре понял, что сила его врага заключается не в той военной силе, с которой этот враг вступил в государство, а в готовности и народа, и войска в Московском государстве перейти при первом случае на его сторону, так как все легко поддавались уверенности, что он настоящий царевич. Когда Димитрий оставался в Путивле, украинные города Московского государства один за другим признавали его, а в Путивль со всех сторон приходили русские бить челом своему прирожденному государю. Имя Гришки Отрепьева возбуждало один смех. Сам Борис не мог поручиться, что враг его обманщик. Борис, обласкавши Басманова, уверял его, что

названный Димитрий обманщик, и сулил ему золотые горы, если он достанет злодея. Говорят, Борис даже обещал выдать за Басманова дочь свою и дать за нею в приданое целые области. Басманов сказал об этом родственнику Бориса, Семёну Никитичу Годунову, а тот из зависти, что Борис слишком возвышает Басманова, выразил ему сомнение: не в самом ли деле этот Димитрий настоящий царевич? Слова эти запали в сердце Басманова; несмотря на все уверения Бориса, он стал склоняться к мысли, что соперник Бориса действительно Димитрий и рано или поздно возьмет верх над Борисом. Басманов не верил ни уверениям, ни обещаниям Бориса: он знал, что этот лживый человек способен давать обещания, а потом не сдержит их.

Борис был в страшном томлении, обращался к ворожеям, предсказателям, выслушивал от них двусмысленные прорицания, запирался и целыми днями сидел один, а сына посылал молиться по церквам. Казни и пытки не прекращались. Борис уже в близких себе лицах подозревал измену и не надеялся сладить с соперником военными силами; он решил попытаться тайным убийством избавиться от своего злодея. Попытка эта не удалась. Монахи, которых в марте подговорил Борис ехать в Путивль отравить названного Димитрия, попались с ядом в руки последнего. Неизвестно, дошла ли до Бориса об этом весть, но вскоре ему пришел конец.

13 апреля, в неделю мироносиц, царь встал здоровым и казался веселее обыкновенного. После обедни приготовлен

был праздничный стол в золотой палате. Борис ел с большим аппетитом и переполнил себе желудок. После обеда он пошел на вышку, с которой часто обозревал всю Москву. Но вскоре он поспешно сошел оттуда, говорил, что чувствует колотье и дурноту. Побежали за доктором; пока успел прийти доктор, царю стало хуже. У него выступила кровь из ушей и носа. Царь упал без чувств. Прибежал патриарх, за ним явилось духовенство. Кое-как успели причастить царя Св. Тайн, а потом совершили наскоро над полумертвым пострижение в схиму и нарекли Боголепом. Около трех часов пополудни Борис скончался. Целый день боялись объявить народу о смерти царя, огласили только на другой день и начали посылать народ в Кремль целовать крест на верность царице Марии и сыну ее Федору. Патриарх объявил, что Борис завещал им престол свой. Тотчас пошли рассказы, что Борис на вышке сам себя отравил ядом в припадке отчаяния. Этот слух распустили немцы, доктора Бориса. На следующий день останки его были погребены в Архангельском соборе между прочими властителями Московского государства.

Новый царь был шестнадцатилетний юноша, полный телом, бел, румян, черноглаз и, как говорят современники, «изучен всякого философского естествословия». Ему присягнули в Москве без ропота, но тут же говорили: «Не долго царствовать Борисовым детям! Вот Димитрий Иванович придет в Москву».

17 апреля отправился к войску, назначенный главным

предводителем его, Петр Федорович Басманов с князем Катыревым-Ростовским. Мстиславского и Шуйского отозвали в Москву. Басманову оказывали больше всех доверия. Но этот человек уже давно поколебался. Надобно было приводить к присяге войско. Для этого приехал новгородский митрополит Исидор с духовенством. Собрали войско произносить присягу сыну Бориса. Вдруг поднялся шум. Рязанские дворяне Ляпуновы первые закричали, что «знают одного законного государя Димитрия Ивановича». С ними заодно были все рязанцы: к ним пристали служилые люди всех украинских городов; наконец, имя Димитрия Ивановича заглушило имя Федора, и митрополит Исидор со своим духовенством обратился вспять. Басманов написал повинное письмо Димитрию и послал с гонцом, а сам собрал воевод: братьев Голицыных, Василия и Ивана, и Михаила Глебовича Салтыкова и объявил им, что признает Димитрия настоящим государем: «Все государство русское приложится к Димитрию, – говорил он, – и мы все-таки поневоле покоримся ему, и тогда будем у него последними; так лучше покоримся ему, пока время, по доброй воле и будем у него в чести». С ним согласились и Голицыны и Салтыков; но зазорно казалось некоторым из предводителей самим объявить об этом войску. Василий Голицын сказал Басманову: «Я присягал Борисову сыну; совесть зазрит переходить по доброй воле к Димитрию Ивановичу; а вы меня свяжите и ведите, как будто неволею». 7 мая Басманов собрал вторично войско и объявил, что при-

знает Димитрия законным наследником государей русской земли. Священники начали приводить к присяге на имя Димитрия Ивановича. Некоторые стали упрямыться, и их прогнали. Товарищ Басманова Катырев-Ростовский и князь Андрей Телятевский убежали в Москву.

В Москву пришло известие о переходе войска на сторону Димитрия. Несколько дней в столице господствовала глубокая тишина. На иностранцев она навела страх: они поняли, что это затишье подобно тому, какое бывает в природе перед сильной бурей. Годуновы сидели в кремлевских палатах и, по изветам доносчиков, которых подкупали деньгами, приказывали ловить и мучить распространителей Димитриевых грамот.

30 мая в Москве начался шум, суетня. Народ валил на улицы. Два каких-то молодца говорили, что видели за Серпуховскими воротами большую пыль. Разнеслась весть, что идет Димитрий. Москвичи спешили покупать хлеб-соль, чтобы встречать законного государя. Годуновы пришли в ужас, выслали из Кремля бояр узнать: что это значиг? Народ молчал. Но Димитрия не было. Обман открылся. Народ стал расходиться. Многие еще стояли толпой на Красной площади; какой-то боярин начал им говорить нравоучение и хвалить царя Федора. Народ молчал.

На другой день, 31 мая, по приказанию Годуновых стали взводить на кремлевские стены пушки; народ глядел на это с кривляньями и насмешками.

1 июня дворяне Плещеев и Пушкин привезли Димитриеву грамоту и остановились в Красном селе. Народ, узнавши об этом, подхватил гонцов и повез на Красную площадь. Ударили в колокола. Посланцев поставили на лобном месте. На Красной площади сделалась такая давка, что невозможно было протиснуться. Вышли было из Кремля думные люди и закричали: «Что это за сборище, берите воровских посланцев, ведите в Кремль!»

Народ отвечал неистовыми криками и приказывал читать грамоту. Димитрий извещал о своем спасении, прощал московским людям, что они по незнанию присягали Годуновым, припоминал всякие утеснения и насилия, причиненные народу Борисом Годуновым, обещал всем льготы и милости и приглашал прислать к нему посольство с челобитьем.

В толпе поднялось сильное смятение. Одни кричали: «Буди здрав царь Димитрий Иванович!» Другие говорили: «Да точно ли это Димитрий Иванович? Может быть, это не настоящий». Наконец раздались голоса: «Шуйского! Шуйского! Он разыскивал, когда царевича не стало. Пусть скажет по правде: точно ли похоронили царевича в Угличе?» Шуйского взвели на лобное место. Сделалась тишина. Шуйский громко сказал: «Борис послал убить Димитрия царевича; но царевича спасли; вместо него погребен попов сын».

Тогда вся толпа неистово заревела: «Долой Годуновых! Всех их искоренить! Нечего жалеть их, когда Борис не жалел законного наследника! Господь нам свет показал. Мы досе-

лева во тьме сидели. Буди здрав, Димитрий Иванович!»

Толпа без удержу бросилась в Кремль. Защищать Годуновых было некому. Стрельцы, стоявшие на карауле во дворце, отступились от них. Федор Борисович бежал в Грановитую палату и сел на престол. Мать и дочь стали подле него с образами. Но ворвался народ; царя стащили с престола. Мать униженно плакала и просила не предавать смерти ее детей. Годуновых отвезли на водовозных клячах в прежний Борисов дом и приставили к ним стражу. Тогда схватили и посадили в тюрьму всех родственников и сторонников Годуновых, опустошили их дома, ограбили также немецких докторов и перепились до бесчувствия, так что многие тут же лишились жизни.

От Москвы поехали к Димитрию выбранные люди: князь Иван Михайлович Воротынский и Андрей Телятевский с повинной грамотой, в которой приглашали законного царя на престол. Грамота была написана от лица всех сословий, а впереди всех поставлено было имя патриарха Иова. Невозможно решить: в какой степени участвовал в этом Иов; но по свержении Годуновых патриарх не удалялся и священнодействовал.

10 июня приехали в Москву князь Василий Голицын и князь Рубец-Масальский с приказанием устранить Годуновых и свести с престола патриарха Иова. Патриарха на простой тележке отвезли в Старицкий Богородицкий монастырь. Всех свойственников Годуновых отправили в ссылку

по разным городам. Говорят, что таким образом сослано было тогда 24 семейства. Наконец, Голицын и Рубец-Масальский поручили дворянам: Михайле Молчанову и Шеферединову, разделаться с семейством Бориса. Посланные взяли с собой троих дюжих стрельцов, вошли в дом и развели Годуновых по разным комнатам. Вдову Бориса удавили веревкой. Молодой Годунов, сильный от природы, стал было защищаться, но его ударили дубиной, а потом удавили. Царевна Ксения лишилась чувств и оставлена была живою на безотрадную жизнь.

Голицын и Масальский объявили народу, что Борисова вдова и сын отравили себя ядом. Тела их были выставлены напоказ. В заключение вынули из Архангельского собора гроб Бориса и зарыли в убогом монастыре Варсонофьевском (между Сретенкой и Рождественкой). Там же похоронили рядом с ним жену и сына без всяких обрядов, как самоубийц. Мы не знаем, действительно ли названный Димитрий приказал совершить это убийство, или же бояре без его приказа постарались услужить новому царю и сказали ему, что Годуновы сами лишили себя жизни, а он, хотя и понимал, как все сделалось, но показывал вид, что верит их рассказам о самоубийстве Годуновых.

Глава 24

Названный Димитрий

Первое появление личности, игравшей такую важную роль под именем царя Димитрия и оставшейся в нашей истории с именем первого самозванца, остается до сих пор темным. Есть много разноречивых сведений в источниках того времени, но нельзя остановиться ни на одном из них с полной уверенностью. Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что перед тем в польской Украине казаки, вместе с польскими удальцами, помогали уже нескольким самозванцам, стремившимся овладеть молдавским престолом. Так, в 1561 году некто грек Василид, с острова Крита, выдававший себя за племянника Самосского герцога Гераклида, с помощью украинской вольницы изгнал из Молдавии тирана Александра, овладел молдавским престолом, два года был признаваем за того, за кого себя выдавал, и погиб от возмущения, вспыхнувшего впоследствии за то, что он хотел вводить в Молдавии европейские обычаи и жениться на дочери одного польского пана, ревностного протестанта, что для молдаван казалось оскорблением религии. В 1574 году казаки помогали другому самозванцу Ивонии, который назвался сыном молдавского господаря, Стефана VII; а в 1577 году те же казаки выставили третьего самозванца Подкову, называвшегося братом Ивонии. Оба эти самозванца имели

успех, но только на короткое время. В 1591 году у казаков явился четвертый самозванец, которого они, однако, выдали полякам. В самом конце XVI века казаки стекались под знамена одного сербского искателя приключений Михаила, овладевшего Молдавией. Украинские удалыцы постоянно искали личности, около которой могли собраться; давать приют самозванцам и вообще помогать смелым искателям приключений у казаков сделалось как бы обычаем. Король Сигизмунд III, для обуздания казацких своевольств, наложил на казаков обязательство не принимать к себе разных «господарчиков». Когда на московской земле стал ходить слух, что царевич Димитрий жив, и этот слух дошел на Украину, ничего не могло быть естественнее, как явиться такому Димитрию. Представился удобный случай перенести на московскую землю украинское своевольство под тем знаменем, под которым оно привыкло разгуливать по молдавской земле.

Современные известия рассказывают, что молодой человек, назвавшийся впоследствии Димитрием, явился сначала в Киеве, в монашеской одежде, а потом жил и учился в Гоще, на Волыни. Были тогда два пана, Гавриил и Роман Гойские (отец и сын), ревностные последователи так называемой Арианской секты, которой основания состояли в следующем: признание единого Бога, но не Троицы, признание Иисуса Христа не Богом, а боговдохновенным человеком, иносказательное понимание христианских догматов

и таинств и вообще стремление поставить свободное мышление выше обязательной веры в невидимое и непостижимое. Гойские завели две школы с целью распространения арианского учения. Здесь молодой человек успел кое-чему поучиться и нахвататься вершков польского либерального воспитания; пребывание в этой школе свободомыслия наложило на него печать того религиозного индифферентизма, который не могли стереть с него даже иезуиты. Отсюда, в 1603 и 1604 годах, этот молодой человек поступил в «оршак» (придворная челядь) князя Адама Вишневецкого, объявил о себе, что он царевич Димитрий, приехал потом к брату Адама, князю Константину Вишневецкому, который привез его к тестю своему Юрию Мнишку, воеводе сендомирскому, где молодой человек страстно влюбился в одну из дочерей его, Марину.⁹⁸ Этот пан⁹⁹, сенатор Речи Посполитой,

⁹⁸ Способ, каким этот человек назвал себя Димитрием, рассказывается различно. По одному известию, он притворился больным или в самом деле заболел, призвал духовника и просил похоронить его по смерти, как хоронят царских детей, а для объяснения этого дал прочитать бумагу, которая была у него под постелью. Бумагу эту тотчас достали и из нее узнали, что он Димитрий. Князь Адам Вишневецкий тотчас окружил его царскими почестями. Так рассказывают наши летописи. По другому известию, в современной хронике Буссова, рассказывается, что князь Адам Вишневецкий взял его с собой в баню в качестве слуги, и, рассердившись за что-то, обругал его и ударил. Слуга горько заплакал и сказал: «Если бы ты знал, кто я таков, то не ругал бы и не бил меня; я московский царевич Димитрий», и в доказательство истины своих слов показал ему крест, осыпанный драгоценными камнями, будто бы данный ему при крещении. По третьему известию, сохраненному итальянцем Бизачьони, претендент открылся не у Адама, а у Константина Вишневецкого, куда он приехал со своим паном Ада-

подвергся самой дурной репутации в своем отечестве, хотя был силен и влиятелен по своим связям. В молодости, вместе со своим братом, он был близок к королю Сигизмунду-Августу и, пользуясь умственным ослаблением короля, доведшим его до ребячества, оказывал ему предосудительные услуги доставлением любовниц и колдуний; а в день смерти короля так обобрал его казну, что не во что было одеть смертные останки короля. По жалобе королевской сестры поступки Мнишка были подвергнуты следствию; но сильные люди, бывшие с ним в свойстве, заступились за него, и следствие было прекращено по недостатку доказательств. Тем не менее, при короле Генрихе, когда Мнишек за торжественным обедом исполнял должность крайнего, один из королевских придворных, Заленский, гласно заявил, что Мнишек человек дурного поведения и не достоин исполнять своей должности. Но зять Мнишка, Фирлей, уговорил короля оставить этот извет без внимания. С тех пор никто уже не преследовал Мнишка, хотя ничто не могло смыть с него дурных воспоминаний. Огромное богатство, награбленное у короля Сигизмунда-Августа, сделало его значительным и влиятельным человеком. Мнишек был воеводой сендомирским, ста-

мом в качестве слуги. Там он увидел сестру княгини Вишневецкой панну Марину Мнишек, страстно влюбился в нее и положил ей на окно записку, в которой объяснял, что он по рождению совсем не тот, чем принужден быть по несчастным обстоятельствам, и подписался: царевич Димитрий. Вишневецкие узнали об этом и поверили ему.

⁹⁹ Юрий Мнишек по отцу был родом чех.

ростой львовским и получил в управление (в аренду) королевские экономии в Самборе. Суетная и роскошная жизнь уже значительно истощила его состояние; наживши от пресыщения подагру, он вошел в большие долги и хотел поправить свои денежные дела, пристраивая своих дочерей. Одну из них он уже выдал за чрезвычайно богатого пана Вишневецкого. Теперь представилась ему соблазнительная надежда отдать другую за московского царя, и он ревностно стал поддерживать названного Димитрия. Так как его дом, более или менее подобно всем домам тогдашних знатных панов, был открыт для множества гостей, то весть о чудесно спасенном Димитрии разнеслась повсюду и возбуждала искателей приключений к надежде сделать для себя из этого карьеру. Вишневецкие дали знать об этом королю. Сигизмунд III находился под сильным влиянием иезуитов, а иезуиты увидели в явлении московского царевича самый удобный случай проложить путь к осуществлению заветных целей римского престола, – подчинению русской церкви папскому владычеству. Сигизмунд приглашал Вишневецкого и Мнишка привезти царевича в Краков. В конце марта 1604 года названного Димитрия привезли в польскую столицу и окружили иезуитами, которые старались убедить его в истинах римско-католической веры. Названный царевич понял, что в этом состоит его сила, представлялся, что поддается их увещаниям и, как рассказывают иезуиты, принял св. причастие из рук папского нунция Рангони, был помазан от него миром и обе-

щал ввести римско-католическую веру в Московском государстве, когда получит престол. Король Сигизмунд допустил его к себе, объявил, что верит ему, назначил на его нужды 40 000 золотых в год и позволил ему пользоваться помощью и советом поляков. Тогда с Димитрия взяли условие, что, по восшествии на престол, он должен возвратить польской короне Смоленск и северскую землю, дозволить сооружать в своем королевстве костелы, ввести иезуитов, помогать Сигизмунду в приобретении шведской короны и содействовать на будущее время соединению Московского государства с Польшей. Сам Мнишек взял с него условие, по восшествии на престол, непременно жениться на Марине, заплатить долги Мнишка, дать ему пособие на поездку в Москву, записать своей жене Новгород и Псков, с правом раздавать там своим служилым людям поместья и строить костелы, наконец самому Мнишку дать в удельное владение Смоленск и северскую землю: Димитрий обещал разом эти земли и польской короне и Мнишку, в надежде, как оказалось впоследствии, не дать их ни тому, ни другому.

Сигизмунду и его друзьям иезуитам хотелось гласно объявить себя за Димитрия, но многие польские паны тогда же воспротивились этому. Ян Замоийский, враг иезуитских козней, резко называл опасным и бесчестным делом всякое содействие претенденту и открыто именовал названного Димитрия обманщиком. Король должен был ограничиться только тем, что тайно побуждал своих подданных помогать Ди-

митрию и сложил временно с Мнишка платеж денег, следовавших с самборских королевских имений, для того, чтобы Мнишек мог обратить эту сумму на помощь московскому царевичу.

Возвратясь к сендомирскому воеводе, Димитрий написал письмо папе, но так ловко, что в нем не было ни явного принятия католичества, ни положительного обещания за свой народ: все ограничивалось двусмысленными изъявлениями расположения. Таким образом, если католики могли толковать его слова в свою пользу, то Димитрий оставлял себе возможность толковать их в смысле терпимости римско-католического исповедания зауряд с другими исповеданиями в своем государстве. Тогда он написал грамоты московскому народу и казакам. Все, что было в южной Руси буйного, удалого, отозвалось дружелюбно на воззвания названного московского царевича. Когда у него набралось до 3000 охочего войска и до 2000 запорожцев, он двинулся к московским пределам; а между тем силы его увеличивались с каждым днем. В октябре сдались ему Моравск и Чернигов. Везде жители берегов Десны и ее притоков выходили к нему с хлебом-солью, и способные к оружию приставали к нему как к законному государю. 11 ноября 1604 года Димитрий подступил к Новгороду-Северску, но воевода Басманов, расторопный и храбрый, умел держать в повиновении подчиненных, заранее сжег посад, чтобы не дать неприятелю утвердиться в нем в ненастное время, и несколько раз так отразил все нападе-

ния Дмитрия, что поляки, бывшие с ним, начали уходить от него. Зато русские прибывали к нему с разных сторон. Города: Рыльск, Путивль, Курск, Севск, Кромы признали его власть; некоторые воеводы сами добровольно объявляли себя за Дмитрия; других вязали подчиненные и приводили к царевичу; но связанные тотчас освобождались и присягали служить Дмитрию. Таким образом, у Дмитрия набралось до 15000 человек. Посланное Борисом войско под начальством Мстиславского потерпело поражение. Но поляки все-таки были недовольны Дмитрием, потому что нечего было грабить, и расходились. Дмитрий оставил осаду Новгород-Северска и перешел к Севску, где народонаселение заявляло ему свою преданность, но здесь, 21 января, присланное Борисом войско нанесло ему поражение; он убежал в Путивль. Неудача под Севском не испортила дело претендента. Русские города сдавались ему и изменяли Борису один за другим. Силы Дмитрия увеличились. Три месяца сидел он в Путивле, который принял тогда вид многолюдной столицы. Дмитрий приказал привезти из Курска чудотворную икону Божьей Матери и говорил, что отдает себя и свое дело покрову Св. Девы. Между прочим, он приглашал к себе на обеды русских и поляков, православных священников и ксендзов, старался сблизить между собой тех и других. Сам он был очень любознателен, много читал, беседовал с образованными поляками, сообщал им разные замечания, которые удивляли их своей меткостью, а русским он внушал ува-

жение к просвещению и стыд своего невежества. «Как только с Божьей помощью стану царем, говорил он, – сейчас заведу школы, чтобы у меня во всем государстве выучились читать и писать; заложу университет в Москве, стану посылать русских в чужие края, а к себе буду приглашать умных и знающих иностранцев, чтобы их примером побудить моих русских учить своих детей всяким наукам и искусствам». Несколько монахов, явившихся в Путивль с ядом, по приказанию Бориса, были схвачены и заключены в тюрьму, но после Димитрий простил их. Названому царевичу помогало то обстоятельство, что когда в Москве его проклинали под именем Гришки Отрепьева, Димитрий всенародно показывал лицо, называвшее себя Григорием Отрепьевым. Это обстоятельство еще более уверило народ, что Димитрий настоящий царевич. Наконец, в мае, войско, которое стояло под Кромами и осаждало донских казаков, запершихся в этом городе, присягнуло Димитрию в верности, и воеводы явились к нему с повинной. Тогда Димитрий, 24 мая, прибыл к Кромам и, предводительствуя сдавшимся войскам, двинулся к Орлу, где встретили его выборные от всей рязанской земли с поклоном. Из Орла Димитрий отправился в Тулу. В каждом селении его встречали с хлебом-солью. Люди сбегались на большую дорогу смотреть на своего царя. Из Тулы Димитрий послал в Москву Гаврила Пушкина и Наума Плещеева с грамотой, а сам, оставаясь в Туле, занимался, как царь, государственными делами, разослал грамоты, в которых возве-

щал о своем прибытии, вместе с ними разослал форму присяги себе на верность, приказал воротить английского посла Смита, уехавшего с письмами Бориса, принял его ласково и дал ему письмо от своего имени, извещая английского короля о своем воцарении, обещал англичанам дать такие выгоды, какие даровал его отец. Среди этих занятий прибыли к нему московские бояре и в их числе трое братьев Шуйских и Федор Иванович Мстиславский. Димитрий принял их на первый раз сухо, сделал им замечание, что казаки и простой народ предупредили их в верности и ранее отторглись от крамольников. Их приводил к присяге в соборной церкви рязанский архиепископ грек Игнатий. Димитрий любил его и назначил патриархом, вместо Иова: Игнатий был человек нрава веселого, снисходительный к себе и другим, разделял с Димитрием его веротерпимость и расположение к западному просвещению. Наконец, объявляя, что идет в свою столицу, Димитрий послал в Москву князя Василия Васильевича Голицына и князя Рубца-Масальского с приказанием устранить из Москвы всех его опасных врагов; а вслед за ними выступил сам и медленно прибыл в Серпухов. Он беспрестанно останавливался, говорил с народом, расспрашивал об его житье-бытье и обещал льготы. В Серпухове, на берегу Оки, на лугу ожидал его привезенный из Москвы огромный шатер, богато разукрашенный, в котором можно было поместить несколько сот человек. Одновременно с шатром прибыла из Москвы царская кухня и множество при-

слуги. В этом шатре Димитрий давал первый пир и угощал бояр, окольных и думных дьяков. Когда его известили, что Годуновы отравили себя ядом, Димитрий изъявлял сожаление, а относительно сосланных из Москвы приверженцев Годуновых, говорил, что готов помиловать их.

Из Серпухова Димитрий ехал уже в богатой карете, в сопровождении знатных особ, и остановился в селе Коломенском. Здесь, на просторном лугу, окаймляющем Москву-реку, его ожидал новый шатер. Попы, монахи, гости, посадские люди, крестьяне приходили поклониться своему царю. То была, по старому обычаю, почетная встреча. Царю подносили подарки: ткани, меха, золото, серебро, жемчуг, а бедняки – хлеб-соль. Димитрий особенно ласково принимал хлеб-соль от бедняков. «Я не царем у вас буду, – говорил он, – а отцом, все прошлое забыто; и вовеки не помяну того, что вы служили Борису и его детям; буду любить вас, буду жить для пользы и счастья моих любезных подданных».

Наконец, 20 июня 1605 года, молодой царь торжественно въехал в столицу при радостных восклицаниях бесчисленного народа, столпившегося в Москву с разных сторон. Он был статно сложен, но лицо его не было красиво, нос широкий, рыжеватые волосы; зато у него был прекрасный лоб и умные выразительные глаза.¹⁰⁰ Он ехал верхом, в золотном платье, с богатым ожерельем, на превосходном коне, убранном драгоценной сбруей, посреди бояр и думных людей, ко-

¹⁰⁰ До нас дошел его современный портрет в гравюре Луки Килияна.

которые старались перешеголять один другого своими нарядами. На кремлевской площади ожидало его духовенство с образами и хоругвями, но здесь русским показалось кое-что не совсем ладным: польские музыканты во время церковного пения играли на трубах и били в литавры; а монахи заметили, что молодой пан прикладывался к образам не совсем так, как бы это делал природный русский человек. Народ на этот раз извинил своего новообретенного царя. «Что делать, – говорили русские, – он был долго на чужой земле». Въехавши в Кремль, Димитрий молился сначала в Успенском соборе, а потом в Архангельском, где, припавши к гробу Грозного, так плакал, что никто не мог допустить сомнения в том, что это не истинный сын Ивана. Строгим ревнителям православного благочестия тогда же не совсем понравилось то, что вслед за Димитрием входили в церковь иноземцы.

Вступивши во дворец, Димитрий принимал поздравления с новосельем; а Богдан Бельский вошел на лобное место, снял с себя образ, на котором был крест и изображение Николая Чудотворца, и сказал: «Православные! Благодарите Бога за спасение нашего солнышка, государя царя, Димитрия Ивановича. Как бы вас лихие люди не смущали, ничему не верьте. Это истинный сын царя Ивана Васильевича. В уверение я целую перед вами Животворящий Крест и Св. Ни́колу Чудотворца». Народ отвечал громкими восклицаниями: «Боже, сохрани царя нашего, Димитрия Ивановича! Поддай ему, Господи, здравия и долгоденственного жития. По-

кори под ноги его супостатов, которые не верят ему». Московские колокола без умолку гремели целый день так сильно, что иезуиты, приехавшие с Димитрием, думали, что оглохнут. Иноземцев особенно поражал огромный колокол в 55 футов шириной и 15 вышиной.

Первым делом нового царя было послать за матерью, инокинею Марфой: выбран был князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, которого Димитрий наименовал мечником. Царь отложил свое царское венчание до приезда матери.

Едва только прошло несколько дней после приезда Димитрия в столицу, как Басманов, вошедший в милость нового царя, поймал купца Федора Конева и несколько торговых людей, которые показали, что князь Василий Шуйский давал им наставление вооружить против царя народ, указать на то, что царь дозволяет некрещеным иноземцам входить в церковь, что он подослан Сигизмундом и польскими панами, что царь не Димитрий, а Гришка Отрепьев, что он хочет разорить церкви, искоренить веру. Такие возбуждения приходились тогда отчасти кстати, потому что поляки, пришедшие с Димитрием, вели себя нагло, особенно в обращении с женщинами. Царь отстранил себя от дела, касавшегося его чести и престола, и отдал Шуйского с братьями суду, составленному из лиц всех сословий. Ход этого суда нам неизвестен; но суд приговорил Василия Шуйского к смерти, а братьев его к ссылке. Когда осужденного привели к плахе на Красную площадь, прискакавший из Кремля вестовой

остановил казнь и объявил, что государь, не желая проливать крови даже важных преступников, заменяет смертную казнь Василия Шуйского ссылкой в Вятку. Народ был в восторге от такого великодушия. Современники рассказывают, что Димитрий показывал народу в Москве настоящего Гришку Отрепьева, о котором впоследствии объясняли, что это был не настоящий, а подставной Отрепьев. Димитрий не преследовал вообще тех, которые сомневались в его подлинности. Астраханский владыка Феодосий упорно держался Годунова и усердно проклинал Гришку Отрепьева, пока наконец народ изругал его и отправил к воцарившемуся Димитрию. «За что ты, – спросил его царь, – прирожденного своего царя называешь Гришкой Отрепьевым?» Владыка отвечал: «Нам ведомо только то, что ты теперь царствуешь, а Бог тебя знает, кто ты такой и как тебя зовут». Димитрий не сделал ему ничего дурного.

18 июля прибыла царица, инокиня Марфа. Царь встретил ее в селе Тайнинском. Бесчисленное множество народа побежало смотреть на такое зрелище. Когда карета, где сидела царица, остановилась, царь быстро соскочил с лошади. Марфа отдернула занавес, покрывавший окно кареты. Димитрий бросился к ней в объятия. Оба рыдали. Так прошло несколько минут на виду всего народа.

Потом царь до самой Москвы шел пешком подле кареты. Марфа въезжала при звоне колоколов и при ликованиях народа: тогда уже никто в толпе не сомневался в том, что

на московском престоле истинный царевич; такое свидание могло быть только свиданием сына с матерью. Царица Марфа была помещена в Вознесенском монастыре. Димитрий ежедневно посещал ее и при начале каждого важного дела спрашивал ее благословения.

30 июля Димитрий венчался царским венцом от нового патриарха Игнатия. Посыпались милости. Возвращены все опальные прежнего царствования. Филарет Романов сделан митрополитом ростовским. Димитрий возвратил из ссылки Шуйских к прежним почестям. Все Годуновы, их свойственники и приверженцы, сосланные при начале царствования, получили прощение. «Есть два способа царствовать, – говорил Димитрий, – милосердием и щедростью, или суровостью и казнями; я избрал первый способ; я дал Богу обет не проливать крови подданных и исполню его». Когда кто-нибудь, желая подслужиться Димитрию, заговаривал дурно о Борисе, царь замечал: «Вы ему кланялись, когда он был жив, а теперь, когда он мертвый, вы хулите его. Другой бы кто говорил о нем, а не вы, когда сами выбрали его». Всем служилым удвоено было содержание; помещикам удвоили их земельные наделы, все судопроизводство объявлено бесплатным: всем должностным лицам удвоено содержание и строго запрещено брать посулы и поминки. Для того чтобы при сборе податей не было злоупотреблений, обществам предоставлено самим доставлять свои подати в казну. Димитрий воспретил давать потомственные кабалы: холоп мог быть холо-

пом тому, кому отдавался, и тем самым подходил к наемнику, служившему господину по взаимному соглашению. Помещики теряли свое право на крестьян, если не кормили их во время голода; постановлено было не давать суда на беглых крестьян далее пяти лет. Всем предоставлено было свободно заниматься промыслами и торговлей; всякие стеснения к выезду из государства, к въезду в государство, к переездам внутри государства уничтожены. «Я не хочу никого стеснять, – говорил Димитрий, – пусть мои владения будут во всем свободны. Я обогащу свободной торговлей свое государство. Пусть везде разнесется добрая слава о моем царствовании и моем государстве». Англичане того времени замечают, что это был первый государь в Европе, который сделал свое государство в такой степени свободным. Димитрий преобразовал боярскую думу и назвал ее сенатом. Каждый день он присутствовал в сенате, сам разбирал дела, иногда самые мелочные, и удивлял думных людей быстротой своего соображения. Два раза в неделю, в среду и в субботу, царь лично принимал челобитные и всем представлялась возможность объясниться с ним по своим делам. Вопреки обычаям прежних царей, которые после сытных обедов укладывались спать, Димитрий, пообедав, ходил пешком по городу, заходил в разные мастерские, толковал с мастерами, говорил со встречными на улицах. Прежние цари, когда садились на лошадь, то им подставляли скамьи, подсаживали под руки, а Димитрию подведут ретивого коня: он быстро схва-

тит одной рукой за повод, другой за седло, вмиг вскочит на него и заставит идти по своей воле. Никто лучше Димитрия не ездил верхом. Любил он охоту, но не так, как прежние цари. Прежде бывало наловят медведей, держат в подгородных селах, а когда царю будет угодно, то подданные потешали его борьбой с лютыми зверьми, нередко жертвуя собственной жизнью. Димитрий, напротив, лично ходил на медведей и удивлял подданных своей ловкостью. Он более всего любил беседовать со своими боярами о том, что нужно дать народу образование, убеждал их путешествовать по Европе, посылать детей для образования за границу, заохочивал их к чтению и приобретению сведений. Сам Димитрий хорошо знал Св. Писание и любил приводить из него места, но не терпел исключительности. «У нас, – говорил он духовным и мирянам, – только одни обряды, а смысл их укрыт. Вы поставляете благочестие только в том, что сохраняете посты, поклоняетесь мощам, почитаете иконы, а никакого понятия не имеете о существе веры, – вы называете себя новым Израилем, считаете себя самым праведным народом в мире, а живете совсем не по-христиански, мало любите друг друга; мало расположены делать добро. Зачем вы презираете иноверцев? Что же такое латинская, лютерская вера? Все такие же христианские, как и греческая. И они в Христа веруют». Когда ему заговорили о семи соборах и о неизменяемости их постановлений, он на это сказал: «Если было семь соборов, но отчего же не может быть и восьмого, и десятого и

более? Пусть всякий верит по своей совести. Я хочу, чтоб в моем государстве все отправляли богослужение по своему обряду».

Димитрий не любил монахов, называл их тунеядцами и лицемерами, приказал сделать опись всем монастырским именьям и заранее заявлял, что хочет оставить им необходимое на содержание, а все прочее отберет в казну. По этому поводу он говорил: пусть богатства их пойдут на защиту св. веры и православных христиан. Наслушавшись позже толков о всеобщем христианском ополчении против турок, о котором во всей Европе говорили, не приступая к делу, Димитрий хотел привести эту мысль в исполнение, тем более, что русских она касалось ближе, чем других народов, во-первых, по духовному родству с поработенными греками, а во-вторых, по соседству с крымским хищническим гнездом, от которого московская Русь находилась постоянно в страхе и в бедственном положении: ее лучшие земли оставались малонаселенными, ее жители постоянно уводились в плен; их приходилось выкупать дорогой ценой; пока существовало такое соседство, русский народ должен был оставаться в бедности и всякое стремление к его улучшениям встречало с этой стороны препятствие и замедление. С самого прибытия в Москву намерение воевать с турками и татарами не сходило с языка у Димитрия. На пушечном дворе делали новые пушки, мортиры, ружья. Димитрий часто ездил туда, сам пробовал оружие и устраивал военные ма-

невры, которые вместе были и потехой, и упражнением в военном деле. Царь, забывая свой сан, работал вместе с другими, не сердился, когда его в давке толкали или сбивали с ног. Димитрий надеялся на союз с немецким императором, с Венецией, с французским королем Генрихом IV, к которому Димитрий чувствовал особое расположение. Война с Турцией побуждала его вести дружеские сношения с папой, но он не поддавался панским уловкам по вопросу о соединении церквей, и на все заявления со стороны папы в своих ответах искусно обходил этот вопрос. Таким образом, в дошедших до нас письмах Димитрия к папе нет даже намека, похожего на обещание вводить католичество в русской земле. Московский государь толковал с папой только о союзе против турок, и вскоре иезуиты совершенно разочаровались насчет своих блестящих надежд, а папа писал ему выговор за то, что он окружает себя еретиками и не слушается благочестивых мужей. В самом деле, предоставляя католикам свободу совести в своем государстве, Димитрий, равным образом, представлял ее протестантам всех толков. Домашний секретарь его, Бучинский, был протестант. Относясь к папе дружелюбно, Димитрий посылал денежную помощь и ласковую грамоту русскому львовскому братству, которого задачей было охранять в польско-русских областях русскую веру от покушений папизма. Ясно было, что Димитрий не думал исполнять тех обещаний иезуитам, которые он поневоле давал, будучи в Польше. Также мало расположен был

он исполнять свои вынужденные обещания отдавать Польшу Смоленск и Северскую область. Приехал к нему посол от Сигизмунда Корвин-Гонсевский. Димитрий напрямик объявил ему, что отдача русских земель решительно невозможна, но обещал, что, вместо этих земель, он, по дружбе, в случае нужды, готов помочь Сигизмунду денежной суммой. И это обещание давалось, вероятно, только потому, что невеста царя находилась пока в Польше и он не хотел раздражать Сигизмунда. Объявляя, что он предоставляет всем иноверцам одинаковую свободу совести в своем государстве, Димитрий отказал польскому королю в требовании заводить костелы и вводить римско-католическое духовенство, особенно иезуитов, во вред православной вере. Увидевши, что Сигизмунд хочет обращаться с ним как с вассалом, он принял гордый тон и требовал, чтобы его называли цезарем; ни за что не хотел он в угоду Сигизмунду удалить Густава, сына Ерика, короля шведского.

С деятельностью Димитрий соединял любовь к веселой жизни и забавам. Ему не по душе был старый дворец царей с его мрачными воспоминаниями. Он приказал построить для себя и для будущей жены два дворца деревянные. Его собственный дворец был невелик, хотя высок, и заключал всего четыре комнаты с огромными сенями, уставленными шкафами с серебряной посудой, комнаты были обиты персидскими тканями, окна занавешаны золототкаными занавесями, изразцовые печки с серебрянными решетками, по-

толки кидались в глаза превосходной резной работой, а пол был устлан богатыми восточными коврами. Близ этого дворца Димитрий приказал поставить медное изваяние цербера, устроенное так, что челюсти его, раздвигаясь и закрываясь, издавали звук. За обедом у Димитрия была музыка, чего не делалось при прежних царях. Он не преследовал народных забав, как это бывало прежде: веселые «скоморохи» с волынками, домрами и накрами свободно тешили народ и представляли свои «действия»; не преследовались ни карты, ни шахматы, ни пляска, ни песни. Димитрий говорил, что желает, чтобы все кругом его веселилось. Свобода торговли и обращения в каких-нибудь полгода произвела то, что в Москве все подешевело и небогатым людям стали доступны такие предметы житейских удобств, какими прежде пользовались только богатые люди и бояре. Но современники рассказывают, что благодушный царь был слишком падок до женщин и позволял себе в этом отношении грязные и отвратительные удовольствия. В особенности бросает на него тень его отношение к несчастной Ксении: и русские, и иноземные источники говорят об этом, и сам будущий тесть Димитрия Мнишек писал к нему, что носятся слухи, будто Дмитрий держит близко себя дочь Бориса. В заключение, несчастную девушку отвезли во Владимир и постригли в монахини под именем Ольги.¹⁰¹

¹⁰¹ Во время троицкой осады Сапегою Ксения находилась в Троицком монастыре. Она умерла в Суздале в 1622 году. Перед смертью она просила положить

Исполняя обещание вступить в брак с Мариной, Димитрий отправил в Краков послом дьяка Афанасия Власова, который, представляя лицо своего государя, 12 ноября совершил за него акт обручения в присутствии Сигизмунда. Последний внутренне не совсем был доволен этим, так как по всему видно, что король надеялся отдать за царя свою сестру.

Между тем в Москве враги уже вели подкоп под своего царя. Во главе их был прощенный им Василий Шуйский. Беда научила его. Теперь он повел заговор осторожно. Шуйский понял, что нельзя уже произвести переворота одними уверениями, что царь не настоящий Димитрий. На это всегда был готовый ответ: «Как же не настоящий, когда родная мать признала его!» Шуйский возбуждал ропот тем, что царь любит иноземцев, ест, пьет с ними, не наблюдает постов, ходит в иноземном платье, завел музыку, хочет от монастырей отобрать достояние, тратит без толку казну, затевает войну с турками, раздражает шведов в угоду Сигизмунду и намерен жениться на поганой польке. К Шуйскому пристали: князь Василий Васильевич Голицын, князь Куракин, Михайло Татищев и кое-кто из духовных сановников, особенно ненавидели царя казанский митрополит Гермоген и епископ коломенский Иосиф, строгие противники всякого общения с иноверцами. Сообщники Шуйского распространили неудовольствие между стрельцами, и в январе 1606 года составился умысел убить царя: убийцей вызвался быть тот

ее тело рядом с отцом и матерью в Троицком монастыре, что и было исполнено.

самый Шерefeldинов, который вместе с Молчановым извел Федора Борисовича с матерью.

8 января они проникли было во дворец, но сделался шум... Шерefeldинов бежал и пропал без вести. Семерых схватили, и они повинились. Тогда Димитрий созвал всех стрельцов к крыльцу и сказал: «Мне очень жаль вас, вы грубы и нет в вас любви. Зачем вы заводите смуты? Бедная наша земля и так страдает. Что же вы хотите ее довести до конечного разорения? За что вы ищете меня погубить? В чем вы можете меня обвинить? спрашиваю я вас. Вы говорите: я не истинный Димитрий! Обличите меня, и вы тогда вольны лишить меня жизни! Моя мать и бояре в том свидетели. Я жизнь свою ставил в опасность не ради своего возвышения, а затем, чтобы избавить народ, упавший в крайнюю нищету и неволю под гнетом гнусных изменников. Меня призвал к этому Божий перст. Могучая рука помогла мне овладеть тем, что принадлежит мне по праву. Говорите прямо, говорите свободно: за что вы меня не любите?»

Толпа залилась слезами, упала на колени и говорила: «Царь государь, смилуйся, мы ничего не знаем. Покажи нам тех, что нас оговаривают».

Тогда Басманов по царскому приказанию вывел семерых сознавшихся, и Димитрий сказал: «Вот, они повинились и говорят, что все вы на меня зло мыслите».

С этими словами он ушел во дворец, а стрельцы разорвали в клочки преступников.

С тех пор страшно было заикнуться против царя. Народ любил Дмитрия и строже всякой верховной власти готов был наказывать его врагов; в особенности донские казаки, бывшие тогда в Москве, свирепо наказывали за оскорбление царского имени. «Тогда, – говорит современник, – назови кто-нибудь царя не настоящим, тот и пропал: будь он монах или мирянин – сейчас убьют или утопят». Сам царь никого не казнил, никого не преследовал, а суд народный и без него уничтожал его врагов. Но, к его несчастью, погибали менее опасные, а те враги, от которых все исходило, находились близ него и пользовались его расположением. Услыхавши, что Сигизмунд не любит Дмитрия, бояре поручили гонцу Безобразову передать втайне польским панам, что они недовольны своим царем, думают его свергнуть и желают, чтобы в Московском государстве государем был сын Сигизмунда, королевич Владислав. Тогда же через какого-то шведа было сообщено польским панам, будто мать Дмитрия велела передать королю, что на московском престоле царствует не сын ее, а обманщик. Сигизмунд, узнавши об этом, приказал дать ответ, что он не загоразивает московским боярам дороги и они могут промышлять о себе; что же касается до королевича Владислава, то король не такой человек, чтобы увлекаться честолюбием. Но в то время, когда Сигизмунд коварно одобрял козни бояр, надеясь извлечь из них для себя выгоду, в самой Польше люди, недовольные поступками Сигизмунда, имели намерение низвергнуть его с престола и посадить

на нем Димитрия. В числе их был один из родственников Мнишка Станислав Стадницкий. Говорят, что он сносился об этом с Димитрием. Кроме него, канцлер Лев Сапега в собрании сенаторов указывал на кого-то из Краковской академии, который писал к московскому государю, что Сигизмундом недовольны и поляки желают возложить на Димитрия корону. «Если, – говорил Лев Сапега, – такие послания будут перелетать из польского королевства в Москву, то нам нечего ждать хорошего...»

Царь всю зиму ждал своей невесты, а Мнишек медлил и беспрестанно требовал с нареченного зятя денег. Уже Димитрий передал ему 300000 злотых, подарил его сыну 50000 злотых. Мнишек все еще водил царя, и царь переслал ему еще около 19000 рублей. Этого мало, Мнишек без церемонии забирал у московских купцов товары, занимал у них деньги, и все на счет царя. Когда Мнишек написал, что он приедет только спустя несколько дней после Пасхи, Димитрий потерял терпение и написал ему, что если он так опоздает, то не застанет его в Москве, потому что царь намерен тотчас после Пасхи выступить в поход. Это заставило Мнишка поторопиться.

В ожидании прибытия невесты царь стягивал войско, назначая сбор под Ельцом, чтобы тотчас после свадьбы ударить на Крым. Он постоянно приглашал к себе иноземцев и составил около себя стражу из французов и немцев.

Приближенные русские все более и более оскорблялись

предпочтением, которое царь оказывал иностранцам. Димитрий резко говорил о превосходстве западных европейцев перед русскими, насмеялся над русскими предрассудками, наряжался в иноземное платье, даже умышленно старался показывать, что презирает русские обычаи. Так, например, русские не ели телятины; Димитрий нарочно приказывал подавать ее к столу, когда обедали у него бояре. Однажды Татищев сказал ему по этому поводу какую-то дерзость. Димитрий вспылил и отдал приказ отправить его в Вятку, но тотчас же опомнился и оставил при всех почестях. Но Татищев был мстителен и утвердился в мысли так или иначе погубить Димитрия.

24 апреля прибыл в столицу Мнишек с дочерью. С ним приехали знатные паны: братья Адам и Константин Вишневецкие, Стадницкие, Тарлы, Казановские, с толпой всякого рода челяди и со множеством служивших у них шляхтичей. Всех гостей было более 2000 человек. Кроме того, в Москву приехали от Сигизмунда паны: Олесницкий и Гонсевский со своими свитами. Начались роскошные обеды, балы, празднества. Димитрий, сохраняя свое достоинство, чуть было не поссорился с польскими послами, требуя, чтобы Сигизмунд называл его не иначе, как цезарем, да еще непобедимым. 8 мая Марина была предварительно коронована царицей, а потом совершилось бракосочетание. С тех пор пиры следовали за пирами. Царь в упоении любви все забыл, предавался удовольствиям, танцевал, не уступая полякам в ловкости и

раздражая чопорность русских; а между тем шляхтичи и челядь, расставленные по домам московских жителей, вели себя до крайности нагло и высокомерно. Получив, например, от царя предложение вступить в русскую службу, они хвастались этим и кричали: «Вот вся ваша казна перейдет к нам в руки». Другие, побрякивая саблями, говорили: «Что ваш царь! Мы дали царя Москве». В пьяном разгуле они бросались на женщин по улицам, врываются в дома, где замечали красивую хозяйку или дочь. Особенно нагло вели себя панские гайдуки. Следует заметить, что большая часть этих пришельцев только считались поляками, а были русские, даже православные, потому что в то время в южных провинциях Польши не только шляхта и простолюдины, но и многие знатные паны не отступили еще от предковской веры. Сами приехавшие тогда в Москву братья Вишневецкие исповедывали православие. Но московские люди с трудом могли признать в приезжих гостях единоверцев и русских по разности обычаев, входивших по московским понятиям в область религии. Притом же все гости говорили или по-польски или по-малорусски. Если мы вспомним, что польское правительство то и дело что издавало распоряжения о прекращении своевольтв в южных областях Польши, то не трудно понять, почему прибывшие с панами в Москву отличались таким буйством. Благочестивых москвичей, привыкших жить со звоном колоколов замкнутой однообразной жизнью, видеть нравственное достоинство в одном монашестве, соблаз-

няло то, что в Кремле, между соборами, по целым дням играли 68 музыкантов, а пришельцы скакали по улицам на лошадях, стреляли из ружей на воздух, пели песни, танцевали и безмерно хвастались своим превосходством над москвичами. «Крик, вопль, говор неподобный! – восклицает летописец. – О, как огонь не сойдет с небес и не попалит сих окаянных!» Но, как ни оскорбляла наглость пришельцев русский народ, он все-таки настолько любил своего царя, что не поднялся бы на него и извинил бы ему, ради его свадьбы. Погибель Димитрия была устроена путем заговора.

В ночь со вторника на среду с 12-го на 13-е мая Василий Шуйский собрал к себе заговорщиков, между которыми были и служилые и торговые люди, раздраженные поступками поляков, и положили сначала отметить дома, в которых стоят поляки, а утром рано, в субботу, ударить в набат и закричать народу, будто поляки хотят убить царя и перебить думных людей: народ бросится бить поляков, а заговорщики покончат с царем.

В четверг, 15 мая, какие-то русские донесли Басманову о заговоре. Басманов доложил царю. «Я этого слышать не хочу, – сказал Димитрий, – не терплю доносчиков и буду наказывать их самих».

Царь продолжал веселиться: в воскресенье готовили большой праздник. Царский деревянный дом, построенный самим Димитрием, и дворец обставляли лесами для иллюминации.

В пятницу, 16 мая, немцы подали Димитрию письменный извет о том, что в столице существует измена и следует как можно скорее принять меры. Димитрий сказал: «Это все вздор, я читать этого не хочу».

И Мнишек, и Басманов советовали не пренебрегать предостережениями. Димитрий ничему не верил и вечером созвал гостей в свой новый, красиво убранный дворец. Заиграло сорок музыкантов, начались танцы; царь был особенно весел, танцевал и веселился; а между тем Шуйский именем царя приказал из сотни немецких алебардщиков, державших по обыкновению караул у дворца, удалиться семидесяти человекам и оставил только тридцать. По окончании бала Димитрий удалился к жене в ее новопостроенный и еще неоконченный дворец, соединенный с царским дворцом переходами, а в сенях царского дворца расположилось несколько человек прислуги и музыкантов.

На рассвете Шуйский приказал отворить тюрьмы, выпустить преступников и раздать им топоры и мечи. Как только начало всходить солнце, ударили в набат на Ильинке, а потом во всех других московских церквях стали также звонить, не зная, в чем дело. Главные руководители заговора: Шуйские, Голицын, Татищев, выехали на Красную площадь верхом с толпой около двухсот человек. Народ, услышавши набат, сбегался со всех сторон, а Шуйский кричал ему: «Литва собирается убить царя и перебить бояр, идите бить Литву!» Народ с яростными криками бросился бить поляков, мно-

гие с мыслью, что в самом деле защищают царя; другие – из ненависти к полякам за своеволие; иные просто из страсти к грабежу. Василий Шуйский, освободившись такой хитростью от народной толпы, въехал в Кремль: в одной руке у него был меч, в другой – крест. За ним следовали заговорщики, вооруженные топорами, бердышами, копьями, мечами и рогатинами.

Набатный звон разбудил царя. Он бежал в свой дворец и встретил там Димитрия Шуйского, который сказал ему, что в городе пожар. Димитрий отправился к жене, чтоб успокоить ее, а потом ехать на пожар, как вдруг неистовые крики раздались у самого дворца. Он снова поспешил в свой дворец; там был Басманов. Отворивши окно, Басманов спросил: «Что вам надобно, что за тревога?» Ему отвечали: «Отдай нам своего вора, тогда поговоришь с нами». – «Ахти, государь, – сказал Басманов царю, – не верил ты своим верным слугам! Спасайся, а я умру за тебя!»

Тридцать человек немецких алебардщиков стали было у входа, но по ним дали несколько выстрелов. Они увидели, что ничего не могут сделать, и пропустили толпу. Царь искал своего меча, но меча не было. Царь схватил у одного алебардщика алебарду, подступил к дверям и крикнул: «Прочь, я вам не Борис». Басманов выступил вперед царя, сошел вниз и стал уговаривать бояр, но Татищев ударил его ножом в сердце. Димитрий запер дверь. Заговорщики стали ломать ее. Тогда Димитрий бросил алебарду, бежал по переходам

в каменный дворец, но выхода не было; все двери были заперты, он глянул в окно, увидел вдали стрельцов и решил-ся выскочить в окно, чтобы спуститься по лесам, приготовленным для иллюминации, и отдаться под защиту народа. Бывший в то время в Москве голландец замечает, что если бы Дмитрию удалось спуститься благополучно вниз, то он был бы спасен. Народ любил его и непременно бы растерзал заговорщиков. Но Дмитрий споткнулся и упал на землю с высоты 30 футов. Он разбил себе грудь, вывихнул ногу, зашиб голову и на время лишился чувств. Стрельцы, державшие караул, подбежали к нему, облили водой и положили на каменный фундамент сломанного Борисова дома. Пришедши в чувство, Дмитрий упрашивал их отнести его к миру на площадь перед Кремлем, обещал отдать стрельцам все имущество мятежных бояр и даже семьи их в холопство. Стрельцы стали было защищать его, но заговорщики закричали, что они пойдут в стрелецкую слободу и перебыют стрелецких жен и детей. Стрельцы оставили Дмитрия.

Заговорщики внесли его во дворец. Один немец вздумал было подать царю спирту, чтоб поддержать в нем сознание, но заговорщики убили его за это.

Над Дмитрием стали ругаться, приговаривая: «Латинских попов привел, нечестивую польку в жену взял, казну московскую в Польшу вывозил». Сорвали с него кафтан, надели какие-то лохмотья и говорили: «Каков царь всея Руси, самодержец! Вот так самодержец!» Кто тыкал пальцем в гла-

за, кто щелкал по носу, кто дергал за ухо... Один ударил его в щеку и сказал: «Говори такой-сякой, кто твой отец? Как тебя зовут? Откуда ты?..»

Димитрий слабым голосом проговорил: «Вы знаете, я царь ваш Димитрий. Вы меня признали и венчали на царство. Если теперь не верите, спросите мать мою; вынесите меня на лобное место и дайте говорить народу».

Но тут Иван Голицын крикнул: «Сейчас царица Марфа сказала, что это не ее сын».

«Винится ли злодей?» – кричала толпа со двора. «Винится!» – отвечали из дворца. «Бей! Руби его!» – заревела толпа на дворе. «Вот я благословлю этого польского свистуна», – сказал Григорий Валуев и застрелил Димитрия из короткого ружья, бывшего у него под армяком.

Тело обвязали веревками и потащили по земле из Кремля через Фроловские (Спасские) ворота. У Вознесенского монастыря вызвали царицу Марфу и кричали: «Говори, твой ли это сын?»

«Не мой», – отвечала Марфа.¹⁰² Тело умерщвленного царя положили на Красной площади на маленьком столике. К ногам его приволокли тело Басманова. На грудь мертвому Димитрию положили маску, а в рот воткнули дудку. В продолжение двух дней москвичи ругались над его телом, коло-

¹⁰² По другому, польскому, известию, она сказала: «Было бы меня спрашивать, когда он был жив, а теперь, когда вы его убили, он уже не мой»; но первое известие вероятнее.

ли и пачкали всякой дрянью, а в понедельник свезли в «убогий дом» (кладбище для бедных и безродных) и бросили в яму, куда складывали замерзших и опившихся. Но вдруг по Москве стал ходить слух, что мертвый ходит; тогда снова вырыли тело, вывезли за Серпуховские ворота, сожгли, пепел всыпали в пушку и выстрелили в ту сторону, откуда названный Димитрий пришел в Москву. Вопрос о том, кто был загадочный человек, много занимал умы и до сих пор остался неразрешенным. Его поведение было таково, что скорее всего его можно было признать за истинного Димитрия; но против этого существуют следующие важные доводы: если бы малолетнего Димитрия успели заблаговременно спасти от убийства, то невозможно предположить, чтобы спасители пустили его ходить по монастырям, а потом шататься на чужой земле по панским дворам. Их прямой расчет побудил бы увезти его в Польшу и отдать тому же Сигизмунду, к которому названный Димитрий явился изгнанником. Без сомнения, Сигизмунд, имея в руках такой важный залог, щедро наградил бы тех лиц, которые ему доставили царского сына. Кроме того, если предположить, что Димитрия укрывали в отечестве, то почему же не объявили о нем тотчас по смерти Федора, когда в продолжение нескольких недель Борис Годунов ломался и отказывался от предлагаемой ему короны?

Некоторые ученые, обращая внимание на искренний и открытый характер царствовавшего под именем Димитрия, приходили к такому заключению, что подобного характера

человек неспособен на гнусный обман, и хотя не признавали его настоящим Димитрием, сыном Грозного, но думали, что сам он был внутренне убежден в том, что он сын царя Ивана Васильевича, и был настроен в этой мысли боярами. Мнение это представляет много вероятия, но есть обстоятельства, возбуждающие сомнение в его достоверности. Из писем Сигизмунда видно, что этот человек рассказывал о себе, что его спасли именно в то время, когда совершилось убийство в Угличе. Но тогда Димитрию было уже восемь лет. Нам кажется едва ли возможным уверить кого-нибудь, что он на восьмилетнем возрасте был обставлен такими лицами и обстоятельствами, которых он не помнил. Одно только можно сказать по этому поводу, что, быть может, ему описали углицкое событие происходившим ранее того времени, в каком оно действительно происходило, и он повторял рассказы со слов других с полною к ним верою, не помня сам происходившего. Но если таким образом он был подготовлен, то едва ли русскими боярами в московской земле, а скорее всего в польских владениях или какими-нибудь русскими выходцами, которых и при Грозном и при Борисе было много, или теми же Мнишками и Вишневецкими, среди которых мы застаем его. Последнее тем более может показаться вероятным, что, по низвержении его с престола, эти пань сейчас же создавали и подставляли других самозванцев с именем Димитрия; следовательно, могли выдумать и первого. Оставляя пока нерешенным вопрос о том: считал ли он

себя настоящим Димитрием или был сознательным обманщиком, мы, однако, не должны слишком увлекаться блеском тех светлых черт, которые проглядывают не столько в его поступках, сколько в словах. В течение одиннадцати месяцев своего правления Димитрий более наговорил хорошего, чем исполнил, а если что и сделал, то не следует забывать, что властители вообще в начале своего царствования стараются делать добро и выказывать себя с хорошей стороны: история представляет много примеров, когда самые дурные государи сначала являлись в светлом виде. Притом же, если в поступках названного Димитрия есть черты, несообразные со свойствами сознательного обманщика, то есть и такие, которые достойны этого призвания; таковы его развратные потехи, о которых рассказывает голландец Масса, вовсе невооруженный против ее личности, поступок со злополучной Ксенией, наконец следует принять во внимание его лживость и притворство, с которыми он показывал вид, будто сожалеет о смерти Годуновых и верит в их самоубийство, а между тем приближал к себе убийцу их, Молчанова, доставлявшего ему женщин для гнусных удовольствий.

Борис и патриарх Иов провозгласили его Григорием Отрепьевым. Впоследствии то же сделал Шуйский и подтверждал это показаниями монаха Варлаама, странствовавшего с Григорием Отрепьевым. Против этого можно сделать следующие возражения:

- 1) Если бы названный Димитрий был беглый монах Отре-

пьев, убежавший из Москвы в 1602 году, то никак не мог бы в течение каких-нибудь двух лет усвоить приемы тогдашнего польского шляхтича. Мы знаем, что царствовавший под именем Димитрия превосходно ездил верхом, изящно танцевал, метко стрелял, ловко владел саблей и в совершенстве знал польский язык: даже в русской речи его слышен был не московский выговор. Наконец, в день своего прибытия в Москву, прикладываясь к образам, он возбудил внимание своим неумением сделать это с такими приемами, какие были в обычае у природных москвичей.

2) Названный царь Димитрий привел с собою Григория Отрепьева и показывал его народу. Впоследствии говорили, что это не настоящий Григорий: одни объясняли, что это был инок Крыпецкого монастыря, Леонид, другие, что это был монах Пимен. Но Григорий Отрепьев был вовсе не такая малоизвестная личность, чтоб можно было подставлять на место его другого. Григорий Отрепьев был крестовый дьяк (секретарь) патриарха Иова, вместе с ним ходил с бумагами в царскую думу. Все бояре знали его в лицо. Григорий жил в Чудовом монастыре, в Кремле, где архимандритом был Пафнутий. Само собою разумеется, что если бы названный царь был Григорий Отрепьев, то он более всего должен был бы избегать этого Пафнутия и прежде всего постарался бы от него избавиться. Но чудовский архимандрит Пафнутий в продолжение всего царствования названного Димитрия был членом учрежденного им сената и, следовательно, виделся с царем

почти каждый день.

3) В Загоровском монастыре (на Волыни) есть книга с собственноручною подписью Григория Отрепьева; подпись эта не имеет ни малейшего сходства с почерком названного царя Димитрия.

Глава 25

Марина Мнишек

Женщина, в начале XVII века игравшая такую видную, но позорную роль в нашей истории, была жалким орудием той римско-католической пропаганды, которая, находясь в руках иезуитов, не останавливалась ни перед какими средствами для проведения заветной идеи подчинения восточной церкви папскому престолу. Мы уже говорили выше о нравственных качествах отца Марины, Юрия Мнишка. С наступлением господства иезуитов, овладевших польским королем Сигизмундом, Мнишек, прежде находившийся в дружеских связях с протестантскими панями, сделался горячим католиком, готов был отдать и себя, и свою семью на служение иезуитским целям, ожидая от этого выгод и возвышения для себя. Появление Димитрия подало ему удобный повод выказать себя вполне. Мы не знаем, до какой степени вначале названный Димитрий сам пленился красотой его дочери Марины и в какой степени должен был обязаться будущим браком с дочерью пана, который так горячо поддерживал его предприятие. Существует несколько романтических рассказов того времени о знакомстве Димитрия с Мариною, об его любовных объяснениях с нею, об ее гордости и кокетстве, с которым она разжигала страсть молодого человека, наконец, о поединке, который имел будто бы Димит-

рий с каким-то польским князем за прекрасную дочь Юрия: все это могли быть вымыслы, не имеющие для нас исторической достоверности. Марина была одна из нескольких дочерей Юрия Мнишка.¹⁰³

Судя по старым портретам и современным описаниям, она была с красивыми чертами лица, черными волосами, небольшого роста. Глаза ее блистали отвагою, а тонкие сжатые губы и узкий подбородок придавали что-то сухое и хитрое всей физиономии. Мнишек свозил Димитрия в Варшаву, уверился в том, что и духовенство, и король благосклонно относятся к названому царевичу, и тогда взял с последнего запись на очень выгодных для себя условиях, о которых мы уже говорили. Названный Димитрий, именем Св. Троицы обещая жениться на панне Марине, наложил на себя проклятие в случае неисполнения этого обещания; кроме тех сумм, которые он обязывался выдать будущему тестю, он обещал еще, сверх всего, выслать своей невесте из московской казны для ее убранства и для ее обихода разные драгоценности и столовое серебро. Марине, будущей царице, предоставля-

¹⁰³ По гербовнику Несецкого, Юрий Мнишек был два раза женат. От первой жены по фамилии Тарло, кроме двух сыновей Яна и Станислава, у него были две дочери: Марина и Урсула (Вишневецкая); от второй жены, княжны Головинской – четыре сына и три дочери: Анна, Августина и Евфросина, которые в описываемое нами время были все несовершеннолетними. По родословной книге Долгорукова у Мнишка было четыре сына и пять дочерей: старшая из них Христина была монахиня, вторая Анна, вышедшая замуж за пана Шишковского, третья Урсула Вишневецкая, четвертая Марина, пятая Евфросина в супружестве с паном Иорданом.

лись во владение Новгород и Псков с тем, что сам царь не будет уже управлять этими землями, а в случае если царь не исполнит такого условия в течение года, Марине предоставлял право развестись с ним. Наконец, в этой записи, которую названный царевич так стеснял себя для своей будущей жены, было выразительно сказано и несколько раз повторено, также в числе условий брака, что царь будет промышлять всеми способами привести к подчинению римскому престолу свое Московское государство. Таким образом, будущая царица принимала в глазах католиков высокое, апостольское призвание. Мнишек советовал Димитрию держать свое намерение в тайне, пока не вступит на престол. Мнишек не доверял Сигизмунду и опасался, что король захочет отдать за Димитрия свою сестру. Сама Марина, как говорят, вела себя сдержанно и давала понять названному Димитрию, что она тогда только осчастливит его своею любовью, когда он добудет себе престол и тем сделается ее достойным.

Димитрий сделался царем, но не тотчас обратился со своим сватовством. Прошло лето. Димитрий занимался делами и развлекался женщинами: это до известной степени заставляет подозревать, что Димитрий мог к обещанию, данному сендомирскому воеводе, отнестись так, как относился ко многим обещаниям, данным в Польше; быть может, он бы и не погиб, если бы нарушил это обещание. Не знаем вполне, что побуждало Димитрия исполнить его, но кажется, что Марина оставила впечатление в его сердце. В ноябре 1605 го-

да дьяк Афанасий Власьев, отправленный послом в Польшу, заявил Сигизмунду о намерении своего государя сочетаться браком с Мариною в благодарность за те великие услуги и усердие, какие оказал ему сендомирский воевода. Во время обручения, 12 ноября, Власьев, представлявший лицо государя, удивил поляков своим простодушием и своими московскими приемами. Когда по обряду совершавший обручение кардинал Бернард Мациевский спросил его: не давал ли царь прежде кому-нибудь обещания, посол отвечал: «А почему я знаю? Он мне не говорил этого». Все присутствующие рассмеялись, а Власьев как будто для большей потехи прибавил: «Коли б кому обещал, то меня бы сюда не прислал». Благоговение его к будущей своей государыне было так велико, что он не решился надеть, как следовало, обручальное кольцо и прикоснуться обнаженной рукой до руки Марины. После обручения был обед, а потом бал. «Марина, – говорит один из очевидцев, – была дивно хороша и прелестна в этот вечер в короне из драгоценных камней, расположенных в виде цветов». Московские люди и поляки равно любовались ее стройным станом, быстрыми изящными движениями и роскошными черными волосами, рассыпанными по белому серебристому платью, усыпанному камнями и жемчугом. Посол не танцевал с нею, говоря, что он не достоин прикоснуться к своей государыне. Но после танцев этого посла поразила неприятная для московского человека сцена. Мнишек подвел дочь к королю, приказал кланяться в ноги и бла-

годарить короля за великие его благодеяния; а король проговорил ей поучение о том, чтоб она не забывала, что родилась в польском королевстве и любила бы обычаи польские. Власьев тогда же заметил канцлеру Сапеге, что это оскорбительно для достоинства русского государя.

Димитрий отправил через своего секретаря Бучинского к сендомирскому воеводе требование, клонившееся к тому, чтобы его будущая супруга, по крайней мере наружно, соблюдала религиозные приемы, обычные в Московском государстве, дабы не вводить в соблазн русских, а именно: чтоб она причащалась в русской церкви и соблюдала ее уставы, оказывала всякое почтение греческому богослужению, не ходила бы после замужества с открытыми волосами и постилась бы в среду, а в субботу ела мясо; вместе с тем, у себя дома Димитрий предоставлял ей исполнять как угодно обязанности благочестия. Требование это очень не нравилось римско-католическому духовенству. Собственно, Димитрий требовал совсем противное тому, чего желали папа и католические духовные, т.е. он домогался, чтоб его жена в глазах всего русского народа присоединилась к православию. Что касается до позволения выражать как угодно у себя благочестие, то это не показывало в нем особого расположения к распространению католичества: то была свобода совести, которую он проповедовал всем своим подданным. Требование насчет исполнения православных обрядов пришло в такое время, когда папа заботился о том, чтобы сделать Ма-

рину своим орудием, и написал ей письмо, в котором, поздравляя с обручением, выражался так: «Теперь-то мы ожидаем от твоего величества всего того, чего можно ждать от благородной женщины, согретой ревностью к Богу. Ты, вместе с возлюбленным сыном нашим, супругом твоим, должна всеми силами стараться, чтобы богослужение католической религии и учение Св. апостольской церкви были приняты вашими подданными и водворены в вашем государстве прочно и незыблемо. Вот твое первое и главнейшее дело». Папский нунций в Польше, Рангони, на требование Димитрия отвечал, что он не может исполнить желания царя относительно его невесты, что это требует власти больше той, какую облечен нунций, убеждал оставить свои домогательства и устранить все затруднения силою своей самодержавной власти. Римский двор, получивши известие о требовании Димитрия, догадался, что московский царь обращается совсем не в ту сторону, куда надеялись направить его отцы иезуиты; там нашли недозволительным, чтобы Марина соблюдала обряды греческой церкви, и кардинал Боргезе писал к папскому нунцию в Польше: «Пусть Марина остается непременно при обрядах латинской церкви, иначе Димитрий будет находить новое оправдание своему упорству». Весьма может быть, что замедление приезда Марины в Москву зависело, между прочим, от недоразумений, возникших по этому религиозному вопросу. Обе стороны, не сошедшись между собою, решились на хитрости: Димитрий надеялся, что его

жена, живучи в Москве, свыкнется с необходимостью делать уступки народным обычаям, а католическая пропаганда отпустила Марину в Москву, надеясь, что она силою женской прелести сумеет все переделать сообразно папским видам.

Марина, со множеством сопровождавших ее лиц, переехала границу 8 апреля. Паны ехали не на короткое время и надеялись попировать на славу. Мнишек вез за собою одного венгерского несколько десятков бочек. Тысячи московских людей устраивали для них мосты и гати. Везде на московской земле встречали Марину священники с образами, народ с хлебом-солью и дарами. Мнишек с роднею несколькими днями ранее ее прибыл в Москву. Нареченная царица ехала за ним медленно и, приблизившись к Москве, остановилась в заранее приготовленных для нее шатрах. Здесь московские гости и купцы приносили ей поклоны и подносили подарки. 3-го мая Марина самым пышным образом въехала в столицу. Народ в огромном стечении приветствовал свою будущую государыню. Посреди множества карет, ехавших впереди и сзади и нагруженных панами и паньями, ехала будущая царица, в красной карете с серебряными накладками и позолоченными колесами, обитой внутри красным бархатом, сидя на подушке, унизанной жемчугом, одетая в белое атласное платье, вся осыпанная драгоценными камнями. Звон колоколов, гром пушечных выстрелов, звуки польской музыки, восклицания, раздававшиеся разом и по-великорусски, и по-малорусски, и по-польски, сливались между собою.

Едва ли еще когда-нибудь Москва принимала такой шумный праздничный вид. Молодая царица, въезжая в ворота Кремля, казалось, приносила с собою залог великой и счастливой будущности, мира, прочного союза для взаимной безопасности славянских народов, роскошные надежды славы и побед над врагами христианства и образованности. Но то был день обольщения; ложь была подкладкою всего этого мишурного торжества.

Марина остановилась в Вознесенском монастыре у матери царя, принявшей невестку, как говорят, радушно.

Но тяжела показалась польке обстановка русского почета. Марина с первого раза не сумела переломить себя настолько, чтобы скрыть неуважение к русским обычаям. Прискорбно ей было, что ее лишали возможности слушать католическую обедню; ее тяготило то, что она должна была жить в схизматическом монастыре, а народ, не допускавший сомнения в приверженности своего царя к отеческой вере, думал и говорил тогда, что царскую невесту для того и поместили в монастыре, чтоб познакомить с обрядами православной церкви, к которой она присоединится. Шляхтянки, окружавшие Марину, подняли вопль, побежали к панье сохачевской Старостине слушать обедню, которую отправлял приехавший с этою паньею ксендз в ее помещении, и Димитрий должен был утешать этих женщин, обещая им скорое возвращение на родину. Когда Марине принесли кушанье – она объявила, что не может сносить московской кухни, и царь прислал

к ней польского повара. Царь угощал у себя родственников невесты, а невеста должна была из приличия сидеть в монастыре, но чтоб ей не было скучно, царь послал ей для развлечения польских музыкантов и песенников, не обращая внимания, что русские соблазнялись: неслыханное для них было явление – песни и музыка в святой обители; и Димитрий и Марина отнеслись к этому с достойным друг друга легкомыслием. Не только песнями и музыкой забавлял Димитрий свою будущую подругу: он прислал ей для развлечения еще шкатулку, в которой было много драгоценностей, говорят даже, будто ценность их простиралась до 500000 р. Марина могла утешаться, пересматривая их и примеривая к себе то, что служило для женского украшения. Ее родитель, не знавший границ любви своей к деньгам, в то же время для своего утешения получил также сто тысяч золотых.

Между тем у духовенства поднялся вопрос: следует ли допустить к бракосочетанию Марину католичку или необходимо крестить ее в православную веру как нехристианку? Царь, верный своему всегдашнему взгляду, что все христианские религии равны и следует предоставить веру внутренней совести каждого, требовал от своей жены только наружного исполнения обрядов и уважения к церкви; патриарх Игнатий потакал ему; но поднялся тогда казанский митрополит Гермоген и коломенский епископ Иосаф, оба суровые ревнители православия, оба ненавистники всего иноземного. Димитрий выпроводил Гермогена в его епархию. В чет-

верг 8 мая назначен был день свадьбы.

По русскому обычаю не венчались накануне постных дней; правда, это собственно не составляло церковного правила, а только благочестивый обычай: царь не хотел оказывать уважения к обычаям. С приездом Марины Димитрием чересчур овладело польское легкомыслие.

Свадьба устроена была по заветному прадедовскому чину с караваями, с тысячским, с дружками, со свахами. Марина, не любившая русской одежды, должна была на этот раз переломить себя и явилась в столовую избу в русском бархатном платье с длинными рукавами, усаженном дорогими каменьями и жемчугом до того густо, что трудно было распознать цвет материи; она была обута в сафьянные сапоги; голова у ней была убрана по-польски, повязкою, переплетенной с волосами. После обычных церемоний новобрачные со свадебным поездом отправились в Успенский собор; пришлось целовать иконы; польки, к соблазну православных, целовали изображения святых в уста. Прежде венчания царь изъявил желание, чтоб его супруга была коронована. Неизвестно: было ли это желание самого царя из любви к своей невесте или же, что вероятнее, следствие честолюбия Марины и ее родителя, видевших в этом обряде ручательство в силе титула: если Марина приобретет его не по бракосочетанию с царем, подобно многим царицам, из которых уже не одну цари спроваживали, по ненадобности, в монастырь, а вступит в брак с царем уже со званием московской царицы. После

коронования Марина была помазана на царство и причастилась Св. Тайн.

Принятие Св. Тайн по обряду восточной церкви уже делало ее православною: так думал царь и с ним те русские, которые, отрешаясь от строгих взглядов, были снисходительнее к иноверию; но в глазах таких, для которых католики были в равной степени погаными, как жида и язычники, это было оскорбление святыни.

Совершилось венчание. Ксендз проговорил в Успенском соборе проповедь или речь: она тем более была неуместною, что произносилась на латинском языке, ни для кого из русских непонятном. Свадьба, однако, как началась, так и окончилась во дворце по всем правилам русского свадебного чина.

Потекли веселые дни пиров и праздников. Марина, по требованию царя, хотя и являлась в русском платье, когда принимала поздравления от русских людей, но предпочитала польское, и сам царь одевался по-польски, когда веселился и танцевал со своими гостями. Марину пленял ряд готовившихся удовольствий. В воскресенье готовился маскарад с великолепным освещением дворцов, а за городом устраивали примерную крепость, которую царь прикажет одним брать приступом, а другим защищать. Поляки затевали рыцарский турнир в честь новобрачной четы. Много иных веселых планов представлялось для суетной и избалованной судьбою Марины.

Но вместо ожидаемых празднеств и забав настало 16 мая. Разбуженная набатным звоном, не нашедши подле себя супруга, царица наскоро надела юбку и с растрепанными волосами бросилась из своих комнат, сбежала в нижние покои каменного дворца и хотела было укрыться в закоулке. Но ее уши поражали звон набата, треск выстрелов, неистовые крики. Марина выскочила из своего убежища, поднялась опять на лестницу; тут встретили ее заговорщики, искавшие царя, убежавшего из деревянного дворца. Ее не узнали и только столкнули с лестницы. Она вбежала в свои покои, к своим придворным дамам. Толпа московских людей бросилась туда с намерением найти ненавистную еретичку. Из мужчин был один только юноша, паж Марины Осмольский. Двери заперли. Осмольский стал с саблею в руке и говорил, что убийцы только по его трупу доберутся до царицы. Двери разломали. Осмольский пал под выстрелами; тело его изрубили в куски. Испуганные польки сбились в кружок. Если Шуйский, для пополнения своих соумышленников, выпустил из тюрем преступников, то неудивительно, что ворвавшиеся к женщинам москвичи начали прежде всего отпускать непристойные выходки и с площадною бранью спрашивали, где царь и где его еретичка царица. Бедная Марина, как рассказывают, будучи небольшого роста, спряталась под юбкою своей охмистрины. К счастью, прибежали бояре и разогнали неистовую толпу.

С тех пор Марина оставалась во дворце до среды будущей

недели; к ней приставили стражу. Шуйский был внимателен к ней: зная, что она не любит московского кушанья, приказал носить ей кушанье от отца. Ее собственный повар был умерщвлен. В среду пришли к ней московские люди от бояр и сказали: «Муж твой, Гришка Отрепьев, вор, изменник и прелестник, обманул нас всех, назвавшись Димитрием, а ты знала его в Польше и вышла за него замуж, тебе ведомо было, что он вор, а не прямой царевич. За это отдай все и ворота, что вор тебе в Польшу пересылал и в Москве давал». Марина указала им на свои драгоценности и сказала: «Вот мои ожерелья, камни, жемчуг, цепи, браслеты... все возьмите, оставьте мне только ночное платье, в чем бы я могла уйти к отцу. Я готова вам заплатить и за то, что проела у вас с моими людьми».

«Мы за проесть ничего не берем, – сказали москвичи, – но ворота нам те 55000 руб., что вор переслал тебе в Польшу».

«Я истратила на путешествие сюда не только то, что мне присылали, но еще и много своего, чтоб честнее было вашему царю и вашему государству. У меня более ничего нет. Отпустите меня на свободу с отцом; мы вышлем вам все, что требуется».

В то же время у Мнишка забрали десять тысяч рублей деньгами, кареты, лошадей и вино, которое он привез с собою.

Марину, обобранную дочиста, отослали к отцу, а на другой день прислали ей, как будто на посмеяние, пустые сун-

дуки. К отцу и дочери приставили стражу.

Итак, недавнее царственное величие, радость родных, поклонение подданных, пышность двора, богатство нарядов, надежды тщеславия – все исчезло! Из венчанной повелительницы народа, так недавно еще встречавшего ее с восторгом, она стала невольницею; честное имя супруги великого монарха заменилось позорным именем вдовы обманщика, соучастницы его преступления.

Часть поляков отпущена была домой, но знатные паны со своею ассистенцией оставлены под стражею. Новый царь задержал также и польских послов, а в Польшу отправил своих. Он опасался, что Сигизмунд начнет мстить за резню, произведенную в Москве над поляками; царь хотел, до поры до времени, удержать в своих руках заложниками и послов с их свитами, и свадебных гостей низверженного царя, и его супругу с тестем. Марина с отцом помещены были в доме, принадлежавшем дьяку Афанасию Власьеву, которого новый царь сослал за верную службу Димитрию, приказав, как велось, все его имущество отписать на себя.

Между тем на Шуйского готовился идти другой Димитрий. Михайло Молчанов, убежавши из Москвы, прибыл в Самбор и в соумышлении с женою Мнишка начал приискивать нового самозванца. Ему самому сначала хотелось разыгрывать Димитрия, но наружность его чересчур не подходила к этой роли; он мог сказаться только Димитрием перед Болотниковым, русским пленником, возвращавшимся в отече-

ство, никогда не выдавшим прежнего названного Димитрия. Он поручил ему собирать против Шуйского силы русского народа, уверяя всех и каждого, что Димитрий спасся от смерти в Москве и явится снова отнимать свой престол у похитителя. Шуйскому показалось опасным оставлять поляков в Москве. В столице стали появляться подметные письма, извещавшие, что Димитрий жив.¹⁰⁴ Не все могли удостовериться собственными глазами, что прежний царь был убит: труп его, выставленный на Красной площади, был до такой степени обезображен, что нельзя было распознать в нем черт человеческого лица. Начали ходить толки о том, что выставленный труп совсем не был трупом царя. Шуйский боялся мятежа: тогда поляков могли освободить. Он рассудил за благо отправить их подальше и в августе 1606 года разослал по разным городам. Марину с отцом, братом, дядею и племянником Мнишка послали в Ярославль. Там они пребывали под стражею до июня 1608 года. Между тем совершились важные перевороты. Болотников именем спасшегося в другой раз от смерти Димитрия успел поднять на ноги русский народ; Шуйский едва-едва удержался, но Димитрий, которого все ждали, не явился; народ, утомившись ожиданием, оставил Болотникова; Шуйский, после упорной борьбы, уни-

¹⁰⁴ По одним известиям, он назывался Богданом и был литвин, по другим – крещеный, по третьим – некрещеный еврей, по четвертым – сын Курбского, по пятым – его отыскал в Киеве путивльский поп Воробей, по шестым – его выслала в Московское государство жена Мнишка, по седьмым – он был родом стародубец и учил детей сначала во Шклове, а потом в Могилеве.

чтожил его. Но вдруг новый названный Димитрий явился в Стародубе. Об его личности сохранились до крайности противоречивые известия. По всему видно, он был только жалким орудием партии польских панов, решившейся во что бы ни стало произвести смуту в Московском государстве. Здесь несомненно участие жены Мнишка, мстившей за плен своего мужа. Рассказывают, что самозванец, вышедший из литовских владений в Московское государство, по внушению агента жены Мнишка, Меховецкого, не решился сразу назвать себя царем, а назвался дядею Димитрия Нагим. Пришедши в Стародуб, вместе с подьячим Алексеем Рукиным, он объявлял, что сам он Нагой, а за ним идет Димитрий с паном Меховецким. Рукин отправился в Путивль и там объявлял, что Димитрий уже в Стародубе. Путивльцы с ним отправились в Стародуб, приступили к названому Нагому, спрашивали: «Где Димитрий?» Мнимый Нагой отвечал: «Не знаю». Тогда путивльцы вместе со стародубцами напали на Рукина за то, что он ложно сказал, будто Димитрий в Стародубе, стали бить его кнутом, приговаривая: «Говори, где Димитрий?» Рукин, не стерпя муки, указал на того, кто назвался Нагим, и сказал: «Вот Димитрий Иванович, он стоит перед вами и смотрит, как вы меня мучите. Он вам не объявил о себе сразу, потому что не знал, рады ли вы будете его приходу». Новопоказанному Димитрию не оставалось ничего, как только назваться Димитрием или подвергнуться пытке. Он принял повелительный вид, грозно махнул пал-

кою и закричал: «Ах вы сякие дети, я государь!» Стародубцы и путивльцы упали к его ногам и закричали: «Виноваты, государь, не узнали тебя; помилуй нас. Рады служить тебе и живот свой положить за тебя». С тех пор он остался Дмитрием. Немедленно к нему стеклось до трех тысяч русских с северской земли. Пришел выславший его, Меховецкий, с отрядом украинской вольницы, дожидавшийся на границе, что станется с самозванцем, когда он объявит о себе русским. Потом пристал к нему донской атаман Заруцкий, родом из Червонной Руси, отправленный Болотниковым искать Дмитрия. Меховецкий разослал в Польшу письма и извещал, что Дмитрий явился, что пришла для поляков пора военной славы и мщения за убитых в Москве. По этим письмам один за другим прибыли к самозванцу паны: Адам Вишневецкий, Хруслинский, Хмелевский, Валавский, Самуил Тишкевич и самый сильный, князь Роман Рожинский. У всех их было по значительному отряду вольницы, человек до тысячи в каждом, а у Рожинского более четырех тысяч; кроме того, князь Рожинский был человек с весом, и его войско увеличивалось с каждым днем новыми пришельцами. Тут были преступники, так называемые «банниты», осужденные за разные своевольства и избегавшие законной казни, проигравшиеся и пропившиеся шляхтичи, которым, ради насущного хлеба, надобно было приняться за какое-нибудь ремесло, а, по тогдашним польским понятиям, только военное ремесло и было достойно шляхетского звания. Были здесь и

неоплатные должники, бежавшие от заимодавцев, наконец, были такие молодцы, для которых было все равно в какую бы сторону ни отправиться, лишь бы весело пожить; а, по их понятиям, весело пожить значило грабить, разорять и вообще делать кому-нибудь вред. Польская вольность произвела чрезвычайное множество таких, о чем свидетельствуют и современные акты и горькие жалобы польских моралистов. Все это бросилось в московскую землю под знамя новоотысканного Димитрия. Никто не верил, чтоб он был настоящим. Князь Рожинский отстранил Меховецкого, принял звание гетмана и начал так помыкать названным царем, что последний два раза хотел убежать от чести называться царем, но его возвращали и принуждали снова играть взятую роль. В третий раз в отчаянии он начал пить водку, которой он прежде не пил, хотел допить до смерти; но это ему не удалось, и он решился предаться своему жребию.

Дела нового самозванца пошли успешно. Весть о том, что Димитрий жив, быстро разносилась по Руси. Поляки с ним двинулись – и города сдавались за городом. Взятые были Карачев, Брянск, Орел. Отсюда, остановившись, самозванец разослал грамоту, в которой убеждал русский народ – с одной стороны, отступить от Шуйского, а с другой, не верить царевичам, которые тогда появлялись один за другим в разных местах. «Ведомо нам учинилось, – писал он, – что, грех ради наших и всего Московского государства, объявилось в нем еретичество великое: вражым наветом, злокозненным

умыслом, многие стали называться царевичами московскими». Он приказывал таких царевичей ловить, бить кнутом и сажать в тюрьму до царского указа. Выступивши весною из Орла, самозванец со своею шайкою разбил войско Шуйского под Волховом и беспрепятственно шел до самой Москвы. Первого июня он прибыл к Москве, а на другой день поляки заложили лагерь в восьми верстах от Москвы, в селе Тушине, между Москвою-рекою и впадавшею в нее рекою Восточною.¹⁰⁵ С тех пор каждый день шайка увеличивалась и поляками, и русскими. Пришли к самозванцу паны: Млоцкий, Александр Зборовский, Выламовский, Стадницкий и отважный богатырь Ян Сапега, племянник канцлера Льва, осужденный в отечестве за буйство. Все они привели с собою отряды вольницы, под названием гусар и казаков. Толпы русских стекались в Тушино; приехали к самозванцу с поклоном и люди знатного рода: стольник князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой, князь Димитрий Черкасский, князь Алексей Сицкий, князь Василий Мосальский, князя Засекины и другие. Люди, чувствовавшие за собою мало значения в государстве Шуйского, желая подняться в чинах, увидели возможность возвышения, примкнувши к иному государю. Города за городами стали отпадать от Шуйского и провозгласили царем спасенного Димитрия; сторонники Шуйского прозвали его Тушинским вором, и это имя осталось за ним в истории.

¹⁰⁵ На этом месте донныне уцелел вал.

В это время Шуйский, после двухлетних недоразумений и споров, заключил с польскими послами перемирие на три года и одиннадцать месяцев. По этому перемирию, всех задержанных поляков следовало отпустить и дать все нужное до границы. Марину с семьею привезли в Москву. Она должна была отказаться от титула московской царицы, а Мнишек дал обязательство не называть вора зятем. Так как затруднительно было ехать прямо на Смоленск, то их повезли в Углич, оттуда на Тверь, а из Твери на Белую. Мнишек как-то успел дать знать в Тушино, что они едут в Польшу, с тем, чтоб их перехватили на дороге. Провожал их князь Владимир Долгорукий с тысячею ратных людей. Рожинский из тушинского лагеря послал в погоню отряд под начальством Зборовского; с ними поехали и русские люди под начальством Мосальского. Так как поляки, наверно, не знали, согласится ли Марина признать обманщика за прежнего мужа, то отправили погоню только для того, чтоб русские повсюду узнали, что царь посылает за женою. На самом же деле они не желали, чтоб она была захвачена. Но Мнишек нарочно ехал медленно, так что 16 августа его нагнали под деревнею Любеницами, уже недалеко от границы. Провожатые разбежались. Марина, страшась за неизвестность своей судьбы, отдалась под защиту Яна Сапеги, который с 7000 удалцов шел к Тушину; Сапега уверил Марину, что муж ее действительно спасся, и повез ее с собою. Марина не видала трупа названного царя Димитрия, поверила и так была рада, что, едучи

в карете, веселилась и пела. Тогда к ней подъехал князь Мосальский и сказал: «Вы, Марина Юрьевна, песенки распеваете, оно бы кстати было, если бы вы в Тушине нашли вашего мужа; на беду, там уже не тот Димитрий, а другой». Марина стала вопить и плакать. Князь Мосальский, страшась за это мщения от поляков, бежал с дороги к Шуйскому.

Марину 1 сентября привезли против воли в Тушино. Рожинский явился к ней и пригласил в обоз. Марина кричала, что не поедет ни за что. Везти ее насильно оказывалось неудобным, потому что нужно было, чтобы все видели нежную радость супругов при свидании. Пять дней уговаривал Марину Сапега: она не поддавалась. Но Мнишек вместе с Рожинским и Зборовским отправился к вору, и тот обещал ему 300000 руб. и северскую землю с четырнадцатью городами. Мнишек продал свою дочь.

Вор на другой день приехал к Марине. Марина отвернулась от него с омерзением. Паны принуждены были приставить к ней стражу. Но при помощи нежного родителя наконец уговорили Марину. К этому присоединились убеждения какого-то иезуита, который уверял, что с ее стороны это будет высокий подвиг в пользу церкви. Марина согласилась играть комедию с условием, что называвший себя Димитрием не будет жить с нею как с женою, пока не овладеет московским престолом. Замечательно, что польский посол Олесницкий, также захваченный на дороге и привезенный в тушинский лагерь, ездил с вором в одной коляске к Марине

и, вероятно, уговаривал ее играть позорную комедию, а при отъезде получил от вора грамоту на владение городом Белою. На другой день Сапега с распущенными знаменами повез Марину в воровской табор; и там, посреди многочисленного войска, мнимые супруги бросились друг другу в объятия и благодарили Бога за то, что дал им соединиться вновь.

Мнишек пробыл в таборе вора около четырех месяцев и потом уехал в Польшу. Между Мнишком и дочерью возникли холодные отношения. Мнишек сносился с вором, а дочери не писал. В январе 1609 года Марина писала к отцу: «Я нахожусь в печали как по причине вашего отъезда, так и потому, что простилась с вами не так, как хотелось; я надеялась услышать из уст ваших благословение, но, видно, я того недостойна. Слезно и умиленно прошу вас, если я когда-нибудь по неосторожности, по глупости, по молодости или по горячности оскорбила вас, простите меня и пошлите дочери вашей благословение... Как будете писать его царской милости, упомяните и обо мне, чтоб он оказывал мне любовь и уважение, а я обещаю вам исполнить все, что вы мне поручили, и вести себя так, как вы мне повелели». Но ответа не получила Марина. Она просила у отца черного бархата на платье. Ответа не было. Вскоре и вор начал жаловаться, что Мнишек ему не пишет. В марте того же года Марина писала к отцу и жаловалась, что с нею поступают не так, как было обещано при отъезде Мнишка, припоминала, как отец ее вместе с нею кушал вкусных лососей и пил старое вино,

скорбила о том, что в Тушине нет ни того, ни другого, и просила прислать. Отец не отвечал. Наконец, в августе она опять писала ему, жаловалась, что, несмотря на множество писем, не получала никакого ответа и только от чужих узнавала о родителях. Видно, Мнишек сообразил, что дело тушинского вора в Польше не может обратиться в его пользу, так как Сигизмунд не намерен был поддерживать самозванца, а затевал сам овладеть Московским государством; поэтому сендомирский воевода играл роль, будто не участвует в обмане, не одобряет поступков дочери и оставил ее на произвол судьбы.

Признание Мариною нового Димитрия своим мужем сильно подняло его сторону. Русские города с землями один за другим признавали его. Южные области, кроме Рязани, уже прежде были за него; после того как разошлась весть о соединении его с Мариною, сдались ему: Псков, Иван-Город, Орешек, Переяславль-Залесский, Суздаль, Углич, Ростов, Ярославль, Тверь, Бежецкий Верх, Юрьев, Кашин, Торжок, Белоозеро, Вологда, Владимир, Шуя, Балахна, Лух, Гороховец, Арзамас, Романов и другие. Новгород едва держался; Нижний и Смоленск стояли за Шуйского, но мордва беспокоила Нижний, и многие из этого города бежали к Димитрию. Сапега осаждал Троицу, но не мог взять, несмотря ни на какие усилия. В таком положении были дела вора несколько месяцев. Тушинский лагерь беспрестанно наполнялся и поляками и русскими. В нем было до 18000 конных и 2000 пеших поляков, более 40000 разных казаков: и запорожских, и

донских, и неопределенное число московских людей. Сами предводители не знали, сколько их было, потому что одни убывали, другие прибывали. Польское войско у Димитрия состояло из сбродных команд, составленных на свой счет панами или же образовавшихся в виде товариществ; во всякой команде были правила, и все присягали повиноваться предводителю; кроме того, в обозе было множество всякого рода слуг. Поляки надевали на голову железный шишак, на теле, сверх жупана, большею частью белого цвета, носили сетку из плетеной проволоки или из железных колец, а иные – панцири из блях. Сверх вооружения накидывали синий плащ. У гусаров оружием был «концер» (короткий палаш), маленькое ружье и длинное копье, воткнутое у луки седла с двухцветным значком; конец копья волочился по земле, и оттого такие копья назывались «влочнями». Гусарские седла покрывались звериными шкурами, а к бокам коней привязывались крылья. Запорожцы, вооруженные самопалами и копьями, узнавались по широким красным шароварам, черным киреям и высоким бараньим шапкам. Донцы и московские люди были одеты чрезвычайно разнообразно: иные были вооружены луками и колчанами, но их можно было по наружности отличать по колпакам, высоким воротникам и длинным рукавам, собранным в складки. Главная сила вора состояла тогда в казачестве, которое стремилось к ниспровержению прежнего порядка и установлению казачьей вольности. «У нашего царя, – писал один из служивших у него поляков, –

все делается, как по Евангелию, все равны у него по службе». Но когда стали приставать к нему люди родовитые, в Тушине начали возникать споры о старшинстве, явилась зависть и соперничество друг с другом.

С наступлением осени начались постройки; для жилья вырыли землянки, и в них устроили печи, для лошадей сплели из хвороста с соломою загоны. Те, которые были познатнее и побогаче, ставили себе избы. Особым обозом от военного стояли торговые люди, которых было до трех тысяч. Отовсюду привозили: печеный хлеб, масло, гнали быков, баранов, гусей, водки и пива было изобильно. Поляки приказывали русским в окрестностях курить вино, варить пиво и доставлять в лагерь. Из Литвы, Польши и Московского государства стеклись толпами в Тушино распутные женщины; сверх того, удальцы хватали русских жен и девиц, привозили в лагерь и не иначе отпускали, как за деньги, но часто, отпустивши, гнались за отпущенными и снова хватали, и в другой и в третий раз брали за них деньги. Иные женщины до того осваивались с веселою жизнью в лагере, что когда отцы и мужья выкупали их, то они снова бежали в Тушино. Игра в карты и кости забавляла удальцов и доводила до частых драк и убийств.

Поляки и русские воры, которых отправлял Рожинский по городам, скоро вооружили против себя русских. Сначала вор обещал тарханские грамоты, освобождавшие русских от всяких податей, жители вскоре увидели, что им придет-

ся давать столько, сколько захотят с них брать. Из Тушина посылались сборщики запасов, а Сапега из-под Троицы туда же посылал своих сборщиков. Итак, с одного и того же места брали вдвое. Потом являлись предводители команд и еще собирали с крестьян запасы. Разорительна была также доставка подвод, потому что ратные люди, взявши лошадей, не возвращали их хозяину. Наконец, поляки и русские сами собою составляли шайки, нападали на села и неистовствовали над людьми; для потехи истребляли они достояние русского человека, убивали скот, бросали мясо в воду, насиловали женщин и даже недорослых девочек. Были случаи, что женщины, спасаясь от бесчестия, резались и топились на глазах злодеев, а другие бежали от насилия и замерзали по полям и лесам. Поляки умышленно оказывали пренебрежение к святыне, загоняли в церкви скот, кормили собак в алтарях, шили себе штаны из священнических риз, клали мясо на церковную утварь и, разгулявшись, для забавы приказывали монахам и монахиням петь срамные песни и плясать.

Такие поступки ожесточили русский народ; уверенность в том, что в Тушине настоящий Димитрий, быстро исчезала. Спустя три месяца после признания Тушинского вора города с землями одни за другими присягали Шуйскому, собирали ополчения; началась народная война; стали убивать, хватать и топить тушинцев. Из Тушина посылались для усмирения народа отряды, которые своими злодействами еще более озлобили народ против вора. Между тем с севера шел

Скопин с шведскою помощью, одерживал верх над тушинцами и своими успехами ободрял народное восстание, а с Волги пришло к нему на помощь другое ополчение, Шереметева. Тушинцы увидели, что их дело проиграно, и старались каким-нибудь образом взять поскорее Москву, где Василия Шуйского не терпели, как и во всей остальной Руси. Они подкупали изменников зажечь город, но покушение это не удалось. С другой стороны им грозил польский король.

Сигизмунд подступил к Смоленску осенью 1609 года и требовал сдачи, прямо заявляя о своем намерении овладеть Московским государством. В ноябре он послал депутатов к войску вора, в Тушино, с тем, чтобы отвлечь поляков от самозванца и привлечь их к своему войску.

Не обращаясь ни к вору, ни к Марине, королевские комиссары вступили в переговоры с Рожинским, Зборовским и другими панами, убеждали оставить обманщика и служить своему королю. Поляки, служившие вору, запросили с короля 20 миллионов злотых, которые им обещал заплатить Дмитрий. Начался торг. Несчастный вор, узнавши об этом, попробовал было спросить Рожинского: зачем приехали королевские комиссары? Но Рожинский отвечал ему на это: «А тебе... сын, что за дело? Они ко мне приехали, а не к тебе. Черт тебя знает, кто ты таков! Довольно мы уже тебе служили». Поляки в глаза обзывали самозванца обманщиком и воров и кричали на него так, что он прятался от них. Не приставая пока к королю всем составом войска, находившегося

в Тушине, поляки поодиночке переходили на его сторону. Бояре, находившиеся с вором, вместе с митрополитом Филаретом Романовым, которого, взявши в Ростове силою, по неволе держали в Тушине, отрекались разом и от самозванца, и от Шуйского, и заявляли желание отдаться Сигизмунду, с тем только, чтобы православная вера была сохранена ненарушимо.

Когда вор увидел, что ему нет надежды и его могут не сегодня-завтра лишить свободы, – переделся в крестьянское платье, бежал из табора, вместе со своим шутком Кошелевым, в Калугу, и оттуда разослал грамоты, возбуждая русских везде по городам бить поляков, а их имущество свозить в Калугу. Одни говорят, что он сделал это с согласия Марины; другие, – что тайно от нее.

Сначала бегство его произвело большое волнение в таборе, но потом оно содействовало тому, что поляки стали податливее к предложениям комиссаров. Общее волнение всего лучше утишили бывшие в Тушине московские бояре, объявив, что они желают иметь царем Сигизмундова сына Владислава. Поляки решили послать к своему королю депутацию с тем, чтобы выторговать побольше выгод, а московские люди послали из своей среды митрополита Филарета и боярина Салтыкова с товарищами, в числе сорока двух человек, просить на царство Владислава.

После этого Стадницкий написал Марине письмо, не называл ее ни царицею, ни великою княгинею, а просто сендо-

мирскую воеводянкою, уговаривал оставить честолюбивые замыслы и возвратиться в Польшу. Марина отвечала: «Я надеюсь, что Бог, мститель неправды, охранитель невинности, не дозволит моему врагу, Шуйскому, пользоваться плодами своей измены и злодеяний. Ваша милость должны помнить, что кого Бог раз осиял блеском царского величия, тот не потеряет этого блеска никогда, так как солнце не потеряет блеска оттого, что его закрывает скоропреходящее облако».

5-го января Марина отправила письмо из Тушина к королю и писала так: «Если кем на свете играла судьба, то, конечно, мною; из шляхетского звания она возвела меня на высоту московского престола только для того, чтобы бросить в ужасное заключение; только лишь проглянула обманчивая свобода, как судьба ввергнула меня в неволю, на самом деле еще злополучнейшую, и теперь привела меня в такое положение, в котором я не могу жить спокойно, сообразно своему сану. Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московский престол, обеспеченное коронацией, утвержденное признанием за мною титула московской царицы, укрепленное двойною присягою всех сословий Московского государства. Я уверена, что ваше величество, по мудрости своей, щедро вознаградите и меня, и мое семейство, которое достигало этой цели с потерей прав и большими издержками, а это неминуемо будет важною причиною к возвращению мне моего государства в союзе с вашим королевским величеством».

Бояре уехали к Сигизмунду просить Владислава: депутаты от тушинского войска поехали торговаться со своим королем о вознаграждении; они не забыли Марины, и король обещал ей дать удел в Московском государстве.

Но в тушинском лагере началось полное разложение: вор из Калуги требовал казни Рожинского и других, приказывал доставить в Калугу для казни изменников бояр, обратившихся к польскому королю, убеждал служивших ему поляков ехать в Калугу вместе с Мариною и расточал разные обещания. Тогда Марина явилась перед войском с распущенными волосами, плачущая, перебегала от одной ставки к другой, умоляла, заклинала не оставлять ее; «она, – говорит современник, – не останавливалась ни перед какими средствами, противными женской стыдливости». Ее появление довело волнение до междоусобия. Донские казаки и часть польских удальцов вышли из табора, с тем, чтобы идти в Калугу; атаман Заруцкий, впоследствии соединивший свою судьбу с Мариною, был тогда противником ее, он стал останавливать казаков, донес об их намерении Рожинскому, а Рожинский приказал ударить на уходящих казаков оружием. Произошла драка, стоившая жизни двум тысячам людей. Казаки все-таки ушли в Калугу, а с ними отправился князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой и князь Засекин.

Тогда Марина оставила у себя в шатре письмо такого содержания: «Без родителей, без кровных, без друзей и покровителей мне остается спасти себя от последней беды, что

готовят мне те, которые должны были бы оказывать защиту и попечение. Меня держат как пленницу. Негодяи ругаются над моею честью: в своих пьяных беседах приравнивают меня к распутным женщинам, за меня торгуются, замышляют отдать в руки того, кто не имеет ни малейшего права ни на меня, ни на мое государство. Гонимая отовсюду, свидетельствуюсь Богом, что буду вечно стоять за мою честь и достоинство. Бывши раз московскою царицею, повелительницею многих народов, не могу возвратиться в звание польской шляхтянки, никогда не захочу этого. Поручаю честь свою и охранение храброму рыцарству польскому. Надеюсь, оно будет помнить свою присягу и те дары, которых от меня ожидают».

Ночью с 16-го на 17-е февраля Марина ускакала из Тушина, переодетая в гусарское платье, с одною служанкою и несколькими казаками. Путь ее лежал в Калугу, но она сбилась с дороги и попала в Дмитров, где был Сапега, который принял ее вежливо. В это время Скопин послал против Сапеги отряд под начальством князя Куракина. Ехать дальше Марине было нельзя. Она поневоле должна была запереться вместе с Сапегою в Дмитрове, и, когда, от сильного напора, осажденные начали падать духом, тогда Марина вышла на стену и сказала: «Смотрите и стыдитесь, я женщина, а не теряю мужество!» К счастью Сапеги и Марины, сами русские не могли долго оставаться под Дмитровом по недостатку запасов. Тогда Марина решилась ехать в Калугу к самозванцу.

Сапега сначала ее удерживал: «Не безопаснее ли вам, – говорил он, – воротиться в Польшу к отцу и матери, а то вы попадете в руки Скопина или Делагарди».

«Я царица всей Руси, – отвечала Марина. – Лучше исчезну здесь, чем со срамом возвращусь к моим ближним в Польшу». «Я вас не пушу против вашей воли», – сказал Сапега. «Никогда этого не будет, – ответила Марина. – Я не позволю собою торговать. Если вы меня не пустите, то я вступлю с вами в битву; у меня 350 казаков».

Сапега не стал ее удерживать. Она надела польский красный бархатный кафтан, сапоги со шпорами, вооружилась саблей и пистолетом и отправилась в дорогу. Она ехала до Калуги то верхом, то в санях. Казаки провожали ее до Калуги.

Вслед за тем, спустя месяц, Рожинский, остававшийся еще в Тушине, боялся, что, при всеобщей неурядице, если нападет на табор Скопин, то будет ему плохо. 15 марта он объявил, что всякий может идти куда хочет, зажег табор и ушел в Волок. Часть казаков тогда же ушла к вору в Калугу; другая, тысяч до трех, пошла за Рожинским. Под Иосифовым монастырем произошло новое междоусобие. В этой суматохе Рожинский упал на каменную лестницу монастыря,шиб себе бок, заболел и вскоре умер. Большая часть из бывших с ним поляков перешла к королю. Немногие ушли в Калугу. Сапега поехал также к королю, а от короля отправился к вору, и там служившие самозванцу поляки избрали

его гетманом.

Недолго оставался вор с Мариною в Калуге, живя сначала в монастыре, а потом в построенном для него дворце. Скопина не стало. Польский гетман Жолкевский разбил наголову войско Шуйского. Народ явно не терпел своего царя. Как только весть об этом дошла в Калугу, вор с Мариной быстро двинулся к Москве. Сапега предводительствовал его полчищами. Высланное Василием войско, под начальством князей Воротынского и Лыкова, не вступало против него в битву; отряд союзных татар, выставленный вперед, бежал. Вор взял Боровск. Кашира и Коломна сдались добровольно. Полчище подошло к Москве. Марина поместилась в монастыре Николая на Угреше, а самозванец, 11 июня, расположился в селе Коломенском. Это было в то время, когда, с другой стороны, шел к столице победитель войск Шуйского, Жолкевский.

Василий был сведен с престола. Гетман Жолкевский расположился с войском на Девичьем поле, на стороне, противоположной той, где стоял вор. Сапега начал колебаться и вместе со сторонниками самозванца попытался в последний раз сойтись с Сигизмундом в пользу самозванца и Марины. Отправили посольство в Смоленск к королю. Вор и Марина делали Сигизмунду выгодные предложения, с условием, что он не станет мешать им овладеть столицей. Они обещали в течение десяти лет платить королю по 300 000 злотых, а королевичу Владиславу по 100000 злотых, уступить Польше северскую землю, возвратить Польше Ливонию, помогать

казною и войском против шведов и быть в готовности против всякого неприятеля, по приказанию польского короля. Паны смеялись над таким предложением; нелепо казалось им оказывать помощь вору во владении Москвою, когда уже Москва отдалась Польше. Тогда послы вора, природные поляки, сказали им: «Мы не запираемся, что человек, который называет себя Димитрием, вовсе не Димитрий, и мы сами не знаем, кто он таков. Было много примеров, когда Бог возвышал людей из низшего звания, как например, Саула или Давида. Он Божие оружие. Больше будет славы и пользы для Польши тогда, когда вы посадите его на московский престол, чем тогда, когда сядет на этот престол Владислав. Бояре выбирают Владислава, а попробуйте заикнуться им, чтобы они уступили Польше московские провинции, увидите, что они вам скажут; а наш князь московский будет совершенный данник Польши и отдаст ей северскую и рязанскую земли, которые и теперь в наших руках. Московский народ привык жить под рабством. Ему нужно такого царя, как наш, а не Владислава, который примет царство с условиями. Мы своего Димитрия посадим на престол без всяких условий, и он будет делать все, что вы захотите». На это паны отвечали:

«Как вы можете сравнивать своего вора с Давидом? Это мерзко и гнусно. Правда, московский народ не любит свободы и готов переносить всякое тиранство, но от природных своих государей, а не от воров. Вы уже видели пример на первом воре. Если вашего вора возвести на престол, то при-

дется вести войну; разве легко усмирить такое пространное государство? А Владиславу оно добровольно отдается!»

Послы объявили, что поляки отступят от вора, пусть только Речь Посполитая заплатит им за прежние услуги; но паны отвечали:

«Невозможно платить вам за то, что вы, без воли Речи Посполитой, нарушая народные права, вторглись в чужое государство и служили у обманщика. Условия вы бы могли предлагать, если бы за вами была какая-нибудь сила!»

Поляки, служившие у вора, получивши такой ответ, рассердились до того, что хотели брать столицу приступом и биться хотя бы с Жолкевским. Между тем сторона вора усиливалась. Из Суздаля, Владимира, Галича стали присылать в его обоз с повинною; в самой Москве чернь, страшась польского владычества, склонялась к вору. Бояре московские стали умолять Жолкевского, чтобы он вместе с московскими людьми расправился окончательно с вором. Жолкевский обогнул Москву и шел на битву. Сапега вывел против него свое войско. Вор ушел к жене, в Угрешский монастырь. Но прежде чем дошло до битвы между Жолкевским и Сапегою, оба предводителя съехались между собою в виду двух войск. Жолкевский успел склонить Сапегу обещаниями удовлетворить служивших у вора поляков, и Сапега дал слово отступить от самозванца и Марины, но с тем, однако, чтобы вор был обеспечен. Вожди разъехались, и вечером, в тот же день, Жолкевский послал Сапеге письменное условие, в ко-

тором обещал именем короля дать самозванцу и Марине в удел Самбор или Гродно, если названный Димитрий удовлетворится этим. Все поляки, служившие у Сапеги, порешили оставить Димитрия и перейти в королевскую службу. Со своей стороны, московские бояре отправили к Сапеге боярина Нагого отвести от вора русских людей и привести к присяге Владиславу. Тогда князья: Федор Долгорукий, Алексей Сицкий, Федор Засекин, а также Михайло Туренин и разные дворяне оставили вора и прибыли в Москву. Только Димитрий Тимофеевич Трубецкой остался при воре.

Когда представили вору и Марине условия, предложенные Жолкевским, Марина сказала польским депутатам:

«Пусть король Сигизмунд даст царю Краков, а царь из милости уступит ему Варшаву». Вор прибавил:

«Лучше я буду служить где-нибудь у мужика и добывать трудом кусок хлеба, чем смотреть из рук его польского величества».

Когда такой ответ передан был Жолкевскому, гетман, с дозволения бояр, двинулся с войском через Москву, с тем, чтобы захватить вора и Марину в монастыре. Но какой-то изменник москвич сообщил об этом вору заранее. Вор с Мариною и ее женскою прислугою, не успевши ничего захватить с собою, убежал в Калугу в сопровождении отряда донцов под начальством атамана Заруцкого. Сапега остался под Москвою; через несколько времени, по настоянию Жолкевского, он отправился в северскую землю приводить ее в поддан-

ство Владиславу, где его шайка вооружала против себя жителей своим бесчинством и своеволием. С тех пор Жолкевский, стоя под Москвою, не преследовал более вора, посылал его уговаривать согласиться на предложения Сигизмунда и грозил усмирить его оружием только в случае совершенного непокорства королевской воле. Многим московским людям не нравилось такое великодушие и было одним из поводов к неудовольствию против поляков. К концу 1610 года взаимные недоразумения между поляками и русскими выросли уже до сильной степени. Во многих городах не хотели признавать королевича и признавали Димитрия, не потому, чтобы в самом деле верили в последнего, а потому, чтобы иметь какой-нибудь значок против поляков. Вор и Марина послали в Москву какого-то попа Харитона возмущать бояр. Этот поп попался в руки поляков, был подвергнут пытке и наговорил на князей Воротынского и Андрея Голицына, которых Гонсевский, заступивший место Жолкевского, посадил под стражу. Это обстоятельство усилило раздражение русских против поляков и способствовало успеху партии Димитрия. Но в декабре с вором случилось трагическое событие.

Касимовский царь Ураз-Махмет (называемый у нас Ур-Мамет) пристал к вору еще в Тушине, а когда вор убежал из Тушина, он приехал служить Жолкевскому, но его сын и бабка поехали за вором в Калугу. Касимовскому царю понравилось у поляков, и он, поживши несколько недель под

Смоленском, отправился в Калугу, с намерением отвлечь сына от вора. Убеждая сына перейти к полякам, сам он прикидывался перед вором, будто предан ему по-прежнему; но сын подружился с вором искренно и сообщил ему правду о своем родителе. Вор пригласил касимовского царя на охоту и в присутствии двух приверженцев своих убил его собственноручно. Тело было брошено в Оку. Вор после этого кричал, что касимовский царь хотел убить его, но не успел и убежал куда-то. После того вор подавал делу такой вид, будто Ураз-Махмет пропал без вести. Но за касимовского царя явился мстителем его друг, крещеный татарин Петр Урусов. Он упрекнул вора убийством касимовского царя. Вор посадил Урусова в тюрьму и держал шесть недель, а в начале декабря 1610 г., по просьбе Марины, простил, обласкал и приблизил к себе. 10 декабря вор, вместе с Урусовым и несколькими русскими и татарами, отправился на прогулку за Москву-реку. Некогда трезвый, в это время вор страшно пьянствовал и, едучи в санях, беспрестанно кричал, чтобы ему подавали вино. Урусов, следовавший за ним верхом, ударил его саблею, а меньшой брат Урусова отсек ему голову. Тело раздели и бросили на снегу. Урусовы с татарами убежали. Русские, провожавшие вора, прискакали в Калугу и известили Марину.

Марина, ходившая тогда на последних днях беременности, привезла на санях тело вора и ночью, с факелом в руке, бегала по улицам, рвала на себе волосы и одежду, с пла-

чем молила о мщении. Калужане не слишком чувствительно отнеслись к ней. Она обратилась тогда к донцам. Ими начальствовал Заруцкий: он воодушевил казаков; они напали на татар и перебили до 200 человек. Через несколько дней Марина родила сына, которого назвала Иваном. Она требовала ему присяги как законному наследнику русского престола. Ян Сапега, узнавши, что вора не стало, подступил к Калуге и требовал сдачи на имя короля. Донцы вступили с ним в бой, а калужане известили его, что они целуют крест тому, кто на Москве будет королем. Марина написала Сапеге такое письмо: «Ради Бога избавьте меня. Мне, быть может, каких-нибудь две недели осталось жить на свете. Избавьте меня, избавьте, Бог вам заплатит!»

Сапеге нечего было делать под Калугою, так как Калуга признала Владислава. Он оставил Марину.

Смерть вора лишила многие города знамени, под которым они сопротивлялись полякам, и это послужило к возрождению нравственной силы народа. Прокопий Ляпунов взывал к русскому народу во имя спасения отечества уже без всякого обмана, и русские люди присягали стоять за православную веру и Московское государство, с тем, чтобы впоследствии, очистивши свою землю от поляков и литовцев, служить тому царю, кого, по Божьему соизволению, изберут всею землею. Но предводитель восстания принимал к себе всех без исключения, лишь бы только было побольше ратной силы: поэтому он не отказал и Заруцкому и Трубецкому, когда они изъ-

явили согласие служить русскому делу. Заруцкий, выехавши из Калуги с Мариною, оставил Марину в Туле, а сам прибыл в Рязань, где условился с Ляпуновым, возвратился в Тулу и стал собирать казаков. Неизвестно: была ли Марина с Заруцким под Москвою во время страшного пожара, истребившего столицу в конце марта 1611 года, но, вероятно, она находилась впоследствии в стане под Москвою в то время, когда Ляпунов, Заруцкий и Трубецкой избраны были главными предводителями и правителями русской земли. Ляпунов был руководителем всего дела, и ни Заруцкий, ни Марина не смели заикнуться о присяге малолетнему сыну Марины. Заруцкий не терпел Ляпунова и вооружал против него казаков. Еще более не терпела его Марина. 25 июля Ляпунов был убит казаками.

С тех пор Марина смело уже могла заявлять о правах своего сына. Заруцкий и Трубецкой провозгласили этого младенца наследником престола, присягнули ему, требовали от русских людей ему верности и именем его бились с поляками. Они со своим полчищем стояли под Москвою; Марину поместили в Коломне. Казацкие шайки свирепствовали по русской земле. Между тем в Астрахани убийца Тушинского вора Урусов подставил какого-то еще Димитрия, а в Ивангороде провозгласил себя Димитрием вор Сидорка, бывший московский дьякон, был признан во Пскове и утвердился в этом городе. Казаки под Москвою, услышавши о псковском Димитрии, провозгласили его царем. Заруцкий тотчас при-

стал к ним; и князь Трубецкой, из угождения казакам, также признал псковского самозванца, желая сохранить влияние на дела.

Но в Нижнем, осенью, начало составляться новое земское ополчение с целью освобождения Москвы как от поляков, так равно и казаков, воевавших с поляками. Предводителем избран князь Димитрий Михайлович Пожарский. Всю зиму составлялось это ополчение, а раннею весною двинулось медленно, присоединяя к себе город за городом, и в апреле остановилось в Ярославле. Марина и Заруцкий чувствовали, что на них идет гроза. В грамотах, которые рассылал Пожарский, выразительно было заявлено, чтобы отнюдь не призывать ни Маринкина сына, ни того вора, который проявился во Пскове. Марина отправила посла в Персию, чтобы заключить союз и вооружить Персию против русских, но этот посол попался в руки Пожарского. В мае псковичи, недовольные своим воровом за насилие и распутство, посадили его в тюрьму, а в июле отправили в кандалах в Москву: по одним известиям, его убили дорогой казаки, а по другим – его казнили под Москвою. Князь Трубецкой открыто отступил от Заруцкого и Марины и звал Пожарского в Москву. Заруцкий с Мариною прибегли к последнему средству, подкупили убийц извести Пожарского, но казак Стенька, взявший на себя это поручение, вместо того, чтобы зарезать в толпе Пожарского, промахнулся, обрезал ногу казаку Роману, своему товарищу, был схвачен и сознался. Пожарский не казнил

убийц, а приказал везти их к Москве для обличения Заруцкого. Земское ополчение по частям прибывало к Москве. В казацком таборе господствовало несогласие. Не дожидаясь прибытия Пожарского, Заруцкий с отрядом верных ему казаков 17 июня убежал в Коломну, где жила Марина. Остальные казаки перешли под начальство Трубецкого.

Когда земское ополчение приближалось к Москве и в Коломне казалось небезопасным, Заруцкий с Мариною ограбили город, убежали в Михайлов и там оставались несколько месяцев.

В октябре 1612 года Москва была освобождена от поляков. В феврале 1613 года съехавшиеся в Москву для избрания царя выборные люди прежде всего заявили единодушно, чтобы отнюдь не выбирать законопреступного сына Марины. На престол был избран Михаил Федорович Романов: Заруцкий и Марина между тем рассылали грамоты, требуя присяги малолетнему сыну Марины, Ивану Димитриевичу. Великорусские казаки в большинстве обращались к новоизбранному землею Михаилу; но на московской земле бродило тогда много черкас (малорусских казаков): они были чужды Московскому государству и готовились терзать его. Они теперь составили силу Заруцкого.

Еще с дороги, едучи из Костромы в Москву, новый царь назначил против Заруцкого главным воеводою князя Ивана Никитича Одоевского и приказал сходиться к нему из разных городов воеводам с их силами. Заруцкий с Мариною пе-

решили из Михайлова в Лебедянь. Одоевский двинулся против него с войском. Заруцкий со своею неизменною спутницею бежали в Воронеж, Одоевский погнался за ними. Под Воронежем, в конце 1613 года, произошла кровопролитная битва, продолжавшаяся два дня. Воровское полчище было разбито, потеряло весь свой обоз и знамена. Заруцкий с Мариною убежали за Дон. Одоевский не преследовал их и сделал тем большую ошибку.

Заруцкий с Мариною убежали в Астрахань; там нашли они последний притон. Они убили астраханского воеводу Хворостинина, склонили на свою сторону нагайских татар и затевали широкое дело: вооружить против Руси персидского шаха Аббаса, втянуть в войну и Турцию, поднять волжских казаков, возбудить всех удальцов на Руси, привыкших к смутам и потому недовольных восстановлявшимся порядком. С этой целью они разослали так называемые «прелестные письма» к волжским и донским казакам. Но донские казаки решительно не поддались их увещаниям. Из волжских пришли к ним только два атамана, для которых, по их собственным словам, было все равно куда ни идти, лишь бы зипуны наживать. Другие выманивали у них деньги, давали обещания, но не думали исполнять обещаний. Всю зиму Заруцкий готовил лошадей и запасы, намереваясь весной идти вверх по Волге. Марина жила в каменном городе (кремле) в постоянном страхе: она не приказывала звонить рано к заутрени, под предлогом, чтобы ее сын не пугался звона, а на

самом деле боялась набата.

В марте снаряжено было большое войско, под начальством того же князя Одоевского, а в товарищи ему придан был окольный Семен Головин, шурин и сподвижник Михаила Скопина-Шуйского. Но перед началом решительных действий царь отправил к Заруцкому грамоту, в которой исчислил преступления его и Марины, и в заключение говорил:

«Вспомни Бога и душу свою и нашу православную христианскую веру; сам видишь Божью милость на нас, великом государе, и на всем великом государстве и над врагами нашими победу и одоление, отстань от своих непригожих дел, не учиняй кровопролития в наших государствах, не губи души и тела своего, добей челом и принеси вину свою нам, великому государю, а мы, государь, по своему царскому милостивому нраву, тебя пожалуем, вины свои все тебе простим и покроем нашим царским милосердием; и вперед вины твои никогда помянуты не будут; а вот тебе и наша царская опасная грамота!» Такая же грамота послана была Заруцкому от собора, где подробнее исчислялись вины Заруцкого, а в заключение все духовенство ручалось за истину царского слова. Без сомнения, писавшие были уверены, что эти увещания ни к чему не послужат, а потому, в то же время, послали грамоты донским и волжским казакам и жителям Астрахани, с убеждением отстать от Заруцкого и Марины, которую называли «главною заводчицею» всего зла, нанесенного русской земле.

Но прежде чем снаряженному войску пришлось укрощать Заруцкого в Астрахани, на страстной неделе в 1614 году произошло междоусобие между волжскими казаками, пришедшими служить сыну Марины, и астраханцами. Астраханцы отступились от «воровства» и провозгласили царем Михаила Федоровича. Заруцкий с 800 человек заперся в каменном городе. Город Терск, приставший было также к Марине, отступил от нее, и тамошний воевода Головин отправил астраханцам на помощь стрельцов, под начальством Василия Хохлова. Заруцкий, сообразивши, что ему не сдобровать, перед прибытием Хохлова прорвался ночью, вместе с Мариною, из каменного города, сел на струги и поплыл из Астрахани вверх по Волге, потому что снизу плыл в Астрахань Хохлов. 13 мая, утром, Хохлов прибыл в Астрахань, и все жители, при звоне колоколов, целовали крест царю Михаилу. 14 мая, на заре, Заруцкий с Мариною думали проскользнуть по Волге мимо Астрахани и убежать в море; но Хохлов вместе с астраханцами и стрельцами ударил на них; бывшие с Заруцким воровские казаки разбежались по камышам: многие попались в плен; тогда взяли также польку Варвару Казановскую, подругу Марины, но Заруцкого и Марины не успели схватить; они воспользовались извилистым руслом Волги, и стрельцы не могли скоро сообразить, куда они скрылись.

29 мая один стрелец, бывший на рыбном учуге, известил, что видел Заруцкого с Мариною. По этому известию Хох-

лов отправил на указанное место погоню, но узнал, что беглецы, выплывши в море, повернули в Яик. 1 июня прибыл в Астрахань Одоевский и тотчас отправил самого Хохлова с вестью в Москву, а 7 июня выслал на Яик отряд под начальством стрелецких голов: Гордея Пальчикова и Севастьяна Онучина. Посланные, плывя вверх по Яику, нападали на след, где останавливались Заруцкий с Мариной, и 24 июня наткнулись на воровской табор: он стоял на Медвежьем острове, посреди лесистых берегов Яика. С Заруцким и Мариной было до 600 волжских казаков. Они сделали на острове острог. Всем заправлял атаман Треня Ус, ни в чем не давал никакой воли Заруцкому и Марине; он даже отнял у последней сына и держал при себе.

Стрельцы осадили воров. Казаки не ожидали гостей, не вступили в битву со стрельцами, на другой же день связали Заруцкого и Марину и выдали с сыном да с каким-то чернецом Николаем, а сами объявили, что целуют крест царю Михаилу Федоровичу. Треня Ус убежал и несколько времени после того разбойничал.

Пленников привезли в Астрахань, а 13 июля Одоевский отправил их поодиночке вверх по Волге. Марину с сыном вез стрелецкий голова Михайло Соловцов с 500 человек самарских стрельцов. Марину везли связанною. В наказе, данном Соловцову, приказано было убить ее вместе с сыном, если нападут на них воровские люди, с целью отбить преступницу. В таком виде прибыла Марина в Москву, куда восемь лет

тому назад въезжала с таким великолепием в первый раз в жизни, надеясь там царствовать и принимать поклонение.

Четырехлетнего сына Марины повесили всенародно за Серпуховскими воротами; Заруцкого посадили на кол. По известию русских, сообщенному поляками при размене пленных, Марина умерла в Москве, в тюрьме, от болезни и «с тоски по своей воле». В народной памяти она до сих пор живет под именем «Маринки безбожницы, еретицы». Народ воображает ее свирепую разбойницею и колдуньей, которая умела, при случае, обращаться в сороку.

Глава 26

Василий Шуйский

Печальные обстоятельства предшествующей истории наложили на великорусское общество характер азиатского застоя, тупой приверженности к старому обычаю, страх всякой новизны, равнодушие к улучшению своего духовного и материального быта и отвращение ко всему иноземному. Но было бы клеветой на русский народ утверждать, что в нем совершенно исчезла та духовная подвижность, которая составляет отличительное качество европейских племен, и думать, что русские в описываемое нами время неспособны были вовсе откликнуться на голос, вызывающий их на путь новой жизни. Умные люди чувствовали тягость невежества; лица, строго хранившие благочестивую старину, сознавали, однако, потребность просвещения, по их понятиям, главным образом религиозно-нравственного; думали о заведении школ и распространении грамотности. Люди, с более смелым умом, обращались прямо к иноземному, чувствуя, что собственные средства для расширения круга сведений слишком скудны. Несмотря на гнет того благочестия, которое отплевывалось от всего иноземного, как от дьявола, в Москве, по известию иностранцев, находились лица, у которых стремление к познаниям и просвещению было так велико, что они выучивались иностранным языкам с большими затруднениями, про-

исходившими как от недостатка руководств и руководителей, так и от преследования со стороны тех, которые готовы были заподозрить в этом ересь и измену отечеству. Так, Федор Никитич Романов, нареченный по пострижении Филаретом, учился по-латыни; поляки в Москве видели людей, выучившихся тайком иностранным языкам и с жадностью хватавшихся за чтение. Афанасий Власов, рассмешивший поляков своими простодушными выходками, в то же время удивил их чистым латинским произношением, показывавшим, что язык латинский был ему знаком. О многих из Ивановых жертв Курбский говорит как о людях ученых и начитанных по своему времени, и сам Курбский своим собственным примером доказывает, что московские люди XVI-го века не оставались совершенно неспособными понять пользу просвещения и необходимость сближения с иноземцами. У нас думали, что названный царь Димитрий вооружил против себя русский народ своей привязанностью к иноземцам, пренебрежением к русским обычаям и равнодушием к требованиям тогдашнего благочестия. Но взглядываясь ближе в смысл событий, увидим не то: поведение Димитрия действительно не могло нравиться строгим блюстителям неподвижности, но никак не большинству, не массе народа; так же, как и впоследствии великий преобразователь Руси, хотя и встретил против себя сильное, упорное и продолжительное противодействие, но никак не от всех, а, напротив, нашел немало искренних сторонников и ревнителей своих преобразователь-

ных планов: иначе бы, конечно, он и не успел. Гибель названного Димитрия была делом не русского народа, а только заговорщиков, воспользовавшихся оплошностью жертвы; это доказывается тем, что народ русский тотчас же обольстился вестью, что царь его, спасенный раз в детстве в Угличе, спасся в другой раз в Москве; народ русский почти весь последовал за тенью Димитрия, до тех пор, пока не убедился, что его обманывали и Димитрия нет на свете. Самый способ убийства показывает, что народ был далек от того, чтоб погубить своего царя за его приемы, несогласные с приемами прежних царей. Шуйский вооружил народ против поляков именем того же царя и таким обманом отвлек его внимание от Кремля. Число участников Шуйского не могло быть велико; оттого-то Шуйский накануне убийства поспешил удалить из сотни караульных семьдесят человек: очевидно, он боялся не сладить с целой сотней. Таким образом, убийство Димитрия было вовсе не народным делом.

Кто бы ни был этот названный Димитрий и что бы ни вышло из него впоследствии, несомненно, что он для русского общества был человек, призывавший его к новой жизни, к новому пути. Он заговорил с русскими голосом свободы, настежь открыл границы прежде замкнутого государства и для въезжавших в него иностранцев и для выезжавших из него русских, объявил полную веротерпимость, предоставил свободу религиозной совести: все это должно было освоить русских с новыми понятиями, указывало им иную жизнь. Его

толки о заведении училищ оставались пока словами, но почва для этого предприятия уже готовилась именно этой свободой. Объявлена была война старой житейской обрядности. Царь собственным примером открыл эту борьбу, как поступил впоследствии и Петр, но названный Димитрий поступал без того принуждения, с которым соединялись преобразовательные стремления последнего. Царь одевался в иноземное платье, царь танцевал, тогда как всякий знатный родовитый человек Московской Руси почел бы для себя такое развлечение крайним унижением. Царь ел, пил, спал, ходил и ездил не так, как следовало царю по правилам прежней обрядности; царь беспрестанно порицал русское невежество, выхвалял перед русскими превосходство иноземного образования. Повторяем: что бы впоследствии ни вышло из Димитрия – все-таки он был человек нового, зачинающегося русского общества.

Враг, погубивший его, Василий Шуйский был совершенно противоположностью этому загадочному человеку. Трудно найти лицо, в котором бы до такой степени олицетворялись свойства старого русского быта, пропитанного азиатским застоем. В нем видим мы отсутствие предприимчивости, боязнь всякого нового шага, но в то же время терпение и стойкость – качества, которыми русские приводили в изумление иноземцев; он гнул шею пред силою, покорно служил власти, пока она была могуча для него, прятался от всякой возможности стать с ней в разрезе, но изменял ей, когда ви-

дел, что она слабела, и вместе с другими топтал то, перед чем прежде преклонялся. Он бодро стоял перед бедою, когда не было исхода, но не умел заранее избегать и предотвращать беды. Он был неспособен давать почин, избирать пути, вести других за собою. Ряд поступков его, запечатленных коварством и хитростью, показывает вместе с тем тяжеловатость и тупость ума. Василий был суеверен, но не боялся лгать именем Бога и употреблять святыню для своих целей. Мелочной, скупой до скряжничества, завистливый и подозрительный, постоянно лживый и постоянно делавший промахи, он менее, чем кто-нибудь, способен был приобрести любовь подвластных, находясь в сане государя. Его стало только на составление заговора, до крайности грязного, но вместе с тем вовсе не искусного, заговора, который можно было разрушить при малейшей предосторожности с противной стороны. Знатность рода помогла ему овладеть престолом, главным образом оттого, что другие надеялись править его именем. Но когда он стал царем, природная неспособность сделала его самым жалким лицом, когда-либо сидевшим на московском престоле, не исключая и Федора, слабоумие которого покрывал собой Борис. Сама наружность Василия была очень непривлекательна: это был худенький, приземистый, сгорбленный старичок, с большими подслеповатыми глазами, с длинным горбатым носом, большим ртом, морщинистым лицом, редкою бородкою и волосами.

Василию, при вступлении на престол, было уже за пять-

десять лет. Молодость свою провел он при Грозном и решительно ничем не выказал себя. Когда родственники его играли важную роль в государстве, Василий оставался в тени. Опала, постигшая его родного брата Андрея, миновала Василия. Борис не боялся его, вероятно, считая его ничтожным по уму и притом всегдашним угодником силы; говорят, однако, Борис запрещал ему жениться, как и Мстиславскому. Василий все терпел и повиновался беспрекословно. Посланный на следствие по поводу убийства Дмитрия, Василий исполнил это следствие так, как нужно было Борису и как, вероятно, ожидал того Борис. Явился Дмитрий. Борис послал против него Шуйского, и Василий верно служил Борису. Бориса не стало. При первом народном восстании против Годуновых в Москве, Василий выходил на площадь, уговаривал народ оставаться в верности Годуновым, уверял, что царевича нет на свете и человек, назвавшийся его именем, есть Гришка Отрепьев. Но когда после того воззвание, прочитанное Пушкиным с лобного места, взволновало народ до того, что можно было ясно видеть непрочность Годуновых, Шуйский, призванный решить вопрос о подлинности Дмитрия, решил его в пользу претендента и окончательно погубил несчастное семейство Годуновых.

Само собою разумеется, что если кто из бояр был вполне уверен, что названный Дмитрий не действительный сын царя Ивана, то, конечно, Василий Шуйский, видевший собственными глазами труп убитого царевича. С Шуйским бы-

ли в приязни московские торговые люди: это была старая фамильная приязнь; и в то время, когда Шуйские хотели развести Федора с женою, они опирались на торговых людей. Торговые люди были вхожи в дом Василия, и вот одному из них Федору Коневу с товарищами Шуйский сообщает, что царь вовсе не Димитрий, возбуждает опасение, что этот царь изменяет православию, что у него с Сигизмундом и польскими панами поставлен уговор разорить церкви и построить вместо них костелы, указывает на то, что некрещеные поляки и немцы входят в церковь, что при дворе соблюдаются иноземные обычаи, что настанет великая беда старому благочестию. Торговые люди начали болтать о том, что слышали от большого боярина, попались и выдали Шуйского. Не царь, а народный суд всех сословий приговорил Василия к смерти. С терпением и мужеством Василий пошел на казнь и, не ожидая спасения, бестрепетно сказал народу: «Умираю за веру и правду!» Палач хотел с него снять кафтан и рубаху с воротом, унизанным жемчужинами. Князь, потомок Св. Владимира, с гордостью и достоинством воспротивился, говоря: «Я в ней отдам Богу душу». Великодушие названного Димитрия спасает его от смерти. Он отправлен в Вятку, но только что успел прибыть в этот город, как царский гонец привозит ему известие о возвращении ему боярского сана и всех прежних вотчин. Шуйский притворяется верным слугою Димитрия, склоняется перед ним так же, как склонялся перед Годуновым, и кто знает, как долго оставался бы он

в этом положении, если бы сам Димитрий своею крайнею неосторожностью не подал ему повода составить заговор. Не обладая способностью давать почин важному делу, Шуйский составил заговор потому, что уже чересчур было легко его составить. Приезд поляков, наглое поведение пришельцев и чересчур явное нарушение обычного хода жизни в Москве, соблазнившее строго благочестивых людей, естественно образовали кружок недовольных. Старым боярам не нравилось стремление царя к нововведениям и к иноземным обычаям, при котором им, детям старой Руси, не представлялось играть первой роли. Торговые, зажиточные люди свыклись со своим образом жизни; их беспокоило то, что делалось перед их глазами и грозило нарушить вековой застой; притом же, в их домах поставили «нечестивую Литву», которая нахально садилась им на шею. Наконец, можно было найти недовольных и между служилыми, которых пугала предпринимаемая война с турками и татарами. Шуйскому легко было собрать их к себе, когда над его действиями не только не было надзора, но даже запрещалось иметь его. Голос Шуйского не мог остаться без внимания, когда он говорил собранным у него гостям то, что у них самих шевелилось на душе. Знатность его рода, как старейшей отрасли Св. Александра Невского, содействовала уважению к его речам, также как и достоинство боярина, старого по летам и по службе. При всем том, однако, он нашел очень мало соумышленников; видно, что находились между ними и такие, которые тогда же думали

передать его с заговорщиками. За недостатком соумышленников, Шуйский выпустил из тюрем преступников: подобные товарищи естественно готовы были исполнять всякое дело. Малейшее внимание царя к тому, что делалось вокруг него, уничтожило бы все замыслы Шуйского. Разделавшись с Дмитрием, Шуйский бросился умирять народ, возмущенный им же против поляков во имя царя, но москвичи успели уже перебить до четырехсот человек пришельцев, сопровождая свое убийство самыми неистовыми варварствами, нападали на сонных и безоружных и не только убивали, но мучили: отсекали руки и ноги, выкалывали глаза, обрезали уши и носы, ругались над женщинами, обнажали их, гоняли по городу в таком виде и били. С большим трудом Шуйский и бояре остановили кровопролитие и всякие неистовства. Народ в этот день до того перепился, что не мог долго дать себе отчета в происходившем. Волей-неволей народ сделался участником убийства названного Дмитрия. Возвратить потерянного уже нельзя было. Народ молчал в каком-то оцепенении. Через три дня бояре согласились выбрать Шуйского в цари, с тем, что он будет править не иначе, как с согласия бояр. Созвали народ на площадь звоном колокола. Приверженцы Шуйского немедленно «выкрикнули» его царем. Некоторые заявили, что следует разослать во все московские города грамоты, чтобы съехались выборные люди для избрания царя; но бояре решили, что этого не нужно, и сейчас же повели Василия в церковь, где он дал присягу управлять

согласно боярским приговорам, никого не казнить без воли бояр, не отнимать у родственников осужденных служилых людей вотчин, а у гостей и торговых людей лавок и домов, и не слушать ложных доносов. После произнесения Шуйским этой присяги, бояре сами присягнули ему в верности.

Немедленно разослана была по всем городам грамота, извещавшая, будто, по приговору всех людей Московского государства, и духовных и светских, избран на престол князь Василий Иванович Шуйский, по степени прародителей происходящий от Св. Александра Невского и суздальских князей. О бывшем царе сообщалось, что богоотступник, еретик, чернокнижник, сякой-такой сын Гришка Отрепьев, прельстивши московских людей, хотел, в соумышлении с папой, Польшей и Литвой, поправить православную веру, ввести латинскую и лютерскую и вместе с поляками намеревался перебить бояр и думных людей. Одновременно разослана была грамота от имени царицы Марфы, извещавшая о том, что ее сын убит в Угличе, а она признала вора сыном поневоле, потому что он угрожал ей и всему ее роду смертным убийством. В заключение, вдовствующая царица объявляла, что она, вместе с другими, била Василию челом о принятии царского сана. До какой степени на самом деле уважал царь Василий мать Димитрия, показывает ее просьба к польскому королю, писанная по низложению Шуйского, в которой инокиня Марфа жалуется, что Шуйский держал ее в неволе и даже не кормил, как следует.

Первым делом Шуйского, после рассылки грамот, было перевезти тело царевича Димитрия в Москву. За этим телом в Углич поехал митрополит Филарет Никитич с двумя архимандритами, двое Нагих: Григорий и Андрей, князь Иван Михайлович Воротынский и Петр Никитич Шереметев. 1-го июня Василий венчался на царство, а 3-го июня перевезены мощи Димитрия и поставлены в Архангельском соборе. В грамоте, разосланной по поводу явления нового святого, было сказано, что царица Марфа всенародно каялась в том, что поневоле признавала вора Гришку сыном, а смерть царевича Димитрия прямо приписана была Борису Годунову. Для большего убеждения народа на лобном месте показывали родных Гришки Отрепьева. Но всему этому не верили тогда в Московском государстве, и, в день открытия мощей, народ чуть было не взбунтовался и не убил камнями Шуйского. Даже те, которые сомневались в подлинности бывшего царя Димитрия, не верили, чтоб он был Гришка, а считали его поляком, которого подготовили иезуиты, научили по-русски и пустили играть роль Димитрия. На патриаршеский престол, вместо низверженного Игнатия, был поставлен казанский митрополит Гермоген, отличавшийся в противоположность прежнему патриарху фанатической ненавистью ко всему иноверному. Страшась мести со стороны Польши за перебитых в Москве поляков, Шуйский с боярами рассудили, что лучше всего задержать у себя всех поляков и даже послов Сигизмунда, Олесницкого и Гонсевского, а между тем

послать своих послов в Польшу и выведать там, что намерены делать поляки.

Не долго Шуйскому пришлось утешаться безопасностью. В Москве происходили волнения; 15 июня, в воскресенье, сделался шум и бунт. Шуйский подозревал, что это происходит от козней знатных лиц, созвал в Кремль думных людей и стал спрашивать: «Кто это из вас волнует народ? Зачем вымышляете разные коварства? Коли я вам нелюб, я оставлю престол, возьмите мой царский посох и шапку, выбирайте, кого хотите». Думные люди уверяли, что они верны в своем крестном целовании. «Так наказывайте виновных», – сказал Шуйский. Думные люди вышли на площадь и уговорили народ разойтись. Пятерых крикунов схватили, высекли кнутом и сослали.

Но то было только начало смуты. Через два месяца на юге разнесся слух, что Димитрий жив и убежал в Польшу. Вся северская земля, Белгород, Оскол, Елец провозгласили Димитрия. Ратные люди, собранные под Ельцом прежним царем, не хотели повиноваться Шуйскому, избрали предводителем Истому Пашкова и присягнули все до единого стоять за законного царя Димитрия. В Комарницкой волости Болотников возвестил, что он сам видел Димитрия и Димитрий нарек его главным воеводой. Болотников был взят еще в детстве в плен татарами, продан туркам, освобожден венецианцами, жил несколько времени в Венеции и, возвращаясь в отечество через Польшу, виделся с Молчановым, ко-

торый уверил его, что он Димитрий. Болотников, никогда не выдавший царя Димитрия, действовал с полной уверенностью, что стоит за законного государя. Он начал возбуждать боярских людей против владельцев, подчиненных против начальствующих, безродных против родовитых, бедных против богатых. Его грамоты произвели мятеж, охвативший Московское государство подобно пожару. В Веневе, Туле, Кашире, Алексине, Калуге, Рузе, Можайске, Орле, Дорогобуже, в Зубцове, Ржеве, Старице провозгласили Димитрия. Дворяне Ляпуновы подняли, именем Димитрия, всю рязанскую землю. Возмутился город Владимир со всей своей землей. Во многих поволжских городах и в отдаленной Астрахани провозгласили Димитрия. Только Казань и Нижний Новгород еще держались кое-как за Шуйского. В пермской земле отказали Василию давать ратных людей, служили молебны о спасении Димитрия и пили чаши за его здоровье. Новгород и Псков оставались пока верными Шуйскому, но псковские пригороды стояли за Димитрия. Если бы в это время на самом деле явился человек с именем Димитрия, то вся русская земля пошла бы за ним. Но он не являлся, и многие сомневались в справедливости слухов об его спасении, а потому и не решались открыто отпасть от царствовавшего в Москве государя. Тем не менее к Болотникову стеклась огромная толпа. Он из северской земли двинулся к Москве: города сдавались за городами. 2 декабря Болотников был уже в селе Коломенском. К счастью Шуйского, в полчище Болотникова

сделалось раздвоение. Дворяне и дети боярские, недовольные тем, что холопы и крестьяне хотят быть равными им, не видя притом Димитрия, который бы мог разрешить между ними споры, стали убеждаться, что Болотников их обманывает, и начали отступать от него. Братья Ляпуновы первые подали этому отступлению пример, прибыли в Москву и поклонились Шуйскому, хотя не терпели его. Болотников был отбит Скопиным-Шуйским и ушел в Калугу.

Избавившись от осады, Шуйский, по совету с патриархом Гермогеном, пригласил в Москву бывшего патриарха Иова. 20 февраля 1607 года последний разрешил народ от клятвы, наложенной им за нарушение крестного целования Борису. Еще прежде того Шуйский приказал перевезти тела Бориса, его жены и сына и похоронить в Троицко-Сергиевом монастыре. Этими поступками хотел Шуйский примириться с прошлым и тем придать своей власти более законности. Но с наступлением лета силы Болотникова опять начали увеличиваться пришедшими казаками. Явился новый самозванец, родом муромец, незаконный сын «посадской женки», Илейка, ходивший прежде в бурлаках по Волге. Он назвал себя царевичем Петром, небывалым сыном царя Федора; с волжскими казаками пристал он к Болотникову. После нескольких битв, Шуйский осадил Болотникова и названного Петра в Туле. Какой-то муромец Мешок Кравков сделал гать через реку Упу и наводнил всю Тулу: осажденные сдались. Шуйский, обещавши Болотникову пощаду, приказал ему выко-

лоть глаза, а потом утопить. Названного Петра повесили; простых пленников бросали сотнями в воду, но бояр, князей Телятевского и Шаховского, бывших с Болотниковым, оставили в живых.

Воротившись в Москву, Шуйский думал, что теперь для него наступила пора успокоиться, и женился на княжне Марье Петровне Буйносовой-Ростовской, с которой обручился еще при жизни названного царя Димитрия. Новые тревоги не давали ему отдохнуть: вместо повешенного названного Петра явилось несколько царевичей. В Астрахани явился царевич Август, называвший себя небывалым сыном царя Ивана Васильевича от жены Анны Колтовской; потом там же явился царевич Лаврентий, также небывалый сын убитого отцом царевича Ивана Ивановича. В украинских городах явилось восемь царевичей, называвших себя разными небывалыми сыновьями царя Федора (Федор, Ерофей, Клементий, Савелий, Семен, Василий, Гаврило, Мартын). Все эти царевичи исчезли так же быстро, как появились. Но в северской земле явился наконец долгожданный Димитрий и, весной 1608 года, с польской вольницей и казаками двинулся на Москву. Дело его шло успешно. Ратные люди изменяли Шуйскому и бежали с поля битвы. Новый самозванец, в начале июля 1608 года, заложил свой табор в Тушине, от чего и получил у противников своих название Тушинского вора, оставшееся за ним в истории. Города и земли русские одни за другими признавали его. Полчище его увеличивалось с каждым

часом.

Переговоры Шуйского с Польшей должны были решить, чего нужно было Московскому государству ждать от польского правительства. Переговоры эти шли очень медленно. Задержавши в 1606 году польских послов Олесницкого и Гонсевского, Василий отправил князя Григория Волконского с объяснениями. Волконский пробыл в Польше больше года и натерпелся там всяких упреков и оскорблений. Вслед за тем, в октябре 1607 года, прибыли новые польские послы (Друцкий-Соколинский и Витовский) в Москву. Переговоры с ними шли до июля 1608 года и наконец кончились тем, что обе стороны заключили перемирие на три года и одиннадцать месяцев, а в продолжение этого времени Польша обязалась не помогать никаким самозванцам и запретить всем полякам поддерживать Тушинского вора. Со своей стороны, царь Василий отпускал всех задержанных поляков, с условием, чтобы они не сносились с теми из своих соотечественников, которые находились в тушинском таборе; Марина не именовала бы себя царицей, а Мнишек не называл бы своим зятем Тушинского вора.

Но в противность этим условиям, Мнишек с Мариной и другими поляками очутились в тушинском таборе. Марина всенародно признала вора своим мужем, большая часть русских городов и земель опять отпала от Шуйского и провозгласила Димитрия. В таких печальных обстоятельствах Шуйский обратился за помощью к шведам. Положение ца-

ря Василия в Москве было самое жалкое. Никто не уважал его. Им играли, как ребенком, по выражению современников. Шуйский то обращался к церкви и к молитвам, то призывал волшебниц и гадалщиц, то казнил изменников, но только незнатных, то объявлял москвичам: «Кто мне хочет служить, пусть служит, а кто не хочет служить – пусть идет: я никого не насилую». Москвичи уверяли своего царя в верности, а потом многие перебежали в Тушино; побывавши в Тушине, ворочались в Москву: поживши в Москве, опять бежали в Тушино; беглец, явившийся в Тушино, целовал крест Димитрию и получал от него жалованье, а вернувшись в Москву, целовал крест Василию и от него получал также жалованье. Чтобы отвадить народ от вора, Шуйский постановил давать свободу тем холопам, которые уйдут из Тушина, но выходило, что многие холопы из Москвы бежали в Тушино, чтобы после, вернувшись, получить от царя свободу. Московские торговцы без зазрения совести возили в Тушино всякие товары, разживались и копили копейку про черный день, не пускали своих денег в оборот и от этого в Москве делался недостаток: он стал особенно чувствителен зимой, когда тушинцы отрезали путь из Рязани в Москву.

17-го февраля 1609 года толпа, под начальством князя Романа Гагарина, Григория Сумбулова, бросилась в Кремль; она состояла из многих служилых людей разных городов и, обратившись к боярам, кричала: «Надобно переменить царя! Василий сел самовольством, не всей землей выбран». Неко-

торые бояре уже были не в ладах с Шуйским, особенно Голицыны, так как князь Василий Васильевич Голицын сам помышлял о престоле. Но они не решились стать заодно с мятежниками, потому что за Шуйского был патриарх Гермоген. Замечательно, что патриарх сам постоянно не ладил с царем, но из чувства законности стоял за него, как уже за существующую верховную власть. Толпа мятежников вышла из Кремля на Красную площадь. Ударили в набат. Явился патриарх.

«Князь Василий Шуйский нелюб нам на царстве, – кричала толпа. – Он тайно убивает и сажает нашу братию в воду!» «А кого же казнил Шуйский?» – спросил патриарх. Мятежники не назвали имен, но кричали:

«Из-за Василия кровь льется, и земля не умирится, пока он будет на царстве. Его одна Москва выбрала, а мы хотим избрать иного царя!» Патриарх на это сказал:

«До сих пор Москва всем городам указывала, а ни Новгород, ни Псков, ни Астрахань и никакой другой другой город не указывал Москве; а что кровь льется, то это делается по воле Божьей, а не по хотению вашего царя».

Убеждения патриарха спасли на этот раз Василия; но дороговизна увеличилась; в апреле боярин Крюк-Колычев составил заговор убить Василия. Умысел был открыт. Зачинщика казнили. Положение царя становилось все ужаснее: до него доходили слухи, что его убьют то на Николин день, то на Вознесенье. Народ врывался к нему во дворец и кричал: «Че-

го еще нам дожидаться! Разве голодной смертью помирать?» Царь обнадеживал москвичей скорым прибытием Скопина со шведскими людьми и убеждал купцов не поднимать цены на хлеб. Но московские купцы поступали так же, как некогда при Борисе: припрятавали хлеб, чтобы продавать его по дорогой цене. На счастье Василию в это время дела Тушинского вора пошли неудачно. Города, прежде признававшие его, выведенные из терпения бесчинством поляков и русских воров, один за другим отпадали и признавали царя Василия. Крестьяне собирались шайками, били и топили шатавшихся тушинцев. Сапега ничего не мог сделать с Троицким монастырем. Он беспрестанно палил по его стенам из 90 орудий; монастырь не сдавался, несмотря на то, что начальствующие в монастыре воеводы Долгорукий-Роцца и Голохвастов были во вражде между собой, а осажденные, при большой тесноте и недостатке, умирали от цинги. Ратные люди, оборонявшие монастырь, делали частые вылазки и наносили неприятелю много вреда. Наконец, и попытки тушинцев овладеть Москвою не имели успех. 25 июня москвичи отбили их нападение на Ходынку и взяли в плен двести человек. Прокопий Ляпунов очистил от воров рязанские города. Стоявший под Коломной отряд тушинцев ушел оттуда. Но более всего поправились дела Василия после успехов Скопина. Зимой тушинский лагерь пришел в совершенное расстройство. 12 января 1610 года Сапега отступил от Троицы; в феврале убежал вор в Калугу, а в начале марта Тушино совершенно опустело.

Почти вся Русь покорилась Василию; но с запада на него наступала беда: Сигизмунд стоял под Смоленском, а русские, бывшие в Тушине, явились к польскому государю просить на Московское царство Владислава. Судьба, казалось, не давала Василию ни минуты отдыха. Одна беда проходила, другая, погрознее, наступала. В конце апреля скоропостижно скончался Скопин, и это приблизило падение Василия. Народная молва считала царя участником его смерти. Уже поляки и запорожцы забирали южные города: Стародуб, Почеп, Чернигов взяты были приступом и ограблены. Новгород-Северский и Рославль целовали крест Владиславу.

Вместо Скопина царь назначил главным предводителем войска своего брата Димитрия, но русские не терпели его, а жену его Екатерину считали убийцей Скопина. Шведский полководец Делагарди презирал Димитрия Шуйского за неспособность. Московские пленники сообщили под Смоленском полякам, что народ не любит Василия, что войско не захочет за него биться и вся Русь охотно признает Владислава царем. По этим известиям, Сигизмунд отправил к Москве войско под начальством коронного гетмана Жолкевского. Войско Шуйского, тысяч в тридцать, двинулось к Можайску; с ним шел и Делагарди со своей ратью, состоящей из людей разных наций. В московском войске было много новобранцев, в первый раз шедших на бой. Охоты защищать царя Василия не было ни у кого. Враги встретились 23 июня между Москвой и Можайском, при деревне Клушино. От перво-

го напора поляков побежала московская конница, смяла пехоту: иноземцы, бывшие под начальством Делагарди, взбунтовались и стали передаваться неприятелю. Тогда начальники московского войска, Димитрий Шуйский, Голицын, Мезецкий, убежали в лес, а за ними и все бросились врассыпную. Жолкевскому досталась карета Димитрия Шуйского, его сабля, булава, знамя, много денег и мехов, которые Димитрий намеревался раздать войску Делагарди, но не успел. Делагарди, оставленный своими подчиненными, изъявил желание переговорить с гетманом Жолкевским, и когда гетман приехал к нему, то Делагарди выговорил у него согласие уйти беспрепятственно из пределов Московского государства. «Наша неудача, – сказал Делагарди, – происходит от неспособности русских и вероломства моих наемных воинов. Не то было бы с теми же русскими, если бы ими начальствовал доблестный Скопин. Но его извели, и счастье изменило московским людям».

Жолкевский принудил сидевших в Цареве-Займище Елецкого и Валуева присягнуть Владиславу, присоединиться к нему с их пятитысячным отрядом и пошел прямо на Москву. Можайск сдался ему без сопротивления. Волок-Ламский, Ржев, Погорелое Городище, Иосифов монастырь покорились добровольно. По совету Валуева, Жолкевский послал агентов своих в Москву с грамотами, в которых обещал русской земле тишину и благоденствие под правлением Владислава, если русские изберут королевича царем. Эти грамоты раз-

брасывались по улицам, ходили по рукам, всенародно читались на сходках. Царь Василий не мог ничего сделать.

С другой стороны подходил Тушинский вор из Калуги и 11 июля стал в Коломенском селе. Тогда Прокопий Ляпунов написал своему брату Захару и боярину Василию Васильевичу Голицыну, что следует удалить и Шуйского и вора.

17 июля Захар Ляпунов собрал сходку дворян и детей боярских за Арбатскими воротами и сказал:

«Наше государство доходит до конечного разорения. Там поляки и Литва, тут калужский вор, а царя Василия не любят. Он не по правде сел на престол и несчастен на царстве. Будем бить ему челом, чтобы он оставил престол, а калужским людям пошлем сказать, пусть они своего вора выдадут; и мы сообща выберем всей землей иного царя и встанем единомысленно на всякого врага». Послали в Коломенское.

Русские, бывшие при воре, сказали: «Сведите Шуйского, а мы своего Димитрия свяжем и приведем в Москву».

После такого ответа толпа отправилась к царю Василию. Выступил вперед дюжий плечистый Захар Ляпунов и сказал царю:

«Долго ли за тебя кровь христианская будет литься? Ничего доброго от тебя не делается. Земля разделилась, разорена, опустошена; ты воцарился не по выбору всей земли; братья твои окормили отравой государя нашего Михаила Васильевича, оборонителя и заступника нашего. Сжался над нами, положи посох свой! Сойди с царства. Мы посоветуем

сами о себе иными мерами».

Василий вышел из себя, обнажил большой нож, который носил при себе, бросился на Ляпунова и закричал:

«Как ты смеешь мне это говорить, когда бояре мне того не говорят?»

Ляпунов погрозил ему своей крепкой рукой и сказал: «Василий Иванович! Не бросайся на меня, а то я тебя вот так тут и изотру!»

Бывшие с Ляпуновым дворяне сказали: «Пойдем, объявим народу».

Они вышли на Красную площадь и зазвонили в колокол. Народ сбежался. Захар Ляпунов с лобного места приглашал патриарха, духовенство, бояр, служилых людей и всякого чина православных христиан за Серпуховские ворота на всенародную сходку. Народ повалил за Серпуховские ворота. Приехали патриарх, бояре.

«Вот три года – четвертый сидит Василий Шуйский на царстве, – говорили народу, – неправдой сел, не по выбору всей земли, и нет на нем благословения Божьего; нет счастья земле! Как только его братья пойдут на войну, так и понесут поражение: сами прячутся, а ратные разбегаются! Собирайтесь в совет, как нам Шуйского отставить, а иного выбрать всей землей».

Патриарх хотел было защищать Шуйского, которого не любил, но потом уехал.

Бояре отправились к царю. Свояк царя Василия, Иван

Мих. Воротынский сказал ему:

«Вся земля бьет тебе челом; оставь свое государство ради междуусобной брани, затем, что тебя не любят и служить тебе не хотят».

Царю Василию ничего не осталось, как повиноваться. Он положил свой царский посох и переехал из царских палат в свой княжий дом.

Верховное правление на время перешло к боярскому совету под председательством князя Федора Мстиславского.

На другой день, 18 июля, толпа москвичей вышла к Данилову монастырю и послала в Коломенское сказать:

«Мы свое клятвенное слово совершили – Шуйского свели; теперь ведите к нам своего вора». Но из Коломенского села им дали такой ответ: «Дурно, что вы не помните крестного целования своему государю, а мы за своего помереть рады».

Тогда многим в Москве стало жаль Шуйского, а Шуйский, узнавши это, послал денег стрельцам, которых было тысяч до восьми в Москве, чтобы с их помощью возвратить себе престол. Патриарх начал осуждать низложение царя.

Тогда, 19 июля, Захар Ляпунов подобрал себе товарищей, подговорил чудовских иеромонахов. Они пришли в дом к Василию Шуйскому, разлучили его с женой, увезли ее в Вознесенский монастырь и объявили, что Василию следует постричься в монахи.

«Люди московские, что я вам сделал, – сказал Шуйский. –

Какую обиду учинил? Разве мне это за то, что я воздал месть тем, которые содеяли возмущение на нашу православную веру и хотели разорить дом Божий?»

Ему повторили, что надобно постричься. Шуйский наотрез сказал, что не хочет.

Тогда иеромонахам велено было совершать обряд пострижения, и когда, по обряду, спросили его: желает ли он? Василий громко закричал: «не хочу»; но князь Тюфякин, один из соумышленников Ляпунова, произносил за него обещание, а Ляпунов крепко держал Василия за руки, чтоб он не отмахивался. Его одели в иноческое платье и увезли в Чудов монастырь.

В то же время в Вознесенском монастыре постригли жену Василия. Марья Петровна также не дала обета и твердо говорила, что никто не может разлучить ее с мужем, с которым соединил Бог. Патриарх Гермоген вопиял против такого беззакония и говорил, что иноком стал теперь тот, кто за Василия отрекался от мира.

Василий был последний государь из дома Св. Владимира, слишком шесть веков господствовавшего в русской земле со времени принятия христианства. Москвичи вспомнили тогда, что, за несколько времени перед его низвержением, в Архангельском соборе, где почивали остатки всех потомков Даниила Александровича московского, в полночь слышали люди плач великий, чтение сто восемнадцатого псалма и пение вечной памяти. Плачем началось, плачем окончилось.

Этот плач в усыпальнице московских государей предвещал низвержение царя Василия и грядущие бедствия, после которых уже иному роду суждено было господствовать в русской земле.

Через три дня после пострижения царя Василия прибыл гетман Жолкевский к Москве с польским войском. Бояре волей-неволей должны были соглашаться на избрание Владислава и показывать вид, будто поступают добровольно. Патриарх Гермоген сначала сильно противился, всегда верный своему неизменному отвращению ко всякой иноземщине; но потом, видя, что невозможно устоять против печальных обстоятельств, соглашался, но по крайней мере с тем, чтобы новый царь принял православие и крестился. Переговоры с Жолкевским шли три недели. Жолкевский был один из немногих в то время благороднейших и честнейших людей в Польше, чуждый иезуитских козней, уважающий права не только своего народа, но и чужих народов, ненавистник насилия, столько же храбрый, сколько умевший держать в порядке войско, великодушный, обходительный и справедливый. Он не мог согласиться на требование Гермогена, но заключил такой договор, который показывал, что гетман вовсе не думал о порабощении Руси Польше, напротив, уважал и даже ограждал права русского народа. Московское государство избирало царем своим Владислава, с тем, что власть его была ограничена по управлению боярами и думными людьми, а по законодательству думою всей земли. Вла-

дислав не имел права изменять народных обычаев, отнимать имущества, казнить и ссылатъ без боярскаго приговора, обязан был держать на должностяхъ только русскихъ, не должен был раздавать по польскимъ обычаямъ полякамъ и литовцамъ старость, но мог жаловать ихъ деньгами и поместьями наравне с иноземцами, не мог строить костеловъ и не должен был позволять насиліемъ и хитростью совращать русскихъ в латинство, обязывался оказывать уваженіе къ греческой вере, не отнимать церковныхъ именій и отнюдь не впускать жидовъ въ Московское государство. Бояре поставили въ договоръ условіе, чтобы крестьяне не переходили съ земли одного владельца на земли другого. 17 августа трое главнейшихъ бояр князей: Федоръ Ивановичъ Мстиславскій, Василій Васильевичъ Голицынъ и Данило Ивановичъ Мезецкій съ двумя думными дьяками: Телепневымъ и Луговскимъ, взяли на себя право заключить этотъ договоръ отъ имени всехъ чиновъ Московскаго государства. То была ложь: участія всей земли не было и выборные люди не съезжались.

Простой московскій народъ недоволенъ былъ избраніемъ Владислава. Въ Москвѣ усиливалась партія, хотевшая снова возвести на престолъ Шуйскаго. Бояре, приписывая эти волненія кознямъ Василя и его братьевъ, до такой степени раздражились противъ Шуйскихъ, что поднимали вопросъ: не перебить ли всехъ Шуйскихъ? Но за сверженнаго царя заступился Жолкевскій. Онъ объявилъ, что Сигизмундъ приказалъ ему беречь Василя и не допускать надъ нимъ насилій. Бояре от-

дали Жолкевскому в распоряжение сверженного царя и его родственников. Гетман отправил братьев Василия Шуйского, Ивана Пуговку и Димитрия с женой, в Польшу, самого сверженного царя – в Иосифов монастырь, а супругу его на время в Суздальско-Покровский монастырь. Жолкевский не хотел признавать их пострижения, так как оно было насильное, и дозволил им ходить в мирском платье.

Вслед за тем, 19 сентября, гетман вступил с войском в Москву: он так умел держать в повиновении свое войско и обращаться с русскими, что даже сам суровый патриарх Гермоген начал смотреть на него более дружелюбными глазами. Русские города один за другим присягали Владиславу, кроме некоторых, все еще державшихся вора. Достоинно замечания, что Прокопий Ляпунов, в руках которого была вся рязанская земля, не только без противоречия одобрил избрание Владислава, но послал к Жолкевскому сына своего Владимира, хлопотал о доставке съестных припасов полякам в Москву и был самым ревностным их приверженцем. Бояре, по настоянию Жолкевского, снарядили послов к Сигизмунду.

Жолкевский не долго остался в Москве. Сигизмунд был вовсе не доволен договором, постановленным Жолкевским. Сигизмунд не хотел давать Московскому государству сына, а думал сам завладеть этим государством и присоединить его к Польше. Управлявшие им иезуиты не видели для своих планов никакой пользы из того, что Владислав делается московским царем, когда при этом не дозволено будет ни

строить костелов, ни совращать православных в латинство и унию. Полякам вообще не нравилось запрещение давать им староства и должности в московской земле, тогда как они надеялись поживиться при новом порядке вещей. Сигизмунд отозвал Жолкевского из Москвы. В конце октября гетман сдал начальство над войском, оставшимся в Москве, Александру Гонсевскому, а сам выехал под Смоленск, взявши с собою сверженного царя Василия и жену его.

Сигизмунд принял Жолкевского с гневом, с презрением бросил представленный гетманом договор и сказал: «Я не допущу сына моего быть царем московским».

С тех пор пленный царь находился под Смоленском до взятия этого города. Русские послы, находившиеся под Смоленском, заметили, что гетман Жолкевский поступил вопреки договору, по которому не следовало ни одного человека выводить в Польшу и Литву, и находили, что Жолкевский нанес оскорбление православной вере тем, что дозволил Василию и жене его ходить в мирском платье. «Я сделал это, – сказал Жолкевский, – по просьбе бояр, чтобы отстранить смятение в народе. Притом же Василий в Иосифовом монастыре чуть с голода не умирал. . . Я привез его в мирском платье, потому что он сам не хочет быть монахом; его постригли насильно, а насильное пострижение противно и вашим, и нашим церковным уставам. Сам патриарх это утверждает».

Смоленск защищался упорно, благодаря мужеству воеводы Шеина. И воевода, и все смольняне охотно присягали

Владиславу, но не хотели ни за что, по требованию Сигизмунда, сдавать польскому королю русского города, который король хотел присоединить к Польше, тем более, что Сигизмунд показывал явное пренебрежение ко всем правам русских и к особам послов, прибывших к нему от всей русской земли: он приказал заключить их в оковы и отправить в Польшу.

Много приступов к Смоленску было отбито. Наконец, 3 июня 1611 года, взорвана была часть смоленских стен; поляки ворвались в город. Владыка смоленский Сергей, с толпой народа, был взят в полуразрушенном соборе; русские бросались в огонь, решаясь лучше погибнуть, чем терпеть поругание от победителей. Шеин с женой, малолетним сыном, товарищем своим князем Горчаковым и несколькими дворянами заперся в башне и храбро защищался до тех пор, пока один из польских военачальников, Потоцкий, не убедил его сдаться, обещая от короля милость. «Я всем сердцем был предан королевичу, – сказал Шеин полякам, – но если бы король не дал сына своего на царство, то земля не может быть без государя и я бы поддался тому, кто был бы избран царем на Москве». Сигизмунд не оценил ни прямооты, ни храбрости этого человека. Его подвергли пытке, желая дознаться, где спрятаны в Смоленске сокровища, но не добились ничего. После пытки Шеина отправили в Литву в оковах, разлучивши с семьей.¹⁰⁶

¹⁰⁶ Впрочем, впоследствии судьба его улучшилась и в продолжение его долго-

После взятия Смоленска Сигизмунд уехал в Варшаву и приказал везти за собой Шуйского и его братьев. Успехи Польши над Русью произвели радость во всем католическом мире. В Риме празднества шли за празднествами. Иезуиты надеялись, что они теперь достигли своей цели и овладели московской землей. В Варшаве, по обыкновению, побаивались, чтобы успехи короля не послужили к стеснению шляхетских вольностей, но дали на время волю патриотическому восторгу и восхищались торжеством своей нации над давними врагами.

Королю устроили торжественный въезд. Жолкевский вез за собой пленного низверженного царя. Поляки сравнивали его с римским Павлом Эмилием. Сослуживцы Жолкевского щеголяли блеском своих одежд и вооружения. Сам коронный гетман ехал в открытой, богато убранной коляске, которую везли шесть турецких белых лошадей. За его коляской везли Шуйского в открытой королевской карете. Бывший царь сидел со своими двумя братьями. На нем был длинный, белый, вышитый золотом кафтан, а на голове высокая шапка из черной лисицы. Поляки с любопытством всматривались в его изможденное сухощавое лицо и ловили мрачный взгляд его красноватых больных глаз. За ним везли пленного Шеина со смольнянами, а потом: послов – Голицына и Филарета с товарищами. Это было 29 октября 1611 года. Поезд двигал-

го плена он пользовался свободой и сошелся с паном Новодворским, главным виновником взятия Смоленска.

ся по Краковскому предместью в замок, где в сенаторской «избе» был в сборе весь сенат, двор, знатнейшие паны Речи Посполитой. На троне сидел король Сигизмунд с королевой, а по бокам члены королевской фамилии. Ввели пленных: Василия с братьями поставили перед тронем. Жолкевский выступил вперед и громко произнес латинскую цветистую речь, в которой упомянул разных римских героев. Указывая на Василия, он сказал: «Вот он, великий царь московский, наследник московских царей, которые столько времени своим могуществом были страшны и грозны польской короне и ее королям, турецкому императору и всем соседним государствам. Вот брат его, Димитрий, предводитель 60-тысячного войска, мужественного, храброго и сильного. Недавно еще они повелевали царствами, княжествами, областями, множеством подданных, городами, замками, неисчислимыми сокровищами и доходами, но, по воле и по благословению Господа Бога над вашим величеством, мужеством и доблестью польского войска, ныне стоят они жалкими пленниками, всего лишены, обнищавшие, поверженные к стопам вашего величества и, падая на землю, молят о пощаде и милосердии». При этих словах низложенный царь поклонился и, держа в одной руке шапку, прикоснулся пальцами другой руки до земли, а потом поднес их к губам; Димитрий поклонился в землю один раз, а Иван, по обычаю московских холопов, отвесил три земных поклона. Иван Пуговка горько плакал. Василий сохранял тупое спокойствие. Гетман про-

должал: «Ваше величество, я вас умоляю за них, примите их не как пленных, окажите им свое милосердие, помните, что счастье непостоянно и никто из монархов не может назвать себя счастливым, пока не окончит своего земного поприща». По окончании этой речи, пленники были допущены до руки королевской. После этого произнесены были еще две речи, одна – канцлером, другая – маршалом посольской избы в похвалу Сигизмунду, гетману и польской нации.

В заключение всего, встал со своего места Юрий Мнишек, вспоминал о вероломном убийстве Димитрия, коронованного и всеми признанного, говорил об оскорблении своей дочери, царицы Марины, о предательском избиении гостей, приехавших на свадьбу, и требовал правосудия. Василий стоял молча. Мнишек проговорил свою речь; но никто из панов Речи Посполитой не произнес ни слова, никто не обратил на него внимания, напротив, все глядели с состраданием и участием на пленного царя. Король отпустил Василия милостию.

Василия с братьями отправили в Гостынский замок, где назначили ему пребывание под стражей. Содержание давали им нескучное, как это видно из описи вещей и одежд, оставшихся после Василия и пожалованных пленным по милости Сигизмунда. Неволя и тоска свела Василия в могилу на следующий же год. Над могилой его поставили памятник с латинской надписью, восхваляющей великодушие Сигизмунда. Брат его Димитрий и жена последнего Екатерина умерли

после него в неволе, в плену. Супруга царя Василия значится умершей, по русским летописям, в Новодевичьем монастыре, в 1625 году, под именем Елены. Иван Пуговка, вскоре по заключении в Гостыни, изъявил желание служить Польше, присягнул Владиславу, и, когда в 1619 году был размен пленных, Иван не решился возвращаться в отечество и объявил, что приедет только тогда, когда Владислав разрешит его от данной ему присяги. Через несколько лет, однако, он был отпущен.

Прошло двадцать три года с тех пор, как Василия привезли в Варшаву. Тогда Московское государство заключило с Польшей уже не перемирие на известный срок, как бывало столько раз до этого времени, а так называемый вечный мир. Тогда царь Михаил Федорович попросил у польского короля Владислава прислать в Москву гроб пленного царя и его родных. Сначала паны Речи Посполитой воспротивились было этому, потому что считали для Польши славой то обстоятельство, что тело пленного московского царя лежит в их земле, но согласились, когда московские послы одарили их соболями. Отрывши могилу, нашли каменную палатку, в которой гроб Василия стоял одиноко, а гроб Димитрия был поставлен на гроб его жены. Король Владислав приказал покрыть новые гробы, в которые поставлены были старые, атласом, бархатом и камкой. Гробы привезли в Москву, Московские дети боярские и дворяне несли гроб бывшего царя Василия на плечах от Дорогомилова до Кремля, при много-

численном стечении народа. Сам царь встретил его у собора Успенского, со всеми боярами и ближними людьми, одетыми в смирное (траурное) платье. Тело несчастного Василия погребено 11 июня 1635 года в Архангельском соборе в ряду других потомков Св. Владимира, правивших Москвой.

Глава 27

Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский

Личность эта быстро промелькнула в нашей истории, но с блеском и славой, оставила по себе поэтические, печальные воспоминания. Характер этого человека, к большому сожалению, по скудости источников, остается недостаточно ясным: несомненно только то, что это был человек необыкновенных способностей.

В старинных родовых обычаях нередко случалось, что кто-нибудь из членов рода получит прозвище, которое остается за его прямыми потомками, и таким способом образуется двойная фамилия, состоящая из этого прозвища и родового древнего наименования. Так, в потомстве суздальских князей, получивших наименование Шуйских, был князь, прозванный Скопа, давший начало ветви Шуйских, носивших названия Скопиных-Шуйских: эта ветвь окончилась правнуком Скопы Михаилом Васильевичем. Во время царствования названного Димитрия Михаил Васильевич имел не более двадцати лет от роду, но Димитрий отличил его и приблизил к себе. Он дал ему сан своего царского мечника и возложил на него важное поручение привезти в Москву царицу Марфу. В каких отношениях был Михаил к заговору

Шуйского – мы вполне не знаем, хотя есть известие, что Димитрий, во время нападения заговорщиков, не нашел своего меча, который хранился у Михаила. Когда Болотников стоял под Москвою и 26 ноября собирался брать приступом столицу, царь Василий поверил Скопину охранение Серпуховских ворот. Михаил исполнил превосходно свое поручение и не только отбил мятежников, но 2 декабря ударил на Коломенское село и заставил Болотникова бежать от столицы. Несмотря на то, что князь Скопин заявил уже свои способности, Шуйский не дал ему главного начальства над войском против Тушинского вора, а поручил своему бездарному брату, Димитрию, который постыдно бежал и допустил самозванца до Москвы. Видно было, что подозрительный царь не доверял Михаилу Васильевичу и выдвинул его на дело только тогда, когда большая часть государства отпала от московского царя и сам Василий, со дня на день, дожидался гибели. В это время Скопин отправился в Новгород для заключения союза со шведами.

Еще в феврале 1607 года шведы через корельского воеводу предлагали Василию свою помощь, но Василий, верный прадедовскому обычаю скрывать перед чужими свои затруднительные обстоятельства и представлять свое положение в самом лучшем виде, приказал выразить шведам негодование за такое предложение. Шведский король сделал вторично подобное же предложение, когда Василий стоял под Тулой. Василий отвечал, что он помощи ни от кого не требует

и у него есть несчетные рати. Тогда только, когда самозванец уже угрожал столице, Василий должен был укротить свою гордость и ухватиться за средство, которое ему предлагали прежде. Он поручал это важное дело Скопину.

Прибывши в Новгород, Скопин отправил в Швецию своего шурина, Семена Васильевича Головина, а сам оставался в Новгороде; но тут он увидел, что новгородцы волнуются и в большинстве готовы провозгласить Димитрия. Уже Псков и другие соседние города отпали от Шуйского. Войска у Скопина было немного. Он вышел из города, но кругом его все было враждебно; пограничные города Иван-город и Орешек были уже за Димитрия. Скопин хотел уйти в Швецию, как при устье Невы явились к нему новгородские старосты и просили воротиться в Новгород, обещая верность Василию. Таковую перемену настроения в Новгороде произвели убеждения тамошнего митрополита Исидора. Но когда Скопин возвратился в Новгород, то услышал неожиданную весть, что из Тушина идет на Новгород полковник Кернозицкий с толпой поляков и русских воров. Новгородский воевода Михайло Игнатьевич Татищев вызвался идти против Кернозицкого. Татищева не любили в Новгороде; его недоброжелатели пришли к Скопину и сказали: «Татищев затем идет на Литву, чтобы изменить Василию и сдать Новгород».

Скопин вместо того, чтобы защищать Татищева или разбирать справедливость доноса, собрал ратных новгородских людей и сказал: «Вот что мне говорят против Михаила Тати-

щева, рассудите сами». Враги Татищева подняли крик и так вооружили всех, что толпа бросилась на него и растерзала. Скопин похоронил тело Татищева, а имущество велел продать с публичного торга, как поступали в старину в Новгороде после народного суда. Сам Скопин взял себе несколько вещей. Это дело остается темным как по отношению к личности Татищева, так и самого Скопина. Станным должно показаться, чтобы в самом деле мог покуситься пристать к самозванцу Татищев, один из главных виновников убийства названного Дмитрия, фанатический приверженец русских обычаев; но тогда всех подозревали и редкий мог за себя поручиться. Кернозицкий подступил к Хутынскому монастырю; многие из служилых новгородских людей после смерти Татищева перебежали к неприятелю, а против Кернозицкого вышли собравшиеся крестьяне; некоторые из них попались в плен и под пытками наговорили, что в Новгород идет большое войско. Кернозицкий испугался и отступил в Старую Русу.

Между тем Головин заключил договор, по которому Швеция обязывалась доставить Московскому государству на первый раз пять тысяч войска, за плату 32 000 рублей, да кроме того, Московское государство должно было дать Швеции 5000 рублей не в зачет. Сверх того, шведы обещали прибавить еще вспомогательного войска безденежно, с условием, чтобы и московский государь отпускал безденежно свое войско в Швецию в случае нужды. За это Московское госу-

дарство уступало Швеции Корелу со всем ее уездом. По силе этого договора, весной 1609 года, прибыло в Новгород 5000 шведов, а за ними должно было прийти еще 10000 разноплеменных охочих людей, но число пришедших, на самом деле, оказалось не полным. Шведским войском начальствовал Яков Понтус Делагарди, сын французского выходца реформата. Скопин встретил его в Новгороде 30 марта с пушечными и оружейными выстрелами. Оба предводителя были молоды: Делагарди было 27 лет, Скопину всего 23 года. Народ любовался ими. Иноземцы, описывая русского вождя, говорят, что он, при своей молодости, был необыкновенно красив, статен, приветлив и привлекал всех своим умом и той силой души, которая выказывалась во всех его приемах. По московскому обычаю, Скопин, благодаря шведского короля за помощь, старался, однако, скрыть перед Делагарди крайнее положение отечества. «Наш великий государь, – говорил он, – находится в благополучии и все подданные ему прямят; есть каких-нибудь тысяч восемь русских бездельников, которые пристали к полякам и казакам». Скопин выдал шведскому предводителю деньги, следуемые шведами не в зачет, а из суммы, назначенной на жалованье войску, мог дать только три тысячи, да и то собольими мехами; звонкой монеты не хватило. Он успокаивал союзников обещаниями; между тем рассылал грамоты в северо-восточные города, менее других разоренные, умолял скорее собирать и присылать деньги и вместе с тем приглашал отправлять к нему ратных людей.

План его был таков, чтобы идти прямо к Москве, не останавливаясь под городами, потому что все города, по его расчету, должны будут изъявить покорность, когда Москва освободится.

Первое дело соединенного русско-шведского войска было под селом Каменкой, 5 мая. Кернозицкий был разбит наголову отрядом, которым начальствовал Горн и Чулков. Победители взяли у него пушки, порох, лошадей; набрали множество пленников и в том числе толпу женщин. Скопин, после этой победы, отправил отряды по соседним городам. Весть о победе над Кернозицким произвела такое впечатление, что города: Торопец, Невель, Холм, Великие Луки, Ржева, отступили от самозванца. Порхов избавился от осаждавших его воров. Псков держался Димитрия, потому что в этом городе захватили власть черные люди, вопреки желанию лучших людей, расположенных отступить от вора. Затем Торжок, а за ним другие соседние города прислали к Скопину повинную и признали царя Василия. Скопин и Делагарди выступили из Новгорода и шли отдельно; к досаде Скопина, Делагарди шел медленнее, чем хотелось русскому вождю. Быть может, шведский предводитель рассчитывал, что русские не в состоянии будут уплатить жалованья, которого сумма возысится от долгого времени службы шведов в Московском государстве, и тогда будет предлог захватить северные области, как сделалось впоследствии.

Вор отправил против них Зборовского с поляками и князя

Шаховского с русскими людьми. Воровское войско истребило город Старицу, не взяло Торжка, отступило и заперлось в Твери. Скопин и Делагарди, соединившись, напали на Тверь; сначала они были отбиты, но потом, 13 июля, возобновили нападение, выгнали неприятеля из Твери, погнались за ним и разбили наголову.

Скопин, после этой победы, торопился идти к Москве, но иноземное войско взбунтовалось, требовало уплаты жалованья и не хотело идти далее. Делагарди должен был уступить, сам остался под Тверью и, со своей стороны, стал требовать уплаты жалованья и отдачи Корелы по условию. Заплатить было нечем. Делагарди воротился к Торжку, и его наемные воины стали обращаться с русскими поселянами не лучше поляков.

В этом затруднительном положении Скопин не упал духом. Он пригласил, по особому договору, отряд шведского войска под начальством Христиерна Зоме и стал под Колязиным. Отсюда он беспрестанно рассылал гонцов по городам и просил присылки денег и ратных людей. Монастыри: Соловецкий, Печенский, Устюжский, Спасо-Прилуцкий снабдили его деньгами. Пермская земля приводила его в досаду своей медлительностью; зато усердными показали себя вологжане и сольвычегодцы, особенно Строгановы, которые, кроме присылки денег, снаряжали и отправляли на свой счет к Скопину много ратных людей. Прибывавшие в Колязин ратные люди были хорошо вооружены, но не знали военного

дела, и Христиерн Зоме занимался их обучением. В половине августа тушинцы, осаждавшие Троицу под начальством Сапеги и Зборовского, пошли на Скопина, но Скопин предупредил их и на реке Жабне, впадающей в Волгу, поразил и обратил в бегство. Получивши деньги, Скопин выплатил еще часть жалованья шведскому войску, отправил, от имени царя, Федора Чулкова сдать шведам Корелу и тем побудил Делагарди прибыть к нему с войском 26 сентября. Союзники очистили от воров Переяславль и в октябре взяли Александровскую слободу. Тогда не только Сапега и Зборовский, но и сам главный военачальник Тушинского вора Рожинский двинулся на Скопина; после кровопролитного боя под Александровской слободой они воротились назад с большой потерей. Скопин и Делагарди составили план строить засеки одну за другой и таким способом приближаться к Москве. Сам Скопин порывался к столице, но Делагарди удерживал его, представляя, что не следует оставлять в тылу неприятеля, а нужно очистить соседнюю страну от воров. Таким образом, Скопин простоял всю зиму в Александровской слободе.

Слава его распространилась повсюду. Царя Василия не терпели, и русские стали поговаривать, что следует его низложить, а царем сделать Михаила Васильевича. Прокопий Ляпунов прислал к Скопину посольство от всей рязанской земли и извещал, что вся русская земля хочет его избрать в цари и признает, что кроме Михаила Васильевича никто не достоин сидеть на престоле. Скопин не вошел по этому

поводу ни в какие объяснения, удалил от себя посольство, но никого не казнил, не разбирая дела и не известил об этом царя Василия.

Между тем тушинский лагерь разошелся. Москва освободилась от осады. Отовсюду повезли припасы к столице. Скопин с Делагарди отправились в Москву и въехали в нее 12 марта 1610 года. Толпа московского народа обоего пола встречала его за городом. Бояре подносили ему хлеб-соль. Скопин ехал верхом рядом с Делагарди. Народ падал перед ним ниц, называл освободителем и спасителем земли. Сам царь Василий всенародно со слезами обнимал и целовал его. Начались пиры за пирами. Москвичи, наперерыв один за другим, приглашали шведов в свои дома и угощали их. Скопин хотел отдохнуть в Москве до просухи, а потом идти на Сигизмунда. Но Василий уже ненавидел Михаила Васильевича. Торжественная встреча, беспрестанные знаки народного расположения, сопровождавшие каждое появление Скопина среди народа, внушали ему страх. Русские люди открыто говорили, что надобно низложить Василия и избрать царем Скопина. Василий решил прямо объясниться с последним и изъяснить ему свои опасения. Князь Михаил Васильевич уверял, что не помышляет о короне, но Василия этим нельзя было уверить: Василий сам помнил, как он, в былые времена, клялся в своей верности Борису и Димитрию. К большому страху Василия, какие-то гадатели напрогнозировали ему, что после него сядет на престол царь Михаил; и

Василий воображал, что этот Михаил есть Скопин. Но всего более ненавидел Скопина неспособный брат царя, Дмитрий Шуйский. Зависть точила его. В то время, когда все московские люди расточали восторженные похвалы князю Михаилу Васильевичу, Дмитрий Шуйский подал на него царю обвинение, что он самовольно отдал шведам Корелу с областью. Царь Василий умел лучше сдерживать себя, чем брат, и не только оправдал Скопина, но замахнулся палкой на брата. Тем не менее везде говорили, что царь готовит Михаилу Васильевичу тайную гибель; и сам Делагарди советовал ему поскорее выбраться из Москвы, в поле, чтобы избежать худа.

23 апреля князь Иван Воротынский, свояк царя Василия, пригласил Скопина крестить своего младенца. На пиру Михаилу Васильевичу сделалось дурно. Его отвезли домой. Делагарди прислал к нему медика: ничто не помогло. Михаил Васильевич скончался на руках своей матери и жены.¹⁰⁷ Когда тело его лежало готовое к погребению, приехал Делагарди; москвичи не хотели было допустить к мертвецу неправославного, но Делагарди сказал, что покойный был его друг и товарищ, и был пропущен. Он взглянул на мертвого, прослезился и сказал:

«Московские люди, не только в вашей Руси, но и в землях государя моего не видать уже мне такого человека!»

Всеобщая молва приписывала смерть Скопина отраве, которую будто бы поднесла ему на пиру «в чаше на перепи-

¹⁰⁷ Жена Скопина была Анастасья Васильевна, урожденная Головина.

вании» жена Димитрия Шуйского, Екатерина, дочь Малюты Скуратова, «кума крестная, змея подколотная», как выражается народная песня. Народ до того взволновался, что чуть не разорил двора Димитрия Шуйского. Царь Василий военной силой охранил его от ярости толпы. Современные иностранцы положительно утверждают, что Скопин был отравлен по приказанию царя Василия.¹⁰⁸

Гроб Михаила Васильевича несли товарищи его подвигов. За ними следовали вдовы, сестры и матери убитых в бою. Они поддерживали мать и вдову Скопина, которые почти лишились памяти и чувства от горя. Был тут и царь Василий, разливался в слезах и вопил. Ему не верили. Не удалось Скопину сесть на московском престоле, на котором его так хотел видеть народ русский. Зато гроб его опустили в землю в Архангельском соборе, посреди царей и великих князей московского государства.

¹⁰⁸ «Procul, dubio jussu Suischii» (без всякого сомнения, по приказанию Шуйского), говорит шведский историк Видекинд. В немецкой хронике Буссова говорится: Suiski demselben ein Gift beybringen und damit ertudten liess. Из русских источников псковская летопись положительно приписывает смерть Скопина царю Василию. Другие летописцы, сообщая об этом как о слухе, прибавляют: а подлинно то единому Богу известно.

Глава 28

Патриарх Гермоген и Прокопий Ляпунов

Эти две личности, совершенно с различным призванием, во многом одна другой противоположные, были, так сказать, сведены судьбою для взаимодействия в самую бедственную и знаменитую эпоху русской истории, и потому вполне уместно, для связи событий, изложить их жизнеописания вместе.

Ранняя жизнь патриарха Гермогена неизвестна, как равно его происхождение и место рождения. Поляки впоследствии говорили, что он некогда служил в донских казаках, а потом был попом в Казани; они ссылались на дела казанского дворца, где будто бы находились обвинения на Гермогена в предосудительных поступках, совершенных им в то время. Это известие не может быть принято за достоверное. Историческая деятельность Гермогена начинается с 1589 г., когда, при учреждении патриаршества, он был поставлен казанским митрополитом. Находясь в этом сане, Гермоген заявил себя ревностию к православию. В казанской земле были крещенные инородцы, только по имени считавшиеся христианами; чуждые русских, они водились со своими одноплеменниками татарами, чувашами, черемисами, жили по-язычески, не приглашали священников в случае рождения мла-

денцев, не обращались к духовенству при погребениях, а их новобрачные, обвенчиваясь в церкви, совершали еще другой брачный обряд по-своему. Другие жили в незаконном супружестве с немецкими пленницами, которые для Гермогена казались ничем не отличавшимися от некрещеных. Гермоген собирал и призывал таких плохих православных к себе для поучения, но поучения его не действовали, и митрополит в 1593 г. обратился к правительству с просьбою принять со своей стороны понудительные меры. Вместе с тем, его возмущало еще и то, что в Казани стали строить татарские мечети, тогда как в продолжение сорока лет, после завоевания Казани, там не было ни одной мечети. Последствием жалоб Гермогена было приказание собрать со всего Казанского уезда новокрещеных, населить ими слободу, устроить церковь, поставить над слободою начальником надежного боярского сына и смотреть накрепко, чтобы новокрещеные соблюдали православные обряды, держали посты, крестили своих пленниц немецких и слушали бы от митрополита поучения, а непокорных следовало сажать в тюрьму, держать в цепях и бить. Суровый и деятельный характер Гермогена проявляется уже в этом деле.

С восшествием на престол названного Димитрия, был устроен сенат, где надлежало заседать и знатному духовенству: Гермоген был членом этого сената и потому был приглашен в Москву. По случаю бракосочетания царя с Мариною, Гермоген резко начал требовать крещения католички,

и за это был удален в свою епархию. Царь Василий Шуйский приказал возвести его на патриаршество, но скоро не поладил с ним. Гермоген был человек чрезвычайно упрямый, жесткий, грубый, неуживчивый, притом слушал наушников и доверял им. Подчиненные его не любили: он был человек чересчур строгий. Но при всем том, это был человек прямой, честный, непоколебимый, свято служивший своим убеждениям, а не личным видам. Находясь постоянно в столкновениях с царем, он, однако, не только не подавал руки его многочисленным врагам, но всегда защищал Василия. Строгий приверженец формы и обряда, Гермоген уважал в нем лицо, которое, какими бы путями ни достигло престола, но уже было освящено царским венцом и помазанием. Он выходил на площадь усмирять толпу, вооружавшуюся против Шуйского, заступался за него во время низложения, проклинал Захара Ляпунова с братиею, не признавал насильственного пострижения царя, так как оно не могло освящаться даже и правильностию совершенного над ним обряда, наконец, и тогда, когда уже Шуйский был в Чудовом монастыре, советовал возвести его снова на престол. Гермоген не обращал тогда внимания на обстоятельства, делавшие такой шаг решительно невозможным. Для Гермогена существовало одно – святость религиозной формы. Когда уже Жолкевский стоял под Москвой и бояре поневоле предлагали корону Владиславу, Гермоген противился, осуждал намерение призывать на московский престол иноплеменника и соглашался на

то в крайности, только с тем, чтоб Владислав крестился в православную веру. Жолкевский не соглашался; дело тянулось; наконец, когда Жолкевский дал боярам заметить, что может прибегнуть и к силе, если мирным путем ничего не добьется, бояре составили договор, стараясь, по возможности, оградить православную веру, и пошли просить благословения патриарха. «Если, – сказал патриарх, – вы не помышляете нарушить православную веру, да пребудет над вами благословение, а иначе: пусть на вас ляжет проклятие четырех патриархов и нашего смирения; и примете вы месть от Бога, наравне с еретиками и богоотступниками!» Увидевши в церкви с боярами Михаила Молчанова, убийцу Борисова сына, недавно игравшего роль Димитрия в Самборе, Гермоген прогнал его такими словами: «Прочь отсюда, окаянный еретик, ты недостоин входить в церковь Божию!»

Посольство Филарета и Голицына отправилось от всей земли русской в Смоленск с просьбою о даровании в цари русские Владислава на условиях договора, заключенного с Жолкевским. Патриарх, верный своему желанию признать Владислава, не иначе как после принятия им православной веры, написал Сигизмунду письмо, в котором выражался так:

«Великий самодержавный король, даруй нам сына своего, которого возлюбил и избрал Бог в цари, в православную греческую веру, которую предрекли пророки, проповедали апостолы, утвердили святые отцы, соблюдали все православные

христиане, которая красуется, светлеет и сияет, яко солнце. Даруй нам царя, с верою принявшего св. крещение во имя Отца и Сына и Св. Духа в нашу православную греческую веру; ради любви Божией, смилуйся, великий государь, не презри этого нашего прошения, чтобы и вам Богу не погрубить и нас, богомольцев, и неисчетный народ наш не оскорбить».

Послы, отправленные под Смоленск к королю, обязаны были всеми силами добиваться, чтобы будущий царь принял православную веру. Когда, после того, возник вопрос о допущении польского войска в Москву, Гермоген сильно этому противился и возбуждал других к противодействию так, что один из бояр сказал ему: «Твое дело, святейший отче, смотреть за церковными делами, а в мирские тебе не следует вмешиваться!»

Польское войско вошло в столицу, несмотря на ропот, возбуждаемый Гермогеном. Жолкевский, зная его крутой нрав, не поехал к нему сначала, но стал писать вежливые и почтительные письма с уверениями в своем уважении к православию и наконец посетил его и так ловко держал себя, что суровый патриарх обращался с ними дружелюбно, хотя все-таки неискренно: не было на свете латинника, с которым бы мог сойтись строгий архипастырь.

Жолкевский не долго пробыл в Москве. Александр Гонсевский, заступивший на его место, был сам по себе человек, который мог бы сойтись с московскими людьми; он держал подчиненных в дисциплине, говорил хорошо по-русски, был

знаком с русским народом и русскою землею, но, исполняя предписания своего короля, начал распоряжаться и судом и казною. Сигизмунд явно показывал вид, что не хочет посадить на московском престоле сына, а помышляет сам царствовать в Московском государстве, раздавал на Руси поместья, должности, возвысил торгового человека Федора Андронова, за готовность служить его видам, и посадил его в боярскую думу. В то время, когда вся земля Московского государства избирала в государи сына польского короля, Сигизмунд требовал сдачи Смоленска, русского города; польское войско метало в этот город ядра, лилась русская кровь; король настаивал, чтобы послы, прибывшие в его стан по делу об избрании Владислава, понуждали Смоленск сдаться королю; а когда послы отговаривались неимением уполномочия и послали в Москву спрашивать, то в Москве преданные Сигизмунду бояре, Салтыков и Федор Андронов, нахально объявляли патриарху и боярам, что следует во всем положиться на королевскую волю.

Понятно, как все эти обстоятельства возмущали патриарха. В одинаковой степени возмутился всем этим и Прокопий Петрович Ляпунов.

Фамилия Ляпуновых происходила из дома Св. Владимира; давно уже лишившись владетельных прав, «захудавши», как говорилось в старину, она потеряла и княжеское достоинство. Оставаясь только дворянами, Ляпуновы были, однако, богаты и влиятельны в рязанской земле. Два брата Ля-

пуновых, Прокопий и Захар, по своему произволу ворочали всеми делами этой земли. По смерти Грозного, Ляпуновы вместе с Кикиными участвовали в московском мятеже, предпринятом с целью отстранить слабоумного Федора и возвести Димитрия; за то они подверглись ссылке. Впоследствии прощенные, они ненавидели Бориса, и в 1603 году царь Борис приказал высесть кнутом Захара Ляпунова за то, что последний посылал донским казакам боевые запасы. Во время перехода войска на сторону названного Димитрия под Кромами, Ляпуновы были из первых, провозгласивших имя Димитрия, и увлекли за собою все рязанское ополчение.

В описываемое наше время Прокопию Петровичу было лет под пятьдесят; он был высокого роста, крепко сложен, красив собою; чрезвычайно пылкого, порывистого нрава, а потому легко попадался в обман, но вместе настойчивый и деятельный. Он в высокой степени обладал способностью увлекать за собою толпу и, под влиянием страсти, не разбирая людей, стараясь только направить их к одной цели. После убийства названного Димитрия, которого он искренно считал настоящим, он пристал к Болотникову, поверив, что Димитрий жив, но отстал тотчас же, как убедился в обмане. Не терпя Шуйского, Ляпунов признал его царем ради спокойствия земли, служил ему, но видел его неспособность, и, как только Скопин заявил о себе своими подвигами, Ляпунов смело, не долго думая, послал князю Михаилу Васильевичу предложение принять корону. Скоропостижная смерть Скопина

окончательно сделала его врагом Шуйского. Согласно своей увлекающейся натуре, он вполне поверил молве об отраве. По его подущению Шуйский был сведен с престола. Избрание Владислава казалось Прокопию Ляпунову самым лучшим средством успокоить русскую землю. Условия, на которых избрали Владислава, были ему по сердцу. Ляпунов отправил к Жолкевскому сына своего Владимира, хлопотал о подвозе припасов для польского войска, расположенного в Москве, и уговаривал всех и каждого соединиться под знамя Владислава для спасения русской земли. Но как только дошло до него известие о том, что делает Сигизмунд под Смоленском, Ляпунов понял, что со стороны поляков один только обман, что Сигизмунд готовит Московскому государству порабощение; Ляпунов написал в Москву боярам укорительное письмо и требовал, чтобы они объяснили, когда придет королевич и почему нарушается договор, постановленный Жолкевским. Письмо это было отправлено боярами к Сигизмунду, а Гонсевский, зная, что Ляпуновым пренебрегать нельзя, обратился к патриарху и требовал, чтобы Гермоген написал этому человеку выговор. Но Гермоген понимал, что из этого выйдет, и отказал наотрез.

5 декабря 1610 года пришли к Гермогену бояре. Во главе их был Мстиславский. Они составили грамоту к своим послам под Смоленск в таком смысле, что следует во всем положиться на королевскую волю. Они подали патриарху эту грамоту подписать и, вместе с тем, просили его усмирить Ля-

пунова своей духовной властью. Патриарх отвечал:

«Пусть король даст своего сына на Московское государство и выведет своих людей из Москвы, а королевич пусть примет греческую веру. Если вы напишете такое письмо, то я к нему свою руку приложу. А чтоб так писать, что нам всем положиться на королевскую волю, то я этого никогда не сделаю и другим не приказываю так делать. Если же меня не послушаете, то я наложу на вас клятву. Явное дело, что, после такого письма, нам придется целовать крест польскому королю. Скажу вам прямо: буду писать по городам, – если королевич примет греческую веру и воцарится над нами, я им подам благословение; если же воцарится, да не будет с нами единой веры, и людей королевских из города не выведут, то я всех тех, которые ему крест целовали, благословлю идти на Москву и страдать до смерти».

Слово за слово; спор между патриархом и боярами дошел до того, что Михайло Салтыков замахнулся на Гермогена ножом.

«Я не боюсь твоего ножа, – сказал Гермоген, – я вооружусь против ножа силою креста святого. Будь ты проклят от нашего смирения в сем веке и в будущем!»

На другой же день патриарх приказал народу собраться в соборной церкви и слушать его слово. Поляки испугались и окружили церковь войском. Некоторые из русских успели, однако, заранее войти в церковь и слышали проповедь своего архипастыря. Гермоген уговаривал их стоять за право-

славную веру и сообщать о своей решимости в города. После такой проповеди приставили к патриарху стражу.

Ляпунов узнал обо всем и, не думая долго, написал боярам письмо такого содержания: «Король не держит крестного целования; так знайте же, я сослался уже с северскими и украинскими городами; целуем крест на том, чтобы со всею землею стоять за Московское государство и биться насмерть с поляками и литовцами».

Ляпунов разослал по разным городам свое воззвание и присвокупил к нему списки с двух грамот: с присланной из-под Смоленска дворянами и детьми боярскими, да с грамоты, доставленной из Москвы.

В грамоте из-под Смоленска говорилось в том смысле: «Мы пришли из разоренных городов и уездов к королю в обоз под Смоленск и живем тут другой год, чтоб выкупить из плена, из латинства, из горькой работы бедных своих матерей, жен и детей. Никто не жалеет нас. Иные из наших ходили в Литву за своими матерями, женами и детьми и потеряли там свои головы. Собран был Христовым именем окуп – все разграбили... во всех городах и уездах, где завладели литовские люди, поругана православная вера, разорены Божии церкви! Не думайте и не помышляйте, чтоб королевич был царем в Москве. Все люди в Польше и Литве никак не допустят до того. У них в Литве положено, чтобы лучших людей от нас вывести и овладеть всею московскою землею. Ради Бога, положите крепкий совет между собою. Пошлите

списки с нашей грамоты в Нижний, в Кострому, в Вологду, в Новгород и свой совет отпишите, чтобы всем было ведомо, чтобы всею землею стать нам за православную веру, покамест мы еще свободны, не в рабстве и не разведены в плен».

В московской грамоте указывалось первенство Москвы, она называлась корнем древа, упоминалась ее местная святыня, образ Богородицы, писанный евангелистом Лукою, мощи Петра, Алексия, Ионы и, между прочим, говорилось: «У нас святой патриарх Гермоген прям, яко сам пастырь, душу свою за веру полагает несомненно, и ему все православные христиане последствуют, только неявиственно стоят».

«Встанем крепко, – писал Ляпунов, – примем оружие Божие и щит веры, подвигнемся всею землею к царствующему граду Москве и со всеми православными христианами Московского государства учиним совет: кому быть на Московском государстве государем. Если сдержит слово король и даст сына своего на Московское государство, крестивши его по греческому закону, выведет литовских людей из земли и сам от Смоленска отступит, то мы ему государю, Владиславу Жигимонтовичу, целуем крест и будем ему холопами, а не захочет, то нам всем за веру православную и за все страны российской земли стоять и биться. У нас одна дума: или веру православную нашу очистить, или всем до одного помереть».

В городах уже кипело негодование против поляков. В каждом городе списывались и читались в соборной церкви гра-

моты, присланные Ляпуновым, списывались с них списки и отправлялись с гонцами в другие города; каждый город передавал другому городу приглашение собраться со всем своим уездом и идти на выручку русской земли. Из каждого города бегали посыльщики по своему уезду, созывали помещиков, собирали даточных людей с монастырских и церковных имений. Везде, по прибытии таких посыльщиков, собирались сходки, постановлялись приговоры, люди вооружались, чем могли, спешили в свой город, кто верхом, кто пешком, везли в город порох, свинец, сухари, всякие запасы. В городе звоном колокола собирали сходку людей своего уезда. Тут постановлялся приговор, произносилось крестное целование. Русские люди обещались дружно и крепко стоять за православную веру и за Московское государство, не целовать креста польскому королю, не сноситься ни с ним, ни с поляками, ни с Литвою, ни с русскими сторонниками короля, а идти ополчением вместе с другими своими соотечественниками выручать Москву, и во время похода не делать смут, пребывать в согласии, не грабить, не делать дурного русским людям и единодушно заступаться за тех русских, которых пошлют в заточение или предадут наказанию московские бояре. Таким способом восстание быстро охватило Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, Суздаль, Муром, Кострому, Вологду, Устюг, Новгород со всеми новгородскими городами; везде собирались ополчения и, по приказанию Ляпунова, стягивались к Москве. С другой стороны, с Ляпу-

новым вошли в соглашение сторонники убитого Тушинского вора и даже сам Ян Сапега несколько времени манил Ляпунова готовностью сражаться за русское дело. Все украинские города пристали к Ляпунову. В своем увлечении Ляпунов везде преследовал только одну свою высокую цель, спасение погибающего отечества, и простодушно брался с такими людьми, как Заруцкий и Сапега, для будущей гибели своей и своего дела.

В начале марта Ляпунов уже шел к Москве, соединяясь по дороге с разными ополчениями городов.

В Москве давно уже происходила тревога. Смельчаки позволяли себе над поляками оскорбительные выходки, ругались над ними, давали разные бранные клички. Гонсевский сдерживал своих людей и старался не допускать до кровопролития. Приближалась страстная неделя. Поляки через своих лазутчиков узнали, что силы восставшего народа приближаются к Москве. Салтыков, по приказанию Гонсевского, явился вместе с боярами к Гермогену и сказал:

«Ты писал по городам; видишь, идут на Москву. Отпиши же им, чтоб не ходили». Патриарх отвечал:

«Если вы, изменники, и с вами все королевские люди выйдете из Москвы вон, тогда отпишу, чтобы они воротились назад. А не выйдете, так я, смиренный, отпишу им, чтоб они совершили начатое непременно. Истинная вера попирается от еретиков и от вас, изменников; Москве приходит разорение, святым Божиим церквам запустение; костел латины

устроили на дворе Бориса. Не могу слышать латинского пения!»

Наступил вторник страстной недели. Уже русские ополчения с разных сторон подходили к Москве. В Москве русские показывали вид, будто ничего не ждут и все обстоит обычным порядком. Московские торговцы отворили свои лавки. Народ сходился на рынках. Одно только было необычно: на улицах съехалось очень много извозчиков. Поляки смекнули, что это делается для того, чтобы загородить улицы и не дать полякам развернуться, когда придет русское ополчение. Поляки стали принуждать собравшихся извозчиков стаскивать пушки на стены Кремля и Китай-города.

Извозчики отказались. Поляки давали им денег – извозчики не брали денег. Тогда поляки начали бить извозчиков; извозчики стали давать сдачи; за тех и за других заступились свои. Поляки обнажили сабли и начали рубить и старого и малого.

Народ бежал в Белый город, поляки бросились за ним, но в Белом городе все улицы были загромождены извозчичьими санями, столами, скамьями, бревнами, кострами дров; русские из-за них, с кровель, заборов, из окон стреляли в поляков, били их камнями и дубьем. По всем московским церквям раздавался набатный звон, призывавший русских к восстанию. Вся Москва поднялась, как один человек, а между тем ополчения русской земли входили в город с разных сторон.

Поляки увидели, что с их силами невозможно устоять, прибегли к последнему средству и зажгли Белый город в разных местах, потом зажгли также и Замоскворечье, а сами заперлись в Китай-городе и Кремле. С ними были бояре: как Мстиславский, князь Куракин, князь Борис Мстиславович Лыков, Федор Иванович Шереметев, Иван Никитич Романов, Салтыков и другие, многие боярыни, дворяне с женами и пр. Большая часть должна была сидеть там поневоле. Русские войска никак не могли прорваться сквозь пылающую столицу.

В продолжение трех дней большая часть Москвы сгорела. Торчали только стены Белого города с башнями, множество почерневших от дыма церквей, печи уничтоженных домов и каменные подклети. Поляки успели нахватать кое-чего в церквах и богатых домах, и многие так обогатились, что иной, войдя в Белый город в изодранном кунтуше, воротился в Китай-город в золоте, а жемчуга набрали они такое множество, что заряжали им ружья и стреляли в москвичей. Затворившись в Китай-городе, польские воины с досады перебили оставшихся там русских, пощадили только красивых женщин и детей и проигрывали их друг другу в карты.

С тех пор ополчение стояло под Москвою и вело ожесточенную драку с поляками. Редкий день проходил без боя. Бояре и Гонсевский принялись за патриарха.

«Если ты, – говорил ему Салтыков, – не напишешь Ляпунову и его товарищам, чтоб они отошли прочь, то сам

умрешь злою смертью».

«Вы мне обещаете злою смерть, – сказал Гермоген, а я надеюсь через нее получить венец и давно желаю пострадать за правду. Не буду писать – я вам уже сказал, и более от меня ни слова не услышите!»

Гермогена посадили в Чудов монастырь, не позволяли ему переступить через порог своей кельи, дурно содержали и неуважительно обращались с ним.

Но русское ополчение не могло достигнуть своей цели, потому что в нем начались раздоры. Неразборчивость Ляпунова в наборе товарищей скоро возымела печальные последствия. Подмосковное войско составило приговор, по которому правителями не только войска, но и всей русской земли временно назначили трех предводителей: Дмитрия Трубецкого, Прокопия Ляпунова и Заруцкого. Первым считался Трубецкой, как более знатный по рождению, но всем распоряжался Ляпунов; он был крут нравом и настойчив, не разбирая лиц родовитых и не родовитых, богатых и бедных. Когда к нему разные лица обращались за делами, он заставлял их дожидаться очереди, стоя у его избы, а сам занимался делами и никакому знатному лицу не оказывал предпочтения, чтоб выслушать его вне очереди. Он строго преследовал неповиновение, своевольство и всякое бесчинство, а иной раз, не сдерживая своего горячего нрава, попрекал тех, которые служили в Тушине и Калуге ведомому вору; но более всего вооружил он против себя казаков и их предводите-

ля Заруцкого. Ляпунов не позволял им своевольничать и за всякое бесчинство казнил жестоко. Раздор усиливался через раздачу поместий; одни получали право поместий от Ляпунова, другие от Заруцкого, и так как Заруцкий раздавал поместья тем, кто был в шайке вора, то Ляпунов отнимал эти поместья и отдавал тем, кто не служил в Тушине и Калуге.

Однажды за казнь двадцати восьми казаков, утопленных за своевольства, все казацкое полчище поднялось против Ляпунова, и он должен был уйти из стана, но земские люди возвратили его. Об этом происшествии узнал Гонсевский и отправил с одним пленным казаком письмо, подписанное под руку Ляпунова, где говорилось, что казаки – враги и разорители Московского государства и что казаков, куда только они придут, следует бить и топить. 25 июля это письмо было прочтено в казацком круге. Позвали Ляпунова.

Он отправился к казакам оправдываться, заручившись обещанием, что ему не сделают ничего дурного. «Ты это писал?» – спросили его.

«Нет, не я, – отвечал Ляпунов, – рука похожа на мою, но это враги сделали, я не писал».

Казаки, озлобленные уже прежде против него, не слушали оправданий и бросились на него с саблями. Тут некто Иван Ржевский, прежде бывший врагом Ляпунова, понял, что письмо фальшивое, заступился за Ляпунова и кричал: «Прокопий не виноват!» Но казаки изрубили и Ляпунова и Ржевского.

Ни Трубецкого, ни Заруцкого на этом собрании не было. С этого времени ополчение, хотя находилось под Москвою, но состояло главным образом из казаков. Заруцкий смело провозгласил тогда будущим царем сына Марины, но Гермоген, несмотря на свое заключение, успел переслать тайным образом через двух бесстрашных людей грамоту в Нижний, в которой увещевал, чтобы во всех городах отнюдь не признавали царем Маринкина сына: «Проклят от святого собора и от нас», – выражался патриарх. Грамота эта по его приказанию была разослана по разным городам и подготавливала русский народ к новому восстанию.

Под Москвою земские люди переносили от казаков оскорбления всякого рода и насилия и убегали из табора. Казаки расходились из-под Москвы по окрестностям и разоряли русские земли. Повсюду шатались польские шайки, жгли селения, убивали и мучили жителей; в особенности свирепствовали шайки Лисовского и Сапеги. Последнего уже в то время не было в живых, но шайка, в которой он предводительствовал, носила его имя. Зимой положение народа стало еще ужаснее. Лишившись жилищ, многие русские замерзали по полям и дорогам. Те, которые были поудалее, образовали шайки удальцов, называемых «шишами»; они нападали на поляков неожиданными налетами, вели с ними партизанскую войну.

«Было тогда, – говорит современное сказание, – такое лютое время Божья гнева, что люди не чаяли себе спасения;

чуть не вся земля русская опустела; и прозвали старики наши это лютое время – лихолетье, потому что тогда на русской земле была такая беда, какой не бывало от начала мира».

В довершение бедствий северные области отпали от Московской державы: шведский полководец Делагарди, бывший союзник русских, 8 июля 1611 года взял приступом Новгород, и новгородцы поневоле избрали своим государем шведского королевича Карла Филиппа, изъявляя надежду, что и прочие части Московского государства выберут его к себе в цари. Делагарди заключил договор, которым Швеция обязалась не нарушать православного исповедания и сохранять все права, законы и обычаи новгородского государства.

В феврале окончил Гермоген свой подвиг. Поляки, услышавши, что в Нижнем собирается новое восстание по воззванию Минина, потребовали от патриарха, чтобы он написал увещание нижегородцам и приказал им оставаться в верности Владиславу. Гермоген резко и твердо отвечал: «Да будет над ними милость от Бога и благословение от нашего смирения! А на изменников да излиется гнев Божий и да будут они прокляты в сем веке и в будущем!»

За эти слова Гермогена заперли еще теснее, и 17 февраля он умер, как говорят современники, голодною смертью.

Глава 29

Троицкий архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын

В городе Ржеве жил некто по имени Федор с женою Иулианиею и сыном Давидом. Из Ржева он перешел в Старицу, и был там старостою в ямской слободе. Он отдал своего единственного сына учиться грамоте у монахов, как обыкновенно делалось. Давид оказался очень способным, любил чтение и был посвящен в попы в одном из сел Старицкого Богородицкого монастыря. Через шесть лет Давид лишился жены, оставившей ему двух сыновей и, по обычаю того времени, постригся в монахи в том же Богородицком монастыре, под именем Дионисия. Он был еще молод, чрезвычайно красив и статен, глаза его блистали постоянною веселостью, спокойствием и доброотою, русая окладистая борода его спускалась до пояса. Он обладал звучным, прекрасным голосом, хорошо пел, с чувством читал на богослужении и увлекательно говорил. Рассказывают, что однажды он поехал из своего монастыря в Москву и рассматривал книги в книжном ряду. Кто-то стал подшучивать над ним, делая намеки на то, что подобный монах-красавец едва ли способен удержаться от соблазнов плоти. Слышавшие эту выходку напустились на шутника, назвали его невежею, но Дионисий сказал ему: «Ты

прав, брат, если бы я был хороший монах, то не шатался бы по торжищам, а сидел бы в келье». Насмешнику стало стыдно, и он просил прощения у Дионисия. Через несколько времени Дионисий был поставлен архимандритом в том же монастыре, пробыл в этом сане около двух лет и бывал часто в Москве; здесь он сошелся с патриархом Гермогеном, который полюбил его. Оба они были совершенно противоположны по характеру: Гермоген – вечно суровый, сердитый, всем недовольный, подозрительный, тяжелый в обращении с людьми, Дионисий – всегда спокойный, кроткий, благодушный. Но оба сходились между собою потому, что как тот, так и другой одинаково были прямодушны, честны, благочестивы, одинаково любили отечество. Во все продолжение осады Москвы тушинцами, Дионисий пробыл в столице и вместе с Гермогеном выходил для увещания народа, возмущавшегося против царя Василия. В 1610 году, уже после того, как шайки Сапеги и Лисовского отступили от Троицкого монастыря, скончался троицкий архимандрит Иосаф, и в июле, за несколько недель до падения Шуйского, Дионисий возведен был в звание троицкого архимандрита. С этих пор началась его высокая, доблестная деятельность как христианина, так и гражданина.

Наступило то ужасное время, которое русский народ в своей памяти прозвал «лихолетьем». Бесчисленное множество народа страдало и погибало от зверства польских и казацких шаек. Толпы русских людей обоего пола, нагие,

босые, измученные, бежали к Троицкой обители. «Некоторые, – говорит очевидец, – были все испечены огнем; у иных вырваны на голове волосы; множество калек валялось по дорогам, у иных были вырезаны полосы кожи на спине, у других отсечены руки и ноги, у кого были следы ожогов на теле от распаленных камней». Архимандрит Дионисий посылал подбирать их по окрестностям, привозить в монастырь и лечить. Для этой цели он приказал построить больницы, странноприимные дома как в самом монастыре, так и в монастырских селах (в Служней и в селе Клементьеве). Монахи и служки по его приказанию беспрестанно ездили по окрестностям, подвергаясь сами смерти от разбойников, привозили раненых и голодных. Дионисий всех приказывал кормить, поить, лечить, давать им одежду и обувь, а женщины беспрерывно мыли и шили им белье. Кроме того, собирали мертвых, привозили их и предавали христианскому погребению. «Я помню, – говорит один из участников, Иван ключарь, – как в один день похоронили 860 человек в Клементьеве селе, кроме других мест, а по смете в течение тридцати недель погребли более 3000; случалось по десяти и пятнадцати трупов зарывали в одну могилу». Дионисий решился употребить на доброе дело всю монастырскую казну, все, что давали туда вкладчики на поминовение своих душ. «От осады большой Бог избавил нас, – говорил он, – а за леность и скупость может хуже еще смирит. Видим все, что Москва в осаде, а литовские люди рассыпались по земле, что у нас ни есть хлеба

ржаного и пшеницы и квасов в погребе, – все отдадим раненым людям, а сами будем есть хлеб овсяной; и без кваса, с одной водой не умрем». Сам Дионисий за всем смотрел, наблюдал, чтобы у людей, которым давали приют, был мягкий хлеб и свежая пища, сам осматривал больных, давал лекарство, причащал умирающих, ни день ни ночь не зная покоя. Этого мало, он заботился о том, чтобы русский народ не оставлял борьбы с врагами, посадил у себя в келье писцов и приказывал им переписывать списки с грамот, которые беспрестанно рассылал с гонцами по всем городам, возбуждал ратных людей к мужеству, стыдил за леность и беспрестанно служил молебны о спасении отечества. Еще летом, когда жив был Ляпунов, Дионисий рассылал грамоты в Казань, Новгород, Вологду, Пермь и другие города, убеждал посылать к Москве ратных людей и доставлять казну. Когда уже Ляпунова не стало, в ополчении под Москвою господствовали казаки. Дионисий вместе с келарем Авраамием от 6 октября 1611 года отправил по разным городам новую грамоту. Желая соединить все силы русской земли, троицкие власти не стали раздражать казаков, и потому не поминали об убийстве Ляпунова и с похвалою отзывались о Трубецком и Заруцком за то, что они стояли под Москвой против поляков и русских изменников. Вся вражда обращена была на последних. Русские призывали действовать заодно с казаками. «Видите, – писалось в этой грамоте, – что приходит нам конечная погибель. Все разорено, поругано, бесчислен-

ное множество народа в городах и селах кончили жизнь под лютыми, горькими муками. Нет пощады ни сединам многолетних старцев, ни сосущим молоко младенцам. Сжальтесь над нашею погибелью, чтобы и вас самих не постигла лютая смерть. Бога ради, пусть весь народ положит подвиг страда-нья, чтоб всем православным людям быть в соединении, а вы, служилые люди, поспешайте без малейшего замедления к Москве в сход, к боярам и воеводам и ко всему множеству христианского народа. Сами знаете, что всякому делу есть свое время, а безвременное начинание бывает суетно и бездельно. Если между вами есть и будут недоволы (что-нибудь неладное), Бога ради, отложите это до времени, чтоб нам всем заодно положить свой подвиг и пострадать для избавления христианской православной веры. Если мы прибегнем к прещедрому Богу, и пречистой Богородице, и ко всем святым и обещаемся сообща сотворить наш подвиг, то милостивый владыка, человеколюбец, отвратит праведный свой гнев и избавит нас от лютой смерти и латинского порабощения».

Это воззвание ободряло народный дух, падавший под гнетом ужасных бедствий. В посылке воззваний участником Дионисия является также келарь Авраамий Палицын, имя которого вместе с именем Дионисия ставилось в этих грамотах. Он происходил из знатного рода малорусских выходцев, прибывших в Москву в XIV веке и принявших фамилию Палицыных от одного своего предка, прозванного Палицею. В конце XVI века он вступил в монашество; а во время оса-

ды Лавры Сапегою носил важное звание келаря – заведующего монастырскими делами. Он в это время не находился в монастыре, жил в Москве на Троицком подворье и во время скудости, происшедшей от осады, пустил в продажу по заниженной цене запасы хлеба, находившиеся в столице, впрочем, воспользовавшись этим и в свою пользу. Царь Василий утвердил за ним спорную вотчину его двоюродного брата, хотя, собственно, по соборным постановлениям в подобных случаях ему, как монаху, следовало получить из казны вместо вотчины деньги, а не саму вотчину. По низвержении Шуйского келарь Авраамий был послан под Смоленск одним из членов посольства. Когда поляки стали притеснять это посольство, подозревая его в соумышлении с Ляпуновым, некоторые дворяне, бывшие в посольстве, стали выходить из него. Подобным образом поступил и Авраамий Палицын; он поклонился Сигизмунду, выпросил у него для своего монастыря грамоту на соби́рание пошлин с Конской Площадки в Москве и уехал в Москву. Этот поступок едва ли можно поставить ему в вину: он только показывает благоразумие. Авраамий предвидел, что послов за их упорство возьмут в неволю и отправят в Польшу, а потому рассудил заранее уехать, чтобы иметь возможность служить русскому делу.

Во все время похода Пожарского и Минина к Москве, Дионисий и Авраамий писали к ним грамоты, торопили их идти скорее к столице, чтобы предупредить Ходкевича, кото-

рый должен был привести свежие силы и запасы польскому гарнизону, остававшемуся в Кремле, а когда услышали, что в Ярославле в русском ополчении происходят раздоры и беспорядки, то послали сначала жившего у Троицы на покое ростовского митрополита Кирилла, а потом отправился туда келарь Авраамий водворять согласие и убеждал Пожарского спешить скорее к Москве. Авраамий в своем рассказе о событиях этого времени порицает Пожарского за его медленность и неспособность удерживать в войске порядок. Двинувшись наконец к Москве, Пожарский 14 августа остановился под Троицею. Дионисий служил молебен, кропил войско святою водою, и Авраамий, вместе с Пожарским, отправился к Москве. Если верить рассказу самого Палицына, то он больше всего способствовал успехам казаков, убедивши и воодушевивши их своим красноречием. Впоследствии, во время пребывания русского ополчения под Москвою, несколько раз возобновлялись недоразумения между земскими людьми и казаками. Казаки требовали жалование. Келарь Авраамий отправился к Троице, и архимандрит Дионисий с братиею, не имея денег, послали казакам в виде залога богатые церковные одежды, но казаки, тронутые этим, не взяли такого залога и дали обет не отходить от Москвы прежде, чем ее не очистят от поляков.

В феврале 1613 года под Москвою происходил выбор нового царя. Авраамий Палицын, вместе с другими духовными, был отправлен в посольстве для приглашения новоизбран-

ного царя на престол.

Смуты улегались. На престоле сидел избранный государь, но, по молодости и по недавности своей власти, находился под влиянием бояр. В это время был восстановлен был печатный двор (типография) в Москве и предпринято печатание церковного требника. Дело это поручено Дионисию. Ему дали для работ двух монахов Троицкого монастыря, Арсения и Антония, и священника Ивана из монастырского Клементьевского села. Царь выбрал этих людей потому, что им известно было книжное учение, грамматика и риторика. Рассматривая напечатанный прежде «Потребник» (требник), Дионисий заметил в нем неправильности, а равным образом нашел в старых рукописных экземплярах много ошибок, вкравшихся в них от невежества. Таким образом, в конце многих молитв встречались неправильные выражения, имевшие смысл смещения лиц Св. Троицы савелианской ереси. В молитве, читаемой при водоосвящении, «Прииди, Господи, и освяти воду сию Духом Твоим святым», прибавлялось «и огнем». Прибавка эта вошла во всеобщее употребление, а между тем она вкралась в требник единственно по невежеству. Дионисий приказал выбросить ее из новопечатаемого требника. Но в Троицком монастыре, как вообще в русских монастырях, между монахами господствовало невежество, а некоторые из них воображали себя при этом людьми учеными и пользовались уважением в среде своей братии. Такими были у Троицы головщик (управляющий пе-

нием в церкви) Логин и уставщик Филарет. Дионисий был человек до чрезвычайности кроткий, а они отличались безмерным нахальством. Дионисий, глубоко проникнутый христианским чувством, видел бесплодность одного бессмысленного соблюдения обрядов и ввел чтение бесед евангельских и апостольских, некогда переведенных Максимом Греком и остававшихся без употребления. Дионисий приказывал их списывать и рассылал по другим монастырям и соборным церквям. Это до крайности не нравилось монахам; Логин и Филарет возбуждали против Дионисия братию и дерзко говорили ему: «Не твое это дело читать и петь: стоял бы ты, архимандрит, с твоим мотовилом на клиросе как болван немой». Дионисий переносил такие выходки. Логин и Филарет хвастались своим пением и умением читать, называли еретичеством «хитрость грамматическую и философию» и пускались в умствования самым нелепым образом. Так, опираясь на слова Св. Писания, что Бог сотворил человека по образу своему и подобию, они представляли себе Бога с членами человеческого тела. Дионисий должен был напрасно объяснять этим невеждам первичные понятия о том, что духовные предметы выражаются телесным образом. Обличая укоренившуюся привычку довольствоваться только формою и не внимать в смысл, Дионисий говорил им: «Что толку из этого, что ты поешь и читаешь сам, не разумея, что произносишь? Видишь ли, апостол Павел говорит: „Воспою языком, восхваляю же умом“. Тот же апостол говорит: „Если не знаю

силы слова, какая из того польза? Бых яко кимвал“, т.е. все равно что бубен или колокол. Человек, не знающий смысла слова, которое произносит, похож на собаку, лающую на ветер; впрочем, и умная собака не лает напрасно, а подает лаянием весть господину. Только безумный пес, слыша издали шум ветра, лает всю ночь!» Надменные враги Дионисия возражали ему на это: «Пропали места святые от вас дураков, неученых сельских попов. Людей учите, а сами ничего не знаете». Наглость их наконец дошла до того, что однажды Логин вырвал у него в церкви книгу из рук; архимандрит махнул на него своим жезлом и сказал: «Перестань, Логин! Не мешай богослужению, не смущай братию». Но Логин вырвал у него из рук жезл и изломал.

Так обращались эти нахалы со своим архимандритом, пользуясь его кротостию. Наконец, Логин и Филарет подали на Дионисия донос в Москву и обвиняли в ереси за то, что он выбросил из требника слово «и огнем». Патриарха в Москве еще не было. Главным духовным сановником был крутицкий митрополит Иона, грубый и корыстолюбивый невежда. Собрав вокруг себя таких же невежд, он стал рассуждать с ними; и нашли они, что Дионисий еретик, вооружили против него и мать царя Михаила, инокиню Марфу Ивановну, женщину набожную в старом смысле слова.

Дионисий был призван в Москву и в Вознесенском монастыре в присутствии матери царя защищался от обвинений; но все было напрасно. Его признали еретиком, потребовали

уплаты пятисот рублей пени. Но у Дионисия денег не было: он все растратил на дело спасения отечества. Его поставили на правеж в сенях, на патриаршем дворе, заковали, глумились над ним, плевали на него. Дионисий не только не падал духом, но смеялся и шутил с теми, кто ругался над ним. «Денег нет, – говорил он, – да и давать не за что. Эка беда, что расстричь хотят! Это значит не расстричь, а достричь. Грозят мне Сибирью, Соловками. Я не боюсь этого. Я тому и рад. Это мне и жизнь». Правеж продолжался несколько дней. За Дионисием посылали, приводили его пешком или привозили на кляче. В народе распространился слух, что явились такие еретики, которые хотят огонь из мира вывести. Раздражились против Дионисия особенно те, которые по роду своих занятий постоянно обращались с огнем, как например, разного рода мастера и повара. Когда Дионисия вели на правеж, они бежали за ним, ругались и кидались в него песком и грязью, а он, вместо того чтобы сердиться или унывать, смеялся над своим положением и острил над невеждами. Уважавшие его люди говорили: «Ах, какая над тобою беда, отче Дионисий!» – «Это не беда, – говорил им Дионисий, – это притча над бедою. Это милость на мне явилась: господин мой, первосвященный митрополит Иона паче всех человек творит мне добро». Раздражение против Дионисия усиливалось оттого, что в это время подступал к Москве Владислав, и в народе возникал страх, что Бог посылает свою кару за проявившуюся ересь. Не взявши ничего с Дионисия, его от-

правили в заточение в Кирилло-Белозерский монастырь, но не могли провезти его туда, потому что в это время Москву окружали неприятели. Дионисия засадили в Московский Новоспасский монастырь на покаяние.

Но не долго приходилось страдать ему. Царь заключил перемирие с поляками в Деулине. Последовал размен пленных. Отец царя, митрополит Филарет, возвратился в отечество в июне 1619 года, а находившийся в это время иерусалимский патриарх Феофан посвятил его в сан московского патриарха. Филарет знал Дионисия и через семь дней после своего посвящения принялся разбирать его дело вместе с Феофаном. Голос восточного патриарха считался авторитетом на Руси в подобных вопросах. Феофан объявил, что Дионисий совершенно прав, что прибавка «и огнем» неупотребительна на Востоке. Дионисия воротили в Троицкий монастырь с честью.

Во время заключения Дионисия в лавре оставался келарь Авраамий Палицын, вместе с воеводами, поставленными у Троицы, готовился отражать нападение Владислава на монастырь и принужден был сжечь монастырский посад. Со стен Троицкого монастыря встретили Владислава пушечные выстрелы. Королевич отступил и в трех верстах от Троицы, в селе Деулине, 1 декабря 1618 года, было заключено перемирие, после которого дело о размене пленных тянулось до половины июня 1619 года.

Дальнейшая жизнь Дионисия по возвращении его в Трои-

ицкий монастырь не прошла, однако, без новых испытаний. Троицкие монахи не отличались благонравием, были корыстолюбивы, заводили тяжбы за земли и за людей. Дионисий не терпел этого, старался искоренить пороки, но был слишком кроток, прямодушен и гнушался всякою хитростью. Архимандрит вообще, по правилам, не имел в монастыре безусловной власти: все далалось с согласия келаря и братии; Дионисий строго уважал законный порядок, не употреблял никаких кривых мер для захвата власти и оттого был бессилен. Его ласковое, учтивое обращение развивало между монахами только наглость и непослушание. Русские люди того времени исполняли приказания властей только тогда, когда они внушали страх. Дионисий, если что приказывал монаху, говорил: «Сделай это, если хочешь, брат». Монах, выслушавши такого рода приказание, не исполнял сказанного и говорил: «Архимандрит мне на волю дал: хочу делаю, хочу нет». Какой-то эконоом поссорил Дионисия и с Филаретом. Этот эконоом выпросил без ведома архимандрита у Филарета право променять свою лесную пустопорожнюю землю на монастырскую вотчину и назвал монастырскую вотчину ненаселенною, тогда как она была жилая. Филарет согласился, если вотчина действительно окажется пустою. Но архимандрит, зная, что вотчина населена и если будет отдана эконоому, то вместе с нею под власть эконоома должны будут перейти поселенные в этой вотчине люди, воспротивился и хотел обличить обман. Эконоом, испугавшись обличения, умолил

архимандрита не начинать дело. Вслед за тем экономом через своих благоприятелей, сам оставшись в стороне, оклеветал Дионисия разными способами и, между прочим, бросил на него подозрение, будто бы Дионисий стал помышлять о патриаршестве. Филарет призывал Дионисия в Москву, держал его три дня в тюрьме, а потом отпустил. Этот экономом, злобствуя на Дионисия, однажды на одном монастырском соборе, при всей братии, ударил его по щеке. Дионисий не жаловался на него, но до самого царя дошла весть об оскорблениях, наносимых Дионисию. Царь приказал сделать обыск, но Дионисий, не желая, чтобы кто-нибудь пострадал из-за него, сам покрыл виновного.

В 1633 году скончался Дионисий. Патриарх Филарет приказал привезти его тело в Москву, сам отпевал его и отправил назад в Лавру, где оно было предано земле 10 мая.

О судьбе Авраамия Палицына известно то, что он умер в 1627 году, 13 сентября, проживши в Соловках семь лет. Из дел Соловецкого монастыря видно, что существовала царская грамота о его погребении, в которой он назван «присланным». Это выражение в старину употреблялось о посланных и дает повод заключить, что келарь Авраамий попал в Соловецкий монастырь недобровольно. Самое существование грамоты о погребении указывает, что он находился под каким-то особым надзором.¹⁰⁹

¹⁰⁹ Нет основания думать, чтоб это было следствием уважения царя к его личности, так как мы не знаем, чтобы при этом дан был по душе его какой-нибудь

Должно быть, он подвергся опале, и так как отправка его в Соловецкий монастырь произошла вскоре после возведения Филарета на патриарший престол, то, вероятно, ссылка эта была делом Филарета, быть может припомнившего ему то время, когда он под Смоленском покинул посольство, поклонился Сигизмунду и, осыпанный милостями польского короля, вернулся в Москву.

Келарь Авраамий оставил потомству повествование о событиях своего времени, посвятив большую часть его описанию осады Троицкого монастыря Сапегою и Лисовским. Сочинение это носит название «Сказание о осаде Троицкого-Сергиева монастыря от поляков и литвы, и о бывших потом в России мятежах». Это сочинение составляет один из важнейших русских источников о смутном времени, хотя имеет недостатки. Оно в высшей степени загромождено многословием и в некоторых местах заключает в себе известия сомнительной достоверности: это тем естественнее, что келарь Авраамий не был очевидцем осады монастыря и писал по слухам и преданиям. Кроме того, нельзя не заметить, что сочинитель выставляет на вид важность собственного участия в делах, в особенности во время освобождения Москвы, известия этого рода невольно внушают сомнение, хотя, с другой стороны, при настоящем положении науки, нельзя

вклад или приказано было записать имя его в синодик. Напротив, царь приказал его похоронить зауряд с прочею братиею. (Грамота царя Михаила Федоровича к игумену Макарию о погребении присланного старца Авраамия Палицына на его обещании с прочею братиею.)

доказать их недостоверности.

Глава 30

Козьма Захарыч Минин- Сухорук и князь Димитрий Михайлович Пожарский

Движение, поднятое Гермогеном и Ляпуновым, не было задавлено неудачами. Города продолжали переписываться с городами и убеждали друг друга действовать взаимно для спасения веры и государства. Шиши отдельными отрядами повсеместно дрались с врагами. Духовенство старалось всеми средствами благочестия ободрять народ. В разных городах, в знак покаяния, для умилоствления Божия гнева, налагались особые строгие посты, совершались молебны о спасении отечества, ходили утешительные вести о разных видениях и откровениях с целью поддержать падающий дух народа; троицкие власти рассылали свои призывные грамоты одна за другой. Но в народном противодействии не было уже ни порядка, ни определенного плана. Все шло врознь. Начало распространяться уныние и недоверие к собственным силам. Так, когда в Нижнем Новгороде, в соборной церкви, прочитана была грамота троицких властей, народ, прослушав ее, пришел в умиление, плакал над гибелью государства, но выражал отчаяние такими словами: «Верно нам не будет избавления! Чаять нам большей гибели».

Тогда в том же Нижнем Новгороде выступил перед народом выборный нижегородский земский староста Козьма Захарыч Минин-Сухоруков, ремеслом «говядарь».¹¹⁰ На всенародной сходке у собора он говорил народу в таком смысле: «Православные люди, похотим помочь Московскому государству, не пожалеем животов наших, да не токма животов – дворы свои продадим, жен, детей заложим и будем бить челом, чтоб кто-нибудь стал у нас начальником. Дело великое! Мы совершим его, если Бог поможет. И какая хвала будет всем нам от русской земли, что от такого малого города, как наш, произойдет такое великое дело: я знаю, только мы на это подвинемся, так и многие города к нам пристанут, и мы избавимся от иноплеменников».

Нижегородцам показались любы такие речи, но не сразу решились они на великое дело. Еще несколько раз они сходились слушать Минина и наконец проговорили: «Будь ты нам старший человек; отдаем себя во всем на твою волю».

Стали нижегородцы думать: кого избрать им в предводители, кто бы в ратном деле был искусен и прежде не объявлялся в измене. По совету Минина, все остановились на стольнике князе Димитрии Михайловиче Пожарском. Этот князь происходил из стародубских князей суздальской земли, потомков Всеволода Юрьевича, и принадлежал к так называемым «захудалым» княжеским родам, т.е. не игравшим важной роли в государственных делах в предшествовавшие

¹¹⁰ Быть может, мясник или же торговец скотиною – гуртовщик.

времена. Сам Димитрий Пожарский не выдавался никакими особенными способностями, исполнял в военном деле второстепенные поручения, но зато в прежние времена не лежало на нем никакой неправды, не приставал он к Тушинскому вору, не просил милостей у польского короля. В царствование Шуйского, Пожарский удачно разбивал отдельные воровские шайки, а в 1610 году, будучи зарайским воеводою, упорно держался стороны Шуйского, не поддался убеждениям Ляпунова провозгласить царем Скопина и удерживал, на сколько мог, свой город в повиновении существующей власти. Возмутившиеся посадские люди города Зарайска хотели убить его за то, что не поддается Калужскому вору, и он выдержал от них осаду в каменном городе (кремль) Зарайска. Но Шуйского свели с престола. Законного государя не стало на Руси; тогда Пожарский объявил, что станет целовать крест тому, кто на Москве будет выбран царем, и присягнул Владиславу, которого в столице тогда избрали в цари.

Вскоре после того русским людям стало ясно, что поляки обманывают, не думают присылать Владислава, а намереваются завладеть Московским государством. Пожарский сошелся с Ляпуновым и вместе с ним двинулся на Москву. Пожарский, первый из товарищей Ляпунова, вступил со своим отрядом в стены зажженного уже Белого города, укрепился было около церкви Введения Богородицы на Лубянке, но огонь вынудил его отступить. Пожарский был при этом ранен и, упав на землю, кричал: «Ох, хоть бы мне умереть,

только бы не видеть того, что довелось увидеть!» Ратные люди подняли его, положили на повозку и вывезли из пылающей столицы по троицкой дороге.

С этой поры князь Пожарский находился в своей вотчине Линдех за 120 верст от Нижнего и едва оправился от ран, полученных в Москве, как к нему прибыли архимандрит нижегородского Печерского монастыря Феодосий и дворянин Ждан Болтин с посадскими людьми приглашать его сделаться начальником ополчения, которое затевалось в Нижнем Новгороде. Князь Пожарский отвечал: «Рад за православную веру страдать до смерти, а вы из посадских людей изберите такого человека, который бы мог со мною быть у великого дела, ведал бы казну на жалованье ратным людям. У вас есть в городе человек бывалый: Козьма Минин-Сухорук; ему такое дело за обычай».

По возвращении посланцев в Нижний, мир, услышавши, на кого указал князь Пожарский, стал выбирать Козьму к такому важному делу. Минин сначала отказывался, а потом как бы нехотя принял предлагаемую должность и сказал: «Если так, то составьте приговор и приложите к нему руки, чтоб слушаться меня и князя Димитрия Михайловича во всем, ни в чем не противиться, давать деньги на жалованье ратным людям; а если денег не станет, то я силою стану брать у вас животы, жен и детей отдавать в кабалу, чтобы ратным людям скудости не было!»

Приговор был составлен, и Минин поспешил отослать его

к Пожарскому, опасаясь, чтобы нижегородцы не одумались и не переделали своего приговора. По этому мирскому приговору земский староста Минин обложил всех пятою деньгою, т.е. отбирал пятую часть достояния на земское дело. Для этого избраны были оценщики имущества. Не допускалось ни льгот, ни отсрочек. Были такие, что давали охотно и больше. Одна вдова принесла сборщикам десять тысяч рублей и сказала: «Я осталась после мужа бездетною, у меня двенадцать тысяч: десять отдаю вам, а две себе оставляю!» Кто скупился, у тех отнимали силою. Не спускали ни попам, ни монастырям. Неимущих людей отдавали в кабалу тем, кто за них платил. Конечно, покупать имущество и брать в кабалу людей могли только богачи; таким путем вытягивались у последних спрятанные деньги. Без сомнения, такая мера должна была повлечь за собою зловредные последствия; изгнав чужеземных врагов, Русь должна была испытать внутреннее зло – порабощение, угнетение бедных, отданных во власть богатым. Меры Минина были круты и жестоки, но время было чересчур жестокое и крутое: приходилось спасать существование народа и державы на грядущие времена.

По прибытии в Нижний Пожарского, отправлены были во все стороны гонцы с грамотами; описывалось несчастное положение Московского государства, русские всех городов призывались стать заодно с нижегородцами. В этих грамотах говорилось: «Будем над польскими и литовскими людьми промышлять все за один, сколько милосердный Бог помочи

даст. О всяком земском деле учиним крепкий совет, а на государство не похотим, ни литовского короля, ни Маринки с сыном, ни того вора, что стоит под Псковом».

Нижегородские грамоты повсюду читались на народных сходках, потом постановлялись приговоры, собирали деньги на жалованье ратным людям. Затем из ближних городов приходили в Нижний и ополчения. Пришли туда дети боярские из Арзамаса, пришло рязанское ополчение; в Казани медлили, потому что там стряпчий Биркин и дьяк Шульгин, люди, прежде служившие вору, умышленно противодействовали Минину.

Нижегородское ополчение вышло из Нижнего вверх по Волге. Балахна, Юрьевец, Решма, Кинешма дали Минину свою казну и присоединились к нижегородцам со своими ополчениями.

В Костроме воевода Иван Шереметев, оставаясь верным Владиславу, хотел было сопротивляться, но костромичи выдали его Пожарскому и присоединились к нижегородцам.

В начале апреля ополчение прибыло в Ярославль. Ярославцы встретили Пожарского с образами и предложили все имущество, какое у них есть, на общее дело. В знак почета они поднесли Минину и Пожарскому подарки, но те ничего не взяли.

Здесь ополчение оставалось несколько месяцев, пополняясь новоприбывавшими силами. Минин значился выборным человеком всей русской земли, а за его безграмотностью под-

писывался князь Пожарский. Сам князь Пожарский держал в своих руках управление не только войском, но и землею, назывался «по избранию всех чинов и людей Московского государства многочисленного войска у ратных и земских дел», давал именем своим суд всей земле русской, определял награды и наказания, раздавал поместья, распоряжался постройкою городов и требовал денежных пособий. Троицкие власти, следившие за тем, что делалось у поляков, торопили князя Пожарского идти скорее к Москве на соединение с князем Трубецким. Польский гарнизон в Кремле был немногочислен и от дурных распоряжений постоянно терпел нужду. Жолнеры (солдаты) роптали, что им не дают жалованья; часть буйных сапежинцев самовольно ушла в Польшу грабить королевские имения. На место Гонсевского, в мае, прислан был туда другой предводитель, Струсь, а литовский гетман Ходкевич ходил со своим войском по московской земле собирать запасы. Силы поляков в русской земле были тогда немногочисленны и разрознены, но могли в непродолжительное время значительно увеличиться, так как носились слухи, что в Москву придет король с сильным войском. Надобно было предупредить прибытие короля и овладеть столицею. В этих-то видах троицкий архимандрит Дионисий и келарь Авраамий убеждали Пожарского идти скорее из Ярославля, и даже сердились на него за медленность. Но Пожарский не имел таких качеств, которые бы внушали к нему всеобщее повиновение. Его мало слушали: в ярославском опол-

чении была безледица, происходили даже драки. Сам князь Пожарский сознавался в своей неспособности. К нему пришли новгородцы толковать о призвании на русский престол шведского королевича. Пожарский подавал им надежду на признание королевича, если он примет православную веру, но при этом заметил: «Был бы у нас такой столп как Василий Васильевич Голицын, все бы его держались и слушались, а я к такому великому делу мимо его не принялся. Меня к тому делу насильно приневолили бояре и вся земля».

Князь Пожарский боялся идти под Москву, пока там были казаки, и хотя Трубецкой убеждал его поспешить, Пожарский все не решался и только высылал вперед к Москве отряды. Когда Заруцкий, после неудачного покушения избавиться от Пожарского посредством подосланных убийц, в половине июля 1612 года убежал из-под Москвы, Пожарский стал смелее, но все-таки не доверял Трубецкому. Выступивши из Ярославля, он шел к Москве очень медленно. Оставив свое войско в Ростове, Пожарский ездил в Спасский Суздальский монастырь молиться Богу и поклониться гробам своих предков. Готовясь к битве с поляками, Пожарский ослаблял свое войско, отправляя в одиночку свои отряды в разные стороны. 14 августа прибыл Пожарский к Троице и опять остановился там на несколько дней, а между тем из-под Москвы дворяне и казаки торопили его идти как можно скорее, потому что Ходкевич приближался к столице с усиленным войском. Наконец, 20 августа, Пожарский и Минин со сво-

им ополчением прибыли к Москве. Трубецкой выехал к ним навстречу и приглашал стать в одном таборе с казаками. Но Пожарский и Минин отвечали, что не будут стоять в одном таборе с казаками.

Земское ополчение стало вдоль Белгородской стены до Алексеевской Башни на Москве-реке. Главное ядро его было у Арбатских ворот: там стояли Пожарский и Минин. Заложивши стан, ратные люди стали окапывать его рвом. Казаки занимали восточную и южную часть Белого города и Замоскворечья, которое все нарочно было изрыто рвами, в которых должна была сидеть казацкая пехота. 22 августа русские увидели идущее с западной стороны литовское войско. То был Ходкевич со свежими силами. За ним тянулись огромные ряды нескольких сот возов с набранными запасами, которые нужно было провезти польскому гарнизону в Кремль и Китай-город. Ходкевич стал переправляться через Москву-реку у Девичьего поля. Часть литовцев успела переправиться через реку, сбив московскую конницу, которая стерегла переправу. В то же время осажденные в Кремле поляки сделали вылазку; земское московское войско очутилось среди двух огней; казаки не хотели из зависти помогать ему. Но дело поправилось и без них. Воины Ходкевича погнали московских людей до Тверских ворот. Тогда, с одной стороны, московские стрельцы отбили вылазку польского гарнизона и заставили его уйти обратно в Кремль, а с другой – из-за печей и церковей разрушенного Земляного города русские

так начали поражать выстрелами литовское войско Ходкевича, что оно повернуло назад за Москву-реку. Гетман стал у Донского монастыря. Следующий день прошел без боя. 24 августа, на рассвете, Ходкевич решился со всем своим войском пробиться через Замоскворечье и во что бы то ни стало доставить осажденным привезенные запасы. Путь был труден по причине развалин и множества прорытых рвов. Конные должны были спешиться; на возах медленно везли запасы, расчищая путь. Казаки Ходкевича успели выгнать казаков московских из рвов. Ходкевич настиг их на Пятницкой улице, и здесь-то завязался ожесточенный бой с казаками. Между тем Минин, взявши с собою передавшегося поляка Хмелевского и три сотни дворян, ударил на две литовские роты, оставленные в тылу, и смял их, потерявши племянника, убитого на его глазах. В полдень московские казаки у церкви Св. Клементя отбили литовцев, отрезали и захватили из их обоза четыреста возов с запасами. Тогда Ходкевич увидел, что цель, для которой он прибыл на этот раз в Москву, не достигнута: продовольствия гарнизону он доставить не может. Он приказал спасти остаток возов и ушел к Воробьевым горам. Поражение, нанесенное ему, было так велико, что у него оставалось только четыреста коней.

Ходкевич с трудом сообщил осажденным, что он уходит с целью набрать запасы, и обещал возвратиться через три недели. 28 августа Ходкевич ушел.

После победы над литовским войском, Пожарский с Тру-

бецким помирились и положили вести осаду сообща, съезжаясь для совещаний на Неглинной, на Трубе. Казаки все еще не ладили с земскими людьми, однако действовали заодно с ними против поляков с еще большею злобою к последним. Кремль и Китай-город были осаждены со всех сторон. Русские устроили туры и палили с них из своих пушек.

15 сентября Пожарский, минуя Струся, отправил к полковникам Стравинскому и Будзиле письмо: убеждал осажденных сдаться, обещал отпустить весь гарнизон в отечество невредимым. На это великодушное предложение польские предводители написали Пожарскому надменный ответ, восхваляли в нем мужество и доблести поляков, называли московский народ самым подлеишим на свете, выражали надежду на скорое прибытие Владислава и грозили жестокой карой Пожарскому и его товарищам. Осажденные были еще убеждены, что гетман вернется, но проходили недели – гетмана не было. Запасы их приходили к концу. 6 октября они послали двух воинов известить гетмана, что если пройдет еще неделя, то им придется умереть с голоду. Все было напрасно. В половине октября голод достиг ужасающих размеров. Осажденные переели лошадей, собак, кошек, мышей, грызли ремни, выкапывали из земли гнилые трупы и пожирали. От такого рода пищи смертность увеличилась. Живые стали бросаться на живых, резали друг друга и пожирали. 22 октября Трубецкой ударил на Китай-город; голодные поляки были не в состоянии защищать его, покинули и ушли

в Кремль. Первое, что увидели русские в Китай-городе, были чаны, наполненные человеческим мясом. Поляки, потерявши Китай-город, выгнали из Кремля русских женщин и детей. Пожарский выехал к ним навстречу. Казаки зашумели и кричали, что надо бы ограбить боярынь, но земские люди окружили боярынь, спасли от ярости казаков и благополучно провели в свой стан. Тогда в Китай-город торжественно внесли икону Казанской Божьей Матери и дали обет построить церковь, которая позже действительно была построена и до сих пор существует на Кремлевской площади против Никольских ворот. В память этого дня 22 октября установлен праздник иконы Казанской Богоматери, до сих пор соблюдаемый православною русскою церковью.

Стали в Кремле поляки советоваться, что им делать дальше. Михаила Салтыкова уже не было. Он убрался заблаговременно с Гонсевским, но оставался его товарищ Федор Андронов с некоторыми, подобными ему, служниками Сигизмунда; они сильно противились сдаче, зная, что от своей братии русских им придется еще хуже, чем от голода. Весь гарнизон зашумел и порывался отворять ворота. Тогда Струсь отправил к Пожарскому просить пощады, умоляя оставить осажденным жизнь. Зная свирепство казаков, поляки уговаривались, чтобы начальствующие лица сдались только Пожарскому. Оба русских предводителя дали обещание, что ни один пленник не погибнет от меча.

24 октября поляки отворяли кремлевские ворота, выхо-

дящие на Неглинную (ныне Троицкие); прежде всего выпустили русских людей, бояр, дворян, купцов, сидевших в осаде. Казаки тотчас закричали: «Надобно убить этих изменников, а животы поделить на войско». Но земские люди стали в боевой порядок, готовясь защищать своих братьев против казаков. Выпущенные русские стояли на мосту, ожидая, что из-за них начнется бой. Вид их возбуждал сострадание. Но до междуусобного боя не дошло. Казаки покричали, погрозили и отошли. Пожарский и Минин проводили русских в свой земский стан.

25-го октября все кремлевские ворота стояли уже настежь отворенными; русские войска входили в Кремль, предшествуемые крестным ходом, впереди которого шел архимандрит Дионисий, а из Кремля вышел к нему навстречу элассонский архиепископ, грек Арсений с Владимирскою Богородицею в руках. Поляки побросали оружие. Их погнали в русский стан. Струся заперли в Чудовом монастыре. Все имущество пленных сдали в казну, и Минин раздавал его казакам в виде награды.

Казаки не вытерпели и, в противность крестному целованию, перебили многих пленных. Но те пленники, которые достались Пожарскому и земским людям, уцелели все до одного. Их разослали по разным городам: в Нижний, Ярославль, Галич, Вологду, на Белоозеро и посадили в тюрьмы. Народ был сильно ожесточен против них. В Нижнем, куда был послан Будзило с товарищами, служивший прежде в

войске Сапеги, пленных чуть не разорвали, и едва-едва мать Пожарского своими убеждениями спасла их от смерти.¹¹¹

Вскоре, однако, услышали русские, что на Московское государство идет король Сигизмунд с сыном. Действительно, в ноябре Сигизмунд подошел под Волок Ламский и отправил двух русских, бывших в посольстве Филарета и оставшихся в плену у поляков: князя Данила Мезецкого и дьяка Грамотина. Их сопровождал польский отряд в 1000 человек. Они должны были уговаривать московское войско признать Владислава царем. Но подмосковные воеводы выслали против них войско и объявили, что не хотят вступать ни в какие толки о Владиславе. Поляки повернули назад, а князь Мезецкий успел убежать к своим под Москву.

Король пытался было взять Волок Ламский, но это не удалось ему, и он удалился со своим сыном в Польшу.

21-го декабря извещалось по всей Руси об избавлении Москвы, а вслед за тем послана была грамота во все города, чтобы отовсюду посылали в Москву лучших и разумных людей для избрания государя.

К большому сожалению, мы не знаем подробностей этого важного события. По некоторым известиям видно, что под Москвою происходило несколько съездов, на которых дело избрания царя не удалось. По всей московской земле

¹¹¹ Впоследствии новоизбранный царь приказал их содержать так милостиво, что они позволяли себе даже буяннить. Через посредство Струся царь отправлял своему пленному отцу деньги.

наложен был трехдневный строгий пост, служились молебны, чтобы Бог вразумил выборных, чтобы дело царского избрания совершилось не по человеческим козням, но по воле Божией. Когда, после таких благочестивых приготовлений, съехались снова все выборные люди, явился из Новгорода некто Богдан Дубровский с предложением выбрать шведского королевича; но выборные люди в один голос закричали: «У нас того и в уме нет, чтобы выбирать иноземца; мы, с Божьей помощью, готовы идти биться за очищение новгородского государства». Некоторые из бояр домогались получить венец и подкупали голоса. Есть известие, что были голоса в пользу Василия Голицына: иные некстати упоминали о возвращении венца Шуйскому. Были мнения в пользу Трубецкого, Воротынского и даже, как говорили после, в пользу Пожарского: впоследствии обвиняли его в том, будто он истратил до двадцати тысяч рублей, подкупая голоса в свою пользу.¹¹²

Дворяне и дети боярские начали подавать письменно извещения, что они хотят царем Михаила Романова; за ними выборные люди от городов и волостей, а также и казаки стали за Романова. В народном воспоминании свежи были страдания семейства Романовых при Борисе, заточение Федора (Филарета) и его супруги. Народ в последнее время слишком много перенес бедствий, и потому естественно его сочувствие обращалось к такому роду, который заодно с наро-

¹¹² Это известие нельзя считать несомненно справедливым.

дом много пострадал. Последний подвиг Филарета, его твердое поведение в деле посольства, его пленение, незаконно совершенное врагами, все давало ему в народном воображении значение мученика за веру и за русскую землю. Наконец, в народе сохранились более давние предания о царице Анастасии, жившей в лучшее для русского народа время, о Никите Романовиче, о котором говорили и даже пели в песнях, что он по своему благодушию заступался за жертвы Иванова сумасбродства. Все это вместе располагало русских избрать Михаила Романова.

В неделю православия собрали всех выборных на Красную площадь. Кроме них было множество народа обоего пола. Рязанский архиепископ Феодорит, новоспасский архимандрит Иосиф, келарь Авраамий и боярин Василий Морозов взошли на лобное место, чтобы спросить у выборных людей решительного приговора об избрании царя. Прежде чем они начали свою речь к народу, все многочисленное сборище в один голос закричало: «Михаил Феодорович Романов будет царь-государь Московскому государству и всей русской державе». Тотчас в Успенском соборе пропели молебен с колокольным звоном, провозгласили многолетие новонареченному царю, а потом произнесена была царю присяга, начиная от бояр до казаков и стрельцов. Во все города были посланы известительные грамоты; в Кострому отправилось от всего земского собора посольство к Михаилу Федоровичу с при-

глашением на царство.¹¹³

Посольство это, прибывши в Кострому, явилось 13 марта в Ипатьевский монастырь, где жил шестнадцатилетний Михаил с матерью. Мать и сын удалились туда после освобождения из кремлевской осады. На другой день, 14 марта, собрали толпу народа; духовенство несло чудотворную икону Федоровской Богоматери. Инокня Марфа с сыном встретила их за воротами. После молебна в соборной церкви посольство вручило им грамоту земского собора, извещавшую об избрании Михаила на царство, и просило ехать в царствующий град.

На это последовал отказ. Михаил и его мать вспоминали измену Годуновым, службу Тушинскому вору, насильное пострижение Шуйского. «Московские люди измалодушествовались, – говорили они, – а государство от польских и литовских людей и от непостоянства русских разорено до конца. Царская казна расхищена. Дворцовые села и черные волости розданы в поместья. Служилые люди бедны, – чем их жаловать? Как стоять против недругов?» – «Мне, – сказала Марфа, – нельзя благословить своего сына на царство: отец его Филарет в плену. Сведает король, что сын его на царстве: велит над отцом какое-нибудь зло сделать!»

Послы объясняли им, что прежние государи не так по-

¹¹³ Рязанский епископ Феодорит, келарь Авраамий, ново-спасский и симоновский архимандриты, бояре: Федор Иванович Шереметев и князь Владимир Иванович Бахтиаров-Ростовский, окольный Федор Васильевич Головин и многие служилые люди разных наименований.

лучали престол, как теперь получает Михаил; Борис сел на государстве по своему хотению, убив Дмитрия; расстрига принял месть по своим делам; Василия выбрали на государство немногие люди; а Михаила выбирают не по его желанию, а единомышленно, всю землю, по соизволению Божию, и если он откажется, то Бог взыщет на нем конечное разорение государства.

Тогда мать благословила сына; Михаил согласился и принял из рук Феодорита царский посох, как знак власти.

11 июля венчался на царство Михаил Федорович. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский был пожалован боярином, а Минин возведен в звание думного дворянина.

Новому думному дворянину не долго пришлось оставаться в этом сане. В 1616 году Минин скончался, оставивши после себя сына Нефедя, умершего бездетным около 1632 года.

Дмитрий Михайлович Пожарский жил долго, но не играл важной роли, как можно было бы ожидать. Он не был ни особенно близким к государю советником, ни главным военачальником. Ему не поручали особенно важных государственных дел. Служба его ограничивалась второстепенными поручениями. В переговорах с послами мы встречаем его не более трех или четырех раз и только товарищем других.

Через год после восшествия Михаила, по поводу пожалования боярином родственника матери царской, Бориса Михайловича Салтыкова, царь показал ему немилость. Пожарский не хотел сказывать (объявлять) Салтыкову боярство,

потому что считал себя по роду выше Салтыкова; на основании прежних служебных случаев царь требовал от него исполнения своей воли; Пожарский не послушался и притворился больным. Царь приказал одному думному дьяку сказывать боярство Салтыкову, а в разряде написал, будто сказывал Пожарский. Салтыков бил челом государю на Пожарского, что он его обесчестил своим отказом, и царь приказал выдать Пожарского Борису головою. Из этого видно, что царь не считал за Пожарским особых заслуг, которые бы выводили его из ряда других. В 1617 году Пожарский был отправлен воеводою в Калугу по просьбе жителей, где удачно отразил нападение поляков; в 1618 году Пожарский послан был в Боровск против Сагайдачного, но заболел на дороге, а его товарищ Волконский пропустил врагов через Оку. Только по возвращении Филарета в 1619 году Пожарский получил от царя несколько вотчин, да и то незначительных¹¹⁴, тогда как Димитрий Тимофеевич Трубецкой, долгое время служивший ворами, владел богатейшею областью Вагою, некогда принадлежавшею Борису, по грамоте, данной ему собором еще до избрания Михаила. В 1621 году Пожарский управлял разбойным приказом, затем с 1628—31 он был воеводою в Новгороде, а в 1632 участвовал во вспыхнувшей войне с Польшею, но в звании второго воеводы, товарищем князя Мамстрюка-Черкасского. В 1635 он управлял судным приказом, а в 1638 был один год воеводою в Пе-

¹¹⁴ Село, проселок, сельцо и четыре деревни.

реяславле-Рязанском. С тех пор до 1641 года мы его встречаем большею частью в Москве. В числе других бояр он был приглашаем к царскому столу, но не особенно часто: проходили месяцы, когда его имя не упоминается в числе приглашенных, хотя он находился в столице. В местнических спорах, в удовлетворение его родовой чести, царь сажал в тюрьму Волконского и Пушкина. С осени 1641 года его имя больше нигде не упоминается: вероятно, около этого времени он скончался. Он погребен в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре, где покоились и его предки. Заметим в заключение, что князь Пожарский, как гласит современное известие, страдал «черным недугом»: меланхолией. Быть может, это и было причиной того, что Пожарский при Михаиле не играл первостепенной роли, так как люди с подобным настроением духа не бывают искательны и стараются держаться в тени. Сам подвиг освобождения Москвы был предпринят им против собственного желания, по настоянию земства.

Глава 31

Филарет Никитич Романов

Родоначальником дома Романовых был выехавший из прусской земли выходец Андрей Иванович Кобыла с родным братом своим Федором Шевлягой. Он оставил после себя пять сыновей, от которых, кроме третьего бездетного, пошло многочисленное потомство, давшее начало очень многим родам, как-то: Шереметевым, Колычевым, Неплюевым, Кокоревым, Беззубцовым, Лодыгиным, Коновницыным. Пятый сын Андрея Кобылы был Федор Кошка, знаменитый в свое время боярин, оставивший четырех сыновей; из них у старшего Ивана было четыре сына, последний из них, Захарий, дал своему потомству наименование Захарьиных. Из трех сыновей Захария средний, Юрий, оставил потомство, которое носило название Захарьиных-Юрьных. Один из этих сыновей Захария Роман был отец царицы Анастасии (первой жены Грозного) и брата ее Никиты. С этого Никиты Романовича род стал называться Романовыми. Близкое свойство детей Никиты с царским домом и добрая память, которую оставил по себе Никита, поставили подозрительного Бориса во враждебное отношение к его детям. Он решился уничтожить этот род и всех сыновей Никиты разослал в тяжелое заключение. Александр, Василий и Михаил Никитичи не пережили царской опалы. Летописцы

говорят, что Александра удавили в ссылке, у берегов Белого моря. Василий и Иван были посланы в Пелым. Борис велел их содержать строго, однако не мучить. Но слуги Бориса показывали ему более усердия, чем он, по-видимому, того требовал. Василий скоро умер от дурного обращения с ним приставов. Михаила Никитича держали в земляной тюрьме в Ныробской волости в окрестности Чердыни. До сих пор показывают там в церкви его тяжелые цепи. Более всех братьев выказывался дарованиями и умом Федор Никитич. Он отличался приветливым обращением, был любознателен, научился даже по латыни. Никто лучше его не умел ездить верхом; не было в Москве красивее и щеголеватее мужчины. Современник голландец говорит, что если портной, сделавши кому-нибудь платье и примерив, хотел похвалить, то говорил своему заказчику: теперь ты совершенный Федор Никитич. Этого-то первого московского щеголя насильно постригли в Сийском монастыре под именем Филарета и приставили к нему пристава Воейкова, который должен был наблюдать за каждым его шагом, прислушиваться к каждому его слову и о всем доносить Годунову. Жену его Ксению Ивановну, происходившую из незнатного рода Шестовых, постригли под именем Марфы и сослали в Заонежье в Егорьевский погост Толвуйской волости. Малолетних детей их, Михаила с сестрою, сослали на Белоозеро с теткою их, девицею Анастасиею, сестрою Романовых. Филарет, как доносил пристав Воейков, сильно тосковал о семье и говорил: «Милые мои детки, ма-

ленькие бедные остаются, кто-то будет их кормить, поить! А жена моя бедная, на удачу жива ли? Чаю, где-нибудь туда ее замчали, что и слух не зайдет. Ох, мне лихо, что жена и дети, как помянешь их, так словно рогатиною в сердце кольнет. Хоть бы их раньше Бог прибрал. Чаю, жена сама тому рада, чтобы им Бог дал смерть, а мне бы уже не мешали. Я бы стал промышлять один своею душою!..» Между тем, при всей строгости надзора за Филаретом, поп Ермолай и некоторые крестьяне Толвуйской волости сообщали ему о жене его, а ей переносили вести о нем.¹¹⁵

В 1605 году, когда борьба Бориса с самозванцем была во всем разгаре, Филарет вдруг изменился и смело отгонял от себя палкою монахов, которые приходили следить за ним. Воейков доносил на него в таких словах: «Живет старец Филарет не по монастырскому чину, неведомо чему смеется, все говорит про птиц ловчих, да про собак, как он в мире жывал. Старцев бранит и бить хочет и говорит им: Увидите, каков я вперед буду».

Воцарение названного Димитрия избавило оставшихся в живых двух братьев Романовых от тяжелой ссылки и сделало их знатными людьми в государстве. Иван Романов возведен был в сан боярина, Филарет – в сан ростовского митрополита. Мы не знаем отношений последнего к названному Димитрию, но после его убиения Филарет, еще до избрания Гер-

¹¹⁵ За эту услугу впоследствии царь Михаил наградил их, освободив их потомство на вечные времена от всяких государственных податей и повинностей.

могена в патриархи, ездил за мощами царевича Димитрия в Углич. Потом он оставался в своей епархии, в Ростове.

Когда уже русские города один за другим начали признавать Тушинского вора, Филарет удерживал Ростов в повиновении Шуйскому. Вор приказал, во что бы то ни стало, достать Филарета и привезти в свой стан. 11 октября 1608 года переяславцы с московскими людьми, присланными Сапегою из-под Троицы, напали врасплох на Ростов. Филарет облачился в архиерейские одежды и стал в церкви с народом. Когда переяславцы ворвались в церковь, Филарет стал уговаривать их не отступать от законной присяги. Но переяславцы не послушались, сорвали с него святительские одежды, надели на него сермягу, покрыли ему голову татарской шапкой и повезли в Тушино, в насмешку посадивши с ним на воз какую-то женщину. Тушинский вор принял его с почетом и нарек патриархом. «Филарет, – говорит Авраамий Палицын, – был разумен, не склонялся ни направо, ни налево». Он отправлял богослужение, поминал Тушинского вора Димитрием. Тем не менее, однако, патриарх Гермоген, строгий к изменникам, в своих воззваниях к народу отзывался о Филарете, что он не своею волею, а по нужде находится в Тушине, что за это патриарх не порицает его, а молит за него Бога. Когда тушинский стан начал разлагаться, Филарет вместе с Михаилом Салтыковым, сыном его Иваном и князем Рубцом-Масальским, князьями Юрием Хворостининым, Федором Мещерским, дьяком Грамотиным отправился к Сигиз-

мунду бить челом о даровании русской земле в цари Владислава. Мы не знаем, где находился Филарет после уничтожения тушинского лагеря до низложения Шуйского. Но после этого события он был в Москве, и бояре, по благословению Гермогена, назначили его во главе посольства вместе с боярином князем Василием Васильевичем Голицыным и окольничим князем Данилом Мезецким. Здесь-то Филарету предстояло выдержать трудный подвиг.

Сначала поляки приняли русское посольство очень любезно, но потом стали требовать, чтобы послы от себя приказали смольнянам сдать город Смоленск королю. Споры об этом были продолжительны, Филарет с товарищами доказывал, что это противно заключенному уже договору с Жолкевским, а более всего напирал на то, что посольство не имеет права поступать так без совета с патриархом и со всею русскою землею. Никакие принуждения и угрозы поляков не заставили посольство исполнить волю короля: Филарет более всего утверждал своих товарищей быть стойкими. Поляки хитро предлагали дозволить пустить хотя небольшое количество своих воинов в Смоленск. «Если мы, – говорил Филарет своим товарищам, – пустим хотя одного королевского человека в Смоленск, то нам Смоленска не видать более. Пусть лучше король возьмет Смоленск силою против договора и крестного целования, а мы слабостью своею не отдадим Смоленска». Поляки перестали совещаться с послами и в глазах их делали приступы к Смоленску. В феврале

1611 года паны, получив от бояр грамоту, в которой послам приказывалось сдать Смоленск и присягать на имя короля вместе с сыном, показали ее послам. «Эта грамота написана без патриаршего согласия, – сказал Филарет, – хотя бы мне смерть принять, я без патриаршей грамоты о крестном целовании на королевское имя никакими мерами ничего не буду делать». Паны стали им грозить, что их отправят в Вильну, и опять прекратили совещание с послами.

Когда поляки, стоя под Смоленском, узнали, что русская земля ополчается под знаменем Ляпунова, они вообразили себе, что все это делается с ведома послов, и 26 марта канцлер Лев Сапега сказал им: «Мы знаем ваши коварства, неприличные званию послов. Вы нарушили народное право, пренебрегли указом московских бояр, от которых посланы, поджигали народ к неповиновению и мятежу, возбуждали ненависть к королю, отклоняли Шеина от сдачи Смоленска, обнадеживая его помощью от Ляпунова. Вы отправитесь в Польшу 1. Их посадили под стражу. После того, когда зашла речь о сожжении Москвы, их призвали снова и объявили о том, что случилось со столицею, Филарет сказал: „Мы сами не знаем, что мы такое и что нам теперь делать. Нас отправила вся русская земля и, во-первых, патриарх. Теперь патриарх, наш начальный человек, под стражею, а Московского государства люди пришли под Москву и бьются с королевскими людьми. Одно средство – отойдите от Смоленска и утвердите договор, с которым мы приехали; тогда мы напишем под-

московному войску, чтобы оно разошлось“.

Их опять оставили под стражею. Между тем случилось такое событие: Иван Никитич Салтыков, ревностный угодник Сигизмунда и испытанный за то строгие упреки от Филарета, получивши от Сигизмунда поручение не допускать к соединению с Ляпуновым ополчение, составившееся в Дорогобуже, раскаялся в своей измене, объявил себя явно сторонником восстания и написал смольнянам увещание не сдаваться. Это еще более озлобило поляков. 12 апреля Лев Сапега призвал Филарета и угрожающим тоном потребовал от него, чтобы он немедленно написал от себя московскому войску об отступлении от столицы, а к Шеину в Смоленск о сдаче города.

Филарет отвечал: «Я все согласен перетерпеть, а этого не сделаю, пока не утвердите всего, что вам подано в договоре». «Ну так вы завтра поедете в Польшу», – сказал Сапега. На другой день, 13 апреля, послов отправили водою в Польшу, все их имущество ограбили, а слуг перебили. Послов сопровождали польские жолнеры с заряженными ружьями, как военнопленных. Когда они плыли мимо именина Жолкевского, коронный гетман, внутренне уважавший их за твердость, послал спросить их о здоровье.

С этих пор надолго прекратилась свободная деятельность Филарета. Его взял к себе в дом Лев Сапега. По избрании Михаила земский собор хотел обойти поляков и, умолчавши об избрании нового царя, в марте 1613 года предлагал раз-

мен пленных, надеясь освободить царского родителя. Но это не удалось. По восшествии на престол Михаила, отправлен был послом в Варшаву Желябужский и повез Филарету грамоту от сына.

«Вы не хорошо сделали, – сказал Филарет Желябужскому, – меня послали от всего государства послом просить Владислава, а сына моего государем выбрали. Могли бы выбрать и другого, кроме моего сына. За это вы передо мною неправы, что сделали так без моего ведома». Посол сказал ему:

«Царственное дело ничем не останавливается, хотя бы и ты был у нас, – так и тебе нельзя было бы переменить этого. На то воля Божия. Сын твой сам не хотел этого». Тогда Филарет, обратившись к Сапеге, сказал:

«Вот, говорят, сын мой очутился государем не по моему хотению, да и как было это сделать моему сыну? Он остался после меня молод, всего шестнадцати лет!»

Поляки ни за что не соглашались сноситься с новоизбранным царем Михаилом. Московское правительство отправило еще в Польшу князя Воротынского, но и тот не мог устроить примирения.

Пропустивши удобное время, Сигизмунд в 1617 году решился отпустить сына Владислава, достигшего уже двадцатидвухлетнего возраста, добывать оружием престол, на который его избрали уже семь лет тому назад. Владислав успел взять Дорогобуж и Вязму, воеводы этих городов передались ему. В следующем 1618 году Владислав пригласил идти

на Московское государство 20 000 днепровских казаков под начальством гетмана Сагайдачного. Казаки удачно овладели многими украинными городами; королевич шел на Москву от Смоленска, и 20 сентября 1618 года оба войска, и польское, и казацкое, стояли уже под Москвою.

Положение царя Михаила было опасное. Русские начинали склоняться к Владиславу. К счастью, московское войско храбро отбило приступ к столице с большим уроном для поляков. Приближалось холодное время. Стоять под Москвою было трудно, тем более, что запорожцы не терпели продолжительных осад и могли разойтись; покушение на Троицкий монастырь также не удалось полякам. Все это побудило Владислава вступить в переговоры.

В трех верстах от Троицы, в селе Деулине, после нескольких съездов, заключили перемирие на 14 лет и 6 месяцев. По этому перемирию положено было с обеих сторон разменяться пленными. Однако дело о пленных затянулось до июня. Поляки жаловались, что русские, и особенно князь Пожарский, неволею обратили многих пленных в холопов, а многих, выпустивши из тюрьмы, отпустили в мороз чуть не нагих и босых. Бояре клялись, что этого никогда не бывало. Спор дошел было до того, что поляки, по условию привезши Филарета и прочих пленных к речке Поляновке, с целью возвратить русским, хотели отправить их назад. Чтобы избавить царского отца из плена, бояре должны были согласиться на требование поляков сыскивать и возвращать своих со-

отечественников, которые не были сданы в числе пленных.

14 июня Филарет прибыл в Москву. Царь встретил его за городом при бесчисленном множестве народа и поклонился ему в ноги, а Филарет поклонился в ноги царю, и оба лежали на земле, проливая слезы. В то время в Москве гостил патриарх иерусалимский Феофан. По царскому прошению он посвятил 24 июня Филарета в сан московского патриарха.

До сих пор царь Михаил, человек очень кроткого характера, мягкосердечный, был только по имени самодержцем. Окружавшие его бояре позволяли себе своевольства. Все управление государством зависело от них. Но Филарет, человек с твердым характером, тотчас захватил в свои руки власть и имел большое влияние не только на духовные, но и на светские дела. Без его воли ничего не делалось. Иностранные послы являлись к нему, как к государю. Сам он, как и сын, носил титул великого государя. В его личности было что-то повелительное, царственный сын боялся его и ничего не смел делать без его воли и благословения. Бояре и все думные и близкие к царю люди находились у него в повиновении; правдивый и милостивый с покорными, он был грозен для тех, кто решался идти против него, и тотчас отправлял в ссылку строптивых. Во всей патриаршей епархии, которая обнимала большую часть Московского государства, кроме Казани и Новгорода, все монастыри со всеми их имениями отданы были его управлению, исключая уголовных дел. Все важные указы царя писались, не иначе как с совета

отца его. Одним из первых дел периода власти Филарета в области светского управления было собрание земской думы, которая должна была представить полное изображение разоренного состояния государства, сообщить меры, «чем Московскому государству полниться, и устроить Московское государство так, чтобы пришли все в достоинство», а государь при содействии отца своего обещал «промышлять, чтобы во всем поправить и как лучше». Тогда, по настоянию Филарета, были посланы в те города Московского государства, которые уцелели от разорения, писцы, а в разоренные города «дозорщики», привести в известность состояние государства и возвратить разбежавшихся посадских и волостных людей на прежние места жительства, чтобы они правильно платили государству подати. В духовном управлении Филарет был строг, старался водворить благочиние как в богослужении, так и в образе жизни духовенства, преследовал кулачные бои и разные народные игры, отличавшиеся непристойностью, наказывал как безнравственность, так и вольнодумство. Образчиком случаев первого рода может служить дело об одном боярском сыне, Нехорошке Семичеве, которого патриарх за развратную жизнь приказал сослать на Белое море, в Корельский монастырь, держать скованного в хлебне, велеть ему сеять муку и выгребать золу из печи, а кормить одним хлебом, и то половиною того, что дается каждому брату. В таком положении несчастный узник должен был находиться до смерти. Как пример второго рода можно привести суд

Филарета над князем Иваном Хворостининым. Этот князь был одним из приближенных названного Димитрия и, следуя его примеру, вольнодумствовал относительно религиозных предметов: говорил, что все равно образа, что римские, что греческие, не хранил постов, читал еретические книги. Василий Шуйский сослал его в Иосифов монастырь. Михаил воротил его, но Хворостинин дошел еще до большего вольнодумства: говорил, что молиться не для чего, что воскресенье мертвых – ложь, смеялся над угодниками Божьими, бил своих слуг за то, что ходят в церковь, пил вино и ел мясо на страстной неделе, не захотел идти на Пасху к царю, замышлял уйти из отечества и уже начал с этою целью продавать свои вотчины. «Для меня, – говорил он, – нет людей в Москве, не с кем слова сказать, народ глуп, буду просить у царя отпустить меня в Рим, или в Литву, или куда-нибудь». Пока царствовал один Михаил, Хворостинину все сходило с рук. Но Филарет скоро принялся за него. У Хворостинина нашли сатирическое стихотворение, в котором он смеялся над благочестием москвичей: «Они кланяются иконам только по подписи, а образ неподписанный у них и не образ». Между прочим, он выразился: «Московские люди сеют всю землю рожью, а живут все ложью». За все это Филарет приказал сослать Хворостинина в Кириллов монастырь, держать его безвыходно в келье, давать читать только церковные книги и заставлять молиться. Это было в 1623 году. Хворостинин просидел там девять лет и был отпущен в 1632 г., когда

дал обещание и клятву соблюдать уставы греческой церкви и не читать никаких еретических книг.

Что касается до степени церковной учености Филарета, то современники говорят, что он только отчасти разумел Священное Писание. Филарет скончался в октябре 1633 года и был погребен в Успенском соборе.

Его патриаршество было важною эпохою в истории русской иерархии. Как родитель царя, Филарет естественно имел более власти, чем всякий другой имел бы, находясь в его звании, и как патриарх управлял независимо в церковных делах. Это вообще подняло и возвысило сан патриарха и для преемников Филарета.

Менее относящееся к личности Филарета заключается в биографии царя Михаила Феодоровича.